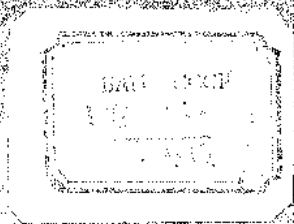

Цена 35 руб.

25585

АКАДЕМИИ НАУК СССР

Проф. Н. ЯКОВЛЕВ, доп. Д. АШХАМАФ

ГРАММАТИКА
АДЫГЕЙСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

450

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА С С Р
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР

АДЫГЕЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Проф. Н. ЯКОВЛЕВ, доц. Д. АШХАМАФ

ЕВ_1941_ОГО_492

ГРАММАТИКА

АДЫГЕЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

4857

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

ЛЕНИНГРАД

—
Ответственные редакторы: акад. И. И. МЕЩАНИНОВ
проф. С. А. БЫХОВСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная грамматика адыгейского литературного языка была начата составлением в 1935 г. и закончена в 1936 г. по поручению Научно-исследовательского института Адыгейской Автономной области.

Грамматика в ее теперешнем виде представляет собою первое относительно полное исследование строя адыгейского языка. Краткий набросок грамматики, приложенный к словарю Люлье,¹ давно устарел; заметки по адыгейскому языку Услара² носили, несмотря на весь их научный интерес, слишком фрагментарный характер. Наконец, изданная нами в 1930 г. „Краткая грамматика адыгейского языка“³ представляла собою исследование лишь самых основных законов этого языка, а ее краткий объем не позволял входить в подробности. В ней отсутствовали такие важные разделы грамматики, как синтаксис сложного предложения, лексика, семантика, а из раздела фонетики был дан лишь простой перечень фонем с самыми элементарными их определениями. В настоящей работе восполнены все эти пробелы, и многие вопросы (например, вопрос о притяжательных местоимениях органической принадлежности, о происхождении и развитии продуктивного и непродуктивного залогов, о происхождении и развитии форм субъекта, объекта и предиката, о единстве и противоречии формы и содержания в языке и т. д.) теоретически освещены заново.

Грамматика предназначена в первую очередь для преподавателей адыгейского языка средней и неполной средней школы, для адыгейцев-студентов педвузов, для работников газет и издательства, для адыгейских авторов и переводчиков и вообще для всех адыгейцев, интересующихся строем и происхождением своего языка. Кроме того, смеем надеяться, что — в виду исключительного научного интереса, какой представляет собою адыгейский язык, как один из тех, что сохраняют архаичнейшие пережитки в своей структуре, и в то же время в настоящий момент, несмотря на свою молодость, один из передовых литературных языков народов Советского Союза, получивших письменность после Великой Октябрьской Социалистической Революции, — эта работа не лишена интереса и для лингвистов-теоретиков, и для специалистов по другим языкам СССР, и, наконец, для преподавателей русского языка в адыгейской школе.

Данная работа не является школьным учебником. Для использования ее преподавателями в школе необходимо упростить ее терминологию (заменяя, например, такие термины, как „непродуктивный“ и „продуктив-

¹ Л. Люлье. Словарь русско-черкесский или адигский, с краткою грамматикою сего последнего языка, Одесса, 1846.

Кроме указанного, мне известен еще один ранний словарь адыгейского языка, мало знакомый кавказоведам. Поэтому пользуюсь здесь случаем привести его заглавие:

L. Loewe. A dictionary of the circassian language in two parts: english-circassian-turkish and circassian-english-turkish.... London, 1854 (в этом словаре грамматика отсутствует).

² П. К. Услар. Абхазский язык, Тифлис, 1887 (в приложении — «Черновые заметки...», I, (о черкесском языке), стр. 61—74).

³ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка... Краснодар, 1930.

ный" оборот и залог, субъект, объект и предикат и т. п. более простыми и практически более удобными: „непереходный“ и „переходный“ оборот и залог, подлежащее, прямое дополнение и сказуемое и т. д.), подобрать во многих случаях более подходящие для школьного преподавания примеры и т. д. Но всякий педагог, специализировавшийся в области преподавания адыгейского языка, для того, чтобы быть настоящим мастером своего дела, должен теоретически знать адыгейский язык в гораздо более широком объеме, чем это предусмотрено школьной программой. В этом и должна помочь ему наша грамматика.

Литераторы, журналисты и переводчики, пишущие на адыгейском языке, немало заинтересованы в том, чтобы сознательно владеть всем богатством форм адыгейского литературного языка для передачи тончайших оттенков мысли, в особенности при переводах на адыгейский язык классиков марксизма-ленинизма, классиков русской и мировой литературы. Назначение данной грамматики и состоит в том, чтобы помочь им в этом. Специально для переводчиков (но не для школьного преподавания) мы включили в число примеров переводы на адыгейский язык отдельных цитат из классиков марксизма-ленинизма, чтобы иллюстрировать то богатство форм адыгейского языка, которое позволяет самую сложную периодическую речь передавать и по-адыгейски сложным периодом и притом не одним, а несколькими стилистически различными, но равноценными по содержанию способами.

На основе успехов ленинско-сталинской национальной политики адыгейский литературный язык в настоящее время уже сложился в результате двадцатилетней традиции письменности. Сложился он на материале темиргойского диалекта и в последнее время воспринимает в себя элементы и других адыгейских народных диалектов: бжедухского, шапсугского и, отчасти, абадзехского. От этого он не перестает быть, однако, единым литературным языком, с установившимися традиционными формами, понятными для каждого адыгейца. В нашей грамматике мы всюду старались придерживаться этих уже укоренившихся литературных форм. Диалектные формы приводятся нами лишь в том случае, когда они представляют собою исторический или сравнительный интерес.

Пользуемся здесь случаем выразить нашу глубочайшую признательность всей адыгейской общественности за постоянную помощь и внимание к авторам. Кроме того, выражаем благодарность Институту языка и мышления Академии Наук СССР, давшему рецензию, указания которой авторы использовали при переработке. Существенную поддержку в переработке и подготовке грамматики к печати оказал нам Институт языка и письменности Академии Наук.

Словарь суффиксов и таблицы развития семантики абстрактных и формальных значений, к сожалению, не могут быть опубликованы в этом издании и будут изданы дополнительно.

Переводы простых предложений в синтаксисе даны нами в том порядке слов, в каком соответствующие слова расположены в адыгейском тексте, в дальнейшем, однако, в синтаксисе сложного предложения нами дается литературный перевод¹.

г. Москва
17 июля 1939 г.

Проф. Н. ЯКОВЛЕВ
Д. АШХАМАФ

¹ Условные знаки: [ ] см. стр. 207, «-» в начале глагольных форм — см. стр. 273, 370, «ú» см. стр. 293, || — параллельные варианты, * — восстанавливаемая древняя форма, « ` » — знак ударения; сокращения: шанс[угский], бжед[ухский], нат[хайский], абадз[ехский], тем[иргойский] диалекты; чеч[енский], ингуш[ский], груз[инский], абх[азский], карач[ае-балкарский], осет[инский], ир[окский] и дигор[ский] языки.

ВВЕДЕНИЕ

Впервые выдвинутая нами в 1930 г. идея нового построения грамматики¹ за эти годы вполне оправдала себя. Однако для того, чтобы как следует понять ее значение, необходимо сказать несколько слов о традиционном построении грамматики. В буржуазной науке о языке существовал в этом смысле полнейший разрыв между построением научной, т. е. теоретической грамматики, с одной стороны, и школьной или практической грамматикой, с другой. Научная грамматика была сравнительно-исторической, т. е. она основывалась на изучении языка письменных памятников различных эпох и на материалах сравнения этого языка с другими, так называемыми родственными ему письменными языками. Разработка такой сравнительно-исторической грамматики какого-либо языка опиралась на сравнительно-историческое исследование его фонетики. Поэтому первой и важнейшей частью научной грамматики являлась сравнительная фонетика. Второй частью научной грамматики была сравнительная морфология. Что касается синтаксиса, то он в грамматиках, построенных сравнительно-историческим методом, обычно отсутствовал, так как сравнительно-исторический метод построения грамматики, применявшийся в буржуазной науке о языке, оказался непригодным для синтаксического исследования. По мнению большинства ученых, которых условно называют „индоевропеистами“ — т. е. в первую очередь ученых, специально занимавшихся сравнительно-историческим изучением индо-европейских языков, — синтаксис отдельного языка не представляет собою его „исконного“, т. е. первоначального наследия. Синтаксические формы легко изменяются, легко заимствуются одним языком из другого и потому не могут быть возведены к „праязыку“ — этой конечной цели сравнительно-исторического исследования в понимании „индоевропеистов“. Поэтому научный синтаксис обычно выпадал из состава сравнительно-исторической грамматики. Он не мог быть построен ни на основе сравнительной фонетики, ни вообще сравнительно-историческим методом.² Для изучения синтаксиса исследователям приходилось или находить для него иную научную базу — в психологии (Шахматов, ван-Гиннекен), в логике, или исследовать его формы чисто внешним, описательным, не историческим путем (Пешковский).

Совершенно иначе строилась школьная грамматика. Эта грамматика совершенно исключала сравнительно-исторический метод. В основе ее лежали логические и формальные категории, а излагалась она чисто догматическим путем. Первой частью школьной грамматики была так называемая этимология, т. е. то, что мы теперь именуем морфологией.

¹ См. Русский язык в советской школе, № 1, 1930, стр. 26.

² Попытки А. Мейе и К. Бругмана построить сравнительный синтаксис индо-европейских языков носят единичный характер, а крайняя неполнота, рудиментарность этого синтаксиса еще более подтверждают наши выводы (ср. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индо-европейских языков, 1938, стр. 359 и сл.).

Фонетика в виде самостоятельного отдела в школьной грамматике отсутствовала. В самом начале этимологии давались лишь краткие сведения о буквах и звуках данного языка, причем понятия звука и буквы безнадежно смешивались. Второй частью школьной грамматики обычно являлся синтаксис. Школьный синтаксис был построен в общем на той же формально-логической основе, что и этимология, однако, с еще большим преобладанием логической базы.

После Октябрьской революции, когда на основе ленинско-сталинской национальной политики многочисленные народы Советского Союза впервые получили возможность свободно развивать свою письменность и язык, этот расцвет национальных литератур и языков не мог не отразиться и на развитии советской лингвистики вообще, и на построении грамматики, в частности. Перелом в науке о языке связан с именем академика Н. Я. Марра. Он создал новое направление в лингвистике, известное под именем Нового учения о языке (яфетической теории). Новое учение о языке и близкие к нему направления¹ в советской лингвистике и создали те условия в области развития научной мысли, в результате которых могла появиться идея о новом построении грамматики. Подобно тому, как Н. Я. Марр перевернул, по его выражению, пирамиду развития языков и поставил ее с вершины на основание, т. е. вместо теории развития целых групп современных языков из одного праязыка, выдвинул новую теорию о происхождении всех современных языков из значительно большего количества более дробных и более изолированных племенных языков первобытного человечества, подобно этому и в построении грамматики мы перевертываем старую схему научной грамматики с головы на ноги.

Для того чтобы строить грамматику на основе метода диалектического материализма, мы должны постараться применить в лингвистике тот единственно правильный научный метод, который впервые применил Карл Маркс, основоположник научного социализма, в политической экономии. Сущность этого метода Маркс разъясняет во Введении к книге „К критике политической экономии“ в разделе 3, так и озаглавленном — „Метод политической экономии“. Маркс устанавливает, что при политико-экономическом исследовании начинать научное изложение следует не с хаотического представления о целом, хотя это целое является реальным и конкретным, но с простых понятий, с простейших определений.² В применении к языку это значит, что не следует начинать со всего живого многообразия фактически произносимой и изображаемой на письме речи, хотя оно и представляет собою конкретную действительность языка. Как раз в эту ошибку впали представители так называемой школы младограмматиков, когда они начинали с исследования наиболее конкретной, по их мнению, индивидуальной речи отдельных говорящих (Г. Пауль, в ранних своих трудах Л. Щерба и др.). На этом пути они неизбежно скатывались на методологическую позицию субъективного идеализма.

Все предшествующее развитие науки о языке выделило те простейшие и абстрактные грамматические категории, о которых может идти речь при решении вопроса о том, с чего начинать изложение научной грамматики. Эти простейшие категории — звук, слово, сема (значащая часть слова), предложение. Следовательно, перед нами встает следующий основной вопрос при построении грамматики: как понять сущность этих

¹ Под близкими к Новому учению о языке направлениями я разумею воззрения тех советских лингвистов, которые, критически освоив Новое учение о языке, стремятся построить новую лингвистическую теорию на основе подлинно научного метода, разработанного классиками марксизма-ленинизма. К числу представителей этого направления принадлежат и авторы данного труда.

² Маркс. Введение „К критике политической экономии“, Маркс — Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 190—191, Л., 1933.

основных категорий грамматики и какую из них выбрать за отправной пункт при ее построении. Для решения этого вопроса, рассмотрим вкратце историю развития языка вообще. В науке о языке, поставленный нами вопрос может быть разрешен только исторически.

Создатель яфетической теории Н. Я. Марр, используя в данном отношении все лучшее, что разработала до него бужуазная наука о языке (В. Гумбольдт), установил следующую последовательность развития грамматического строя языка. На древнейшей стадии своего развития язык был аморфным. Это значит, что слова в языке не имели еще никаких форм. Формальные частицы, или аффиксы, внутри слов еще не выделились. Слово в эту эпоху было еще неделимым внутри себя. Грамматическая форма слова определялась только в предложении — порядком слов, интонацией, синтаксическим (так называемым „логическим“) ударением. Следовательно, в аморфную эпоху развития языка существовал лишь синтаксис, т. е. формы предложений и связь слов в предложении. На ряду с этим в языке существовала еще только лексика, т. е. словарный состав языка. Таким образом, в эту древнейшую эпоху развития языка в качестве простейших грамматических категорий выступают лишь предложение и аморфное слово-сема (т. е. слово, равное одной семе, бывшей в эту эпоху и единой фонемой).

На следующей стадии развития языка — агглютинативной — впервые развивается в языке морфология. Это значит, что впервые появляются значимые части слов — семы. Впервые появляются формальные семы — формативы, или аффиксы. В этот же период возникают и части речи, а также различные системы словоизменения — склонение, спряжение и т. д. В языках этого второго периода развития речи, однако, еще ясна связь между отдельными формативами и словами, из которых исторически развиваются эти формативы. Слово становится впервые членораздельным, т. е. выделяет внутри себя значимые части — семы (например, корень, основу, аффиксы). Однако при агглютинативном строе аффиксы присоединяются к корню слова еще чисто внешним образом, в звуковом отношении они построены еще совершенно так же, как корни. Простейшей грамматической категорией в эту эпоху становится сема. Она остается, однако, еще нечленимой внутри себя частицей — семосиллабофонемой (семой-звукослогом).

Третьей новейшей стадией развития языка признается так называемый флективный строй речи. При этом строе впервые аффиксы и корни слов исторически настолько срастаются, настолько переплетаются друг с другом, что во многих случаях фактически оказывается невозможным отделить одно от другого (так называемая флексия основ). Аффиксы по своему звуковому строю в этот период начинают резко отличаться от корней. Отдельный аффикс перестает обладать одним отдельным формальным значением. Один и тот же аффикс начинает выражать по несколько формальных значений. Деление на слоги перестает совпадать с делением на семы. Это ведет к прочному звуковому слиянию целой основы или ее части с аффиксами. В результате всего этого внутри былых неразложимых сем начинают выделяться отдельные звукофонемы. В эту же эпоху — флективного строя — впервые появляется письменность с помощью буквенного алфавита. Таким образом, простейшей языковой категорией в эту эпоху становится звук-фонема (звукофонема).

Мы можем принять эту схему временной последовательности развития грамматических типов языка в том ее понимании, которое мы выше изложили. Однако она не дает еще настоящей истории развития языка, во-первых, потому что она не объясняет причин этого развития, и, во-вторых, потому что она является неполной.

История языка представляет собою лишь отражение истории общества, которое на нем говорит. „...ни мысль, ни язык не образуют

сами по себе особого царства, ...они суть только *проявления* действительной жизни".¹ Основой развития общества является развитие его производительных сил и производственных отношений, развитие материальной деятельности и материальных отношений людей. Однако в классовом обществе язык, как и другие идеологии, получает видимость самостоятельного существования. Его формы, первоначально (в первобытной общине) еще непосредственно вырастающие из материальной деятельности людей, из реального содержания их жизни, потом становятся на первый взгляд как бы самостоятельно существующими формами, теряют связь с реальным содержанием. Старые грамматические формы зачастую оказываются в противоречии с новым их содержанием, — противоречии, которое является лишь отголоском реальных классовых противоречий. Вспомним по этому поводу глубочайшее определение отношений между формой и содержанием у Сталина (см. ниже, стр. 26—27).

Противоречие между старой грамматической формой и новым ее содержанием предполагает первоначальную их адекватность, первоначальное большее соответствие формы и древнего ее содержания, из которого она некогда выросла. Поэтому выяснить сущность развития языка и объяснить его историю это значит восстановить эту первоначальную связь, „спуститься от языка к жизни“ — по выражению Маркса и Энгельса —² и объяснить историю языка и смену стадий его развития историей общества и сменой общественно-экономических формаций.

Если подойти с этой точки зрения к теории о трех стадиях развития языка — аморфной, агглютинативной и флективной, — то мы можем в порядке пока лишь рабочей гипотезы первоначальное возникновение флективной стадии отнести к эпохе впервые возникших в недрах первобытной общины элементов эксплуатации, т. е. к эпохе разложения первобытной общины и перехода ее в классовое общество. Зарождение первоначального (первичного) агглютинативного строя мы можем отнести ко времени конца первобытного стада и перехода его к первобытной коммуне. Первоначальный аморфный строй впервые возник, таким образом, в эпоху первобытного стада. На самой заре человечества мы должны, однако, предположить существование еще более примитивного строя речи, который мы определяем как язык нечленимых звуков-предложений (криков-предложений). В эту эпоху простейшей далее неразложимой грамматической категорией в языке являлось предложение. Однако предложение в силу своей неразвитости, нерасчлененности было тогда одновременно и единым словом и единым звуком. С другой стороны, мы должны найти в истории развития языка место и тому своеобразному грамматическому типу, представителем которого как раз и является адыгейский язык. Этот тип, в науке о языке носящий название полисинтетического (многосоставного) или в своем древнейшем виде инкорпорирующего (включающего), впервые был установлен В. Гумбольдтом в языках американских индейцев. Однако у Гумбольдта полисинтетический строй языка не нашел своего определенного места в общем ходе развития грамматического строя. По нашему мнению, полисинтетический строй возникает, в качестве одной из разновидностей первоначальной агглютинации, вскоре после ее зарождения в эпоху первобытной коммуны. Таким образом, современный строй адыгейского языка в его древнейших основных грамматических особенностях складывался в первобытной общине в период ее расцвета и роста (на высшей ступени дикости — низшей ступени варварства).

Если поставить теперь вопрос, какая же из указанных нами выше основных грамматических категорий является и древнейшей и, в то же

¹ Маркс и Энгельс. Немедкая идеология, Сочинения, т. IV, Москва, 1933, стр. 435.

² Ср. *ib.*, стр. 434.

время, наиболее развитой в современных языках — по выражению Маркса, имеющей силу для всех эпох¹,¹ — то мы увидим, что такую категорию в языке, безусловно, представляет собою синтаксис, вообще, и предложение, в частности. Уже давно в науке о языке (ср. Эд. Сепир. Язык. М., 1934, стр. 79—80) был подмечен тот факт, что могут существовать языки без морфологии, но нет ни одного языка без синтаксиса. Это значит, что даже в самую древнюю эпоху развития речи — аморфную — уже существовал синтаксис, а вместе с ним и предложение. На заре развития человеческого общества в языке звуков-предложений уже существует предложение в виде еще бесформенных нерасчлененных неразвитых криков-сообщений. Но эти отдельные звуки-сообщения представляют собою лишь предложение в зачатке. Предложения вообще, предложения как простейшей категории в эту эпоху еще не существует, как не существует и всего многообразия отдельных более конкретных его форм и типов. Таким образом, с этой точки зрения можно рассматривать предложение как самую древнюю и самую общую для всех современных конкретных языков грамматическую категорию.

Если мы подойдем теперь к вопросу о соотношении между предложением и словом, то увидим, что выводы, вытекающие из исследования основных категорий политической экономии, вполне применимы и к языку. Хотя предложение существует во все эпохи его развития, но по существу оно представляет собой в них совершенно различное „предложение“. В эпоху звуков-предложений предложение, не имевшее еще никаких форм, не расчлененное еще внутри себя ни на слова, ни на отдельные звуки, было одновременно зачатком, зародышем и слова, и отдельного звука (фонемы). Наоборот, в современном развитом языке „предложение вообще“ представляет собою «нечто, — по выражению Маркса, — многократно расчлененное», то, что «выражается в различных определениях».² Современное предложение расчленено на слова, в свою очередь расчлененные на семы, и далее — на звуки-фонемы. Древнейшее звук-предложение имело всего-навсего одну единственную нерасчлененную форму, или, другими словами, не имело еще никаких форм. Современное развитое предложение обладает огромным богатством своих как „внешних“, так и „внутренних“ форм. Существуют „внешние“ типы предложений, соответствующие категориям объективной действительности и мышления: утвердительное, отрицательное, реальное, нереальное, вопросительное и т. д. предложения. Существуют различные типы так называемых придаточных предложений, т. е. предложений, превратившихся в часть предложения, которые выражают также различные категории объективной действительности и мышления: место, время, причину, цель, условие и т. д. Наконец, по своему „внутреннему“ составу предложение имеет различное количество членов-слов, число которых может изменяться внутри каждого отдельного типа предложения, и свои различные внутренние конструкции-обороты: действительный, страдательный и т. д.; имеет различнейшие и многообразнейшие, одновременно существующие в нем способы выражения своих грамматических форм: интонацию, синтаксическое (так называемое логическое) ударение, порядок слов, их морфологию, словесный состав, который, в свою очередь, в зависимости от предложения в целом, синтаксически дифференцируется на многообразные формы: предиката, субъекта, объекта, косвенных дополнений и т. д., и т. д. Количество форм в современном развитом предложении благодаря его многократной расчлененности и обилию средств определения почти бесконечно. Таким образом, хотя и есть нечто общее между первобытным звуком-предложением и предложением современных языков — а именно то, что как в том, так и в другом

¹ Ср. Маркс. Введение «К критике политической экономии», ib., т. XII, ч. 1, стр. 195.

² Ср. ib., стр. 175.

случае в предложении мы имеем простейшую частицу общения, — но на самом деле подлинное предложение получается лишь в результате длительного исторического развития, и только благодаря этому историческому развитию мы и можем получить простое понятие о предложении вообще. Слово представляется по сравнению с предложением более конкретной, более полной реальной содержания категорией. Однако эта конкретность, эта полнота содержания только кажущаяся. Слово становится конкретным, полным содержания, классово определенным и имеющим точное значение только в предложении и благодаря предложению. Даже выделять слова как отдельные слова мы можем только благодаря предложению. Предложение представляется абстрактным именно потому, что оно имеет богато и разносторонне развитое конкретное содержание. Слово представляется конкретным именно благодаря своей изолированности — относительной бедности своих форм и относительной неразвитости (и, следовательно, неопределенности) своего содержания,¹ т. е. благодаря „чистоте (абстрактной определенности)“ — по выражению Маркса — этого содержания. В отношении предложения мы можем, таким образом, сказать вслед за Марксом: „Таким образом, эта совершенно простая категория исторически выступает в своей полной силе только в наиболее развитых состояниях общества“.² Несомненно, что по богатству конкретного развития современное предложение далеко превосходит современное слово. Однако существовала эпоха в развитии языка, когда слово по богатству развития своих форм могло поспорить с предложением. Как раз в полисинтетических языках одна из разновидностей слова — сказуемое-глагол — обладала несколькими тысячами форм, как это и сейчас еще можно наблюдать в качестве пережитка в адыгейском языке. В современном адыгейском языке богатство форм сказуемого-глагола на наших глазах идет на убыль, а богатство форм предложения в связи с развитием литературного языка возрастает. Раньше развитое предложение было как бы придатком при слове-сказуемом. Теперь слово становится лишь отдельной частью — одним из членов, предложения.³

Но каким образом современный лингвист может на основании изучения теперешних живых языков восстановить и познать то развитие языка, которое последний прошел в древнейшие эпохи? Ответ на это мы также находим в общем учении о методе историко-материалистического исследования: „Буржуазное общество, — говорит Маркс, — есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры (Gliederung), дают вместе с тем возможность проникновения в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии

¹ Это относится и к звуку-фонеме. Звуки как материя речи были развиты и в древнейшие эпохи истории языка. Правда, они тогда существовали в форме звуков-предложений и были слиты воедино с ручной и кинетической речью, но уже в эту эпоху они были различными дифференцированными звуками-слогами. По своему содержанию же, как звуки-предложения, они оставались еще только зародышем настоящих предложений.

² Маркс. Введение к Критике..., ib., стр. 198, 193.

³ То же можно сказать и о звуках-фонемах. В языках более древнего строя, мы иногда наблюдаем поразительное богатство звуков-фонем (ср. многие кавказские яфетические языки, например, абхазский, адыгейский и др.). В более новых по своему строю языках, в литературных яфетических языках по сравнению с их устными диалектами, в более передовых диалектах по сравнению с диалектами более архаичными — всюду мы замечаем исторический процесс уменьшения числа звуков-фонем. Развитие фонем, некогда достигавшее своего максимума, с течением времени приостанавливается. Звуки-фонемы порывают непосредственную связь с содержанием речи и становятся в языке подчиненными формами (ср. еще стр. 17—18).

обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Но вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые стирают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные. Можно понять оброк, десятину и т. д., если известна земельная рента, однако, нельзя их идентифицировать с последней“.

„Так как, далее, буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде, как, напр., общинная собственность. Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономии заключают в себе истину для всех других общественных форм, то это надо понимать лишь *sub grano salis*.¹ Они могут содержать в себе последние в развитом, в искаженном, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде. Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе и всегда понимает ее односторонне, ибо лишь весьма редко и при вполне определенных условиях она бывает способна к самокритике; здесь, конечно, не идет речь о таких исторических периодах, которые сами себе представляются как времена распада“.² Подобно тому, как буржуазное общество продолжает влачить за собой остатки всех отживших общественных форм, хотя и в существенно измененном виде, — подобно этому и все современные языки продолжают сохранять в ходе своего развития остатки предшествующих эпох этого развития — остатки, тоже искаженные, шаржированные, словом, существенно измененные. Самокритически оценивая состояние современных языков, мы можем по этим остаткам и по материалам более примитивных языков уяснить себе состояние языка в далекие предшествующие эпохи. Так, во всех современных языках сохраняются так называемые междометия. Они дают нам возможность составить только самое отдаленное представление о первоначальном языке нечленных звуков-предложений, — языке, когда не было и не могло быть еще междометий. Современные междометия — лишь существенно измененные остатки первоначальных звуков-предложений, сохраняются в наиболее передовых языках только „в совершенно захиревшем“ виде, в виде редких курьезов, тогда как в языках более древнего строя мы иногда наблюдаем удивительное их развитие (например, в мордовском, абхазском и др.). Однако развитие языка началось не с междометий, а со звуков-предложений.³ Другой пример: слово-предложение, которое первоначально в виде звука-предложения было единственной формой речи, в настоящее время сохраняется лишь как одна из многочисленных и далеко не господствующих форм предложения — форм, однако, существенно видоизменившихся с тех пор, как появилось расчлененное слово. Третий пример: односложные слова-основы, оканчивающиеся на гласный, сохраняются в современном адыгейском языке как остаток некогда существовавшего аморфного его состояния — живое доказательство прежнего наличия тех первичных „элементов“, которые, по предположению акад. Марра, лежат в основе развития звуковой речи вообще. Однако слова этого типа, бывшие некогда в языке единственными, теперь занимают в адыгейском языке весьма подчиненное место в общем составе его словаря. Наконец, о звуках. Уже задолго до выделения настоящих звуков-фонем звуки существовали в языке как нерасчлененная материя речи. В этом смысле

¹ Дословно — с крупницей соли. Означает: с известным ограничением, не в полном смысле.

² Маркс. Введение к Критике..., ib, стр. 195—196.

³ Подробнее изложен этот вопрос в Краткой грамматике кабардино-черкесского языка Н. Яковлева (вл. I, Ворошиловск, 1938, стр. 137 и сл).

можно сказать, что первичный звук-предложение был одной неделимой фонемой. Далее, в течение долгих тысячелетий неделимой фонемой оставалось выделившееся аморфное слово. Наконец, еще позже, с возникновением агглютинации, нераздельной фонемой становится сема, и лишь в классовом обществе — звук. С этой точки зрения фонема представляет собой тоже древнейшую категорию в языке, общую для всех эпох его развития. Но между фонемой в современных развитых языках и первоначальной фонемой-предложением и фонемой-словом существует колоссальная разница. Современная фонема стала звуком, первичная фонема была целым нерасчлененным внутри себя слогом. Современная фонема потеряла на первый взгляд всякую связь с отдельным значением. Это произошло потому, что фонема перестала совпадать с семой. Однако на всех предшествующих стадиях развития языка фонема была еще тесно связана с развитием содержания речи, с развитием значений. На примере первичных односложных слов-элементов адыгейского языка мы воочию убеждаемся, как отдельным словам некогда должны были соответствовать и отдельные слоги-фонемы. Развитие звуковой материи, в частности согласных, в это время еще всецело зависело от развития слов, от развития новых значений в словах. Обогащение языка новыми понятиями вызывало обогащение его звуками. В первичном языке звуков-предложений количество различных фонем соответствовало количеству отдельных предложений. Первоначальное богатство предложений, а затем богатство слов соответствовало богатству звуков, еще непосредственно воплощалось в различии звуков. В качестве остатка этого явления в отдельных языках, сохраняющих до наших дней пережитки древнейшего состояния речи, мы наблюдаем чрезвычайно большое, по мнению многих, даже невероятно большое, количество отдельных звуков-фонем. Так, например, в адыгейском языке, по некоторым из его диалектов (бжедухский, шапсугский) это количество превышает 70. В наиболее передовых языках современности, как и в передовых адыгейских диалектах, мы наблюдаем наоборот, процесс уменьшения количества звуков-фонем. Однако на ряду с этим в отдельных случаях даже в развитых языках продолжают сохраняться отдельные курьезные звуки-предложения (ср. в русском — „гм-гм“ в значении „да“, „тпрр“ в обращении к лошадям; звуки прищелкивания языком — бушменские Schnalzlaute! — в кавказских языках в значении „нет“, а также в значении звуков изумления, сожаления и т. д.).

Итак, с какой же простейшей грамматической категории следует начинать изложение и изучение грамматики всякого языка? На основании приведенных примеров можно было бы думать, что с фонемы, со звука, ибо эта категория также является общей для всех эпох и на первый взгляд кажется простейшей и даже основной элементарной частицей речи. Однако роль фонемы в современном языке представляется довольно ограниченной. Развитие количества фонем приостановилось. Фонемы потеряли непосредственную связь с развитием значений. Наоборот, развитие предложений достигает в современных языках наибольшего, почти неограниченного богатства. Современное предложение сохраняет непосредственную связь с содержанием речи. Поэтому мы можем сказать, что в современных развитых языках грамматическая форма предложения является важнейшей и наиболее развитой формой с точки зрения содержания речи, в то время как звук-фонема играет в этом отношении подчиненную, второстепенную роль (содержание речи непосредственно в звуках не отражается). В языке предложение как господствующая грамматическая форма определяет собой и наполняет содержанием все остальные грамматические формы. Слово полностью можно понять только в предложении. Различные формы слов (морфология) и роль различных форматов (сематика) можно понять только из предложения, они определяются только связью слов в предложении, только конструкцией предложения в целом. Звуки-фонемы и различные законы их сочетания друг

с другим можно также установить только из связи слов друг с другом, т. е. тоже только из предложения (выделение границ речи, выделение границ слова, выделение границ основы и аффиксов, звуковые законы сочетания фонем внутри слов и т. д.).

Следовательно, и при изложении грамматики нельзя начинать с фонемы-звука, несмотря на то, что со звукового развития начинается в древнейшие эпохи истории языка и развитие нечленимых звуков-предложений и, позднее, развитие слов. Нельзя начинать потому, что в современных развитых языках звуки-фонемы занимают уже совершенно подчиненное положение по отношению к содержанию речи. Звуки-фонемы теперь оторвались от непосредственной связи с отдельными значениями и именно благодаря этому приобрели всеобщий абстрактный и на первый взгляд чисто физический характер. В этом и заключается основная методологическая ошибка в построении традиционной сравнительно-исторической грамматики, которая начиналась с исследования истории звуков. При таком построении грамматика неизбежно приобретает характер науки, основанной на физических законах изменения звуков, а позднее, у младограмматиков, эти законы стали трактовать как индивидуально-психологические законы звуковых изменений. При таком построении грамматики нет места историко-материалистическому объяснению развития языка, объяснению этого развития из истории общества, из развития производительных сил и производственных отношений. Причиной развития языка при таком построении грамматики становятся или физические законы изменения звуков, или индивидуально-психологические причины звуковых изменений в произношении отдельных говорящих. Так как ни то, ни другое не дает удовлетворительного объяснения развитию языка и, в частности, историческому развитию самих звуков-фонем, то даже по взглядам самих лингвистов, представителей сравнительно-исторической школы, причины изменения звуков речи, которые лежат в основе, по их мнению, изменения языка в целом, остаются необъяснимыми. Звуки и в связи с этим язык вообще изменяются, но установить причину этих изменений буржуазная лингвистика не в силах. Таков пессимистический вывод буржуазного языковедения, к которому неизбежно пришли и не могли не прийти исследователи, положившие в основу изучения языка изучение звуков.

Другим, заманчивым на первый взгляд предложением является признать простейшей и основной грамматической категорией слово. В эту ошибку впали представители так называемого „Языкового фронта“. Языкофронтовцы пытались начинать построение грамматики со слова. Однако эта попытка не имела и не могла иметь успеха потому, что, как мы видели, слово, взятое вне предложения, не имеет определенного содержания. Приходится поэтому брать слово, когда оно выступает в качестве отдельного предложения, как „слово-предложение“, т. е. приходится брать в конце концов то же предложение, но лишь в одной его разновидности, притом в современном языке отнюдь не самой развитой, не господствующей. Еще в меньшей степени можно строить изложение грамматики на понятии значимой части слова — семы — как на основной грамматической категории. Н. Я. Марр и все лингвисты, разрабатывающие Новое учение о языке, согласны в том, что сема (в том числе и форматив) исторически происходит из отдельного слова. Формальное грамматическое значение развивается из реального содержания речи, из реального содержания жизни общества. Поэтому строить грамматику на понятии семы это значит строить ее на понятии слова, с той только разницей, что сема в современных языках сохраняет еще меньше связи с содержанием речи, в еще большей степени становится чисто формальной, существующей только внутри самого языка надстроечной категорией. Поэтому грамматика, построенная на понятии семы или на морфологии (как строилась дореволюционная практическая грамматика и, отчасти, как она строится еще и теперь), неизбежно становится незна-

учной чисто формальной грамматикой, оторванной от живой истории общества и независимой от законов его развития.

Единственным методологически правильным способом изложения грамматики является тот, который на основании вышеизложенного единого, общего для всех наук метода диалектического материализма кладет в основу ее построения наиболее развитую в современных языках грамматическую категорию, в которой и благодаря которой развиваются и получают свое объяснение все остальные категории грамматики. Мы говорим здесь о предложении. Предложение не только наиболее развитая сейчас, не только господствующая в современных развитых языках грамматическая категория, но в то же время предложение представляет собою грамматическую форму, ближе всего связанную с реальным содержанием речи, с реальной жизнью общества, с живым процессом языкового общения, а следовательно, и с мышлением людей определенной эпохи.¹ В то же время предложение, как мы видели, в известном смысле является общим для всех эпох развития языка и одновременно общим грамматическим явлением для языков самого разнообразного строя.

Итак, мы должны начинать изложение грамматики с изучения предложений, с изучения синтаксиса. От предложений мы непосредственно переходим к словам как к членам предложения, от слов к значимым частям слов или семам, затем к морфологии (частям речи и парадигмам словоизменения) и, наконец, к фонетике (звукам-фонемам). Вся грамматика, таким образом, должна состоять из 5 частей: синтаксис, лексика, сематика, морфология и фонетика. Такое построение наилучшим образом обеспечивает научное построение грамматики и оправдывается историей развития языка. В то же время это построение оправдывается также и методическими соображениями.

Уже давно практическая методика преподавания языка ощупью пришла к тому выводу, что как обучение грамоте на родном языке, так и изучение неродного языка удобнее начинать не со звуков и даже не с целых слов, а с предложений. Так называемый американский метод, или метод целых слов, в обучении грамоте представляет собою не что иное, как метод предложений, потому что слова в начале букваря при этом методе даются в качестве простейших предложений, — предложений, состоящих из одного слова. Этот метод, как выяснилось из школьной практики, в известных условиях (напр., при наличии такой орфографии, как английская) лучше всего обеспечивает не только усвоение грамоты но и общее развитие ребенка. С другой стороны, так называемый натуральный метод преподавания иностранных языков, и другие аналогичные, лучше всего обеспечивают усвоение разговорного не родного языка. Данные методы в своей основе также исходят из легкости усвоения целых предложений в самом начале обучения. В практике советской школы методика обучения грамоте и начальной грамматике также строится на методе простейших предложений (аналитико-синтетический метод). Правда, на протяжении всего школьного обучения приходится строить этот метод несколькими концентриками, но от этого существо дела не меняется. То, что предложение должно быть положено в основу методики обучения как грамоте, так и иностранным языкам, лишний раз подтверждает правильность нашего построения грамматики. Только исходя из предложения, можно легче понять и усвоить структуру данного языка, понять и усвоить связь форм этого языка с реальным содержанием речи, с реальной жизнью и, наконец, вместе с тем проникнуть в самую сущность языка в его историческом развитии.

¹ О предложении как элементе познания см. Ленин. К вопросу о диалектике. Соч., т. XIII, стр. 302—303.

ЧАСТЬ I

СИНТАКСИС

Глава I

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЦЕЛОМ

Сообщение и предложение. „Язык есть важнейшее средство человеческого общения;...“¹ Если мы обратим внимание на каждое отдельное общение с помощью адыгейского языка, на каждое отдельное сообщение или высказывание на этом языке, то увидим, что оно может иметь различный объем и форму. Оно может представлять собою и целую книгу, и отдельную статью, и устный доклад, и речь оратора, и обыкновенный разговор и т. д. Эти отдельные случаи человеческого общения средствами языка мы называем отдельными сообщениями. Если мы будем внимательно вслушиваться в них не только для того, чтобы понять смысл, содержание речи, но и для того, чтобы уловить, как это содержание передается, в какую языковую форму оно вкладывается, то заметим, что как бы длинно ни было изложено отдельное общение или сообщение, оно может быть разделено на некоторые более короткие части. Эти более короткие и более простые части всегда можно произнести в качестве понятных и законченных сообщений. Такие самые короткие части любого сообщения, которые могут быть произнесены в свою очередь в виде отдельных сообщений, мы называем предложениями. Таким образом, предложение есть кратчайшее из возможных сообщений. Человеческое общение в форме языка не может быть меньше одного предложения. Следовательно, предложение — это простейшая, далее неразложимая языковая (т. е. выраженная средствами языка) форма человеческого общения. Предложение — это элементарная неделимая частица словесного общения. „Любое предложение“ — это то, „самое простое, обычное, массовидное“² в познании (а следовательно, и в мышлении и языке), с чего Ленин рекомендует начинать изложение и изучение диалектики вообще. Таким образом, предложение — это „ячейка“, „клеточка“ человеческого познания, а в языке это та простейшая „клеточка“, с которой необходимо начинать изучение грамматики.

Предложения, в особенности в живой разговорной речи, очень часто и произносятся, как отдельные высказывания, как отдельные реплики участвующих в беседе лиц:

— Алий, профсоюзым узыкхэтыр бэ шлагъа?

Али, в профсоюзе ты состоишь давно?

¹ Ленин. О праве наций на самоопределение. I. „Что такое самоопределение наций“. Соч., изд. Института Ленина, Л., 1930 г., т. XVII, стр. 428.

² Ленин. К вопросу о диалектике. Соч., т. XIII, стр. 302—303.

- Бэ дэдэ шлэрэп, мыггэ июлым щеггэжыаггэу ары.
Не особенно давно, с июля этого года.
- Нахыпэм тэ ушыаггэ?
Раньше где ты был?
- Колхозым сышыаггэ.
В колхозе был.
- Трудодень тхыпш бггэжыаггэу уиаггэр?
Трудодней сколько заработанных ты имел?
- Мыггэ хэмытэу, шьипл! икбуггэ.
Этого года не включая, до 400 дошло.

В предложениях мы можем в свою очередь различать также ближай-
шие их составные части — слова. Слово как часть предложения назы-
вается членом предложения. Слово мы можем выделить в предло-
жении благодаря тому, что почти каждое отдельное слово тоже может
быть употреблено в качестве самостоятельного предложения. Такое
предложение в одно слово называется словом-предложением.
Слов-предложение — это вообще кратчайшее и простейшее из воз-
можных предложений. Предложений короче одного слова не бывает.
В отрывистой, краткой или, как говорят, лаконической разговорной речи
часто употребляются предложения в одно слово или даже в один звук:
«ы?» — „аг“; звук прищелкивания языком, повторяемый несколько раз —
„ай... ай... ай!“ (выражение сожаления) и т. д. Эти и подобные им
звуки-предложения являются отдаленным пережитком первоначального
языка звуков-предложений (см. Введение, стр. 11—12).

Если предложение состоит из нескольких слов, то мы можем научиться
делить его на слова, сопоставляя его с возможными отдельными словами-
предложениями. Обычно это достигается путем постановки вопросов, —
приема, который служил для так называемого „разбора предложений“
в школьной грамматике. На самом деле, путем постановки вопросов мы
узнаем, какие отдельные слова-предложения сходны с теми словами,
которые употреблены в данном предложении в качестве его членов.
Возьмем, например, предложение:

Учителым	тхыльыр	отличникым	реты.
Учитель	книгу	отличнику	дает.

Зададим вопросы:

Учителым сыд ышлэрэ?
Учитель что делает?

Реты.

(Он ему) дает.

Хэт езытырэ?

Кто (ему) дает?

Учителыр (ары).

(Это —) учитель.

Хэт зэритырэр?

Кому (он) дает?

Отличникыр (ары).

(Это —) отличнику.

Сыд ритырэ?

Что (он ему) дает?

Тхыльыр (ары).

(Это —) книгу.

В этих случаях — в ответах на вопрос — слова:

учителыр — учитель
 отличникыр — отличнику
 тхылбыр — книгу
 реты — дает —

являются словами-предложениями, между тем как в первом предложении они являются членами предложения, частями предложения, а не отдельными предложениями. Особенно отчетливо это видно по изменениям окончаний слов в адыгейском языке. В предложении мы имеем: «Учителым, отличникым, тхылбыр», а в ответах на вопросы: «учителыр, отличникыр, тхылбыр». Поэтому нельзя думать, что в ответах на вопросы мы получаем то же самое, те же самые слова, что и в разбираемом предложении. Тем не менее, мы узнаем и выделяем слова как члены предложения в первом предложении только благодаря тому, что в ответах на вопросы мы узнаем те же самые слова в качестве отдельных предложений. Каждое предложение мы можем разложить на слова благодаря тому, что эти слова существуют в нашей речи в качестве отдельных предложений. Именно так, наблюдая над словами-предложениями (прием вопросов не обязателен), и следует приучать учащихся разлагать предложения на их составные части-слова.

Таким образом, между предложением и словом существует большая разница. Слово, взятое как слово, а не как предложение, в адыгейском, как и во всяком другом языке, отличается неопределенностью своего значения (полисемантизмом, т. е. многозначностью) и отсутствием определенного, развитого, в частности, классового содержания. Только в предложении слово может получить вполне отчетливое классовое и смысловое содержание. С этой точки зрения предложение в языке является простейшей, элементарнейшей формой, в которой может быть выражено развитое и классово-насыщенное содержание. Поэтому мы начинаем изложение грамматики с синтаксиса. О значении синтаксиса для грамматики говорит Н. Я. Марр: „Техника звуковой речи начинается с синтаксиса, главнейшей вообще части всякой звуковой речи“.¹ „...синтаксис это самая существенная часть звуковой речи: как учение о звуках лишь техника для морфологии, так и морфология лишь техника для синтаксиса“.²

Предложения по своему словесному составу бывают простыми, слитными и сложными. Изложение синтаксиса мы начинаем с разбора и изучения простых предложений. В конце синтаксиса мы изложим анализ (разбор) остальных видов предложений, как более развитых и сложных по своему составу.

О порядке слов в предложении. Место сказуемого. Разлагая, таким образом, предложения на отдельные слова, мы наблюдаем, что в адыгейском языке эти слова в предложении располагаются в известном порядке. Последним словом в предложении обычно ставится тот член предложения, который называется сказуемым или предикатом. Так, хотя в вышеприведенном примере, сказанном в отдельности, мы можем в адыгейском языке менять порядок слов, на первый взгляд без ущерба для смысла, однако, наиболее употребительным, наиболее общепринятым порядком слов в адыгейском языке, в особенности, если в данном предложении ни одно из слов не подчеркивается, ни на одно из них не обращается особого внимания, т. е. ни на одном из слов не ставится так называемого логического ударения, — будет тот, при котором слово

¹ Марр. Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев. Избранные работы, т. V, Л., 1935, стр. 462.

² Марр. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, там же, т. II, Л., 1936, стр. 401.

«реты» — „даёт“ будет стоять в конце предложения. Поэтому мы и говорим, что наиболее предпочтительным, наиболее, так сказать, нормальным для адыгейского языка порядком слов в предложении будет такой, при котором сказуемое стоит на последнем месте. Предикат обыкновенно отмечает собою конец адыгейского предложения. Остальные члены предложения также имеют предпочтительный порядок своей постановки. Об этом порядке см. ниже в разделе „Порядок слов в простом предложении“, где приведены схемы обычного порядка слов в адыгейском предложении. Однако в целях подчеркивания того или иного слова в предложении в адыгейском языке возможно изменение обычного порядка слов. Это явление называется инверсией (см. ниже стр. 90).

Интонация предложения. Кроме определенного порядка слов, отдельные предложения имеют в адыгейском языке также определенную интонацию, т. е. определенный порядок повышения и понижения голоса. Так, например, предложения, которые не выражают собою удивления, сопровождаются понижением голоса в конце каждого из них. Так как в конце этих предложений обычно стоит сказуемое (предикат), то это понижение голоса слышится как раз при произнесении сказуемого (точнее — его последних слогов). Если же предложение выражает оттенок удивления, то к концу предложения на предикате голос обычно повышается:¹

О непэ районым ок/о

Ты сегодня в район едешь // идешь

О непэ районым ок/уа?

Ты сегодня в район едешь ? // идешь ?

О непэ районым ок/уа ?!

Ты сегодня в район едешь ? ! // идешь ? !

О непэ районым ок/оба.

Ты ведь сегодня в район едешь // идешь

О непэ районым ун/орэба ?

Разве ты сегодня в район не едешь ? // не идешь ?

Ты ведь сегодня в район едешь ? // идешь ?

О непэ районым ун/орэба ?!

Неужели ты сегодня в район едешь ? ! // идешь ? !

О непэ районым ущы/агъэба.

Ты ведь сегодня в районе был

О непэ районым ущы/агъэба ?

Разве ты сегодня в районе не был ?

Ты ведь сегодня в районе был ?

О непэ районым ущы/агъэба ?!

Неужели ты сегодня в районе не был ?!

Из сравнения приводимых схематических выражений различных видов адыгейской интонации можно сделать вывод, что в тех случаях, когда разные оттенки значения предложений выражаются различными окончаниями сказуемого, мы можем наблюдать одинаковый тип интонации. Наоборот, когда окончания предиката одинаковы, разница оттенков значения предложений выражается лишь различными типами интонации. Вместе с тем адыгейские интонации предложений в отличие от русских

¹ Направлением линии выражается музыкальное движение голоса вверх (линия вверх), вниз (линия вниз) или ровный тон голоса (прямая линия).

различаются между собою, главным образом, изменением движения голоса на сказуемом (предикате), на котором (как на обычном последнем слове в предложении) и наблюдается понижение или повышение голоса. В русском языке, в противоположность адыгейскому, повествовательное (соответствует адыгейскому утвердительному) и вопросительное предложения отличаются друг от друга часто лишь по противоположному типу интонации, движение которой характерно не только для сказуемого, но и для других членов предложения:

Ты едешь. (т. наз. повествовательное предложение)

Ты едешь? (т. наз. вопросительное предложение)

Типы предложений. Рассматривая различные отдельные предложения в адыгейском языке, мы замечаем, что при одном и том же содержании и словесном составе они могут выражать различные оттенки значений. Например, все предложение в целом может выражать просьбу или приказание. Эту форму предложения мы называем повелительной:

Хэгъэгу пстэуми япролетариехэр, зы шъухъу!
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!¹

Шъо непэ губгъом шъуцъылажь.
Вы сегодня в поле работайте.

О непэ районым кю.
Ты сегодня в район поезжай (иди).

Форму предложения, которая выражает реально происходящий факт мы называем реально-утвердительной. В русской грамматике ей соответствует повествовательная форма предложения:

«Кадрэмэ зэкӀэ зэшӀуахы».
„Кадры решают все“².

Тэ непэ губгъом тыцъэлажьэ.
Мы сегодня в поле работаем.

О непэ районым окю.
Ты сегодня в район едешь (идешь).

Предложение в целом может выражать отрицание существования какого-либо факта. Такое предложение можно назвать реально-отрицательным (в русской грамматике эта форма предложения отдельно не выделяется и входит в число повествовательных предложений):

Тэ непэ губгъом тыцъылажьэрэп.
Мы сегодня в поле не работаем.

О непэ районым укӀорэп.
Ты сегодня в район не едешь (не идешь).

Предложения могут выражать форму вопроса в различных его оттенках: например, простой вопрос, т. е. такой, при котором спрашивающий

¹ Маркс и Энгельс. Манифест коммунистической партии. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, Л., 1934, стр. 180.

² Сталин. Речь на выпуске академиков Красной армии, Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 490.

относится безразлично как к утвердительному, так и к отрицательному ответу, вопрос, на который ожидается или который предполагает утвердительный ответ, и т. д. Различные по форме и значению вопросительные предложения можно как нельзя лучше видеть из следующего отрывка речи Сталина:

«Ада, мы ауж квинэныгъэр блэкыгъэ зэманым хэхъэжъэу щытмэ, сыд тшлэщтыр? Ауж тыквинэныгъэм шьхъащэ фэтшыны ыкIи ар иконэу, фетишэу тшына? Рабочэхэмрэ работницэхэмрэ ахэхъогъу ифэхи, техникэу зытырагъэпсыхъэгъу ифагъэхэмэ, сыд тшлэщтыр? Техническэ нормэжъхэр Юфыр зытет шъыпкъэм къемыкIужы хъугъэхэу, тирабочэхэмрэ тиработницэхэмрэ фэдитфыкIэ, фэдипшыкIэ ахэмэ ашьхъадафыным фифагъэхэмэ, сыда тшлэщтыр? Зэ зэгорэм ауж тыквинэныгъэм тыфэшъыпкъэн тыготынэу Ю пыгэ фэтшыгъагъэу ара? КъызэрэсшIошIырэмкIэ, ар тымшагъэу арыба, товарищхэр? (*ЗэкIэ мэщыхI*). Тирабочэхэмрэ тиработницэхэмрэ ауж квинэгъэ зэпытхэу егъашIэм щытынхэу, ар лъапсэу тштэгъагъэу ара? Ар лъапсэу тымшштэгъагъэу арыба? (*ЗэкIэ мэщыхI*). Ащыгъум Юфыр зытетыр сыда? Тиинженер ыкIи титехник зызаулэмэ яконсерватизмагъэ ткъутэным, традициежъхэмрэ нормэжъхэмрэ ткъутэным ыкIи рабочэ классым икIочIакIэхэмэ зядгъэушьомбгъуным еткушьунба?»

„Ну, а как быть, если эта отсталость отходит в область прошлого? Неужели мы будем преклоняться перед нашей отсталостью и делать из нее икону, фетиш? Как быть, если рабочие и работницы успели уже вырасти и подковаться технически? Как быть, если старые технические нормы перестали соответствовать действительности, а наши рабочие и работницы успели уже на деле перекрыть их впятеро, вдесятеро? Разве мы когда-либо присягали на верность нашей отсталости? Кажется, не было этого у нас, товарищи? (*Общий смех*). Разве мы исходили из того, что наши рабочие и работницы так и останутся навеки отсталыми? Как будто бы мы не исходили из этого? (*Общий смех*). В чем же тогда дело? Неужели у нас не хватит смелости сломить консерватизм некоторых наших инженеров и техников, сломить старые традиции и нормы и дать простор новым силам рабочего класса?»¹

Предложение, выражающее простой вопрос, можно назвать вопросомительным:

Тэ непэ губгъом тыщэлажъа?
Мы сегодня в поле работаем?

О непэ районым окIуа?
Ты сегодня в район едешь? (идешь?)

Особая форма вопроса выражает уверенность спрашивающего в положительном ответе или его желание получить положительный ответ. Предложение, выражающее вопрос, на который ожидается положительный ответ, можно наименовать вопросительно-подтвердительным по содержанию предложением, хотя по его форме и по русскому переводу это предложение приходится считать вопросительно-отрицательным:

Тэ непэ губгъом тыщылажъэрэба?
Разве мы сегодня в поле не работаем?
Ведь мы сегодня в поле работаем?

О непэ районым укIорэба?
Разве ты сегодня в район не едешь?
Ведь ты сегодня в район едешь?

¹ Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 501—502.

Кроме того, существует особая форма предложений, выражающая подчеркнутую уверенность в существование факта. Предложения этого типа мы называем подтвердительными:

Тэ непэ губгъом тыщэлажьэба.
Ведь мы сегодня в поле работаем.
Мы сегодня в поле работаем же.

О непэ районим оклоба.
Ведь ты сегодня в район едешь, (идешь).
Ты сегодня в район едешь же (идешь же).

Особая форма предложений выражает пожелание, т. е. нечто желательное, но не реальное. Предложения в этой форме можно назвать желательными:

Тэ непэ губгъом тыщылэжьагъот!
Ах, если бы мы сегодня в поле работали!

О непэ районим уклуагъот!
Ах, если бы ты сегодня в район поехал! (пошел!).

«Аяй, ежь ынэ шъыпкъэк!э мыр ыльэгъунэу, джы
Маркс къызготыгъот!»

„О, если бы Маркс был теперь рядом со мной,
чтобы видеть это собственными глазами!“¹

Кроме того, многие из приведенных форм предложения могут произноситься, как видно из примеров в разделе интонации, с оттенками удивления или недовольства, выражаемыми повышением голоса в конце предложения:

Тэ непэ тэлажьа?!
Разве это мы сегодня работаем?! (с оттенком
недовольства собою).

Тот же оттенок может быть выражен и специальным окончанием:
Тэ непэ тэлажьэшъ ара?!
Разве это мы сегодня работаем?! (с оттенком
недовольства собою).

Все перечисленные оттенки значений, которые могут быть выражены при одном и том же словесном составе предложения, называются типами предложения в целом. Типы предложения представляют собою грамматическое выражение основных категорий мышления, именно: они выражают отношение содержания предложения к действительности, к реальности. Исторически развившись в разных языках в различные эпохи, типы предложения в целом или формы грамматической модальности предложений по отдельным языкам обычно не совпадают в числе и различаются по содержанию. Но эти грамматические типы целых предложений очень важны для изучения, так как они раскрывают перед нами пути развития человеческого мышления.

Разумеется, мы привели здесь только главнейшие формы адыгейских предложений, так как количество этих форм в живом языке может быть очень велико. Из приведенных примеров мы видим, что в адыгейском языке чаще, чем в русском, типы предложения выражаются особыми окончаниями сказуемого. В русском языке для этой же цели чаще упо-

¹ Энгельс. Из предисловия к Манифесту коммунистической партии. Карл Маркс. Избр. произв., т. I, стр. 151.

требуется интонация или добавление специальных служебных слов (например, частиц: „не“, „ли“, „ведь“, „разве“ и т. д.).

В зависимости от оттенков значения и типов предложения адыгейское сказуемое принимает в конце те или иные аффиксы, те или иные окончания. Таким образом, от типа предложения зависит форма сказуемого (глагола). Вопросительный тип предложения связан с появлением в конце сказуемого частицы «-а», вопросительно-подтвердительный — частицы «-рэ-ба», реально-отрицательный тип предложения выражается частицей «-рэ-п», подтвердительный — частицей «-ба», наконец, желательный — частицей «-гъот». Реально-утвердительный тип предложения, так же как и повелительный, характеризуются отсутствием каких-либо специальных окончаний сказуемого. Они отличаются друг от друга различным характером частиц, присоединяемых к началу сказуемого (т. е. префиксов). Оттенок удивления, как мы видели, выражается в предложениях не частицами, а повышением голоса в конце их.

Ниже мы приводим таблицу классификации типов предложения по употребляемым в них формам сказуемого с изменением его по трем основным временам. Заметим, что специальные формы сказуемого (глагола), соответствующие вышеперечисленным типам целых предложений, называются наклонениями и рассматриваются нами в особом разделе морфологии (см. стр. 343).

Типы предложения			
Времена:	Настоящее	Будущее	Прошедшее совершенное
Типы:			
Повелительный	тхэ — пиши (вообще) тхы — пиши (нечто)		—
Реально-утвердительный	матхэ етхы	тхэщт ытхыщт	тхагъэ ытхыгъэ
Реально-отрицательный	тхэрэп ытхырэп	тхэщтэп ытхыщтэп	тхагъэп ытхыгъэп
Вопросительный	матха? етха?	тхэщта? ытхыщта?	тхагъа? ытхыгъа?
Подтвердительный	матхэба етхыба	тхэщтба ытхыщтба	тхагъэба ытхыгъэба
Вопросительно-подтвердительный	тхэрэба? ытхырэба?	тхэщтба? ытхыщтба?	тхагъэба? ытхыгъэба?
Желательный		тхагъот! ытхыгъот!	

Необходимо сказать два слова о происхождении форм предложения. Интонация (движение голоса) и порядок слов являются древнейшими способами выражения связи слов в предложении. Они развиваются в адыгейском, как и во всяком другом языке, еще в ту эпоху, когда слово не имеет никаких частиц для выражения своих форм (т. е. ни префиксов, ни суффиксов), в ту эпоху, когда слова остаются совершенно бесформенными — аморфными. Порядок слов и интонация в то время служили единственными способами для выражения любых грамматических связей

между предложениями и между словами. Префиксы (приставки) и суффиксы (окончания) как сказуемого, так и других членов предложения (вместе с морфологией вообще) появляются в языке значительно позднее.

Глава 2

СВЯЗЬ СЛОВ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Главные члены предложения. Слова в предложении называются его членами. В русском, как и в других европейских языках, принято делить члены предложения на главные и второстепенные. К главным членам в этих языках относятся подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат). К второстепенным членам предложения причисляются прямое и косвенные дополнения, обстоятельственные слова и определения. До недавнего времени в русской элементарной грамматике эти второстепенные члены предложения были объединены под общим названием „пояснительных слов“.

В адыгейском языке, в силу его особенностей, мы должны установить несколько иное количество главных членов предложения. Для адыгейского языка самым основным из них безусловно является сказуемое или предикат. В адыгейском предикате выражены почти все связи слов в предложении. Соотношение между подлежащим (субъектом) и прямым дополнением (объектом), а также между ними и остальными косвенными дополнениями и, кроме того, в большинстве случаев отношения, выражаемые русскими предлогами, — все это передается в адыгейском языке специальными частицами (префиксами и суффиксами), входящими в состав сказуемого или предиката. Поэтому адыгейское сказуемое представляет собою, как бы целое „предложение в предложении“ и по-русски действительно часто переводится целым предложением. Исторически адыгейское сказуемое-глагол представляет собою слившееся в единое слово целое предложение. Это слияние произошло из однословных аморфных слов-корней, которые во многих случаях еще и теперь можно наблюдать в отдельности в адыгейском языке. Таким образом, адыгейское сказуемое по своему составу характеризует определенную стадию развития языка. Сходный строй языка мы находим, кроме адыгейского, также в кабардинском, абхазском и абазинском языках на Кавказе и во многих языках американских индейцев. Языки этого строя называются в науке полисинтетическими (многосоставными), инкорпорирующими (включающими) или предикатными. Правда, в западнокавказских языках мы имеем позднюю стадию полисинтетизма, на которой инкорпорация сохраняется лишь в виде редких остатков. Кроме этой особенности, адыгейское сказуемое отличается еще тем, что оно как сказуемое всегда имеет специальное грамматическое оформление, т. е. всегда имеет форму сказуемости или предикатную форму, — форму, которая резко отличает его от всех остальных членов предложения — от всех не-сказуемых. Адыгейское сказуемое не может стоять в предложении в форме настоящего имени, как в русском языке. Всякое адыгейское слово, становясь сказуемым, в сущности должно стать и становиться глаголом. Без сказуемого не только по значению, но в большинстве случаев и по форме не может существовать адыгейского предложения. Поэтому для адыгейского языка мы должны признать сказуемое не только главным, но и основным членом предложения. Со сказуемого следует начинать синтаксический разбор любого адыгейского предложения.¹

¹ То, что сказано здесь о сказуемом как об основном члене всякого предложения, можно в полной мере отнести и к другим языкам, например, к русскому, хотя в русском языке следует отличать сказуемое интонационное от морфологически выраженного сказуемого.

Подлежащее или субъект в адыгейском языке гораздо меньше отличается от дополнения, чем то и другое — от сказуемого. Поэтому подлежащее и остальные члены предложения (дополнения, определения и обстоятельства), в противоположность сказуемому, мы можем объединить под одним общим наименованием — дополнительные члены предложения, или дополнительные слова (все не-сказуемые). Подлежащее в адыгейском предложении играет большую роль. Всякое адыгейское сказуемое, так или иначе, в своей форме (в префиксах и отчасти суффиксах) согласуется с подлежащим. Подлежащее всегда выражено той или иной частицей в составе сказуемого. Собственно, настоящих бессубъектных („безличных“) предложений (т. е. предложений без так или иначе выраженного подлежащего) в адыгейском языке не существует. Поэтому мы считаем подлежащее вторым (после сказуемого) главным членом адыгейского предложения. При синтаксическом разборе подлежащее следует находить сейчас же после сказуемого.

Кроме сказуемого и подлежащего, мы должны признать в адыгейском языке третий главный член предложения — прямое дополнение, или объект. Прямое дополнение играет чрезвычайно существенную роль во всей адыгейской грамматике. Оно, правда, имеется налицо не во всяком предложении. Прямое дополнение может стоять только в так называемом продуктивном, т. е. переходном обороте (см. ниже стр. 33—34). Наличие или отсутствие прямого дополнения в предложении имеет решающее значение для построения как всего предложения (различные окончания подлежащего), так и сказуемого в нем (различное выражение лиц и т. д.). Эта определяющая роль прямого дополнения пронизывает всю адыгейскую грамматику. Поэтому мы должны признать прямое дополнение (объект) третьим главным членом адыгейского предложения. В отличие от двух остальных, прямое дополнение имеется в наличии только в части адыгейских предложений (продуктивный оборот). Поэтому его можно назвать непостоянным главным членом адыгейского предложения. Однако в тех случаях, когда оно может присутствовать в предложении, сказуемое обязательно согласуется с ним (в префиксах и отчасти суффиксах). При синтаксическом разборе прямое дополнение следует находить сейчас же после подлежащего.

Итак, в адыгейском предложении мы имеем один основной главный член предложения — сказуемое, один дополнительный постоянный главный член — подлежащее и один дополнительный непостоянный главный член предложения — прямое дополнение.

Если подойти к определению главных членов предложения с точки зрения не только их формы, но и их содержания, то эта задача может быть выполнена только, если мы рассмотрим эти грамматические понятия исторически — на основе реального процесса развития производительных сил и производственных отношений и в связи с развитием основных категорий мышления.

Развитие форм субъекта, объекта и предиката. Следует отличать грамматический субъект, т. е. форму подлежащего, грамматический объект т. е. форму прямого дополнения, и грамматический предикат, т. е. форму сказуемого, как от логического субъекта, объекта и предиката, т. е. от этих форм в мышлении, так и от реальных субъекта, объекта и предиката, т. е. от этих понятий в действительной жизни. Нет никакого сомнения, что грамматические формы, так же как и формы мышления, представляют собою формы, отражающие действительную жизнь общества и порожденные развитием производительных сил и производственных отношений. На основании исследования многих яфетических и других языков мы можем прийти к выводу, что в первобытной общине на известной ступени ее развития (первобытная коммуна), благодаря непосредственной связи языка и мышления с материальной деятель-

ностью людей¹ и их производственными отношениями, логические и грамматические формы вообще в неизмеримо большей степени, чем в классовом обществе, совпадали с реальным их содержанием. Для этой эпохи развития языка и мышления (примерно второй половины эпохи дикости, по Энгельсу) мы можем предположить следующую связь между этими формами и материальной производственной деятельностью и производственными отношениями людей того времени.² Для наглядности мы приводим здесь следующую схематическую таблицу первоначального соответствия основных реальных, логических и грамматических категорий.

	Субъект	Объект	Предикат
Реальный:	Непосредственный производитель	Продукт или предмет труда	Процесс производства
Логический:	Субъект в мышлении	Объект в мышлении	Всякое общее по отношению к отдельному в мышлении; в частности, действие или состояние
Грамматический:	Подлежащее	Прямое дополнение	Сказуемое

Разум человека развивался лишь по мере того, как человек научался изменять природу. Поэтому и указанные категории мышления, и тем самым грамматические категории — субъекта, объекта и предиката, при их возникновении еще соответствовали вышеуказанным реальным категориям — производителя, продукта труда и процесса производства. Таким образом, грамматический субъект (подлежащее), как и логический субъект, т. е. общество, вначале являлись непосредственным выражением существовавшего в действительной жизни субъекта производства, ибо действующим субъектом мысли и языка в первобытной общине мог быть только сам человек, разумеется, человек, общественно еще всегда создававший

¹ „Естественные философы и философы до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление; они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и первой основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу“ (Энгельс. Диалектика природы. Маркс—Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 406).

² Для предшествующей эпохи, судя по материалам акад. Мещанинова, использовавшего факты одного из языков Северной Америки (язык немепу из группы сахаптин в Северной Колумбии), и принимая во внимание остатки общего оборота и залога в адыгейском, кабардинском и других языках, мы должны предположить еще более древнее совпадение и по мысли, и по грамматической форме неразвоенных субъекта и объекта примерно на средней ступени дикости (см. Н. Яковлев. Краткая грамматика кабардинского языка, вып. 1, Ворошиловск, 1938, стр. 24—26; в данной грамматике см. ниже стр. 38). В качестве такого объекта, сливающегося воедино с субъектом, здесь еще выступает отржение продукта (объекта) труда в его непосредственном виде (ср. кабардинские и адыгейские примеры). Вот что пишет акад. Мещанинов о спряжении в языке немепу: „Собственность объединяется с самим владельцем, поэтому глагол оформляется объективными частицами (т. е. субъектными аффиксами. — Н. Я.), согласованными в лице не с объектом, а с собственником объекта...“ (см. Мещанинов. Новое учение о языке, Ленинград, 1936, стр. 81) и еще: „При отождествлении в языке немепу владельца с владемым предметом, что формально приводит к согласованию глагола с собственником объекта..., все построения, в которых субъект действует на принадлежащий ему объект, окажутся непереходными“ (ib., стр. 84). Таким образом, смысловой объект собственности в языке немепу осознается как неотделимая часть соответствующего смыслового субъекта собственности. Это же соотношение в других языках и в иную эпоху приводит к возникновению особой категории притяжательных местоименных аффиксов — к притяжательным органической принадлежности, которые тоже выражают нераздельное единство субъекта и объекта как общей, так и личной собственности (см. ниже в данной грамматике о притяжательных органической и имущественной принадлежности, стр. 292).

все для себя своим собственным трудом, — творчески активный человек. В живой адыгейской речи, в народных говорах, мы и сейчас еще находим следы исключительного употребления только названий человека в качестве подлежащего для целого ряда сказуемых-глаголов (например в формах повелительных предложений), выражающих обычно различные древнейшие процессы „домашнего“ производства.

Так, по-адыгейски в живых народных говорах можно сказать: «жъо» только в смысле „вари“, но не в смысле „варись“, хотя можно сказать: «ежъо» — „варит“ и «мажъо» — „варится“; «гъэгъу» — только в значении „суши, вяль (фрукты, мясо)“, но не «гъу» — „сушись, вялься“, хотя можно сказать: «мэгъу» — „вялится, сушится“; «гъэхъу» — „паси (скот)“, но не «хъу» — „пасись, плодись, расти (о скоте); расти, спей, зрей (о растениях, плодах)“, хотя можно сказать: «мэхъу» — „пасется, растет, плодится; вырастает, спеет, зреет“ и т. д.

Следовательно, при неоформленном повелительном наклонении как одной из древних глагольных форм, представляющих пережиток аморфного слова, в качестве субъекта в живых адыгейских диалектах и сейчас еще могут стоять только названия членов общества, но не предметов и животных.

Точно так же грамматический объект (прямое дополнение) и логический объект (объект в мышлении), т. е. природа и все созданное трудом человека, вначале являлись непосредственным отражением существовавшего в действительной жизни общественного продукта или предмета труда (т. е. природы). Следы этого явления имеются и в адыгейском языке, где ряд сказуемых-глаголов в их первичной форме не допускает постановки при себе в качестве прямого дополнения названий членов общества. Прямыми дополнениями при них могут быть только названия явлений природы и продуктов материального производства (например, при всех первичных односложных глагольных корнях, выражающих древнейшие производственные процессы). Поэтому нельзя говорить эти глаголы с объектами в 1 и 2 лице, так как эти лица первоначально служили для выражения лишь человеческих отношений, но не отношений предметов и животных. Например:

можно сказать:

сэжъо — я варю (печто)
сэпхы — я чешу (ее, о шерсти)

но нельзя сказать:

усэжъо — я тебя варю
усэпхы — я тебя (о шерсти,
о животном) чешу и т. д.

Наконец, грамматическое сказуемое (грамматический предикат) и логический предикат (предикат в мышлении), который первоначально обозначал общее по отношению к отдельному в одной из его теперешних разновидностей — действию (вначале, конечно, производственном), в мышлении, и языке являлись отражением реального процесса производства, как он существовал в действительной жизни общества. Следовательно, первоначально в первобытной общине на известной ступени ее развития, благодаря непосредственной связи языка и мышления с материальной деятельностью людей, логические и грамматические формы в большей степени, чем в классовом обществе, совпадали с реальным их содержанием и вырастали из него. В дальнейшем, однако, в классовом обществе, формы языка и мышления вступают в непримиримое противоречие как друг с другом, так и с реальным их содержанием. Для того, чтобы понять, как это происходит, мы должны обратиться к общему вопросу о единстве формы и содержания. Этот вопрос сформулирован с классической ясностью в ранних работах тов. Сталина: „Сознание и бытие, идея и материя — это две различные формы одного и того же явления, которое называется, говоря вообще, природой. Стало быть — они и не отрицают друг друга и в то же время не представляют

собой одного и того же явления... Это вовсе не противоречит той мысли, что между формой и содержанием существует конфликт. Дело в том, что конфликт существует не между содержанием и формой вообще, а между старой формой и новым содержанием, которое ищет новой формы и стремится к ней.¹ „Развитие содержания предшествует возникновению и развитию формы. Конечно, это вовсе не значит, что будто, по мнению Маркса, возможно содержание без формы... Содержание без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, в виду ее отставания от содержания, никогда *полностью* не соответствует этому содержанию и, таким образом, часто новое содержание «вынуждено» временно облечься в старую форму, что вызывает конфликт между ними.“²

Эти положения, которые с гениальной ясностью и простотой вскрывают историю развития всякой формы и содержания, полностью подтверждаются и языковыми материалами. В классовом обществе, благодаря развитию антагонистических противоречий, грамматические формы и формы мышления во многих случаях оказываются в противоречии как друг с другом, так и с реальным их содержанием. Особенно яркие примеры противоречия между формой и содержанием в предложении мы находим в существовавшем до Октябрьской социалистической революции повседневном языке буржуазии:

Фабрикантым мебель кьешы.

Фабрикант делает мебель.

В этом предложении грамматический и логический субъект (фабрикантым), стоящий в косвенной форме, противоречит реальному субъекту производства (рабочэм).

Рабочэм мебель кьешы.

Рабочий делает мебель.

В этом предложении, существовавшем и ранее на ряду с буржуазным способом выражения и ставшем сейчас в стране социализма единственной формой выражения мысли и действительности, — формы языка и мышления (грамматический и логический субъект) полностью совпадают с тем, что существует в действительности, т. е. с реальным субъектом производства.

Кроме того, в русском языке существуют формы выражения, невозможные в адыгейском языке (так как в нем отсутствует развитый страдательный оборот):

Мебель изготавливается фабрикантом.

Здесь грамматический (мебель), логический (фабрикантом) и реальный (рабочий) субъекты все находятся в противоречии друг с другом.

Мебель изготавливается рабочим.

Здесь грамматический субъект (мебель) расходится с логическим и реальным субъектом (рабочим), которые совпадают.

Первая форма выражения (см. первый и третий примеры) исчезла в языках социалистического общества, в языках народов СССР именно потому, что старая форма мышления и языка оказалась уничтоженной новым социалистическим строем жизни. Наоборот, в языках капиталистического общества свойственная ему буржуазная форма выражения (см. те же примеры) поддерживается всем строем капиталистического

¹ Из статьи „Анархизм или социализм“ в газете „Ахали Дроеба“, № 7, от 25 декабря 1906 г., цит. по Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. 5 изд. М., 1939, стр. 122—123.

² ib., стр. 125.

общества, порождающим и соответственный строй речи и образ мышления буржуазии.

Сказуемое и дополнительные слова. Разлагая адыгейское предложение на его члены-слова и выделяя в составе этого предложения те соотношения и связи, которые существуют между отдельными его членами, мы прежде всего приходим к выводу, что адыгейское предложение состоит собственно всегда из двух основных частей: сказуемого и дополнительных слов. Такой состав предложения на первый взгляд отличается от того, что мы привыкли находить в европейских грамматиках, в том числе и в русской. Однако это отличие проистекает из того, что адыгейский язык не обнаруживает в синтаксисе такой резкой формальной разницы между подлежащим и остальными дополнениями, как европейские языки. Адыгейский язык не имеет, например, одной постоянной формы для выражения подлежащего. Подлежащее совпадает в нем по форме то с прямым, то с косвенным дополнениями. В меньшей степени это же относится и к адыгейскому прямому дополнению, которое совпадает по форме то с подлежащим, то, в части случаев, с косвенным дополнением.

Колхозником докладыр етхы.

Колхозник пишет доклад.

Колхозникыр матхэ.

Колхозник пишет (вообще).

Колхозникыр докладым еджэ.

Колхозник читает доклад.

Из этих примеров мы видим, что подлежащее в первом предложении: «колхозником» — „колхозник“ — по форме отличается от подлежащего в остальных двух предложениях: «колхозникыр» — „колхозник“. Прямое дополнение в первом предложении: «докладыр» — „доклад“ — по форме опять-таки отличается от прямого дополнения в третьем предложении: «докладым» — „доклад“. Во втором предложении в адыгейском языке не может быть прямого дополнения.

Поэтому, прежде чем разобратся в причинах этого явления, мы предварительно объединяем и смысловое подлежащее, и смысловое прямое дополнение, и все косвенные дополнения, и остальные члены предложения, кроме сказуемого, под одним общим термином — дополнительные слова.

Дополнительные слова в адыгейском языке находятся в теснейшей связи со сказуемым. Это очень легко проверить на любом адыгейском предложении. Если, например, в предложении:

Бригадирым ударникыр ешлэ.

Бригадир ударника знает. —

мы попробуем изменять каждое из дополнительных слов в числе или в падежной форме, то мы сразу заметим, что соответственно изменится и связь каждого дополнения со сказуемым, а вместе с тем и смысл всего предложения. Попробуем, например, окончание первого дополнительного слова «бригадирым» поставить на место окончания второго дополнительного слова и, наоборот, окончание второго дополнительного слова «ударникыр» — на место окончания первого дополнительного слова. Тогда получится:

Бригадирыр ударникым ешлэ

Бригадира ударник знает.

Мы видим, что при такой перестановке та связь, которая была у сказуемого «ешлэ» — „знает“ с первым дополнительным словом: «бригадирым» — „бригадир“ — заменяется такой же связью сказуемого со вторым

дополнительным словом: «ударником» — „ударник“, — и все предложение получает обратный смысл в отношении распределения подлежащего и прямого дополнения. Такие же изменения будут происходить всякий раз и в составе самого сказуемого, если мы будем изменять лицо каждого дополнительного слова, подставляя вместо него одно из личных местоимений первых двух лиц:

Сэ ударникыр сэшлэ.
Я ударника знаю.

О ударникыр ошлэ.
Ты ударника знаешь.

Ударником сэ сешлэ.
Ударник знает меня.

Ударником о уешлэ.
Ударник знает тебя.

О сэ сыошлэ.
Ты меня знаешь.

Сэ о усэшлэ.
Я тебя знаю.

Мы замечаем, что в результате этих перемен в дополнительных словах сказуемое тоже не остается без изменения: в нем меняются частицы, стоящие впереди его основы (префиксы). Отсюда мы делаем вывод, что каждое из дополнений в адыгейском предложении тесно связано со сказуемым. Эта связь выражается формальными частицами, стоящими как при сказуемом, так и при дополнительных словах. Мы называем частицы, которые выражают такую взаимную связь слов-членов предложения, соотносительными формальными частицами. Соотносительные формальные частицы при дополнительных словах стоят в конце их, после основы, т. е. представляют собою суффиксы, а взаимосвязанные с ними формальные частицы при сказуемом стоят в начале этого слова, перед его основой, т. е. являются префиксами. Соотносительные суффиксы дополнительных слов и выражающие лица префиксы сказуемого согласованы друг с другом в отношении формы лиц, падежей и, отчасти, чисел. Лица и числа дополнительных слов выражены обычно префиксами сказуемого. Падежные отношения дополнительных слов (т. е. отношения форм подлежащего, прямого дополнения и остальных дополнений) выражены как взаимным порядком расположения префиксов сказуемого, так и суффиксами дополнительных слов. Эти взаимные связи и средства их выражения станут для нас еще яснее, когда мы рассмотрим их подробнее в отделе морфологии (стр. 352, 385).

Формы дополнительных слов. Если при адыгейском сказуемом находятся два и более дополнений, они обычно различаются по своей форме. Эта разница отчасти выражается различием находящихся при них суффиксов, отчасти же — различием связанных с ними префиксов сказуемого и отражает собою смысловое различие между обоими дополнительными словами. Так, в уже приводившихся нами ранее примерах мы видим, что одно из дополнительных слов оканчивается на суффикс «-р», а другое — на суффикс «-м». Эти два окончания и представляют собою обычные окончания адыгейских дополнительных слов, когда они употребляются в определенной форме, т. е. как бы с определенным членом. Адыгейский язык, как и многие западно-европейские, различает определенную и неопределенную форму дополнений (об этом см. ниже стр. 44). Указанные окончания могут употребляться только в случае определенной их формы. Как мы уже видели, ни одна из этих форм — ни форма на «-р», ни форма на «-м» — в отдельности постоянно не соответствует тому, что мы называем подлежащим в

русском языке. Русское подлежащее передается в адыгейском языке той формой дополнительного слова на «-р», той формой на «-м».

Бригадирым табельщикыр ыгъотыгъ.

Бригадир нашел табельщика.

Табельщикым бригадирыр ыльэзгъугъ.

Табельщик увидел бригадира.

Еджакломэ учителир агъэкӀуатэ.

Ученики учителя провожают.

Шахьом шыр еубыты.

Табунщик ловит лошадь.

Во всех этих предложениях подлежащие: «бригадирым» — «бригадир», «табельщикым» — «табельщик», «еджакломэ» — «ученики», «шахьом» — «табунщик» имеют окончание «-м» (мн. ч. «-мэ»).

Бригадирыр макӀо.

Бригадир идет.

Табельщикыр матхэ.

Табельщик пишет (вообще).

Ударникыр мэлажъэ.

Ударник работает.

Шахьор мэшэсы.

Табунщик садится на лошадь.

Колхозникыр газетым еджэ.

Колхозник читает газету.

Колхозникыр радиом едэӀу.

Колхозник слушает радио.

Приведенные предложения имеют подлежащее с окончанием «-р». Такая же разница существует в адыгейском языке и в отношении форм прямого дополнения. В том случае, когда прямое дополнение имеет в этом языке определенную форму, оно оканчивается то на «-р», то на «-м» и при том никогда не совпадает по своему окончанию с подлежащим. Так, в первой группе примеров (когда подлежащее оканчивается на «-м») прямое дополнение имеет суффикс «-р». Наоборот, в последних двух примерах второй группы (когда подлежащие оканчиваются на «-р») прямое дополнение имеет второе из возможных двух окончаний «-м». Таким образом сохраняется в адыгейском языке постоянное различие между подлежащим и прямым дополнением. Однако в отличие от русского языка в адыгейском не существует всегда одинаковой по форме разницы между тем и другим.

Если мы перейдем теперь к другим дополнительным словам, то увидим, что косвенные дополнения в адыгейском языке имеют более определенное, всегда одинаковое отличие. В определенной форме они постоянно оканчиваются на «-м». Эта форма косвенного дополнения будет соответствовать русским косвенным дополнениям в родительном, дательном, творительном и местном (предложном) падежах (примеры см. на стр. 61). С другой стороны, адыгейское дополнение с окончанием «-р», как мы видели выше, равняется русскому прямому дополнению или, в других случаях, — подлежащему. Поэтому мы можем назвать форму дополнения с суффиксом «-р» прямой формой (прямое дополнение с окончанием «-м», как мы увидим ниже, исторически объясняется как форма местного значения, о ней см. ниже стр. 69). Форму с окончанием «-м», которая соответствует русским формам косвенных падежей и в части случаев — русскому подлежащему, можно считать косвенной формой дополнительных слов. Таким образом, в разобранных нами первых примерах: «бригадирым» — «бригадир», «табельщикым» — «та-

большик“, «шахьом» — „табунщик“ и т. д. представляют собою косвенную форму дополнительных слов, несмотря на то, что по-русски они передаются именительным падежом и выражают подлежащее. Во второй группе примеров: «бригадирь» — „бригадир“, «табельщикь» — „табельщик“, «ударникь» — „ударник“, «шахьор» — „табунщик“, «колхозникь» — „колхозник“, точно так же, как слова «табельщикь» — „табельщика“, «бригадирь» — „бригадира“, «шыр» — „лошадь“, — в первых примерах можно отнести к прямой форме дополнительных слов. Слова в последних примерах: «газетым» — „газету“, «радиом» — „радио“ по своему происхождению, как мы уже говорили, являются формами одного из косвенных падежей — дательного-местного. Поэтому они должны быть отнесены также к дополнительным словам в косвенной форме, хотя при русском переводе передаются прямым дополнением в винительном падеже. Отсюда мы видим, что различие между прямой и косвенной формами дополнительных слов имеет в адыгейском языке решающее значение. Всякое изменение этих форм бывает связано с изменением содержания и строя всего предложения в целом, а также с изменением формальных частей и их значений в составе сказуемого.

Субъектные и объектные префиксы сказуемого. Разбирая примеры, приведенные нами на стр. 28—29, мы видим, что префикс «е» перед основой сказуемого в предложениях:

Бригадирь ударникь е-шлэ.
 Бригадир ударника знает.
 Сэ ударникым с-е-шлэ.
 Меня ударник знает.
 О ударникым у-е-шлэ.
 Тебя ударник знает.

выражает собою третье лицо единственного числа подлежащего. В зависимости от изменения подлежащего по лицам меняется и этот префикс. В предложении

Сэ ударникь сэ-шлэ.
 Я ударника знаю.

он заменяется префиксом «сэ-», а в фразе

О ударникь о-шлэ.
 Ты ударника знаешь—

префиксом «о-» и т. д. Кроме того, в составе сказуемого появляется еще префикс, выражающий прямое дополнение и стоящий впереди префикса подлежащего. В предложениях:

Сэ ударникым с-е-шлэ.
 Меня ударник знает.
 О ударникым у-е-шлэ.
 Тебя ударник знает.
 Сэ о сы-о-шлэ.
 Меня ты знаешь.
 О сэ у-сэ-шлэ.
 Тебя я знаю.

и т. д.

„меня“ выражается через частицу «с-» или «сы-», „тебя“ — через «у-» в начале сказуемого. В предложении:

Бригадирь ударникь е-шлэ.
 Бригадир ударника знает.

этот начальный префикс совсем отсутствует или, лучше сказать, выражен отрицательно (нулевым аффиксом).

Таким образом, если проанализировать (т. е. разобрать по их внутреннему составу) приведенные примеры, то мы сразу увидим, что в составе адыгейского сказуемого «шлэ» — „знай“, собственно говоря, присутствуют одновременно два префикса. Второй из этих префиксов связан (соотносителен) с подлежащим, оканчивающимся на «-м». Он выражает лица подлежащего: «сэ-» — первое лицо единственного числа „я“, «о-» — второе лицо „ты“, «е-» — третье лицо „он“. По своему происхождению этот префикс целиком совпадает с местоимениями первых двух лиц. Только в третьем лице он отличается от соответствующего местоимения, но его можно еще узнать в первой части адыгейского местоимения «е-жь» — „сам“ (буквально: „он обратно“). Следовательно, все эти префиксы представляют собою включенные в состав слова-сказуемого некогда самостоятельные слова — личные местоимения. Первый из префиксов в составе сказуемого связан (соотносителен) с прямым дополнением, если оно выражено личным местоимением. Он выражает лица прямого дополнения: «с-» или «сы-» — первое лицо единственного числа, «у-» — второе лицо. В третьем лице префикс прямого дополнения, оканчивающегося на «-р», отсутствует. Однако само это отсутствие имеет определенное грамматическое значение. Оно показывает, что прямое дополнение при таком сказуемом стоит в третьем лице. Следовательно, здесь мы имеем не просто отсутствие, но отсутствие, выражающее определенную грамматическую форму сказуемого. Таким образом, префикс третьего лица прямого дополнения выражен отсутствием префикса или, как говорят в науке о языке, — отрицательно выраженным (или нулевым) префиксом.

Если мы возьмем предложение, в котором прямое дополнение стоит во множественном числе:

Бригадирым ударникхэр е-шлэ-х.
Бригадир ударников знает. —

то увидим, что в связи с суффиксом множественного числа прямого дополнения «-хэ» (ударник-хэ-р) в составе сказуемого появляется частица множественного числа — «-х(э)», но не в качестве префикса, а в виде суффикса. В сказуемом «е-шлэ-х» — „(их он) знает“ прямое дополнение выражено так же, как и в единственном числе — «е-шлэ» — „(его он) знает“, — отсутствием префикса, а множественное число этого префикса — суффиксом «-х(э)». Следовательно, суффикс «-х(э)» тех сказуемых, которые могут иметь прямое дополнение, всегда связан с прямым дополнением (объектом). Множественное число подлежащего (субъекта) выражается иначе — изменением связанного с ним префикса:

Ударникхэмэ бригадирыр а-шлэ.
Ударники бригадира знают.

Здесь префикс «а-» с подлежащим «ударник-хэ-мэ» выражает третье лицо множественного числа. Следовательно, в отличие от прямого дополнения, число подлежащего обозначается в составе сказуемого всегда префиксами. Префиксы лиц прямого дополнения целиком совпадают, как мы увидим в дальнейшем (см. стр. 294), с притяжательными префиксами и происходят от тех же личных местоимений: префикс «с-» или «сы-» от личного местоимения «сэ» — „я“, префикс «у-» — от «о» — „ты“ и т. д. Префиксы «с-» или «сы-» первоначально могли обозначать „мой“ или „меня“, «у-» — „твой“ или „тебя“ и т. д. Таким образом, все сказуемое в целом первоначально было предложением, которое приближенно следовало бы передать так: „твой я знающий“, откуда получается „тебя я знаю“; сказуемое «сы-о-шлэ» — „мой ты знающий“ — „меня ты знаешь“; сказуемое «е-шлэ» — „(его) он знающий“ — „(его) он знает“ (где прямое дополнение

„его“ выражено отрицательным префиксом); „а-шлэ“ — „(его) они знающие“ — „его они знают“; „е-шлэ-х“ — „их он знающий“ — „их он знает“ и т. д.

Точно такие же, расположенные в том же порядке — префиксы и суффикс «-х(э)» прямого дополнения и префиксы подлежащего мы находим и в любом сказуемом, при котором может стоять прямое дополнение. Только во всех остальных временах, кроме настоящего, они имеют несколько иное произношение (вместо «сэ-» — «сы-» или «с-», «з-»; вм. «о-» — «у-» или «п-», «б-», «пI» и т. д.).

Мы проанализировали, разобрали состав префиксов сказуемого, при котором может стоять прямое дополнение. Разберем теперь префиксы сказуемого в тех предложениях, в которых не может стоять прямого дополнения, т. е. при непродуктивном обороте:

Бригадирьр ма-кю.

Бригадир идет.

Сэ сэ-кю.

Я иду.

О о-кю.

Ты идешь.

Ударник-хэ-р ма-кю-х.

Ударники идут.

В этих предложениях состав сказуемого значительно проще — оно имеет лишь один префикс подлежащего. В приведенных примерах первые два лица выражаются теми же префиксами, что и при продуктивном обороте: «сэ» — „я“, «о» — „ты“ и т. д.; в третьем лице — особым префиксом «ма-» или «мэ-», связанным с подлежащим, оканчивающимся на «-р». В третьем лице множественного числа — при том же префиксе «ма-» или «мэ-» число выражено суффиксом «-х(э)» в составе глагола. Таким образом, в непродуктивных сказуемых суффикс множественного числа «-х(э)» имеет всегда связь с подлежащим или, как говорят иначе, суффикс «-х(э)» имеет субъектное значение.

Префиксы в составе сказуемого, выражающие лица подлежащего в дальнейшем мы будем называть субъектными префиксами, а префиксы, связанные с лицом прямого дополнения, — объектными префиксами. Суффикс «-х(э)» может иметь в зависимости от характера оборота или субъектное (при непродуктивном), или объектное (при продуктивном обороте) значение. Кроме субъектных и объектных префиксов, в составе адыгейского сказуемого могут быть и другие личные префиксы, связанные с косвенными дополнениями (дательным, творительным, или орудным и местным; о них см. ниже стр. 61 и сл.).

Непродуктивный (непереходный) и продуктивный (переходный) обороты. Мы можем теперь поставить вопрос, от чего зависит в адыгейском различие в выражении формы подлежащего, с одной стороны, и возможность наличия прямого дополнения, а также разница в его оформлении — с другой. Эта разница зависит прежде всего от того, что в адыгейском языке существует два основных оборота или два строя предложения — непродуктивный и продуктивный или, как их обычно называют в грамматике, непереходный (интранзитивный) и переходный (транзитивный). Под оборотом мы понимаем форму связи между главными членами предложения. Непродуктивным оборотом мы называем такое предложение, в котором не может быть выражено прямое дополнение и в котором сказуемое из главных членов связано лишь с одним подлежащим. Следовательно, при непродуктивном обороте в предложении имеются лишь два главных члена предложения — сказуемое и подлежащее. Продуктивным оборотом мы называем такое предложение, в котором на ряду со сказуемым и подлежащим может быть выражено

отдельным словом также прямое дополнение. Таким образом, при продуктивном обороте мы имеем в предложении три главных члена, и сказуемое в нем имеет связь как с подлежащим, так и с прямым дополнением. Возьмем несколько адыгейских предложений:

Редакторы ма-тхэ.
Редактор пишет (вообще).
Колхозникыр мэ-лажьэ.
Колхозник работает.
Тракторы-р ма-жьо.
Трактор пашет (вообще).
Шы-р ма-чъэ.
Лошадь бежит.
Сымаджэ-р шы-ль.
Больной лежит.
Бзыльфыгъэ-р е-джэ.
Женщина учится.
Остыгъэ-р ма-блэ.
Лампа горит.
Коцы-р къэ-кы.
Пшеница растет.

Во всех этих предложениях в адыгейском языке мы будем иметь непродуктивный или непереходный оборот. В них нельзя выразить ни отдельным словом, ни формой сказуемого прямого дополнения, хотя по-русски в части этих примеров прямое дополнение и может быть поставлено.

В следующих адыгейских предложениях мы будем иметь продуктивный или переходный оборот:

Редакторы-м статья-р е-тхы.
Редактор пишет статью.
Колхозники-м хатэ-р е-лэжьы.
Колхозник обрабатывает огород.
Тракторы-м чыгу-р е-жьо.
Трактор пашет землю.
Шы-м зэнтхы-р е-шхы.
Лошадь ест овес.
Сымаджэ-м чэханэ-р зы-тр-е-хъо.
Больной накрывается одеялом.
Шъузы-м лы-р е-гъа-жьо.
Женщина варит мясо.
Машинэ-м коцы-р е-ю.
Машина молотит пшеницу.

Во всех этих примерах, независимо от того, представлено или не представлено отдельным словом в предложении прямое дополнение, весь строй предложения, сама форма подлежащего и сказуемого таковы, что в последнем обязательно выражен объект. Таким образом, в непродуктивном предложении (при непродуктивном обороте) сказуемое должно быть связано, по меньшей мере, с одним дополнительным словом — подлежащим. При продуктивном обороте — в продуктивном предложении — сказуемое связано, по крайней мере, с двумя дополнительными словами — подлежащим и прямым дополнением.

Рассматривая приведенные нами выше примеры, мы замечаем, что при продуктивном обороте подлежащее имеет окончание «-м», а при непродуктивном оно оканчивается на «-р». Однако разница между оборотами не только в этом. Из разбора частиц, входящих в состав сказуе-

мого (стр. 31), мы уже видели, что в зависимости от того, может или не может стоять в предложении прямое дополнение, в составе адыгейского сказуемого мы имеем различное количество префиксов — частиц, выражающих лица. Мы имеем, кроме того, различный порядок расположения этих префиксов. Субъектный префикс непродуктивного сказуемого остается всегда первым из префиксов, независимо от их числа:

сэ-тхэ

(я) пишу (вообще)

Прибавим очень употребительный в адыгейском префикс «кьэ-» — „сюда (в сторону первого лица)“:

сы-кьэ-тхэ

(я сюда) пишу

Прибавим префикс «фэ-», обозначающий „для, в пользу (кого)“:

сы-кьы-фэ-тхэ

(я-сюда-него-для)-пишу,

т. е. Я пишу сюда для него, ему

Здесь третье лицо того, для кого пишут, выражается отрицательно — отсутствием префикса впереди «фэ-». Если поставить и этот префикс, появляющийся в двух первых лицах, то мы получим:

сы-кьы-п-фэ-тхэ

(я-сюда-тебя-для)-пишу,

т. е. Я пишу сюда для тебя, тебе

Префикс «ма- || мэ-», выражающий подлежащее при непродуктивном обороте, может стоять только непосредственно перед основой глагола. Поэтому в тех глагольных формах, в которых перед основной вставляются другие префиксы, префикс «ма- || мэ-» всегда исчезает из состава сказуемого, и третье лицо в них выражается отрицательно — отсутствием специального префикса в начале сказуемого:

Ударникхэ-р ма-кю-х.

Ударники идут.

Ударникхэ-р кьэ-кю-х.

Ударники сюда идут.

Учителы-р ма-тхэ.

Учитель пишет (вообще).

Учителы-р председатели-м фэ-тхэ.

Учитель председателю (него-для)-пишет.

Сшыпхьу кьы-с-фэ-тхэ.

Моя сестра мне (сюда-меня-для)-пишет.

Сшыпхьу с-фэ-тхэ.

Моя сестра для меня (меня-для)-пишет.

Итак, сколько бы мы ни прибавляли префиксов к непродуктивному сказуемому, его субъектный префикс всегда остается на первом месте в слове.

Иное место занимает субъектный префикс продуктивного сказуемого:

сэ-щэ

(его)-я-веду

кьэ-сэ-щэ

(его)-сюда-я-веду

кьы-фэ-сэ-щэ

(его)-сюда-(него)-для-я-веду,
 т. е. я веду (его) сюда для него
 кьы-п-фэ-сэ-щэ
 его-сюда-тебя-для-я-веду,
 т. е. я веду (его) сюда для тебя

Объектный префикс в этих формах выражен отрицательно — отсутствием префикса. Он появляется в первых двух лицах.

у-сэ-щэ
 тебя я веду
 у-кьэ-сэ-щэ
 тебя-сюда-я-веду
 у-кьы-фэ-сэ-щэ
 тебя-сюда-(него)-для-я-веду,
 т. е. я веду тебя сюда для него
 у-кьы-с-ф-е-щэ
 тебя-сюда-меня-для-он-ведет,
 т. е. он ведет тебя сюда для меня

Итак, мы видим, что субъектный префикс продуктивного сказуемого стоит всегда последним из префиксов перед самой основной слова, а первым префиксом в этом случае остается объектный префикс (префикс, выражающий прямое дополнение). Следовательно, продуктивное сказуемое (при прочем равном составе своих префиксов) имеет на один префикс больше, чем непродуктивное.

Кроме того, как можно видеть из примеров на стр. 34 и 35, состав продуктивного и непродуктивного сказуемого различается и самими префиксами. Субъектные префиксы третьего лица различны в обеих формах сказуемого (в первом и втором лицах эти префиксы в настоящем времени в той и другой форме одинаковы).

Непродуктивное сказуемое

ма-тхэ
 он-пишет,
 он (вообще) пишет
 ма-тхэ-х
 они-пишут (вообще)
 кьэ-тхэ
 он-сюда пишет (вообще)
 кьэ-тхэ-х.
 они-сюда пишут (вообще)

Продуктивное сказуемое

е-тхы
 (что-то)-он-пишет,
 он-пишет (что-то)
 а-тхы
 (что-то)-они-пишут
 кь-е-тхы
 (что-то)-сюда-он-пишет
 кь-а-тхы
 (что-то)-сюда-они-пишут
 кь-е-тхы-х
 (какие-то)-сюда-он-пишет-многие предметы
 кь-а-тхы-х
 (какие-то)-сюда-они-пишут-многие предметы

Из сравнения мы видим, что непродуктивное сказуемое в третьем лице имеет субъектный префикс «ма-» или «мэ-», множественное число которого выражается суффиксом «-х(э)», а продуктивное сказуемое — субъектные префиксы «е-» (в единственном числе) и «а-» (во множественном числе). При присоединении к непродуктивному сказуемому какого-либо другого префикса — субъектный префикс его исчезает, становится отрицательно выраженным префиксом (стр. 35), множественное

число которого опять-таки выражается суффиксом «-х(э)». Субъектный же префикс продуктивного сказуемого никогда не исчезает.

Если мы обратим внимание на объектный префикс продуктивного сказуемого, то увидим, что способы его выражения совпадают со способами выражения субъектного префикса непродуктивного сказуемого. Так как объектный префикс в сказуемом никогда не бывает единственным, то в третьем лице он всегда выражается отрицательно — отсутствием префикса. Множественное число его выражается тоже суффиксом «-х(э)». Он стоит на том же самом месте, что и субъектный префикс при непродуктивном сказуемом. Наконец, он связан всегда с дополнительным словом, которое оканчивается на «-р», как и подлежащее непродуктивного сказуемого. Это совпадение субъектного непродуктивного и объектного продуктивного префиксов не случайно — оно является результатом исторического развития форм адыгейского языка.

В других временах, кроме настоящего, префиксы субъекта непродуктивного и продуктивного сказуемого одинаковы по происхождению. Разница между ними, однако, заключается в огласовке:

Непродуктивное	Продуктивное
сы-тхагъ	с-щагъэ
я написал	(его)-я-повел
тхагъэ	ы-щагъ
он написал	(его)-он-повел
сы-кьэ-тхагъ	кьэ-с-щагъ
я-сюда-написал	(его)-сюда-я-повел
сы-кьы-фэ-тхагъ	кьы-фэ-с-щагъ
я-сюда-него-для-написал	(его)-сюда-него-для-я-повел
у-кьы-с-фэ-тхагъ	у-кьы-с-ф-и-щагъ
ты-сюда-меня-для-написал	тебя-сюда-меня-для-он-повел
	у-кьы-с-ф-а-щагъ
	тебя-сюда-меня-для-они-по-
	вели
кьы-с-фэ-тхагъ	сы-кьы-фэ-п-щагъ
(он)-сюда-меня-для-написал	меня-сюда-него-для-ты-повел
кьы-с-фэ-тхагъэ-х	кьы-с-фэ-п-щагъэ-х
(они)-сюда-меня-для-написали	(их)-сюда-меня-для-ты-повел
	и т. д.

Из этих примеров мы можем сделать вывод, что субъектный префикс непродуктивного сказуемого в этих временах имеет огласовку «ы». Точно такую же огласовку имеет и объектный префикс продуктивного сказуемого, субъектный же префикс продуктивного сказуемого состоит из одного согласного без огласовки (за исключением префикса третьего лица «ы» или «и» в ед. ч.¹ и «а-» во мн. ч.). В остальном, т. е. в отношении количества и порядка расположения префиксов, — различие между непродуктивным и продуктивным сказуемым остается таким же, как и выше (стр. 36).

Таким образом, продуктивный и непродуктивный обороты отличаются друг от друга не только количеством участвующих в них главных членов предложения и формой подлежащего, но и количеством, местом расположения и различием самих префиксов в составе сказуемого. При этом непродуктивный субъект (подлежащее) и его префиксы и прямое дополнение и его префиксы полностью совпадают по форме, а продуктивный субъект и его префиксы резко отличаются от них (подробнее об этом см. Морфологию, раздел личных префиксов глагола, стр. 321, 357).

¹ Префикс «ы» может стоять только в начале сказуемого, т. е. тогда, когда он является единственным префиксом, попадая же в середину слова после других префиксов, он заменяется префиксом «и-».

История развития оборотов. Если постараться установить историю развития оборотов в адыгейском языке, то прежде всего бросается в глаза отсутствие в нем действительного и страдательного оборотов, столь обычных в русском и других европейских языках. Действительный и страдательный обороты вместе с соответствующими залогами, несомненно, появляются в позднюю эпоху развития языка. Энгельс как бы мимоходом обронил одно замечание, в котором он связывает их появление с переходом к классовому обществу: „Мы видели, — говорит он, — что на сравнительно ранней ступени развития производства рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя, и что эта ступень развития в главном совпадает с той, на которой появляется разделение труда и обмен между отдельными лицами. И немного потребовалось теперь времени для того, чтобы открыть великую «истину», что человек также может быть товаром, что человеческую силу можно обменивать и потреблять, если превратить человека в раба. Едва люди начали менять, как уже они сами стали предметами обмена. Действительный залог превратился в страдательный, — хотели того люди или нет“.¹ Данные истории языка подтверждают правильность этого, на первый взгляд беглого, замечания Энгельса.

Первое появление действительного и страдательного оборотов (и залогов) как двух взаимно противопоставленных конструкций должно быть связано с довольно поздней эпохой развития языка — зарождением классового общества. Адыгейский язык (как и многие другие языки, например, многие яфетические языки на Кавказе, некоторые угро-финские языки и т. д.), хотя и существовал при капитализме и развивается сейчас при социализме, но в силу отставания формы от содержания не дошел еще до той стадии развития, когда появляются в развитом виде эти два оборота. Существующие в адыгейском языке непродуктивный и продуктивный обороты представляют собою отражение в языке более ранней эпохи развития общества и оба, с нашей точки зрения, могут быть отнесены к разновидностям действительного оборота. Однако и они не являются в языке первоначальными. В живых адыгейских диалектах мы еще находим следы того состояния, при котором существовал при крайне неразвитом словесном составе предложения один „общий“ оборот, который послужил отправным пунктом развития современных непродуктивного и продуктивного оборотов. При этом „общем“ обороте в предложении мог быть еще только один главный член, кроме сказуемого: в нем могло стоять или только подлежащее, или только прямое дополнение. Этот оборот употребляется очень редко в шапсугском и других диалектах и в настоящее время имеет только историческое значение:

Пхъашлэ-р ма-пцэ.

Плотник долбит.

шапс.: Ппцэ-р мэ-пццы.

Долото долбит.

Пхъэ-р мэ-пцы.

Дерево долбится.

¹ Энгельс. Происхождение семьи..., Маркс — Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I стр. 150—151, М., 1937. Несомненно, что Энгельс, изучавший многие европейские и восточные языки, при ознакомлении с трудами Моргана и литературой о языках североамериканских индейцев не мог не обратить внимание на тот факт, что в этих языках еще отсутствует страдательная (пассивная) конструкция предложения и соответственный залог глагола. Один из позднейших исследователей этих языков, Уленбек, следующим образом отмечает это явление: „Когда спросили одного индейца, владевшего английским языком, о различии по смыслу двух предложений „я его позвал“ и „он был мною позван“, он объяснил, что нет никакой разницы“ (см. Uhlenbeck. Le caractere passif du verbe transitif..., Revue des Etudes basques, vol. XIII, 1922, p. 400). Хотя дальнейшие объяснения Уленбека и не выдерживают критики, но самый факт отсутствия в мышлении и языке индейцев различия между действительным и страдательным оборотами и залогами здесь подмечен им правильно.

Шьузы-р ма-шьэ.
Женщина ткёт.

Цыяпхъэ-р мэ-шьы.
Сукно ткётся.

Как мы видим, в этом обороте единственное дополнительное слово, которое в нем может быть выражено, имеет совершенно одинаковое окончание «-р», независимо от того, выражает ли оно подлежащее (непосредственного производителя), или прямое дополнение (продукт труда), или, наконец, то, что позднее называется орудным или творительным дополнением (орудие труда). В совершенно одинаковой форме с префиксом «мэ-, ма-» выступает здесь и сказуемое. Сказуемое существует в этом обороте именно в той форме, которая в дальнейшем послужила для выражения непродуктивного оборота. Самый смысл оборота приблизительно можно передать так: „плотник находится в процессе долбления“, „дерево находится в процессе долбления“, „женщина находится в процессе тканья“, „сукно находится в процессе тканья“ и т. д.

Происхождение непродуктивного и продуктивного оборотов. Итак, в адыгейском (как и в кабардино-черкесском языке¹), сохранились остатки того древнейшего единого еще неразграниченного оборота, из которого в дальнейшем путем раздвоения развились два противоположных теперешних оборота — непродуктивный (непереходный) и продуктивный (переходный). Выше мы приводим те архаические выражения, в которых этот оборот и сейчас еще сохраняется в живых народных говорах (натухайском, шапсугском и др.) в виде остатка глубокой старины.

В таких выражениях, как:

Мы пхъэр псынкӕу мэкъутэ.

Эти дрова легко колются (без указания на смысловой субъект).

Мы лыр дэгъоу мэкъутэ.

Этот мужчина хорошо колет (без указания на смысловой объект),
буквально: Этот мужчина хорошо колется

перед нами пережиток никак еще не расчлененного „общего“ оборота, который существовал до образования непродуктивной и продуктивной конструкции. В ту эпоху, когда возник этот оборот, еще не существовало, очевидно, ни в языке, ни в сознании разграничения между субъектом и объектом производства, а следовательно, и различия между непереходными и переходными глаголами. Такое сознание и такой язык могли существовать только в древнейшую эпоху (см. ниже стр. 42). Начало раздвоения на противоположные обороты мы наблюдаем в следующих выражениях:

Мы шьузыр дэгъоу мэужьгъ(э).

Эта женщина хорошо обдирает (просо вручную, но без указания на объект),

буквально: Женщина находится в процессе обдирки (проса).

Мы ужьгъыр дэгъоу мэужьгъ(э).

Эта (ручная) просодерка хорошо обдирает (просо, но без указания на объект).

Мы фыр дэгъоу мэужгъы.

Это просо хорошо обдирается (вручную, без указания на субъект).

Ср. также:

Ӏэшъхьалыр жъажъэу мэхъаджэ.

Ручная мельница медленно мелет (без указания на объект).

Мы шьузыр жъажъэу мэхъаджэ.

Эта женщина медленно мелет (вручную, без указания на объект).

¹ Н. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка, Ворошиловск, 1938, стр. 24—26.

Мы коцыр жъажъэу мэхъаджы.

Эта пшеница медленно мелется (без указания на субъект) и т. д.

(Ср. также вышеприведенные примеры, стр. 38).

В приведенных примерах, несмотря на единую еще конструкцию предложения („общий“ оборот), несмотря на совершенно еще одинаковое падежное оформление как субъекта, так и объекта (суффикс «-р», т. е. прямая форма), которые в одном и том же предложении еще не могут стоять оба одновременно, несмотря, наконец, на совершенно одинаковое префиксальное оформление глагола (префиксом «мэ- || ма-», который в дальнейшем приобретает значение префикса непродуктивного, непереходного глагола), все-таки уже появляется зачаточное раздвоение формы сказуемого-глагола, выраженное чередованием конечных кратких гласных глагольной основы (согласно фонетическим законам адыгейского языка, конечный ударный краткий гласный «ы» сохраняется, а конечный безударный краткий гласный «э» отпадает¹). При этом одна и та же глагольная основа, оканчиваясь на краткий гласный «э», здесь выражает начатки непродуктивного (непереходного) значения, а оканчиваясь на «ы» — выражает начатки продуктивного (переходного) значения.

Заметим, что впоследствии значительное количество глагольных основ, образующих парные непродуктивные и продуктивные формы, с помощью этого же чередования гласных образует непродуктивный (непереходный) и продуктивный (переходный) залого (основы на «э» — непродуктивны по значению, а основы на «ы» — продуктивны по смыслу, например, «дэ» „шей“ — «ды» „шей (нечто)“, «тIэ» „копай“ — «тIы» „копай (нечто)“, «пцэ» „долби“ — «пцы» „долби (нечто)“ и т. д.; о залогах см. ниже стр. 75 и Морфологию, стр. 320).

Исторический свет на происхождение этого явления проливают существующие в адыгейском, как и в кабардинском (см. Яковлев. Краткая грамм. каб.-черк. яз., стр. 25), языке центростремительная и центробежная формы, образуемые от некоторых глаголов-сказуемых. Эти формы имеют такой же парный характер, т. е. образуются от одной и той же глагольной основы с помощью чередования конечных ее кратких гласных «э» и «ы», как и в непродуктивных и продуктивных глаголах. При этом форма, оканчивающаяся на «э», обозначает движение внутрь (центростремительная форма), а форма на «ы» — движение наружу² (центробежная форма).

Приведем примеры (еще см. стр. 326):

Ф о р м ы

центростремительная

центробежная

* кьыре-щэ

водит || возит внутрь,

вводит || ввозит

кье-плъэ

смотрит (сюда) внутрь

кьыре-щы

водит || возит наружу,

выводит || вывозит

кье-плъы

смотрит (сюда) наружу

и т. д.

¹ Этот закон становится ясным из сравнения с кабардинским, где, наоборот, конечный безударный краткий гласный «э» всегда сохраняется, а такой же краткий гласный «ы», в кабардинских словах всегда безударный, отпадает:

Мы фызыр дэгъузу мэужьгъэ.

Эта женщина хорошо обдирает (просо вручную).

Мы хур дэгъузу мэужьгъ.

Это просо хорошо обдирается.

² Интересно, что центробежная и центростремительная формы существуют и в других языках древнего образования, в частности, в языках индейцев Америки, где

Чередование кратких гласных в адыгейских центростремительных и центробежных глагольных формах объясняет нам историю развития непродуктивной и продуктивной их формы. Форма, связанная лишь с объектом — продуктивная, понимается первоначально как центробежная форма и потому совпадает с ней по звуковому оформлению (краткий гласный «ы»). Форма, связанная только с субъектом при невозможности выразить объект — непродуктивная форма, по своему звуковому оформлению совпадает с центробежной формой и первоначально, очевидно, понималась как действие, направленное внутрь, т. е. в данном случае на самый субъект. Следовательно:

Шъузыр мэужьгъ(э).

Женщина занимается обдиркой (проса). —

первоначально обозначало нечто вроде:

Женщина она-обдирка-внутри, т. е. женщина она-в-обдирке, а предложение:

Фыр мэужьгъы.

Просо обдирается. —

первоначально обозначало:

Просо оно-обдирка-наружу.

Точно так же в продуктивных и непродуктивных глаголах:

Джанэр ды!

Шей рубаху!

первоначально обозначало:

(Ты) шей наружу (на) рубаху. —

а предложение:

Дэ!

Занимайся питьем! шей! (вообще, без указания объекта)

обозначало некогда:

(Внутри себя) включай питья!

Шей внутрь, в себя!

что теперь приходится переводить обратным соотношением формы:

Находишь в процессе питья!

Занимайся питьем!

имеются, кроме того, и те же две категории притяжательных, и тот же полисинтетический глагол, и те же две конструкции предложения, что и в адыгейском языке.

Кроме того, в фонетическом отношении языки индейцев Америки весьма сходны с кавказскими яфетическими языками вообще (ср. также палеазиатские языки, в особенности, ительменский, в котором находим тот же третий ряд надгортанных мгновенных согласных, что и в яфетических и многих американско-индейских языках). Это сходство во всей грамматической системе языков, разделенных двумя полушарьями, представляет собою одно из замечательнейших языковых явлений, которое еще ждет своего научного объяснения.

Однако и в языках, пространственно более близких, существуют следы, показывающие, что когда-то, в глубочайшей древности, и иным языкам не чужды были грамматические явления, характерные для черкэсских языков. Так, например, в тюрко-татарских языках имеются следы существовавшей некогда центростремительной и центробежной формы глаголов:

карачае-балкарск. ке-л — „приходи“ (ср. горно-марийск. «кэ» — „иди“)
ке-т — „уйди“
а-л — „купи, бери“
са-т — „продай“ —

Тюр.-тат. суффикс «-л» есть суффикс страдательного, т. е. первоначально непереходного залога, а «-т» — побудительного, т. е. переходного залога, а здесь эти же согласные имеют значение показателей направления движения к говорящему (т. е. соответственно — центростремительного) и направления движения от говорящего (т. е. соответственно — центробежного значения; см. еще примеры в сноске на стр. 326—327).

вместо первоначального:

Включай в себя процесс шитья!

Направляй в себя шитье!

Предложение:

Шъузым джанэр еды.

Женщина рубаху шьет.

первоначально обозначало:

(От) женщины рубаха она (женщина)-шитье-наружу, а предложение:

Шъузыр мадэ.

Женщина (вообще) шьет,

Женщина занимается шитьем

вначале значило:

Женщина она-шитье-внутри.

и т. п.

Попытаемся теперь перейти к общественно-историческому объяснению возникновения форм непродуктивности — продуктивности в адыгейском языке, — форм, которые на наших глазах приобретают впоследствии значение непереходных и переходных форм. Самое появление этих форм (образуемых в качестве двух противоположных форм от одной и той же глагольной основы), как это показывают факты северо-американских индейских языков, относится к эпохе дикости по Энгельсу.

Для объяснения этого явления нам придется, очевидно, обратить внимание на наличие и в эту более древнюю эпоху общей собственности на средства производства, равно как и на орудия производства, как господствующей в то время формы собственности, и возникновение наряду с нею „...личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей“¹ (т. е. на некоторые орудия и оружие), как подчиненной и ограниченной по размерам формы собственности, при полном еще отсутствии понятия о частной собственности. Можно предположить, что это — та самая личная собственность, которая, позже омертвев в специальной грамматической категории притяжательных „органической“ принадлежности (стр. 292 и сл.), сначала имеет, как и общая собственность, неотчуждаемый характер и вместе с носителем ее, самим личным собственником, мыслится как часть единого органического целого. Отсюда неразграничение, слияние в одно целое субъекта личной собственности — человека и объекта ее — предметов, составляющих личную собственность, в мышлении и языке. Отсюда и отличие личной собственности от позднейшей частной собственности: личная собственность еще не служила основой эксплуатации и была полностью застрахована от какого-либо отчуждения (путем ли обмена или перераспределения). Она мыслилась поэтому как бы физическим продолжением тела личного собственника. Со смертью его предметы личной собственности клались в могилу вместе с его прахом (на этом и основан счастливый для современных археологов обычай погребать вместе с человеком и некоторые его орудия труда, оружие, одежду и т. д.). И эта неотчуждаемость личной собственности охранялась целой системой норм обычного права и суеверных магических обрядов. Наоборот, возникшая значительно позднее и на первых порах существовавшая наряду с нею частная собственность предполагала постоянную возможность отчуждения ее объектов, частная собственность могла покидать руки частного собственника и служить предметом обмена, т. е. товаром. Она первоначально рассматривалась в сознании и языке как нечто внешнее, органически не связанное с личностью собственника (ср. пережитки

¹ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Москва, стр. 119, 1938 г.; так же: Сталин. „Вопросы ленинизма“, изд. 11, М., 1939, стр. 555.

этих представлений в адыгейском языке в 2 категориях принадлежности — органической, т. е. первоначально личной, и имущественной, т. е. частной, см. ниже стр. 299). Таким образом, именно личная собственность в период столкновения ее с развивавшейся и росшей частной собственностью носила „священный“ характер, охранялась первобытным магическим культом, а частная собственность при ее возникновении была лишена признака чего-либо „священного“, — „священной“ объявила ее лишь много тысячелетий спустя современная буржуазия.

Следовательно, как можно предполагать, первоначальное содержание зачаточного непродуктивного оборота заключалось в том, что в нем отражался некогда вновь возникший процесс личного труда, процесс присвоения личной собственности, в то время как в зачаточном продуктивном обороте отразился процесс общественного присвоения предметов общинной (коллективной) собственности. В самом деле, при случайном собственноручном производстве некоторых предметов личной собственности не было надобности отдельно обозначать их, так как они — некоторые орудия и оружие — мыслились как нечто органически единое с производящим их человеком, их собственником; продукты же постоянного общего коллективного труда, наоборот, должны были мыслиться каждым из участников коллективного производства как нечто обособленное, как нечто подлежащее в дальнейшем естественному обмену, т. е. распределению внутри общины. Господствующий в жизни общественный продукт по необходимости ранее всего иного выделился в мышлении и языке как объект, в то время как, в противоположность этому, некоторые продукты случайного личного труда мыслились настолько слитыми с субъектом этого труда, что не требовали такого выделения.

Но вот наступает другая эпоха — эпоха первого крупного общественного разделения труда.¹ В результате отделения производства от потребления, в результате возникновения сначала случайного, а в дальнейшем постоянного разделения труда и обмена продукт труда превращается в объект обмена, в товар, и возникает сначала зачаточная, а в дальнейшем вполне оформившаяся частная собственность: „Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже не знали, что станет с продуктом. Возникла возможность воспользоваться продуктом против производителя, для его эксплуатации и угнетения“.² Сделавшись объектом обмена, продукт труда обособляется, становится как бы самостоятельной силой, получает в глазах производителя видимость самостоятельного существования. В языке и мышлении это приводит к окончательному оформлению субъекта и объекта, как двух взаимно противопоставленных форм. На ряду с производством для себя возникает производство специально для обмена.

Лишь в эту эпоху появления постоянного обмена и разделения труда (эпоха варварства по Энгельсу) непродуктивный оборот в мышлении приобретает характер такого производительного действия, продукт которого еще не покидает рук самих производителей, целиком потребляется самими производителями. Поэтому нет надобности и выражать его особой формой прямого дополнения. Продуктивный оборот, напротив, отражает такой процесс производства, продукт которого становится постоянным предметом обмена и получает в жизни, мышлении и языке видимость самостоятельного существования объекта обмена — товара, а следовательно, и объекта мысли и языка. Объект обмена, как обособленный продукт труда, в это время отражается в мышлении и языке всегда особой формой объекта и прямого дополнения. В силу обособления про-

¹ Ср. Энгельс. Происхождение семьи... Маркс — Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, 1937, стр. 135.

² Энгельс, *ib.*, стр. 91.

дукта труда от непосредственного производителя и отражения этих понятий в языке прямое дополнение и подлежащее впервые приобретают постоянно различные грамматические формы.

Таким образом, в эту более позднюю эпоху содержанием непродуктивного оборота становится отражение в языке такого процесса производства, при котором продукт труда потребляется самими производителями. Продуктивный же оборот отражает такой процесс производства, при котором продукт труда является объектом обмена — товаром — и потому приобретает как бы самостоятельное существование по отношению к непосредственному производителю — субъекту производства.

В еще более позднюю эпоху — на основе второго крупного разделения труда — отделения ремесла от земледелия, наоборот, непродуктивный оборот начинает отражать процесс ремесленного производства, постоянное занятие, профессию, а в дальнейшем на ряду с этим и непродуктивное, непреходное действие вообще, в то время как продуктивный оборот — переходное, производительное действие. Эту стадию развития и сохраняет нам в большинстве случаев современный адыгейский язык.

Таковы исторически сменявшие друг друга первоначальные значения непродуктивного и продуктивного оборотов. Пережитки всех этих значений сохраняются в большей или меньшей степени и в современном адыгейском языке. В дальнейшем, однако, уже в классовом обществе с превращением языка в надстройку и значение оборотов начинает все больше расходиться с их былым реальным содержанием; они превращаются в „чистую“ грамматическую форму для выражения абстрактного формально-логического различия.

Непродуктивный оборот, в случае образования его от переходного по значению глагольного корня, выражает в современном адыгейском языке действие в его абсолютном (отвлеченном) всеобщем значении — действие вообще, действие как постоянное занятие, при котором нет конкретного объекта этого действия:

Мо-р мэ-лажьэ.	Мо-р ма-тхэ.
Он — (вообще) работает,	Он — (вообще) пишет,
Он — (вообще) занимается работой.	Он — (вообще) занимается писанием.

Современный продуктивный оборот в тех же случаях выражает конкретное действие, происходящее в определенный момент и имеющее конкретный (наглядный) объект:

Мо-щ е-лажьы.
Он обрабатывает (в данный момент нечто).

Мо-щ е-тхы.
Он пишет (в данный момент нечто).

Таким образом, процесс развития оборотов (соответственно — залогов глагола, см. ниже стр. 75) на деле оказывается гораздо более длительным и сложным, чем это кажется на первый взгляд. До полного и всестороннего объяснения этого процесса мы еще не дошли, но можем высказать эти лишь самые общие предположения только в качестве рабочей гипотезы.

Те различные формы сказуемого, которые связаны с различием двух оборотов (см. выше стр. 34), отдельно рассматриваются в Морфологии (стр. 320) и называются там залогами глаголов.

Определенная и неопределенная формы дополнительных слов. Выше (на стр. 29) мы уже указывали, что окончания дополнительных слов «-м» и «-р» употребляются только со значением определенной их формы. На ряду с определенной формой существует также неопределенная форма дополнительных слов, которая или совсем не имеет никакого различия для выражения прямой и косвенной их формы, или,

реже, имеет для этой цели другие окончания. По своему значению определенная форма первоначально выражала только единичный определенный предмет, данный конкретный предмет, уже заранее известный говорящим.

Неопределенная форма	Определенная форма	Общее (родовое) понятие
Колхозник къэкӀуагъ.	Колхозники-р къэкӀуагъ.	Колхозники-р фашӀыгъэ мэхъу.
(Какой-то) колхозник пришел.	(Известный) колхозник пришел.	(Вообще) колхозник становится зажиточным.
Шы хатэм дэхьагъ.	Шы-р хатэм дэхьагъ.	Шы-р — псэушъхъ.
(Какая-то) лошадь зашла в огород.	(Известная) лошадь зашла в огород.	(Вообще) лошадь — животное.

Из этих примеров мы видим, что в роли подлежащего при непродуктивном сказуемом форма с окончанием на «-р» употребляется и в значении определенного, уже заранее известного отдельного предмета и в значении данного предмета вообще — предмета, как родового понятия. Форма без всяких окончаний в этом случае употребляется только для выражения „какого-то“ предмета, неизвестного, неопределенного отдельного предмета.

Неопределенная форма	Определенная форма	Общее (родовое) понятие
Тхыль къытранагъ.	Тхыл-ы-р къытранагъ.	Тхылы-р аушӀоирэп тхыль аушӀоирэп.
(Какую-то) книгу оставили.	(Известную) книгу оставили.	(Вообще) книгу не загрязняют.
Цыяпхъэ абзы.	Цыяпхъэ-р абзы.	Цыяпхъэ-р цые ашӀы.
(Какое-то) сукно кроют.	(Известное) сукно кроют.	(Вообще) сукно делают черкеской, т. е. из сукна делают черкеску.

Из этих примеров мы видим, что в прямом дополнении определенная форма имеет окончание «-р», неопределенная форма не имеет никаких окончаний, а общее понятие преимущественно совпадает с определенной формой, хотя нередко может стоять и в неопределенной форме (см. первый пример). Следовательно, выражение родового понятия не совсем одинаково у подлежащего и у прямого дополнения. Это относится к прямой форме дополнительных слов.

В литературном языке косвенная форма дополнительных слов всегда имеет окончание «-м». Неопределенная форма в этом случае при выражении подлежащего в литературном языке не употребляется. Различие между двумя формами здесь утрачено.

Неопределенная форма	Определенная форма	Общее понятие
	Ударники-м дэгъоу Юф ешӀэ.	Ударники-м дэгъоу Юф ешӀэ.
	(Известный) ударник хорошо вообще работу выполняет.	(Вообще) ударник хорошо работу выполняет.
	Чэтыу-м цыгъор еубыты.	Чэтыу-м цыгъо еубыты.
	(Известная) кошка ловит (известную) мышь.	(Вообще) кошка ловит мышей.
	Ударники-м премие раты.	Ударники-м премие раты.
	(Какую-то) премию (известному) ударнику дают.	(Какую-то) премию (вообще) ударнику дают.

Мэзым пхэа кысэщы.	Хьэклэ-кыуаклэхэр мэ- зым хэсых.
Я из (определенного) леса дрова везу.	(Вообще) в лесу живут звери.
Еджапэм хьаку рашыхьэ.	Еджапэм щеджэх.
В (определенной) школе делают печь.	(Вообще) в школе учатся.
Чэмыр псы-м ешэо.	Чэмы-р псы ешэо.
Корова (определенную) воду пьет.	Корова (вообще) воду пьет.
Пшъашъэр лы-м дэ- клуагъ.	Пшъашъэр лы дэклуагъ.
Девушка за (определен- ного) мужчину вышла.	Девушка (вообще) замуж вышла.

Как мы видим из этих примеров, подлежащее в продуктивном сказуемом с окончанием на «-м» может обозначать одновременно как определенный единичный предмет, так и общее понятие. Однако именно неопределенная форма подлежащего при продуктивном сказуемом употребляется в общем значении в отрицательных, вопросительных и некоторых других типах предложения (за исключением утвердительного типа):

Неопределенная форма	Определенная форма	Общее понятие
	Лодырым Иоф ыльэгъу хьурэп.	Лодырь Иоф ыльэгъу хьурэп.
	(Заранее известный) ло- дырь не любит работы.	(Вообще) ни один ло- дырь не любит работы.
		Чэм лы ышхырэп.
		(Вообще) ни одна корова мяса не ест.

Из этих примеров можно сделать вывод, что форма подлежащего без окончания в отрицательном предложении обозначает общее понятие, а не единичный неопределенный предмет.

В дополнительных словах, имеющих окончание «-м», в тех случаях, когда они выражают различные косвенные дополнения, возможно употребление неопределенной формы:

Неопределенная форма	Определенная форма	Общее понятие
Обзэгъу-клэ пхэа акьутэ.	Обзэгъу-м-клэ пхэа акьутэ.	Обзэгъу-клэ пхэа акьутэ.
(Неизвестным) топо- ром рубят дрова.	(Известным) топором рубят дрова.	(Вообще) топором рубят дрова.
Автомобиль-клэ сэкло.	Автомобилым-клэ сэкло.	Автомобиль-клэ мэзе- кдох.
Я на (каком-то) авто- мобиле еду.	Я на (известном) авто- мобиле еду.	(Вообще) на автомобиле ездят.

Таким образом, косвенное творительное или орудное дополнение имеет все три значения. Его общее значение по форме совпадает с неопределенным значением и употребляется без окончания «-м».

В качестве творительного дополнения в адыгейском языке может употребляться форма без суффикса «-клэ», но с добавлением префикса «ра- || рэ- || ры-» в сказуемом. Это дополнение употребляется, как и другие косвенные дополнения на «-м», только с этим окончанием в значении определенной формы и общего понятия:

Обзэгъ-м пхъэ ракъутэ. (Известным) топором рубят дрова.	Обзэгъум пхъэ ракъутэ. (Вообще) топором рубят дрова.
Автомобилы-м сы-рэ- къо.	Автомобилы-м рэ- зеклох.
Я на (известном) авто- мобиле еду.	(Вообще) на автомобиле ездят.

Вообще относительно употребления неопределенной формы дополнительных слов (без всяких окончаний) и их определенной формы мы можем сделать вывод, что во всех косвенных дополнениях и в подлежащем, которые могут иметь окончание «-м», неопределенная форма в современном языке не употребительна, а определенная форма оканчивается на «-м». Она же одновременно может иметь и общее значение. Наоборот, те дополнительные слова, которые могут иметь окончание «-р», могут иметь и неопределенную форму без этого окончания. Родовое значение этих дополнительных слов выражается обычно неопределенной формой. Эти примеры еще раз подчеркивают существующую в адыгейском языке грамматическую разницу между прямой (окончание «-р») и косвенной (окончание «-м») формами дополнительных слов. Следовательно, в современном адыгейском языке неопределенная форма этих слов находится на пути к превращению в одну из разновидностей их прямой формы.

Однако такое соотношение между определенной и неопределенной формами не всегда существовало в адыгейском языке. В архаическом языке, сохраняющемся, например, в адыгейских пословицах и поговорках, мы наблюдаем случаи употребления неопределенной формы не только прямых, но и косвенных дополнений:

Хьакужь ятІэ къелыжьрѣп.

Старая печь глины не оставляет,
т. е. от старой печи не остается глина (о хорошем аппетите).

Чѣм лъакъо шкІэ ыукІырѣп.

Нога коровы теленка не убивает,
т. е. корова не убивает теленка.

Шы лагъэ хъэ енѣщы.

Павшей лошади сабака алчет,
т. е. собака зарится на павшую лошадь.

Эти примеры показывают, что в более древнюю эпоху в адыгейском языке неопределенная форма могла употребляться для выражения оттенка неопределенности во всех тех случаях, когда теперь употребляется определенная форма. При этом за некоторыми редкими исключениями, о которых мы скажем ниже, неопределенная форма в адыгейском языке не изменялась по падежам. Судя по некоторым пережиткам (см. примеры ниже), в современном языке, неопределенная форма первоначально могла выражать без всякого оформления (т. е. без прибавления суффикса числа) не только единственное, но и множественное число. Например:

Магазинѣм тетрадь щащѣ.

В магазине тетради продают.

Ынѣ мѣузы.

Глаза его болят.

Колхозым мѣл иІ.

Колхоз имеет овец.

Отсюда можно предположить, что неопределенная форма представляет собою остаток того аморфного, т. е. неоформленного слова, кото-

рое существовало в эпоху аморфного строя. Только впоследствии, с развитием в языке морфологии — различных формальных частиц (префиксов и суффиксов) — бывшее неоформленное слово остается уже только для выражения неопределенного значения в дополнительных словах, а в современном языке ее употребление все более и более ограничивается случаями прямой формы дополнений.

Особого внимания заслуживает форма тех дополнительных слов, которые выражают только отдельные предметы: собственных имен и имен с притяжательными и указательными префиксами. Дополнительные слова с указательными префиксами (мы, мо, а) употребляются всегда в определенной форме (т. е. с окончаниями «-м», «-р»).

Мы унэр мыгъэ ашыгъ.

Этот дом в этом году построили.

Мо унэхэр гъэрэкӀо ашыгъэх.

Вот те дома в прошлом году построили.

А фабриком сэ сыщыӀагъ.

На той фабрике я был.

Мо унэмэ пхъэ арышъухъ.

В те комнаты дрова внесите.

Мо унэмэ мы пхъэр арышъухъ.

В те вот комнаты эти дрова внесите.

Имена собственные, оканчивающиеся на согласный, употребляются только в неопределенной форме (пережиток неоформленного имени).

Умары тхылъхэр къыхъыжьыгъэх.

Умар книги принес обратно.

Мерэмы Умар ыльэгъугъ.

Марьям Умара увидела.

Мерэмы джанэ еды.

Марьям рубаху шьет.

Умары Мерэм ыльэгугъ.

Умар увидел Марьям (ее).

Собственные имена, оканчивающиеся на ударные гласные, имеют в качестве дополнительных слов всегда определенную форму (с окончаниями «-м», «-р»).

Нахъор заводым щыӀ.

Нахо на заводе находится.

Нахъом Айсэр ыльэгъугъ.

Нахо увидел Айсу.

Айсэм институтыр мыгъэ къеухы.

Айса институт в этом году кончает.

Наконец, имена с притяжательными префиксами (см. стр. 383) имеют в ед. ч. только неопределенную, а во мн. ч. — лишь определенную форму:

Тишкол — школ дэгъу.

Наша школа — хорошая школа.

Тишколхэр — школ дэгъух.

Наши школы — хорошие школы.

СӀэ сэтхъэкӀы.

Свою руку я мою.

СӀэхэр сэтхъэкӀых.

Свои руки я мою.

Ятэ ыкъо епӀу.

Отец своего сына воспитывает.

Ятэмэ акъохэр аплу.

Отцы своих сыновей воспитывают.

Те из перечисленных дополнительных слов, которые употребляются в адыгейском языке только в неопределенной форме и оканчиваются на согласный (в результате исторического отпадения конечного безударного «ы» или во вновь усвоенных словах), собственные имена и дополнительные слова с притяжательными префиксами (в ед. числе), имеют специальные способы для выражения прямой и косвенной формы. Прямая форма этих слов остается без окончания, косвенная же форма в большинстве случаев принимает гласное окончание «-ы». Это окончание появляется в той же синтаксической связи, как суффикс «-м» в определенной форме.

Пример:

Тишколы иныхэри щеджэх.

В нашей школе и взрослые учатся.

Тиколхозы машинитлу ил.

Наш колхоз две машины имеет.

Тишэщы шыхэр члэтых.

В нашей конюшне лошади стоят.

(Ср. также выше примеры на имена собственные.)

Побудительные обороты. Кроме непродуктивного и продуктивного, в адыгейском языке имеются еще побудительные обороты. Эти обороты выражают, в общем, побуждение, принуждение или допущение делать что-либо. Побудительные обороты могут быть образованы от обеих рассмотренных нами выше основных оборотов — непродуктивного и продуктивного. Так как побудительные формы как всего предложения, так и сказуемого в нем несколько отличаются друг от друга — в зависимости от того, образован ли побудительный оборот от непродуктивного или от продуктивного, — то мы различаем в адыгейском языке два побудительных оборота: побудительный, образованный от непродуктивного, и побудительный, образованный от продуктивного.

Побудительный, образованный от непродуктивного, отличается тем, что с его помощью всякое непродуктивное предложение можно превратить в продуктивное. При этом в таком предложении появляется прямой объект (прежнее подлежащее), и все предложение, таким образом, как по форме, так и по смыслу превращается в продуктивное.

Непродуктивный

Колхоз председателыр районым
макло.

Председатель колхоза едет в район.

Клалэр еджэ.

Мальчик учится.

Тракторыр дэгъоу ма-жъо.

Трактор пашет хорошо.

Бригадэр мэ-лажъэ.

Бригада работает.

Лыр ма-жъо.

Мясо варится.

Побудительный от непродуктивного

Колхоз правлением председателыр
районым егъакло.

Правление колхоза посылает (заставляет ехать) председателя в район.

Илахъылымэ клалэр р-а-гъа-джэ.

Родственники позволяют мальчику учиться.

Трактористэм тракторыр дэгъоу
е-гъажъо.

Тракторист заставляет трактор хорошо пахать.

Бригадырым бригадэр е-гъэ-лажъэ.

Бригадир побуждает бригаду работать.

Шъузым лыр е-гъа-жъо.

Женщина мясо варит.

Из этих примеров мы видим, что побудительный оборот переводится по-русски описательно: в предложение прибавляются слова „принуждает, заставляет, дает, допускает, позволяет“ и т. д. с неопределенным наклонением соответственного глагола. В редких случаях побудительное сказуемое приходится переводить соответственным русским переходным глаголом (см. первый и последний примеры). По составу членов предложения и по их форме побудительный от непродуктивного не отличается от продуктивного оборота. Число, порядок расположения и характер префиксов в составе сказуемого при непродуктивно-побудительном обороте ничем не отличается от того, что мы имеем при продуктивном обороте:

Побудительный от непродуктивного

Продуктивный оборот

сэ-кЮ	
я иду	
сэ-гъа-кЮ	сэ-щэ
(его) я заставляю итти я посылаю	(его) я веду
къэ-сэ-гъа-кЮ	къэ-сэ-щэ
(его) сюда я заставляю итти	(его) сюда я веду
е-гъа-кЮ	къ-е-щэ
(его) он заставляет итти	(его) сюда он ведет
къ-е-гъа-кЮ	къ-е-щэ-х
(их) сюда он заставляет итти	(их) сюда он ведет
сы-къэ-мы-гъа-кЮ	сы-къэ-мы-щ
(сы-къэ-у-мы-гъа-кЮ)	(сы-къэ-у-мы-щ)
меня сюда ты не заставляй итти	меня сюда ты не веди
у-къы-с-ф-и-гъэ-кЮагъ	у-къы-с-ф-и-щагъ
тебя сюда меня для он заставил	тебя сюда меня для он привел,
пойти, т. е. он тебя сюда послал	т. е. он тебя сюда привел для меня
для меня	
у-къы-с-ф-а-гъэ-кЮагъ	у-къы-с-ф-а-щагъ
тебя сюда меня для они заставили	тебя сюда меня для они привели,
пойти, т. е. они тебя сюда послали	т. е. они тебя сюда привели для
для меня	меня

Из всех этих примеров мы видим, что побудительный от непродуктивного отличается от продуктивного оборота в составе префиксов сказуемого только тем, что в побудительном добавляется непосредственно перед основой сказуемого один лишний префикс, «гъа-, гъэ», который, собственно, и обозначает побудительность. Во всем остальном состав сказуемого обоих оборотов полностью совпадает.

Побудительный, образованный от продуктивного, представляет собой некоторые особенности по сравнению с продуктивным оборотом. По своему содержанию этот оборот выражает такое действие, которое подлежащее совершает через посредство другого лица:

Продуктивный оборот

Побудительный от продуктивного

сэ-щэ	о-сэ-гъа-щэ
(его) я веду	(его) тебя я заставляю вести, т. е.
	я заставляю тебя вести его
еджакЮмэ лозунгхэр а-тхы-х	учителем лозунгхэр еджакЮмэ
	а-р-е-гъэ-тхы-х
ученики пишут лозунги	учитель позволяет ученикам пи-
	сать лозунг
о-лъэгъу	о-сэ-гъэ-лъэгъу
(его) ты видишь	(его) тебе я даю видеть, т. е. я
	тебе показываю его

у-е-льэгъу
тебя он видит

Селькорым статьяр е-тхы.

Селькор пишет статью.

Пхъашлэм партхэр е-шы-х.

Плотник делает парты.

Шым зэнтхъ е-шхы.

Лошадь ест овес.

Машинисткэм статьяр х-е-уты.

Машинистка печатает статью.

у-е-сэ-гъэ-льэгъу

тебя ему я даю видеть, т. е. я ему
показываю тебя

Редакторым статьяр селькорым
р-е-гъэ-тхы.

Редактор заставляет селькора пи-
сать статью, т. е. редактор дает
селькору писать статью.

Заведующым партхэр пхъашлэм
р-е-гъэ-шы-х.

Заведующий заставляет, плотника
делать парты.

Конюхым зэнтхъ шым р-е-гъэ-шхы.

Конюх дает лошади есть овес.

Редакторым статьяр машинисткэм
хы-р-е-гъэ-уты.

Редактор заставляет машинистку
печатать статью.

Из этих примеров мы видим, что по сравнению с соответственным продуктивным оборотом при побудительном от продуктивного в состав предложения добавляется лишнее дополнительное слово (при прочем равном составе членов предложения). Это лишнее дополнительное слово выражает как раз то лицо или тот предмет, через посредство которого подлежащее совершает действие. Назовем это дополнительное слово вторым объектом или вторым прямым дополнением. Второй объект выражает бывшее подлежащее продуктивного оборота, от которого образован данный побудительный. По содержанию второй объект обозначает непосредственного исполнителя действия. Он имеет всегда косвенную форму дополнения с окончанием «-м». Следовательно, второй объект при побудительном от продуктивного стоит в той же самой форме, что и продуктивное подлежащее вообще (т. е. подлежащее при продуктивном, при побудительном от непродуктивного и при побудительном от продуктивного). Связь второго объекта со сказуемым выражается теми же префиксами, что и связь продуктивного подлежащего вообще. Однако префикс, связанный со вторым объектом, отличается от префикса, связанного с подлежащим, местом своего расположения среди остальных префиксов в составе сказуемого.

Обратимся теперь к анализу (разбору) порядка расположения префиксов в составе сказуемого при продуктивно-побудительном обороте. Возьмем следующие примеры:

Председателым плакатыр с-е-гъэ-льэгъу.

Председатель плакат меня заставляет видеть,
т. е. председатель показывает мне плакат.

Председателым плакатыр у-е-гъэ-льэгъу.

Председатель плакат тебе показывает,
т. е. председатель показывает тебе плакат.

Председателым плакатыр р-е-гъэ-льэгъу.

Председатель плакат ему показывает.

Председателым плакатыр а-р-е-гъэ-льэгъу.

Председатель плакат им показывает.

В этих предложениях меняется лицо второго объекта. В связи с этим в составе сказуемого изменяется префикс, стоящий непосредственно перед префиксом подлежащего. При этом в третьем лице единственного числа префикс второго объекта выражается частицей «р(э)-||р(ы)-», а в третьем лице множественного числа перед этой частицей ставится

еще один префикс «а-», собственно, и выражающий 3 л. м. ч. Следовательно, в последней форме второй объект выражен как бы двумя префиксами. Можно предположить, что сохранение частицы «р-» в этом случае вызвано только необходимостью разделить два префикса — «а-» и «е-», состоящие из гласных и полугласного «й», так как по законам адыгейского языка префиксы, состоящие из одних гласных и полугласных, должны слиться в один слог. Частица «р-» имеет здесь, следовательно, лишь разделительное значение. Во всех приведенных выше формах, однако, префикс первого объекта, который должен стоять в самом начале сказуемого, в 3 л. ед. ч. отсутствует (выражен отрицательно, ср. стр. 32) и перед основой сказуемого стоит префикс «гъа-, гъэ-», выражающий побудительность. Для того, чтобы точнее определить место префикса второго объекта, попробуем изменять данное сказуемое по лицам первого объекта:

Сятэ докторым сы-р-е-гъэ-лъэгъу.

Мой отец меня доктору показывает.

Уятэ докторым у-р-е-гъэ-лъэгъу.

Твой отец тебя доктору показывает.

Ятэ кIалэр докторым р-е-гъэ-лъэгъу.

Его отец мальчика доктору показывает,

т. е. отец своего мальчика доктору показывает.

Ятэ кIалэр доктормэ а-р-е-гъэ-лъэгъу.

Его отец мальчика докторам показывает,

т. е. отец своего мальчика докторам показывает.

Ятэ кIалэхэр докторым р-е-гъэ-
лъэгъу-х.

Их отец мальчиков доктору показывает, т. е. отец своих мальчиков доктору показывает.

сы-у-е-гъэ-лъэгъу

он меня тебе показывает

с-е-о-гъэ-лъэгъу

ты меня ему показываешь

у-е-сэ-гъэ-лъэгъу

я тебя ему показываю

Ятэ кIалэхэр доктормэ а-р-е-гъэ-
лъэгъу-х.

Их отец мальчиков докторам показывает, т. е. отец своих мальчиков докторам показывает.

с-я-о-гъэ-лъэгъу

ты меня им показываешь

у-я-сэ-гъэ-лъэгъу

я тебя им показываю

Из всех этих примеров для нас становится ясным, что префикс второго объекта стоит между первым префиксом первого объекта и последним префиксом подлежащего. Кроме того, выясняется, что префикс 3 л. второго объекта обычно выражается через частицу «е-». Частица же «р-» для выражения этого префикса появляется лишь в том случае, когда рядом должно было бы стоять два префикса «е-е-», которые по фонетическим законам адыгейского языка сливаются в один слог. В 3 л. мн. ч. второй объект выражается префиксом «я-».

Для того, чтобы состав префиксов продуктивно-побудительного сказуемого стал для нас совершенно ясным, попробуем еще изменять его по лицам подлежащего:

1 2 3 2 3 1

Сэ о ащ у-е-сэ-гъэ-лъэгъу.

Я тебя ему тебя-ему-я-показываю.

1 2 3 2 3 1

О сэ ащ с-е-о-гъэ-лъэгъу.

Ты меня ему меня-ему-ты-показываешь.

1 2 3 2 3 1 2

Ащ ахэр докторым -р-е-гъэ-лъэгъу-х.

Он их доктору (их)-ему-он-показывает-их.

1 1 3 2 3 1
 Ащ сэ докторым сы-р-е-гъэ-лъэгъу.
 Он меня доктору меня-ему-он-показывает.

1 2 3 2 3 1
 Шъо сэ докторым с-е-шъо-гъэ-лъэгъу.
 Вы меня доктору меня-ему-вы-показываете.

1 2 3 2 3 1
 Ахэмэ сэ докторым сы-р-а-гъэ-лъэгъу.
 Они меня доктору меня-ему-они-показывают.

В результате нашего анализа мы можем теперь составить схему или формулу расположения слов и префиксов при продуктивно-побудительном обороте:

1 Подлежащее		2 Первый объект (прямое дополнение) Сказуемое		3 Второй объект (бывшее подлежащее)	
Префикс первого объекта 2	Префикс второго объекта 3	Префикс подлежащего 1	Префикс побудительного залога	Основа сказуемого	Суффикс мн. ч. прямого дополнения

и такую же схему непродуктивно-побудительного оборота (см. примеры на стр. 49—50).

1 Подлежащее		2 Прямое дополнение (бывшее подлежащее) Сказуемое		
Префикс прямого дополнения 2	Префикс подлежащего 1	Префикс побудительного залога	Основа сказуемого	Суффикс мн. ч. прямого дополнения

1 2 2 1
 Шъо тэ ты-шъо-гъа-кю.
 1 2 2 1
 Вы нас нас-вы-заставляете итти.
 1 2 2 1 2
 Ащ калэхэр-е-гъа-кю-х.
 1 2 2 1
 Он мальчиков (их)-он-заставляет итти-их.

Префиксы второго объекта, как мы увидим дальше, полностью совпадают по своему звуковому составу и порядку расположения с префиксами дательного дополнения. Несомненно, что второй объект представляет собою, в сущности, дательное дополнение. По-русски его тоже в части случаев приходится переводить дательным падежом: „дает кому, позволяет кому делать что“. Однако по своему происхождению второй объект лучше считать именно вторым объектом, так как он выражает лицо или предмет, непосредственно подвергающийся побуждению.

Исторически оба побудительные оборота появились позднее основных оборотов продуктивного и непродуктивного. Поэтому в адыгейском языке нет просто побудительного оборота. Побудительные предложения можно строить только на основе уже существующих непродуктивных или продуктивных. Появление побудительных оборотов, очевидно, связано уже с появлением общественного разделения труда и зачатков эксплуатации в недрах первобытной общины. Побудительный оборот, который первоначально отражал общественные отношения людей, в на-

стоящее время приобретает более абстрактный формальный характер. Таким образом, сейчас оказывается возможным строить побудительные предложения, в которых в качестве объекта побуждения выступают уже не люди, а инструменты, машины и даже продукты труда. Например, некоторые односложные слова-сказуемые, выражающие примитивные производственные процессы, образуют с префиксом побудительного залога «гъа-||гъэ-» формы, по смыслу просто продуктивные. И это несмотря на то, что часть из них параллельно имеет настоящие продуктивные формы. Побудительные формы являются в этом последнем случае как бы излишними, заменяющими продуктивные. Это вызывает необходимость образования двойных побудительных форм для выражения как простого продуктивного, так и настоящего побудительного сказуемого:

Непродуктивный	Продуктивный	Одинарный побудительный в значении продуктивного	Двойной побудительный в собственном значении побудительного
жъо варись	жъо вари	гъа-жъо ваои (буквально—заставляй (нечто) вариться)	е-гъэ-гъа-жъу заставляй варить (буквально—заставляй заставлять вариться)
жъэ жарься	жъэ жарь	гъа-жъэ жарь (буквально—заставляй (нечто) жариться)	е-гъэ-гъа-жъ заставляй жарить (буквально—заставляй кого-нибудь заставлять (нечто) жариться)
жъу тай, плавься	—	гъэ-жъу плавь (буквально заставляй (нечто) таять, плавиться)	е-гъэ-гъэ-жъу заставляй плавить, растапливать (буквально—заставляй кого-нибудь заставлять (нечто) таять)
щы вейся, скручивайся (о веревке), прядись, сучись (о нити)	—	гъэ-щы вей, сучи (нить)	е-гъэ-гъэ-щ заставляй сучить, вить
чы крутись, вертись	—	гъэ-чы крути, верти (волчок)	е-гъэ-гъэ-ч заставляй крутить, вертеть
—	—	гъэ-псы наладь, заведи (о часах)	е-гъэ-гъэ-пс заставляй налаживать; заставь завести и т. д.

В современном адыгейском языке и в других случаях употребляются двойные побудительные формы, например:

Председателым еджаклохэр газетым учителым ры-р-и-гъэ-гъэ-джа-гъэ-х.

Председатель учеников газету заставил учителя заставить читать, т. е. председатель заставил учителя побудить учеников читать газету.

В этих примерах двойные побудительные формы с двумя префиксами «гъэ-гъэ-» образуются, как мы видим, от непродуктивного сказуемого. От продуктивного оборота можно тоже образовать двойной побудительный. В этом случае в составе сказуемого будет тоже два побудительных префикса «гъэ-гъэ-», а двойная побудительность будет выражаться двумя

вторыми объектами и двумя соотносительными им личными префиксами сказуемого, например:

Председателым плакатхэр учителым еджакломэ а-ры-р-и-гъэ-гъэ-тхыгъэ-х.

Председатель плакаты заставил учителя учеников заставить написать, т. е. председатель заставил учителя заставить учеников написать плакаты.

Разумеется, эти сложные формы в современном адыгейском языке употребляются редко. Слишком сложные по своему составу формы сказуемого теперь стараются заменять более легкими описательными выражениями, в которых побудительность передается отдельными словами „приказал“, „сказал“:

Председателым учителым рилуи, учителым плакатхэр еджакломэ а-р-и-гъэ-тхыгъэ-х.

Председатель сказал учителю, и учитель плакаты учеников заставил написать.

Связь и противопоставление сказуемого и дополнительных слов.

Сказуемое и дополнительные слова в адыгейском языке тесно связаны друг с другом. Это значит, что в то же время сказуемое и дополнительные слова противопоставлены друг другу, как некие противоположности. Конечно, эта связь и противопоставление выражено только грамматическими формами. Однако грамматическое противопоставление представляет собою лишь форму, в которой выражается единство противоположностей логического предиката и логического субъекта, отраженное в каждом предложении. Образец анализа предложения с этой стороны дает нам Ленин¹ (ср. также у Энгельса. „Диалектика природы“, Маркс — Энгельс. Соч. т. XIV, стр. 398—399, Л., 1931 г.).

Противопоставление и связь сказуемого и дополнительных слов в грамматическом отношении мы можем проследить в адыгейском языке в нескольких разрезах: во-первых, сказуемое и дополнительные слова связаны и противопоставлены друг другу порядком их взаимного расположения, во-вторых — их интонацией, в-третьих — порядком расположения при них соотносительных (взаимосвязанных) и несоотносительных (взаимонезависимых) формальных частиц (суффиксов и префиксов) и, наконец, — звуковым различием самих этих частиц. Все перечисленные формы связи и противопоставления имеют для нас значение потому, что в них выражается основное различие между сказуемым (предикатом) и дополнительными словами (всеми несказуемыми), с одной стороны, и различия между прямыми и косвенными дополнениями — с другой. Эти различия, эта протизоположность одних членов предложения другим есть в то же время и внешнее выражение единства всего предложения в целом.

По вопросу о порядке слов выше мы уже отмечали, что обычно на последнем месте в предложении стоит сказуемое. Отсюда следует, что все дополнительные слова обычно расположены в начале предложения и предшествуют сказуемому. Дополнительные слова друг в отношении друга тоже стоят в определенном предпочтительном порядке:

1. Подлежащее (косвенная форма)	2. Прямое дополнение (прямая форма)
3. Дательное дополнение (косвенная форма)	4. Орудное дополнение (косвенная форма)

¹ Ленин. К вопросу о диалектике. Соч., т. XIII, стр. 302—303.

Местное дополнение
(косвенная форма)

Таков порядок слов в предложении, выражающем продуктивный оборот и имеющем наибольшее количество дополнительных слов. Вообще, если в предложении этого типа имеется несколько членов с одинаковым окончанием (например, в косвенной форме на «-м», или в неопределенной форме без всяких окончаний), то на первом месте всегда стоит подлежащее, а на втором — прямое дополнение. Что касается порядка остальных дополнительных слов, то он менее определен и может меняться; вообще лучше, с точки зрения адыгейского слога, если между двумя одинаково оканчивающимися дополнительными словами стоит такое же слово с иным окончанием (например, прямая форма с окончанием «-р», или орудная форма с окончанием «-кIэ»):

Учителым тхыльхэр еджакIомэ ахьщэкIэ магазинэм к-а-щы-ф-и-щэфыгъ.

Учитель книги ученикам деньгами (т. е. на деньги) в магазине купил.

Даудэ магазинэм Мэджидэ ы-гъэ-кIуагъ.

Дауд Меджида в магазин послал.

Совхозым чылапхьэр колхозым р-е-ты.

Совхоз семена колхозу дает.

Из двух последних примеров видно, что подлежащее узнается именно по своему положению на первом месте. При всяком ином порядке слов оно бы путалось с другим дополнительным словом, имеющим одинаковое с ним окончание. От перемены порядка слов в этом случае зависит понимание предложения:

Даудэ Мэджидэ ы-гъэ-кIуагъ.

Дауд Меджида послал.

Мэджидэ Даудэ ы-гъэ-кIуагъ.

Мэджид Дауда послал.

Совхозым колхозым р-е-ты.

Совхоз колхозу дает.

Колхозым совхозым р-е-ты.

Колхоз совхозу дает.

и т. д.

При непродуктивном обороте члены предложения располагаются в следующем порядке:

1.

Подлежащее
(прямая форма)

2.

Орудное дополнение
(косвенная форма)

3.

Дательное дополнение
(косвенная форма)

4.

Местное дополнение
(косвенная форма)

5.

Сказуемое

Колхозникхэр грузовикымкIэ районым ма-кIох.

Колхозники грузовиком (т. е. на грузовике) в район едут.

Хьасанэ ахьщэкIэ Мэджидэ магазинэм щыфэщэфэ.

Хасан на деньги Меджиду в магазине покупает.

Хьасанэ Мэджидэ еджэ.

Хасан Меджида зовет.

Мэджидэ Хьасанэ еджэ.

Мэджид Хасана зовет.

Из примеров видно, что, несмотря на разницу в форме подлежащего, и при непродуктивном обороте подлежащее стоит всегда на первом месте в предложении. Во многих случаях от перемены порядка слов, имеющих одинаковое окончание, зависит понимание подлежащего во фразе (ср. последние два примера).

Выше мы уже видели, что в предложении имеет значение также интонация. В частности, она служит для того, чтобы отличить дополнительные слова от сказуемого. На сказуемом голос в зависимости от типа предложения повышается или понижается. На предшествующих сказуемому дополнительных словах интонация держится или на одинаковом более высоком по сравнению со сказуемым уровне, или, в более редких случаях, — на более низком уровне (например, в предложениях, выражающих удивление). Кроме того, в некоторых случаях, когда хотят особо подчеркнуть подлежащее во избежание смешения его с другими дополнительными словами, на нем ставится силовое (экспираторное) ударение (так называемое „логическое“ ударение).

Такое же различие между дополнительными словами и сказуемым наблюдается и в отношении порядка присоединения к ним формальных частиц (префиксов и суффиксов). Взаимосвязанные формальные частицы присоединяются к дополнительным словам и сказуемому не одинаково. К сказуемому они присоединяются в качестве префиксов, т. е. к началу слова перед его основой, к дополнительным же словам — в виде суффиксов, т. е. к концу слова после его основы. Таковы у дополнений суффиксы «-р» и «-м», выражающие их прямую и косвенную формы, а также суффиксы — «-кIэ» и «-эу», обозначающие орудную и превратительную (материально-качественную) формы. В сказуемом, наоборот, этим окончаниям всегда соответствуют личные и другие префиксы (см. раздел о префиксах сказуемого, стр. 31).

Кроме взаимосвязанных или соотносительных формальных частиц, в составе как сказуемого, так и дополнительных слов могут оказаться взаимно не связанные или несоотносительные частицы. Несотносительные частицы можно свободно менять и при дополнительных словах и при сказуемом. Это не оказывает никакого влияния на связь слов в предложении. Таковы у сказуемого частицы, выражающие времена и наклонения, а у дополнений — притяжательные и указательные частицы. Дополнительные слова отличаются от сказуемого также порядком присоединения несоотносительных частиц. К сказуемому они присоединяются в виде суффиксов, а к дополнительным словам — в виде префиксов. Поясним это примерами:

Си-кIалэ уи-пхъ-эх ыхьы-гъ.

Мой сын твою пилу понес, т. е. взял.

Уи-кIалэ си-пхъ-эх ыхьы-гъ.

Твой сын мою пилу понес, т. е. взял.

Уи-кIалэ си-пхъэх ыхьы-щт.

Твой сын мою пилу возьмет.

Си-кIалэ уи-пхъэх ыхьы-щт.

Мой сын твою пилу возьмет.

Ти-шыхэр шъуи-колхоз раща-гъэ-х.

Наших лошадей вашему колхозу продали.

Шъуи-шыхэр ти-колхозы раща-гъэ-х.

Ваших лошадей нашему колхозу продали.

Шыхэр колхозым раща-гъэ-х.

Лошадей колхозу продали.

Шыхэр колхозым ращэ-щты-х.

Лошадей колхозу продадут.

Мо кIалэм мы тхылъыр кытрина-гъ.
Вот тот мальчик эту книгу оставил.

Мы кIалэм мо тхылъыр кытрина-гъ.
Этот мальчик вот ту книгу оставил.

Мо кIалэм мы тхылъыр кытрина-гъ-а?
Вот тот мальчик эту книгу оставил?

Мы кIалэм мо тхылъыр кытрина-гъ-а?
Этот мальчик вот ту книгу оставил?

А тракторым мы участкэр ыжъуа-гъ.
Тот трактор этот участок вспахал.

Мы тракторым а участкэр ыжъуа-гъ.
Этот трактор тот участок вспахал.

А тракторым мы участкэр ыжъуа-гъ-а?
Тот трактор этот участок вспахал?

Мы тракторым а участкэр ыжъуа-гъэ-п.
Этот трактор тот участок не вспахал.

Из этих примеров мы можем сделать вывод, что перемена притяжательных и указательных префиксов при дополнительных словах не оказывает никакого влияния на их различные связи со сказуемым. Подлежащее, несмотря на смену этих префиксов, остается подлежащим, прямое дополнение — прямым дополнением, и дательное дополнение — дательным дополнением. Точно так же изменение суффиксов, выражающих времена и наклонения при сказуемом, не оказывает никакого влияния на его связи с дополнительными словами. Суффиксы дополнительных слов и префиксы сказуемого при присоединении этих несоотносительных частиц не меняются.

Из этих же примеров видно, что несоотносительные частицы присоединяются к дополнительным словам в виде префиксов, а к сказуемому — в виде суффиксов и выражают совершенно различные по содержанию, не имеющие никакой связи друг с другом формы.

Единственной соотносительной формальной частицей, которая присоединяется к дополнительным словам и к сказуемому совершенно одинаково, является суффикс множественного числа «-хэ», примеры на который мы давали уже выше (см. стр. 32—33). Эта частица и при дополнительных словах и при сказуемом по происхождению тоже совершенно одинакова. Разница лишь в том, что при сказуемом этот суффикс состоит из одного согласного.

Для того, чтобы отличить сказуемое от дополнительных слов, весьма важным признаком служит также употребление при них неодинаковых (по своему звуковому составу) формальных частиц. Так, суффиксы дополнения и суффиксы сказуемого — различны и никогда не совпадают. При дополнительных словах мы имеем суффиксы «-р, -м, -кIэ, -эу, -хэ», а при сказуемом суффиксы времен, наклонений и суффикс мн. ч. «-х».

Что касается префиксов сказуемого и дополнительных слов, то они частью сходны, частью совпадают в звуковом отношении. Однако сходными и совпадающими оказываются несоотносительные, взаимно не связанные префиксы, например, притяжательные префиксы дополнительных слов и личные префиксы сказуемого, указательные префиксы «мы, мо, а», дополнительных слов и префикс третьего лица непродуктивного сказуемого «мэ-||ма-» и продуктивного сказуемого «а-» и т. д. Таким образом, звуковое сходство или полное звуковое совпадение префиксов сказуемого и дополнительных слов наблюдается только в отношении несоотносительных префиксов. Исторически это совпадение и сходство, конечно, объясняется общим происхождением тех и других (см. ниже стр. 358—359). Немногие соотносительные частицы — префиксы сказуемого и суффиксы дополнительного слова — даже в том случае, если они

сходны или совпадают по звукам, находятся в составе того и другого как бы в обратном употреблении. Например, суффикс непродуктивного подлежащего «-р» связан в составе сказуемого с префиксом «мэ-||ма-». Наоборот, суффикс дополнительных слов «-м» связан с префиксами сказуемого «е-, ы-, а-» и частично также с префиксом «ры-». Таким образом, в том случае, когда мы наблюдаем в сказуемом и дополнительных словах связанные друг с другом формальные частицы, они оказываются различными в звуковом отношении.¹

Итак, в адыгейском языке сказуемое, с одной стороны, и дополнительные слова, с другой, находятся по отношению друг к другу как бы в обратной зависимости. В них связано то, что не сходно, и независимо то, что сходно. Эти удивительные отношения являются, конечно, результатом исторически развившейся общественной необходимости, которую мы воспринимаем как грамматическую целесообразность. Несмотря на все свои связи, или даже именно благодаря им, сказуемое и дополнительные слова представляют собою в адыгейском языке своего рода грамматические противоположности. Это помогает точнее отличать их друг от друга в связной живой речи и тем облегчает ее полное понимание.

В заключение обратим внимание еще на одну подробность противопоставления дополнительных слов — сказуемому: на сравнительное богатство грамматических форм того и другого. Сказуемое в адыгейском языке обладает огромным богатством форм. Будучи выражено глаголом, оно выделяет в своем составе часто до трех, а в редких случаях и до пяти лиц одновременно. С помощью личных префиксов адыгейское сказуемое (глагол) отражает в себе лица не только подлежащего и прямого дополнения, но и почти всех других возможных дополнений (дательного, орудного, русских дополнений с предлогами и т. д.). Таким образом, адыгейское сказуемое в общем выражает в себе все то, что в русском языке выражается падежами и предлогами. Такое огромное грамматическое развитие сказуемого осуществилось в адыгейском языке, несомненно, за счет грамматического развития дополнительных слов и, так сказать, в ущерб этому развитию. Дополнительные слова в противоположность сказуемому характеризуются значительной бедностью форм. Существует всего навсего две формы дополнения — прямая и косвенная. К этим основным формам можно прибавить еще две: сравнительно редко употребляемую форму, которую мы назвали превратительной или материально-качественной с окончанием «-эу, -у», и форму орудного дополнения с суффиксом — «-к|э». Эти 4 адыгейские формы соответствуют всем падежным формам других языков. Более точное определение значения этих форм, например, обозначает ли косвенная форма подлежащее или дательное, орудное или местное дополнение, или, наконец, отношение, выражаемое русским предлогом, — все это достигается вставкой, порядком расположения и формой префиксов сказуемого, например:

Колхозым къэ-сэ-щэ.

Я в колхоз везу (буквально — сюда-ввожу).

Колхозым къ-и-сэ-щы.

Я из колхоза везу (буквально — сюда-вывожу).

Пхъэнт|эк|лум сы-те-с.

Я на стуле сижу (буквально — на-сiju).

Чъыгым сы-ч|э-с || чъыг ч|эгъым сы-ч|э-с.

Я под деревом сижу (буквально — под-сiju).

Во всех приведенных примерах точное значение русских предлогов передается в адыгейском языке только префиксами сказуемого. Сами же

¹ Можно еще указать на противоположное употребление прямой и косвенной формы дополнительных слов, с одной стороны, и косвенной и прямой формы соотносительных им префиксов сказуемого, с другой; ср. стр. 101 и Морфологию, стр. 357.

адыгейские предложения построены так, как если бы мы сказали по-русски: „Я колхоза сюда-я-везу-внутри“, „я колхоза сюда-внутри (изнутри)-я-везу-наружу“, „я стуле я-на-сизжу“, „я деревом я-под-сизжу“ и т. д.

Сэ о кыы-о-сэ-ты.

Я тебе дарю (нечто).

О сэ кыы-сэ-о-ты.

Ты мне даришь (нечто).

Сэ о кыы-п-фэ-сэ-тхы.

Я (сюда) тебе пишу (нечто).

Сэ о п-фэ-сэ-тхы.

Я для тебя пишу (нечто).

Сэ о ащ у-е-сэ-гъэ-лъэгъу.

Я тебя ему показываю.

О сэ ащ с-е-о-гъэ-лъэгъу.

Ты меня ему показываешь.

и т. д.

Во всех этих примерах дополнительные слова, выраженные личными местоимениями 1-го и 2-го лица, не имеют никаких форм. Их синтаксические роли определяются исключительно вставкой, порядком и формой префиксов сказуемого.

Что сказуемое в адыгейском развило богатство своих форм действительно за счет скудости форм дополнительных слов, — это мы можем видеть еще и сейчас на отдельных примерах. Так, творительное или орудное дополнение может быть выражено в адыгейском языке двояко: или путем присоединения к нему специального суффикса «-кIэ», или же с помощью префикса «рэ-, ры-» в сказуемом. Самое интересное это то, что первый способ выражения исключает второй. Появление суффикса, передающего форму творительного падежа, может быть, таким образом, осуществлено лишь за счет исключения этой формы из состава сказуемого:

Шъузым сэмаурымкIэ щай е-гъа-жъо.

Шъузым сэмаурым щай р-е-гъа-жъо.

Женщина самоваром (т. е. в самоваре) чай кипятит.

ПхъашIэм пхъэр пхъэхымкIэ зэ-п-е-хы.

ПхъашIэм пхъэр пхъэхым ры-зэ-п-е-хы.

Плотник пилою дрова распиливает.

Префикс сказуемого «ры-» придает косвенной форме дополнения то же орудное значение, что и непосредственно присоединяемый к ней суффикс «-кIэ». Однако в том случае, когда к дополнительному слову присоединяется суффикс «-кIэ», орудный префикс «ры-» исчезает из состава сказуемого. Следовательно, развитие префиксов сказуемого в адыгейском языке делало ненужным, излишним развитие суффиксальных форм дополнительных слов, так как мы должны предположить, что и остальные префиксы сказуемого первоначально появились в результате общественного отбора одного из этих путей развития языка. Развитие форм адыгейского сказуемого могло идти только за счет неразвитости суффиксальных форм дополнительных слов.

Итак, число формальных частиц в сказуемом в адыгейском языке обратно пропорционально числу формальных частиц (суффиксов) при дополнительных словах. Сказуемое в этом отношении развилось за счет развития дополнительных слов. Это явление представляет собою результат определенной эпохи исторического развития языка. Как мы уже выше указывали, мы находим его также в других языках полисинтетического или, как можно точнее его назвать, „предикатного“ строя (см. выше стр. 8, 23).

В настоящее время исторический процесс чрезвычайного развития форм сказуемого в адыгейском языке можно считать законченным. Этот процесс привел к чрезмерному усложнению форм сказуемого, можно было бы даже сказать, к гипертрофии (переразвитию) одного этого члена предложения за счет других. Сейчас, особенно в связи с развитием адыгейского литературного языка, в связи с могучим воздействием на него высокоразвитого русского языка и других литературных языков Советского Союза в условиях построения социализма, наиболее сложные формы адыгейского сказуемого становятся слишком громоздкими, слишком трудными для произношения. Наоборот, адыгейские дополнительные слова получают новый толчок к развитию своих форм. Это должно повести к более равномерному грамматическому развитию всех членов адыгейского предложения. При дополнительных словах все больше и больше будут развиваться предложные (последложные) формы, которые разгрузят адыгейское сказуемое от излишнего накопления префиксов.

Косвенные дополнения и сказуемое. Косвенными дополнениями мы называем такие второстепенные члены предложения, которые, не будучи главными членами предложения, стоят в непосредственной связи с его сказуемым и имеют в составе последнего связанные с ними префиксы. К косвенным дополнениям относятся: дательное дополнение, местное дополнение, орудное или творительное дополнение и превратительное дополнение. Рассмотрим каждый из этих видов дополнений в отдельности.

Дательное дополнение выражает собою то дополнение, которое по-русски передается дательным падежом. В этом прямом смысле дательное дополнение употребляется сравнительно редко, только при глаголах, преимущественно обозначающих процесс обмена, и некоторых других. В составе сказуемого этому дополнению соответствуют префиксы, по своей форме совпадающие с префиксами как подлежащего при продуктивном обороте, так и местного дополнения. Эти префиксы в сказуемом могут стоять как при непродуктивном, так и при продуктивном оборотах.

Разница в префиксах сказуемого наблюдается только в 3 л. мн. ч., где дательный префикс звучит как «я-», а субъектный — как «а-».

Дательное дополнение в собственном смысле употребляется, напр., при глаголе «ты» — „давай, дари“.

Учителым газетыр колхозники-м р-е-ты.

Учитель газету колхознику дает.

Учителым газетыр колхозник-хэ-мэ а-р-е-ты.

Учитель газету колхозникам дает.

Учитель-хэ-мэ газетыр колхозник-хэ-мэ а-р-а-ты.

Учителя газету колхозникам дают.

Учителым газетыр кьы-с-е-ты.

Учитель газету мне дает.

Учителым газетыр кьы-у-е-ты.

Учитель газету тебе дает.

Разбирая состав сказуемого, мы видим, что префикс дательного дополнения стоит между первым префиксом (прямого дополнения) и последним префиксом (подлежащего). В 3 л. ед. ч., во избежание слияния двух рядом стоящих одинаковых префиксов «е-е» префикс дательного дополнения выражается через «р-»; в 3 л. мн. ч., когда рядом должны стоять два одинаковых префикса «а-а», между ними, во избежание слияния, вставляется тот же согласный «р-». Дательное дополнение может стоять и при непродуктивном обороте. В этом случае оно выражается той же косвенной формой дополнительного слова с окончанием «-м» и теми же префиксами в составе сказуемого, что и при продуктивном обороте.

Кооперациер колхозник-хэ-мэ я-щэ.
 Кооперация колхозникам продает (вообще).
 Кооперациер кы-тэ-щэ.
 Кооперация нам продает.
 Кооперациер кы-шьо-щэ.
 Кооперация вам продает.
 Учителыр еджакло-м е-джэ.
 Учитель кричит ученику, зовет ученика.
 Учителыр еджакло-мэ я-джэ.
 Учитель кричит ученикам, зовет учеников.
 Учителыр сэ кы-сэ-джэ.
 Учитель кричит мне, зовет меня.
 Сэ о сы-о-джэ.
 Я кричу тебе, зову тебя.
 О сэ у-кы-сэ-джэ.
 Ты кричишь мне, зовешь меня.

Однако при глаголе «щэфын» (центростремительная форма, от «ещэфэн» — „покупать“) дательное дополнение выражается с помощью другого префикса «фэ» (см. ниже), а «ещэф» — обозначает „покупай у него (буквально — ему)“.

Из этих примеров мы видим, что при непродуктивном обороте дательный префикс в составе сказуемого стоит обычно после субъектного префикса. Однако и в предпоследнем примере, когда оба префикса выражены первыми двумя лицами и действие направлено от первого лица ко второму, порядок префиксов может меняться при сохранении того же значения:

Сэ о сы-о-джэ,
 Сэ о у-сэ-джэ.
 Я кричу тебе, зову тебя.

Для того, чтобы избежать смещения, в таких случаях в состав сказуемого добавляется префикс «кы-», который выражает направление движения:

Сэ о сы-кы-о-джэ.
 Я кричу тебе (буквально — к тебе).

Итак, дательное дополнение выражается в обоих оборотах косвенной формой дополнительного слова с суффиксом «-м», а дательный префикс в составе сказуемого, в общем, теми же префиксами, в той же форме, что и префиксы субъекта при продуктивном обороте. Особый отличительный дательный префикс «р-» появляется только в том случае, если продуктивное сказуемое выражает одновременно и дательное дополнение и подлежащее, а также для различения или разделения двух сходных префиксов 3-го лица.

Как мы уже видели из приведенных примеров, дательное дополнение в собственном смысле употребляется в адыгейском языке только при очень немногих глаголах: „давать, продавать, кричать“ и т. д. Гораздо чаще оно приобретает значение прямого объекта, оставаясь по форме как дополнительного слова, так и префикса сказуемого — дательным дополнением. В результате такого нового осмысления в адыгейском языке развивается как бы новый оборот, непродуктивный по смыслу, но продуктивный по содержанию. Об этом обороте см. ниже, раздел „Оборот с косвенным объектом“ (см. стр. 68).

Дательное дополнение может быть выражено также описательно с помощью специального префикса «фа-|| фа-|| фы-» в составе сказуемого со значением „для кого, кому, в пользу кого, за кого“, иногда также

„против кого, на кого“. В связи с этим префиксом мы должны указать другой префикс «шлуа || шло- || шлу-», имеющий значение отчасти противоположное первому — „против желания кого, против воли кого“. Оба эти префикса по значению выражают дополнения личных отношений. При них в речи часто имеет место изменение по лицам. В этом случае личные префиксы ставятся перед этими префиксами в форме субъектных префиксов продуктивного сказуемого, т. е. без гласных (см. выше стр. 37):

Еджаклом диаграммэр учителым ф-е-тхы.

Ученик диаграмму для учителя пишет.

У-с-фэ-тхэ.

Ты для меня пишешь (вообще), ты мне пишешь (вообще).

Сы-п-фэ-тхэ.

Я для тебя пишу (вообще), я тебе пишу (вообще).

С-а-фэ-тхэ.

Я для них пишу (вообще), я им пишу (вообще).

Заявление с-фэ-о-тхы.

Ты для меня заявление пишешь, ты мне заявление пишешь,

Ты на меня (против меня) заявление пишешь.

Джанэ с-фэ-о-ды.

Ты для меня рубашку шьешь, ты мне рубашку шьешь.

Шыхэр калэ-м лагум шлу-дэ-кыгъэ-х.

Лошади против желания мальчика ушли со двора.

Кино-м с-шло-клуагъ.

Он против моего желания в кино пошел.

Тибригадэ соревнованиемкIэ адрэ бригадэмэ быракъ пльыжьыр
къа-шлу-и-хыгъ.

Наша бригада по соревнованию с другими бригадами красное знамя
получила

(буквально — наша бригада красное знамя путем соревнования против
желания других бригад принесла).

Местное косвенное дополнение, которое при школьном разборе предложения следует считать обстоятельством места, выражается в адыгейском языке всегда косвенной формой дополнительного слова с окончанием «-м». По своему содержанию местное дополнение в зависимости от значения сказуемого и употребленных в его составе префиксов может выражать различные оттенки местных значений: местное значение пребывания (по-русски на вопрос: „где?“), местное значение исхода (по-русски на вопрос: „откуда?“) и местное значение движения (по-русски на вопрос: „куда?“).

Местное значение пребывания выражается в составе сказуемого в большинстве случаев префиксами «щэ- || щы-», а также другими префиксами «и- || е-», «хэ-», «дэ-», «чIэ-», «те-» и т. д. при глаголах, выражающих пребывание:

Еджаклохэр лагу-м щэ-джэгу-х.

Ученики во дворе гуляют.

Колхозникхэр губгъо-м щэ-лажьэ-х.

Колхозники в поле работают.

ПхъашIэр къакъырэ-м щэ-пхъашIэ.

Плотник в сарае плотничает.

КIэлэщыкIур джэхашъо-м щэ-кIо.

Ребенок по полу ходит.

Трамвайхэр городы-м щэ-з-е-кIо-х.

Трамвай по городу ходят.

Во всех приведенных примерах префикс «щэ-» в составе сказуемого обозначает местопребывание действия (на вопрос: „где?“).

Пхъэнтлэклу-м сы-те-с.

Я на стуле сижу.

Машинэхэр заводы-м члэ-ты-х.

Машины стоят в помещении завода.

Сымаджэр больницэ-м (сымэджэщым) члэ-ль.

Больной лежит в больнице.

Унэ-м с-и-с.

Я сижу в комнате.

Псыхьор хы-м хэ-льадэ.

Река в море течет.

Из этих примеров мы видим, что все сказуемые, выражающие движение или работу, для выражения местного значения пребывания присоединяют префикс «щэ-||щы-» — „где-либо“, а все глаголы, обозначающие „сидеть, находиться, стоять, лежать“, для выражения того же местного дополнения присоединяют к себе, кроме «щы-», и различные другие префиксы «и-||е-, хэ-, дэ-, члэ-, те-» и т. д., которые, собственно, выражают различные пространственные отношения и соответствуют русским предлогам: „внутри, под, на“ и т. д. Все эти префиксы, включая и «щэ-||щы-», представляют собою по значению чисто местные частицы. В этом их отличие от личных префиксов. Местное дополнение в составе глагола обыкновенно по лицам не изменяется. Только в редких случаях, когда происходит такое изменение, перед соответствующим префиксом места в составе сказуемого вставляются личные префиксы в той форме, которая характерна для субъектных префиксов продуктивного сказуемого (примеры см. ниже стр. 65, 67).

Местное значение исхода выражается в адыгейском той же косвенной формой с окончанием «-м». Его значение как исходного дополнения определяется всецело значением основы сказуемого, но не его префиксами:

Іагу-м сы-кьы-дэ-кы.

Я выхожу со двора.

Іагу-м сы-дэ-хьэ.

Я во двор вхожу.

Унэ-м и-сэ-хьэ.

Я в дом вношу.

Унэ-м и-сэ-хьы.

Я из дому выношу.

Районы-м сы-кь-е-кы.

Я из района иду.

Районы-м сэ-кю.

Я иду в район.

Псыр чьунэ-м кь-е-у.

Вода из подвала бьет, выливается.

Псыр чьунэ-м кь-е-о.

Вода в подвал бьет, вливается.

Унэ-м сы-кь-е-пльы.

Я из комнаты смотрю.

Унэ-м с-е-пльэ, сы-кь-е-пльэ.

Я в комнату смотрю.

Картоф кьалэ-м сэ-щэ.

Я картофель в город везу.

Картоф къалэ-м къ-и-сэ-щы || и-сэ-щы.

Я картофель из города везу.

Из этих примеров мы видим, что значение исходно-местного дополнения и местного дополнения движения выражается главным образом разницей огласовки глагольной основы сказуемого. В некоторых случаях это различие достигается также скоплением местных префиксов, показывающих направление движения, например, изнутри в сторону лица говорящего (если говорящий находится наружи) или внутрь в сторону говорящего (если говорящий находится внутри). Эти довольно путаные и иногда допускающие двойное понимание способы выражения местных дополнений показывают, что первоначально строгого различения между разными местными значениями в адыгейском языке не существовало. Поэтому данные две местные формы в настоящее время по значению иногда легко переходят одна в другую или выражаются иногда скоплением префиксов места и направления.

В части случаев мы видим, что в составе сказуемого для выражения местного значения исхода или движения появляется префикс «е-», совпадающий по форме с префиксом 3-го л. ед. ч. дательного дополнения:

Вагоны-м е-плэ.

Он в вагон смотрит.

Вагоны-м къ-е-плы.

Он из вагона смотрит.

Бгы-м къ-е-хы.

Он с возвышенности спускается.

и т. д.

Можно предположить, что этот префикс одного происхождения с дательным префиксом 3-го лица. Однако в местном значении он уже перестал быть личным префиксом, так как обозначает всегда только место и, следовательно, превратился в своего рода тоже местную частицу.

Как мы уже видели выше из примеров, местное значение движения (на вопрос: „куда?“) выражается той же самой формой дополнительного слова и в общем теми же префиксами сказуемого, что и местное значение исхода. При глаголах, выражающих движение, это дополнение может вообще не иметь в составе сказуемого никаких префиксов:

Районы-м сэ-кю.

Я в район еду.

Шы-хэр псы-м ма-чъэ-х.

Лошади к воде бегут.

В некоторых редких случаях при местном префиксе в составе сказуемого может появиться изменение по лицам:

Цы кы-с-те-б-гъотагъ.

Ты волос || перышко на мне нашел.

Кы-п-те-з-гъотагъ.

Я на тебе нашел.

Кы-с-тр-и-гъотагъ.

Он на мне нашел.

Кы-ы-тр-и-гъотагъ.

Он на нем нашел.

Кы-а-тр-и-гъотагъ.

Он на них нашел.

Цы кы-п-те-схыгъ.

Я волос || перышко с тебя снял.

и т. д.

Это изменение по лицам происходит в той же форме, что и изменение субъектных префиксов продуктивного сказуемого.

Косвенное орудное дополнение выражает орудие, с помощью которого совершается действие, машину, с помощью которой производится работа, а также средства транспорта и пути, по которым совершается передвижение. Орудное дополнение имеет две параллельные формы, с помощью которых оно выражается. Наиболее распространенная форма — косвенное дополнение (в определенной или неопределенной форме), к которому присоединяется специально орудный суффикс «-кIэ». На ряду с этим существует и второй способ выражения того же дополнения: определенная форма косвенного дополнения с окончанием «-м» и постановка при сказуемом орудного префикса «рэ-||ры-»:

Сторожым обзэгъу-м-кIэ пхъэ е-кьутэ,

Сторожым пхъэ обзэгъу-м р-е-кьутэ.

Сторож дрова топором рубит.

ЕджакIом лозунгхэр тушыкIэ е-тхы-х,

ЕджакIом лозунгхэр тушы-м р-е-тхы-х.

Ученик лозунги тушью пишет.

Колхозникмэ губгъор тракторы-м-кIэ а-жъуагъ,

Колхозникмэ губгъор тракторы-м р-а-жъуагъ.

Колхозники поле трактором вспахали.

ПхъашIэм пхъэхым-кIэ зэ-п-е-хы,

ПхъашIэм пхъэхым ры-зэ-п-е-хы.

Плотник пилою пилит.

Шъузыр щыбзэ-м-кIэ мэутхындзэ,

Шъузыр щыбзэ-м рэ-утхындзэ.

Женщина ситом сеет.

Шъэжъые-м-кIэ хъалыгъу а-бзы,

Шъэжъые-м хъалыгъу р-а-бзы.

Ножом хлеб режут.

Колхозникмэ коцыр шъхъалым грузовикы-м-кIэ а-щэ,

Колхозникмэ коцыр шъхъалым грузовикы-м р-а-щэ.

Колхозники пшеницу на мельницу грузовиком (т. е. на грузовике) везут.

Кухэр гъогу-м рэ-кIох.

Телеги дорогой (т. е. по дороге) едут.

Автомобилыр лъэмыджы-м рэ-кIо.

Автомобиль мостом (т. е. по мосту) едет.

КIэлэ цыкIур джэха-шьо-м рэ-кIо.

Ребенок по полу ходит.

Колхозницэр машинэм-кIэ ма-дэ,

Колхозницэр машинэ-м рэ-дэ.

Колхозница машиной (на машине) шьет.

В том случае, когда орудное дополнение выражает пути передвижения, преимущественно употребляется в этом значении форма орудного дополнения без суффикса «-кIэ» с префиксом в составе сказуемого «рэ-||ры-», так как форма дополнения с суффиксом «-кIэ» в этих случаях может иметь и другое значение — местного дополнения, обозначающего направление: — „к, по направлению к“:¹

Урамы-м-кIэ ма-кIо.

По направлению к улице идет. || По улице идет.

¹ Изредка орудное дополнение (обычно от личных местоимений) выражает предмет речи (лицо, о котором идет речь): «орыкIэ сэ къэздэгущыIагъэ» — „о тебе (он) со мной говорил“, а также лицо, для которого или из-за которого совершается действие: «сэ-рыкIэ гумэчыгъэ» — „обо мне ||из-за меня он беспокоился“ (ср. еще пример на стр. 288).

Лъэмыджы-м-кIэ ма-кIо.

По мосту, через мост едет,

По направлению к мосту едет.

Орудный префикс в составе сказуемого выражается той же частицей «рэ-||ры-», что и появляющийся в определенных условиях (см. выше стр. 61) префикс дательного дополнения «р-». Префикс орудного дополнения по лицам обычно не изменяется, так как он связан только со словами, обозначающими предмет. В исключительных случаях, в переносном значении, однако, перед орудным префиксом «рэ-||ры-» появляются префиксы, показывающие изменение по лицам. Эти префиксы имеют форму субъектных префиксов продуктивного сказуемого:

Къы-з-ры-джэгугъ.

Он мною играл.

Къы-б-ры-джэгугъ.

Он тобою играл.

Ры-джэгугъ.

Он им играл.

А-ры-джэгугъ.

Он ими играл.

Къы-з-ры-кIуагъ.

Он по мне, через меня прошел.

и т. д.

Превратительное (материально-качественное) дополнение в адыгейском языке выражает материал, из которого производится что-либо, предмет, которым становится или в который превращается что-либо, наконец, должность или профессию, т. е. в качестве кого работает или кем готовится стать кто-либо. По-русски превратительное дополнение переводится творительным падежом или описательно с прибавлением слов „в качестве (кого)“. Превратительное дополнение, выражающее материал или предмет, может употребляться в двух формах: без всяких суффиксов—в общем (родовом) значении—и с суффиксом «-эу, -у» в неопределенном единичном значении. Превратительные формы тех дополнений, которые служат для обозначения лиц (т. е. должностей и профессий), всегда оформляются суффиксом «-эу (-у, -оу)»:

Цыяпхъэр цые ашы.

Сукно черкеской (вообще) делают,

т. е. из сукна черкеску делают.

Цыяпхъэр цыеу ашы.

Сукно (какой-то отдельной) черкеской делают,

т. е. из сукна (какую-то) черкеску делают.

Пхъэр стол(ы) ашы.

Дерево столом (вообще) делают,

т. е. из дерева стол делают.

Пхъэр столэу ашы.

Дерево (каким-то отдельным) столом делают,

т. е. из дерева какой-то стол делают.

Рудар гъучы ашы.

Руду железом (вообще) делают,

т. е. из руды железо делают.

Непэ ошы мэху.

Сегодня—погодой хорошей становится,

т. е. сегодня (погода) хорошей погодой становится.

Товарыр ахъцэ мэху, ахъцэр товары мэху.

Товар деньгами становится, деньги товаром становятся (вообще),

т. е. товар превращается в деньги, а деньги в товар.

Ошбуапщэхэр ошхэу къ-е-щхы-х е осэу къ-е-сы-х.

Тучи дождем идут или снегом идут.

Исполкомым секретарэу сы-члэ-с.

Я в исполкоме секретарем сижу || работаю.

Ар председателэу х-а-дзыгъ.

Его председателем выбрали.

Мэджидэ къуаджэм учителэу а-гъэ-клуагъ.

Меджида в аул учителем послали.

Из примеров мы видим, что превратительное дополнение не имеет никаких связанных с ним префиксов в составе сказуемого.

Вообще все косвенные дополнения употребляются как при продуктивном, так и при непродуктивном оборотах. Форма их префиксов не зависит от оборота. Некоторое влияние на эту форму оказывает только соседство с субъектными префиксами продуктивного сказуемого, как это имеет место у префикса 3-го лица дательного дополнения (см. стр. 61). В остальных случаях префиксы косвенных дополнений остаются неизменными. Местное дополнение движения в части случаев и превратительное дополнение во всех случаях совсем не имеют префиксов в составе сказуемого. Это обстоятельство сближает превратительное дополнение и отчасти местное дополнение с обстоятельственными словами (см. ниже стр. 75).

Что касается порядка расположения косвенных дополнений, то вообще косвенные дополнения чаще ставятся после подлежащего и прямого дополнения. Если в предложении имеется несколько косвенных дополнений, то их порядок друг в отношении друга более или менее произволен. Наилучшим с точки зрения слога является такой порядок, при котором стараются избегать постановки рядом двух косвенных дополнений с одинаковым окончанием «-м». В этих случаях между такими двумя дополнениями ставятся дополнительные слова с окончаниями «-р, -клэ» или «-эу». Приведем несколько примеров предложений, имеющих большое количество косвенных дополнений:

Пхъашлэм пхъэмбгъу-р колхозники-м пхъэхы-м-клэ сэраим фы-щы-
зэ-п-е-хы.

Плотник доску для колхозника пилой в сарае распиливает.

Секретары-м заявлениер колхозником канцелярием щы-ф-е-тхы.

Секретарь заявление для колхозника в канцелярии пишет.

Колхозник-мэ уарзэ-р губгъо-м гуахъо-клэ хъандзоу щы-зэ-тр-а-лхъэ.

Колхозники солону в поле вилами в скирды складывают.

Колхозник-хэ-р Краснодары кином „Чапаевым“ щ-е-плъыгъэх.

Колхозники в Краснодаре в кино „Чапаева“ смотрели.

Председателым премие-хэ-р клубым ударник-мэ щ-а-р-е-ты-х.

Председатель премии в клубе ударникам дает.

Порядок префиксов, связанных с косвенными дополнениями в составе сказуемого, дается ниже (стр. 98 и сл.).

Оборот с косвенным объектом. Дательное дополнение, как мы уже говорили, может стоять при непродуктивном обороте. В этом случае по форме как своей, так и своих префиксов оно близко напоминает подлежащее при продуктивном обороте. Однако от целого ряда непродуктивных сказуемых с префиксами дательного дополнения образуются такие предложения, в которых это косвенное дополнение получает новое осмысление. Оно приобретает значение прямого дополнения, а весь непродуктивный оборот становится как бы продуктивным, несмотря на то, что подлежащее в нем оканчивается на «-р», т. е. имеет форму непродуктивного подлежащего:

Колхозники-р газеты-м е-джэ.

Колхозник гавету читает.

Колхозники-р радио-м е-дэлу.

Колхозник радио слушает.

Клалэ-р хьалыгъу-м е-цэкъагъ.

Мальчик хлеб откусил, надкусил (т. е. кусок хлеба откусил).

Шы-р псы е-шьо.

Лошадь воду пьет.

Пхъашлэ-р пхъэхы-м е-плъы.

Плотник пилу осматривает.

Колхозники-р картинэ-м е-плъы.

Колхозник картину рассматривает || на картину смотрит.

Клалэ-р шы-м е-лэ.

Мальчик лошадь трогает || до лошади дотрагивается.

Шы-р ку-м е-лэ.

Лошадь повозку трогает (с места) || двигает.

Нычэлэ тыгъуакло-хэ-р хьэмбарыпчъэ-м къ-е-лагъэх.

Сегодня ночью воры дверь амбара тронули.

Физкультурник-хэ-р псы-м е-сы-х.

Физкультурники в воде плавают.

Шы-р чэум е-лъагъ.

Лошадь (через) плетень перепрыгнула.

Во всех этих примерах то слово, которое по-русски переводится прямым дополнением, можно буквально передать косвенным дополнением: „Колхозник (по) газете читает (буквально — кричит)“, „лошадь (к) воде пьет“, „плотник (к) пиле смотрит“ и т. п. Несомненно, что здесь мы имеем по происхождению именно местное дополнение в адыгейском языке. Однако в настоящее время этот оборот, как бы противоположный продуктивному по форме, совпадает с ним по смыслу. В самом деле, при продуктивном обороте подлежащее стоит в косвенной форме (окончание «-м»), а прямое дополнение — в прямой форме (окончание «-р»). В рассматриваемой нами конструкции, наоборот, подлежащее имеет прямую форму (окончание «-р»), а прямое дополнение по смыслу — является косвенным по своей форме (окончание «-м»). Таким образом, этот последний оборот — оборот с косвенным дополнением в качестве прямого, формально совпадает с русским переходным предложением (так называемым действительным оборотом).

Префикс «е-» в составе сказуемого во всех этих примерах связан не с подлежащим, а с косвенным дополнением (по смыслу прямым дополнением). Этот префикс редко изменяется по лицам, так как в большинстве случаев в качестве косвенного (по смыслу — прямого) дополнения стоят слова, обозначающие предметы, но не людей. Однако связь эта сейчас же вскрывается при изменении таких дополнений по числам:

Колхозникир газет-хэ-мэ я-джэ.

Колхозник газеты читает.

Пхъашлэр пхъэхы-мэ я-плъы.

Плотник пилы осматривает.

Клалэр шы-мэ я-лэ.

Мальчик лошадей трогает.

Шыр чэу-мэ я-лъагъ.

Лошадь (через) плетни прыгнула.

и т. д.

Кроме того, связи данного префикса с косвенным (по смыслу — прямым) дополнением сейчас же обнаруживаются, когда оказывается возможным изменить данное сказуемое по лицам:

У-кы-сэ-Іә.

Ты меня трогаешь.

Сы-о-Іә || У-сэ-Іә.

Я тебя трогаю.

Клалэ-р кы-сэ-Іә.

Мальчик меня трогает.

С-е-Іә.

Я его трогаю.

С-я-Іә.

Я их трогаю.

Анализ префиксов этих форм сказуемого показывает, что префикс подлежащего стоит первым, как это и должно быть при непродуктивном обороте. Вторым префиксом стоит префикс по смыслу прямого дополнения. Как место этого префикса, так и его форма совершенно совпадают с местом и формой префикса дательного и отчасти местного дополнения «е» (см. выше стр. 61, 65). Эти соображения не оставляют никакого сомнения в том, что здесь мы имеем действительно дело с дополнением местным по своему историческому происхождению, но в современном языке превратившимся в объект (прямое дополнение), косвенный по форме.

Напомним, что косвенный (по форме — дательный, по происхождению — местный) объект имеется и в тюрко-татарских языках, где его требуют, в частности, и те глаголы, которые семантически близки рассматриваемым нами адыгейским (и кабардинским):

Мин сина суктым (по-татарски).

Мин сина карадым,

Мен санъа урдым (по-крымско-татарски).

Мен санъа бакътым.

Я на тебя посмотрел,

Я тебя ударил,
буквально — я (к) тебе ударил.

буквально — я (к) тебе посмотрел.

Историческое происхождение косвенного объекта, повидимому, одинаково с подлежащим продуктивного оборота, как это можно еще видеть из некоторых сравнительно редких примеров:

ПхъашІә-р пхъэ-м е-хъо (оборот с косвенным объектом).

Плотник дерево стачивает (буквально — по дереву точит напильником).

ПхъашІә-м пхъэр е-хъо (продуктивный оборот).

Плотник дерево стачивает (напильником).

В этих примерах мы видим, что в первом предложении при непродуктивном обороте префикс сказуемого выражает буквально: „(по н)ему (дереву)“ и связан непосредственно со словом «пхъэ-м», являющимся косвенным дополнением. По своему современному значению, однако, косвенное дополнение приобретает здесь значение прямого дополнения. Во втором предложении мы имеем продуктивный оборот, и префикс «е-» в составе сказуемого здесь непосредственно связан с подлежащим, со словом «пхъашІә-м» — „плотник“. Это совпадение префиксов косвенного при непродуктивном и субъектного при продуктивном имеет место во всех лицах кроме 3 л. мн. ч.:

ПхъашІә-р пхъэ-мэ я-хъо (оборот с косвенным объектом).

Плотник бревна (куски дерева) потачивает (буквально — по бревнам точит напильником).

ПхъашІә-хэ-р пхъэ-м е-хъо-х.

Плотники дерево потачивают (буквально — по дереву точат напильником).

Пхъашлэ-м пхъэхэ-р е-хъо-х (продуктивный оборот).

Плотник бревна обтачивает.

Пхъашлэ-мэ пхъэ-р а-хъо.

Плотники дерево обтачивают.

Пхъашлэ-р пхъэ-м е-упсэ (оборот с косвенным объектом).

Плотник дерево (буквально — по дереву) строгаёт (рубанком), тешет (топором).

Пхъашлэ-р пхъэ-мэ я-упсэ.

Плотник бревна (буквально — по бревнам) строгаёт (рубанком), тешет (топором).

Пхъашлэ-м пхъэ-р е-упсы (продуктивный оборот).

Плотник дерево остругивает (рубанком), обтесывает (топором).

Пхъашлэ-мэ пхъэ-р а-упсы.

Плотники дерево остругивают (рубанком), обтесывают (топором).

Из этих примеров видим, что в общем оба оборота — как продуктивный, так и непродуктивный — выражают в различных формах не совсем одинаковое содержание.¹

Косвенно-побудительный оборот. От оборота с косвенным объектом образуется побудительный оборот, который для краткости мы можем назвать косвенно-побудительным. По числу главных членов предложения и соответствующих им префиксов в составе сказуемого этот оборот сходен с продуктивно-побудительным. В некоторых отношениях косвенно-побудительный оборот, однако, прямо противоположен продуктивно-побудительному. Эта противоположность вытекает из противоположности тех основных оборотов, — продуктивного и оборота с косвенным объектом, — от которых происходят оба эти побудительные оборота.

Первый объект (т. е. прямое дополнение, обозначающее, в частности, продукт труда) в продуктивно-побудительном обороте сохраняет свою прямую форму, а второй объект (т. е. объект побуждения, обозначающий обычно человека, посредника действия) имеет косвенную форму. В связи с этим и префикс первого объекта в составе сказуемого переходнопобудительного оборота стоит на первом месте и имеет обычную для него косвенную форму в противоположность тому слову, с которым он связан. Наоборот, префикс второго объекта имеет в сказуемом этого оборота прямую форму дательного префикса тоже в противоположность тому слову, с которым он связан, и стоит непосредственно перед префиксом субъекта.²

Совершенно обратную картину мы видим в косвенно-побудительном обороте. Здесь значение первого объекта имеет косвенный объект, а соответствующий ему префикс — форму и место дательного префикса

¹ Характерна разница в значении между: «пхъашлэр пхъэм ехъо» — «плотник по дереву (слегка, небрежно, не доводя дело до конца) точит || потачивает» и: «пхъашлэм пхъэр ехъо» — «плотник дерево стачивает || обтачивает (целестремленно, имея в виду довести дело до конца и изготовить какой-либо продукт труда)». Ср. еще «к'алэр тхылым еджэ» — «мальчик книгу читает (вообще, без определенной цели и намерения завершить чтение)» и: «к'алэм тхылым еджы» — «мальчик книгу прочитывает (вчитываясь в нее и имея в виду прочесть ее всю)». Это же различие в семантике свойственно, очевидно, и палеазиатским языкам, ср. луораветланское (чукотское): «н'эвыскэт тэкичгэ увиркын» (непродуктивный оборот) — «женщина при мясе варит (вообще) || занимается варкой (невнимательно, не имея в виду довести это дело до конца)» и: «н'эвыскэтэ тэкичгын увиркынин» — «женщина варит || проваривает мясо (целестремленно, имея в виду сварить его)». Ясно, что при включении дательного дополнения здесь употребляется лишь целестремленная форма «н'эвыскэтэ кляволь тэкичгэ увиркынин» — «женщина для мужчин мясо варит». К сожалению этой разницы в значении до сих пор не заметили многие исследователи палеазиатских языков (см. Языки и письменность народов Севера, ч. III, стр. 29, 31. Ангрд, 1934; акад. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 121—122, 319, 325 и др. Л., 1936).

² О прямой и косвенной формах префиксов см. ниже, стр. 101, и Морфологию, стр. 357.

в составе сказуемого. Поэтому второй объект в косвенно-побудительном обороте может иметь только прямую форму (напомним, что этот оборот, как и всякий побудительный, является переходным по смыслу и потому имеет субъект в косвенной форме), а соответственный ему префикс стоит на первом месте в составе сказуемого в той его форме — косвенной, — которая свойственна префиксу объекта в продуктивном обороте.

Поясним сказанное примерами:

Оборот с косвенным объектом

	1	2	1 2
Учителыр		сторожым	-е-джэ
Учитель		сторожа	зовет

Косвенно-побудительный оборот

	3	1	2	1	2 3
Учителым		еджаклор	сторожым		-кы-р-и-гъэ-джагъ.
(субъект)		(второй объект, по форме прямой)	(первый объект, по форме косвенный)		
Учитель		ученика	сторожа		заставил сюда позвать,
т. е. учитель		заставил ученика позвать	сторожа.		

3 1 2 1 2 2 3

Учителым (сэ о) сы-кы-у-е-гъа-джэ.

Учитель заставляет меня позвать тебя.

Оборот с косвенным объектом

	1	2	1 2
Еджаклор		тхылым	-е-джэ.
Ученик		книгу	читает.

Косвенно-побудительный оборот

	3	1	2	1 2 3
Учителым		еджаклор	тхылым	-р-е-гъа-джэ.
Учитель		ученика	книгу	заставляет читать,
т. е. учитель		заставляет ученика	читать книгу.	

3 1 2 1 2 3

Учителым (сэ) тхылым сы-р-е-гъа-джэ.

Учитель заставляет меня читать книгу.

Оборот с обобщенным субъектом (т. наз. „безличный“) и страдательный. Подлежащее в адыгейском языке, как мы уже говорили, в предложении может не быть выражено отдельным словом, но всегда выражается соответственным субъектным префиксом в составе сказуемого. Однако подлежащее всегда может быть добавлено в предложение также в виде отдельного слова. На ряду с этим в адыгейском языке существует целый ряд примеров, когда подлежащее, выраженное субъектными префиксами второго лица единственного числа или третьего лица множественного числа, уже никак не может быть сказано в виде отдельного слова. Предложения с такого рода сказуемыми получают особый смысловой оттенок. Формы 2 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. приобретают в них значение обобщенного (не единичного, не личного) подлежащего. Вместе с тем в содержании теряется и значение определенного лица. Подлежащее становится всеобщим и поэтому неопределенным, не имеющим лица подлежащим:

Юф дэ-п-шэн п-лъэкыштэп.

Дела с ним сделать не сможешь (вообще).

Икыгъом у-нэ-мы-сэу плъэклапэ дэ-(у)-мы-щай (пословица).

До броду не доходя, голень не засучивай, т. е.
не доходя до броду на голени штаны не засучивай.

Помидорыр консерв а-шы.

Из помидоров консервы делают (вообще).

Ти-колхоз трактор-кэ щэ-жъо-х.

В нашем колхозе трактором пашут.

Цыяпхэ-р цые а-шы.

Из сукна черкёску делают.

Все эти предложения выражают обобщенные суждения, — суждения, которые могут быть отнесены ко всем возможным подлежащим. Этот обобщенный смысл сейчас же теряется, как только мы добавляем в такое предложение местоимение «о» — „ты“, или «а-хэ-р», «а-хэ-мэ» — „они“. Таким образом, характерной особенностью оборота с обобщенным субъектом является невозможность выразить в нем подлежащее отдельным словом, хотя всеобщее и потому неопределенное по своему содержанию подлежащее имеется в нем в составе личных префиксов сказуемого. Следует отметить что совершенно аналогичный „безличный“ оборот мы имеем и в русском языке с тем же оформлением сказуемого по лицам.

Особые случаи безличного оборота представляют собою предложения, в которых вообще не может быть подлежащего:

Плакаты-р дэгъоу тхыгъэ.

Плакат хорошо написан.

Джанэ-р дэгъоу дыгъэ.

Рубашка хорошо сшита.

Мыр дэгъоу шыгъэ.

Это хорошо сделано.

Дэгъоу у-гъэ-сагъ.

Ты хорошо обучен.

Дэгъоу у-фэ-пагъ.

Ты хорошо одет.

Во всех этих примерах субъектный префикс в составе сказуемого совсем отсутствует. Сказуемое без субъектного префикса приобретает как бы страдательное значение. Кроме сказуемого, в предложении могут стоять: прямое дополнение и обстоятельственное слово. Однако такие предложения без подлежащего по смыслу не могут быть названы настоящим страдательным оборотом, соответствующим такому обороту в русском и других европейских языках. Настоящий страдательный оборот характеризуется тем, что в нем мыслимый и грамматический субъект и объект не совпадают друг с другом, а также тем, что страдательный оборот развивается как оборот противоположный действительному. В адыгейском языке имеются, однако, примеры, которые доказывают начало развития в нем настоящего, страдательного оборота:

Обороты

Действительный

Страдательный

Машинэ-м джанэ-р дэгъоу е-ды.

Джанэ-р машинэ-м-кэ дэгъоу ды-
гъэ.

Машина хорошо шьет рубашку.

Рубашка машиной хорошо сшита.

Пхъэпсы-м пхъэмбгъу-р дэгъоу
е-упсы.

Пхъэмбгъу-р дэгъоу пхъэпсы-м-кэ
упсыгъэ

Рубанок хорошо доску стругает.

Доска рубанком хорошо остругана.

Машинкэ-м тхыльыпӕ-р дэгъоу
х-е-уты.

Машинка бумагу хорошо печатает.

Тхыльыпӕ-р машинкэ-м-кӕ дэгъоу
хэ-утыгъ.

Бумага машинкой хорошо напеча-
тана.

Эти примеры можно назвать уже образцами настоящего страдательного оборота в адыгейском языке. В них действительный оборот противопоставлен страдательному. Подлежащее действительного оборота становится косвенным (орудным) дополнением в страдательном, а прямое дополнение действительного оборота — подлежащим в страдательном. Собственно говоря, по форме прямое дополнение остается и в страдательном обороте таким же прямым дополнением. Но благодаря отсутствию как в качестве отдельного слова, так и в составе сказуемого (в качестве субъектного префикса) подлинного смыслового адыгейского подлежащего, — прямое дополнение приобретает значение подлежащего.

Однако в этих случаях страдательный оборот в адыгейском языке находится еще только в зачатке. Мыслимым подлежащим в нем может быть только название предмета (орудия, машины и т. д.). Другими словами, страдательный оборот в адыгейском языке выражает „страдательные“ отношения между предметами, но не между людьми. Поэтому такие предложения, как:

Шъузы-м джанэ-р дэгъоу е-ды.

Женщина рубашку хорошо шьет.

Колхозник-мэ губгъо-р дэгъоу а-жъо.

Колхозники поле хорошо пахут и т. д.

не могут быть здесь построены по образцу страдательного оборота.

Следовательно, страдательный оборот в адыгейском языке пока возможен лишь в крайне ограниченном числе случаев: лишь тогда, когда смысловым субъектом в предложении не является член общества.

Этот факт — невозможность поставить смысловой субъект, если он выражает человека, в форме орудия, т. е. творительного падежа, — является блестящим доказательством того объяснения происхождения пассивного строя речи (страдательного оборота), которое мы находим у Энгельса:

„Едва люди начали менять, как уже они сами стали предметами обмена. Действительный залог превратился в страдательный — хотели того люди или нет“.¹

Таким образом, сначала в реальной жизни человек становится объектом эксплуатации — рабом — и средством производства — „орудием“ в руках рабовладельца, и лишь на этой реальной основе позднее, в классовом обществе, появляется возможность мыслить и говорить названия членов общества в форме орудия, т. е. в форме творительного падежа в страдательном обороте.

В современном адыгейском языке на ряду с зачаточной формой страдательного оборота (см. выше) в отдельных редких случаях уже в значительно более позднюю эпоху развивается и настоящая страдательная конструкция, при которой смысловое подлежащее стоит в форме творительного падежа, даже в том случае, если подлежащее обозначает человека, члена общества, например:

Сэрыкӕ а лофыр зэшлокӕгъэ хъунэп.

Мною это дело не может быть решено (выполнено).

Ар шъорыкӕ зэшлокӕнэу щыт.

Это вами будет решено (выполнено).

Нэбгыритӕ къодыекӕ мы кухъэр гъэкощыгъошӕ хъунэп.

Только двоим (двумя) нелегко будет этот воз сдвинуть.

¹ Энгельс. Происхождение семьи..., Маркс — Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 151, М., 1937 и выше стр. 38.

Здесь и адыгейский язык на основе развития классового общества впервые начинает развивать, хотя и со значительным отставанием формы от содержания, настоящую страдательную конструкцию предложения.

По отношению ко всем обобщенным страдательным предложениям следует отметить, что они могут быть образованы лишь от продуктивных по своей форме сказуемых только путем обобщения или пропуска в составе этих сказуемых подлинных субъектных префиксов. Вот почему обычные примеры страдательного оборота в адыгейском языке по своему происхождению являются настоящими „безличными“, не имеющими, собственно, грамматически выраженного подлежащего (настоящего субъекта производства — человека) предложениями.

Понятие о залогах. В каждом из перечисленных нами оборотов, за исключением обобщенного, сказуемое-глагол имеет особую форму согласования с главными или важнейшими по содержанию (например, логический субъект, логический объект, второй объект и т. д.) членами предложения. Поэтому глагол имеет и различное спряжение (изменение по лицам и числам) в зависимости от того, в каком обороте он служит сказуемым. Эти формы сказуемого, характерные для каждого оборота, рассматриваемые в отдельно взятом глаголе, в разделе морфологии называются залогами глагола. Следовательно, в адыгейском языке мы имеем следующие залогии: непродуктивный или непереходный, продуктивный или переходный, залог с косвенным объектом, непродуктивно-побудительный, т. е. побудительный, образованный от непродуктивного, продуктивно-побудительный, т. е. побудительный, образованный от продуктивного, косвенно-побудительный, т. е. побудительный, образованный от залога с косвенным объектом, и, наконец, начатки страдательного залога. Следовательно, в дальнейшем, когда мы будем говорить о взятых в отдельности — вне предложения — формах глагола-сказуемого, характерных для каждого из оборотов, мы будем называть эти глагольные формы залогами.

Второстепенные члены предложения. К второстепенным членам предложения относятся все виды косвенных дополнений, обстоятельственные слова, определения и дополнения при дополнительных словах. Из этих второстепенных членов непосредственную связь со сказуемым (по его префиксам или по смыслу) имеют все косвенные дополнения и все обстоятельственные слова. В отличие от них определения и дополнения при дополнительных словах не связаны непосредственно со сказуемым. Они имеют непосредственную грамматическую связь лишь с тем дополнительным словом, к которому относятся.

Косвенные дополнения и формы их связи со сказуемым мы рассмотрели выше в специальном разделе. Рассмотрим здесь обстоятельственные слова.

Обстоятельственные слова и сказуемое. Обстоятельственные слова могут выражать время, место, образ действия, причину и цель. Выше мы уже рассмотрели местные дополнения. Поэтому здесь ограничимся рассмотрением только некоторых специально обстоятельственных слов (наречий):

А. Обстоятельство времени

Непэ клубым ты-щы-лагъ.

Сегодня в клубе мы были.

Тыгъуасэ районим сы-къ-и-кы-жыгъ.

Вчера из района я вернулся.

Мыгъэ лэжыгъэхэр бэгъуагъэх.

В этом году хлеба уродились.

Б. Обстоятельство места

Мыдэ къэ-хь.

Сюда неси.

Адэ шыль.
Там (где-то) лежит.
Мощ дэжь кь-и-х.
Вот оттуда возьми.

В. Обстоятельство образа действия

Мэшокур псынклэу макю.
Поезд быстро идет.
Тракторыр псынклэу мажьо.
Трактор быстро пашет.
Машинэм коцыр дэгъоу е-ю.
Машина хорошо молотит пшеницу.
Пшьашъэр дахэу кьэ-шьо.
Девушка красиво танцует.
Дзыор пытэу пхыгъэ.
Мешок крепко завязан.
Мощтэу тхы.
Вот так напиши.
Аштэу у-мы-шы.
Так не делай.
Шытэу председателым доклад кь-е-шы.
Председатель стоя доклад делает.
Еджаклор шысэу ма-тхэ.
Ученик сидя пишет.
Автомобилыр кьэмыуцоу ма-кю.
Автомобиль безостановочно (не останавливаясь) идет.
Мыгъэ лэжьыгъэхэр дэгъоу бэгъуагъэх.
В этом году хлеба хорошо уродились.

Г. Обстоятельство причины

Мы Юфым пае || шъхьаклэ || фэшлыклэ зэныкьокьугъэх.
Из-за этого дела они поспорили.

Д. Обстоятельство цели

Шым пае || фэшлыклэ сыкьэкьуагъ.
Я пришел за лошастью.
Шъузыр псыхъэ кьуагъэ.
Женщина пошла по воду.

Обстоятельственные слова, как это видно из приведенных примеров, или остаются совсем без специальных суффиксов (обстоятельства времени) или оканчиваются на частицы «-дэ» (обстоятельства места) и «-эу» (обстоятельства образа действия). Последний суффикс одного происхождения с суффиксом превратительного дополнения (см. выше стр. 67). Все обстоятельственные слова по смыслу непосредственно связаны со сказуемым. Они ближайшим образом определяют сказуемое, уточняют его смысл. Однако эта связь в отличие от связи косвенных дополнений со сказуемым никогда не выражается префиксами в составе сказуемого.

Качественное и количественное определение и определяемое (определятельное сочетание слов). К каждому дополнительному слову могут быть присоединены качественные определения, уточняющие его значение. Дополнительное слово, к которому относится определение, называется основным словом или определяемым.

Колхозы-м шэц-хэ-р а-р-и-гъэ-шыгъэх.
Колхоз конюшни построил.

Колхозы-жьы-м шэц дэгъу-хэр а-ри-гъэ-шыгъэх.
Старый колхоз хорошие конюшни построил.

В приведенном предложении мы видим, что к каждому из дополнительных слов можно прибавить определение. К подлежащему прибавляется определение «жьы» — «старый», а к прямому дополнению «дэгъу-хэр» — «хорошие». Слова «колхоз» — «колхоз» и «шэц» — «конюшни» по отношению к своим определениям являются основными словами или определяемыми. Качественное определение здесь, как и в большинстве случаев в адыгейском языке, ставится после основного слова:

Шы-м уанэ-р тыр-а-лъхьагъ.

На лошадь седло положили, т. е. лошадь оседлали.

Шы кьарэ-м она-кIэ-р тыр-а-лъхьагъ.

На карюю лошадь новое седло положили.

Шы кьэрэ-шхо-м она-кIэ дахэ-р тыр-а-лъхьэ.

На лошадь карюю большую седло новое красивое кладут.

Куандэ-хэр Iу-ты-х.

Кусты стоят (возле чего-то).

Кондэ IонтIагъэ-хэ-р Iу-ты-х.

Кусты кривые стоят (возле чего-то).

Кондэ IонтIэгъэ жьгъэй-хэ-р Iу-ты-х.

Кусты кривые мелкие стоят (возле чего-то).

Кондэ IонтIэгъэ жьгъэй цIыкIу-хэр Iу-ты-х.

Кусты кривые мелкие, маленькие стоят (возле чего-то).

Колхозым грузовик-хэр кьыщэфыгъэх.

Колхоз грузовики купил.

Колхоз фешыгъэ-м грузовикы-кIэ ин-хэр кьыщэфыгъэх.

Колхоз зажиточный грузовики новые большие купил.

Кьушьхьэ-хэмэ мылы-хэр а-те-лъы-х.

На горах льды лежат.

Кьушьхьэ лъэгэ-шхо-хэмэ мыл Iужьу-шхо-хэр ателъых.

На горах высоких больших льды толстые большие лежат.

Заводым унэ щашыгъ.

На заводе дом построили.

Заводы-кIэ-м унэ шьэджэшъэ-шхо щашыгъ.

На заводе новом дом огромный, большой построили.

Из примеров мы видим, что к основному слову (определяемому) может быть присоединено несколько определений. При этом в адыгейском языке союз «и» между определениями не ставится. В последнее время в литературном языке для этой цели стал употребляться союз «ыкIи» — «и». В качестве особенности адыгейского стиля следует отметить, что в этом языке часто употребляются двойные определения с близкими значениями (определения — синонимы), например: «жьгъэй цIыкIу» — «мелкий, маленький», «шьэджэшъэшху» — «огромный, большой» и т. д. Иногда скопление определений при основном слове принимает большие размеры. При одном определяемом может стоять 4—5 определений:

Единоличнэ унэгъо кьарыунчъэ жьгъэй цIыкIу зэфэшъхьаф-хэр.

Единоличные хозяйства бессильные, мелкие, маленькие, различные.

Лы лъэгэ плIэIу-бгъо шIуцIэ-шху.

Мужчина высокий, широкоплечий, черный, большой.

Пшьэшъэ кьопцIэ кьодан ищыгъэ кIыхьэ дах.

Девушка брюнетка, статная, удлиненная (т. е. стройная), длинная (т. е. высокая), красивая.

Из этих примеров можно видеть, что определения вместе с определяемым сливаются как бы в одно слово. Все они имеют одно общее окончание падежей и чисел, которое присоединяется к последнему из определений. Все определения вместе с определяемым имеют одно общее словоударение, которое стоит на последнем из определений (если оно состоит не из одного открытого слога). Наконец, как определяемое, так и определение, связанные вместе, могут подвергаться известным фонетическим изменениям, т. е. во взаимной связи каждое из них может произноситься не так, как оно произносится в отдельности — в качестве отдельного дополнительного слова или сказуемого. Эти фонетические изменения заключаются в том, что долгий гласный «а» в предпоследнем слоге основы слова сохраняется только в самом последнем из слов определительного сочетания. Во всех предшествующих словах он переходит в краткий гласный «э». Кроме того, краткие гласные в концах исчезают и появляются по законам, обратным тем, которые мы наблюдаем у тех же слов, произносимых самостоятельно. Подробнее об этих фонетических законах см. Фонетика, стр. 415—418.

Отдельное произношение	Определительное словосочетание
Къуадж. Шхо.	Къоджэ-шху.
Аул. Большой.	Село большое.
Уан. Дэгъу.	Онэ дэгъу.
Седло. Хороший.	Седло хорошее.
Краск. Шуццэ.	Краскэ шлуцц.
Краска. Черный.	Краска черная.
Клалэ. Цыккы.	Клэлэ цыккы.
Юноша. Маленький.	Юноша маленький.
Клэпсэ. Кыхъэ.	Клэпсэ кыхъ.
Веревка. Длинный.	Веревка длинная.

Таким образом, в словах, предшествующих последнему и в настоящее время или исторически оканчивающихся на краткий гласный «э», этот гласный в сочетаниях всегда появляется, хотя в отдельном произношении тех же слов он часто исчезает. Долгий гласный «а» в предпоследнем слоге во всех словах, за исключением последнего в сочетании, переходит в краткий гласный «э», за исключением слов, усвоенных из русского и других языков, или интернациональных, в которых гласный «а» сохраняется.

Наоборот, краткий гласный «ы» в концах всех слов, предшествующих последнему, в определительном сочетании всегда исчезает, хотя он часто слышится в отдельном произношении:

Отдельное произношение	Определительное словосочетание
Шэкы. Пытэ.	Шэки пыт.
Материя. Крепкий.	Материя крепкая.
Мэлы. Пщэр.	Мэл пщэр.
Овца. Жирный.	Овца жирная.
Уцы. Кыр.	Уц кыр.
Трава. Рослый.	Трава рослая.
Фабрик. Ины.	Фабрик ин.
Фабрика. Большой.	Фабрика большая.
Бырак. Пльыжь.	Быракъ пльыжь.
Знамя. Красный.	Красное знамя.

и т. д.

Если последнее определение состоит из открытого слога, т. е. из одного слога, оканчивающегося на гласный, то в предшествующем ему слове в определительном словосочетании обязательно появляется конечный гласный, на который это слово или в настоящее время, или исторически

оканчивается. При этом конечный краткий гласный предшествующего «-э-» переходит в долгое «а», если второе слово оканчивается на «-э».

Отдельное произношение	Определительное словосочетание
Къуадж. Шхо.	Къоджэ-шху.
Аул. Большой.	Аул большой
Уан. КІэ.	Она-кІ.
Седло. Новый.	Седло новое.
ШэкІы. Жъы.	ШэкІыжъы.
Материя. Старый.	Материя старая.
Техникэ. КІэ.	Техника-кІ.
Техника. Новый.	Техника новая.
Фабрик. КІэ.	Фабрики-кІ.
Фабрика. Новый.	Фабрика новая.
Уан. Жъы.	Онэ-жъ.
Седло. Старый.	Седло старое.

и т. д.

Мы видели, что, когда последнее слово в определительном сочетании не принадлежит к словам, состоящим только из одного открытого слога, оно всегда теряет свой конечный краткий гласный («э» или «ы»). Когда же последнее слово состоит из одного открытого слога, то краткий гласный в части случаев остается.

Итак, в отношении всех определений, стоящих после своего определяемого, мы можем сделать вывод, что в адыгейском языке они всегда выражают качество или признак и представляют собою слова, издавна употребляемые в этом языке до проникновения в него новейших русских и интернациональных слов.

Исторически определение вместе с определяемым, несомненно, представляли в адыгейском языке как бы одно, слившееся из нескольких неоформленных основ слово. Поэтому в адыгейской орфографии одно время было принято правило о слитном написании определений с определяемыми. Однако в настоящее время эти определения уже выделились в понятия как отдельные слова. Поэтому и в орфографии их удобнее писать раздельно с определяемым (за исключением односложных определений типа открытого слога).

При синтаксическом разборе необходимо выделять определения лишь после того, как разобрано определяемое, т. е. основное слово, к которому относится определение. В виду трудности в этих случаях такой постановки вопросов, на которые по-адыгейски могло бы отвечать каждое из определений в отдельности, синтаксический разбор определений лучше всего производить без вопросов, устанавливая, сколько при данном определяемом имеется определений и приучая учащихся выделять их и произносить каждое в отдельности.

Оформленное качественное и количественное определение. Кроме сочетания определяемого с качественным определением как отдельных неоформленных основ с общими окончаниями склонения, в адыгейском языке существует еще другой способ выражения определений. При этом способе качественное определение ставится перед определяемым и оформляется специальным суффиксом «-эу». При этом способе мы имеем, таким образом, форму определения, вполне соответствующую русскому оформленному определению-прилагательному. Однако этот способ выражения определений до сих пор не получил широкого развития в адыгейском языке. Оформленные как отдельные слова определения могут употребляться не во всех случаях и образуются не от всех слов, обозначающих качества или признаки:

Плъыжь-эу карандаш къы-с-ф-и-щэфыгъ.

Красный карандаш мне он купил.

Карандаш пльыж кьысфичэфыгъ.

Карандаш красный мне он купил.

Купаль-эу дах-эу джэна-пхъэ кьэ-с-щэфыгъ.

Бордовую красивую материю для рубашки я купил.

Джэна-пхъэ купаль дахэ кьэсщэфыгъ (неоформленные определения).

Для рубашки материю бордовую, красивую я купил.

Зыгорэ шлуц-эу ин-эу джад-эу тапэ кь-и-тэдж-агъ.

Нечто черное огромное большое встало перед нами.

Зы шлуцэ ин джадэ горэ тапэ кьитэджагъ (неоформл. опр.).

Нечто черное огромное большое встало перед нами.

Пхъэлэш-эу пшырэ трактор-эу тфырэ колхоз губгъом щэ-жьо-х.

Плугов десять и тракторов пять на колхозном поле пахут.

Пхъэлэшипшырэ тракторитфырэ колхоз губгъом щэжьох (неоф. опр.).

Десять плугов и пять тракторов на колхозном поле пахут.

Тхыль-эу пшы кьэ-с-щэфыгъ.

Книг десять я купил.

Тхыльипшы кьэсщэфыгъ (неоформл. опр.).

Десять книг я купил.

Во всех этих примерах отдельно оформленные определения относятся лишь к прямой форме дополнений (с суффиксом «-р»). Определение в качестве отдельно оформленного дополнительного слова с окончанием «-эу» совсем не употребляется при подлежащем в продуктивном обороте, а также вообще при косвенных дополнениях, имеющих окончание «-м» (см. стр. 30). Наиболее употребительны такого рода образования в количественных определениях (т. е. в сочетаниях с числительным; см. последние примеры). В отличие от русского, однако, в качестве определения оформляется в таких случаях не числительное, а то слово, к которому оно относится: «пхъэлэшэу пшырэ, тракторэу тфырэ»; по-русски, таким образом, выходит как бы — „плужные десять и тракторные пять“; «тхыльэу пшы» — „книжные десять“ и т. д. Таким образом, здесь определение и определяемое в адыгейском языке находятся в обратном отношении к русскому определению и определяемому.

Относительное определение и определяемое или определительное дополнение и дополняемое (дополнительное сочетание слов). Определительными дополнениями следует считать в адыгейском языке те слова в предложении, которые, относясь к одному из дополнительных слов (подлежащему, прямому или косвенному дополнению), ставятся перед этим словом. Так же, как и определения, адыгейские определительные дополнения имеют непосредственную связь со своим основным словом или дополняемым. В современном адыгейском языке эти дополнения в большинстве случаев соответствуют русским относительным определениям. Однако по своему происхождению адыгейские дополнения при дополняемом представляют собою тот общий член предложения, в котором определение и дополнение еще не были разграничены, дифференцированы друг от друга. В части случаев и сейчас адыгейские дополнения соответствуют русским дополнениям. В большинстве же случаев, будучи неоформленными, они могут быть поняты двояко: как неопределенное дополнение при дополняемом и как определение при определяемом. Во избежание смещения этого рода дополнений с косвенным и прямым дополнениями, можно назвать первые — определительными или притяжательными или несамостоятельными дополнениями:

Советым сэ-кю.

В совет я иду.

Кьоджэ советым сэкю.

В совет аула || в аульный совет я иду.

Тракторы-р колхозы-м щэ-лажьэ.

Трактор в колхозе работает.

Трактор колоннэр колхоз губгъо-м щэлажьэ,

Тракторнэ колоннэр колхоз губгъо-м щэлажьэ.

Колонна тракторов в колхозном поле работает,

Тракторная колонна в колхозном поле работает.

Правлением бригадэ-хэр ы-гъэ-нэфагъэх.

Правление бригады наметило.

Колхоз правление-м бригадэхэр ыгъэнэфагъэх,

Колхознэ правление-м бригадэхэ-р ыгъэнэфагъэх.

Правление колхоза бригады наметило,

Колхозное правление бригады наметило.

Тхыль-хэр библиотекем члэ-льы-х.

Книги лежат в библиотеке.

Адыгэ тхыл-хэ-р школ библиотекэм члэ-льы-х,

Адыгэ тхыл-хэ-р школьнэ библиотекэм члэ-льы-х.

Адыгейские книги в библиотеке школы лежат,

Адыгейские книги лежат в школьной библиотеке.

Клалэ-хэ-р площадкэ-м щэ-джэгү-х.

Молодежь на площадке играет.

Тигъунэгъу къоджэ клалэ-хэ-р спортивнэ площадкэ-м щэджэгүх.

Молодежь нашего соседнего аула на спортивной площадке играет.

Первобытнэ-общиннэ гъэпсыклэм (строим) игъо производствэ сред-
ствэхэр пстэуми ээ-д-р-я-ягъ.

При первобытно-общинном строе средства производства принадле-
жали всем.

Октябрьскэ социалистическэ революцием пролетариат диктатурэр
ы-гъэ-уцугъ,

Октябрьскэ социалистическэ революцием пролетарскэ диктатурэр
ыгъэуцугъ.

Октябрьская социалистическая революция диктатуру пролетариата
установила,

Октябрьская социалистическая революция пролетарскую диктатуру
установила.

Экономическэ кризисым капиталистэ хэгъэгүхэр е-тхалэх,

Экономическэ кризисым капиталистическэ хэгъэгүхэр етхалэх.

Экономический кризис страны капиталистов душит,

Экономический кризис капиталистические страны душит.

Украинэ губгъомэ шъоуцыгъу чыплъыр бэу а-ща-шлэ,

Украинскэ губгъомэ шъоуцыгъу чыплъыр бэу ащашлэ.

На полях Украины много сахарной свеклы сеют,

На украинских полях много сахарной свеклы сеют.

Мы видим, что так называемые определительные дополнения присоеди-
няются к основному слову так же, как предшествующие слова к пос-
ледующим в определительных сочетаниях. Определительные дополнения
остаются в качестве неоформленной основы. Они имеют с последующим
дополняемым одно общее ударение, которое тоже падает на последнее
слово, т. е. на дополняемое. Звуковые законы появления и исчезновения
кратких гласных «э» и «ы» в этих сочетаниях совершенно одинаковы
с законами, которым подчиняются определительные сочетания. То же
можно сказать и о переходе предпоследнего краткого гласного «э» в дол-
гое «а». Единственным отличием чисто дополнительных сочетаний является
то, что окончания падежей и чисел присоединяются в них именно к основ-

ному слову — дополняемому, так как именно оно стоит последним в сочетании.

Приведенные примеры, однако, показывают, что все усваиваемые русские и интернациональные не только относительные, но и качественные определения ставятся в адыгейском языке тоже перед основным словом. Таким образом, в нем все возрастает количество и настоящих определений, оказывающихся в сочетаниях с определяемым на том же месте, что и адыгейские относительные дополнения. Так как сами адыгейские несамостоятельные дополнения в этой их неопределенной форме могут быть часто переданы по-русски только как определения [например, «шъоушъыгъу чыплъ» — „сахарная свекла“, буквально — „сахара (вообще) свекла“, «адыгэ тхыль-хэ-р» — „адыгейские книги“, буквально — „адыгов (вообще) книги“, «мыжъошломыкI» — „каменный уголь“, буквально — „(из) камня (вообще) уголь“, «гъучI пхъэлэбжъан» — „железные грабли“, буквально „из железа (вообще) грабли“], то мы можем с полным правом сказать, что в настоящее время неоформленное, т. е. неопределенное по содержанию адыгейское определительное дополнение все более и более переходит в определение, развивается в сторону определения. Исходя из этого, в практических целях преподавания в школе можно было бы в настоящее время уже не различать определений от определительных неоформленных дополнений. В школьных грамматиках определительное неоформленное дополнение для простоты можно подвести под общую категорию относительных по своему значению определений, тем более, что в практике литературного языка те и другие часто присоединяются одновременно к основному слову, которое, таким образом, оказывается в середине всего сочетания.

Колхоз-хэ-мэ кIэлэщIыкIу яслэ дэгъу-хэ-р я-лэ-х.

Колхозы (для) детей ясли хорошие имеют,
т. е. колхозы детские хорошие ясли имеют.

Единоличнэ мэкъу-мэщышIэ хозяйства къарыунчъэ жъгъэй щIыкIу
зэфэшьхъафхэр колхозэу зэ-хэ-хъагъэ-х.

Единоличные крестьянские хозяйства бессильные, мелкие, малень-
кие, различные объединились в колхозы.

Адыгэ тхыльы-кIэ-хэр тиеджэпIэ (тишкольнэ) библиотек чIэ-лъы-х.
Адыгейские книги новые в нашей школьной библиотеке лежат.

Горькэ-м автомобиль (автомобильнэ) заводышо дэ-т.

В Горьком автомобилей (т. е. автомобильный) завод большой стоит.

СССР-р Советскэ Социалистическэ Республикэ пшIыкIухэу зэхэт.

СССР из Советских Социалистических Республик шестнадцати со-
стоит.

Экономическэ кризисы-шхом капиталистическэ къэралыгъохэр
е-тхъалэ-х.

Экономический кризис большой капиталистические государства ду-
шит.

В этих примерах основные слова — дополняемые-определяемые — находятся в середине сочетаний, так как к ним присоединяются впереди определительные дополнения или усвоенные русские и интернациональные определения, а позади — качественные определения.

Бывают случаи, когда от порядка постановки основного слова и дополнений-определений, которые к нему относятся, зависит смысл всего сочетания слов:

Къоджэ совет.

Аула совет,

Аульный совет.

Совет къуадж

Советскэ къуадж.

Советский аул.

Псыуды.	Удыпсы.
Водяная трава,	Травяная вода,
Водоросль.	Травяная настойка.
Унапхъэ.	Пхъэ унэ.
(Для) дома материал.	Деревянный дом.
Нэпсы.	Псынэ.
Слезэ (буквально — глаза вода).	Колодец (буквально — воды глаз).
Автомобиль завод.	Завод автомобиль.
Автомобилей завод,	Завода автомобиль,
Автомобильный завод.	Заводской автомобиль.
Кухнэ-фабрик.	Фабрикэ кухн.
Кухня-фабрика	Фабрики кухня,
(буквально — кухонная фабрика).	Фабричная кухня.
Гупсы.	Псыгу.
Слюна (буквально — рта вода).	Край реки.

Во всех этих примерах разница значений зависит от того, что основное слово — дополняемое стоит согласно законам адыгейского языка вторым из двух слов, а дополнение, которое по смыслу часто соответствует русскому определению, — первым. Поэтому при изменении порядка слов дополняемое или основное слово превращается в определительное дополнение, а дополнение — в дополняемое. Этому же закону порядка слов в дополнительных сочетаниях подчинены и слова, усвоенные из русского языка, или интернациональные. В адыгейском литературном языке, в особенности при переводах с русского, следует точно соблюдать этот порядок слов. Следует отметить, что порядок сочетания адыгейских дополнений с дополняемыми противоположен порядку сочетания русских дополнений с дополняемыми. В адыгейском языке дополнение предшествует дополняемому, а в русском, наоборот, дополняемое предшествует дополнению. Но все русские и интернациональные определения, проникающие в адыгейский язык, должны ставиться, как и дополнения, только перед основным словом. Вследствие несоблюдения этого правила в адыгейских переводах научной терминологии часто наблюдались грубейшие ошибки. Так, например, в одном из ныне изъятых переводов на адыгейский язык русское — „пролетарская диктатура“ (пролетарскэ диктатур) было переведено через: „диктатурэ пролетар“, буквально — „диктатурский пролетарий“, „диктатуры пролетарий“; вместо русского „средства производства“ (производства средствэхэр) в переводе получилось „средствэ производств“, т. е. буквально — „средств произзводство“, „средственое производство“. Точно так же в переводе устава сельхозартели русское „средства производства“ передано через „средство производствэхэр“, т. е. „средственные производства“. Несоблюдение порядка слов в дополнительных сочетаниях в адыгейском языке ведет к искажению смысла русского текста и делает перевод непонятным для адыгейского читателя. Итак, после основного слова (определяемого-дополняемого) в адыгейском языке следует ставить только адыгейские качественные определения, которые исторически присоединяются в этом порядке. Все же русские и интернациональные по происхождению определения и дополнения следует ставить только впереди основного слова.

Как видно из вышеприведенных примеров, теперь в современном адыгейском литературном языке все определения русские и интернациональные употребляются с сохранением русских окончаний, что способствует разграничению дополнительных и определительных сочетаний и точной передаче этих словосочетаний при переводах с русского на адыгейский язык, например:

Большевик партиер.
Партия большевиков.
Совет власть.
Власть советов.

Большеви́стскэ партиер.
Большеви́стская партия.
Советскэ власть.
Советская власть.

и т. д.

Оформленное дополнение при дополняемом. На ряду с неоформленным, еще не выделенным в качестве настоящего определения определительным адыгейским дополнением, в адыгейском языке существует оформленное дополнение при дополняемом. Оформленное дополнение оканчивается, как всякое косвенное дополнение на «-м» и предшествует дополняемому. Дополняемое, в свою очередь, оформлено притяжательным префиксом 3-го лица. Таким образом, оформленное дополнение исторически представляет собою настоящее отдельное слово. По своему содержанию оформленное дополнение выражает настоящее дополнение, которое по-русски следует переводить только дополнением в родительном падеже при дополняемом. Оформленное дополнение стоит в определенной форме и обозначает всегда отдельный предмет, а в некоторых случаях и определенный предмет. Таким образом, оформленное дополнение при дополняемом в адыгейском языке представляет собою дальнейшее развитие неоформленного дополнения. В то время как неоформленное дополнение по своему происхождению восходит к эпохе аморфного строя, оформленное дополнение является продуктом того времени, когда в адыгейском языке появляются падежи и притяжательные префиксы. Разница в оформлении и значении оформленного и неоформленного дополнения ясно видна из следующих примеров:

Оформленное дополнение
(Единичное или определенное значение)

Неоформленное дополнение
(Обобщенное значение)

Колхозы-м и-мыльку.
Колхоза (отдельного) (его) имущество.

Колхоз мыльку.
(Вообще) колхоза имущество, колхозное имущество.

Пролетариат-ым и-диктатур.
Пролетариата (его) диктатура, т. е. диктатура пролетариата.

Пролетариат диктатур.
(Вообще) пролетариата диктатура, пролетарская диктатура.

Столы-м ы-лъакъу.
Стола (его) ножка.

Стол лъакъу.
(Вообще) стола ножка.
Столовая ножка.

Унэ-м ы-шъхь.
Дома (его) крыша.

Унашъхьэ.
(Вообще) дома крыша.
Домовая крыша.

Унэ-м ы-лъэгу.
Дома (отдельного) (его) пол.
Шы-м ы-лъабжь.
Лошади (отдельной) (ее) копыто.

Унэ лъэгу.
(Вообще) дома пол, домовый пол.
Шы лъабжьэ.
(Вообще) лошадей копыто, лошадиное копыто.

Мэлы-м ы-шъу.
Овцы (отдельной) (ее) шкура.

Мэлышъо.
(Вообще) овец шкура, овечья шкура.

Колхоз-мэ я-лэжьыгъэхэр.
Колхозов (отдельных) (их) посеvy.

Колхоз лэжьыгъэхэр.
(Вообще) колхозов посеvy, колхозные посеvy.

Колхозы-м и-правление.
Колхоза (отдельного) (его) правление.

Колхоз правление.
(Вообще) колхозов правление, колхозное правление.

Гъэмафэ-м и-чэщхэр.
Лета (определенного) (его) ночи.

Гъэмэфэ чэщхэр.
(Вообще) лета ночи, летние ночи.

Чыгы-м ы-кьотамэхэр.
Дерева (отдельного) (его) ветки.

Чыг кьотамэхэр.
(Вообще) деревьев ветки, древесные ветки.

Кьуаджэ-м ы-гузэгу.
Аула (отдельного) (его) центр.

Кьоджэ гузэгу.
(Вообще) аулов центр, аульный центр.

Шальэ-м ы-чI.
Ведра (отдельного) (его) дно.

ШальачI.
(Вообще) ведер дно, ведрое дно.

Из примеров ясно видно, что неоформленное дополнение имеет собственное родовое значение, и потому по-русски его удобнее всего переводить прилагательным, так как в русском языке „крыша дома (вообще)“ равняется выражению „домовая крыша“ и т. д. Оформленное дополнение вполне соответствует русскому дополнению в родительном падеже — при дополняемом и выражает в адыгейском языке отдельный предмет, а частью также определенный предмет. В современном литературном адыгейском языке это различие иногда смешивается, однако для развития точности языка необходимо в употреблении обеих форм дополнений строго различать эти два разные оттенка их смысла.

Адыгейские дополняемые в этого рода сочетаниях иногда превращаются в служебные слова, выражающие пространственные и другие отношения, которые передаются в русском языке предлогами. Это развитие происходит в адыгейском языке с теми дополняемыми, которые выражают различные части предметов и происходят преимущественно от названий частей тела:

Унэ-м ы-пашъхь.
Пространство перед домом.

Унэ пашъхьэ-м.
Перед домом.

Унэ-м ы-кIыб.
Тыльная сторона дома, буквально — спина дома.

Унэ кIыбы-м.
За домом, за дом, из-за дома.

Шкафы-м ы-шъхь.
Верх шкафа, верхняя поверхность шкафа, буквально — голова шкафа.

Шкафышъхь.
На шкафу, на шкаф, со шкафа.

Стол-м ы-чIэгъ.
Пространство под столом.

Стол чIэгъы-м.
Под столом, под стол, из-под стола.
и т. д.

Как видно из примеров, отвеченное значение предлогов в адыгейском языке не вполне еще отграничилось от значения конкретных предметов. Адыгейские дополнения с такого рода дополняемыми сочетаются тоже в двух видах — оформленном и неоформленном. Разница в значении этих двух форм, очевидно, должна соответствовать той разнице, которую мы установили выше (см. стр. 80—84).

Однако это различие в современном литературном языке стирается, и при выражении русских предлогов обе формы начинают безразлично употребляться одна вместо другой.

Составное (именное) сказуемое. В адыгейском языке любое слово в предложении может служить сказуемым. Кроме специально оформленных предикатов (глаголов), также любое дополнительное слово (т. е. имя) может быть употреблено в качестве сказуемого. Однако в отличие от русского, адыгейское дополнительное слово (имя) в роли сказуемого должно обязательно принять специальную форму, свойственную сказуемому. Эту специальную форму мы назовем предикатной формой слова. Для выражения предикатной формы слова к нему или присоединяется специальное окончание «-ры» (например, к указательным и личным местоимениям), или в качестве предикатной формы ставится неопределенная форма дополнительного слова.

Вообще следует отметить, что предложения типа: „отдельное есть общее“ в адыгейском языке употребляются реже, чем в русском, так как в нем существует относительно меньшее количество слов-общих понятий. В качестве примера приведем следующие:

- Пастэр¹ — шхыны.
Паста — кушанье.
Мыер — чыгы.
Яблоня — дерево.
Тхьаркьожьыр — уцы.
(Название травы) — трава.
Умар — лыжьы.
Умар — старик.
Гъучыр — металл.
Железо — металл.
Джанэр — шыгъын.
Рубашка — одежда.
Унэр — псэуаль.
Дом — постройка.
Мэджидэ — кӀэлэ цыкӀу.
Меджид — ребенок.
Мерэм — председатель.
Мариам — председатель.
Сариет — бзыльфыгъ.
Сариет — женщина.
Иусыф — хьульфыгъ.
Юсуф — мужчина.
Сэ — сылыжь.
Я — старик.
Шыр — псэушъхь.
Лошадь — животное.
Тхьаркьор — кьолэбзыу.
Голубь — дикая птица.
Мэрэткьор — сэры.
Меретуксв — (это) я.
Совхозхэр — социалистическэ предприятиех.
Совхозы — (это) социалистические предприятия.

Почти все вышеприведенные примеры с обобщенными (родовыми) сказуемыми можно передать по-адыгейски и иным способом — с помощью прибавления к сказуемому слова: «а-щыц» — „есть из (их) числа, один из (них)“.

- Пастэр — шхынмэ ащыц.
Паста — одно из кушаний
(буквально — из числа кушаний).
Мыер — чыгымэ ащыц.
Яблоня — одно из деревьев
(буквально — из числа деревьев).
Тхьаркьожьыр — уцымэ ащыц
(Название травы) — одна из трав.
Умар — лыжьымэ ащыц.
Умар — один из (определенных) стариков.

¹ Крутая пшеничная каша, нарезанная ломтями; подается к вареному мясу, заменяя собою хлеб.

Тъучыр — металлмэ ащыщ.
 Железо — один из металлов.
 Джанэр — шыгъынмэ ащыщ.
 Рубашка — одна из одежд.
 Унэр — псэуальэмэ ащыщ.
 Дом — одна из построек.
 Мэджидэ — кӀэлэ цыкӀумэ ащыщ.
 Меджид — один из (определенных) ребят.
 Мерэм — председателӀмэ ащыщ.
 Мариам — один из (определенных) председателей.
 Шыр — псэушьхӀэмэ ащыщ.
 Лошадь — одно из животных.
 ТхьаркӀор — кӀолэбзыумэ ащыщ.
 Голубь — одна из диких птиц.
 Совхозхэр — социалистическэ предприятиемэ ащыщых.
 Совхозы — одно из социалистических предприятий.
 Председателыр — мыхэмэ ащыщ.
 Председатель — один из этих.
 Бригадирыр — мохэмэ ащыщ.
 Бригадир — один из вот тех.
 Студентыр — ахэмэ ащыщ.
 Студент — один из тех || из них.

При этом способе выражений сказуемого сказуемым собственно служит слово «ащыщ», а косвенное дополнение при нем стоит в определенной косвенной форме множественного числа. Наконец, часто именно сказуемое в адыгейском языке передается с помощью вспомогательного глагола «щыт» — «является, есть», при котором имя приобретает суффикс «-эу, -у», т. е. стоит в форме превратительного дополнения:

«Диныр цыфы-мэ яопиумэу щыт» || «Диныр цыфыхэмкӀэ опиумэу щыт».

Букв.: «Религия людей их опиумом является» || «Религия для людей опиумом является».

«Религия есть опиум народа»¹ || «Религия есть опиум для народа».

Можно отметить, что многие слова-общие понятия, употребительные в адыгейском языке, не используются в этом значении в качестве сказуемых. В предикатном употреблении они получают новое значение — становятся словами, выражающими качество или признак. Так употребляются, например, слова: «цыфы» — «человек», «лы» — «мужчина», «кӀалэ» — «юноша», «былым» — «скот» в качестве сказуемого.

Иусыф — цыфы.

Юсуф — воспитанный человек, образцовый человек.

Тембот — лы.

Тембот — мужественный.

Фатимэт — кӀалэ || ныбжьыкӀ.

Фатимет — молодая.

Шыр колхозымкӀэ былым.

Лошадь для колхоза ценна.

и т. д.

Таких слов-общих понятий, как «растение», «птица» (вообще), «мебель», «овощи», «злак хлебный (вообще)», «ребенок, дитя (вообще)» — хотя сейчас слово «кӀэлэ цыкӀухэр» — «маленькие мальчики» начинает

¹ Ленин. Социализм и религия; Ленин — Сталин. Избранные произведения в одном томе, Лнгрд, 1936, стр. 116.

употребляться в значении „ребята, дети (вообще)“ — в адыгейском языке нет совсем или они лишь теперь вновь возникают в литературе. Вместо них до последнего времени существовали только менее развитые слова-общие понятия: «уцы» — „трава“, «чъыгы» — „дерево“, «кьолэ-бзыу» — „дикая птица“ (буквально — „ворона-воробей“), «Iагу бзыухэр» — „домашняя птица“ (буквально — „дворовые воробьи“) и т. д. В настоящее время в адыгейском языке, однако, развиваются слова-общие понятия, частью из средств родного языка, частью из русских или интернациональных терминов.

Особые способы выражения составного сказуемого мы имеем в тех случаях, когда в качестве подлежащего или в составе подлежащего употребляются указательные местоимения. В этом случае возможны два параллельные способа выражения определения в качестве сказуемого:

Определительное сочетание основ	Определение
Мы унэр — унэ лъаг. Этот дом — высокий дом.	Мы унэр — лъагэ. Этот дом — высок.
Мы учителыр — учитель дэгъу. Этот учитель — хороший учитель.	Мы учителыр — дэгъу. Этот учитель — хорош.
Мы ударникыр — ударник шъыпкъ. Этот ударник — настоящий ударник.	Но: Мы ударникыр — шъыпкъэ. „Этот ударник — настоящий“ — не говорят.
Мы кьуаджэр — кьоджэ ин. Этот аул — большой аул.	Мы кьуаджэр — ины. Этот аул — большой.
Мы колхозыр — колхоз фэшлыгъ. Этот колхоз — зажиточный колхоз.	Мы колхозыр — фэшлыгъ. Этот колхоз — зажиточный.
Мы лыр — лыжы. Этот мужчина — старик (буквально — старый мужчина).	Мы лыр — жы. Этот мужчина — стар.
Мы шъузыр — шъуз дах. Эта женщина — красивая женщина.	Мы шъузыр — дахэ. Эта женщина — красива.

В адыгейском живом народном языке более употребительны именно предложения первого типа, в которых определяемое, служащее объектом, повторяется еще раз в составе определительного сочетания, служащего сказуемым. Сказуемое в данных примерах следует считать составным, состоящим из двух слов. Эти предложения отличаются как по содержанию, так и по форме от следующих, в которых в качестве подлежащего употребляются указательные местоимения, а в качестве составного сказуемого — определительные сочетания. Сказуемое в этом случае может быть выражено двумя способами: или определительным сочетанием в неопределенной форме, т. е. без всяких окончаний, или определительным сочетанием в определенной форме. В последнем случае определительное сочетание в роли сказуемого употребляется в прямой форме с окончанием «-р» и к нему присоединяется предикатная форма указательного местоимения — «а-ры», которая имеет здесь значение связки и соответствует русскому „это (есть)“:

Неопределенная форма	Определенная форма
составного сказуемого	

Мыр — унэ лъаг. Это — высокий дом.	Мыр — унэ лъагэр ары. Это — высокий дом (есть).
Мыр — учитель дэгъу. Это — хороший учитель.	Мыр — учитель дэгъур ары. Это — хороший учитель (есть).
Мыр — ударник шъыпкъ. Это — настоящий ударник.	Мыр — ударник шъыпкъэр ары. Это — настоящий ударник (есть).

Мыр — кьоджэшху.
Это — большой аул.

Мыр — колхоз фэшлыгъ.
Это — зажиточный колхоз.

Мыр — лыжы.
Это — старик.

Мыр — шъуз дах.
Это — красивая женщина.

Мыр — кьоджэшхор ары.
Это — большой аул (есть).

Мыр — колхоз фэшлыгъар ары.
Это — зажиточный колхоз (есть).

Мыр — лыжыар ары.
Это — старик (есть).

Мыр — шъуз дахэр ары.
Это — красивая женщина (есть).

По этому же типу передаются по-адыгейски составные сказуемые, состоящие из определительных сочетаний:

«Колхозмэ бзыльфыгъэхэр — ащыкӀочӀэшху».

„Женщины в колхозах — большая сила“.¹

«Мыхэр (стахановцэхэр) — цыфыкӀэх, цыф шъхьафых».

„(Стахановцы) Это — люди новые, особенные“.²

Согласование сказуемого с субъектом и объектом в числе. Сказуемое всегда согласуется в числе с дополнительными словами, стоящими в косвенной форме, так как в этом случае префиксы глагола-сказуемого, выражающие продуктивный субъект, косвенный объект и косвенные дополнения, имеют специальную форму множественного числа. Что касается согласования сказуемого с прямой формой косвенных дополнений, то в современном литературном адыгейском языке установилось обыкновение всегда выражать согласование сказуемого в числе с подлежащим в прямой форме (непродуктивным подлежащим) и объектом (прямым дополнением). Это согласование прямой формы дополнительного слова, как известно, выражается суффиксом «-х» в составе глагола-сказуемого, т. е. тем же суффиксом, который в виде «-хэ» служит показателем множественного числа и в дополнительных словах.

Приведем примеры на согласование сказуемого в числе как с косвенной, так и с прямой формой дополнительных слов:

ЕджакӀор классым чӀэхьагъ.

Ученик в класс вошел.

ЕджакӀохэр классым чӀэхьагъэх.

Ученики в класс вошли.

ЕджакӀом лозунг е-тхы.

Ученик лозунг пишет.

ЕджакӀохэмэ лозунг а-тхы.

Ученики лозунг пишут.

ЕджакӀомэ лозунгхэр а-тхы-х.

Ученики лозунги пишут.

Магазинэр Ӏухыгъ.

Магазин открыт.

Магазинэхэр Ӏухыгъэх.

Магазины открыты.

КӀалэхэр Ӏагум шеджӀэгух.

Мальчики во дворе играют.

КӀалэмэ пхьэхэр кӀахьых.

Мальчики дрова несут.

¹ Сталин. Речь на первом съезде колхозников-ударников. Ленин — Сталин. Избр. произвед. в одном томе, Ленингр., 1936, стр. 617.

² Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вопросы ленинизма, изд. 11, 1939, М., стр. 493.

Однако в живом разговорном и народном языке наблюдается на ряду с этим и обыкновение пропускать суффикс «-х» в составе глагола-сказуемого, если он уже выражен в составе дополнительного слова:

Еджакломэ лозунгхэр атхы.

Ученики лозунги пишут.

Клалэхэр лагум щэджэгу.

Мальчики во дворе играют.

Клалэмэ пхъэхэр къахъы.

Мальчики дрова несут.

и т. д.

Управление нескольких сказуемых надежом одного подлежащего. Несколько сказуемых при одном подлежащем могут принадлежать к разным залогам, т. е. одно из них может быть непереходным (непродуктивным), а другое — переходным (продуктивным) или наоборот. В этих случаях надежом подлежащего управляет ближайшее к нему сказуемое:

Еджаклом планыр ешы.

Ученик план составляет.

Еджаклор картым епльы ыкли планыр ешы.

Ученик на карту смотрит и план составляет.

Еджаклом планыр ешы ыкли картым епльы.

Ученик план составляет и на карту смотрит.

Мор яупчы.

Он спрашивает их.

Мор яупчы актри етхы.

Он спрашивает их и составляет акт.

Мош акт етхы ыкли яупчы.

Он составляет акт и спрашивает их.

Что касается управления подлежащего, общего для сказуемых главного и придаточного предложений, то об этом см. ниже (стр. 143).

Порядок слов в простом предложении и инверсия. Обычным порядком слов в адыгейском простом предложении является следующий:

1	2	3	4
Подлежащее	прямое дополнение или косвенный объект	обстоятельство	сказуемое

Например:

1	2	3	4
Клалэмэ	баджэхэр	мэзым	щальэгъугъэх.
Парни	лисиц	в лесу	увидели,
т. е. парни увидели в лесу лисиц.			

В данном случае при обычной интонации ни одно из слов в предложении не имеет смыслового подчеркивания. Взаимное изменение порядка второго и третьего членов не только возможно, но и не связано с подчеркиванием какого-либо из членов данного предложения. Так, можно сказать:

1	3	2	4
Клалэмэ	мэзым	баджэхэр	щальэгъугъэх.
Парни	в лесу	лисиц	увидели,
т. е. парни увидели в лесу лисиц.			

Менее употребительно, но возможно это изменение порядка и в отношении первого и второго членов.

Баджэхэр кIалэмэ мэзым щальэгъугъэх.
Лисиц парни в лесу увидели,
т. е. парни увидели в лесу лисиц.

Всякого рода косвенные дополнения и, как мы видели, обстоятельства вставляются или между прямым дополнением и сказуемым, или между подлежащим и прямым дополнением. При этом, по возможности, избегается употребление подряд нескольких членов предложения с одинаковым окончанием «-м» (см. примеры на стр. 96—97).

В русском простом предложении обычный порядок слов несколько иной:

1	2	3	4
Подлежащее	сказуемое	обстоятельство	прямое дополнение

Однако в адыгейском, как и в русском предложении, мы можем менять порядок членов предложения в связи с передачей тех или иных смысловых оттенков. Слова, на которые говорящий хочет обратить особое внимание, выделяются в адыгейском языке, как и в русском, во-первых, так называемым „логическим“ ударением (лучше сказать — синтаксическим ударением, т. е. силовым ударением, с помощью которого выделяется одно из слов в предложении), во-вторых, интонационным ударением (т. е. повышением тона голоса на одном из членов предложения), в-третьих, изменением обычного порядка слов в предложении и, наконец, сочетанием двух или всех трех этих способов подчеркивания слова (например, изменением местоположения данного слова в предложении и одновременно „логическим“ ударением на нем и т. п.).

Здесь мы говорим лишь об изменении порядка слов адыгейского предложения для выражения смыслового подчеркивания слова. Слова, на которые говорящий хочет обратить особое внимание, переносятся в адыгейском предложении в конец фразы, а сказуемое для этой же цели ставится в начале ее. В русском же предложении слова, выделяемые говорящим, переносятся в начало предложения, а подлежащее — в конец его. Это изменение порядка слов называется инверсией, например:

Обычный порядок слов

КIалэмэ баджэхэр мэзым щальэгъугъэх.
Парни увидели в лесу лисиц.

Инверсия

КIалэмэ щальэгъугъэх баджэхэр мэзым.
В лесу лисиц парни увидели

(подчеркивается обстоятельство места и отчасти прямое дополнение).

Мэзым щальэгъугъэх баджэхэр кIалэмэ.
Лисиц увидели в лесу парни.

(подчеркивается подлежащее и отчасти прямое дополнение).

Баджэхэр щальэгъугъэх мэзым кIалэмэ.
В лесу увидели лисиц парни.

(подчеркивается подлежащее и отчасти обстоятельство места).

Щальэгъугъэх кIалэмэ баджэхэр мэзым.
В лесу парни лисиц увидели.

(подчеркивается обстоятельство места и сказуемое).

Щальэгъугъэх кIалэмэ мэзым баджэхэр.
Лисиц парни в лесу увидели.

(подчеркивается прямое дополнение и сказуемое) и т. д.

Следует отметить, что смысловое подчеркивание слова с помощью одной инверсии при сохранении обычной интонации и при отсутствии логического ударения представляет собою более слабое средство смыслового подчеркивания, чем эти последние.

О случаях невозможности инверсии см. стр. 56.

На ряду с этим в адыгейском языке существует очень интересный способ смыслового подчеркивания членов предложения, при котором изменение порядка слов сопровождается изменением морфологической их формы. Об этом см. ниже следующий раздел.

Обращение сказуемого в дополнительные слова и обратно. В адыгейском языке любое дополнительное слово, кроме обстоятельства образа действия, в предложении может быть сделано сказуемым, и любое сказуемое может превратиться в дополнительное слово. При этом, однако, в отличие от русского языка дополнительные слова, превращаясь в сказуемое, и сказуемое, превращаясь в дополнительные слова, резко изменяют свою грамматическую форму. В русском языке различие в этих случаях выражено главным образом интонацией (повышением и понижением голоса). Приведем адыгейские примеры:

Учительыр классым щэтхэ.

Учитель в классе пишет (сказуемое).

Классым щытхэ-рэ-р — учительыр ары.

В классе пишет — учитель (сказуемое)

(буквально — в классе пишущий — это (есть) учитель).

Учительыр зыщытхырэр — классыр ары.

Учитель пишет — в классе (сказуемое).

(буквально — учитель где пишущий — это (есть) класс).

Председательыр щыт.

Председатель — стоит (сказуемое).

Щытыр — председатель || председательыр ары.

Стоит — председатель (сказуемое).

(буквально — стоящий — это (есть) председатель).

Колхозникхэмэ семчыкыр губгъом щыбзэкIэ щаутхындзы.

Колхозники семечки в поле веялкой веют (сказуемое).

Семчыкыр губгъом щыбзэкIэ щызыутхындзыхэрэр — колхозникхэр
арых.

Семечки в поле веялкой веют — колхозники (сказуемое)

(буквально — семечки в поле веялкой веющие — это (есть) колхозники).

Колхозникмэ губгъом щыбзэкIэ щаутхындзырэр — семчыкыр ары.

Колхозники в поле веялкой веют — семечки (сказуемое)

(буквально — колхозники в поле веялкой что веют — это (есть) семечки
(сказуемое).

Колхозникхэмэ семчыкыр щыбзэкIэ зыщаутхындзырэр — губгъор
ары.

Колхозники семечки веялкой веют — в поле (сказуемое)

(буквально — колхозники семечки веялкой где веют — это (есть) поле).

Колхозникмэ семчыкыр губгъом зэрыщаутхындзырэр — щыбзэр ары.

Колхозники семечки в поле веют — веялкой (сказуемое)

(буквально — колхозники семечки в поле чем веют — это (есть)
веялка).

Мор мы кIалэм ят.

Вот тот — этого мальчика отец (сказуемое).

Мы кIалэм ятэр — моры.

Этого мальчика отец — (есть) вот тот (сказуемое).

Мыр макло.

Этот идет (сказуемое).

Кюрэр — мыры.

Идет — этот (сказуемое)

(буквально — идущий — (есть) этот).

Сэ сэжьо.

Я пашу (сказуемое).

Жьорэр — сэры.

Пашу — я (сказуемое)

(буквально — пашущий — это (есть) я).

По этому типу „обращенных“ предложений часто строятся предложения в адыгейском литературном языке.

«Материалистическэ мировоззрением, ею Энгельс, кьыкырэр, природэр зэрэщыт шьыпкъэм фэдэу, щымышц горэ хэмыгъахъоу, зытетым тетэу, кьыбгурьыоныр ары».¹

„Материалистическое мировоззрение, говорит Энгельс, означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений“.²

Таковы, в существенных чертах, как различные типы простых предложений, так и различные члены предложения и формы их связи в адыгейском языке. В синтаксисе мы рассматривали эти связи и выражающие их формальные частицы для того, чтобы установить взаимоотношения между отдельными словами — членами предложения — в предложении. Систематический обзор и перечень формальных частиц, способы соединения их с основами и основ друг с другом, а также порядок смены формальных частиц в одном и том же слове (т. е. словоизменение), независимо от их роли в предложении, мы рассмотрим в дальнейших разделах грамматики — в лексике, сематике и морфологии.

Развитие простых предложений. Простейшее предложение в адыгейском, как и в других языках, равняется отдельному слову. Такое предложение в одно слово называется словом-предложением. Всякое отдельно сказанное слово, употребляемое в адыгейском языке в качестве предложения (т. е. отдельного законченного сообщения), мы должны считать сказуемым. Это доказывается тем, что каждое такое слово-предложение можно превратить в составное сказуемое путем присоединения к нему указательного местоимения «а-р» в предикатной форме — «а-ры». В этом случае предикатная форма указательного местоимения теряет свой указательный характер и получает значение просто связки, соответствующей русскому „есть“.

Если мы будем производить разбор адыгейского предложения с помощью вопросов, то какую бы форму ни имели в разбираемом предложении дополнительные слова, в ответах на вопросы они всегда будут превращаться в отдельное слово-предложение — сказуемое. Это предложение в одно слово, состоящее из одного сказуемого, всегда можно превратить в составное сказуемое добавлением служебного слова — «а-ры». В отличие от русского, в ответах на вопросы мы будем иметь иную форму слов, чем в разбираемом предложении, а именно — прямую определенную их форму с окончанием «-р» или в более редких случаях — прямую неопределенную их форму. Возьмем для примера адыгейское предложение:

Председателым премие ударникым р-е-ты.

Председатель премию ударнику дает.

Сыд ышлэрэр?	Что делает?	(Премие) реты.	Дает.
Хэт езытырэр?	Кто дает?	Председателыр (ары).	Председатель.

¹ См. адыгейский перевод Краткого курса Истории ВКП(б), Майкоп, 1939, стр. 125.

² Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопр. ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 542; ср. Маркс и Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 651.

Сыд ритырэр?	Что дает?	Премие премьер ары.	Премию.
Хэт зэритырэр?	Кому дает?	Ударникыр (ары).	Ударнику.

Мыр — колхозым имашин.

Это — машина колхоза.

Мыр хэт имашин?	Чья это машина?	Колхозыр ары.	Колхоза.
Мыр сыд (щыщ)?	Что это такое?	Машин.	Машина.

При нашем разборе ясно видно, что в ответах мы получаем в большинстве случаев предложение в одно или два слова, которые являются в то же время сказуемым — простым или составным.

Более сложными по своему составу будут в адыгейском языке предложения в два слова. Одно из этих слов должно быть сказуемым, а другое — каким-либо дополнительным словом. Возьмем для примера предложения, состоящие из подлежащего и сказуемого.

Колхозникыр мажъо.

Колхозник пашет.

ПхъашIэр мэ-пхъашIэ.

Плотник плотничает.

Селькорыр ма-тхэ.

Селькор пишет.

Чэмыр мэ-хъу.

Корова пасется.

Все эти предложения построены по форме непродуктивного оборота:

Колхозникым е-жъо.

Колхозник пашет (нечто).

ПхъашIэм е-упсы.

Плотник строгаёт (нечто).

Селькорым е-тхы.

Селькор пишет (нечто).

Чэмым е-шхы.

Корова ест (нечто).

Эти предложения могут служить примером продуктивного оборота. В них прямое дополнение как отдельное слово отсутствует, но оно выражено отсутствием начального префикса в составе сказуемого:

Губгъор е-жъо.

Поле пашет.

Пхъэмбгъур е-упсы.

Доску строгаёт.

Статьяр е-тхы.

Статью пишет.

Мэкъур е-шхы.

Сено ест.

Эти предложения тоже являются примерами продуктивного оборота. В них пропущено слово, выражающее подлежащее. Однако подлежащее выражено здесь субъектным префиксом в составе сказуемого:

ЕджакIор е-дэлу.

Ученик слушает.

ПхъашIэр е-упсэ.

Плотник строгаёт.

Сторожыр е-пльы.

Сторож смотрит.

Здесь мы приводим примеры так называемого оборота с косвенным объектом. В нем пропущены слова, выражающие по форме косвенное дополнение, а по смыслу — объект (префикс «е-» в сказуемом).

Радиом е-дәлу.

Радио слушает.

Пхъэм е-упсә.

Дерево строгают.

Магазинэм е-плъы.

На магазин смотрит.

Это тоже примеры оборота с косвенным объектом, в которых пропущено подлежащее, но выражено отдельным словом по форме косвенное (по происхождению местное), а по смыслу — прямое дополнение.

Все три главных члена продуктивного оборота словесно выражены в следующих примерах:

Колхозникым губгъор е-жъо.

Колхозник поле пашет.

Пхъашлэм пхъэмбгъур е-упсы.

Плотник доску строгают.

Селькорым статья е-тхы.

Селькор статью пишет.

Чэмым мэкъур е-шхы.

Корова сено ест.

Все три члена оборота с косвенным объектом могут быть тоже ^{*}словесно выражены, как это мы видим из следующих примеров:

Еджаклор радиом е-дәлу.

Ученик радио слушает.

Пхъашлэр пхъэм е-упсә.

Плотник дерево строгают.

Сторожыр магазинэм е-плъы.

Сторож на магазин смотрит.

Такие же трехчленные предложения могут быть образованы и от непродуктивного оборота.

Председателыр районым ма-кю.

Председатель в район едет.

Еджаклохэр классым щә-тхә-х.

Ученики в классе пишут.

и т. д.

Образцы побудительного оборота, образованного от непродуктивного, можно видеть из следующих примеров:

Учителым еджаклохэр е-гъа-тхә-х.

Учитель учеников заставляет писать.

Председателым секретарыр районым е-гъа-кю.

Председатель секретаря в район посылает.

Побудительный оборот, образованный от продуктивного, мы имеем в следующих примерах:

Учителым лозунгхэр еджакломэ а-р-е-гъа-тхы-х.

Учитель заставляет учеников писать лозунги.

Издательствэм тхыльыр типографием хы-р-е-гъа-уты.

Издательство заставляет типографию печатать книгу.

Мы видим из этих примеров, как постепенно осложняется словесный состав адыгейского предложения. Более наглядно можно показать развитие словесного состава, если мы возьмем одно и то же предложение:

Колхозныкыр мѣ-щѣфѣ.

Колхозник покупает.

Колхозныкыр еджаклом фѣ-щѣфѣ.

Колхозник для ученика покупает.

Колхозныкыр еджаклом магазинѣм щы-фѣ-щѣфѣ.

Колхозник для ученика в магазине покупает.

Колхозныкыр еджаклом ахъщѣмклѣ магазинѣм щы-фѣ-щѣфѣ.

Колхозник для ученика на деньги (буквально — деньгами) в магазине покупает.

Учителыр е-плъы.

Учитель смотрит.

Учителыр уц тхъапѣм е-плъы.

Учитель на лист (травы) смотрит.

Учителыр уц тхъапѣм микроскопымклѣ е-плъы.

Учитель на лист травы в микроскоп (буквально — микроскопом) смотрит.

Учителыр уц тхъапѣм микроскопымклѣ классым щ-е-плъы.

Учитель на лист травы в микроскоп (микроскопом) в классе смотрит.

Эти примеры дают представление о максимальном развитии непродуктивного предложения. Развитие продуктивного предложения мы можем видеть из следующих примеров:

Колхозныкым е-щѣфы.

Колхозник покупает (нечто).

Колхозныкым учебныкыр е-щѣфы.

Колхозник учебник покупает.

Колхозныкым учебныкыр еджаклом ф-е-щѣфы.

Колхозник учебник для ученика покупает.

Колхозныкым учебныкыр еджаклом магазинѣм щы-ф-е-щѣфы.

Колхозник учебник для ученика в магазине покупает.

Колхозныкым учебныкыр еджаклом ахъщѣмклѣ магазинѣм щы-ф-е-щѣфы.

Колхозник учебник для ученика на деньги (деньгами) в магазине покупает.

Учителым е-лъѣгъу.

Учитель видит (нечто).

Учителым уц тхъапѣр е-лъѣгъу.

Учитель лист (травы) видит.

Учителым клеткѣр микроскопымклѣ е-лъѣгъу.

Учитель клетку в микроскоп (микроскопом) видит.

Учителым клеткѣр микроскопымклѣ классым щ-е-лъѣгъу.

Учитель клетку в микроскоп (микроскопом) в классе видит.

Примером максимального развития побудительного оборота, образованного от непродуктивного, могут служить следующие предложения:

Учителым е-гъѣ-щѣфѣ.

Учитель заставляет покупать.

Учителым колхозныкыр е-гъѣ-щѣфѣ.

Учитель колхозника заставляет покупать.

Учителым колхозныкыр еджаклом ф-е-гъѣ-щѣфѣ.

Учитель колхозника для ученика заставляет покупать.

Учителым колхозныкыр еджаклом магазинѣм щы-ф-е-гъѣ-щѣфѣ.

Учитель колхозника для ученика в магазине заставляет покупать.
Учителем колхозником еджаклом ахъщэкIэ магазинэм шы-ф-е-гъэ-
щэфэ.

Учитель колхозника для ученика на деньги (деньгами) в магазине
заставляет покупать.

Примером развития побудительного оборота, образованного от про-
дуктивного, могут служить следующие предложения:

Учителем р-е-гъэ-щэфы.

Учитель заставляет покупать (нечто) || учителя (кто-то) заставляет
покупать (нечто).

Учителем учебникхэр р-е-гъэ-щэфы-х.

Учитель учебники заставляет покупать.

Учителем учебникхэр колхозником р-е-гъэ-щэфы-х.

Учитель учебники колхозника заставляет покупать.

Учителем учебникхэр колхозником еджаклом фы-р-е-гъэ-щэфы-х.

Учитель учебники колхозника для ученика заставляет покупать.

Учителем учебникхэр колхозником еджаклом магазинэм шы-фы-р-
е-гъэ-щэфы-х.

Учитель учебники колхозника для ученика в магазине заставляет
покупать.

Учителем учебникхэр колхозником еджаклом ахъщэкIэ магазинэм
шы-фы-р-е-гъэ-щэфы-х.

Учитель учебники колхозника для ученика на деньги (деньгами)
в магазине заставляет покупать,

т. е. учитель заставляет колхозника покупать учебники для ученика
в магазине на деньги.

Для того, чтобы более ясно представить себе словесный состав ады-
гейских предложений, приведем схемы обычного расположения в них
членов предложения:

Непродуктивные обороты¹

Субъект + Предикат

Субъект + Местное дополнение + Предикат

Субъект + Орудное дополнение + Дательное дополнение + Предикат

Субъект + Дательное допол- + Орудное допол- + Местное допол- + Предикат
нение нение нение

Продуктивный оборот

Субъект + Предикат

Объект (прямое дополнение) + Предикат

Субъект + Объект (прямое дополнение) + Предикат

Субъект + Объект (прямое + Дательное или местное или + Предикат
дополнение) орудное дополнение

Субъект + Объект (прямое + Дательное до- + Местное допол- + Предикат
дополнение) полнение нение

Субъект + Объект (прямое + Дательное до- + Орудное + Местное + Предикат
дополнение) полнение допол- допол-
нение нение

На основании приведенных примеров и схем можно сделать вывод,
что в адыгейском предложении стараются избегать скопления несколь-
ких смежных дополнительных слов с одинаковыми окончаниями.

¹ В обороте с косвенным объектом — порядок: Субъект + Косвенный объект +
+ Орудное дополнение + Местное дополнение + Предикат. В косвенно-побудительном —
порядок: Субъект + 2-й объект (прямая форма) + Косвенный объект + Орудное дополне-
ние + Местное дополнение + Предикат.

В этом случае между ними вставляют дополнительные слова с иными окончаниями. Превратительное дополнение ставится обычно непосредственно перед предикатом.

Схемы обычного порядка расположения членов предложения в побудительных оборотах следующие:

Побудительный оборот от непродуктивного

Субъект + Предикат

Субъект + Объект + Предикат

Субъект + Объект + Дательное дополнение + Предикат

Субъект + Объект + Дательное дополнение + Местное дополнение + Предикат

Субъект + Объект + Дательное до- + Орудное до- + Местное до- + Предикат
 полнение полнение полнение

Побудительный оборот от продуктивного (еще см. сноску на стр. 97)

Субъект + Предикат

Субъект + Первый объект (прямое дополнение) + Предикат

Субъект + Первый объект + Второй объект (т. е. объект + Предикат
 побуждения)

Субъект + Первый объект + Второй объект + Дательный объект + Предикат

Субъект + Первый + Второй + Дательное до- + Местное до- + Предикат
 объект объект полнение полнение

Субъект + Первый + Второй + Дательное + Орудное + Местное до- + Предикат
 объект объект дополнение допол- полнение
 нение

В приведенных схемах расположения членов адыгейского предложения указывается количество их в каждом из этих предложений и обычный порядок их расположения.

Кроме самих членов предложения — отдельных слов, — определенный порядок имеют также префиксы в составе сказуемого.

Приведем схемы расположения этих префиксов. Следует заметить, что здесь в качестве примеров мы берем намеренно наиболее сложные формы сказуемого, которые редко употребляются в речи. Мы делаем это для того, чтобы можно было видеть наиболее полный состав префиксов в порядке их взаимного расположения. Что касается менее сложных форм сказуемого, то порядок префиксов в них в общем совпадает с приведенными схемами, так как при пропуске тех или иных префиксов, взаимный порядок остальных префиксов остается без изменения.

Непродуктивный оборот

Сказуемое

1	2	3	4	5	8	10
Субъект	Префикс	Префикс	Орудное	Датель-	Префикс	Основа
	направле-	места	дополне-	ное до-	отрица-	глагола
	ния		ние	полнение	ния	

1	5	4	3	1	2	3	4	5	5	10	1	2	5	
Колхозник	ыр	еджак	ломэ	ахьщэм	магазинэм	-кьы-	щы-	р-	а-	фэ-	щафэ		-кь-	а-
											3	4	5	10

щы-ры-фэ-щафэ.

Колхозник для учеников на деньги (деньгами) в магазине покупает.

1 5 4 3 1 3 4 5 5 10
 (Сэ о) ахьщэм магазинэм сы-щы-ры-п-фэ-щафэ.

Я тебе на деньги (деньгами) в магазине покупаю.

1 5 4 3 1 3 4 5 5 8 10 1 4 3 5 5
 Шьо тэ ахьщэм магазинэм шьу-щы-ры-т-фэ-мы-щаф || шьу-ры-щы-т-фэ-
 8 10
 мы-щаф.

Вы нам на деньги (деньгами) в магазине не покупайте.

Продуктивный оборот

Сказуемое

1	2	3	4	5	7	8	10
Объект (прямое допол- нение)	Префикс напра- вления	Префикс места	Орудное дополне- ние	Датель- ное до- полнение	Субъект	Префикс отрица- ния	Основа глагола

7 1 5 4 3 1 2 3 4 5 7 10 1
 Колхозникым учебникхэр еджаклом ахьщэм магазинэм -кьы-щы-ры-ф-е-
 10 1 1 2 4 3 5 7 10 1
 щэфы-х || -кьы-ры-щы-ф-е-щэфы-х.

Колхозник учебники для ученика на деньги (деньгами) в магазине покупает.

7 1 5 4 3 1 2 3 4 5 5 7 10 1
 (Сэ) учебникхэр (о) ахьщэм магазинэм -кьы-щы-ры-п-фэ-сэ-щэфы-х ||
 1 2 4 3 5 5 7 10 1
 || -кьы-ры-щы-п-фэ-сэ-щэфы-х.

Я для тебя учебники на деньги (деньгами) в магазине покупаю.

7 1 5 4 3 1 2 3 4 5 5 7 8 10 1
 (Шьо) учебникхэр (тэ) ахьщэм магазинэм -кьы-щы-ры-т-фэ-шьу-мы-щэфы-х
 1 2 4 3 5 5 7 8 10 1
 || -кьы-ры-щы-т-фэ-шьу-мы-щэфы-х.

Вы нам учебники на деньги (деньгами) в магазине не покупайте.

7 1 5 3 1 3 5 5 7 10 1 5 3 5 7 10 1
 Учителым тетрадхэр еджакломэ классым-||щ-а-ф-е-гощы-х||а-щы-ф-е-гощы-х.
 Учитель тетради ученикам в классе раздает.

7 1 5 3 1 3 5 5 7 10 1
 Сэ тетрадхэр ахэмэ классым -щ-а-фэ-сэ-гощы-х.
 Я тетради им в классе раздаю.

Побудительный оборот от непродуктивного

Сказуемое

1	2	3	4	5	7	8	9	10
Объект	Пре- фикс напра- вления	Пре- фикс места	Орудное дополне- ние	Датель- ное до- полнение	Субъект	Пре- фикс отри- цания	Префикс побуди- тельного залога	Основа глагола

7 1 5 4 3 1 3 4 5 7 9 10
 (О сэ) ащ ахьщэм магазинэм сы-щы-ры-фэ-о-гъэ-щафэ.
 Ты заставляешь меня для него на деньги (деньгами) в магазине покупать.

7 1 4 3 1 3 4 7 9 10 1 4 3 7
 Учителым колхозникыр ахьщэм магазинэм -щы-р-е-гъэ-щафэ || -ры-щ-е-
 9 10
 гъэ-щафэ.

Учитель заставляет колхозника на деньги (деньгами) в магазине покупать.

7 1 4 3 1 3 4 7 8 9 10 1 4 3 7
 (Шьо тэ) ахьщэм магазинэм ты-щы-ры-шьу-мы-гъэ-щаф || ты-ры-щы-шьу-
 8 9 10
 -мы-гъэ-щаф.

Вы нас деньгами в магазине не заставляйте покупать.

Побудительный оборот от продуктивного

Сказуемое

1	2	3	4	5	6	7
Первый объект направления	Префикс места	Префикс места	Орудное дополнение	Дательное дополнение	Второй объект	Субъект
				8	9	10
				Префикс отрицания	Префикс побудительного залога	Основа глагола

7 1 6 5 4 3 1 2 3 4 5 6 7 9 10 1
 Учителем учебникхэр колхозникым еджаклом ахьщэм магазинэм-кбы-щы-
 4 5 6 7 9 10 1 12 4 3 5 6 7 9 10 1
 -ры-фы-р-е-гъэ-щэфы-х || -кбы-ры-щы-фы-р-е-гъэ-щэфы-х.
 Учитель учебники заставляет колхозника для ученика на деньги (деньгами) в магазине покупать.

7 1 6 5 4 3 1 2 3 4 5 6 7 9 10 1
 О учебникхэр сэ ащ ахьщэм магазинэм-кбы-щы-ры-фэ-сэ-о-гъэ-щэфы-х ||
 1 2 4 3 5 6 7 9 10 1
 -кбы-ры-щы-фэ-сэ-о-гъэ-щэфы-х.
 Ты учебники заставляешь меня для него на деньги (деньгами) в магазине покупать.

7 1 6 5 4 3 1 2 3 4 5 6 7 8
 (Шьо) учебникхэр (тэ) (ащ) ахьщэм магазинэм -кбы-щы-ры-фэ-тэ-шьу-мы-
 9 10 1 2 4 3 5 6 7 8 9 10
 гъэ-щэф || -кбы-ры-щы-фэ-тэ-шьу-мы-гъэ-щэф.
 Вы учебники не заставляйте нас для него на деньги (деньгами) в магазине покупать.

7 1 6 5 3 1 3 5 5 6 7 9
 Учителем тетрадхэр дежурнэм еджакломэ классым -щ-а-фы-р-е-гъэ-
 10 1 15 3 5 6 7 9 10 1
 гошы-х || -а-щы-фы-р-е-гъэ-гошы-х.
 Учитель тетради заставляет дежурного ученикам в классе раздавать.
 7 1 6 5 3 1 3 5 5 6 7 9 10 1
 О тетрадхэр сэ ахэмэ классым -щ-а-фэ-сэ-о-гъэ-гошы-х.
 Ты заставляешь меня им тетради в классе раздавать.

Оборот с косвенным объектом

Сказуемое

1	3	4	5	8	10
Субъект	Префикс места	Орудное дополнение	Косвенный объект (дательное дополнение)	Префикс отрицания	Основа глагола
1	5	4	3 1 3 4 5	10 14	3 5 10
Учителыр уц тхьапэм микроскопым классым -щы-р-е-плъы -ры-щ-е-плъы. Учитель травяной лист в микроскоп (микроскопом) в классе рассматривает.					

Сказуемое

1	3	4	5	7	8	9	10
Второй объект (прямое дополнение)	Префикс места	Орудное дополнение	Первый объект (косвенный объект)	Субъект	Префикс отрицания	Префикс побудительного залога	Основа глагола

7 1 5 7 4 3 1 3 4 5 7 9 10
 Учителем еджакор уц тхьапэм микроскопым классым -щы-ры-р-е-гъэ-плъы || -ры-щы-р-е-гъэ-плъы.

Учитель заставляет ученика травяной лист в микроскоп (микроскопом) в классе рассматривать.

7 1 5 4 3 1 3 4 5 7 9 10 1 4 3 5 7 9 10
 О сэ ащ нэрыплъэм Iагум сы-щы-р-е-о-гъэ-плъы || сы-ры-щ-е-о-гъэ-плъы.
 Ты заставляешь меня его в бинокль (биноклем) во дворе рассматривать.

7 1 3 5 4 1 3 4 5 7 8 9 10
 Шъо сэ классым уц тхьапэм микроскопым сы-щы-р-е-шъу-мы-гъэ-плъ || сы-ры-щ-е-шъу-мы-гъэ-плъ.

Вы не заставляйте меня в классе в микроскоп (микроскопом) лист рассматривать.

Рассматривая схемы расположения префиксов сказуемого, мы видим, что эти префиксы сами по себе имеют различную форму, которая отличается друг от друга различием в огласовке. Префиксы сказуемого, имеющие огласовку «э» (в настоящем времени простого спряжения), могут быть нами названы префиксами в прямой форме, а префиксы с гласным «ы» или совсем без гласного принимаются нами за косвенную их форму (ср. прямую и косвенную форму личных префиксов, ниже стр. 357). Подлежащее и прямое дополнение, а частью также дательное и местное дополнение, будучи выражены отдельными словами в предложении, с одной стороны, и префиксами сказуемого (в простом спряжении), с другой стороны, получают в том и другом случае прямо противоположную форму. Там, где в дополнительных словах мы имеем прямую их форму, в префиксах сказуемого, наоборот, мы находим их косвенную форму. Те дополнительные слова, которые стоят в косвенной форме, в префиксах сказуемого выражены прямой формой. Это соотношение можно выразить следующей схемой:

Продуктивный оборот

Члены предложения:	Подлежащее (субъект)	Прямое дополнение (объект)	Сказуемое	
			Объект-Субъект-Основа глагола	
	1	2	2	1
Их форма:	Косвенная	Прямая	Косвенная-Прямая	

Различие в формах членов предложения и связанных с ними префиксов сказуемого служит тоже одним из способов противопоставления адыгейского сказуемого дополнительным словам.

Из этой же схемы мы видим, что обычный порядок расположения главных членов в предложении обратен порядку соотносительных им префиксов в сказуемом. Следовательно, и по этому признаку сказуемое противоположно дополнительным словам.

Слитное предложение или предложение с однородными членами.

Если в предложении встречается несколько однородных членов, т. е. несколько субъектов, несколько объектов, несколько сказуемых или несколько одинаковых по форме второстепенных членов предложения, то они в адыгейском языке могут быть переданы несколькими грамматическими способами.

Первый способ заключается в том, что каждый из однородных членов — дополнительных слов оформляется союзным суффиксом «-рэ», соответствующим по значению русскому союзу „и“. Этот союзный суффикс не может, однако, присоединяться к окончанию прямой определенной формы дополнительных слов (т. е. к суффиксу «-р»). В этом случае суффикс «-р» заменяется суффиксом «-м», т. е. прямая форма при присоединении к ней союзного суффикса «-рэ» превращается в косвенную.

Газетхэмрә, тхылхэмрә, журналхэмрә столым телъых.

Газеты, книги и журналы на столе лежат.

Газетымрә, тхылъымрә, журналымрә столым телъых.

Газета, книга и журнал на столе лежат.

Газетымрә, тхылъымрә, журналымрә сяджәнәу сштагъэх.

Газету, книгу и журнал я взял читать.

Шәщымрә, мэләщымрә, къакъырәмрә кӀәу колхозым аригъәшыгъэх.

Конюшню, хлев (для овец) и сарай новые колхоз построил.

Шәщхэмрә, мэләщхэмрә, къакъырәхэмрә кӀәхәу колхозым

аригъәшыгъэх.

Конюшни, хлева (для овец) и сарай новые колхозы построили.

Делегатхәр колхозхэмрә, совхозхэмрә, районхэмрә ащылагъэх.

Делегаты в колхозах, совхозах и районах были.

Рабочәхэмрә мэкъу-мәщышӀәхэмрә коммунистическә партиер япащәу

Октябрьскә социалистическә революционер ашыгъ.

Рабочие и крестьяне во главе с коммунистической партией сделали

Октябрьскую социалистическую революцию.

Из этих примеров мы видим, что союзный суффикс «-рэ» по своему значению точно соответствует русскому союзу „и“ в тех случаях, когда он (русский союз „и“) употребляется один раз перед последним из однородных членов.

В том случае, когда однородные члены предложения выражены местоимениями, для связи их друг с другом может быть употреблен тот же союзный суффикс. В этом случае он присоединяется к полной форме личных местоимений (т. е. к предикатной их форме, оканчивающейся на «-ры», см. Морфологию, стр. 287—288). В случае употребления местоимений союзный суффикс «-рэ», чаще связывает лишь два однородных члена, в редких случаях — три:

Орырә сәрырә неушы районым тыкӀошт.

Ты и я завтра поедем в район.

Орырә сәрырә мырырә Краснодар шыоу тыкӀогъагъ.

Ты, я и он в Краснодар верхом съездили.

Второй способ заключается в том, что каждый из однородных членов — дополнительных слов — оформляется союзным суффиксом «-и», также соответствующим по значению русскому союзу „и“ в том случае, когда этот русский союз употребляется перед каждым из однородных членов, или в отрицательном предложении — русскому отрицанию „ни“. Адыгейский суффикс «-и» может употребляться при любом суффиксе дополнительных слов. В то время, как союзный суффикс «-рэ» чаще употребляется при парном количестве однородных членов, суффикс «-и» не имеет такого ограничения:

Газетхэри, тхыльхэри, журналхэри столым телъых.

И газеты, и книги, и журналы на столе лежат.

Адыгэ кӀэлэ цӀыкӀухэри пшӕшӕ цӀыкӀухэри гъэмафэм пионерла-
герым щӕлӕх.

Адыгейские и мальчики, и девочки летом в пионерском лагере
находятся.

Урамхэмэ кухэри, шыухэри, автомобильхэри, трамвайхэри
арыкӀощтыгъэх.

По улицам и повозки, и всадники, и автомобили, и трамвай шлӕ.

Школ ублапӀэми, школ гурьтми, вузхэми грамматикэр ащызэра-
гъашӀӕ.

И в начальной школе, и в средней школе, и в вузах грамматику
изучают.

Колхозникхэр магазинэм чӀэхъагъэх, зыфаехэри щӕщӕфыгъэх.

Колхозники в магазин вошли и покупки сделали (буквально — и не-
обходимые [вещи] купили).

Колхозникхэри зӕлукӀэм щылагъэх.

И колхозники были на съезде.

«Зы лъэщизи зыгорэм ичӀыгу тыфаеп. Ау тӕ тичӀыгоуи, тӕ тичӀыгоу
зы вершоки хӕти еттынӕп».

„Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного
вершка своей земли не отдадим никому“.¹

Тот же союзный суффикс может быть употреблен в адыгейском языке также при однородных членах-местоимениях. Однако в этом случае после них ставится обобщающее слово:

Сӕри, ори, мыри — аӀоу наукагъэр зӕтӕгъашӀӕ.

И я, и ты, и он вместе науки изучаем.

Из этих примеров видно, что союзный суффикс «-и» присоединяется также к полной (предикатной) форме личных местоимений.

Оба перечисленных союзных суффикса «-рӕ» и «-и» употребляются только при дополнительных словах, но ни в коем случае не при однородных членах-сказуемых. Кроме того, для связи дополнительных слов, форма которых не допускает использования союзных суффиксов «-рӕ» и «-и», употребляется также слово-союз «ыкӀи» — «и»:

«Маркс игуащӕ теубытагъэ зиӀӕ коммунисткӕу ыкӀи материалисткӕу
зӕрӕщытыгъэм фӕдӕу, ащ фӕдӕуи лӕжыгъӕ».

„Госпожа Маркс как жила, так и умерла верная своим убеждениям
коммунистки и материалистки“.²

«ЗӕкӀӕ натурӕ псаухӕу ыкӀи кӀуачӀӕ зиӀӕхэмӕ афӕдӕу, Марксы лъӕшӕу
сабийхэр шӀу ыльӕгъуштыгъӕх».

„Как все сильные и здоровые натуры, Маркс чрезвычайно любил
детей“.³

«Строижъым щыгъо мӕкъу-мӕщышӀӕхэр зырызхӕу лажъӕщтыгъӕх,
ижъырӕ ятӕжъ шӀыкӀӕхэмкӀӕ, трудым иорудиежъхэмкӀӕ лажъӕщтыгъӕх,
помещикхӕмрӕ капиталистхӕмрӕ, кулакхӕмрӕ спекулянтхӕмрӕ афӕлажъӕ-
щтыгъӕх, ежъхэр гъаблӕ хӕтхӕу ыкӀи адрӕхэр агъӕбайхӕзӕ лажъӕщтыгъӕх.
Колхознӕ строикӀӕм игъом зӕхӕтхӕу, артельнӕу, мӕкъу-мӕщышӀӕхэр
мӕлажъӕх, орудиякӀӕхэр — тракторхэр ыкӀи мӕкъу-мӕщ машинӕхэр яӀӕпы-
Ӏӕгъухӕу мӕлажъӕх, ежъхӕмрӕ ежъ яколхозхӕмрӕ афӕлажъӕжъых, капита-

¹ Сталин. Отчетный доклад на XVI Съезде ВКП(б). Вопросы ленинизма, 10 изд., М., 1935, стр. 361.

² Лафарг. Воспоминания о Марксе. Маркс — Энгельс. Избранные произвед. в двух томах, т. I, Л., 1934, стр. 72.

³ Либкнехт. Из воспоминаний о Марксе, там же, стр. 87.

листэнчъэхэу ыкӀи помещикынчъэхэу, кулакынчъэхэу ыкӀи спекулянтынчъэхэу мэлажьэх, мафэ къэсми яматериальнэ ыкӀи якультурнэ положение нахьышӀу зэршыным пае мэлажьэх».

„При старом строе крестьяне работали в одиночку, работали старыми дедовскими способами, старыми орудиями труда, работали на помещиков и капиталистов, на кулаков и спекулянтов, работали, живя впроголодь и обогащая других. При новом, колхозном строе крестьяне работают сообща, артельно, работают при помощи новых орудий — тракторов и сельхозмашин, работают на себя и на свои колхозы, живут без капиталистов и помещиков, без кулаков и спекулянтов, работают для того, чтобы изо дня в день улучшать свое материальное и культурное положение“.¹

В подражание русскому языку, в котором союз „и“ представляет собою отдельное слово, в современный литературный адыгейский язык начинает, однако, в отдельных случаях проникать и излишнее употребление союза «ыкӀи» для связи однородных членов — дополнительных слов:

Вместо: Комбайнерхэмрэ комбайнеркэхэмрэ ясовещание.

Совещание комбайнеров и комбайнеров.

пишут: Комбайнерхэмрэ ыкӀи комбайнеркэхэмрэ ясовещание.

Третий способ выражения союзной связи заключается в употреблении отдельного слова-союза «ыкӀи», который также соответствует по значению русскому союзу „и“. В адыгейском языке употребление этого союза имеет место преимущественно в том случае, когда в предложении стоит несколько однородных членов-сказуемых. Этот союз ставится перед тем словом, которое он связывает:

Комбайным а зыльэхъаным коцыр еупкӀэ, еугъоижьы ыкӀи еложьы.

Комбайн одновременно хлеб косит, собирает и молотит.

Комбайным а зыльэхъаным коцыр ыкӀи еупкӀэ, ыкӀи еугъоижьы,
ыкӀи еложьы.

Комбайн одновременно хлеб и косит, и собирает, и молотит.

Тэ теджэщтыгъэ ыкӀи тытхэщтыгъэ.

Мы читали и писали.

Тэ теджагъ ыкӀи тытхагъ.

Мы прочли и написали.

Наконец, на ряду с этим в адыгейском языке однородные члены предложения могут употребляться и без союзов и союзных суффиксов. В особенности это имеет место тогда, когда в предложении есть обобщающее слово, и однородные члены представляют собою простое перечисление:

Газетхэр, тхыльхэр, журналхэр — мыхэр зэкӀэ столым тельых.

Газеты, книги, журналы — все они лежат на столе.

Мэзым мы чъыг лъэпкъхэр къыхэкӀэх: кӀай, чъыгай, дае, панэ, мые.

В лесу растут следующие деревья: ясень, дуб, орешник, терновник,
яблоня.

Саснэир, чъыгаер, елыр мэзым къыхэкӀэх.

Сосна, дуб, ель растут в лесу.

Саснэир, елыр, чъыгаер — мы чъыг лъэпкъхэр мэзым къыхэкӀэх.

Сосна, ель, дуб — эти деревья растут в лесу.

Сэры, оры, мыры — аӀоу районым тыкӀощтых.

Я, ты, он — вместе в район поедем.

¹ Сталин. Речь на первом съезде колхозников-ударников. Ленин—Сталин. Избранные произведения в одном томе. Л., 1936, стр. 611—612.

Обобщающее слово в последнем примере происходит от глагола «Юн» — „говорить“ и буквально обозначает „(они) говоря“.

«Колхозникхэр фэшлыгъэхэу хьуным, ащ джы ищыклагъэр зы нылэп, — колхозым зафэу щылэжьэныр, тракторхэмрэ машинэхэмрэ тэрэзэу гъэфедэгъэнхэр, зэрылэжьэрэ былымхэр тэрэзэу гъэфедэгъэныр, чыгур тэрэзэу лэжьыгъэныр, колхознэ собственностыр къэухъумэгъэныр».

„Чтобы стать колхозникам зажиточными, для этого требуется теперь только одно — работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность“.¹

Глава 3

СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложным предложением называется предложение, состоящее из нескольких главных или из главных и придаточных предложений. Сложные предложения подразделяются на сложно-подчиненные и сложно-сочиненные. Сложно-сочиненным предложением называется такое, которое состоит из двух или нескольких простых предложений, соединенных в одно предложение. Сложно-подчиненное предложение состоит из одного или нескольких главных, с одной стороны, и одного или нескольких придаточных предложений, соединенных в одно предложение, — с другой.

Сложно-подчиненное предложение. Главным предложением мы называем такое, которое в речи можно употребить отдельно без изменения его словесного состава и формы сказуемого. Придаточное предложение отличается тем, что отдельно в речи в качестве самостоятельного предложения его употребить нельзя. Для того, чтобы употребить придаточное предложение в качестве отдельного, самостоятельного сообщения, в адыгейском языке необходимо изменить в нем форму сказуемого, а в русском языке необходимо или отбросить относительные местоимения и союзы, или тоже изменить форму сказуемого. Как мы уже отмечали, в адыгейском языке не существует относительных местоимений и союзов. Поэтому единственным способом, с помощью которого можно выразить адыгейские придаточные предложения, является образование особых форм сказуемого, которые мы называем придаточными формами адыгейского глагола-сказуемого. Придаточная форма сказуемого выражает в одном слове все то, что в русском придаточном предложении выражается относительными местоимениями и союзами и самой формой сказуемого. Придаточная форма адыгейского сказуемого, сверх того, выражает так же, как и всякое сказуемое-глагол в этом языке, — лица субъекта, объекта, многих косвенных дополнений и различные пространственные и другие отношения, обозначаемые по-русски предлогами. Наконец, окончания адыгейской придаточной формы обозначают, какой из членов главного предложения заменяет это придаточное. Итак, адыгейское сказуемое в придаточной форме представляет собою еще более сложное грамматическое явление, чем сказуемое в главном предложении.

Следовательно, если сравнить придаточную форму адыгейского сказуемого с его формами в русских придаточных предложениях, то окажется, что адыгейское придаточное сказуемое ближе всего напоминает сказуемое в русских, так называемых „сокращенных“ придаточных предложениях, или „причастных“ и „деепричастных“ оборотах, т. е. русское причастие или деепричастие. Однако от русских причастий и деепричастий адыгейские придаточные формы сказуемого отличаются огромным богатством своих форм. Адыгейские придаточные формы можно упо-

¹ Сталин. Речь на первом съезде колхозников-ударников, там же, стр. 615.

треблять и почти во всех тех случаях, когда по-русски нельзя „сократить“ придаточное предложение. С точки зрения исторического развития несомненно, что адыгейские придаточные формы, выражающие в одном слове все связи придаточного предложения с главным, а также все связи дополнительных слов придаточного предложения друг с другом, появляются вообще в развитии языка значительно раньше, чем так называемые „полные“ придаточные предложения, в которых, как в русском языке, связи с главным предложением выражены специальными служебными словами — относительными местоимениями и союзами. Таким образом, „сокращенные“ придаточные предложения гораздо древнее „полных“. Адыгейский язык представляет нам пример той эпохи в развитии языка, когда в нем „полных“ придаточных предложений еще не появилось, но зато „сокращенные“ формы придаточных предложений достигли своего высшего развития. Что касается времени появления так называемых „полных“ придаточных предложений, то их зарождение можно определить временем перехода к классовому обществу, т. е. временем наибольшего развития сложных форм устной поэзии — эпоса. И лишь не ранее, чем в классовом обществе в связи с развитием письменного языка, появляется необходимость в специальных относительных местоимениях и союзах, вместе с появлением которых и возникают вполне развитые „полные“ придаточные предложения.

Вообще придаточные предложения служат в каждом языке для обогащения и развития содержания простых главных предложений. Любой член простого предложения можно заменить (с целью развития его содержания) целым несамостоятельным предложением, подчиненным главному. Это подчиненное главному предложение называется придаточным. В составе главного предложения всякое придаточное предложение можно рассматривать как один из его членов. Разница только в том, что этот член главного предложения представляет собой не отдельное слово, а целое предложение.

Заменяя собой любой из членов главного предложения, придаточное предложение может иметь, следовательно, те же виды, может подразделяться на те же типы, на какие подразделяются и члены простого предложения. Придаточные предложения могут выступать в главном в роли подлежащего (субъекта), прямого дополнения (объекта), сказуемого (предиката), а также в роли всех косвенных дополнений, определений, обстоятельственных слов и т. д. Таким образом, по своей синтаксической связи придаточные предложения бывают: предикатными, субъектными, объектными, дополнительными, определительными, обстоятельственными (места, времени, образа действия, причины и цели), условными, уступительными, а также выражающими косвенный вопрос и косвенную речь. Однако по своей форме адыгейские придаточные предложения не всегда совпадают с этим подразделением.

Формы адыгейского придаточного предложения приходится определять, главным образом, по придаточной форме его сказуемого, отчасти также по форме остальных членов придаточного предложения и по взаимному порядку их расположения как внутри придаточного предложения, так и по отношению к главному предложению. Если мы на основании всех этих признаков сделаем самый общий обзор способов формального выражения различных видов придаточных предложений, то прежде всего придем к выводу, что они обозначены в каждой придаточной форме или префиксами или суффиксами, или тем и другим вместе. Префиксами в придаточных формах сказуемого выражаются все те оттенки значений, которые соответствуют придаточным предложениям субъектным, объектным, определительным и дополнительным, обстоятельственным предложениям места, времени и образа действия и, отчасти, предикатным. Суффиксами в придаточных формах сказуемого выражаются придаточные условные, уступительные, придаточные обстоятельства вре-

мени (иные по значению, чем выражаемые префиксами), причины, цели и придаточные, выражающие косвенный вопрос, косвенную речь, а также дополнение при глаголах „говорить, чувствовать и сознавать“. Последняя форма придаточных предложений может быть выражена, помимо суффиксов, также и префиксами. Таковы в самой общей форме особенности выражения различных видов придаточных предложений в адыгейском языке.

Определительные, дополнительные, субъектные, объектные и предикатные придаточные предложения. Определительные придаточные предложения заменяют собою слово-определение в простом предложении. Так же, как и в русском языке, определительное предложение выражается в адыгейском теми формами сказуемого, которые соответствуют русским причастиям (отглагольным прилагательным, ср. стр. 333). Придаточные формы сказуемого в адыгейских определительных предложениях резко делятся на два типа в зависимости от того, имеем ли мы продуктивное или непродуктивное придаточное предложение. Сказуемым в непродуктивном определительном придаточном предложении является причастие с непереходным значением.¹ В самом придаточном предложении в этом случае не может быть выражено прямое дополнение (объект):

Непродуктивный оборот

Определительное придаточное предложение

Простое определение

Колхозникæу зæлуклæм шылагъæхэр,
тыгъуасæ къæкложьыгъæх.

Зæлуклæм шылагъæ колхозникхэр
тыгъуасæ къæкложьыгъæх.

Колхозники, бывшие на съезде,
вчера вернулись.

Бывшие на съезде колхозники
вчера вернулись.

Колхозники, которые были на
съезде, вчера вернулись.

Колхозникæу газетым къатхэрæм,
редакторыр дæгушылæ.

Газетым къатхэрæ колхозникым
редакторыр дæгушылæ.

С колхозником, пишуцим в газету,
разговаривает редактор.

С пишуцим в газету колхозником
разговаривает редактор.

С колхозником, который пишет
в газету, разговаривает редактор.

«Наукæу практикæм, опытым ямыпхыжьыгъэр, ар сыд наука?»

„Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом, — какая же это наука?“²

Из приведенных примеров мы видим, что придаточная форма сказуемого в непродуктивном обороте выражена причастием, которое не имеет субъектных префиксов. Лица субъекта в этом причастии вообще не выражаются. Причастные формы продуктивного сказуемого в адыгейском мы можем видеть из следующих примеров:

Продуктивный оборот

Определительное придаточное предложение

Простое определение

Селькорæу статьяхэр газетым къæзытхырэр, непæ редакцием къычлэхьагъ.

Газетым статьяхэр къæзытхырэр
селькорыр редакцием къычлэхьагъ.

Селькор, пишуций статья в газету,
зашел сегодня в редакцию.

Пишуций статья в газету селькор
зашел сегодня в редакцию.

¹ Об употреблении запятых см. стр. 153.

² Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев, Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 502.

Селькор, который пишет статьи в газету, зашел сегодня в редакцию.

Статьяу селькорым кьытхыгьэр, газетым хауты.

Статью, которую написал селькор, печатают в газете.

Статью, написанную селькором, печатают в газете.

Статьяу стхыгьэр, газетым хауты.

Статью, которую я написал, печатают в газете.

Статью, написанную мною, печатают в газете.

Статьяу птхыгьэр, газетым хауты.

Статью, написанную тобою, печатают в газете.

Статью, которую ты написал, печатают в газете.

Статьяу ахэмэ атхыгьэр, газетым хауты.

Статью, написанную ими, печатают в газете.

Статью, которую они написали, печатают в газете.

Селькорым кьытхыгьэ статьяр газетым хауты.

Написанную селькором статью печатают в газете.

Стхыгьэ статьяр газетым хауты.

Написанную мною статью печатают в газете.

Птхыгьэ статьяр газетым хауты.

Написанную тобою статью печатают в газете.

Ахэмэ атхыгьэ статьяр газетым хауты.

Написанную ими статью печатают в газете.

Из всех приведенных примеров мы можем сделать следующие важные выводы. В адыгейском, так же как и в русском языке, путем перестановки порядка придаточной формы сказуемого (причастия) и того слова — определяемого, к которому относится придаточное определительное предложение, можно превратить его в простое определение. Так, в левом столбце мы имеем настоящие адыгейские придаточные предложения, которые следует отделять от главного запятой. В правом столбце, в котором причастие-определение ставится непосредственно перед своим определяемым, оно превращается в простое определение и никоим образом не может быть отделено запятой от своего определяемого, с которым оно имеет общие окончания (-м, -р). Однако, способ выражения придаточных предложений в адыгейском языке имеет и существенные отличия от формы их в русском. В русском языке определяемое слово входит в состав главного предложения и стоит в той форме, которую требует его связь со сказуемым и другими членами главного предложения. В адыгейском же, в том случае, когда мы имеем в нем придаточное предложение, определяемое слово, к которому относится придаточная форма сказуемого, входит всегда в состав придаточного предложения и имеет специальный суффикс — «-эу, -у». Этот суффикс выражает форму именно того слова, которое определяется придаточным сказуемым и представляет собой по своему происхождению форму косвенного превратительного дополнения. Так, в приводимых нами примерах слова «колхозник (х) эу» — „колхозники“, «колхозникэу» — „с колхозником“, «селькорэу» — „селькор“, «статьяу» — „статья“, как показывает их специальный суффикс «-эу, -у», входят в состав придаточного предложения. Это подтверждается тем, что в соответственных примерах в правом столбце, когда эти же дополнительные слова попадают в состав главного предложения, — они сейчас же меняют окончание «-эу, -у» на обычные окончания, свойственные дополнительным словам в простом предложении. Вместо суффикса «-эу, -у» появляются суффиксы «-м», «-р» и др.

Порядок расположения придаточного сказуемого по отношению к определяемому им слову в адыгейском языке в общем напоминает порядок

расположения их в русском языке. Как в адыгейском, так и в русском языках причастие в качестве придаточного сказуемого ставится после своего определяемого, а в качестве простого определения — перед ним. Порядок слов внутри адыгейского придаточного предложения остается в общем тем же самым, что и в простом предложении. Придаточное сказуемое должно стоять последним словом в придаточном предложении. Определяемое к нему слово с суффиксом «-эу, -у» лучше всего ставить на первом месте в придаточном предложении. Остальные дополнительные слова в придаточном предложении располагаются между ними. Придаточное определительное предложение в адыгейском должно предшествовать главному предложению. Указываемый нами порядок слов и предложений следует сохранять в литературном языке, так как этот исторически установленный порядок способствует более точному пониманию текста и обеспечивает легкость и красоту стиля адыгейской речи.

Ра: берем теперь состав префиксов адыгейских придаточных сказуемых. Из приведенных нами примеров видно, что префиксы как непродуктивного субъекта, так и объекта (в составе продуктивных придаточных сказуемых) могут иметь форму только 3-го лица как единственного, так и множественного числа. Эти формы выражены здесь, как обычно, отрицательно, т. е. нулевыми глагольными префиксами, иначе говоря — отсутствием префиксов, а множественное число в них выражается тоже обычным способом — с помощью суффикса — «х(э)». Однако на ряду с этим мы видим, что адыгейское придаточное сказуемое имеет и изменение по лицам. Так, на стр. 107 в продуктивном определительном предложении сказуемое может изменяться по лицам субъекта, но относится к слову, которое по смыслу является объектом в главном предложении. Таким образом, придаточное сказуемое имеет полное изменение по лицам всех дополнительных слов, кроме того слова, определяемым которого оно является. Так как это слово стоит в адыгейском языке всегда в форме превратительного дополнения, то мы можем сказать, что адыгейское придаточное сказуемое может изменяться по лицам всех дополнительных слов, кроме превратительного дополнения, т. е. именно того слова, которое служит выражением смысловой связи между придаточным и главным предложениями. Связь придаточного сказуемого с этим словом выражается отсутствием специального префикса, как мы видели, в тех случаях, когда оно по смыслу представляет собою или непродуктивный субъект или объект в продуктивном обороте. В других случаях, например, когда превратительное дополнение в придаточном предложении представляет собою продуктивный субъект, его связь с придаточным сказуемым выражается специальным префиксом «зы-» в составе этого сказуемого. Так, например, на стр. 107 в первом примере, в левом столбце мы находим в составе придаточного сказуемого «кьэ-зы-тхы-рә-р» — „сюда пишуший“ префикс «зы-», который выражает его связь с превратительным дополнением (субъектом по смыслу) «селькорэу» — „селькор“. Так как превратительное дополнение выступает в этом придаточном предложении в роли подлежащего, то и относящийся к нему в составе сказуемого префикс «зы-» является субъектным, т. е. стоит на обычном для субъектных префиксов в продуктивном обороте месте. Следовательно, в этом случае основная связь адыгейского придаточного предложения с главным выражается, во-первых, специальной формой превратительного дополнения в составе придаточного предложения с суффиксом «-эу, -у» и, во-вторых, специальным связанным с этим дополнением префиксом «зы-» в составе придаточного сказуемого. Эта форма связи чрезвычайно важна для всех адыгейских придаточных предложений, которые соответствуют русским определительным, дополнительным, субъектным, объектным и предикатным, а также обстоятельственным предложениям образа действия, места и отчасти времени. Так как в дальнейшем нам придется постоянно иметь дело с этой формой связи, назовем

для краткости то дополнительное слово, которое выражает непосредственную связь придаточного предложения с главным, — „относительным словом“, а соответствующий ему префикс в составе придаточного сказуемого — „относительным префиксом“.

Применяя эти названия, мы можем сказать, что при построении адыгейских придаточных предложений „относительное слово“ может иметь всегда лишь одну форму — превратительную с суффиксом «-эу, -у», какие бы дополнительные слова оно ни выражало в русском главном предложении. В адыгейском относительное слово входит в состав придаточного предложения и ставится предпочтительно первым словом в этом предложении. В составе префиксов сказуемого относительные слова всегда обозначены относительными префиксами: или «зы || зэ-», или выраженными отрицательно (в случае непродуктивного субъекта или объекта). Префикс «зы || зэ-» может стоять в составе придаточной формы сказуемого на любом месте среди других префиксов. Значение относительного дополнения целиком определяется местом расположения и формой относительного префикса. Если по смыслу относительное слово выражает подлежащее, то относительный префикс в придаточном сказуемом стоит на месте подлежащего. Если относительное слово имеет значение объекта или одного из косвенных дополнений, то и относительный префикс будет стоять на месте префикса объекта или на месте одного из префиксов косвенных дополнений. В каждой придаточной форме сказуемого может быть лишь один относительный префикс. Относительный префикс подлежащего в непродуктивном залоге и прямого дополнения в залогах с продуктивным значением всегда выражен отрицательно, т. е. отсутствием соответствующего префикса. Относительный префикс, как бы он ни был выражен (т. е. частицей «зы-, зэ-» или отрицательно), никогда по лицам не изменяется и может иметь лишь формы числа.

Причастная придаточная форма адыгейского глагола по-русски переводится в том случае, если относительный префикс выражен отрицательно, — причастием действительного залога от глаголов непереходных (если имеется соответствующий непереходный глагол в русском языке) или причастием страдательного залога от глаголов переходных. Параллельно можно передавать по-русски непродуктивное адыгейское придаточное предложение полным придаточным предложением. В этом случае, относительное дополнение с суффиксом «-эу, -у» переводится по-русски одним из членов главного предложения (именно тем членом, форма и значение которого определены местом относительного префикса адыгейского сказуемого). Относительный префикс переводится по-русски относительными местоимениями „который, кто, что“ или относительными наречиями и союзами „где, куда, откуда, когда, как, что“. Разница между значениями этих местоимений, наречий и союзов также всецело определяется местом и формой относительного префикса, а также составом других префиксов адыгейского придаточного сказуемого. Тем же самым способом определяется и падеж относительного местоимения в русском переводе. Наконец, если относительный префикс в адыгейской форме придаточного сказуемого стоит перед каким-либо префиксом места, направления или личного отношения, то по-русски он переводится соответственным предлогом с относительным местоимением в соответственном падеже. Поясним сказанное адыгейскими примерами.

Придаточные предложения, определяющие субъект и объект главного:

А. Непродуктивное придаточное предложение.

Плакатэу дэпкъым пылъагъэр, дэгъоу тхыгъэ.

Плакат, на стене который повешен, хорошо написан.

Плакатэу дэпкъым пылъагъэхэр, дэгъоу тхыгъэх.

Плакаты, на стене которые висят, хорошо написаны.

Тракторэу жьорэр, МТС-м кьыгьэкьуагь.

Трактор, который пашет, МТС прислало.

Т. е.: МТС прислало трактор, который пашет.

Газетэу столым телъхэр, непэ кьыдэкьыгьэх.

Газеты, на столе которые лежат, вышли сегодня.

Во всех этих примерах относительный префикс в составе придаточного сказуемого выражен отрицательно, а относительное дополнение служит в главном предложении по смыслу непродуктивным подлежащим или объектом.

Б. В продуктивном придаточном предложении:

Тракторэу губгьор зыжьорэр, МТС-м кьыгьэкьуагь.

Трактор, поле который пашет, МТС прислало.

Т. е.: МТС прислало трактор, который пашет поле.

Магазинэу тетрадхэр зыщырэм, карандашхэри ещэх.

Магазин, тетради который продает, и карандаши продает.

Кьалэу колхоз былымхэр зыгьэхьуштыгьэр, колхоз правлением
еджакьо ыгьэкьуагь.

Мальчика, колхозный скот который пас, колхозное правление
учиться послало.

«Ау буржуазием ежь аджалыр кьыфэзыхьырэ Iашэр ышьыгьэ
кьодьер армырэу, цыфыхэу а Iашэмкьэ оштхэри, — джырэ рабо-
чэхэр, пролетариехэр шылэхэу ышьыгьэх».

„Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть,
она породила и людей, которые будут сражаться этим оружием, —
современных рабочих, пролетариев“.¹

В этих примерах мы имеем придаточные продуктивные предложения. В связи с этим для выражения продуктивного субъекта в придаточном сказуемом появляется относительный префикс «зы-» на том месте, на котором должен стоять субъектный префикс в продуктивном обороте. Окончания придаточного сказуемого, как мы видим, представляют собою те же самые суффиксы, что и суффиксы дополнительных слов в главном предложении «-м, -р». Следовательно, в одном из примеров (во втором) придаточное сказуемое с окончанием «-м» служит подлежащим в главном предложении, а в первом и третьем примерах придаточные сказуемые с окончанием «-р» являются прямыми дополнениями главного предложения. Таким образом, в первом случае мы имеем в адыгейском языке придаточное определительное (по смыслу) предложение, заменяющее по форме субъект, или субъектное придаточное предложение, а в другом случае — придаточное определительное предложение, заменяющее по форме объект в главном, или объектное придаточное предложение. В качестве примеров настоящих субъектных предложений приведем следующие:

«Мамырныгьэм фаеу ыкьи Iофыкьэ кьытэпхыгьэным фаем, ащ
сыдигьокьи Iэпылэгьуныгьэ кьытигьотылэщт. Ау тихэгьэгу кьыте-
онхэу фежьэхэрэмэ, — тапэкьэ якьопакьэ тисоветскэ хатэ кьыхалу-
ным емыгушлужьыныхэу, хьэлэчыр ахэзыльхьэн пэгьокьI агьотын».

„Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда
найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу
страну, — получают сокрушительный отпор, чтобы впредь не повадно
было им совать свое свиное рыло в наш советский огород“.²

¹ Маркс и Энгельс. Манифест коммунистической партии. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, Л., 1934, стр. 158.

² Сталин. Отчетный доклад на XVII Съезде ВКП(б). Ленин — Сталин. Избран. произвед. в одном томе, Л., 1936, стр. 632.

«Мылажьэрэр-шхэрэп».

Не работающий не ест.

„Кто не работает, тот не ест“.

Объектное придаточное предложение мы имеем в следующем примере:

«Характернэ нэшан заулэу стахановскэ движением илэхэр, кьэггэ-
льэггэуапхьэх».

„Следовало бы отметить некоторые характерные черты стаханов-
ского движения“.¹

Предикатное придаточное предложение мы имеем в следующем слу-
чае:

Отличникыр — дэггюу еджэрэр ары.

Отличник — это тот, кто хорошо учится.

Дэггюу еджэрэр — отличник || отличникыр ары.

Тот, кто хорошо учится — отличник || это отличник.

Во втором примере, наоборот, предикатное придаточное предложение превращается в субъектное путем простого изменения порядка слов.

Итак, относительный префикс в составе придаточного сказуемого выражает форму относительного дополнения, а окончания придаточного сказуемого обозначают тот член главного предложения, который заменяется данным придаточным предложением.

Подобным же образом выражаются и другие значения придаточных предложений.

Относительное слово равно в придаточном предложении дательному дополнению:

Ударникэу премиер зэрэтыггэм, Юфшлэклэ дэггюу кьыггээльэггюуаггь.

Ударник, премию которому дали, хорошей работы образец показал.

Относительное слово равно в придаточном предложении орудному дополнению:

«Ашэу буржуазием феодализмэр зэрэтыридзыггэр, джы ежь бур-
жуазие шьыпкьэм кьыфэццэиггэу мэхьу».

„Оружие, которым буржуазия низвергла феодализм, направляется
теперь против самой буржуазии“.²

Машинэу тыкьызэрыкьуаггэр, Іагум дэт.

Машина, на которой (буквально — которой) мы сюда приехали, во
дворе стоит

Машинэу колхозницэр зэрэдырэр, премиеу кьыратыггь.

Машину, колхозница на которой шьет, в качестве премии ей дали.

Урамэу школым тызэрыкьорэр, мыжьоклэ апкьаггь.

Улицу, в школу по которой (буквально — которой) мы идем, камнем
вымостили.

Относительное слово равно (в придаточном предложении) притяжа-
тельному родительному дополнению:

Унэу зышхьхэ абггэаггэр, колхоз пхьашлэмэ ашлыггь.

Дом, которого крышу (они) покрыли, колхозные плотники сделали.

Относительное слово равно (в придаточном предложении) дополне-
нию личного отношения:

Клалэу тхылъыр кьызфэсцэфыггэр, кьуаджэм щы.

Мальчик, книгу для которого я купил, в ауле находится.

¹ Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 497.

² Маркс и Энгельс. Манифест коммунистической партии. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, Л., 1934, стр. 158.

Шыхэу колхозышым приз кызышуйхыгыгъэхэр мыхэр арых || мыра-
рых.

Лошади, против воли которых колхозная лошадь приз принесла,
вот эти есть.

Т. е.: Вот — лошади, у которых колхозная лошадь отбила приз.

Относительное слово равно (в придаточном предложении) местному дополнению:

Школэу тызщеджэрэр, ремонт ашыгыгъ.

В школе, где (буквально: в которой) мы учимся, ремонт сделали.

Клубэу тыздакlorэм, библиотек дэгъу ил.

Клуб, куда (в который) мы идем, библиотеку хорошую имеет.

Относительное слово равно (в придаточном предложении) местному дополнению с предлогом:

Унэу тэ тызэрысым, шыхъэнгъупчъэ инхэр хэлъых.

В доме, в котором мы живем, окна большие вставлены.

Столэу газетхэр зытелъыр, модрэ унэм чlэт.

Стол, газеты на котором лежат, вот в той комнате находится.

Колхозэу сэ сызхэтыр — колхоз тегъэпсыхъагъ.

Буквально: Колхоз, в котором я состою, — колхоз хорошо налаженный.

Колхоз, в котором я состою, — хорошо налажен.

Кроме приведенных примеров, обратим внимание еще на следующие, которые в русском языке отчасти должны быть отнесены к иным типам придаточных предложений.

Придаточное сказуемое равно обстоятельству места:

«Буржуазнэ экономистэмэ вещмэ язэфыщытыкlэ (товарым товаркlэ ихъожын) зыщlльэгъущтыгъэм, ащ Маркс цlыфымэ язэфыщытыкlэ кыщычlгъэшыгъ».

„Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми*“.¹

«А клалэр тэ кломи, зыдакlorэм ыуж сфын, сыдэклон — ылуагъ».

„Тот юноша куда и пойдет если, (туда) куда он идет, по его следу я погонюсь, с ним вместе пойду, — сказал“.

„Куда бы тот юноша ни пошел, я по следу, куда он пойдет, его нагоню и вместе с ним пойду, — сказал“.

(Из народной бжедужской сказки.)

Придаточное сказуемое равно (в придаточном предложении) обстоятельству причины и цели:

Моштэу мэкъур зыкlзэтральхъагъэр, бригадирым председателым рlлуагъ.

Таким образом сено из-за чего || для чего друг на друга сложили, бригадир председателю об этом сказал.

Т. е.: Бригадир сказал председателю о том, почему || для чего так сложили сено.

Председателыр районым зыкlэкlуагъэр, ошlа?

Председатель в район почему || для чего поехал, ты знаешь?

В последнем примере, впрочем, можно выразить отдельным словом дополнение, выражающее причину или цель (см. ниже).

Относительное слово равно (в придаточном предложении) дополнению причины или цели:

¹ Ленин. Три источника и три составных части марксизма. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, Л., 1934, стр. 41.

Юфэу председателыр районым зыкӀакуагъэр, ошӀа?

Дело, председатель в район по причине которого || для которого поехал, ты знаешь?

Т.е.: Знаешь ли ты о деле, по которому председатель поехал в район?

Префикс: кӀа- || кӀэ- || кӀы-, выражающий здесь как бы предлог со значением причины или цели, несомненно, стоит в связи со словом «кӀэ» — „ручка орудия“, „хвост“, „способ, манера“ (например, «кӀуакӀэ» — „походка“, т.е. „способ, манера ходить“ и т.д.) и общим с ним по происхождению словом: «кӀы» — „ручка, рукоятка, черенок (орудия)“. По характеру своей огласовки этот префикс относится к первой группе глагольных префиксов места и отношения (см. стр. 362—363).

Относительное слово равно (в придаточном предложении) русскому предложному дополнению:

Школмэ яремонт шӀын Юфэу зӀукӀэр зытегушыӀэштмэ ащыщ.

Школ ремонтирование есть одно из (дел), съезд о которых будет говорить.

Т.е.: Ремонт школ является одним из вопросов, которые обсудит съезд.

Джы сызэгупшысэрэр, неущ районым сикӀуакӀэу хъуштыр ары.

Теперь то, о чем я думаю, завтра в район моей поездки способом что будет, это есть.

Т.е.: То, о чем я сейчас думаю, это — каким образом я поеду завтра в район.

ЗӀукӀэр зытегушыӀэштмэ, кадрэмэ ягъэхъэзэрын ащыщ.

ЗӀукӀэр зэрыгушыӀэштмэ, кадрэмэ ягъэхъэзэрын ащыщ.

Кадров подготовка — это одно из дел, съезд о которых (буквально — на которых || которыми) будет говорить.

Т.е.: Подготовка кадров есть один из вопросов, которые обсудит съезд.

Из этих примеров мы видим, что русское дополнительное предложение, отвечающее на вопрос „о ком, о чем“ (или определительное, отвечающее на вопрос „о котором“), выражается в адыгейском языке с помощью различных префиксальных форм: или с помощью префиксов «зыте-», буквально — „на ком, на чем“ (как в первом примере), или с помощью относительного префикса дательного дополнения «зэ-», буквально — „чему, которому (думаю)“, как во втором примере, или, наконец, с помощью орудного относительного префикса «зэры-» — „чем, которым (говорил)“, как в третьем примере. Повидимому, грамматический способ выражения этого рода дополнений и придаточных форм еще не вполне выкристаллизовался в адыгейском языке.

Относительное слово равно (в придаточном предложении) обстоятельству (дополнению) времени:

Сыхъатэу магазинэр къызӀуахырэр, къысаӀу.

Часы, магазин когда (в которые) открывается, скажи мне.

Обстоятельство времени, выражаемое одним относительным префиксом «зы-, з-», отличается от придаточных обстоятельства времени, которые выражаются в адыгейском суффиксами (см. стр. 116 и сл.). Одним относительным префиксом выражаются только те придаточные предложения времени, в которых мы имеем формально выраженное дополнение времени. Таким образом, правильнее будет в этом случае сказать, что мы имеем придаточное предложение не обстоятельства времени, а определительное при обстоятельстве (дополнении) времени.

Придаточное сказуемое равно обстоятельству образа действия (в придаточном предложении) и прямому дополнению или субъекту (в главном):

Ащ сызэрәлукагъэр, гъэшлэгъоны.

С ним как я встретился, — это интересно.

Неуцц районым сызэракlorэр, учителым ёлу.

Завтра в район что я еду, учителю скажи.

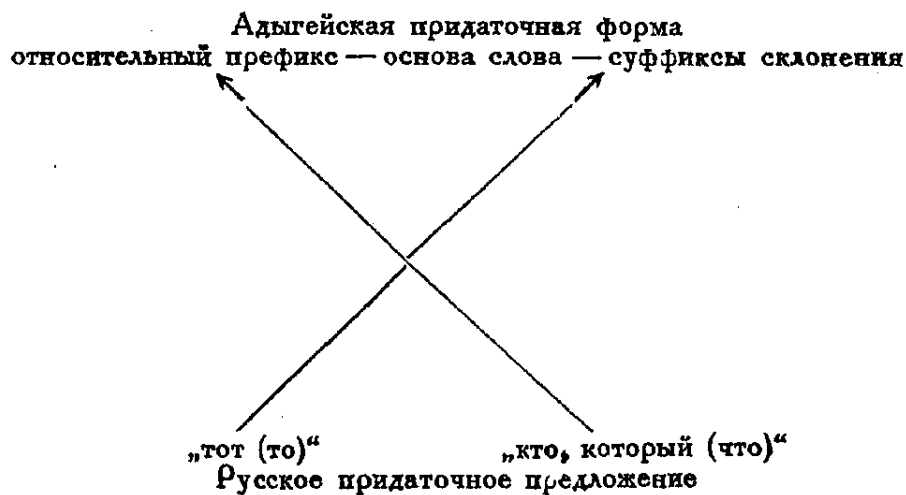
Последние примеры отличаются тем, что в них относительный префикс уже нельзя перевести словом „который“, потому что этот префикс здесь уже не может относиться к какому-либо из слов-дополнений. Собственно, относительного дополнения в этих предложениях нет. Относительный префикс в данном случае связан только с самой придаточной формой сказуемого. Вся придаточная форма сказуемого служит как бы субъектом или прямым дополнением к сказуемому главного предложения. (ср. ниже придаточное обстоятельство образа действия и придаточные дополнительные при глаголах со значением „говорить“, стр. 124, 134). По-русски в этих случаях в переводе частица „что“ представляет собою не столько относительное местоимение, сколько относительный союз.

Префикс «зэ-рэ- || зэ-ра-», употребляемый в последних примерах, в произношении часто путается с префиксом «зэ-ры-», выражающим орудное дополнение. Однако в литературном языке следует строго различать оба эти префикса для развития большей точности языка и во избежание двусмысленности.

Кроме префиксов, форма придаточного определительного сказуемого выражается также его суффиксами. Эти суффиксы, как мы видим, представляют собой обычные суффиксы склонения имен: «-м, -р» и др. Таким образом, придаточная форма сказуемого-глагола несет в себе не только глагольное изменение по лицам (префиксы), но одновременно и изменение по падежам (суффиксы). Следовательно, придаточная форма в адыгейском языке представляет собой в одно и то же время и глагол, и имя. Значение глагольных ее форм мы уже разбирали выше. Теперь займемся разбором ее суффиксов. Формы склонения придаточного сказуемого представляют собой не что иное, как отражение той роли, какую придаточное сказуемое играет в главном предложении. Соответственно своему оформлению придаточная форма глагола имеет двойное синтаксическое значение. В придаточном предложении оно служит сказуемым-глаголом, а в главном предложении — одним из дополнительных слов. Поэтому глагольное оформление придаточного сказуемого (префиксы) относится к тем связям, которые существуют внутри придаточного предложения, именованное же его оформление (склонение, суффиксы) относится к его роли как дополнительного слова в главном предложении. Если сравнить адыгейское придаточное сказуемое с русским придаточным предложением, то связи со всеми дополнениями и субъектом в русском придаточном предложении, а также связи этого предложения с тем членом главного, к которому оно непосредственно относится, выражаются в адыгейском языке глагольными формами (префиксами), а форма того члена русского главного предложения, к которому относится придаточное, выражается в адыгейском суффиксами склонения самого придаточного сказуемого. Последний способ выражения необходим в адыгейском языке потому, что то слово, определением или дополнением к которому служит придаточное предложение, в этом языке имеет всегда одну и ту же форму суффикса «-эу, -у» и входит в состав придаточного предложения. Таким образом, выразить роль определительного придаточного предложения, как одного из членов главного, по-адыгейски можно только с помощью форм самого же придаточного сказуемого, т. е. с помощью тех окончаний, какие имеют вообще дополнительные слова в главном предложении (суффиксы «-м, -р» и др.).

Проще всего отношение адыгейской придаточной формы определительно-дополнительных предложений к русским их формам можно выразить следующим образом. Из двух русских слов „тот, который...“ („тот,

кто...“, „то, что...“), употребляемых в полных определительных и дополнительных придаточных предложениях, относительные префиксы адыгейской придаточной формы соответствуют формам слова „который“ („кто“, „что“), а ее суффиксы — формам слова „тог“ („то“):

Все приведенные нами до сих пор придаточные предложения можно считать в общем одним типом. Этот тип выражает одним и тем же способом (с помощью префиксов) различные виды русских придаточных предложений. Все они одинаково объединены в адыгейском языке тем, что придаточные предложения заменяют собою в этом случае оформленные падежными окончаниями дополнительные слова (субъект, объект и все виды косвенных дополнений), в части случаев соответствующие русским обстоятельственным словам.

По этому же типу образуются и придаточные предложения, заменяющие в адыгейском языке предикат (простейшие примеры этого рода образований были приведены нами в разделе синтаксиса на стр. 112). Данный тип придаточных предложений можно назвать префиксальным по форме и определительно-дополнительно-предикатным по смыслу. Кроме этого типа, существует в адыгейском языке еще иной тип придаточных предложений.

Обстоятельственные придаточные предложения. Обстоятельственный тип придаточных предложений, как мы выше уже указывали, выражается, главным образом, специальными суффиксами. По этому типу в адыгейском языке образуются придаточные предложения, заменяющие различные виды обстоятельств времени, цели, причины и следствия и дополнения перед глаголами „говорить, чувствовать, сознавать“, а также предложения условные, уступительные и выражающие косвенную речь и косвенный вопрос. Придаточные формы сказуемого в этих предложениях представляют собою различные отглагольные обстоятельства-наречия в составе главного. Различные смысловые оттенки этих обстоятельств выражаются специальными суффиксами и послелогоми, которые в большинстве случаев еще можно связать с отдельными, существующими и сейчас в адыгейском языке самостоятельными словами.

Таким образом, в обстоятельственных придаточных предложениях мы имеем по преимуществу формы сказуемого, представляющие собою отглагольные наречия или деепричастия. Однако, по сравнению с русскими деепричастиями, адыгейский язык развил огромное их количество, на много превышающее число русских форм.

Рассмотрим теперь по отдельности суффиксы и способ образования каждого из перечисленных нами видов адыгейских обстоятельственных предложений.

Придаточные предложения обстоятельства времени. Начнем наш обзор с придаточных предложений обстоятельства времени. Придаточные времени в этой группе предложений представляют собою наиболее

развитую форму, обладающую наибольшим количеством суффиксов и наибольшим развитием оттенков значений.

Придаточные предложения, выражающие одновременность (порусски — деепричастие несовершенного вида), выражаются по-адыгейски придаточным суффиксом «-зэ». Этот суффикс присоединяется к основам всех времен утвердительного наклонения. Иных форм наклонений придаточное сказуемое с суффиксом «-зэ» не имеет. Отрицательная форма этого придаточного сказуемого выражается с помощью отрицательного префикса «мы-», стоящего на своем обычном месте перед глагольной основой.

Советым ськюзэ, учителым сьлуклагъ.

В совет идя, я встретил учителя.

Моу джыдэдэм слъэгъузэ, шыухэр блэклыгъэх.

Вот сейчас только я видя, всадники проехали.

Т. е.: Вот сейчас только на моих глазах проехали всадники.

Районым уклон фае еслуагъэзэ, джыри мыклоу дэс.

В район поехать что он должен, я сказавши, еще не поехав сидит.

Т. е.: Несмотря на то, что я ему сказал, что он должен поехать в район, он, еще не поехав, сидит.

В последнем примере придаточная форма сказуемого с суффиксом «-зэ» приобретает уступительный смысл.

«Ыгъэшлагъозэ, кьылуащыжьыгъ».

„Он удивляясь, его они отвели обратно“.

Т. е.: „В то время, как он удивлялся, они отвели его обратно“.

(Из народной бжедужской сказки.)

«Шитлур Іэдэжьау еомэ, зыкьыригъахьымэ кюзэ, мэзы горэм кьыхэхьагъ. Мэзым кьыкюцлырыкы пэтэзэ, пхъэ о макъэ зэхихыгъэ.

Пхъэр зыкьутэрэм кьеклуалэмэ, пхъэр зэгугъуы шыт».

„Лошадей двух в поводу держа, без колебаний несясь, едучи, в лес какой-то въехал. Через лес проезжая, дров рубки звук он услышал. Дрова кто рубит, к тому как подошел, а тот дрова колет и там стоит“.

„Едучи быстро, безо всякого промедления и ведя двух лошадей в поводу, он въехал в лес. Проезжая через лес, он услышал стук топора. Когда он приблизился к тому, кто рубил, он увидал, что тот стоит и колет дрова“.

(Из народной бжедужской сказки „Плешивый хитрец“.)

Если придаточное обстоятельства времени, выражающее одновременность и соответствующее русскому деепричастию несовершенного вида, образуется от непереходного глагола, выражающего неподвижность, то на ряду с формой, оканчивающейся на «-зэ», может быть образована форма с суффиксом «-эу, -у» в том же значении. Эта последняя форма образуется от основы повелительного наклонения и не имеет изменения по временам:

Шытэу газетым еджэ.

Стоя газету он читает.

Т. е.: Он стоя читает газету.

Сыщысэу зэдэгуцлыгъэх.

Я сидя, они разговаривали.

Т. е.: Когда я сидел, они разговаривали.

Эти придаточные формы на «-эу, -у» можно легко рассматривать и как придаточные предложения обстоятельства образа действия. В неко-

торых случаях такое истолкование этих форм становится единственно возможным, например:

«ЧылитҮри зэпэмычыжьэу псыхьэ закьэ азыфагу икӀэу, зэпэгьу-нэгьоу щысыгьэх».

„И два аула друг от друга недалеки, река одна ними между проходя, друг к другу близкими были расположены“.

„И два аула неподалеку друг от друга, разделенные рекой, друг от друга поблизости находились“.

(Из народной бжедужской сказки.)

Вообще же разница в употреблении между суффиксами «-зэ» и «-эу» во многом еще не ясна (еще см. ниже, стр. 123).

Оба приведенные здесь суффикса: «-зэ» и «-эу, -у» могут соединяться с суффиксом: «-го» — „пока“ в сложные суффиксы: «-го-зэ, -го-у», имеющие приблизительно то же значение.

Для выражения той же одновременности служат и суффиксы: «-го» — „пока“, «-фэ» — „пока“. В употреблении этих двух суффиксов существует следующая разница: суффикс «-фэ» употребляется исключительно для выражения придаточной формы сказуемого, а суффикс «-го» может употребляться и в главном предложении.

Газетхэр кьахьыфэ || кьахьыфэго, мыщ дэжьым сышысыщт.

Газеты пока принесут, я буду здесь сидеть.

Придаточное сказуемое с суффиксом «-фэ» не имеет изменения по временам. Суффикс «-фэ» может соединяться со словом «нэс» — „до, до тех пор“ для выражения предела времени, например: «сэшӀэфэ нэс» — „до тех пор, пока я делаю || сделаю“.

«„Цумпахьэ шьусщэшт“, — ыӀуи рищэжьагьэх. Аузэ мафэм ыщагьэх, цумпэми нэмысхэу, чэщ охьуфэ нэс ыщагьэх».

«„За ягодами вас я поведу“, — сказав, их повел. Так день их повел, и, до ягод не доходя, ночь пока (не) настала, до тех пор их повел».

«„Я поведу вас за ягодами“, — сказал он и повел. Так он вел их целый день, не дойдя до ягод; он вел их до тех пор, пока не наступила ночь».

(Из народной бжедужской сказки „Юноша — сын медведя“.)

Суффикс «-фэ» может соединяться с орудным по происхождению суффиксом «-кӀэ», с которым он сливается в один составной суффикс «-фэ-кӀэ» с тем же значением: «сэльэгьу-фэкӀэ» — „пока я вижу || увижу“, «сэльэгьуфэ нэс» — „до тех пор, пока я вижу“.

Следует отметить, что перечисленные здесь суффиксы и служебные частицы, соответствующие по значению русскому союзу „пока“, чисто условно отнесены нами к формам одновременности, так как в адыгейском языке, как и в русском, это значение легко приобретает смысл предшествования во времени: „пока не“ (см. ниже).

Кроме того, для выражения одновременности служит присоединяемый к основе настоящего времени суффикс «-кӀэ», бжедужское «-джэ», который присоединяется к придаточной форме с временным префиксом «зы-» (см. выше стр. 114), например:

«ЩылакӀэр нахьышӀу хьугьэ, товарищхэр. ЩылакӀэр нахь чэфыгьоу хьугьэ. Чэфэу ущыӀэ зыхьукӀэ, Юфыри ІэшӀэхэу, псынӀкӀэу макӀо».

„Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живет, работа спорится“.¹

¹ Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вопросы ленинизма, 11 изд., М., 1939, стр. 499.

Библиотекам узькӱкӱ, тхылъ кыысфыздэхь.

Когда пойдешь в библиотеку (вместе с собою), принеси мне книгу.

«Умыгумӱкӱ, ныу — „Тыгъашх“ сӱ зысӱкӱ, псыр кыпыльи, кӱашъом о дӱкӱай, кьокьокьу-щӱкьокьу макъэхэр о къӱгъӱуи, „Адӱ сьдӱу бӱрӱ укытесыра?“ зысӱкӱ, „Адӱ сшӱрӱп, ащыщӱу кьесхы-хыщтыр, иныжь копкьа, иныжь цага?“ Луи, кьаӱо. Ар иныжьым зызӱхихыкӱ, щтӱнышь кӱиӱжьӱшт“ ыӱуагъ лыжьым».

«Ты не беспокойся, старуха, — „Нас покорми“ я когда скажу, воду повесь и на чердак ты полезь, грома-грохота звукам ты сюда дай долететь.

„Ну, как долго ты наверху сидишь?“ когда я скажу, а ты: „Ну, я не знаю же, из них что возьму — великана бедряный сустав, великана ребра?“ — сказав, скажи. Это великан когда услышит, побойтся и потом удерет“, — сказал старик».

«Не беспокойся, старуха, когда я скажу: „Покорми нас,“ ты воду (над очагом) повесь и полезай на чердак; (шуми и греми там, чтобы) звук грохота и шума долетал до нас; когда я скажу: „Что ты наверху так долго сидишь?“, ты ответь: „Ну, я не знаю, что мне здесь взять — ляжку или ребра великана (что ли)?“; великан когда это услышит, испугается и удерет“, — сказал старик».

(Из народной бжедужской сказки „Великан и старичок“.)

Придаточные обстоятельства времени с этим суффиксом имеют значение только настоящего и будущего времени, а в остальных временах они имеют именной суффикс «-м» с тем же значением.

Еджӱныр зытыухкӱ, колхозым тькӱшт.

Учебу когда мы закончим, в колхоз мы поедем.

В прошедшем времени одновременность выражается только префиксом «з(ы)-» (без суффикса «-кӱӱ»):

Мӱшӱкур станцӱм кызыӱохъэм, тӱ залым тычӱсыгъ.

Поезд к станции когда подошел, мы в зале сидели.

Простое предшествование во времени передается в адыгейском языке придаточной формой сказуемого с суффиксом «-и». Этот суффикс по происхождению представляет собою союзный суффикс «-и».¹ Однако в этом случае он получает значение предшествования действия, выражаемого сказуемым придаточного предложения, — действию, выражаемому сказуемым главного. Придаточная форма с суффиксом «-и» употребляется только в том случае, если сказуемое в главном предложении стоит в форме одного из прошедших времен:

Председателым колхозникхӱр зӱлуигъакӱӱхи, уставым афеджагъ.

Председатель колхозников (сначала) собрал и (потом) устав им прочитал.

Т. е.: Председатель, собрав колхозников, прочитал им устав.

Председателыр кысаджи, кьоджӱ советым сыкӱуагъ.

Председатель (сначала) меня позвал и (потом) я пошел в сельсовет.

Т. е.: После того как председатель меня позвал, я пошел в сельсовет.

«Кӱалӱр кӱуи, дӱхъӱжьыгъ. Дӱхъӱжьи, пхъӱ бруситӱур кӱалӱм ыгъӱ-тӱльи, унӱм зехъӱжьым, мыдрӱри дахышь, псынкӱӱу унӱм ихъагъ».

„Юноша пошел и потом вошел (во двор). Вошел и потом деревянные бруса два юноша положил и (потом), в дом когда вошел, и этот (во двор) вошел, потом быстро в дом вошел“.

¹ Ср. еще «-и, -р-и, -т-и, -шь-и», Таблица III, 8, 6, стр. 185 и сл.

„Пойдя юноша вошел во двор. Войдя во двор, юноша два бруса (на землю) сложил и, когда он вошел в дом, и этот (человек) войдя (за ним) во двор, быстро вошел в дом“.

(Из народной бжедужской сказки.)

«Калэу чыгыр изыупкырэм зыкыпльахы, кууагъэ».

„Юноша, дерево который вырубает, посмотрев вокруг, закричал“.

„Юноша, который рубил дерево, посмотрев вокруг, закричал“.

(Из народной бжедужской сказки.)

«Къежьэжьи кьаклозэгъорэ, мэлахъо горэм кызылоклэм, ежь ищыгъын дэгъухэр рити, щыгъын дэйхэр кылихыгъ».

„Отправившись (в обратный путь) и идя, овец пастуха какого-то встретил, он (сам) свою одежду хорошую ему отдал, и одежду плохую у него взял“.

„Когда он, двинувшись в (путь), по дороге встретил какого-то чабана, он отдал ему свою хорошую одежду и взял у него плохую“.

(Из народной бжедужской сказки „Юноша — сын медведя“.)

«Ар кыриуи, чэужьыем зыригъэкли, чыягъэ».

„Это ему сказал и к плетню маленькому прислонился и (потом) заснул“.

„Сказав ему это (и) прислонившись к плетню, он заснул“.

(Из народной бжедужской сказки.)

Из данных примеров мы видим, что суффикс «-и» присоединяется в литературном языке к основе глагола в форме утвердительного наклонения. По-русски эти придаточные предложения можно переводить деепричастием прошедшего времени от глаголов совершенного вида, если они имеют одно подлежащее с главным предложением. Если же подлежащие в придаточном и главном предложении разные, то приходится их переводить с помощью союзов „после того, как...“

Если в главном предложении стоит настоящее время, то придаточные предложения этого типа передаются формой сказуемого с суффиксом «-шь(ы)», если — будущее, то суффиксом «-н(ы) || -нышь». Суффикс «-шь» также присоединяется к концу глагольной формы только утвердительного и отрицательного наклонений. Придаточное сказуемое с суффиксом «-шь» может стоять и в том случае, если в главном мы имеем прошедшее и другие времена:

«Ей, ар, лыжьщыкылу иа, узэрэплъырэм фэдэп: мыжьор къештэшъы, псыр кыклефы, пшахъор къештэшъы, хьаджыгъэм фэдэу егъэутысэ».

„Э, он старичок большой, как на него посмотришь ты, то неподобен, камень он берет и (потом) воду из него выжимает, песок он берет и (потом) муке подобно его распыляет“.

„Э, он — старичок большой, он не таков, каким выглядит: взяв камень, он выжимает из него воду, взяв песок, он превращает его в пыль, как муку“.

(Из народной бжедужской сказки „Великан и старичок“.)

«Лыжь щыкылу илалъмэкъ илаби, къое щынэр кырихи, лъашэу ыфызи, къоепс фыжьри, кыклифи: „Сипхыщтымэ сих, симыхыщтымэ джар плъэгъурэба? Джащ фэдэу узгъэутысэннышь, псыр кыпккэсфышт“, — ыуагъ лыжь щыкылум».

«Старик в свою сумку руку просунул и сыр сырой вынул, и сильно сжав, из сыра воду белую выжал: „Меня ты перенесешь если, перенеси; меня ты не перенесешь если, (то) это видишь ведь?«

«Этому подобно тебя я распялю и воду выжму», — сказал старичок».

«Сунув руку в сумку, вынув свежий сыр, сильно сжав его и белую сыворотку выжав, старичок сказал: „Если ты перенесешь меня, то переноси; если меня ты не перенесешь, то — видал это? — я превращу тебя в порошок и выжму из тебя воду“».

(Из народной бжедужской сказки „Великан и старичок“.)

Библиотекаэм сыклоны || сыклонышь, тхыль кычлэсхыщт.
Я в библиотеку пойду и книгу возьму.

Пхьэр сэкьутэшъ, унэм кьисэхьэ.
Дрова я (сначала) колю и (потом) в комнату ношу.

Сэ кьэсэхьышь, мыдрэм зэтырелъхьэ.
Я (сначала) ношу и (потом) он складывает.

Т. е.: Я ношу, а он складывает.

Кьысэджагъэхэшъ, районым сыкьэкьуагъ.
Меня они (сначала) вызвали, и (потом) в район я приехал.
Меня они позвали, и поэтому я поехал в район.

«Пролетариатом государственная власть ештэшъ, производствэ средствэхэр зэпстэмэ апэу государствэм иунаеу ешлых».
„Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность“¹

«Типшъэрылбыр, колхозмэ бзыльфыгъэхэр апэкIэ ащыдгъэкIотэнхэшъ, мы кьуачIэр Iофым еттIупщыныр ары».

„Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело“².

В народных диалектах на ряду с суффиксом «-шь» употребляются также: «-и-шь» и «-и-шь-и» в том же временном значении при прошедшем времени в главном предложении:

«Мыдрэ кIалэр щхыпцIишьи: „Хьун ащыгъум сэ сыклон“, — ылуишьи кьыдэкIыжьыгъ».

«Этот другой юноша улыбнувшись: „Да, тогда я пойду“, — сказавши, вышел (со двора) обратно».

«Улыбнувшись и сказав: „Хорошо, тогда я пойду“, — этот другой юноша обратно вышел (со двора)».

(Из народной бжедужской сказки.)

Из этих предложений мы видим, что предшествование во времени придаточного и главного предложений легко переходит в их причинную связь (см. ниже, придаточные причины). Выражение причинной связи в языке, повидимому, развивается из временной последовательности („Post hoc ergo propter hoc“ — „После этого, следовательно, — вследствие этого!“), категория же времени первоначально слита с категорией места (ср. стр. 165—167).

В значении только временного предшествования употребляются формы с суффиксом «-ны,-ны-шь», остальные формы настоящего времени и перфекта могут иметь как временное, так и причинное значение (см. ниже стр. 124).

Кроме того, в адыгейском языке существует и описательный способ выражения временного предшествования с помощью послелога «уж» —

¹ Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс, Избранные произведения в двух томах, т. I, Л., 1934, стр. 138.

² Сталин. Речь на первом съезде колхозников-ударников. Ленин — Сталин. Избранные произведения в одном томе. Л., 1936, стр. 617.

„вслед за, после“. По-русски этот способ выражения соответствует предлогу „после“ с отглагольным именем или союзным словам „после того как“:

Садэжь узеклыжьбы ужым || узеклыжьмым ыуж, газетхэр кыысфахьы-
гъэх.

От меня как ты ушел, после того газеты мне принесли.
Т. е.: После того как ты от меня ушел, газеты принесли.

Придаточные предложения времени, выражающие мгновенное предшествование и соответствующие русским предложениям с союзами „как, как только“ передаются в адыгейском языке придаточной формой с префиксом «зэрэ-»; и суффиксом «-эу, -у». Этот тип придаточных предложений стоит в несомненной связи с придаточными образа действия (одинаковый префикс «зэрэ-», см. стр. 124):

Вагоным сызэрехъэу, мэшокур ежьагъ.
В вагон как только я вошел, поезд тронулся.

Остальные формы придаточных предложений времени, включая и диалектные, см. в табл. придаточных форм (стр. 172 и сл.).

Последовательность во времени (т. е. действие придаточного предложения следует за действием главного) выражается в адыгейском языке придаточной формой с суффиксом «м» и сопровождается служебным словом-последелогом — «ыпэкIэ». Эта описательная придаточная форма может быть передана по-русски „раньше, чем; прежде, чем; до того, как“:

Ушхэным ыпэкIэ, плэ тхьэкIы.
Перед тем, как (тебе) есть, мой руки.

Сышхэным ыпэкIэ, слэ стхьэкIыгъэ.
Перед тем, как есть, я вымыл руки.

ЗэIукIэм сыкIоным ыпэкIэ, докладыр згъэхъэзэрышт.
Перед тем, как пойти на собрание, (я) подготовлю доклад.

Придаточные предложения обстоятельства места. Выше мы уже говорили, что придаточные обстоятельства места выражаются причастной формой придаточных предложений (см. стр. 113). При этом в составе придаточной формы может стоять относительный префикс «з(ы)-», перед префиксами места («щы-, дэ-» и т. д., см. ниже, табл. придаточных форм, II, б). В этом случае придаточная форма выражает местные значения в составе придаточного предложения, и указанные префиксы можно перевести по-русски относительными наречиями (союзами) „где, куда, откуда“. Кроме того, значение собственно обстоятельства места в составе главного предложения передается обычным суффиксом местного дополнения «-м» (суффикс косвенного падежа) без местных префиксов в составе сказуемого главного предложения (если оно представляет собою глагол, обозначающий движение, см. табл. придаточных форм I, 6, 7) или с этими префиксами в его составе (если сказуемое главного предложения имеет иные значения, см. табл. II, б).

Приведем примеры:

ШъузакIорэм цIыфыбэ щыI.
Там, куда вы идете, много людей (имеется).

Сэ сыздэщытыр — фабэ.
Там, где я стою, тепло.

Сэ сыздакIорэмкIэ укъэплъэ.
(Ты) смотришь в том направлении, куда я иду.

Сэ сыздакторэр — чыжьэ.

То (место), куда я иду, далеко.

Гъатхэм тызщылэжьгъагъэр — чыгушы.

Там, где мы весной работали, земля хорошая.

Сы сыздэщытыгъэм сэлъэ.

Я смотрю туда, где я стоял.

Сэ сыздэщысыгъэр — моцхьыбытыгъ.

(Место) где я сидел, он занял.

Придаточные предложения обстоятельства места могут быть легко превращены в определительные придаточные предложения:

Сэ сыздэщыт чыпэр — фабэ.

То место, где я стою, теплое.

Чанпэу сэ сыздэщытыр — фабэ.

Место, на котором я стою, теплое.

Придаточные предложения обстоятельства образа действия выражаются по-адыгейски теми же деепричастными формами, которые служат и для выражения придаточных форм обстоятельства времени (см. выше стр. 117—118). При этом в значении данной придаточной формы, как и в значении временном, могут употребляться оба деепричастных суффикса «-зэ» и «-эу (-у, -оу)». Разница в их употреблении еще недостаточно ясна. Можно только сказать, что непереходные (непродуктивные) глаголы, выражающие неподвижность, по преимуществу присоединяют суффикс «-эу», а глаголы, выражающие движение, переходные и, в особенности, глаголы с косвенным объектом оформляются суффиксом «-зэ». Кроме того, в том случае, если действие главного предложения несовместимо (т. е. фактически не может происходить одновременно) с действием придаточного предложения, то придаточная форма принимает суффикс «-зэ» (это правило не относится к служебному слову «пэтзэ || пэтэу», две формы которого могут употребляться безразлично и в этом случае). Таким образом, суффикс «-зэ» отличается оттенком большей действительности, активности, в то время как суффикс «-эу» — оттенком бездействия, состояния:

Шысэу || шысзэ матхэ.

Сидя, он пишет (вообще).

Шысэу || шысзэ етхы.

Сидя, он пишет (нечто).

Шытэу гушылэщтыгъэ.

Стоя, он разговаривал.

Шыльэу гушылэщтыгъэ.

Лежа, он разговаривал.

Кюзэ (но не: кюу) гушылэщтыгъэ.

Идя, он разговаривал.

Чъэзэ (но не: чъэу) чэум елъагъ.

На бегу (буквально: бежа) он перепрыгнул через плетень.

Тутын ешьозэ (но не: ешьоу) макло.

Табак куря, он идет.

Т. е.: Идя, он курит.

Еплъызэ (но не: еплъэу) етхы || матхэ.

Смотря, он пишет (нечто) || пишет (вообще).

Пхъэ кыщзэ || кыщэу къэкложыщтыгъэ.

Везя дрова, он возвращался.

Действия несовместимые:

Кюзэ (но не: кюу) кьэуцугъ.

Идя, он остановился.

Кюзэ (но не: кюу) джэлагъэ.

Идя, он упал.

Чъэзэ лъэпэуагъэ.

На бегу (буквально: бежа) он споткнулся.

Но: Кю пэтзэ || пэтэу кьэуцугъ.

Идя, он остановился.

Придаточные обстоятельства образа действия, кроме того, могут быть выражены придаточной формой с префиксом «зэрэ-» и суффиксом «-эу» или той же формой с добавлением к ней слова «фэдэу» — «подобно»:

О зэрэпэуагъэу || зэрэпэуагъэм фэдэу сшыгъэ.

Я сделал так, как ты мне сказал.

О зэрэпшыэу || зэрэпшырэм фэдэу сшы.

Я делаю так же, как ты делаешь.

Придаточные предложения обстоятельства причины и следствия также выражаются в адыгейском языке несколькими способами. Как мы уже говорили выше (стр. 114), значение причины иногда может быть выражено с помощью префикса «кля- || кля- || кы-» в составе сказуемого. На ряду с этим существует несколько более употребительных суффиксальных способов выражения причины. Придаточные предложения причины могут быть выражены с помощью того же самого суффикса «-шь(ы)», что и предложения временной последовательности:

Кинем ськыщтышь, — уадэжь непэ ськьэклон сьэкыщтэп.

В кино я пойду, поэтому сегодня к тебе притти я не смогу.

Так как я в кино пойду, я сегодня к тебе притти не смогу.

Непэ зэуклэм сшыагъэпышь, докладэу шыагъэр, сшыэрэп.

Сегодня на съезде я не был, поэтому, доклад какой был там, не знаю.

Так как сегодня я не был на съезде, я не знаю, какой там был доклад.

На ряду с этим для выражения придаточных обстоятельства причины служит сложный суффикс «-ти», в котором участвует союзный суффикс «-и» — «и». Придаточные формы с этим суффиксом вообще употребляются в адыгейском ограниченнее, чем с суффиксом «-шь(ы)». В то время как суффикс «-ти» может быть применен, хотя и при всех временах придаточного сказуемого, но лишь в том случае, если в главном предложении стоят прошедшие времена, суффикс «-шь» может употребляться во всех временах придаточного и со всеми временами главного предложения:

Мэшлокур кьэсынклэ ладжи шыэти, чай тешьонэу тыттысыгъ.

Поезда до прихода много было (времени), и поэтому чай пить мы сели.

Так как до прихода поезда было много времени, мы сели пить чай.

Непэ адыгабзэ урок тилэщтыти, грамматикор зыдэтштагъ.

Сегодня по адыгейскому языку урок будет, поэтому грамматику мы с собою взяли.

Так как сегодня будет урок адыгейского языка, мы с собою взяли грамматику.

Параллельно с этим придаточные предложения причины могут быть выражены также описательно с помощью союзов «пае || шьхьаклэ (в диа-

лектах употребляются также: шъхъае, паклэ, папклэ, фэшлкълэ) — „из-за... , по причине...“ Данные союзы по происхождению являются послелогоми, т. е. служебными словами, соответствующими русским предлогам (об этом см. ниже — Морфология, стр. 396). Эти послелогии стоят при придаточных формах сказуемого с суффиксом «-м», так как они требуют косвенной формы того слова, к которому относятся. В этом случае придаточная форма сказуемого употребляется с префиксом «зэра- || зэрэ-», т. е. с тем же префиксом, с которым употребляется придаточная форма, объектного предложения (сравни выше стр. 115, 134). Так, вместо следующего суффиксально выраженного придаточного предложения обстояательства причины:

Сысымэджагъэти, зэлуклэм сыклон слъэкълыгъэп.

Я был болен — поэтому на собрание пойти не смог.

Так как я был болен, на собрание я пойти не смог, —

можно сказать:

Сы-зэрэ-сымэджагъэ-м пае, зэлуклэм сыклон слъэкълыгъэп.

Из-за того, что я был болен, на собрание я пойти не смог.

Буквально: Что я был больной из-за того, на собрание я пойти не смог.

„Адэ, умыльэгъугъахэм пае, тапэ уитэу укъачъэщтыгъэ, плъэгъугъэеме...?“ — мышъэм зёлэм, тыгъужъым зиушьэфыжыгъэ.

„Ну что же, кого ты совсем не увидел, из-за того нас впереди находясь ты бежал, (а) если бы ты его увидел...?“ — медведь когда сказал, волк замолчал (притаился)“.

«Когда медведь сказал: „Ну что ж, (если) ты бежал впереди нас от того, кого ты совсем и не видел, то (что было бы), если бы ты его (глазами) увидел...?“ — волк (совсем) притих».

(Из народной бжедужской сказки „Сын ворона“.)

Придаточные предложения обстоятельства цели выражаются придаточной формой сказуемого, образованной от основы 2-го будущего времени с помощью суффикса «-эу» или реже (при глаголах движения) — «-клэ»:

Пальто къэсщэфынэу || къэсщэфынклэ магазинэм сэкло.

Пальто (чтобы) купить, в магазин я иду.

Пальто къэсщэфынэу || къэсщэфынклэ, магазинэм сыклуагъ.

Пальто (чтобы) купить, в магазин я пошел.

Придаточные формы с суффиксом «-(н)-эу», «-(н)-клэ» ближе всего соответствуют русским придаточным предложениям цели, выражаемым союзом „чтобы“ с неопределенным наклонением или одним неопределенным наклонением:

Мэшлокум уитлкъхъэнэу, билет къэпщэфын фае.

Чтобы сесть на поезд, нужно купить билет.

Буквально: На поезд чтобы тебе сесть, билет тебе купить нужно.

Аэропланхэр къыщытлкъсынхэу, аэродромхэр тилэн фаех.

Для того, чтобы аэропланы (могли) садиться, нам нужны аэродромы.

Буквально: Чтобы аэропланам садиться, нам нужны аэродромы.

Ичэзыум гъэтхэ лэжыгъэ шлэным тыфрежъэнэу, мэкъу-мэщ орудиехэр ремонт шлыгъэн фаех.

Чтобы приступить своевременно к весеннему севу, нужно отремонтировать сельскохозяйственные орудия.

Наконец, в ряде случаев придаточные предложения цели могут быть выражены совершенно тем же описательным способом, что и предложе-

ния причины, однако только с формами будущего времени. При этом в них употребляются союзы (послелог): шъхъаклэ, пае, фэшккэ, паеккэ и т. д. с косвенной формой придаточного сказуемого (с окончанием «-м»).

Мэшюкум уитысхъэным пае, билет пщэфын фае.

Буквально: На поезд для того, чтобы тебе сесть, билет тебе купить нужно.

Для того, чтобы сесть на поезд, нужно купить билет.

Ичэзыум гъэтхэ лэжьыгъэ шлэным тыфежьэным пае, кымафэм мэкью-мэщ орудиехэр ремонт шыгъэн фаех.

Для того, чтобы приступить своевременно к весеннему севу, зимой нужно отремонтировать сельскохозяйственные орудия.

Уже из этих примеров видно, что при описательном способе выражения придаточных цели, эти предложения по форме близки придаточным предложениям причины. Для выражения тех и других служат одни и те же союзы, происходящие от послелогов.

Придаточная форма сказуемого может иметь при этом префикс «зэ-ра- || зэ-рэ-», как в части случаев и объектные придаточные предложения (см. стр. 134):

«Кю ськкэупчлэ, гузэжьогъу горэм сифэмэ, сьзэрэмыхъэолыщ-
тым паеккэ».

„Так себе, я спрашиваю, в критическое положение какое-нибудь если я попаду, чтобы мне безрезультатно (не) стало для того“.

„Так..., я только спрашиваю, чтобы я даром время не потерял, если придется попасть в какую-нибудь переделку“.

(Из бжедужской сказки.)

Сьзэрэккэщтым пае, ахъщэ кысэсэт.

Для того, чтобы я поехал, деньги дай мне.

Буквально: Что я поеду из-за того, деньги дай мне.

Мы видим, что придаточные причины и цели по форме своего выражения в некоторых случаях сходятся, а иногда даже полностью совпадают и по форме, и по значению, например:

«„Тян, джа пккэо заккэор ары, ськкэызыккэккэуагъэр!“ — риккэуагъ».

«„Наша мать, вот твой сын единственный есть, я из-за которого сюда приехал“, — ей он сказал».

«Он сказал: „О наша мать, вот единственный сын твой, из-за которого я сюда приехал!“».

(Из бжедужской сказки.)

В этом нельзя не видеть лишнего доказательства общности исторического развития этих двух категорий в языке. Очевидно, первоначально категории причины и цели в языке не различались и выражались формально совершенно одинаковым способом. Лишь путем долгого развития придаточные предложения причины и предложения цели дифференцировались, разграничились в адыгейском языке. Форма цели отличается от формы причины здесь, главным образом, тем, что первая связана обычно с будущим временем. В этом смысле цель есть причина, обращенная в будущее (о происхождении категории причины см. стр. 121).

Условные придаточные предложения. Придаточные предложения, выражающие условие и начинающиеся по-русски союзом „если“, называются условными придаточными предложениями. Условное придаточное предложение вместе с относящимся к нему главным называется условным периодом. Условный период по своему значению может выражать реальное условие, т. е. такое, которое обозначает факт, имеющий место

в действительности. Такой условный период называется реальным условным периодом, а придаточное предложение в нем — реальным условным предложением. Если условный период выражает то, чего нет в действительности, нечто предполагаемое, возможное или желательное, но противоположное тому, что есть в действительности, то весь период в этом случае мы называем нереальным условным периодом, а употребляемые в нем придаточные предложения — нереальными условными предложениями.

Рассмотрим сначала реальный условный период и способы его выражения в адыгейском языке. Реальная условная придаточная форма имеет суффикс «-мэ», который присоединяется к окончанию всех наклонений и времен за исключением условных (см. ниже). По-русски этот суффикс переводится союзом „если“ с временами изъявительного наклонения. В главном предложении реального условного периода употребляются также все времена за исключением условных:

Чыгур дэгъоу блэжьымэ, лэжьыгъэр дэгъоу мэбагъо.

Землю если хорошо обрабатываешь, хлеб хорошо родится.

Чыгур дэгъоу блэжьымэ, лэжьыгъэр дэгъоу бэгъошт.

Землю если хорошо обрабатываешь, хлеб хорошо уродится.

Чыгур дэгъоу блэжьымэ, лэжьыгъэри дэгъоу бэгъуагъэ || бэгъуа-
гъэба.

Землю если хорошо обработал, то и хлеб хорошо уродился || ведь
родился.

Электроток щылэмэ, остыгъэр маблэ.

Электроток если есть, лампа горит.

Электроток щылэштыгъэмэ, остыгъэри блэштыгъэ.

Электроток если бывал, то и лампа горела.

Электроток щылэштмэ, остыгъэри блэшт.

Электроток щылэмэ, остыгъэри блэн.

Электроток если будет, и лампа будет гореть.

Электроток щылэгъагъэмэ, остыгъэри блэгъагъэ.

Электроток если был (тогда давно), и лампа горела.

О уклоштыгъэмэ, сэри ськлоштыгъэ.

Если ты ходил, то и я ходил.

«„Остын, псаоу къысфэпщэжьыштымэ“, — ылуагъ».

«„Тебе я отдам, живым обратно ко мне ты привезешь если“, — он
сказал».

«„Я его тебе отдам, если ты его ко мне обратно живым привезешь“, — сказал он».

(Из бжедужской сказки.)

«„Сызэпырыпхыштымэ сызэпырых, сызэпырымыхыштымэ мыщ
фэдэу усфызышт“, — ылуи, ышти, ыфызи, ыгъэтэкъуагъ».

«„Меня через (что-нибудь) если перенесешь, (то меня) перенеси;
меня через (что-нибудь) не перенесешь если, вот этак этому подобно
тебя сожму“, — сказав и взяв и сжав и (что-то) раскрыл».

«„Если ты меня перенесешь, то переноси; если (же) ты меня
не перенесешь, то я тебя вот этак сожму“, — сказал он и (потом),
взяв и сжав (кусок), его раскрыл».

(Из бжедужской сказки „Великан и старичок“.)

Во всех приведенных нами условных предложениях реального периода, как мы видим, употребляются все времена за исключением будущего второго с оттенком предположения (например, «сыклонмэ» — „если я пойду“

можно сказать только со вспомогательным глаголом «сыклонмэ шлэ?» в значении вопроса „может быть я пойду?“), а также за исключением всех условных времен. В главном предложении реального периода также употребляются все времена за исключением условных.

Нереальный условный период отличается от реального только употреблением времен. Это можно видеть из следующих примеров:

«Тиконсервативнэ товарищ зауламэ кыызэрагъэлъагъорэм фэдэу наукар щытыгъэмэ, цыфыхэмклэ ар ладжи шагъэу клодыжьыгъэу щытынгъэ».

„Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества“.¹

Электроток шылагъэмэ || шылагъэмэ, тыгъуасэ остыгъэр блэнгъэ.
Электроток если бы был, то лампа вчера горела бы.

Электроток шылагъэмэ, тыгъуасэ остыгъэр блэнгъи || блэни.
Электроток если бы был, то и горела бы вчера лампа.

Электроток шылагъэмэ, остыгъэр блэнгъагъэ.
Электроток шылэщтыгъагъэмэ, остыгъэр блэнгъагъэ.
Электроток если бы (тогда давно) был, лампа горела бы.

Электроток шылагъагъэмэ, остыгъэр блэнгъагъэ.
Электроток если бы (тогда давно) был, лампа (тогда давно) горела бы.

Неуц электроток шылагъэмэ, остыгъэри блэщтгъэ.
Завтра ток если бы был, и лампа (завтра) горела бы.

Неуц электроток шылэщтгъэмэ || шылэщтгъэмэ, остыгъэри блэщтыгъэ.

Завтра электроток если бы был, то и лампа горела бы.

Тыгъуасэ городым уклогъагъэмэ, сэри бэу сыбдэклонгъагъи.
Вчера в город если бы ты поехал, поехал бы (с удовольствием) и я с тобой.

Тыгъуасэ городым уклогъагъэмэ, сэри сыбдэклонгъагъэ.
Вчера в город если бы ты поехал, то и я с тобой поехал бы.

Тыгъуасэ городым уклогъагъэмэ, сэри сыбдэклонгъагъэ.
Вчера в город если бы ты поехал, то и я с тобой поехал бы.

Тыгъуасэ городым уклощтгъагъэмэ, сэри сыбдэклощтгъагъи.
Вчера в город если бы ты поехал, то и я с тобой поехал бы.

Городым уклощтгъагъэмэ || уклощтгъагъэмэ, сэри сыбдэклощтгъагъэ.
В город если бы ты поехал, и я с тобой поехал бы.

Неуц городым уклощтгъагъэмэ, сэри сыбдэклощтгъэ.
Завтра в город если бы ты поехал, то и я с тобой поехал бы.

Неуц городым уклощтгъагъэмэ, сэри (бэу) сыбдэклонгъагъи.
Завтра в город если бы ты поехал, то и я (с удовольствием) с тобою поехал бы.

Таким образом, мы видим, что все четыре условных времени употребляются в нереальном условном периоде. Однако в связи с суффиксом «-гъэ» и в придаточном предложении мы обычно имеем тот же суффикс, а в связи с суффиксом «-гъагъэ» — и в придаточном суффикс «-гъагъэ». В употреблении времен существует еще следующая разница. Два условных времени с суффиксами «-н-гъэ -н-гъа-гъэ, -н-гъ-и, -н-гъа-гъ-и», т. е. образованные от будущего второго употребляются только

¹ Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 502.

в главном предложении условного периода. Два других условных времени, образованные от будущего первого, т. е. с суффиксами «-шт-гъэ, -шт-гъа-гъэ, шт-гъ-и, -шт-гъа-гъ-и» могут употребляться как в главном, так и в придаточном предложении нереального условного периода. При этом все четыре условных времени главного предложения (с суффиксами «-н-гъэ, н-гъа-гъэ, -шт-гъэ, шт-гъа-гъэ») не определяют собою собственно временного оттенка. Они могут обозначать как прошедшее время, так и будущее. Временное значение зависит от того, какое время употреблено в условном придаточном предложении. Если в условном придаточном предложении нереального периода стоят условные времена с суффиксами «-шт-гъэ-мэ, шт-гъа-гъэ-мэ, -шт-гъэ-е-мэ, -шт-гъа-гъэ-е-мэ» (т.е. времена, образованные от будущего первого), то всякое условное время в главном предложении получает по преимуществу значение будущего.

В придаточном предложении нереального условного периода могут употребляться следующие времена: прошедшее совершенное (перфект) с суффиксом «-гъэ-мэ», чаще всего со вставкой суффикса «-е»: «-гъэ-е-мэ»; давно прошедшее время (плюсквамперфект) с теми же суффиксами условности «-гъа-гъэ-мэ, -гъа-гъэ-е-мэ»; первое условное время с суффиксом «-шт-гъэ-мэ, -шт-гъэ-е-мэ» (сходное с прошедшим несовершенным) и образованное от него второе условное время с суффиксом «-шт-гъа-гъэ-мэ, -шт-гъа-гъэ-е-мэ». Оба последних условных времени в придаточном предложении условного периода получают значение только будущих времен. Придаточные же формы двух прошедших времен употребляются безразлично, в значении как прошедшего, так и будущего. Другие возможные формы см. в таблицах (стр. 198 и сл.).

Что касается оттенков значения четырех условных времен главного предложения нереального периода, а также различия в значении между двумя возможными формами всех времен (с суффиксами «-гъэ-мэ, -гъэ-е-мэ, гъагъэмэ, -гъагъээмэ») и двумя формами будущих времен (с суффиксами «-штгъэмэ, -штгъээмэ, -штгъагъэмэ, -штгъагъээмэ») придаточного предложения, то установить это различие сейчас довольно трудно, хотя, несомненно, в языке оно первоначально и существовало. Мы можем здесь лишь отметить, что двойной суффикс «-гъа-гъэ» придает значение большей отдаленности времени (в прошлом или будущем). Третье и четвертое условные времена, образованные от будущего второго (суффиксы «-н-гъэ, -н-гъа-гъэ»), повидимому, имеют, как и будущее второе, оттенок значения предполагаемой нереальности, а также подчеркнутой нежелательности (но необходимости) или, наоборот, желательности действия, что может быть передано по-русски прибавлением слов „предполагал бы“, „с удовольствием“, „нужно было бы“ и т.д. Первое и второе условные времена, как и будущее первое, от которого они образованы (суффиксы «-штгъагъэ, -штгъэ»), имеют значение скорее фактической нереальности. В качестве примеров мы можем привести:

Зыбгъэхъэзэрыгъэмэ, (бэу) тыбдэклонгъи.

Если бы ты приготовился, то мы (с большим удовольствием || великолепно) поехали бы с тобой.

Зыбгъэхъэзэрыгъагъэмэ, (бэу) тыбдэклонгъагъи.

Если бы ты (тогда давно) приготовился, то мы (с большим удовольствием) поехали бы с тобой.

В обоих примерах выражен оттенок желательности, удовольствия.

Неущ городым укшштгъэмэ, сэри сыбдэкшштгъэ.

Завтра в город если бы ты поехал, то и я с тобой поехал бы.

Городым уклогъагъээмэ, сэри сыбдэкшштгъагъэ.

В город если бы ты (потом, долгое время спустя) поехал, то и я с тобой поехал бы.

В обоих этих предложениях подразумевается фактическая нереальность, т. е. говорящий уверен в том, что тот, к кому он обращается, завтра в город не поедет.

Несомненно, что отмирающие оттенки значения всех указанных форм, которые в настоящее время в литературном языке употребляются почти как равнозначные, нуждаются в дальнейшем исследовании.

Придаточные уступительные образуются в адыгейском языке несколькими способами. Если мы имеем реальное уступительное предложение, т. е. такое, которое выражает реальный факт, то оно может быть образовано или описательно с помощью союза (послелога) «шъхъаклэ» — „хотя..., (но) не...“, или специальными придаточными формами (см. ниже):

Бэрэ Иоф сшлагъэ шъхъаклэ, джыри сыпшыгыгъэп.

Хотя я долго работал, (но) еще не устал.

Бэрэ Иоф сэшлэ шъхъаклэ, сыпшыгырэп.

Хотя я долго работаю, (но) не устаю.

Бэрэ Иоф сшлэшт шъхъаклэ, сыпшыгыштэп.

Хотя я буду долго работать, (но) не устану.

Бэрэ Иоф сшлагъэп шъхъаклэ, сыпшыгыгъ.

Хотя я долго не работал, (но) устал.

Лъэшэу сычъыештыгъэ шъхъаклэ, шлэхэу сыкъэушыгъ.

Хотя я крепко спал, но быстро проснулся.

Приведенные нами примеры показывают, что выраженные этим способом уступительные предложения, собственно, не имеют формы придаточного предложения. Сказуемое как в первом, так и во втором предложении имеет одинаковую форму, — такую, которая употребляется обычно в главных предложениях. Поэтому в адыгейском языке можно считать такое уступительное предложение частью елочно-сочиненного предложения, в котором служебное слово (союз) «шъхъаклэ» играет, собственно, ту же роль, что и русский союз „но, однако“.

В более редких случаях в адыгейском языке употребляются для выражения уступительного предложения специальные суффиксы предиката «-м-и» или «-к|-и» (последний при другом подлежащем и при отрицании в главном предложении). Эти суффиксы присоединяются непосредственно к окончаниям наклонений и времен (за исключением условных). В главном предложении в этом случае употребляются все времена за исключением условных. По-русски такие придаточные формы передаются с помощью союзов («-ми») — „если...и..., если даже...и...“, „хотя... и ...“; («к|-и») — „если (даже)... и..., то... не...“:

Клоштыгъэми, кысилоштыгъэп.

Если он и ходил, он мне не говорил.

Упшыгыгъэми, зэлуклэм укъэклон фае.

Если даже ты и устал, ты (все-таки) должен притти на собрание.

Сымэджагъэми, иоф ыгъэылъыгыгъэп.

Если он и заболел, то он не бросил работу.

Если даже он и заболел, то он не бросил работу.

Уельэлуми || уельэлуки, кыуитыштэп.

Если ты его и попросишь, он все равно не даст.

Суффикс «-м-и» состоит из окончания «-мэ» условной формы придаточного сказуемого „если...“ (о ней см. выше, стр. 127) и союзного суффикса «-и» со значением „и“. Таким образом, составной суффикс «-ми» буквально обозначает „если и..., если даже...“, следовательно, по своему происхождению эта форма реальных уступительных предложений тесно связана с условной.

Наконец, в еще более редких случаях употребляется суффикс «-зэ» или описательная форма со словом «пэт-зэ» в уступительном значении:

Седжагъзэ, Иофшэныр ыгъэлыгыгъэп.

Хотя я позвал его, (все-таки) он работу не бросил.

Седжэ пэтзэ, дафорэп, Иоф ыгъэлыгъэрэп.

Хотя я зову его, (все-таки) он не слушает и работу не бросает.

Къызэрэкшоцтыр пшлэзэ || пшлэ пэтзэ, лъыогъакло.

Хотя ты знаешь, что он придет, (но все-таки) ты за ним посылаешь.

Описательная форма со словом «пэтзэ» употребляется со всеми временами, а суффикс «-зэ» в уступительном значении редко употребляется с настоящим временем.

Суффикс «-зэ» происходит, по всей вероятности, от числительного «зэ» — „раз, один раз“, которое употребляется также в значении наречия „наконец, ... же наконец“. Поэтому уступительным предложениям, образованным с помощью этого суффикса, свойственен некоторый оттенок возмущения. Этот суффикс присоединяется непосредственно к такой форме сказуемого, которая служит предикатом в главном предложении.

Реальные уступительные предложения, соответствующие русским с союзом „несмотря на то, что...“ передаются по-адыгейски также описательно — с помощью прибавления слов «нахь мышлэми», что буквально можно перевести: „(ничего) более хотя не сделалось || не было, (как только то, что)...“:

Къэмыкшонэу эслуагъэ нахь мышлэми, ащ пае къэмынэу къэклуагъ.

Несмотря на то, что я ему сказал, чтобы он не приходил, он все-таки пришел.

Буквально: Чтобы не приходил, я ему сказал, несмотря на то, что, — он из-за этого не оставаясь, пришел.

Непэ бэрэ Иоф тшлагъэ нахь мышлэми, зыкли тыпшгыгъэп.

Несмотря на то, что мы сегодня много работали, мы ничуть не устали.

Нереальные уступительные предложения выражают предположение или возможность, но не реальный факт, т. е. обычно нечто противоположное тому, что существует в действительности. Уступительная придаточная форма здесь имеет составной суффикс «-м-и», присоединяемый к окончаниям условных наклонений и времен. Таким образом, этот вид уступительных предложений отличается от реального лишь формой времени сказуемого главного и придаточного предложений.

Как и в нереальном условном периоде, в этом случае употребляются исключительно условные времена в качестве сказуемого как главного, так и придаточного предложений:

Тыгъуасэ уеджэгъагъэми || уеджэгъагъэкли, къыбгурьшонгъэп.

Если бы даже ты вчера и прочел, ты бы не понял.

Буквально: Если бы даже ты вчера и прочел, (то) тебе было бы непонятно.

Неуц уеджэцтгъэми || уеджэцтгъээкли, къыбгурьшоцтгъэп.

Если бы даже ты завтра и прочел, ты бы не понял.

Джыдэдэм уеджагъэми || уеджагъээкли, къыбгурьшонгъэп.

Если бы даже ты сейчас и прочел, ты бы не понял (будущее время).

Тыгъуасэ къыуамылуагъэми, пшлэнгъи.

Если бы даже тебе вчера и не сказали, ты бы знал || понял.

Употребление условных времен в главном предложении в этих случаях подчинено тем же правилам, что и употребление тех же времен в главном предложении условного периода (об этом см. ниже). Отличается

же нереальный уступительный период от нереального условного (при полном совпадении их по форме) тем, что в нереальном уступительном периоде одно из двух предложений (главное или придаточное) должно иметь отрицательную форму сказуемого.

Придаточные предложения, выражающие дополнение при глаголах со значением „говорить, ощущать, сознавать“. Перед глаголами, имеющими значение „говорить“ [например, «Io» — „говори, сообщай излагай“; «едж» — „читай“; «тхы» — „пиши (нечто)“; «хэут» — „печатай“ и т. д.], „ощущать“ («лъэгъу» — „видь, находи, полагай“; «зэхэх» — „слышь, узнавай“; «къыч|эк|ын» — „кажется, наверное“; «гугъэ» — „думай, предполагай, чувствуй, надейся, кажется“ и т. д.) и „сознавать“ (например, «ш|э» — „знай, помни, будь уверен, известно“; «зыгурыгъалу» — „понимай“; «зэхэш|ык|» — „знай, понимай“; «щыгугъ» — „надейся“ и т. д.), употребляется особая форма для выражения тех придаточных предложений, которые по-русски передаются с помощью союза „что“.

Къыщэфэу, еIo.

Что он (вообще) покупает,
он говорит.

Ар стахановцэ хьунэу, еш|э.
Что он станет стахановцем,
он знает.

ЕджакIo кIoнэу, мэугъэ.
Что он поедет учиться, он
думает.

Газет еджэу, сэльэгъу.
Что он газету читает, я
вижу.

Буквально: Газету читающим его
я вижу.

Ударник ухьугъэу, етхы.
Что ты стал ударником, он
пишет.

«Чылэмк|э плъэээ, лъэс закъо горэ къыдэк|ыгъэу къакIoу ылъэгъугъ».

„По направлению к аулу смотря, пешего одного какого-то вышедшим, сюда идущим он увидел“.

„Посмотрев в сторону аула, он увидел, что какой-то (человек, шедший) пешком, вышел (из аула) и идет сюда“.
(Из бжедужской сказки.)

Из этих примеров видно, что придаточное предложение в таких случаях представляет собою по значению, собственно, объект по отношению к сказуемому главного предложения. Однако в адыгейском языке форма придаточного сказуемого в этих случаях отличается от объектной придаточной формы, которая оформляется с помощью суффикса «-р, -м» (см. стр. 112; 158—4). Кроме того, такая же придаточная форма в адыгейском языке может быть употреблена и в том случае, когда сказуемое в главном предложении выражено непродуктивным (непереходным) глаголом (ср. «гугъэ, едж, щыгугъ» и т. д.).

Следовательно, мы должны признать, что в этих случаях в адыгейском языке не имеется, собственно, объектного придаточного предложения. Придаточная форма в нем образуется с помощью суффикса «-эу, -у», — того же, который служит и для образования деепричастия настоящего времени. По своему происхождению этот суффикс восходит к суффиксу превратительного дополнения (см. стр. 67). Следует отметить, что и в русском языке здесь имеется особая форма объектного придаточного пред-

ложения, при которой „что“ имеет значение не относительного местоимения, а относительного союза, ср.:

„Я вижу, что ты написал“.

„Я вижу (то), что ты написал“.

Второе из этих предложений имеет в русском языке в своем составе настоящее объектное придаточное.

В рассматриваемом здесь значении придаточная форма с суффиксом «-эу, -у» может быть образована от любого из адыгейских времен:

Къыщэфэу еЮ.

Что покупает, он говорит.

Къыщэфыгъэу еЮ.

Что он купил, он говорит.

Къыщэфыгъагъэу еЮ.

Что он (тогда давно) купил, он говорит.

Къыщэфыщтыгъэу еЮ.

Что он покупал, он говорит.

Къыщэфынэу еЮ.

Что купит, он говорит.

Къыщэфыщтгъэу еЮ.

Что он купил бы, он говорит.

Къыщэфыщтгъагъэу еЮ.

Что он купил бы, он говорит.

Къыщэфынгъэу еЮ.

Что он купил бы, он говорит.

Къыщэфынгъагъэу еЮ.

Что он купил бы, он говорит.

Точно так же и сказуемое главного предложения может в этих случаях изменять форму времени:

Къыщэфэу, еЮ.

Что он покупает, он говорит.

Къыщэфэу, ыЮщт.

Что он покупает, он скажет.

и т. д.

Таким образом, времена придаточного сказуемого в этом случае употребляются независимо от времен сказуемого главного предложения.

Для выражения тех же придаточных предложений в адыгейском языке изредка употребляется на ряду с суффиксом «-эу, -у» также суффикс «-кIэ». Придаточная форма с этим суффиксом может употребляться только в связи с немногими глаголами — сказуемыми главного предложения. Так, например, в связи с глаголом «гугъэ» — „думай“, „надейся“, можно параллельно употреблять как придаточную форму с суффиксом «-эу, -у», так и форму с суффиксом «-кIэ».

ЗэкIэ ышIэу || ышIэкIэ мэгугъэ.

Что он все знает, он думает.

Къыщэфынэу || къыщэфынкIэ мэгугъэ.

Что он купит, он надеется.

Къыщэфыгъэу || къыщэфыгъэкIэ гугъэщтыгъэ.

Что он купил, он думал

и т. д.

Так как придаточная форма с суффиксом «-эу, -у» употребляется и в значении русского деепричастия настоящего времени для выражения адыгейских придаточных предложений обстоятельства времени (см. выше стр. 117), то придаточные предложения времени могут по форме совер-

шенно совпадать с данными. Это бывает только в немногих случаях, а именно тогда, когда сказуемое как в главном, так и в придаточном предложениях употребляется в форме настоящего времени перед глаголами со значением „говорить, ощущать, сознавать“.

Ыльэгъоу ею.

Что видит его, он говорит.

Видя его, он говорит.

Уильэгъоу рею.

Что видит тебя, он ему говорит.

Видя тебя, он ему говорит.

и т. д.

Итак, это совпадение возможно только в придаточной форме, выражающей настоящее время. При других временах придаточного сказуемого временные придаточные предложения резко отличаются от других типов.

Хотя в форме будущего времени и есть совпадение данной формы с придаточной формой предложений цели, однако эти две формы отличаются друг от друга по сказуемому главного предложения. Придаточные цели в форме будущего времени с суффиксом «-нэу» обычно мало употребительны при глаголах со значением „говорить, ощущать и сознавать“, в то время как придаточные рассматриваемого нами типа, наоборот, невозможны при всех остальных глаголах:

Придаточные предложения при глаголах: „говорить, ощущать, сознавать“

Къыщэфынэу ею.

Что он купит, он говорит.

Къыщэфынэу ылуагъ.

Что он купит, он сказал.

Улэжьэштэу ею.

Что ты будешь работать, он говорит.

Улэжьэштэу рею.

Что ты будешь работать, он ему говорит.

и т. д.

Придаточные предложения цели

Къыщэфыным пае, ею.

Для того, чтобы купить, он говорит.

Къыщэфынэу макло.

Чтобы купить, он идет.

Къыщэфынэу клуагъэ.

Чтобы купить, он пошел.

Но: Улэжьэнэу дэгущыла.

Чтобы ты работал, он с ним разговаривает.

Сылэжьэнэу къысею.

Чтоб я работал, он мне говорит.

Таким образом, значение придаточного предложения цели строго разграничено с другим значением, несмотря на полное совпадение формы придаточного сказуемого в обоих случаях. Это разграничение определяется реальным значением сказуемого главного предложения. Все адыгейские глаголы сказуемого здесь делятся как бы на две группы: глаголы, имеющие значение „говорить, ощущать, сознавать“, с одной стороны, и все остальные глаголы, с другой.

Кроме придаточной формы с суффиксом «-эу, -у», при глаголах „говорить“, „чувствовать“ и „сознавать“ употребляется еще ряд форм: с префиксом «зэрэ-, зэра-», описательная форма с суффиксом «-эу, -у» и вспомогательной придаточной формой «зэрэщытыр» и т. д. При этом следует отметить, что между подробно здесь разобранный придаточной суффиксальной формой и последними двумя префиксальными формами имеется разница в оттенках значения. Подробнее об этом см. в отделе косвенная речь (стр. 138 и сл.) и в табл. III, 14. Здесь же мы ограничимся несколькими примерами:

Маклоу сэльэгъу.

Что он идет, я вижу.

Зэрэклорэр, альэггугъ.

Что он ходит, увидели.

Бэрэ клоу (диал. маклоу) зэрэщытыр, альэггугъ.

Что часто (много) он ходит, видят.

Клоу (диал. маклоу) альэггущтыгъ.

Буквально: Идущим его видели.

Что он шел, видели.

Клоу альэггугъ.

Буквально: Идущим его увидели.

Что он пошел, увидели.

Клоу альэггущт.

Буквально: Идущим его увидят.

Что он пойдет, увидят.

Зэрэклорэр альэггугъ.

Что он ходит, видят.

Клоу зэрэщытыр, альэггугъ.

Буквально: Что он пойдущим является, видят.

Т. е.: Они видят, что он является идущим.

«Мыщ фэдэ обстановкэм восстание жьэплэтыным — ащ картым зэклэ ибггэуцоныр кьеклы. Ау Лениныр риск ышыным щыщынэщтыггэп, сыда плэмэ, восстаниер шлокыплэ имылау кьэхьун зэрэфаер, восстаниер зэрэтеклоштыр, империалистскэ заом иухын восстанием Россием кьызэрэщиггэхьэзэрыштыр, Россием щыхьурэ восстанием Западым имассэхэу кьинышхо зытельхэр кьызэриггэбырысырыштыр, Россием щыхьурэ восстанием империалистскэ заор гражданскэ заоу зэришыштыр, восстанием Совет Республикэр кьызэритыштыр, Совет Республикэр зэклэ дунаим иреволюционнэ движением иоплотэу зэрэхьуштыр, Лениным ышлэщтыггэ, ишлэ-нэфэрыльэггуклэ ыльэггущтыггэ».

„Поднять восстание в такой обстановке — это значит поставить все на карту. Но Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание победит, что восстание в России подготовит конец империалистской войны, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистскую в войну гражданскую, что восстание даст Республику советов, что Республика советов послужит оплотом революционного движения во всем мире“.¹

«Ау рабочэхэмэ ащышэщтыггэ ыкли агу клодыштыггэп, сыда плэмэ, нахь зэман дэггухэр кьызэрэклоштэу ыкли зэклэ зэшлозыхьурэ ггэхьэныггэхэр кьызэрэдахыштыр, ахэмэ ашлэщтыггэ».

„Но рабочие терпели и не унывали, ибо они знали, что придут лучшие времена и они добьются решающих успехов“.²

Прямая и косвенная речь. Прямой речью называется такая передача слов другого лица, при которой сохраняется полностью та форма, в которой эти слова были произнесены другим лицом. В этом случае в адыгейском языке, как и в русском, прямая речь заключается в кавычки и передается без всяких изменений ее формы. В отличие от русского, так называемое вносное предложение при прямой речи, т. е. слова: „говорит, сказал такой-то“, предпочтительнее ставить после прямой речи, но оно может быть поставлено также и в середине ее. Сказуемое этого главного предложения при прямой речи „говорит, сказал и т. д.“

¹ Сталин. О Ленине. Ленин — Сталин. Избранные произведения в одном томе. Л., 1936, стр. 8.

² Сталин. Речь на первом съезде колхозников-ударников, там же, стр. 613.

обычно ставится непосредственно после прямой речи, а подлежащее — название говорившего лица — помещается вслед за сказуемым. Если прямая речь представляет собою небольшой отрывок или одно предложение, то название лица говорящего может быть поставлено перед прямой речью, а слова „сказал, говорит“ и т. д. после нее. Такой порядок расстановки, повидимому, был наиболее употребительным в живом разговорном адыгейском языке до развития в нем литературных форм. Приведем примеры:

«Кадрэмэ, — ыуагъ Сталиным, — зэкIэ зэшIуахы».

«Кадрэмэ зэкIэ зэшIуахы», — ыуагъ Сталиным.

„Кадры решают все“, — сказал Сталин.¹

Сталиным — «Кадрэмэ зэкIэ зэшIуахы», — ыуагъ.

„Кадры, — сказал Сталин, — решают все“.

«Лениным, тиучительшхо, ылоштыгъ: „Мылажьэрэр — шхэрэп“».

«Ленин, наш великий учитель, говорил: „Кто не трудится, тот не ест“».²

Лениным — «Мылажьэрэр — шхэрэп», — ылоштыгъэ.

«Мылажьэрэр — шхэрэп», — ылоштыгъэ Лениным.

„Кто не работает, тот не ест“, — говорил Ленин.

Маркс «... ылоштыгъэ: „Цыфхэу саужкIэ коммунистическэ пропагандэр везыхьэштхэр, сэ згъэхьэзэрынхэ фаэ“».

Маркс „... говорил: «Я должен подготавливать людей, которые после меня будут продолжать коммунистическую пропаганду»“.³

«Революционнэ теориенчъэу, — ылоштыгъэ Лениным, — революционнэ движенин шыIэн ыльэкIыштгэп... бэнэкIо пэрытым ироль зыгъэцэкIэн зылъэкIыштыр, партиену теорие пэрытыр зипащэу шытыр ары ныIэп».

„Без революционной теории, — говорил Ленин, — не может быть и революционного движения... роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией“.⁴

Вот пример из адыгейского фольклора:

«„Адэ, сэ лэгъуп жъые цыкIумкIэ схъэу сыпылъын слъэкIыштгэп“, — зелом, — „Ашъыу хы уатIорэп, типсыхъо хъарзынэ умыгъэкIоди ары. О кIо кIожь, тэ ар къэтхьышт“, — алуи, лэгъупышхом изэу иныжъмэ къахы, къэкIожьыгъэх, лыжь цыкIури апэ итэу къэкIожьыгъ».

«„Ну, я котлом малым маленьким (ее) неся возиться я не смогу“, — когда сказал: „Ведь же — неси — тебе мы не говорим, нашу реку прекрасную не губи (только). Ты иди, вернись, мы его принесем“, — они сказав, котел большой полным великаны принесли и потом вернулись и старичок их впереди стоя вернулся».

«Когда (старичок) сказал: „Не могу я возиться с (вашим) маленьким котелком“, — великаны ответили: „Ведь мы тебе не говорили, чтобы ты нес, (пожалуйста,) не губи только нашу прекрасную реку. Ты возвращайся, а мы его (сами) донесем“. Когда с огромным полным котлом великаны вернулись, идя впереди их, возвратился и старичок“».

(Из народной бжедужской сказки „Великан и старичок“.)

¹ См. Сталин. Речь на выпуске академиков Красной Армии. Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 491.

² Сталин. Речь на первом съезде колхозников-ударников. Ленин — Сталин. Избранные произведения в одном томе. Л., 1936, стр. 616.

³ Лафарг. Воспоминания о Марксе. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, Л., 1934, стр. 59.

⁴ См. Ленин. „Что делать?“, Соч., т. IV, Л., 1935, стр. 380—381.

Другой способ, при котором прямая речь тоже сохраняет полностью форму главного предложения, заключается в том, что в конце этой прямой речи вставляется слово «ыуи» или «ыюти» и т. д. Это слово по форме представляет собой придаточную форму предложения времени (предшествования во времени, см. стр. 119) и образовано от глагола «Юн» — „говорить“. Оно буквально обозначает „сказав“ или „говорив“. В данном употреблении слова «ыуи», «ыюти», «юи» и т. д. потеряли свое реальное значение и превратились в служебные слова, употребляемые для передачи прямой речи, т. е. в своего рода союзы, при помощи которых прямая речь связывается с главным предложением. Этот способ передачи прямой речи применяется в литературном языке реже, чем первый, но он широко распространен в живом разговорном языке и в фольклоре. Здесь он придает прямой речи стилистический оттенок большей торжественности, убедительности. Приведем примеры на возможный в данном случае различный порядок расположения прямой речи и вводного главного предложения:

«„Тэ укlorэ?“ — ыуи, кьеупчлыгъ клалэр».

«„Куда идешь?“ — сказав, его спросил юноша».

«Юноша спросил его: „Куда идешь?“ (сказав)».

(Из бжедужской сказки „Сын ворона“.)

«„Сыздащ — Юи ельэу, уздимыщэнэу фежъэшт, арышьхьаклэ ушломькл“, — ыуи кьыр Юагъ».

«„Меня с собою повези“, — скажи и попроси; тебя с собою не повезти соберется, но ты не отставай“, — сказав, ему он сказал».

«Он сказал ему: „(Ты) попроси — „Возьми, дескать, меня с собой“, если он не захочет взять (тебя с собой), ты не отставай“ (сказав)».

(Из бжедужской сказки „Сын ворона“.)

«Кадрэмэ зэклэ зэшлуахы» ыуи, — Сталиным ыуагъ.

«Кадры решают все» (сказав), — сказал Сталин.

«Кадрэмэ, — ыуагъ Сталиным, — зэклэ зэшлуахы» ыуи.

«Мылажьэрэр — шхэрэп» ыюти, — Лениным ыюштыгъ.

«Кто не работает, тот не ест» (говорив), — говорил Ленин.

«Мылажьэрэр, — ыюштыгъ Лениным, — шхэрэп» ыюти.

«Зэклэ джы нэсклэ шылэгъэ обществэмэ яисторие классмэ язэбэныныгъэ историеу шытыгъ», — алуи Марксрэ Энгельсрэ Коммунистическэ партием и Манифесты ратхагъ.

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (сказав), — писали Маркс и Энгельс в Манифесте Коммунистической партии.¹

«Зэклэ джы нэсклэ шылэгъэ обществэмэ яисторие, — Марксрэ Энгельсрэ Коммунистическэ партием иманифесты ратхагъ, — классэмэ язэбэныныгъэ историеу шытыгъ» алуи.

«История всех до сих пор существовавших обществ, — писали Маркс и Энгельс в Манифесте Коммунистической партии, — была историей борьбы классов» (сказав).

По образцу этой же формы может быть иногда построена и косвенная речь (см. ниже):

«Большевик-пэщэ шыпкьэхэу хьун зылькышт закьохэр руководительхэу рабочэхэр ыкли мэкьу-мэщышлэхэр агьэсэнхэ зэралэ»

¹ См. Маркс и Энгельс. Манифест Коммунистической партии, М., 1938, стр. 22.

кырым имызакъоу, ау ахэмэ зязгъэгъэсэни зыльэкыхэрэр ары,
ылоты Лениным тигъасэщтыгъэ».

„Ленин учил, что настоящими руководителями-большевиками могут быть только такие руководители, которые умеют не только учить рабочих и крестьян, но и учиться у них“.¹

Косвенной речью называется такая передача слов другого лица, при которой его слова передаются не в той форме, в которой они были им сказаны, а в форме придаточного предложения, главным к которому служат слова „говорит, сказал, пишет и т. д. такой-то“:

Мы пальтор магазинэ иным кызэрэщищэфыгъэр, кысиуагъ.

Он сказал, что это пальто (он) купил в большом магазине.

Мы пальтор магазинэ иным кыщищэфыгъэу зэрэщытыр, кысиуагъ.

Он сказал, что это пальто является купленным в большом магазине.

Тхыльхэр кызчыхыгъэ библиотекэр — библиотекэ дэгъоу зэрэщытыр,
кысиуагъ.

Буквально: Библиотека, откуда он взял книги (о том), что является хорошей библиотекой, сказал он мне.

Он сказал мне, что библиотека, из которой он взял книги, является хорошей.

Тхыльхэр кызчыхыгъэ библиотекэр — зэрэбиблиотекэ дэгъур кысиуагъ.

Буквально: Библиотека, откуда он взял книги (о том), что библиотека хорошая есть, он сказал мне.

Он сказал мне, что библиотека, из которой он взял книги, — хороша.

Тхыльхэр кызчыхыгъэ библиотекэр — дэгъоу зэрэщытыр, кысиуагъ.

Буквально: Библиотека, откуда он взял книги (о том), что хорошей является, он сказал.

Зымакъэ къэлугъэр, аэропланэу зэрэщытыгъэр, сигъусэ кысиуагъ.

Буквально: Чей шум слышен, аэропланом (о том), что являлось, мой товарищ сказал.

Мой товарищ сказал, что то, чей шум был слышен, являлось аэропланом.

Зымакъэ къэлугъэр, зэрэаэропланыгъэр, сигъусэ кысиуагъ.

Буквально: Чей шум слышен (о том) что аэроплан был, мой товарищ сказал.

Мой товарищ сказал, что то, чей шум был слышен, было аэропланом.

Цыфыр общественнэ псэушъхъэу зэрэщытыр, наукэм къею.

Буквально: Человек общественным животным о том, что является, наука говорит.

Т. е.: Наука говорит о том, что человек является общественным животным.

Цыфыр зэрэобщественнэ псэушъхъэр, наукэм къею.

Буквально: Человек общественное о том, что животное, наука говорит.

Т. е.: Наука говорит о том, что человек — общественное животное.

Из этих примеров видно, что в адыгейском языке существует три различных способа передачи косвенной речи.

¹ Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 505.

В литературном языке наиболее употребителен описательный способ, при котором в конце косвенной речи вставляется слово «зэрэщытыр», а сказуемое косвенной речи оформляется суффиксом «-эу, -у», т. е. становится превратительным дополнением. Слово «зэрэщытыр» представляет собою, собственно, придаточную форму от глагола «щытын» — „находиться, стоять в каком-нибудь месте“ и буквально обозначает „... что он является...“ В этом употреблении форма «зэрэщытыр», впрочем, потеряла всякое реальное значение и превращается просто в служебную частицу, применяемую для связи косвенной речи с главным предложением (примеры см. выше).

Второй способ передачи косвенной речи заключается в том, что ее сказуемое передается простой придаточной формой с префиксом «зэрэ-» и суффиксом «-р». Эта форма может быть образована как от глагольного, так и от именного сказуемого. Например, выше мы приводили „къы-зэрэщыщэфыгъэр» — „о том, что он купил; что он купил“. В этом случае придаточная форма образована от соответствующего глагольного сказуемого «зэрэбиблиотека дэгъур» — „о том, что хорошая библиотека; «зэрэобщественнэ псэушьхъэр» — „о том, что общественное животное, что общественное животное“. Здесь придаточная форма образована по образцу глагольной от соответствующих именных сказуемых (примеры см. выше).

Оба перечисленные нами способа передачи косвенной речи применимы тогда, когда ее содержание является бесспорным, соответствующим действительности. Если же содержание косвенной речи считается или частным мнением отдельного лица, или мнением спорным, или неверным, не соответствующим действительности, то в адыгейском языке употребляется третий способ передачи косвенной речи. Этот третий способ заключается в том, что сказуемое косвенной речи приобретает с особой интонацией такую же придаточную форму с суффиксом «-эу, -у», какую имеет придаточная форма сказуемого при глаголах со значением: „говорить, чувствовать, сознавать“. В этой форме с соответствующей интонацией косвенная речь приобретает особый оттенок значения: сомнительности, нереальности, личной выдумки того лица, которое ее говорило. В настоящее время эта форма передачи косвенной речи в литературном языке является мало употребительной, вероятно потому, что в некоторых случаях данная придаточная форма допускает смешение по смыслу с придаточными предложениями времени, выражающими одновременность (ср. стр. 117):

Ыльэгъоу, еЮ.
Что видит, он говорит.

Ыльэгъоу еЮ.
Видя, он говорит.

Однако это смешение происходит только в том случае, когда сказуемое косвенной речи образуется от формы настоящего времени. Во всех остальных временах косвенная речь в этой форме отличается от формы придаточных предложений, выражающих одновременность. Этот третий способ выражения косвенной речи необходимо сохранить и употреблять в литературном языке в тех случаях, когда эта речь приводится как пример классово чуждых по содержанию, неверных или спорных положений, подлежащих критике. По-русски этот оттенок третьей придаточной формы косвенной речи можно передать добавлением слов „мол, де, дескать, будто бы и т. д.“ при сказуемом, в то время как первые две придаточные формы косвенной речи можно было бы уточнить при переводе их на русский язык добавлением слов „действительно, в самом деле“ и т. д. Приведем примеры, показывающие эту разницу:

ЕджакЮхэр мэзым кЮагъэхэу, къытиЮагъ.

Ученики в лес, что мол пошли || что будто бы пошли, он нам сказал.
Т. е.; Он нам сказал, что мол || что будто бы ученики пошли в лес.

Еджаклохэр мэзым зэрэклаугъэхэр, кьытилуагъ.

Ученики в лес о том, что (на самом деле) пошли, он нам сказал.

Т. е.: Он нам сказал, что ученики (на деле) пошли в лес.

Сыклон фаеу кьысилуагъэп.

Что я (по его мнению || дескать) поехать должен, он мне не
сказал.

Т. е.: Он мне не сказал о том, что я (по его мнению || дескать) должен
поехать.

Сыклон зэрэфаер кьысилуагъэп.

О том, что я (действительно) поехать должен || что мне (действи-
тельно) поехать надо, мне он не сказал.

Т. е.: Он мне не сказал о том, что я (действительно) должен || что мне
(действительно) надо поехать.

В литературном языке употребление этих различных форм передачи косвенной речи удобно было бы применять, например, в следующих случаях:

Цыфыр тхьэм кьыгъэхьугъэу, диным ею, ау ар щлы.

Что человек будто бы создан богом, религия говорит, но это —
ложь.

Т. е.: Религия учит, что будто бы человек создан богом, но это — ложь.

Третья форма передачи косвенной речи может быть применена, например, при переводе следующей цитаты из произведений Сталина:

«Апэрэмклэ, зэклэ дунэе масштабым социализмэр шытеклофэ нэсыклэ, а зы государствэм кьыубытрэм ыклоцлыкэ национальнэ зэфэмыдэныгъэхэр клодынхэ фаеу, национальнабзэхэри зыбзэу зэхэхьэнхэ фаеу, Лениным егъашлэми ылощтыгъэп. Лениным ащ ифэшъхьаф, ащ занклэу пыщыт гор ылощтыгъэр, ащ ылощтыгъэ шыпкьэр, „национальнэ ыкли государственнэ зэфэмыдэныгъэхэу народхэмэ ыкли хэгъэгухэмэ ялэхэр... джыри бэрэ ыкли бэдэдэрэ аужыпкьэм пролетариатым идиктатурэ зэклэ дунэе масштабым шыгъэуцугъэу зыхьурэ нэужыми шылэщтых“».

«Во-первых, Ленин никогда не говорил, что национальные различия должны исчезнуть, а национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах одного государства, до победы социализма во всемирном масштабе. Ленин, наоборот, говорил нечто прямо противоположное, а именно, что „национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе“».¹

Следует оговориться, что при некоторых глаголах или их смысловых оттенках, которые в адыгейском языке первоначально относились к глаголам или их значениям с сомнительной или неуверенной семантикой (например, «шлошын» — „казаться“, «лытэн» — „считать“, «гугъэн» — „думать, полагать, предполагать“ и т. д.), единственно или преимущественно употребительной является третья форма придаточного сказуемого (с суффиксом «-эу, -у»). Особенно ярко выявляется эта разница при двух значениях глагола «лэгъун» — „видеть (прямой смысл), считать, думать (переносный смысл)“:

Мор кьызэрэклаугъэр, сэльэгъу.

Что он приехал, я вижу (глазами).

Мор кьэклаугъэу, сэльэгъу.

Что он приехал, я считаю (думаю).

¹ Сталин. Из отчетного доклада на XVI Съезде ВКП(б). Ленин — Сталин. Избранные произведения в одном томе, Л., 1936, стр. 564.

Таким образом, при глаголах, имевших первоначально неуверенную, но в современном языке получивших достоверную семантику, приходится пользоваться только третьей придаточной формой (с суффиксом «-эу, -у»), перенося различие ее достоверного и сомнительного оттенка значения в область интонации или добавления в предложение необходимых слов.

Таким образом, косвенная речь выражается в адыгейском теми же придаточными формами, что и придаточные предложения при глаголах „говорить“, „чувствовать“ и „сознавать“. Те и другие придаточные формы в адыгейском — одного происхождения.

Прямой и косвенный вопросы. Прямой вопрос, как мы видели (см. стр. 22), передается в адыгейском языке специальными суффиксами вопросительных наклонений. Однако, если в предложении употребляются вопросительные местоимения и наречия, то мы имеем другую конструкцию вопросительных предложений в адыгейском языке. В этом случае глагол-сказуемое превращается в причастие и служит в предложении как бы придаточным сказуемым, в то время как сказуемым главного предложения становится вопросительное местоимение или наречие. Суффиксы вопросительных наклонений в этом случае могут присоединиться как к вопросительному местоимению или наречию, так и к глагольному причастию, но употребление этих суффиксов становится не обязательным:

Вопросительное наклонение

Городым оклуа?
В город идешь ли || едешь ли?
Городым ущыла?
В городе живешь ли ты?
Сталиным иречь уеджагъа?
Сталина речь читал ли ты?

Укъэклуагъа?
Приехал ли ты?

Ахъщэ кыуатыгъа?
Деньги тебе дали ли?

Вопросительные местоимения и наречия

Тэ укlorэ? || Тэ укlorа?
Куда ты идешь?
Тэ ущыла? || Тэ ущыла?
Где ты живешь?
Сыд узэджагъэр? || Сыда узэджагъэр?

Что ты читал?
Сыдигъо уккъэклуагъ? || Сыдигъо уккъэклуагъа? || Сыдигъуа уккызыклуагъэр?

Когда ты приехал?
Тхьапш ахъщэу кыуатыгъэр?
Тхьапша ахъщэу кыуатыгъэр?
Сколько тебе денег дали?

Из этих примеров мы видим, что вопросительные предложения в адыгейском языке имеют две различные формы, в зависимости от того, употреблено или не употреблено в вопросительном предложении вопросительное местоимение или наречие.

Косвенным вопросом мы называем такую его форму, при которой вопросительное предложение представляет собой придаточное предложение при главном невопросительном предложении:

Прямой вопрос

Колхозым клуагъа?
Поехал ли он в колхоз?
Мы тхылым уеджагъа?
Эту книгу читал ли ты?

Косвенный вопрос

Колхозым клуагъэмэ, зэгъэшлэгъэн фае.
В колхоз поехал ли он, выяснить надо.
Мы тхылым уеджагъэмэ, зэгъэшлэсплоигъу.
Эту книгу читал ли ты, узнать я хочу.
Хочу узнать, читал ли ты эту книгу.

Письмо фэптхыщта?

Письмо напишу ли я ему?

Делегатэу хэт хэтхына?

Кого выбрать делегатом?

Сыда уаджэщтыгъэр?

Что ты читал?

Из приведенных примеров мы видим, что косвенный вопрос может быть передан в адыгейском языке двумя способами, опять-таки в зависимости от того, имеется ли в вопросительном предложении вопросительное местоимение или наречие, или нет. В том случае, если в прямом вопросительном предложении вопросительное местоимение и наречие отсутствуют и форма вопроса выражена вопросительным окончанием сказуемого, соответственный косвенный вопрос выражается в адыгейском языке придаточной формой сказуемого с суффиксом «-мэ», т. е. с тем же самым окончанием, которое употребляется для выражения придаточных предложений в условном периоде. На ряду с этим косвенный вопрос выражается и повторением соответственной придаточной формы с отрицанием, причем с суффиксом «-м» сливается союзный суффикс «-и»:

Ахьщэ кьысатыщтми-кьысамытыщтми, зылэ ильыр — шьоры.

Буквально: Деньги мне дадут ли и, не дадут ли и, в чьих руках это находится, это — вы.

Это зависит от вас, дадут ли мне деньги или нет.

Если при глаголе «сшлэрэп» — „не знаю“ употребляется по смыслу косвенный вопрос, то, во избежание смешения его по форме с нижеприводимой своеобразной конструкцией при том же глаголе, в качестве придаточной формы сказуемого в косвенном вопросе употребляется вместо суффикса «-мэ» суффикс «-м-и». По-русски этот суффикс переводится также частицей «ли».

Бригадирэу сашыгъэми, сшлэрэп.

Бригадиром меня они назначили ли, я не знаю.

Следует заметить, что тот же суффикс употребляется и в уступительных придаточных предложениях с другим значением „даже если“ (см. стр. 130).

В качестве интересной особенности адыгейского языка следует отметить следующую своеобразную конструкцию, которая имеет место только при глаголе «шлэн» — „знать“, в качестве сказуемого главного предложения:

В нижеследующих примерах звучит особая интонация:

Газет уеджэмэ, сшлэрэп?!

Буквально: Что газету читаешь ли, я не знаю || мне неизвестно.

По смыслу: Ах, оказывается, ты газету читаешь?!

Непэ кьэкьуагъэмэ, сшлэрэп?!

Буквально: Сегодня, что он приехал ли, я не знаю.

По смыслу: Ах, оказывается, он сегодня приехал?!

Бригадирэу сэ сашыгъэмэ, сшлэрэп?!

Буквально: Что бригадиром меня назначили ли, я не знаю.

По смыслу: Ах, оказывается, меня назначили бригадиром?!

Письмо фэптхыщтмэ || фэптхыщтмэ-
фэумытхыщтмэ, кьысау.

Буквально: Скажи мне, напишешь ли ты ему письмо? || Напишешь или не напишешь ты ему письмо?

Письмо ему напишешь ли ты, скажи?

Делегатэу ухэтхыщтми-ухэты-
мыхыщтми, дгъэнэфэгъэхэ.

Выбрать ли нам тебя делегатом или не выбрать, мы уже выяснили.

Уеджагъэми-уемыджагъэми, джы сэшлэ.

Прочитал ли ты, теперь я знаю.

В этих предложениях мы находим придаточную форму, совпадающую с той, которая употребляется в косвенном вопросе. Однако, вследствие изменения значения сказуемого главного предложения «сш1эрэп» — „я не знаю“, весь оборот по смыслу приобретает совершенно своеобразный, свойственный только адыгейскому языку характер. Следует отметить, что во всех этих примерах говорящий удостоверился уже в реальности высказываемого факта, но этот факт является для него неожиданным, и потому весь оборот носит оттенок удивления. Отрицательное по форме предложение превращается здесь почти в реальное утвердительное по смыслу. Интересный пример развития противоположного значения! В качестве параллели к этому случаю можно напомнить и другой пример своеобразного развития значения глагола «ш1э» — „знай“.

Уздэгущы1агъэр председателъмэ ш1э?

Буквально: Тот, с которым ты говорил, что председатель ли, знай?

По смыслу: А может быть, тот, с кем ты говорил, председатель?

Комбайныр ины ош1а?!

Буквально: Комбайн большой, ты знаешь ли?

По смыслу: Ах, комбайн, оказывается, большой?!

В этих примерах мы также видим, что первоначально утвердительная форма сказуемого от глагола „знать“ придает предложению оттенок сомнения, предположения или оттенок удивления от неожиданности: „ах, оказывается...“ Это напоминает развитие русского слова „знать“ в частицу со значением „наверно, оказывается“. Припомним хотя бы Крылова: „Ай Моська! знать она сильна, коль лает на слона“.

Управление падежом одного общего подлежащего придаточного и главного предложений в общем подчиняется тем же законам, что и управление падежом одного подлежащего при нескольких однородных сказуемых разных залогов (см. выше стр. 90):

Шак1ом шхончыр ышти, мэзым шак1о к1уагъэ.

Охотник ружье взял и в лес на охоту пошел.

Шхончыр ышти, шак1ор мэзым шак1о к1уагъэ.

Взяв свое ружье, охотник пошел на охоту в лес.

В последнее время в литературном языке в этих случаях стала употребляться и иная форма согласования, — форма, при которой подлежащее входит в состав только главного предложения и потому отделяется от придаточного запятой:

Шак1ор, шхончыр ышти, мэзым шак1о к1уагъэ.

Охотник, взяв свое ружье, в лес на охоту пошел.

Употребление союзов при однородных придаточных предложениях. Если мы имеем несколько однородных придаточных предложений, т. е. таких, в которых придаточные сказуемые по своей форме совершенно одинаковы, то такие придаточные предложения могут быть связаны между собой как союзными суффиксами «-рэ» и «-и» при придаточных формах сказуемого, так и словом «ык1и». Союзный суффикс «-рэ» употребляется здесь по тем же правилам, по каким он связывает однородные члены предложения, т. е. предшествующий ему суффикс «-р» заменяется через «-м» (см. стр. 102):

Газетэу кысфыхыгъэмрэ журналэу кьэщэфыгъэмрэ статья дэгъу-
хэр арытых.

В газете, которую мне принесли, и в журнале, который я купил,
статьи хорошие имеются.

Газетэу сызэджагъэмрэ / журналэу сызэпльыгъэмрэ библиотекэм
ястыжьыгъэх.

Газету, которую я прочитал, и журнал, который я просмотрел,
я в библиотеку вернул.

Союзный суффикс «-и» употребляется и здесь с сохранением различия суффиксов придаточной формы сказуемого «-р» и «-м»:

Газетэу сызэджагьэри, журналэу сызэплъыгьэри библиотекэм
ястыжьыгьэх.

И газету, которую я прочел, и журнал, который я просмотрел, в библиотеку я вернул.

Газетэу къысфыхьыгьэми, журналэу къэсщэфыгьэми статья дэгьухэр
арытых.

И в газете, которую мне принесли, и в журнале, который я купил,
статьи хорошие имеются.

Наконец, союз „ыкIи“ может быть употреблен при любых окончаниях однородных форм придаточных сказуемых.

Разделительный союз „или“ передается по-адыгейски отдельным словом — союзом «е», который, как и в русском языке, ставится перед тем словом, к которому он относится. Как и по-русски, этот союз или может повторяться перед каждым из слов, которые он разделяет (причем разделительный смысл этим подчеркивается), или употребляется лишь один раз перед последним из слов:

Е фэстхын, е фэслощын.

Я ему или напишу, или передам.

Непэ е театрэм, е кином тыклон.

Сегодня мы пойдем или в театр, или в кино.

Непэ театрэм е кином тыклон.

Сегодня в театр или в кино мы пойдем.

Русское предложение „Я или ты завтра поедем в район“ по-адыгейски следует выразить сложно-подчиненным предложением с двумя однородными сказуемыми в главном:

Неущ районым клоштыр оры е сэры.

Завтра в район поеду я или ты.

Буквально: В район завтра тот, который поедет, — я (есть) или ты (есть).

Неущ районым клоштыр е оры, е сэры.

Завтра в район поеду или я, или ты.

Буквально: В район завтра тот, который поедет, — или я (есть) или ты (есть).

Статьяр зытхыштыр сэры е оры.

Я или ты напишем статью.

Буквально: Статью, который напишет, я (есть) или ты (есть).

«Ау зыштыкIэ, гьогуитIу ныIэп шыIэр: е ыпэкIэ уклон, бгым удэкIоен — колхознэ строикIэм уфэкIон, е узэкIэклон, бгым ебгьэзы-хын — кулацкэ-капиталистическэ строижьым уфэкIожьын. Ящэнэрэ гьогу шыIэп».

„Стало быть, есть только два пути: *либо* вперед, на гору — к новому, колхозному строю, *либо* назад, под гору — к старому, кулацко-капиталистическому строю. Третьего пути нет“.¹

В последнем предложении мы имеем тоже слитное главное предложение, т. е. одно главное предложение с двумя группами однородных членов, соединенными союзом «е» — „либо“.

Сложно-сочиненное предложение мы имеем в адыгейском языке в том случае, когда два или несколько предложений соединены между собою союзами и имеют отдельные сказуемые и подлежащие в той форме, в которой они употребляются в главном предложении. Другими словами, в сложно-сочиненном предложении в адыгейском языке имеются, по край-

¹ Сталин. Речь на первом съезде колхозников-ударников. Ленин — Сталин. Избранные произведения в одном томе. Л., 1936, стр. 612.

ней мере, два сказуемых при разных подлежащих — сказуемых, которые не стоят в придаточной форме. Для связи или для противопоставления двух или нескольких главных предложений в этом случае по-адыгейски употребляются союзы: «ау» — „но“, «нахь» — „но только, а только“, «е» — „или, либо“, а также союзный суффикс «-и» — „и, а также“. Этот союзный суффикс употребляется только при одном из дополнительных слов, обычно второго или вообще последующего сочиненного предложения.

Тэ теджэщтыгъэ, шьори шьуеджэщтыгъэ.

Мы читали, и вы читали || а также вы читали.

Тэ теджэщтыгъэ, шьори ащыгъум шьутхэщтыгъэ.

Мы читали, и вы в это время писали.

Проводникыр билетмэ яплъыгъ, пассажирми ячъыплэхэр аубытыгъэх.

Проводник посмотрел билеты, и пассажиры свои места заняли.

Тэ тыгъуасэ тытхэщтыгъэ, непи тэтхэ.

Мы вчера писали и сегодня пишем (слитное предложение).

Кроме того, несколько однородных придаточных предложений могут быть соединены союзными суффиксами «-и» или «-рэ». Об употреблении этих суффиксов для соединения придаточных предложений см. выше (стр. 143). Приведем следующие примеры сложно-сочиненных предложений.

«Непэ стахановцэхэр джыри маклэх, ау ахэр неуцы фэдипшыккэ нахьыбэ зэрэхьущтхэм, хэт ехьэрэхъышэжьын ылъэкына?»

„Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше?“¹

В этом предложении мы имеем сложно-сочиненное вопросительное предложение, соединенное союзом «ау» — „но“, причем второе из двух главных предложений имеет при себе придаточное предложение в той форме, которая употребляется в косвенной речи.

«Первокласснэ техникэр, первокласснэ заводхэмрэ фабрикахэмрэ уиэнккэ хьущт, ау мы техникэм ешэсын зыльэккышт цыфхэр щымылэмэ, техникэр аштэу техникэ джэщтэ кьодыу кьышъу-лэккэнэшт».

„Можно иметь первую технику, первые заводы и фабрики, но если нет людей, способных оседлать эту технику, техника так и останется у вас голой техникой“.²

В этом предложении опять-таки имеются два главных предложения, соединенных союзом «ау» — „но“. При втором из сочиненных главных предложений имеется условное придаточное предложение, выражающее реальное условие.

«Ау зыщытккэ, тэ техникэсэ нормэхэр тилэн фаех, ау джы щылэхэмэ афэдэхэр арэп, нахь лъагэхэу ары нахь».

„Следовательно, нам нужны технические нормы, но не те, какие существуют теперь, а более высокие“.³

Делегатыр кьэгуцылэщтыгъэ, колхозникхэри яшъыпкъэу едэлущтыгъэх.

Делегат говорил, и колхозники внимательно его слушали.

Сэ куккэ саккэ, о мэшлоккэ оккэ.

Я на подводе еду, а ты на поезде едешь.

¹ Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 496.

² Сталин, там же, стр. 500.

³ Сталин, там же, стр. 502.

Последний пример показывает, что союз „а“, отсутствующий в адыгейском языке, часто передается только интонацией. В этом случае два главных предложения следует всегда разделять запятой.

Впрочем, в том случае, когда первое из сочиненных предложений имеет отрицательную форму, а второе — нереально условную, русский союз „а то“ передается по-адыгейски служебным словом «нахь», буквально — „только“, присоединяемым к концу первого предложения:

Сыкьызэрэклаугьэр ышлэрэп нахь, джы нэсклэ кьэклонгьэ || кьэ-
кшоштгьэ.

Что я приехал, он не знает, а то он давно пришел бы.

Буквально: Что я приехал, он не знает только, до сих пор он пришел бы.

То же адыгейское служебное слово «нахь» употребляется иногда и в другом „противительном“ значении, которое в русской разговорной речи передается через „а (только)“:

«...большевикир кьэзгьэклэраклэрэр зышлэшлыжьыныгьэрэп, пэгэн-
чьагьэр ары нахь».

„... не кичливость, а скромность украшает большевика“.¹

«Массэр толпау щыт, историер зышлырэри, толпар народэу зышлырэри геройхэр ары нахь, нэмыклэп алоу, народникмэ зыфалоштыгьэм, марксистэмэ джэуап ратыжьыштыгьэ: геройхэрэп историер зышлырэр, историем геройхэр ешлыхэ нахь, арэу зыхьуклэ — геройхэрэп народыр зыгьэпсырэр, ежь народым геройхэр егьэпсышь, историер ыпэклэ егьэклуатэ нахь».

„На утверждения народников о том, что масса есть толпа, что только герои делают историю и превращают толпу в народ, марксисты отвечали: не герои делают историю, а история делает героев, следовательно, — не герои создают народ, а народ создает героев и двигает вперед историю“.²

Кьысэджагьэх, сыклуагьэп нахь.

Меня звали, только я не пошел.

Буквально: Меня звали, я не пошел только.

Кьызэрэклаугьэр зэхэсхыгьэ нахь, слээгьугьэп.

Что он приехал, я слышал, но не видел его.

Буквально: что он приехал, более того, что я слышал, я его не видел.

Следовательно, адыгейское служебное слово «нахь», первоначально обозначающее „более“, развивается в значение „более того, как; кроме того, как“ и далее в значение союза „но только“ и в некоторых случаях „а только“.

Для соединения двух главных предложений употребляется также союз «е» — „или, либо“:

Районым неущ е о укшошт, е сэ сыкшошт.

В район завтра или ты поедешь, или я поеду.

В качестве особенности адыгейского языка следует отметить, что в данном случае сказуемое должно быть обязательно выражено в обоих предложениях.

Развитое сложно-подчиненное предложение. Под развитым сложно-подчиненным предложением мы понимаем здесь такое сложно-подчиненное предложение, в котором, помимо одного или нескольких главных предложений, имеется несколько развитых (многочленных) придаточных.

¹ Сталин. Речь на первом съезде колхозников-ударников. Ленин—Сталин. Избранные произведения в одном томе, Л., 1936, стр. 617.

² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938, стр. 16.

предложений. В этих случаях в адыгейском языке характерен порядок расположения этих придаточных предложений как по отношению друг к другу, так и по отношению к главному или главным предложениям, с которыми придаточные связаны. Выше мы уже говорили о том, что придаточное предложение в адыгейском языке обычно предшествует главному. Если придаточных предложений несколько, то обычный порядок их расположения обратен порядку расположения в русском языке. При этом следует обратить внимание на два различных случая соотношения придаточных и главных предложений. В одном случае придаточные предложения грамматически могут все относиться одинаковым образом к главному предложению. Например, все они могут быть однородными придаточными предложениями, связанными с одним и тем же словом главного предложения, — или с одним из его дополнительных слов, или с одним и тем же сказуемым. В этом случае порядок их расположения друг относительно друга по-адыгейски безразличен, т. е. данные предложения могут быть легко переставлены одно на место другого без изменения смысла всего развитого предложения в целом, хотя все эти придаточные предложения должны предшествовать главному.

В другом случае придаточные предложения в адыгейском языке, как и в русском, могут представлять собою последовательную цепь грамматического подчинения, т. е. первое придаточное предложение может быть связано с одним из слов-членов главного, второе придаточное предложение связано с одним из слов-членов первого придаточного, третье придаточное — с одним из слов-членов второго придаточного и т. д. В этом случае порядок придаточных предложений в адыгейском языке строго определен и не может быть изменен без изменения смысла всего развитого предложения в целом. Каждое придаточное предложение должно предшествовать тому придаточному, к одному из слов-членов которого оно относится, а все придаточные предложения вместе должны предшествовать главному предложению.

Таким образом, при наличии последовательной цепи подчинения придаточных предложений, о которой мы говорили выше, третье придаточное предложение должно стоять перед вторым, второе — перед первым, а первое — перед главным. Получается совершенно обратный русскому порядок предложений. Вместе с тем изменить этот порядок уже никоим образом нельзя.

Приведем пример на первый случай:

«Ипшъашъэхэр цыкӀухӀау зыщӀэтхэм, гъогу кӀыхъэр ыгъӀаконым пае, ежь гъогум цызэхилъхъэхэзэ, гъогу къэнагъэм икӀыхъагъэ елытыгъӀау зыригъӀаукӀыхъымэ е зыригъӀаукӀакузэ, пшысэ гъӀагъонхэр Марксы къафилощтыгъэ, сабий цыкӀухӀау, ащ едӀауным хилъасэхэти, зэрӀпшыгъӀахӀари ащыгъупшӀэ-жьыщтыгъӀау».

„Когда дочери были еще маленькими, Маркс, чтобы укоротить длинный путь, рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца, — сам по дороге сочиняя их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости“.¹

В этом примере мы имеем два главных предложения, соединенных союзным суффиксом «-и» при подлежащем второго предложения в одно сложно-сочиненное предложение. При первом главном предложении имеется два однородных придаточных времени, в которых сказуемые выражены деепричастной придаточной формой с суффиксом «-зэ», и другие придаточные предложения.

¹ Лафарг. Воспоминания о Марксе. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, ч. I, Л., 1934, стр. 68.

«Ээ хъабар зэфэшъхъафхэр къафэслуатэу, зэ сызэракlorэм тетэу гимнастикэ сшлэу, зэ шьоф къэгъагъэхэу джырэ фэдэу а зэманым шьлэпlокlэ-лъяпlуакlэу щымытыгъэхэр къэсыугъоихэу, авангардэу пшьэшъэ цыкlуитlумэ сырягъусэу ськlощтыгъэ».

„В авангарде шел я с двумя девочками, то рассказывая им всякие истории, то занимаясь гимнастикой на ходу, то собирая полевые цветы, которые в те времена были там еще не так редки, как теперь“.¹

В этом примере мы опять-таки имеем несколько однородных придаточных предложений обстоятельства времени, выражающих одновременность, в начале которых повторяется наречная форма числительного «зэ-», что соответствует русскому „то..., то...“. Так как придаточные предложения времени выражают одновременные действия, то по закону адыгейского синтаксиса в обоих вышеприведенных примерах их можно переставлять в отношении друг друга без всякого изменения их содержания и формы сказуемых. Иное получается в том случае, если придаточные предложения времени выражают собою временную последовательность:

Мэзым ськьыхэкlи, бжьалом ськьыблэкlызэ, бжьэхэр пчlэу слъэгъугъэ.

Выйдя из лесу и проходя мимо пасеки, я увидел, что пчелы роятся.

В этом примере два придаточных предложения обстоятельства времени выражают временную последовательность: действие первого совершается раньше, чем действие второго. Здесь придаточное предшествующее должно обязательно стоять перед придаточным последующим, и придаточные формы того и другого должны быть разные. Таким образом, здесь мы имеем последовательную цепь придаточных предложений обстоятельства времени, взаимный порядок которых в адыгейском языке никоим образом не может быть изменен:

Мэзэу къэгъэгъахъэ зыдэкlогъагъэм кьыхэкlи, бжьалоу колхоз бжьэ матэхэр зыдэтым блэкlызэ, бжьэхэр пчlэу, ыльэгъугъ.

Выйдя из лесу, куда он ходил за цветами, и проходя мимо пасеки, где стояли колхозные ульи, он увидел, что пчелы роятся.

Предложение такое же, как и предшествующее, но в котором каждое из придаточных предложений обстоятельства времени имеет по одному подчиненному ему придаточному обстоятельству места.

Рассмотрим теперь несколько примеров придаточных предложений, непосредственно подчиненных главному, начиная с простейших из них:

Унэу сызэрысыгъэу, къоджэ гъунэм lутыр, гъэрекlо ашlыгъ.

Дом, в котором я жил, стоящий на краю аула, сделали в прошлом году.

Это сложно-подчиненное предложение допускает любой порядок расположения придаточных предложений, так как оба придаточных в нем определяют одно и то же относительное слово «унэу» — „дом“ и связаны непосредственно со сказуемым главного предложения (однородные придаточные предложения):

Унэу къоджэ гъунэм lутэу, сызэрысыгъэр, гъэрекlо ашlыгъ.

Дом, стоящий на краю аула, (тот,) в котором я жил, сделали в прошлом году.

Обратим при этом внимание на одну особенность оформления придаточных форм в обоих предложениях. Если бы каждое из двух при-

¹ Либкнехт. [Из воспоминаний о Марксе. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, ч. I, Л., 1934., стр. 90.

точных предложений было единственным, оно должно было бы иметь придаточную форму с суффиксом «-р», так как эта придаточная форма заменяет собою слово «унэр» — „дом“, служащее объектом при сказуемом главного предложения:

Унэу сызэрысыгъэр, гъэрэкло ашыгъ.

Дом, в котором я жил, сделали в прошлом году.

Унэу къоджэ гъунэм лутыр, гъэрэкло ашыгъ.

Дом, стоящий на краю аула, сделали в прошлом году.

Что суффикс «-р» придаточной формы сказуемого заменяет собою собственно такой же суффикс, который должно было бы иметь слово «унэу» — „дом“, если бы мы не имели при главном предложении придаточных, становится ясным, как только мы изменим порядок взаимного расположения придаточных форм сказуемого и относительного слова:

Сызэрысыгъэ унэр гъэрэкло ашыгъ.

В котором я жил дом сделали в прошлом году.

Т. е.: Дом, в котором я жил, сделали в прошлом году.

Къоджэгъунэм лут унэр гъэрэкло ашыгъ.

Стоящий на краю аула дом сделали в прошлом году.

Здесь в обоих случаях мы, собственно, не имеем в адыгейском языке, как и в русском, придаточных предложений, и слово «унэр» — „дом“, в качестве объекта при переходном сказуемом «ашыгъ» — „сделали“, оканчивается в определенной форме на суффикс «-р». Таким образом, тот же суффикс должен оформлять и соответственные придаточные формы сказуемых обоих придаточных предложений. Однако на деле мы видим, что первая из придаточных форм принимает суффикс «-эу», взамен суффикса «-р», т. е. суффикс по происхождению превратительной или деепричастной формы, в то время как вторая придаточная форма, непосредственно предшествующая главному предложению, сохраняет суффикс «-р»:

Унэу сызэрысыгъэу, къоджэ гъунэм лутыр, гъэрэкло ашыгъ.

Дом, в котором я жил, стоящий на краю аула, сделали в прошлом году.

Унэу къоджэ гъунэм лутэу, сызэрысыгъэр, гъэрэкло ашыгъ.

Дом, стоящий на краю аула, (тот,) в котором я жил, сделали в прошлом году.

Аналогичную замену суффиксов придаточной формы сказуемого мы имеем и в других случаях, когда придаточные предложения однородны, т. е. относятся к одному и тому же относительному слову и по правилам адыгейского синтаксиса имеют одинаковый оформляющий их суффикс:

Бэрэ зигугъу тшыгъэм, мыр ышыгъ.

Это сделал тот, о ком мы много говорили.

Бэрэ тызэжагъэм, мыр ышыгъ.

Это сделал тот, кого мы давно ждали.

Бэрэ тымыльэгъугъэу, бэрэ зигугъу тшыгъэу, бэрэ тызэжагъэм, мыр ышыгъ.

Это сделал тот, кого мы давно не видели, о ком мы много говорили, кого мы долго ждали.

В приведенных примерах придаточные формы сказуемого, каждая в отдельности, должны оканчиваться на суффикс «-м», так как относительное слово, с которым они могут быть связаны, например «лым» —

„мужчина“, служит подлежащим при переходном сказуемом и в определенной форме должно иметь суффикс «-м».

Бэрэ зигугъу тшыгъэ лым мыр ышыгъ.

О котором мы много говорили мужчина это сделал.

Т.е.: Мужчина, о котором мы много говорили, это сделал.

Бэрэ тызэжэгъэ лым мыр ышыгъ.

Которого мы долго ждали мужчина это сделал.

Т.е.: Мужчина, которого мы долго ждали, это сделал.

и т. д.

Однако в сложном периоде, когда все эти однородные придаточные предложения следуют одно за другим, суффикс «-м» имеет только последняя из придаточных форм сказуемого, все же предшествующие ей придаточные формы оформляются суффиксом «-эу». Это же самое оформление появится и в том случае, когда относительное слово служит подлежащим при непереходном сказуемом и должно оканчиваться в определенной форме на суффикс «-р»:

Лэу бэрэ тымыльэгъугъэу, бэрэ зигугъу тшыгъэу, бэрэ тызэжагъэр,
кьэкъуагъэп.

Мужчина, которого мы давно не видели, о котором мы много говорили, которого мы долго ждали, не приехал.

Приведем еще примеры:

«Мыщ ищыклагъэр, аужыпкьэрэм, цыфыхэу, кадрэхэу техникэм дезэклон зыльэкъыхэу, мы техникэр кьызлэкъэзыгъэфагъэхэу, ащ ешэсыным зыфэзыгъэсагъэхэр, колхозмэ ялэнхэр ары».

„Для этого требуется, наконец, чтобы у колхозов были люди, кадры, умеющие обращаться с техникой, освоившие эту технику и научившиеся оседлать ее“.¹

«СССР-м инародхэмэ азфагу цыхъэ зэфэмышыныгъэу ильыгъэм ладжи шлагъэу клэ фэшыгъахэу, цыхъэ зэфэмышыныгъэр цыхъэ зэфэшыныгъэ икьукъэ зэблэхъугъэу зэрэхъугъэу, СССР-м инародмэ язэблэгъэныгъэ хахъоу ыкли пытэ зэрэхъурэм, мы совещаниер ащ ишыхъат нафэу щыт».

„Настоящее совещание является ярким доказательством того, что былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец, что недоверие сменилось полным взаимным доверием, что дружба между народами СССР растет и крепнет“.²

Аналогичная замена (суффикса «-мэ» на «-эу») предпочтительна, но не обязательна и в случае нескольких однородных условных придаточных предложений:

О Юф пшлэщтэу, о отличнэу уеджэщтымэ, тэ стипендие кьыот-
тыщт.

О Юф пшлэщтымэ, о отличнэу уеджэщтымэ, тэ стипендие кьы-
оттыщт.

Если ты будешь работать, если ты будешь учиться отлично, то мы
дадим тебе стипендию.

«Тэ кризис тилагъэу, безработицэр — рабочэ классымкълэ анахъ тхъамыклагъор — тилагъэу, тэ дэу, тхъамыкълэу, чэфынчъэу тыщы-
лагъэемэ, стахановскэ движение гори тилэнгъэеп».

¹ Сталин. Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок. М., 1935, стр. 12—13.

² Сталин. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана. „Правда“ от 6 декабря 1935 г., № 335.

„Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица — бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас“.¹

Замену предшествующего суффикса «-кIэ» в предложениях времени (вместе с исчезновением префикса дополнения времени «зы-») суффиксом «-эу» можно видеть в примерах на стр. 154.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что если мы имеем в адыгейском несколько однородных придаточных предложений, связанных с одним и тем же относительным словом и главным предложением и оканчивающихся в отдельности на суффиксы, совпадающие с суффиксами склонения имен (-м, -р, -мэ, -кIэ), то все предшествующие придаточные формы сказуемого, за исключением последней, предпочтительно меняют эти суффиксы на суффикс «-эу, -у, -оу», а последняя придаточная форма сохраняет суффиксы «-м, -р, -мэ, -кIэ».

Наконец, в случае двух или нескольких придаточных, выражающих одновременность, с суффиксами «-зэ» предшествующие придаточные формы могут менять этот суффикс на суффикс «-мэ» или «-эу (-у, -оу)», а последняя сохраняет суффикс «-зэ»:

«Рабочэм итруд кыгъэхъугъэ капиталым хозяин цыкIухэр ыгъэунэхъумэ ыкIи безработнэ армиер кыгъэхъузэ, рабочэхэр епIытIых».

„Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных“.²

«...зыригъэукIыхъмэ || зыригъэукIыхъэу (вместо: заригъэукIыхъзэ) е зыригъэукIэкузэ...»

Буквально: „...удлиняя или укорачивая...“

(Из примера на стр. 147. Лафаргъ. Воспоминания о Марксе.)

КIомэ (вместо: кIозэ), кыхыызэ ыпIыщтыгъэ.

Буквально: Ходя, принося он делал.

„Къеомэ зыкыригъахымэ къакIоу, цуитIури шыхэри кыщэмэ къакIозэ, мэзым кыызэхэкIыжыным дэжь мэлахъо горэ Iутэу ыльэгъугъ».

„Ударяя, несясь, едучи и, двух быков и лошадей ведя, едучи, из лесу когда он (собирался) выйти, в тот момент овец пастуха какого-то возле стоящим увидел“.

„В тот момент, когда он выехал из лесу, едучи быстро и ведя (в поводу) лошадей и двух быков, он увидел поблизости какого-то чабана“.

(Из народной бжедужской сказки „Плешивый хитрец“.)

Наоборот, если мы имеем в адыгейском не однородные придаточные предложения, а, как мы уже указывали выше (стр. 148), последовательную цепь их подчинения, то такие замены окончаний придаточных форм, за редкими исключениями, становятся невозможными.

В этом случае каждая придаточная форма сохраняет тот суффикс, который должно было бы иметь ее относительное слово, если бы оно стояло на месте этой придаточной формы:

«Духовнэ гъэпщылIыкIэу тыдэкIи народнэ массэхэу пэмыкIымэ афалэжьзэпытыным, фэныкъоныгъэм ыкIи зэкъоныгъэм апIытIыгъэхэмэ ащытельымэ, дыныр зыкIэ ащыщэу щыт».

¹ Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 499.

² Ленин. Три источника и три составных части марксизма. Ленин — Сталин. Избранные произведения в одном томе. Л., 1936, стр. 40.

„Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством“.¹

Унэу зишъхъангъупчъэ садымкIэ гъэзагъэм сисыгъ.

Я жил в доме, окно которого выходило в сад.

Зишъхъангъупчъэ садымкIэ гъэээгъэ унэм сисыгъ.

Букв.: Я жил в выходившем своим окном в сад доме.

Садэу мыIэрысабэ зыдэтыгъэмкIэ шъхъангъупчъэр гъэзагъэштыгъэ.

Окно выходило в сад, в котором росло много яблонь.

МыIэрысабэ зыдэтыгъэ садымкIэ шъхъангъупчъэр гъэзагъэштыгъэ.

Букв.: В котором росло много яблонь, в сад выходило окно.

В этих примерах мы имеем по одному придаточному предложению. Каждое из этих придаточных путем перестановки порядка придаточной формы сказуемого и его относительного слова может быть превращено в простое определение. Мы видим, что суффиксы придаточной формы совершенно одинаковы с теми суффиксами, которые должно иметь относительное слово, когда оно становится простым дополнительным словом в составе главного предложения. Построим теперь из этих же придаточных предложений сложный период из двух придаточных и одного главного предложения:

Садэу мыIэрысабэ зыдэтымкIэ унэу зишъхъангъупчъэ гъэзагъэм
сисыгъ.

Я жил в доме, окно которого выходило в сад, в котором росло
много яблонь.

Къуаджэу псынэпкъым Iусым ыгъунэ унэу Iутым сисыгъ.

Я жил в доме, стоящем на краю аула, расположенного на берегу
реки.

Во всех только что приведенных примерах невозможны не только замена суффиксов придаточных форм, но и изменение порядка придаточных предложений, так как мы имеем здесь последовательную цепь их подчинения.

Рассмотрим теперь простейшие случаи, когда порядок придаточных предложений друг в отношении друга может быть легко изменен:

Унэу сызэрысыгъэу, къоджэ гъунэм Iутыр, гъэрекIо ашыгъ.

Дом, в котором я жил, стоящий на краю аула, сделали в прошлом
году.

Унэу къоджэ гъунэм Iутэу, сызэрысыгъэр, гъэрекIо ашыгъ.

Букв.: Дом, стоящий на краю аула, (тот,) в котором я жил, сделали в прош-
лом году.

Къоджэ гъунэм Iут унэу сызэрысыгъэр, гъэрекIо ашыгъ.

Букв.: На краю аула стоящий дом, в котором я жил, сделали в прошлом
году.

Сызэрысыгъэ унэу къоджэ гъунэм Iутыр, гъэрекIо ашыгъ.

Букв.: В котором я жил дом, стоящий на краю аула, сделали в прошлом
году.

Сызэрысыгъэу, къоджэ гъунэм Iут унэр гъэрекIо ашыгъ.

Букв.: В котором я жил на краю аула стоящий дом сделали в прошлом
году.

¹ Ленин. Социализм и религия. Ленин — Сталин. Избранные произведения в одном томе. Л., 1936, стр. 116.

Къоджэ гъунэм Iутэу, сызэрысыгъэ унэр гъэрэкIо ашыгъ.

Букв.: На краю аула стоящий, в котором я жил, дом сделали в прошлом году.

В первых двух примерах мы имеем в адыгейском языке по два однородных придаточных предложения, которые должны быть отделены как друг от друга, так и от главного предложения запятыми. В следующих двух примерах мы имеем, собственно, по одному придаточному предложению, так как придаточное предложение, форма сказуемого которого поставлена перед относительным словом, превращается в простое определение. В этом случае запятая употребляется только один раз, отделяя придаточное предложение от главного. Наконец, в последних двух примерах мы, собственно, имеем по одному придаточному предложению, так как вторые формы придаточных сказуемых, будучи поставлены перед относительным словом, превращаются в простые определения, а относительное слово становится простым дополнительным словом в составе главного предложения. Первые же две придаточные формы имеют придаточный суффикс «-эу». В этом случае запятые должны стоять только после них.¹

Однако может быть и другой способ оформления этих придаточных предложений и порядок их расположения, который в последнее время распространяется в адыгейском языке, повидимому, не без влияния русского языка:

Къоджэ гъунэм Iутыр — унэу сызэрысыгъэр — гъэрэкIо ашыгъ.

Букв.: На краю аула стоящий, в котором я жил, дом построили в прошлом году.

Сызэрысыгъэр — унэу къоджэ гъунэм Iутыр — гъэрэкIо ашыгъ.

Букв.: В котором я жил, на краю аула стоящий дом построили в прошлом году.

В этих примерах имеется, собственно, только по одному придаточному предложению, которые в нашем написании выделены знаком тире. Эти придаточные предложения становятся здесь как бы вводными словами, вклинившимися в середину главного предложения. Такой порядок слов в общем следует признать необычным и малоупотребительным, однако возможным. Впрочем, форму относительного слова «унэу» можно истолковать в этом случае и как форму превратительного дополнения при сказуемом главного предложения: «унэу... ашыгъ» — „домом (они) сделали“. Если это так, то данная форма расположения придаточного предложения проливает нам свет на происхождение формы относительного слова вообще. В данном случае мы видим, как относительное слово могло произойти из формы превратительного дополнения, если признать данную конструкцию придаточных предложений не новообразованием, а наоборот, пережитком первоначальной древней конструкции. По вышесказанному образцу могут строиться разнообразные способы перевода с русского на адыгейский язык:

«ПэмыкIымэ афэлэжьэзэпытыным, фэныкIоныгъэм ыкIи зэкIоныгъэм апIытIыгъэ народнэ массэмэ тыдэкIи ащытель духовнэ гъэпщылIыкIэмэ зыкIэ диныр ащыщэу щыт».

«Народнэ массэхэу пэмыкIымэ афэлэжьэзэпытыным, фэныкIоныгъэм ыкIи зэкIоныгъэм апIытIыгъэмэ, тыдэкIи ащытель духовнэ гъэпщылIыкIэмэ зыкIэ диныр ащыщэу щыт».

«Народнэ массэхэу пэмыкIымэ афэлэжьэзэпытыным, фэныкIоныгъэм ыкIи зэкIоныгъэм апIытIыгъэмэ духовнэ гъэпщылIыкIэу тыдэкIи ащытельымэ, зыкIэ диныр ащыщэу щыт».

¹ Принятое в адыгейском употреблении запятых не отличается от применяемого в русском, хотя при этом приходится отделять запятой причастие, входящее по своим окончаниям на правах подлежащего, прямого и косвенного дополнения в состав главного предложения, от его сказуемого.

„Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством“.¹

Приведем еще несколько примеров развитого сложно-подчиненного предложения в адыгейском языке.

«Дунаим зэкӀэ пролетариатыр щытекӀоу, социализмэри щыӀэкӀэ-псэукӀэм зыщыуцукӀэ общэу зы бзэ зиӀэ зы общэ социалистическэ (иформэкӀи имэхъанэкӀи) культурэу зэхэхъанхэм пае, пролетариатым идиктатурэ зы хэгъэгум зыщыщыӀэм зиформэкӀэ национальнэу зимэхъанэкӀэ социалистическэу щыт культурэмэ ахэгъэхъоныр, — джары шъыпкъ национальнэ культурэм иӀоф Лениным зэригъэу-цурэм диалектикагъэу иӀэр зыщыщыр».

„Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре“.²

«...зэкӀэ нациехэр, гущыӀэм пае, СССР-м исхэр, общэу зы великорусскабзэ зиӀэ зы общэ великорусскэ нациеу зэхэхъаным итеорие, ленинизмэм иположение лъапсэу къэкӀоцт охътэ благъэм национальнэ зэфэшъхъафныгъэхэр кӀодын зэрамылъэкӀыщтхэр, джыри ахэр аужыпкъэм дунэе масштабым пролетарскэ революционер зыщытекӀорэ ужыми бэрэ къэнэнхэ фаеу къэзыгъэлыагъорэм пыщыт национал-шовинистскэ теориеу, антиленинскэ теориеу щыт».

„...теория слияния всех наций, скажем, СССР, в одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго даже после победы пролетарской революции в мировом масштабе“.³

«Национальнэ культурэхэмрэ национальнабзэхэмрэ яперспектив нахь чыжьэм иӀофмэ, дунэе масштабым социализмэр зыщытекӀоу, социализмэр пытэ хъоу, щыӀэкӀэ-псэукӀэм зыхахъэкӀэ, национальнабзэхэр шӀокӀыплэ имыӀэу общэу зыбзэу зэхэхъан фаех, шъыпкъэ, ар великорусскабзэуи немецкабзэуи щытыщтэп, кӀэ горэу щытыщт нахь ыӀоу, Лениныр а Ӏофым зэрэплъырэм, сэ сыдигъокӀи сыготыгъ, джыри сыгот».

„Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым“.³

«Зэрымькъухэрэм теткӀэ, техническэ нормэжъхэр зыкӀутэу, капиталистическэ хэгъэгу пэрытхэмэ ятруд ипроизводительности Ӏадж дэдэхэмкӀи ашъхъадифэу, ащ тетэу, тапэкӀи социализмэр практическэу тыхэгъэгу щыбгъэпытэн зэрэплъэкӀыщтыр, тыхэгъэгу анахь фэшъыгъэу пшыи зэрэплъэкӀыщтыр къэзгъэнэфэрэ движениеу зэрэщытыр ары, стахановскэ движением мэхъанэу иӀэр зыщыщыр».

¹ Ленин. Социализм и религия. Ленин—Сталин. Избранные произведения в одном томе, Л., 1936, стр. 116.

² Сталин. Из отчетного доклада на XVI Съезде ВКП(б), там же, стр. 567.

³ Сталин. Заключительное слово на XVI Съезде ВКП(б), там же, стр. 571.

„Значение стахановского движения состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну“.¹

«Шыр ытлупшыгыъэу ежым зигъэпсэфэу шысэе, а мэзым чылэ горэ пэмычыжьэу шысыти, чылэмкIэ плъэээ, лъэс закъо горэ къы- дэкIыгыъэу, къакIоу ылъэгъугъ».

„Лошадь отпустившим, сам отдыхающим сидя, от того леса аул какой-то недалеким расположен был и потому, к аулу смотря, пешего одного какого-то вышедшим, сюда идущим увидел“.

„Отпустив лошадь и присев отдохнуть, он увидел одного пешего (человека), вышедшего из аула и направлявшегося к нему, так как недалеко от леса был расположен какой-то аул“.

(Из народной бжедужской сказки.)

«Чылэу зыфифорэм нэси, чылэр къыугъойи — „ГъэшIэгъон горэ шъозгъэльэгъушт“ — ылуи, зарелом: „Зы къамлыбжьэ горэ сIыгынышъ, узфаер къыхъощт“ — ылуи, чылэм зарелом. — „Тара адэ? Къыгъа- хъоль адэ!“ — алуи чылэр къеупчIыгы».

«Аула, о котором он сказал, достигнув, аул собрав — „Интересное что-то вам я покажу“ — сказав, когда им сказал: „Одну чашку какую-то я держу, тебе то, что хочется, в ней будет“ — сказав, аулу когда им сказал, — „Как ну? Дай сделаться, ну!“ — сказав, аул его спросил».

«Достигнув аула, о котором он говорил, и собрав его жителей, он сказал: „Я покажу вам одну очень интересную [штуку] — я буду держать чашу, и каждый из вас увидит в ней то, что ему захочется“. Когда он это сказал, [люди] всем аулом стали его спрашивать: „Как это так? Ну, сделай это!“»

(Из народной бжедужской сказки „Старик и старуха“.)

«Мэзым хэсымэ анахъ инэу зы шъыхъэшхо горэ зы цIыкIу жъые горэм риутыгыъэу, ышхэу, слъэгъугъэшъ, ащ тыIэкIэрэфи тыкбелы- хэнэп, пкъырыпкъэу тызэпкъыритхъын. Адэ, ынэхэр зэу мэлыдышъ, ащ ытхыцIэ зэу инэу кырегъэуцукIышъ, сэлоба, „Къыстемыбэна- гъоет“, сIоу, „Сыгу, сыбгъэ!“, сIозэ, „Джы кыслъемыжьэмэ, джы кыслъежьэ, сIозэ; еу, укъэчъэнмэ къачъэ!“»

«В лесу живущих из них самого большого одного оленя великого какого-то один малый маленький какой-то что он его свалил, что его он ел, я увидел, потому к нему попадешь если, от него не спасешься, по кускам нас он разорвет. Ну, у него глаза так и блестят же, он свой хребет так сильно и оцетинивает же, говорю же — „На меня он не набросился бы“, я сказав, „мое сердце, моя грудь“ — я сказав, „теперь за мной не погнался как бы если, теперь за мной погонится, говоря; ну, если побежать, так беги!“».

«Я увидел, что один маленький малыш свалил самого большого из лесных оленей и пожирал его, — если к нему попадем [в лапы], от него спасенья не будет: по кускам он нас разорвет. Ну и блестят же у него глаза, ну и оцетинивает же он свой хребет!.. „Как бы не набросился он на меня!“ сказал я [сам себе]. „Эх, бедная моя голова, как бы не погнался он за мной! Если погонится — уж бежать, так бежать!“»

(Из народной бжедужской сказки „Сын ворона“.)

¹ Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1939, стр. 494—495.

Приведенные примеры показывают, что любой сложный период, построенный в русском языке в форме одного сложно-сочиненно-подчиненного предложения, может быть передан, благодаря развитости форм придаточных предложений в адыгейском языке (как и в кабардинском), таким же сложным по построению адыгейским периодом, точно передающим и содержание, и сложную периодическую речь русского оригинала.

Общий обзор придаточных форм сказуемого. Попытаемся дать теперь общий обзор всех возможных придаточных форм адыгейского сказуемого в виде сводных таблиц. Так как многие придаточные формы изменяются по временам и лицам (по лицам не меняется только относительный префикс, см. стр. 110), так как вследствие этого адыгейские придаточные формы даже от одного глагола представляют собою такое богатство, которое едва ли уступает богатству форм адыгейского глагола в роли сказуемого главного предложения, то в данной таблице мы берем для каждой придаточной формы лишь одно время (настоящее) и одно лицо (третье лицо единственного числа во всех рядах префиксов). Лишь кое-где, когда данная придаточная форма, с характерной для нее аффиксацией, не имеет настоящего времени, или когда формы других времен имеют морфологическое строение, совершенно отличное от формы настоящего времени, мы приводим, кроме настоящего времени, и немногие другие, характерные для данного придаточного сказуемого его времена. Кроме форм простых, т. е. представляющих собой единое слово, мы приводим также в таблице и главнейшие описательные формы, т. е. такие, которые образованы с помощью различных вспомогательных глагольных форм или служебных слов (послелогов и т. д.).

Так как образовать от одного и того же глагола придаточные формы всех без исключения типов в адыгейском языке невозможно и так как некоторые из них образуются лишь от глаголов определенной группы (например или только от непереходных, или только от переходных, или только от глаголов с косвенным объектом и т. д.), то в таблице мы, в зависимости от этого, в отдельных придаточных формах меняем приводимые в качестве примеров глаголы.

Характерное для каждой данной придаточной формы оформление отделяется знаком дефиса.

Желая дать наиболее ясное представление о каждом из двух одновременных способов согласования придаточной формы, мы в нижеследующих таблицах даем каждую на отдельной таблице. На первой таблице приведены способы согласования придаточной формы со сказуемым главного предложения с помощью суффиксов. На второй таблице способы согласования придаточной формы с относящимися к ней дополнительными словами того придаточного предложения, в котором она служит сказуемым, т. е. способы согласования данной формы с помощью префиксов.

Кроме этих двух способов, адыгейское придаточное сказуемое имеет еще суффиксы иного происхождения — частью деепричастного, частью союзного и т. п. Кроме того, оно имеет, как уже говорилось выше, многочисленные описательные способы выражения тех же форм. Этот третий способ образования придаточных форм мы выделили как особый и приводим примеры его применения на третьей таблице.

Связь придаточных форм со сказуемым главного предложения
(с помощью суффиксов)

<p>Придаточная форма сказуемого выражает в главном предложении (с помощью суффиксов):</p>	<p>Непродуктивный</p>	<p>Продуктивный</p>
<p>1. Субъект непреходящий (непереходный).</p>	<p>Клор-р Идуший едущий; (тог.) который идет едет, (тог.) кто идет едет, (тог.) которое идет едет, (тог.) что идет едет. Тхэр-р Пишущий (вообще) занимающийся писанием, (тог.) который пишет (вообще) занимается писанием, (тог.) кто пишет (вообще) занимается писанием, (тог.) которое пишет, (тог.) что пишет.</p>	<p>Смысловой объект (русское прилагательное страдательного залога) Блэбгүрэр-р Видимый им, (тог.) которого он видит, (тог.) кого он видит, (тог.) что он видит. Ытхыр-р (тог.) которое он пишет, (тог.) что он пишет. Ытхыр-р (тог.) который пишет (нечто), (тог.) кто пишет (нечто).</p>
<p>2. Субъект переходный (переходный).</p>	<p>Клор-м Идуший едущий, (тог.) который идет едет, (тог.) кто идет едет, (тог.) которое идет едет, (тог.) что идет едет. Тхэр-м Пишущий (вообще). занимающийся писанием, (тог.) который пишет (вообще) занимается писанием, (тог.) которое пишет, (тог.) что пишет.</p>	<p>Зыбэгүрэр-м Видящий (нечто), (тог.) который видит (нечто), (тог.) кто видит (нечто). Ытхыр-м (тог.) которое он пишет, (тог.) что он пишет. Ытхыр-м Пишущий (нечто), (тог.) который пишет (нечто), (тог.) кто пишет (нечто).</p>

3. Объект.

Клёрэ-р
 Идуцего || едуцего,
 (того,) который идет || едет,
 (того,) кто идет || едет,
 идущее || едущее,
 (то,) что идет || едет.

Тхэра-р
 Пишущего (вообще) || занимающегося
 писанием,
 пишущее (вообще),
 (того,) который пишет (вообще) ||
 занимается писанием,
 (того,) кто пишет (вообще) || зани-
 мается писанием,
 (то,) что пишет (вообще).

4. Косвенный (местный) объект.

Клёрэ-м
 Идуцего || едуцего,
 (того,) который идет || едет,
 (того,) кто идет || едет,
 идущее || едущее,
 (то,) что идет || едет.

Тхэра-м
 Пишущего (вообще) || занимающегося
 писанием,
 (того,) который пишет (вообще) || за-
 нимается писанием,
 (того,) кто пишет (вообще) || зани-
 мается писанием.

Косвенное дополнение.

В том числе:

5. Дательное.

Клёрэ-м
 Идуцему || едуцему,
 (тому,) который идет || едет,
 (тому,) кто идет || едет

Ыльэггүрэ-р
 Видного,
 (того,) которого он видит,
 (того,) кого он видит,
 видное,
 (то,) которое он видит.

Ыггырэ-р
 (то,) которое он пишет,
 (то,) что он пишет.

Зыльэггүрэ-р
 Видящего (нечто),
 (того,) который видит (нечто),
 (того,) кто видит (нечто).

Зыггырэ-р
 Пишущего (нечто),
 (того,) который пишет (нечто),
 (того,) кто пишет (нечто).

Ыльэггүрэ-м
 Видного,
 (того,) которого он видит,
 (того,) кого он видит,
 (то,) которое он видит,
 (то,) что он видит.

Ыггырэ-м
 (то,) которое он пишет,
 (то,) что он пишет.

Зыльэггүрэ-м
 Видящего (нечто),
 (того,) кто видит (нечто),
 (того,) кто видит (нечто).

Зыггырэ-м
 Пишущего (нечто),
 (того,) который пишет (нечто),
 (того,) кто пишет (нечто).

Ыльэггүрэ-м
 Видному,
 (тому,) которого он видит,
 (тому,) кого он видит.

Зыльэггүрэ-м
 Видящему (нечто),
 (тому,) который видит (нечто),
 (тому,) кто видит (нечто).

Тхэрэ-м

Пишущему (вообще) || занимающемся
писанием,
(тому,) который пишет (вообще) || за-
нимается писанием,
(тому,) кто пишет (вообще) || зани-
мается писанием.

Зыгхырэ-м

Пишущему (ничто),
(тому,) который пишет (ничто),
(тому,) кто пишет (ничто).

6. Дополнение (обстоятель-
ство) места (с префиксами
в сквауэмом главного пред-
ложения, напр. «те» — „на“
и др.).

Кіорэ-м

На || в идушем || едущем
(на том,) который идет || едет,
(на || в том,) кто идет || едет,
(на || в том,) которое едет,
(на || в том,) что едет.

Блээгхурэ-м

На || в видимом,
(на || в том,) который он видит,
(на том,) кого он видит,
(на || в том,) которое он видит,
(на || в том,) что он видит.

Зыльэгхурэ-м

На видящем (ничто),
(на том,) который видит (ничто),
(на том,) кто видит (ничто).

Тхэрэ-м

На пишущем (вообще),
(на том,) который пишет (вообще) ||
занимается писанием,
(на том,) кто пишет (вообще) || зани-
мается писанием,
(на || в том,) что пишет (вообще).

Ыгхырэ-м

(На || в том,) которое он пишет,
(на || в том,) что он пишет
и т. д.

Зыгхырэ-м

На пишущем (ничто),
(на том,) который пишет (ничто),
(на том,) кто пишет (ничто)
и т. д.

7. Дополнение (обстоятель-
ство) места без префиксов
в сквауэмом главного пред-
ложения (только перед гла-
голами движения на вопрос:
куда?).

Блээгхурэ-м

В видимый,
(в том,) который он видит,
(в то,) что он видит.

Ыпхэра-м

В делаемый,
(в том,) который он строит || делает,
(в то,) что он строит || делает.

8. Дополнение (обстоятельство) времени.

Блэкбъръ-м

(В то время,) которое проходит || идет мимо.

Клоръ-м

(В то время,) которое идет.

9. Дополнение личного отношения ("для кого, кому", "против желания кого", "вместе с кем").

Клоръ-м

(Для) идущего || едущего,
(для того,) который идет || едет,
(для того,) кто идет || едет,
идущему || едущему,
(к) идущему || едущему,
(против желания) идущего || едущего,
(вместе с) идущим || едущим.

Тхъръ-м

(Для) пишущего (вообще) ||
(для) занимающегося писанием,
(для того,) который пишет (вообще) ||
занимается писанием,
(для того,) кто пишет (вообще) ||
занимается писанием,
пишущему (вообще) || занимающе-
муся писанием и т. д.,
(к) пишущему (вообще) ||
(к) занимающемуся писанием и т. д.,
(против желания) пишущего и т. д.,
(вместе с) пишущим и т. д.

Кыгъшлэгъз-м

(В то время,) которое (он) прожил || пережил.

Ыльгъгуръ-м

Для видимого,
(для того,) которого он видит,
(для того,) кого он видит,
видимому и т. д.,
(к) видимому и т. д.,
(против желания) видимого и т. д.,
(вместе с) видимым и т. д.

Зыльгъгуръ-м

Для видящего (нечто),
(для того,) который видит (нечто),
(для того,) кто видит (нечто),
(против желания) видящего и т. д.,
(вместе с) видящим и т. д.

Зытхыръ-м

(Для) пишущего (нечто),
(для того,) который пишет (нечто),
(для того,) кто пишет (нечто),
(к) пишущему (нечто) и т. д.,
(против желания) пишущего (нечто) и т. д.,
(вместе с) пишущим (нечто) и т. д.

10. Орудное дополнение (без суффикса «-кiэ», но с префиксом «ры-р-» в глаголе):

а) собственно орудное (чем, с помощью чего) только после относительных слов, обозначающих природу и вещи.

б) средств передвижения (на чем, чем) после тех же слов.

в) путей передвижения (по чему, через что) после тех же слов.

11. Орудное и направительное дополнение (с суффиксом «-кiэ»):

а) собственно орудное. Только после относительных слов, обозначающих природу и вещи.

б) средств передвижения (на чем) перед глаголами движения после тех же слов.

Кiорэ-м

Едущим || идущим,
(тем,) которое едет || идет.

Тхэрэ-м

Пишущим (вообще),
(тем,) которое пишет (вообще).

Кiорэ-м

(На) едущем || идущем,
(на том,) которое едет || идет.

Ыльэгъурэ-м

Видимым,
(тем,) которое он видит.

Ытхырэ-м

(Тем,) которое он пишет.

Ыльэгъурэ-м

На видимом,
(на том,) которое он видит.

Ышiэрэ-м

На делаемом,
(на том,) которое он делает.

Ыльэгъурэ-м

По видимому,
(по тому,) который он видит.

Ышiырэ-м

По делаемому,
(по тому,) который он делает.

Кiорэ-м-кiэ

Едущим || идущим,
(тем,) что || которое едет || идет.

Тхэрэ-м-кiэ

Пишущим (вообще),
(тем,) что || которое пишет.

Кiорэ-м-кiэ

(На) едущем || идущем,
(на том,) которое едет || идет

Ыльэгъурэ-м-кiэ

Видимым,
(тем,) что || которое он видит.

Ытхырэ-м-кiэ

(Тем,) что || которое он пишет.

Ыльэгъурэ-м-кiэ

На видимом,
(на том,) которое он видит.

в: путем передвижения (по чему, через что) перед глазами движения, после тех же слов.

г) направлятельное (обстоятельство места) (по направлению к кому, к чему, кому).

Кіорэ-м-кіэ
(По направлению) к идущему || едущему,
(по направлению к тому,) который идет || едет,
(по направлению к тому,) кто идет || едет,
(тому,) кто идет || едет,
(по направлению к тому,) которое идет || едет,
(по направлению к тому,) что идет || едет.

Тхэрэ-м-кіэ
(По направлению к пишущему (вообще) || занимающемуся писанием, пишущему (вообще) || занимающемуся писанием,
(по направлению к тому,) кто пишет (вообще) || занимается писанием,
(по направлению к тому,) который пишет (вообще),
(по направлению к тому,) что пишет (вообще).

Ышлэрэ-м-кіэ
На делаемом,
(на том,) которое он делает.

Ыльэгүрэ-м-кіэ
По видимому,
(по тому,) который он видит.

Ышырэ-м-кіэ
По делаемому,
через делаемый,
(по тому,) который он делает,
(через тот,) который он делает.

Ыльэгүрэ-м-кіэ
(По направлению) к видимому,
(по направлению к тому,) которого он видит,
(тому,) которого он видит,
(по направлению к тому,) кого он видит,
(тому,) кого он видит
(по направлению к тому,) которое он видит,
(по направлению к тому,) что он видит.

Ытхырэ-м-кіэ
(По направлению к тому,) которое он пишет,
(по направлению к тому,) что он пишет.

Зыльэгүрэ-м-кіэ
(По направлению) к видящему (нечто),
(по направлению к тому,) которого увидит (нечто),
(тому,) который увидит (нечто),
(по направлению к тому,) кто увидит (нечто).

Зытхырэ-м-кіэ.
(По направлению) к пишущему (нечто),
(по направлению к тому,) которого увидит (нечто),
(тому,) кто увидит (нечто).

12. Превратительное дополнение (кем, чем стал, в кого, во что превратился).

КЮрэ-у
(из: *кЮрэ-о)

Идушим || едушим,
(стал тем,) который идет || едет,
(стал тем,) кто идет || едет,
(стал тем,) что идет || едет.

КЮ-у

Поедшим || поеханшим,
(стал тем,) который пошел || поехал,
(стал тем,) кто пошел || поехал,
(стало тем,) что пошло || поехало.

Тхэ-у
(из: *тхэ-о)

(Стал) пишушим (вообще) || занимаю-
щимся писанием,
(стал тем,) который пишет (вообще) ||
занимается писанием,
(стал тем,) кто пишет (вообще) ||
занимается писанием,
(стало тем,) которое пишет (вообще),
(стало тем,) что пишет (вообще).

Тхэ-у

(Стал) начавшим писать (вообще) ||
занявшимся писанием,
(стал тем,) который начал писать
(вообще) || занялся писанием,
(стал тем,) кто начал писать ||
занялся писанием,
(стало тем,) которое начало писать
(вообще),
(стало тем,) что пишет (вообще).

Ыльэггүрэ-у
(из: *ыльэггүрэ-о)

(Стал || стало) ему видимым,
(стал тем,) которого он видит,
(стал тем,) кого он видит,
(стало тем,) которое он видит,
(стало тем,) что он видит.

Ыльэггю-у

букв.: (Стал || стало) его увиденным,
(стал тем,) которого он увидел,
(стал тем,) кого он увидел,
(стало тем,) которое он увидел,
(стало тем,) что он увидел.

Ытхырэ-у
(из: *ытхырэ-о)

(Стало тем,) которое он пишет,
(стало тем,) что он пишет.

Ытхэ-у

(Стало) начатым (объектом) писания ||
(стало) писанным,
(стал тем,) которое он начал пи-
сать || которое он пишет,
(стало тем,) что он начал писать ||
что он пишет.

Зыльэггүрэ-у
(из: *зыльэггүрэ-о)

(Стал) видящим (нечто),
(стал тем,) который видит
(нечто),
(стал тем,) кто видит (нечто).

Зыльэггю-у

(Стал) увидевшим (нечто),
(стал тем,) который видит
(нечто),
(стал тем,) кто видит (нечто).

Зытхырэ-у
(из: *зытхырэ-о)

(Стал) пишушим (нечто),
(стал тем,) который пишет
(нечто),
(стал тем,) кто пишет (нечто).

Зытхэ-у

(Стал) пишушим (нечто)
|| начавшим писать (нечто),
(стал тем,) который начал пи-
сать (нечто) || который пишет
(нечто),
(стал тем,) кто начал писать ||
кто пишет (нечто).

Связь придаточных форм с дополнительными словами того же придаточного предложения (с помощью префиксов)

Относительный префикс при- даточной формы выражает в том же придаточном пред- ложении:	Непродуктивный обороты придаточного предложения	Продуктивный
1. Субъект непродуктивный (непереходный) (относитель- ный префикс выражен отри- цательно).	Кюрэр Идущий едущий, (тот,) который идет едет, (тот,) кто идет едет, (то,) которое идет едет, (то,) что идет едет.	Смысловой субъект (русское причастие действительного залога).

1. Субъект непродуктивный
(непереходный) (относитель-
ный префикс выражен отри-
цательно).

Кюрэр

Идущий || едущий,
(тот,) который идет || едет,
(тот,) кто идет || едет,
(то,) которое идет || едет,
(то,) что идет || едет.

Тхэрэр

(Тот,) который пишет
(вообще) || который занимается
писанием,
(тот,) кто пишет (вообще) и т. д.,
(то,) что пишет (вообще) и т. д.

2. Субъект продуктивный
(переходный).

Зы-льэгъурэр

Видящий (нечто),
(тот,) который видит (нечто),
(тот,) кто видит (нечто).

Зы-тхырэр

Пишущий (нечто),
(тот,) который пишет (нечто),
(тот,) кто пишет (нечто).

3. Объект (относительный
префикс выражен отрица-
тельно).

Ыльэгъурэр

Видимого им, видимое им,
(тот,) которого он видит,
(тот,) кого он видит,
(то,) которое он видит,
(то,) что он видит.

Ытхырэр

(То,) которе он пишет,
(то,) что он пишет.

4. Косвенный (местный)
объект.

Зэ-плыырэр

(Тот,) которому || на которого он
смотрит,
(тот,) кому || на кого он смотрит.

Зэ-джерэр

(Тот,) которого он зовет,
(тот,) которому он кричит,
(тот,) кого он зовет,
(тот,) кому он кричит,
(то,) которое он читает,
(то,) что он читает,
(то,) которому он учится,
(то,) которое он учит,
(то,) чему он учится,
(то,) что он учит.

Косвенное дополнение,
в том числе:

5. Дательное.

Зэ-рытырэр

(Тот,) которому он дает || дарит
(нечто),
(тот,) кому он дает || дарит
(нечто).

Зэ-рыщэрэр

(Тот,) которому он продает
(нечто),
(тот,) кому он продает (нечто).

6. Дополнение (обстоятель-
ство) места с префиксами
в прилагательной форме.

Зы-щы-тхэрэр

(Та местность,) где он пишет (вооб-
ще) || занимается писанием,
(та местность,) в которую он пишет
(вообще).

Зы-щ-йтхырэр

(Та местность,) где он пишет
(нечто),
(та местность,) в которую он
пишет (нечто).

Зы-дэ-кюрэр

(То место,) куда он идет || едет
(то место,) в которое он идет || едет.

Зы-ш-ильгьгьэрэр

(Та местность,) где он видит
(нечто),
(та местность,) в || на которой
он видит (нечто),
(та местность,) с которой ||
с какой он видит (нечто),
(та местность,) откуда он ви-
дит (нечто).

Зы-дэ-тхэрэр

(То место,) в которое он вписывает
(вообще) || занимает вписыванием,
(то,) во что он вписывает (вообще),
(тот предмет,) в котором он пишет
(вообще),
(то,) в чем он пишет (вообще),
(та местность,) куда он пишет
(вообще),
(то,) куда он пишет (вообще).

Зы-дэ-итхырэр

(Та местность,) куда он пишет
(нечто),
(та местность,) в которую он
пишет (нечто).

Зы-дэ-итхэрэр (переходный)

(То место,) в которое он впи-
сывает (нечто),
(то,) во что он вписывает
(нечто).

Зы-дэ-кырэр

(Та местность,) откуда он выходит,
(то место,) с которого || из которого
он выходит.

Зы-дэ-ильгьгьэрэр

(То место,) в || на котором он
видит (нечто),
(то место,) в пределах которого
он видит (нечто),
(та местность вообще,) где
он видит (нечто),
(та местность вообще,) на ||
в которой он видит (нечто),
(та местность,) с которой он
видит (нечто),
(та местность,) откуда он ви-
дит (нечто).

7. Дополнение (обстоятель-
ство) места (без префиксов
места в прилагательной
форме).

8. Дополнение (обстоятельство) времени (без префиксов места в придаточной форме).

Зы-кlorяp

(То время,) когда он идет || едет,
(то время,) в которое он идет || едет.

Зы-кlorкiэ

(В то время,) когда он пойдет || поедет,
(то время,) в которое он пойдет || поедет.

Зы-тхэрэр

(То время,) когда он пишет || занимается писанием
(то время,) в которое он пишет || занимается писанием.

Зы-тхэкиэ

(В то время,) когда он напишет (вообще) || займется писанием,
(то время,) в которое он напишет (вообще) || займется писанием,

Зы-щы-тхэрэр

(То время,) когда он пишет (вообще) || занимается писанием,
(то время,) в которое он пишет (вообще) || занимается писанием.

То же с префиксами места в придаточной форме.

(продолжение)

Зы-ильэггурэр

(То время,) когда он видит (ничто),
(то время,) в которое он видит (ничто).

Зы-ильэггукiэ

(В то время,) когда он увидит (ничто),
(то время,) в которое он увидит (ничто).

Зы-йтхырэр

(То время,) когда он пишет (ничто),
(то время,) в которое он пишет (ничто).

Зы-йтхыкиэ

(В то время,) когда он напишет (ничто),
(то время,) в которое он напишет (ничто).

Зы-ды-щы-ильэггурэр

(То время,) когда он видит (ничто),
(то время,) в которое он видит (ничто).

Зы-щы-йтхырэр

(То время,) когда он пишет (ничто),
(то время,) в которое он пишет (ничто).

9. Дополнение личного отношения (с префиксами личного отношения в придаточной форме: „для кого“, „против желания кого“, „вместе с кем“).

В этом значении только последние относительных слов, обозначающих общество.

Зы-щы-тхэкIэ

(В то время,) когда он напишет (вообще) || займется писанием.

Зы-фá-тхэрэр

(Тот,) для которого || которому он пишет (вообще),
(тот,) для кого || кому он пишет (вообще).

Зы-фá-кIорэр

(Тот,) для которого он идет,
(тот,) для кого он идет,
(тот,) к которому он идет,
(тот,) к кому он идет.

Зы-шуá-кIорэр

(Тот,) против желания которого он идет,
идет,
(тот,) против чьего желания он идет,
(тот,) против желания кого он идет.

Зы-дá-кIорэр

(Тот,) вместе с которым он идет,
(тот,) вместе с кем он идет.

Зы-дá-тхэрэр

(Тот,) вместе с которым он пишет (вообще) || занимается писанием,
(тот,) вместе с кем он пишет (вообще) || занимается писанием.

(продолжение)

Зы-щ-йтхыкIэ

(В то время,) когда он напишет (ничто),
(то время,) в которое он напишет (ничто).

Зы-ф-йтхырэр

(Тот,) для которого || которому он пишет (ничто),
(тот,) для кого || кому он пишет (ничто).

Зы-ф-ицáфырэр

(Тот,) для которого он покупает (ничто),
(тот,) для кого он покупает (ничто).

Зы-шу-ицáрэр

(Тот,) против желания которого (он) делает (ничто),
(тот,) против чьего желания он делает (ничто),
(тот,) против желания кого он делает (ничто).

Зы-д-илъэгъурэр

(Тот,) вместе с которым он видит (ничто),
(тот,) вместе с кем он видит (ничто).

Зы-д-йтхырэр

(Тот,) вместе с которым он пишет (ничто),
(тот,) вместе с кем он пишет (ничто).

10. Орудное дополнение:
а) собственно орудное (чем,
с помощью чего).

Зэр-яльзэгүрэр
(Тот,) с помощью которого он
видит (нечто),
(то,) с помощью чего он видит
(нечто).

Зэр-тхэрэр
(Тот,) которым он пишет (вообще),
(тот,) с помощью которого он зани-
мается писанием,
(то,) чем он пишет (вообще),
(то,) с помощью чего он занимается
писанием.

Зэр-йхырэр
(Тот,) которым он пишет
(нечто),
(то,) чем он пишет (нечто).

б) средств передвижения,
(на чем) от глаголов дви-
жения.

Зэри-клорэр
(Тот,) на котором он едет,
(то,) на чем он едет.

Зэр-йшырэр
(Тот,) которым он делает
(нечто),
(то,) чем он делает (нечто).

в) путей передвижения,
(по чему, через что) от гла-
голов движения.

Зэри-клорэр
(Тот,) по которому || через который
он идет || едет,
(то,) по чему || через что он идет ||
едет.

Зэри-күрэр
(Тот,) на котором он прохо-
дит || проезжает (нечто),
(то,) на чем он проходит ||
проезжает (нечто).

11. Направительное допол-
нение (обстоятельство)
(всегда без суффикса «-к(л)»).

Передаётся по смыслу придаточными формами с относительным префиксом дополнений места (см. б):
«зы-дэ-клорэр» — «(та местность,) куда он идет» и т. д.

12. Превратительное допол-
нение.

Зэрэ-хурэр
(То,) чем он становится
(тот,) которым он становится.

Зэр-ашырэр
(То,) чем они делают
(нечто),
(то,) которым они делают
(нечто).

Зы-эр-игтэ-хэ-ээр-ырэр
(То,т.) на которого он гото-
вится,
(то,т.) на кого он готовится,
(то,т.) которым он готовится
стать,
(то,т.) кем он готовится стать,
(то,т.) чем он готовится стать.

Зэр-илъэгъурэр
(То,т.) как он видит (ничто)...,
(то,т.) каким образом он видит
(ничто)...

Зэр-йтхырэр
(То,т.) как он пишет (ничто)...,
(то,т.) каким образом он пишет
(ничто)...

Зэр-ильэгъурэр
(О том,т.) что он видит (ничто).

Зэр-йтхырэр
(О том,т.) что он пишет (ничто).

Зы-кI-ильэгъурэр
(То,т.) почему он видит (ничто),
(то,т.) отчего он видит (ничто).

Зы-кI-йтхырэр
(То,т.) почему он пишет (ничто),
(то,т.) из-за чего он пишет (ничто).

13. Дополнение (обстоятель- ство) образа действия.

Зэр-кIорэр
диал. бж. шагс. зэр-кIорэр
(То,т.) как он идет || едет,
(то,т.) каким образом (он) идет || едет.

Зэр-тхэрэр
диал. бж., шагс. зэр-тхэрэр
(То,т.) как он пишет (вообще) ||
занимается писанием...
(то,т.) каким образом он пишет (вооб-
ще) || занимается писанием...

Зэр-кIорэр
диал. бж., шагс. зэр-кIорэр
(О том,т.) что он идет || едет...

Зэр-тхэрэр
диал. бж., шагс. зэр-тхэрэр
(О том,т.) что он пишет (вообще),
(о том,т.) что он занимается писа-
нием...

Зы-кIа-кIорэр
(То,т.) почему он идет || едет...,
(то,т.) отчего он идет || едет...,
(то,т.) из-за чего он идет || едет.

Зы-кIа-тхэрэр
(То,т.) почему он пишет (вообще) ||
занимается писанием,
(то,т.) из-за чего он пишет (вообще) ||
занимается писанием.

14. Дополнение перед гла- голами: "говорить, чувствовать, соз- навать" („говорю, что...“ и т. д.).

15. Дополнение (обстоятель- ство) причины (с префиксом причины в придаточной фор- ме) перед глаголами: „гово- рить, чувствовать, созна- вать“.

Префикс личного отношения «фа- || фэ- || фы-» употребляется в значении префикса причины только после дополнительных слов, не обозначающих общество.

Зы-фá-тхэрэр
(То,) из-за которого он пишет (вообще),
(то,) из-за чего он пишет (вообще).

Зы-ф-йтхырэр
(То,) из-за которого он пишет (ничто),
(то,) из-за чего он пишет (ничто).

16. Дополнение (обстоятельство) цели

Выражается префиксально-суффиксальными и описательными формами (см. табл. III), а также формами дополнительного личного отношения (см. 9) зы-фá-тхэрэр — „(то,) для чего || ради чего || ради чего он пишет (вообще)“, зы-ф-йтхырэр — „(то,) для чего || ради чего он пишет (ничто)“ и т. д., в последней форме — только после дополнительных слов, не обозначающих общество.

17—18. Условная и уступительная придаточная форма (перед повелительной формой сказуемого в главном предложении и другими формами).

О-рэ-кЮ
Раз он идет, ...,
пусть он идет, (но) ...,
пускай он идет, (но) ...,
хоть он идет, ...

Е-рэ-льэгъу
Раз он видит, ...,
раз он видится (с кем), ...,
пусть он видит, (но) ...,
пускай он видит, (но) ...,
хоть он видит, ...,
пусть он видится, (но) ...,
пускай он видится, (но) ...,
хоть он видится, ...

О-рэ-тхэ
Раз он пишет (вообще) || записывается писанием,
пусть он пишет (вообще) || записывается писанием,
пускай он пишет (вообще) || записывается писанием,
хоть он пишет (вообще) || записывается писанием.

Е-рэ-тх
Раз он пишет (ничто),
пусть он пишет (ничто),
пускай он пишет (ничто),
хоть он пишет (ничто).

Придаточные формы со значением обстоятельственных слов — с суффиксами, преимущественно глагольными по значению, а также описательные формы с послелогами, другими глаголами и префиксами

Придаточная форма сказуемого выражает в главном предложении (с помощью суффиксов, или суффиксов, или послелогов, или префиксов, суффиксов и послелогов) обстоятельство:

8.1 Времени.

а) со значением одновременности.

I. Простые формы.

Н е п р о д у к т и в н ы й

обороты придаточного предложения

Форма сложного спряжения.

П р о д у к т и в н ы й

Форма простого спряжения.

Кю-зэ

букв.: Им идущим || едущим, он идя || едучи, (когда) он идет || едет.

Тхэ-зэ

букв.: Им пишушим (вообще) || занимающимся писанием, когда он пишет (вообще) || занимается писанием.

Кю-у (из: *кю-о)

букв.: Им идущим || едущим, он идя || едучи, когда он идет || едет.

Ыльэгъу-зэ || ыльэгъу-зэ
букв.: Им видящим (нечто), он видя (нечто), когда он видит (нечто).

Ышъы-зэ || ышъы-зэ.
букв.: Им делающим (нечто), он делая (нечто), когда он делает (нечто).

Ытхы-зэ || ытхы-зэ
букв.: Им пишушим (нечто), когда он пишет (нечто).

Ыльэгъу-у (из: *ыльэгъу-о)
букв.: Им видящим (нечто), он видя (нечто), когда он видит (нечто).

1 Цифровые обозначения в соответствии с табл. II.

От всех глаголов (но чаще от глаголов пребывания и в случае совместности обих действий).

Щыг-эу (из: *щыгэ-о)
букв.: Им стоящим (в какой-либо местности), он стоя (в какой-либо местности), когда он стоит в (какой-либо местности).

Тхэ-у (из: *тхэ-о)
букв.: Им пишушим (вообще) || занимающимся писанием, когда он пишет (вообще) || занимается писанием.

Кю-го-зэ
букв.: Пока он идущим || едущим,
пока он идя || едучи,
пока он идет || едет.

Тхэ-го-зэ
букв.: Пока он пишушим (вообще) || занимающимся писанием, пока он пишет (вообще) || занимается писанием.

Ыльэгу-го-зэ
букв.: Пока он видящим (нечто), пока он видя (нечто), пока он видит (нечто).

Ышыгы-го-зэ
букв.: Пока он делающим (нечто), пока он делая (нечто), пока он делает (нечто).

Ытхы-го-зэ
букв.: Пока он пишушим (нечто), пока он пишет (нечто).

Ыльэгу-го-зэ-рэ
букв.: Пока он видящий (нечто) пока он видя (нечто), пока он видит (нечто).

Ышыгы-го-зэ-рэ
букв.: Пока он делающий (нечто), пока он делая (нечто), пока он делает (нечто).

Кю-го-зэ-рэ
букв.: Пока он идущий || едущий,
пока он идя || едучи,
пока он идет || едет.

Тхэ-го-зэ-рэ
 букв.: Пока он пишуций
 (вообще) || занимающийся
 писанием,
 пока он пишет (вообще) ||
 занимается писанием.
КЮ-гоу (из: *кЮ-го-о)
 букв.: Пока он идущим,
 пока он идя || едучи,
 пока он идет || едет.

Тхэ-го-у
 букв.: Пока он пишуцим
 (вообще) || занимающимся
 писанием,
 пока он пишет (вообще) ||
 занимается писанием.

СыкЮ-го-рэ (диалектное)
 букв.: Пока я идущий ||
 едущий, я идя,
 пока я иду || еду,
 пока я шел || ехал.

Сытхэ-го-рэ
 букв.: Пока я пишуций
 (вообще) || занимающийся
 писанием,
 пока я пишу (вообще) ||
 занимаюсь писанием,
 пока я писал (вообще) ||
 занимался писанием.

Ытхы-го-зэ-рэ
 букв.: Пока он пишуций
 (нечто),
 пока он пишет (нечто).

Ыльзгъ-го-у (из: *ыльзгъ-го-о)
 букв.: Пока он видящим (нечто),
 пока он видя (нечто),
 пока он видит (нечто).
ЫшЫ-го-у (из: *ышЫ-го-о)
 букв.: Пока он делающим
 (нечто),
 пока он делая (нечто),
 пока он делает (нечто).

Ытхы-го-у
 букв.: Пока он пишуцим (нечто),
 пока он пишет (нечто).

Сльзгъ-го-рэ (диалектное)
 букв.: Пока я видяций (нечто),
 я видя (нечто), пока я видя
 (нечто).

Стхы-го-рэ
 букв.: Пока я пишуций (нечто),
 пока я пишу (нечто),
 пока я писал (нечто).

Кіо-го-зе-гъо

букв.: (Во) время, пока он идущим || едущим, шедшим || ехавшим,

букв.: в то время, пока он идя || едучи,

в то время, пока он идет || едет, шел || ехал,

в то время, когда он идет || едет, шел || ехал.

Тхэ-го-зе-гъо

букв.: (Во) время, пока он пишущим (вообще) || занимающимся писанием,

в то время, пока он пишет (вообще) || занимается писанием,

в то время, когда он пишет (вообще) || занимается писанием.

Кіо-го-зе-гъо-рэ

В то время, пока он идет || едет, в то время, когда он идет || едет, букв.: (во) время, пока он идущий || едущий.

Ыльэгъу-го-зе-гъо

букв.: (Во) время, пока он идущим || едущим, пока он идя (нечто),

в то время, пока он видит || видел (нечто),

в то время, когда он видит || видел (нечто).

Ылшй-го-зе-гъо

букв.: (Во) время, когда он делающим || делавшим (нечто),

букв.: в то время, пока он делая (нечто),

в то время, пока он делает || делал (нечто),

в то время, когда он делает || делал (нечто).

Ытхй-го-зе-гъо

букв.: (Во) время, пока он пишет (нечто),

в то время, пока он пишет (нечто),

в то время, когда он пишет (нечто).

Ыльэгъу-го-зе-гъо-рэ

В то время, пока он видит (нечто),

в то время, когда он видит (нечто),

букв.: (во) время, пока он видящий.

Ышй-го-зэ-гъо-рэ
 В то время, пока он делает
 (нечто),
 в то время, когда он делает
 (нечто),
 букв.: (во) время, когда он
 делающий (нечто).

Ытхй-го-зэ-гъо-рэ
 В то время, пока он
 пишет (нечто),
 в то время, когда он пи-
 шет (нечто),
 букв.: (во) время, пока он
 пишущий (нечто).

Тхё-го-зэ-гъо-рэ
 В то время, пока он пишет
 (вообще) || занимается
 писанием,
 в то время, когда он пишет
 (вообще) || занимается
 писанием,
 букв.: (во) время, пока он пи-
 шущий (вообще) || занимаю-
 щийся писанием.

КЮ-фэ¹

Пока он пошел || поехал,
 пойдет || поедет,
 пока он не пошел || не по-
 ехал, не пойдет || не поедет.

Мэ-кЮ-фэ¹

Пока (тот другой) идет ||
 едет, ходит || ездит,
 пока (тот другой) соби-
 рается идти || ехать.

Ыльзгъу-фэ¹

Пока он увидит (нечто),
 пока он (не) увидит (нечто),
 пока он (не) начнет
 видеть (нечто),
 пока он увидится
 (с кем-нибудь),
 пока он не увидится
 (с кем-нибудь).

Е-льзгъу-фэ¹

Пока он видит (нечто),
 пока он (не) увидит (нечто),
 пока он (не) начнет видеть
 (нечто),
 пока он увидится (с кем-
 нибудь),
 пока он не увидится (с кем-ни-
 будь).

¹ Видовая разница между первой и второй формами (формами простого и сложного спряжения) одного и того же глагола здесь и всюду дана в табл. III [см. суффиксы: -фэ, -фэ-кЮ, фэ нэс, фэ-кЮ нэс, -фэ нэс(ы)-кЮ, -шъы, -и, -ти (см. 8); -эу (-у, -оу) (см. 14); -шъы, -ти (см. 15); -мэ, -ми, -эу (-у, -оу), шытыгъэмэ (см. 17); -ми, шъхъакЮ, -нахъ мышъами, -кЮ (см. 18); -мэ и др. (см. 19); -эу (-у, -оу) (см. 20) и др.] сохраняется, пови-
 димому, лишь в диалектах (напр., натухайском); в литературном же языке обе формы часто употребляются безразлично, как равнозначные.
 Было бы желательнее сохранить разницу видовых значений и в литературном адыгейском языке для передачи русских видовых значений при
 переводах. Кроме того, между теми же формами есть и иные различия (напр., формы простого спряжения в натухайском первоначально, пови-
 димому, служили при передаче со слов других), уловить которые бывает довольно трудно.

Тхэ-фэ

Пока он написал (вообще) || занялся писанием, пока он не написал (вообще) || не занялся писанием, пока он напишет (вообще) || займется писанием, пока он не напишет (вообще) || не займется писанием.

Мэгхэ-фэ

Пока тот (другой) пишет (вообще) || занимается писанием, пока тот (другой) соби-рается писать (вообще) || собирается заниматься писанием.

Ы-гхы-фэ

Пока он написал (ничто), пока он не написал (ничто), пока он напишет (ничто), пока он не напишет (ничто).

Е-гхы-фэ

Пока он пишет (ничто), пока он собирается писать (ничто), пока он не начнет писать (ничто).

Ышы-фэ

Пока он сделал || сделает (ничто), пока он не сделал || не сделает (ничто);

Ешы-фэ

Пока он делает (ничто), пока он собирается делать (ничто), пока он начнет делать (ничто).

Только от непереходных

Окю-фэ¹

Пока он (сам) идет || едет, пока он (сам) собирается идти || ехать.

Отхэ-фэ¹

Пока он (сам) пишет (вообще) || занимается писанием, пока он (сам) собирается писать (вообще) || собирается заниматься писанием.

Кю-фэ-кля

Пока он пошел || поехал, пока он не пошел || не поехал,

Мэкю-фэ-кля

Пока тот (другой) идет || едет, ходит || ездит, пока тот (другой) не дошел || не доехал,

Ыльэгхы-фэ-кля

Пока он увидит (ничто), пока он не увидит (ничто),

Е-льэгхы-фэ-кля

Пока он видит (ничто), пока он собирается видеть (ничто),

¹ Разница между формами простого спряжения с одним и тем же придаточным суффиксом — префиксом 3 л. «о-», с одной стороны и с таким же префиксом «ма-||мэ-», с другой, первоначально заключалась, повидимому, в том, что первый префикс употреблялся при одном и том же подлежащем придаточного и главного предложений и мог быть, следовательно, переведен по-русски — «он...», «он сам...», «он сам...», а второй префикс — при разных подлежащих и переводится «тот...», «другой...». Эту разницу в употреблении префиксов следовало бы сохранить и в литературном адыгейском языке [ср. еще: -фэ, -фэ-кля, -фэ нес, фэ-кля нес, -фэ несыкля — 8; -эу (-у, оу) — 14; нахь мышлаи — 18; -эу (-у, -оу) — 20].

пока он поедет || поедет, пока он не поедет || не поедет, пока он начнет идти || ехать.

Тхэ-фэ-к'іэ

Пока он написал (вообще) || занимается писанием, пока он не написал (вообще) || не кончил заниматься писанием, пока он напишет (вообще) || занимается писанием, пока он не напишет (вообще) || не кончит заниматься писанием

пока тот (другой) начал идти || ехать, пока тот (другой) не начал идти || ехать.

Мэ-гхэ-фэ-к'іэ

Пока тот (другой) пишет (вообще) || занимается писанием, пока тот (другой) не кончит писать (вообще) || не кончит заниматься писанием, пока тот (другой) собирается писать (вообще) || занимается писанием, пока тот (другой) не начнет писать (вообще) || занимается писанием.

пока он появляется (с кем-нибудь), пока он не появляется (с кем-нибудь).

Ы-гхы-фэ-к'іэ

Пока он напишет (ничто), пока он не напишет (ничто), пока он (не) кончит писать (ничто).

пока он не начнет видеть (ничто), пока он видится с кем-нибудь, пока он не кончит видиться (с кем-нибудь).

Елхы-фэ-к'іэ

Пока он пишет (ничто), пока он (не) кончит писать (ничто).

Ышы-фэ-к'іэ

Пока он сделает (ничто), пока он не сделает (ничто), пока он (не) кончит делать (ничто).

Ешы-фэ-к'іэ

Пока он делает (ничто).

Ок'іо-фэ-к'іэ

Пока он (сам) идет || едет, пока он (сам не) дошел || (не) доехал, пока он (сам) начал идти || ехать.

Отхэ-фэ-к'іэ

Пока он (сам) пишет (вообще) || занимается писанием, пока он (сам) собирается писать (вообще) || собирается заняться писанием,

Только от непереходных,

При переходных глаголах: «и-...-гъум», при переходных: «и-...-гъом».

И-къ-гъу-м

букв.: Во время его ходьбы || ездѣ, когда он поидет || идет, поедет || едет, букв.: в свое время ходьбы || ездѣ, он своевременно пойдя || едучи, он своевременно пойти || поехать, когда он должен пойти || поехать.

И-тѣ-гъу-м

букв.: Во время его писания (вообще) || занятия писанием, когда он пишет (вообще) || занимается писанием, букв.: в свое время писания (вообще) || занятый писанием, когда он своевременно пишет (вообще) || занимается писанием, когда он должен писать (вообще) || заниматься писанием.

И-гуш-гъу-м

букв.: Во время его радости, когда он радуется, букв.: в свое время его радости, он своевременно радуюсь, он... своевременно радоваться, когда он должен радоваться.

И-львэгъу-гъо-м

букв.: Во время его видения (чего-нибудь), когда он видя (нечто), когда он увидится (с кем-нибудь), букв.: в свое время видения (чего-нибудь), он... своевременно увидеть (нечто), когда он должен увидеть (нечто), он своевременно увидясь (с кем-нибудь), он... своевременно увидеться (с кем-нибудь), когда он должен увидеться (с кем-нибудь).

И-тхъ-гъо-м

букв.: Во время его писания (чего-нибудь), когда он пишет (нечто), букв.: в свое время его писания (чего-нибудь), он... когда своевременно пишет (нечто), он... своевременно писать (нечто), когда он должен писать (нечто)

И-кыхвã-гү-м

букв.: Во время его вхожде-
ния в....

когда он вошёл в....

букв.: в свое время вхожде-
ния в....

он своевременно войдя,

он... своевременно войти,

когда он должен войти.

Кю пэт-ээ

букв.: Им игти продолжающим,
он игти продолжаая,

он идя,

когда он идет.

Тхэ пэт-ээ

букв.: Им писать (вообще) ||
заниматься писанием продол-
жающим,

он писать (вообще) || заниматься
писанием продолжаая,

когда он пишет (вообще) ||
занимается писанием.

Кю пэт-эу

букв.: Им игти продолжающим,
он игти продолжаая,

он идя,

когда он идет.

Тхэ пэт-эу

букв.: Им писать (вообще) ||
заниматься писанием продол-
жающим,

он писать (вообще) || заниматься
писанием продолжаая,

когда он пишет (вообще) || за-
нимается писанием.

Ыльвэгү пэт-ээ

букв.: Им видеть (ничто) про-
должающим,

он видеть (ничто) продолжаая,
он видя (ничто),

когда он видит (ничто).

Ылхы пэт-ээ

букв.: Им писать (ничто) про-
должающим,

он писать (ничто) продолжаая,
когда он пишет (ничто).

Ыльвэгү пэт-эу

букв.: Им видеть (ничто) про-
должающим,

он видеть (ничто) продолжаая,
он видя (ничто),

когда он видит (ничто).

Ылхы пэт-эу

букв.: Им писать (ничто) про-
должающим,

он писать (ничто) продолжаая,
когда он пишет (ничто).

II. Описательные формы.

Зы-кю-рэ уахтэм
А уахтэу зыкю-рэ-м
В то время, когда он идет ||
будет идти.

Зы-тхэ-рэ уахтэм
А уахтэу зы-тхэ-рэ-м
В то время, когда он пишет
(вообще) || занимается писа-
нием.

Кю-фэ нэс(ы)
До тех пор, пока он не пой-
дет || поедет,
до тех пор, пока он не пошел ||
не поехал.

Тхэ-фэ нэс(ы)
До тех пор, пока он напишет
(вообще), не напишет (вообще),
до тех пор, пока он написал
(вообще), не написал (вообще).

З-ильэг'у-рэ уахтэм
А уахтэу з-ильэг'у-рэ-м
В то время, когда он
видит || будет видеть.

З-йтхы-рэ уахтэм
А уахтэу з-йтхы-рэ-м
В то время, когда он
пишет (ничто).

Ыльэг'у-фэ нэс(ы)
До тех пор, пока он
(не) увидит (ничто),
до тех пор, пока он
(не) увидел (ничто).

Ыт-хы-фэ нэс(ы)
До тех пор, пока он
напишет (ничто) || не на-
пишет (ничто),
до тех пор, пока он на-
писал (ничто) || не напи-
сал (ничто).

Ельэг'у-фэ нэс(ы)
До тех пор, пока он видит,
до тех пор, пока он видел.

Етхы-фэ нэс(ы)
До тех пор, пока он пишет
(ничто),
до тех пор, пока он писал
(ничто).

Мэкю-фэ нэс(ы)
До тех пор, пока (тог)
идет || едет, ходит ||
ездит,
до тех пор, пока (тог)
шел || ехал, ходил ||
ездил.

Мэтхэ-фэ нэс(ы)
До тех пор, пока (тог)
пишет (вообще) || зани-
мается писанием,
до тех пор, пока (тог)
писал (вообще) || зани-
мался писанием.

Окю-фэ нэс(ы)
До (тех пор), пока он (сам)
идет || едет,
до (тех пор), пока он (сам)
шел || ехал.

Только от попере-
ходных.

Отхэ-фэ нэс(ы)
 До тех пор, пока он (сам)
 пишет (вообще) || зани-
 мается писанием,
 до тех пор, пока он (сам)
 писал (вообще) || занимал-
 ся писанием.

Мэкiо-фэ-кiэ нэс(ы)
 Мэкiо-фэ нэс(ы)-кiэ
 До того, как он пой-
 дет || поедет, пока он не
 идет || едет.

Кiо-фэ-кiэ нэс(ы)
 Кiо-фэ нэс(ы)-кiэ
 До того, как он пойдет ||
 поедет,
 пока он не пойдет || не поедет,
 пока он не пошел || не поехал,
 ну, пока он пойдет || поедет...
 до того, как он пошел ||
 поехал,
 ну, пока он пошел || поехал...

Тхэ-фэ-кiэ нэс(ы)
 Тхэ-фэ нэс(ы)-кiэ
 До того, как он кончит пи-
 сать (вообще),
 до того, как он не кончит
 писать (вообще),
 пока он пишет,
 пока он не напишет.

Только от непере-
 ходных.

Ыльэгъу-фэ-кiэ нэс(ы)
 Ыльэгъу-фэ нэс(ы)-кiэ
 До того, как он уви-
 дит (ничто),
 пока он не увидит,
 ну, пока он увидит...
 до того, как он увидел
 (ничто),
 пока он не увидел,
 ну, пока он увидел...

Ытхэ-фэ-кiэ нэс(ы)
 Ытхэ-фэ нэс(ы)-кiэ
 До того, как он пишет
 (ничто),
 до того, как он напи-
 шет (ничто),
 пока он напишет (ничто),
 пока он не напишет
 (ничто).

Ельэгъу-фэ-кiэ нэс(ы)
 Ельэгъу-фэ нэс(ы)-кiэ
 Пока он (не) увидел.

Етхэ-фэ-кiэ нэс(ы)
 Етхэ-фэ нэс(ы)-кiэ
 До того, как он кончит пи-
 сать (ничто),
 до того, как он не кончит
 писать (ничто),
 пока он не напишет (ничто),
 пока он не напишет (ничто).

К1о кѣс-и
К1о кѣс(ы)

Всякий раз, как он ходит...
когда бы он ни пошел...

Тхѣ кѣс-и
Тхѣ кѣс(ы)

Всякий раз, как он пишет
(вообще) || занимается писа-
нием...
когда бы он ни писал (во-
обще) || ни занялся писа-
нием...

К1о кѣс(ы)-к1ѣ

Всякий раз, как он ходит...
(не)...
когда бы он ни пошел...
(не)...

Тхѣ кѣс(ы)-к1ѣ

Всякий раз, как он пишет...
(не)...
когда бы он ни написал...
(не)...

Перед отрицатель-
ным главным пред-
ложением.

Ылѣѣгъу кѣс-и
Ылѣѣгъу кѣс(ы)

Всякий раз, как он видит... ||
видится...
когда бы он ни увидел... ||
увиделся...

Ытхы кѣс-и
Ытхы кѣс(ы)

Всякий раз, как он пишет
(ничто)...
когда бы он ни писал (ничто)...

Ыш1ы кѣс-и
Ыш1ы кѣс(ы)

Всякий раз, как он делает
(ничто)...
когда бы он ни делал
(ничто)...

Ылѣѣгъу кѣс(ы)-к1ѣ

Всякий раз, как он видит...
(не)...
когда бы он ни увидел...
(не)...

Ытхы кѣс(ы)-к1ѣ

Всякий раз, как он пишет
(ничто)... (не)...
когда бы он ни написал
(ничто)... (не)...

Перед любым глагольным предложением.

Э-и-ль-э-г-у-р-э-м дэжь

букв.: К тому времени, когда он идет || едет, будет идти || будет ехать,
как раз когда он идет || едет, будет идти || ехать,
в тот самый момент, когда он идет || едет, будет идти || ехать.

Э-й-тхы-р-э-м дэжь

букв.: К тому времени, когда он пишет (вообще) || занимается писанием,
в тот самый момент, когда он пишет (вообще) || занимается писанием,
как раз, когда он пишет (вообще), занимается писанием.

Ы-ш-ы-к-э-с-(ы)-к-и-э

Всякий раз, как он делает (ничто)..., (не)...
когда бы он ни сделал (ничто)..., (не)...

Э-иль-э-г-у-р-э-м дэжь

букв.: К тому времени, когда он видит (ничто) || будет видеть (ничто),
как раз когда он видит (ничто) || будет видеть (ничто),
в тот самый момент, когда он видит (ничто) || будет видеть (ничто).

Э-й-тхы-р-э-м дэжь

букв.: К тому времени, когда он пишет (ничто),
как раз когда он пишет (ничто),
в тот самый момент, когда он пишет (ничто).

б) предшествование во времени „сначала... потом...“
I. Простые формы:

Мак-ю-шъ(ы)

букв.: Он идет || ходит
потом...,
после того, как он идет || ходит.

Матхэ-шъ(ы)

букв.: Он пишет (вообще) || занимается писанием, потом...,
после того, как он пишет (вообще) || занимается писанием.

Ель-э-г-у-шъ(ы)

букв.: Он видит, потом...,
после того, как он видит.

Ё-тхы-шъ(ы)

букв.: Он пишет (ничто),
потом...,
после того, как он пишет (ничто).

Ёхъы-шь(ы)

букв.: Он несет (нечто),
потом...,
после того, как он несет (нечто).

Ельбэгъу-шь-и

букв.: Он видит (нечто) и
потом...,
после того, как он видит
(нечто), и...

Ётхы-шь-и

букв.: Он пишет (нечто) и
потом...,
после того, как он пишет
(нечто), и...

Ёхъы-шь-и

букв.: Он несет (нечто) и
потом...,
после того, как он несет
(нечто), и...

Маю-шь-и

букв.: Он идет и потом...,
после того, как он идет,
и...

Матхэ-шь-и

букв.: Он пишет (во-
обще) || занимается ни-
санем и потом...,
после того, как он пишет
(вообще), и...

Не с будущим
временем:

Кіүй (из: *кю-и), днал. кіүй
днал. кію-е

букв.: Он пошедший || поехав-
ший и...,
он пошедши || поехавши,
он пойдя,
когда он пошел || поехал.

Ыльбэгъу-и (из: *ыльбэгъу-и),
днал. ыльбэгъуй, днал. ыльбэгъу-е

букв.: Он увидевший (нечто) и...,
он увидев || увидевши (нечто),
он увидя (нечто); когда он
увидел (нечто).

Ышы-и (из *ышы-и), днал. ышы-е

букв.: Он сделавший (нечто) и...,
он сделавши || сделав (нечто),
когда он сделал (нечто).

Тх-и (из: * тхэ-и), диал. тхэ-э
 букв.: Он писавший (вообще) ||
 занявшийся писанием и...,
 он написавши || написав,
 когда он написал (вообще) ||
 занялся писанием.

КЮ-р-и (из: *кЮрэ-и)

букв.: Он идущий || едущий и...,
 он, пошедши || поехав, и...,
 он, пойдя, и...,
 после того, как он идет, и...

Тхэр-и (из: * тхэрэ-и)

Он пишущий (вообще) || зани-
 мающийся писанием и...,
 он, занимаясь писанием, и...,
 после того, как он пишет (во-
 обще) || занимается писанием,
 и...

КЮ-и-шь

диал. кЮ-е-шь

букв.: Он пошедший || поехав-
 ший, и потом...,
 он пошедши || поехавши,
 поехав и...,
 он пойдя и...,
 после того, как он пошел, и...

Ытх-и (из: *ытхы-и), диал. Ытхы-е
 букв.: Он написавший (нечто),
 и...,
 он написавши || написав
 (нечто), и...,
 когда он написал (нечто).

Ыльэгүр-и (из: *ыльэгүрэ-и)

букв.: Он, видящий (нечто), и...,
 он, увидя, и...,
 он, увидя, и...,
 после того, как он видит, и...

Ытхыр-и (из: *ытхырэ-и)

букв.: Он пишущий (нечто), и...,
 он, написав (нечто), и...,
 после того, как он пишет, и...

Ыльэгү-и-шь

диал. Ыльэгү-е-шь

Он увидевший (нечто), и
 потом...,
 он увидевши || увидев
 (нечто), и...,
 он увидя (нечто), и...,
 после того, как он увидел
 (нечто), и...

Ыш-и-шь, диал. Ышы-е-шь

букв.: Он сделавший (нечто) и
 потом..., он сделавши || сделал
 (нечто), и...,
 после того, как он сделал
 (нечто), и...

Тх-и-пхъ
Он писавший (вообще) || яв-
нящийся писанием, и...
он занявшись писанием || на-
писавши (вообще) || написав
(вообще), и...
после того, как он писал
(вообще) || занялся писанием,
и...

С несовершенным
и многократным
значением (перех-
одящим к совершенному и на-
стоящему).

Кю-т-и
букв.: Он ходил || ездил и
потом...
он ходит || едет и потом...
всякий раз, как он ходил ||
ездил, ходит || едет.

Макю-т-и
В том же значении.

Ыльэгу-т-и || **Ыльэгу-т-и**
букв.: Он видел (ничто) и
потом...
он видит (ничто) и
всякий раз, как он ви-
дел (ничто),
всмысленный раз, как он ви-
дит (ничто).

Ельэгу-т-и || **Ельэгу-т-и**
В том же значении.

Ышлы-т-и || **Ышлы-т-и**
букв.: Он делал (ничто)
и потом...
он делает (ничто) и
всякий раз, как он де-
лал (ничто),
всякий раз, как он де-
лает (ничто).

Ёшлы-т-и || **Ёшлы-т-и**
В том же значении.

Тхэ-т-и
букв.: Он писал (вообще) || яв-
нялся писанием и потом...
он пишет (вообще) || яви-
ляется писанием и потом...
и...

Матхэ-т-и
В том же значении.

Ытхы-т-и || **Ытхы-т-и**
букв.: Он писал (ничто)
и потом...
он пишет (ничто) и
потом...
и...

Ётхы-т-и || **Ётхы-т-и**
В том же значении.

всякий раз, как он писал (во-
обще) || занимался писанием,
всякий раз, как он пишет (во-
обще) || занимается писанием.

Зэр-кЮ-у

букв.: Как им идущим ||
едущим,
как только он едет в...

Зэр-тхэ-у

букв.: Как им пишушим (во-
обще) || занимающимся писа-
нием,
как только он пишет (во-
обще) || занимается писанием.

**II. Описательные
формы.**

Зы-кЮрэ ўжы-м

букв.: Вслед за тем, когда он
пошел || поехал; идет || едет,
пойдет || поедет.

всякий раз, как он пи-
сал (ничто),
всякий раз, как он пи-
шет (ничто).

Зэр-ильгъо-у

букв.: Как им виденным ||
(его) видимым; как только
он (его) видит.

Зэр-йтхэ-эу

букв.: Как он пишушим,
как только он пишет
(ничто).

З-ильгъурэ ўжым

букв.: Вслед за тем, когда
он увидел || видит ||
увидит (ничто),
после того, как он уви-
дел || видит || увидит
(ничто).

З-йшырэ ўжым

букв.: Вслед за тем, когда
он сделал || делает ||
сделает (ничто),
после того, как он сде-
лал || делает || сделает
(ничто).

З-йтхырэ ўжым

букв.: Вслед за тем, когда
он написал || пишет ||
напишет (ничто).

Зы-тхэрэ ўжым

букв.: Вслед за тем, когда он
написал (вообще); занялся пи-
санием || пишет (вообще); зани-
мается писанием || напишет
(вообще); займется писанием.

в) последовательность во времени („прежде, чем...“).

II. Сложные формы:

Зы-кюрэ-м ыпэккэ
букв.: Впереди того, когда он пошел || поехал; идет || едет, поедет || поедет, прежде, чем он пошел || поехал, поедет || поедет.

Зы-тхэрэ-м ыпэккэ
букв.: Впереди того, когда он написал (вообще) || занимается писанием; пишет (вообще) || займется писанием, прежде, чем он написал (вообще) || занялся писанием; пишет || (вообще) || занимается писанием; напишет (вообще) || займется писанием.

Чаще при несомненности или очевидности действия (перед глаголами: „видеть“).

Кю-у
Что он пойдет || поедет, что он идет || едет, что он пошел || поехал.

З-ильгъгурэ-м ыпэккэ
букв.: Впереди того, когда он увидел || увидит (ничто), прежде чем он увидел || увидит || увидит (ничто).

З-ишъырэ-м ыпэккэ
букв.: Впереди того, когда он сделал || делает || сделает (ничто), прежде чем он сделал || делает || сделает (ничто).

З-итхырэ-м ыпэккэ
букв.: Впереди того, когда он написал || пишет || напишет (ничто), прежде чем он написал || пишет || напишет (ничто).

Чаще при несомненности или очевидности действия (перед глаголами: „видеть“).

Бильгъго-у
Что он увидит.

Чаще при сомнительности или передаче со слов других (перед глаголами: „говорить“).

Ельгъго-у
Что он увидит (ничто), что он (действительно) увидит (ничто), что он (мол) увидит (ничто).

Чаще при сомнительности или передаче слов других (перед глаголами: „говорить“).

МакЮ-у
Что он собирается идти || ехать; ходит || ездит, что он будет идти || ехать,

14. Дополнения перед глаголами: „говорить, чувствовать, вать, созавать“.

I. Простые формы.

II. Описательная форма.

Кюу зэрэ-щыгы-р
букв.: Что он идущим || еду- щим находящийся || являю- щийся,
что он является идущим || едущим,
что он идет || едет.

Тхэу зэрэ-щыгы-р
букв.: Что он пишушим (вооб- ще) || занимающимся писанием находящийся || являющийся,
что он является пишушим (во- обще), занимающимся писанием,
что он пишет (вообще) || за- нимается писанием,
что он писатель.

Кю-шь(ы)

Он идет || едет поэтому...,
так как он идет || едет,
потому что он идет || едет.

Тхэ-шь(ы)

Он пишет (вообще) || зани- мается писанием, поэтому...,
так как он пишет (вообще) || занимается писанием,
потому что он пишет (во- обще) || занимается писанием,
так как он писатель.

Макюу зэрэ-щыгы-р
букв.: Что он идущим || едущим находящийся || являю- щийся,
что он является идущим || едущим,
что он идет || едет,
ходит || ездит.

Матхэу зэрэ-щыгы-р
В том же значении.

Макю-шь(ы)

В том же значении.

Матхэ-шь(ы)

В том же значении.

Ыльээгэу зэрэ-щыгы-р
букв.: Что он находя- щийся || являющийся ви- дящим (вообще),
что он является видя- щим (вообще),
что он видит (вообще),
что он зрячий.

Ытхэу зэрэ-щыгы-р
букв.: Что он (вообще) пишу- щим (некто) нахо- дящийся || являющийся,
что он (вообще) является пишущим (некто),
что он (вообще) пишет (некто).

Ыльээгэу-шь(ы)

Он видит (некто),
поэтому...,
так как он видит (некто),
потому что он видит (некто).

Ытхэ-шь(ы)

Он пишет (некто),
поэтому...,
так как он пишет (некто),
потому что он пишет (некто).

Ельээгэу зэрэ-щыгы-р
букв.: Что он видящим (некто) находящийся || являющийся,
что он является видящим (некто),
что он видит (некто).

Ётхэу зэрэ-щыгы-р
букв.: Что он пишушим (некто) отдельное) находящийся || яв- ляющийся,
что он является пишущим (некто) отдельное),
что он пишет (некто) отдельное).

Ельээгэу-шь(ы)

В том же значении.

Ётхэ-шь(ы)

В том же значении.

15. Обстоятельство причины.

I. Простые формы.

ЫшЫ-шь(ы)

Он делает (нечто),
поэтому...,
так как он делает
(нечто),
потому что он делает
(нечто).

ЁшЫ-шь(ы)

В том же значении.

Кіо-ти

букв.: Он ходил || ездил, по-
этому...,
так как он ходил || ездил,
потому что он ходил || ездил,
от хождения || езды.

Макіо-т-и

букв.: Он был идущим ||
едущим, поэтому...
и т. д.

Ыльэгу-т-и

букв.: Он (вообще) видел
(нечто), поэтому...
так как он (вообще) видел
(нечто),
потому что он (вообще)
видел (нечто).

Ельэгу-т-и

букв.: Он в (отдельных случаях)
видал (нечто), поэтому...,
так как он видал (нечто),
потому что он видал (нечто).

Тхэ-т-и

букв.: Он писал (вообще) ||
занимался писанием и (по-
этому)....
так как он писал (вообще) ||
занимался писанием,
потому что он писал (во-
обще) || занимался писанием.

Матхэ-т-и

букв.: Он был пишущим,
и поэтому...
и т. д.

Ытхы-т-и

букв.: Он (вообще) писал
нечто, и (поэтому)....
так как он (вообще) пи-
сал (нечто),
потому что он (вообще)
писал (нечто).

Ётхы-т-и

букв.: Он в (отдельных случаях)
писал (нечто), и (поэтому)....
так как он писал (нечто),
потому что он писал (нечто).

Кіо-кІэ

букв.: Он хождением,
оттого, что он идет || едет,
за то, что он идет || едет.

Ыльэгу-кІэ

букв.: Он видением
(чего-нибудь),
от того, что он видит
(нечто).

Тхэ-кІэ

букв.: Он писанием (вообще),
оттого, что он пишет (во-
обще) || занимается писанием,
за то, что он пишет (вообще) ||
занимается писанием.

Ытхы-кІэ

букв.: Он писанием
(чего-нибудь),
от того, что он пишет
(нечто),
за то, что он пишет
(нечто).

Зэр-кlorэ-м-кiэ
 анал. бжэд., шапс. зэрэ-
 клорэ-м-кiэ
 букв.: (К тому,) как идущим ||
 едущим...
 так как он идет || едет,
 за то, что он идет || едет.

Зэр-тхэрэ-м-кiэ
 анал. бжэд., шапс. зэрэ-
 тхэрэ-м-кiэ
 букв.: (К тому,) как пишущим
 (вообщце) || занимающимся
 писанием,
 (так) как он пишет (вообщце) ||
 занимается писанием,
 за то, что он пишет (вообщце) ||
 занимается писанием.

Зэр-илъэгъурэ-м-кiэ
 букв.: (К тому,) как ви-
 дящим...
 так как он видит (нечто),
 за то, что он видит
 (нечто).

Зэр-йтхырэ-м-кiэ
 букв.: (К тому,) как пй-
 шущим (нечто),
 так как он пишет (нечто),
 за то, что он пишет
 (нечто).

Зэр-йшiырэ-м-кiэ
 букв.: (К тому,) как де-
 лающим (нечто),
 так как он делает (нечто),
 за то, что он делает
 (нечто).

Зэр-кlorэ-м паэ¹
 анал. бжэд., шапс. зэрэ-
 клорэ-м паэ
 букв.: Для || ради (того,) как он
 идущий || едущий; за то, что
 он идет || едет,
 из-за того, что он идет || едет.

Зэр-илъэгъурэ-м паэ¹
 букв.: Для || ради (того,) как он
 видящий (нечто),
 за то, что он видит
 (нечто),
 из-за того, что он видит
 (нечто).

II. Описательные
 формы.

¹ На ряду с послесловом «паэ» употребляются в том же значении также «шъхьякiэ, фъшiыкiэ, папкiэ», и амалехтнме «накiэ, шъхъас, папкiэ» —
 33 кiэ» и т. д.

Зэр-гхэрэ-м пае¹

диал. бжэд, шагс. зэр-
тхэрэ-м пае

букв.: Для || ради (того), как он пишущий (вообще) || занимающийся писанием, за то, что он пишет (вообще) || занимается писанием, из-за того, что он пишет (вообще) || занимается писанием.

16. Цели: Прида-
точная форма б -
лучшего времени.

I. Простые формы.

Кюн-эу

Ему пойти || поехать, идти ||
ехать,
(чтобы) ему пойти || поехать,
идти || ехать,
чтобы он пошел || поехал,
шел | ехал.

Тхэн-эу

Ему написать || писать
(вообще),
ему заняться || заниматься пи-
санием,
(чтобы) ему написать || писать
(вообще),
(чтобы) ему заниматься ||
заняться писанием,
чтобы он написал || писал
(вообще),
чтобы он занялся || занялся
писанием.

Зэр-йтхырэ-м пае¹

букв.: Для || ради того,
как он пишущий (нечто),
за то, что он пишет
(нечто),
из-за того, что он пишет
(нечто).

Зэр-йшпырэ-м пае¹

букв.: Для || ради того,
как он делающий (нечто),
за то, что он делает
(нечто),
из-за того, что он делает
(нечто).

Ыльэгү-н-эу

Ему увидеть || видеть
(нечто),
(чтобы) ему увидеть ||
видеть (нечто).

Ытхы-н-эу

Ему написать || писать
(нечто),
(чтобы) ему написать ||
писать (нечто),
чтобы он написал ||
писал (нечто).

¹ На ряду с последоном «пае» употребляются в том же значении также «шъхьактэ, фэшпыктэ, папктэ, и диалектные «пактэ, шъхьас, папктэ-к{э}» и т. д.

Ышы-н-эу
 Ему сделать || делать
 (нечто),
 (чтобы) ему сделать ||
 делать (нечто),
 чтобы он сделал || де-
 лал (нечто).

Ыльэгү-н-кiэ
 Ему увидеть || видеть
 (нечто),
 (чтобы) ему увидеть ||
 видеть (нечто),
 чтобы он увидел || ви-
 дел (нечто).

Ыкү-н-кiэ
 Ему пройти || проехать
 (нечто),
 (чтобы) ему пройти ||
 проехать,
 проходить || проезжать
 (нечто),
 чтобы он прошел ||
 проехал, проходил ||
 проезжал (нечто).

Ытхы-н-кiэ
 Ему написать || писать
 (нечто),
 (чтобы) ему написать ||
 писать (нечто),
 чтобы он написал || пи-
 сал (нечто).

Ышы-н-кiэ
 Ему сделать (нечто),
 (чтобы) ему сделать ||
 делать (нечто),
 чтобы он сделал || де-
 лал (нечто).

Кю-н-кiэ
 Ему пойти || поехать, идти ||
 ехать,
 (чтобы) ему пойти || поехать,
 идти || ехать,
 чтобы он пошел || поехал,
 шел || ехал.

Тхэ-н-кiэ
 Ему написать || писать
 (вообще),
 ему заняться || заниматься
 писанием,
 (чтобы) ему написать || писать
 (вообще),
 чтобы он занялся || зани-
 мался писанием.

Зэ-э-кiон-эу

букв.: Так, чтобы ему пойти || поехать, итти || ехать, чтобы он пошел || поехал, шел || ехал.

Зэрэ-тхэн-эу

букв.: Так, чтобы ему написать || писать (вообще), так, чтобы ему заняться || заниматься писанием, чтобы он написал || писал (вообще), чтобы он занялся || занялся писанием.

Зэрэ-кiоны-м-кiэ

букв.: (По направлению) к тому, чтобы так пойти || поехать и т. д., так, чтобы ему пойти || поехать, итти || ехать, чтобы он пошел || поехал, шел || ехал.

Зэрэ-тхэны-м-кiэ

букв.: (По направлению) к тому, чтобы так написать || писать (вообще), так, чтобы ему заняться || заниматься писанием, чтобы он написал || писал (вообще), чтобы он занялся || занялся писанием.

Зэр-ильэггү-н-эу
букв.: Так, чтобы ему увидеть || видеть (нечто), чтобы он увидел || видел (нечто).

Зэр-итхы-н-эу
букв.: Так, чтобы ему написать || писать (нечто), чтобы он написал || писал (нечто).

Зэр-ишй-н-эу
букв.: Так, чтобы ему сделать || делать (нечто), чтобы он сделал || сделал (нечто).

Зэр-ильэггүны-м-кiэ
букв.: (По направлению) к тому, чтобы так увидеть и т. д., так, чтобы ему увидеть || видеть (нечто), чтобы он увидел || видел (нечто).

Зэр-итхыны-м-кiэ
букв.: (По направлению) к тому, чтобы так написать (нечто) и т. д., так, чтобы ему написать || писать (нечто), чтобы он написал || писал (нечто).

Зэр-ишйны-м-кйэ
 букв.: (По направлению к тому, чтобы так сделать (нечто) и т. д., так, чтобы ему сделать || делать (нечто), чтобы он сделал || делал (нечто).

Зэр-ильэгүүцты-м паэ¹
 букв.: Для того, чтобы так ему увидеть || видеть (нечто), для того, чтобы он увидел || видел (нечто).

Зэр-итхыцты-м паэ¹
 букв.: Для того, чтобы так ему написать || писать (нечто), для того, чтобы он написал || писал (нечто).

Зэр-ишйцты-м паэ¹
 букв.: Для того, чтобы так ему сделать || делать (нечто), для того, чтобы он сделал || делал (нечто).

Бльэгүү-мэ
 Если он увидит (нечто), если он увидится (с кем-нибудь).

Ельэгүү-мэ
 Если он видит (нечто), он видится (с кем-нибудь).

Зэрэ-кйоцты-м паэ¹
 букв.: Для того, чтобы так ему пойти || поехать; идти || ехать, для того, чтобы он пошел || поехал; шел || ехал.

Зэрэ-гхэцты-м паэ¹
 букв.: Для того, чтобы так ему написать || писать (вообще), заняться || заниматься писанием, для того, чтобы он написал || писал (вообще); занялся || занимался писанием.

Мкю-мэ
 Если он идет || едет, ходит || ездит.

Кйю-мэ
 Если он пойдет || поедет.

17. Условные приточные формы.
 I. Простые формы.
 а) реальное условие (с простыми неупреждающими временными формами).

¹ На ряду с послелогом «паэ» употребляются в том же значении также «шхьакйэ папкйэ» и диалектные «паккйэ, шхьакйэ, папккйэ» и т. д.

Тхэ-мэ
Если он напишет (вообще) || займется писанием.

Пльэ-мэ
Если он посмотрит.

КЮ-м-и
Если пойдет, то и...

Тхэ-м-и
Если напишет (вообще) || займется писанием, то и...

Зы-кЮ-кЮ
Если он пойдет | поедет.

Зы-тхэ-кЮ
Если он напишет (вообще) || если он займется писанием.

Зы-кЮ-кЮ-и
Если он пойдет || поедет, то и...

Зы-тхэ-кЮ-и
Если он напишет (вообще) || займется писанием.

Матхэ-мэ
Если он пишет (вообще) || занимается писанием.

Малъэ-мэ
Если он смогрит || по-сматривает.

МакЮ-м-и
Если идет || ходит, то и...

Матхэ-м-и
Если пишет (вообще) || занимается писанием, то и...

Ытхы-мэ
Если он напишет (ничто).

Ышы-мэ
Если он сделает (ничто).

Ыльэ-мэ
Если увидит, то и...

Ытхы-м-и
Если напишет (ничто), то и..., если (вообще) напишет (ничто), то и...

З-ильэ-тхэ-кЮ-кЮ || з-иль-э-тхэ-кЮ.

Если он увидит (ничто), если он увидится (с кем-нибудь).

З-йтхы-кЮ || з-йтхэ-кЮ
Если он напишет (ничто).

З-ышы-кЮ || з-ышэ-кЮ
Если он сделает (ничто).

З-ильэ-тхэ-кЮ-и || з-иль-э-тхэ-кЮ-и

Если он увидит (ничто) || увидится с кем-нибудь, то и...

З-йтхы-кЮ-и || з-йтхэ-кЮ-и
Если он напишет (ничто), то и...

Ётхы-мэ
Если он пишет (ничто).

Ёшы-мэ
Если он делает (ничто).

Ёльэ-тхэ-м-и
Если видит, то и...

Ётхы-м-и
Если пишет (ничто), то и..., если (в данном случае) пишет (ничто), то и...

б) нереальное условие (с условными временами в глагольном) (простые формы: со значением прошедшего и будущего).

КЮЩГЪ-МЭ

Если бы он пошел || поехал.

ТХЭЦТГЪ-МЭ

Если бы он написал (вообще) || занялся писанием.

КЮЩГЪ-Е-МЭ

Если бы он и пошел || поехал.

ТХЭЦТГЪ-Е-МЭ

Если бы он и написал (вообще) || и занялся писанием.

КЮАГЪ-Е-МЭ

Если бы он пошел || поехал.

ТХАГЪ-Е-МЭ

Если бы он написал (вообще) || занялся писанием.

ЫЛЪЭГЪУЦТГЪ-МЭ

Если бы он увидел (ничто), если бы он увиделся (с кем-нибудь).

ЫТХЫЦТГЪ-МЭ

Если бы он написал (ничто).

ЫШЛЭЦТГЪ-Е-МЭ

Если бы он сделал (ничто).

ЫЛЪЭГЪУЦТГЪ-Е-МЭ

Если бы он увидел (ничто), если бы он увиделся (с кем-нибудь).

ЫТХЫЦТГЪ-Е-МЭ

Если бы он и написал (ничто).

ЫШЛЭЦТГЪ-Е-МЭ

Если бы он и сделал (ничто).

ЫЛЪЭГЪУЦТГЪ-Е-МЭ

Если бы он увидел (ничто), если бы он увиделся (с кем-нибудь).

ЫТХЫГЪ-Е-МЭ

Если бы он написал (ничто).

В прошедшем и будущем; диалектно: только в прошедшем.

Только в будущем.

КЮ-тэ-мэ

Если бы он (вообще) пошел || поехал, (о том, который может и не идти || не ехать).

МакЮ-тэ-мэ

Если бы он (в данном случае) шел || ехал, который уже идет || едет, ходит || ездит.

Тхэ-тэ-мэ

Если бы он написал (вообще) || занялся писанием (о том, который может и не писать).

Матхэ-тэ-мэ

Если бы он (в данном случае) писал (вообще) || занимался писанием, (о том, который уже пишет).

Только в прошедшем.

Кюагъэ-тэ-мэ

Если бы он пошел || поехал*

Тхэгъэ-тэ-мэ

Если бы он написал (вообще) || занялся писанием.

II. Описательные (со значением прошедшего и будущего времени).

КЮу шьытыгъэ-мэ¹

букв.: Пошедшим || поехавшим он если бы являлся, если бы он пошел || поехал.

МакЮу шьытыгъэ-мэ¹

букв.: Идущим || едущим, если бы он являлся, если бы он (в данном случае) шел || ехал, ходил || ездил.

Ыльэгъу-тэ-мэ

Если бы он (вообще) увидел (нечто), если бы он (вообще) мог видеть (нечто), если бы он (вообще) увиделся (с кем-нибудь), если бы он (вообще) мог увидеться (с кем-нибудь) (о том, кто может быть и слепым).

Ытхы-тэ-мэ

Если бы он (вообще) написал (нечто), если бы он (вообще) писал (нечто), (о том, который может и не писать).

Ыльэгъу-тэ-мэ

Если бы он увидел (нечто) || увиделся (с кем-нибудь).

Ытхыгъэ-тэ-мэ

Если бы он написал (нечто).

Ыльэгъуу шьытыгъэ-мэ¹

(Вообще) видящим (нечто) если бы он являлся, если бы он явился зрячим || видящим, если бы он (вообще) увидел (нечто).

Ельэгъу-тэ-мэ

Если бы он видел (нечто) || виделся (с кем-нибудь), если бы он мог видеть (нечто) || видеться (с кем-нибудь), если бы он (в данном случае) видел (нечто) || виделся (с кем-нибудь) (о зрячем).

Етхы-тэ-мэ

Если бы он (в данном случае) писал (нечто), если бы он писал (это) (о том, который уже пишет).

Ельэгъуу шьытыгъэ-мэ¹

Если бы он и видел (это), если бы он (в данном случае) видел (нечто).

¹ На ряду с «шьытыгъэ-мэ» употребляется и «шьытыгъэ-е-мэ» в том же значении.

Тхэу щытыгъэ-мэ¹

букв.: Пишущим (вообще) || занимающимся писанием, если бы он являлся, если бы он (вообще) занимался писанием.

Матхэу щытыгъэ-мэ¹

букв.: Занимающимся писанием, пишущим (в данном случае), если бы он являлся, если бы он (в данном случае) писал || занимался писанием.

Ылбэгъоу щытыгъэ-е-мэ

букв.: Видящим || видящимся если бы он (вообще) являлся, если бы он (вообще) видел (нечто) || виделся (с кем-нибудь).

Елбэгъоу щытыгъэ-е-мэ

букв.: Видящим || видящимся (в данном случае) если бы он являлся, если бы он в (данном случае) видел || виделся (с кем).

КЮ-м-и

диал. нат. кЮ-м-и-гъ
букв.: Если он и пойдет || поедет, то (не)..., хотя он пойдет || поедет, но (не)...

МакЮ-м-и

диал. нат. макЮ-м-и-гъ
Если он и идет || едет, то (не)..., хотя он и идет || едет, но (не)...

Ылбэгъу-м-и

диал. нат. ылбэгъу-ми-гъ
Если он и увидит (нечто), то (не)..., хотя он и увидит (нечто), если (даже) он и увидел (нечто), хотя он и увидел (нечто).

Елбэгъу-м-и

диал. нат. елбэгъу-м-и-гъ
Если он и видит (нечто), хотя он и видит (нечто).

Тхэ-м-и

Если он и напишет (вообще), займется писанием, то не..., хотя он и напишет (вообще) || займется писанием.

Матхэ-м-и

Если он и пишет (вообще) || занимается писанием, хотя он и пишет (вообще) || занимается писанием.

Ытхы-м-и

Если он и пишет (нечто), хотя он и напишет (нечто), хотя он и написал (нечто).

Етхы-м-и

Если он и пишет (нечто), хотя он и пишет (нечто).

18. Уступительные придаточн. формы. а) реальное уступительное предложение перед простыми неусловными временами в главном предложении.

1. Простые формы.

¹ На ряду с «щытыгъэ-мэ» употребляется и «щытыгъэ-е-мэ» в том же значении.

КЮ-кЮ-и

диал. нат. кЮ-ти-гъ

Если даже он и пойдет || поедет; хотя он и пойдет || поедет.

МЮ-кЮ-и

диал. нат. мЮ-ти-гъ

Если даже он идет || едет, хотя он и идет || едет.

Ыльэгу-кЮ-и

диал. нат. Ыльэгу-г-и-гъ

Если даже он и увидит (ничто), хотя он и увидит (ничто).

Ельэгу-кЮ-и

диал. нат. ельэгу-г-и-гъ

Если даже он и видит (ничто), хотя он и видит (ничто).

Тхэ-кЮ-и

Если даже он и пишет (вообще) || занимается писанием, хотя он и напишет (вообще) || займется писанием.

Мятхэ-кЮ-и

Если даже он и пишет (вообще) || занимается писанием, хотя он и пишет (вообще) || занимается писанием.

Ытхы-кЮ-и

Если даже он и напишет (ничто), хотя он и напишет (ничто).

Ётхы-кЮ-и

Если даже он и пишет (ничто), хотя он и пишет (ничто).

Зы-кЮ-кЮ-и

букв.: Если когда он и идет || едет; ходил || ездил, если даже он и идет || едет, хотя он и идет || едет; ходил || ездил.

З-ильэгу-кЮ-и

букв.: Если когда он и видит || видится (с кем-нибудь); видел (ничто) || виделся (с кем-нибудь); если даже он и видит || видится (с кем-нибудь) || видел || виделся (с кем-нибудь); хотя он и видит || видится (с кем-нибудь); видел || виделся (с кем-нибудь).

Зы-тхэ-кЮ-и

букв.: Если когда он и пишет (вообще) || занимается писанием, если даже он и пишет (вообще) ||, занимается писанием, хотя он и пишет (вообще) || занимается писанием.

З-йтхы-кЮ-и

букв.: Если когда он и пишет (ничто), если даже он и пишет (ничто), хотя он и пишет (ничто).

II. Описательная форма.

Кю шъхьакIэ
Хотя он пошел || поехал,
но...

Тхэ шъхьакIэ
Хотя он написал (вообще) ||
занялся писанием, но...

КIу-й шъхьакIэ
разговорн. кIуй шъхьакIэ
диал. кIоэ шъхьакIэ
Хотя он пошел || поехал,
но...

Тхй шъхьакIэ
диал. тхэе шъхьакIэ
Хотя он и написал (вообще) ||
занялся писанием, но...

КIю нахъ мIшIэ-м-и
о-кIю нахъ мIшIэ-м-и
букв.: кроме того, что он по-
шел || поехал, хотя ничего он
другого и не исполнил, но...,
хотя он и пошел || поехал,
пойдет || поедет, но...,
даже если он и пошел || по-
ехал, пойдет || поедет, но...

МаКIо шъхьакIэ
Хотя он идет || едет,
хотя он ходит || ездит,
но...

МаТхэ шъхьакIэ
Хотя он пишет (во-
обще) || занимается пи-
санием, но...,
хотя он пописывает
(вообще), но...

МаКIуи шъхьакIэ
разговорн. маКIуй
шъхьакIэ
диал. маКIое шъхьакIэ
Хотя он и идет || едет,
ходит || ездит, но...

МаТх-и шъхьакIэ
диал. маТхэ-э шъхьакIэ
Хотя он и пишет (во-
обще) || занимается пи-
санием, но...

МаКIю нахъ мIшIэ-м-и
о-КIю нахъ мIшIэ-м-и
букв.: Кроме того, что он
идет, хотя он ничем дру-
гим и не занимается,
но...,
хотя он и идет || едет,
ходит || ездит, но...,
даже если он и идет ||
едет, ходит || ездит...

Ыльэргъу шъхьакIэ
Хотя он увидел (ничто) ||
увиделся (с кем-нибудь),
но...

ЫТхы шъхьакIэ
Хотя он написал (ничто),
но...

Ыльэргъуи шъхьакIэ
разговорн. ыльэргъуй
шъхьакIэ
диал. ыльэргъуэ шъхьакIэ
Хотя он и увидел
(ничто) || увиделся
(с кем-нибудь), но...

ЫТх-и шъхьакIэ
диал. ыТхы-е шъхьакIэ
Хотя он и написал
(ничто), но...

Ыльэргъу нахъ мIшIэ-м-и
Хотя он и увидел || уви-
дился (с кем-нибудь),
увиделся (с кем-нибудь),
но...,
даже если он увидел ||
видит (ничто) || увиделся
(с кем-нибудь)...

Ельэргъу шъхьакIэ
Хотя он видит (ничто) || ви-
дится (с кем-нибудь), но...,
хотя он (много раз) видит (не-
что) || видится (с кем-нибудь),
но...

ЕТхы шъхьакIэ
Хотя он пишет (ничто) || по-
писывает (ничто), но...

Ельэргъуи шъхьакIэ
разговорн. ельэргъуй шъхьакIэ
диалект. ельэргъуэ шъхьакIэ
Хотя он и видит (ничто) ||
видится (с кем-нибудь), но...

ЕТх-и шъхьакIэ
диал. еТхы-е шъхьакIэ
Хотя он и пишет || пописы-
вает (ничто), но...

Ельэргъу нахъ мIшIэ-м-и
Хотя он и видит (ничто) ||
видится (с кем-нибудь), (но)...,
даже если он видит (ничто) ||
видится (с кем-нибудь)...

б) нереальное уступительное предложение (перед условными временами в главном).

1. Простая форма.

Не при именном сказуемом главного предложения:

Тхэ нахь мьшлэ-м-и
о-тхэ нахь мьшлэ-м-и
букв.: Хотя он и начал писать
(вообще) || занялся писанием,
(но)...,
даже если он и начал писать ||
занялся писанием...

КЮ-м-и

диал. кЮ-м-и-гь
Если бы он и пошел || по-
ехал, то...,
хотя бы он и пошел || по-
ехал, но...

Тхэ-м-и

Если бы он написал (вообще) ||
занялся писанием,
хотя бы он написал (вообще) ||
занялся писанием.

КЮ-кI-и

диал. нат. кЮ-г-и-гь
Даже если бы он и пошел ||
поехал,
хотя бы даже он и пошел ||
поехал.

Матхэ нахь мьшлэ-м-и
о-тхэ нахь мьшлэ-м-и
букв.: Хотя он и пишет
(вообще) || занимается
писанием,
даже если он пишет ||
занимается писанием...

МакЮ-м-и

диал. макЮ-м-и-гь
Если бы он и шел ||
ехал, ходил || ездил, то...,
хотя бы он и шел ||
ехал, но...

Матхэ-м-и

Если бы он и писал
(вообще) || занимался
писанием,
хотя бы он и писал
(вообще) || занимался
писанием.

МакЮ-кI-и

диал. нат. макЮ-г-и-гь
Даже если бы он и
шел || ехал, ходил ||
ездил,
хотя бы даже он и шел ||
ехал, ходил || ездил.

Ытхы нахь мьшлэ-м-и
букв.: Хотя он вообще
начал писать (ничто) ||
писал (ничто), (но)...,
даже если он и начал пи-
сать (ничто) || писал
ничто, но...

Ыльэгу-м-и

диал. ыльэгу-м-и-гь
Если бы он и увидел
(ничто)...,
хотя бы он и увидел
(ничто) || увиделся
(с кем-нибудь)...

Ытхы-м-и

Если бы он и написал
(ничто),
хотя бы он даже и на-
писал (ничто).

Ыльэгу-кI-и

диал. ыльэгу-г-и-гь
Даже если бы он и уви-
дел (ничто) || увиделся
(с кем-нибудь),
хотя бы даже он и уви-
дел (ничто), увиделся
(с кем-нибудь).

Етхы нахь мьшлэ-м-и
букв.: Хотя он и пишет (ничто),
(но)...,
даже если он и пишет (ничто)...

Ельэгу-м-и

диал. ельэгу-м-и-гь
Если бы он и видел (ничто) ||
виделся (с кем-нибудь)...,
хотя бы он и видел (ничто),
виделся (с кем-нибудь)...

Етхы-м-и

Если бы он и писал (ничто),
хотя бы он и писал (ничто).

Ельэгу-кI-и

диал. ельэгу-г-и-гь
Даже если бы он и видел
(ничто) || виделся (с кем-ни-
будь) хотя бы даже он и видел
(ничто) || виделся (с кем-
нибудь).

Гхэ-кI-и

Даже если бы он и написал (вообще) || занялся писанием, хотя бы даже он и написал (вообще) || занялся писанием.

Матхэ-кI-и

Даже если бы он и писал (вообще) || занимался писанием, хотя бы даже он и писал (вообще) || занимался писанием.

Ытхы-кI-и

Даже если бы он и написал (ничто), хотя бы даже он и написал (ничто).

Ётхы-кI-и

Даже если бы он и писал (ничто), хотя бы даже он и писал (ничто).

II. Описательная форма.

Та же, что и в нереальных уступительных придаточных формах, но перед условными временами сказуемого главного предложения: «кIо шхьвакIэ... макIун шхьвакIэ... макIо нахь мышIэми...» и т. д.

19. Косвенный вопрос перед глаголами: „говорить, чувствовать, сознавать“.

а) реальный косвенный вопрос (как реальное условие).

Те же формы, что и в условных придаточных предложениях: «кIо-мэ... макIо-мэ... ыльэгъу-мэ... ыльэгъу-мэ...» и т. д.

б) нереальный косвенный вопрос (как нереальное условие).

«КIоцтгъ-е-мэ... ыльэгъуцтгъ-е-мэ...» и т. д.

20. Косвенная речь.

Те же формы, что у придаточных форм, выражающих дополнение при глаголах: „говорить, чувствовать, сознавать“. В косвенной речи на ряду с префиксом «мэ-||ма-» употребляется префикс 3-го лица только переходных глаголов «о-», но лишь в начале глагольных форм. Первый префикс вообще употребляется при разных подлежащих придаточного и главного предложений (когда оба они выражены 3 лицом), а второй — при одинаковых подлежащих (в том же случае).

ЧАСТЬ II

ЛЕКСИКА

Под лексикой мы понимаем тот отдел грамматики, который изучает состав слов языка, различную классификацию этих слов, отражающуюся в их синтаксическом употреблении, историю развития слов и т. д. Разумеется, мы не думаем давать в этой главе подробный анализ всего словарного богатства адыгейского языка, так как это заняло бы слишком много места. Мы ограничиваемся лишь самыми характерными и наиболее замечательными особенностями адыгейского языка в области его словаря.

Прежде всего следует определить, что мы понимаем под „словом“. Исторически слово выделяется из предложения в тот момент, когда в мышлении выделяется понятие. Это происходит, как мы видели, еще на аморфной стадии развития языка в начале первобытной общины. Следовательно, слово является понятием, воплощенным в звуковой материи. Несомненно, что как слово, так и понятие с момента своего возникновения, т. е. почти с начала развития человеческого общества, пережили долгую историю. Эта история представляет собою отражение истории общества, отражение истории развития производительных сил и производственных отношений. Понятия, развиваясь, становятся все более полными конкретным содержанием и в результате этого все более всеобщими.

„Конкретное потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного“.¹ „Так, вообще наиболее всеобщие абстракции возникают только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же свойство обще многим или всем элементам. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме“².

Слова-понятия более древних эпох отличаются, наоборот, сравнительно меньшей конкретностью — их конкретное содержание менее развито, и в силу этого их можно назвать более скудными и в ином уже смысле абстрактными. Однако эта первобытная абстрактность слова — его смутность, неразграниченность — является результатом смешения, неразличения явлений на основе слабого развития человеческой техники и общественных отношений. Развитая же абстрактность слова-понятия в современных языках представляет собой результат огромного развития производительных сил и производственных отношений, которое наполняет развитые слова-понятия богатейшим конкретным содержанием и в то же время разграничивает, расчленяет в них отдельное и общее.

Следовательно, развитие слов-понятий необходимо связано с их расчленением. Позднейшее слово-понятие превращается как отдельное слово — в часть понятия и как понятие — в сочетание слов, продолжая

¹ Маркс. Введение к «Критике политической экономии». Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. I, Ангрд, 1933, стр. 191.

² Там же, стр. 194.

параллельно существовать и как слово-понятие. Так, например, «унэжь цыкӀу» — «старый маленький дом» (или «маленький домишко») представляет собою одно понятие в сознании, но по-русски три (или два) слова, из которых два (или одно) являются словами-признаками. В адыгейском языке мы имеем, как и во многих других случаях, меньшее расчленение — два слова, из которых одно (цыкӀу — «маленький») представляет собою слово-признак. Однако доказательством того, что первоначально здесь имеется одно нерасчлененное слово-понятие, в адыгейском языке служит наличие так называемых сложно-составных слов. Эти слова, соответствующие сочетаниям слов (определятельным и дополнительным) в более развитых языках, и в адыгейском в настоящее время уже расчленяются и пишутся отдельно согласно новой орфографии. Однако остатком их бывшей нерасчлененности является общее их оформление падежными и другими окончаниями, фонетическими изменениями и ударением (ср. стр. 78). С точки зрения морфологии и фонетики и по происхождению «унэжь цыкӀур» является еще единым нерасчлененным словом, в то время как с точки зрения тенденции развития современного языка оно представляет собою по меньшей мере два слова, как две части одного понятия. Следовательно, адыгейский язык ясно доказывает, что развитие слов началось с нерасчлененных слов-понятий и закончилось выделением слов как частей, как членов единого расчлененного понятия. Адыгейский язык дает нам ясные примеры древних стадий развития языка и мышления, — стадий, отраженных в адыгейской лексике вообще и в отдельных адыгейских словах-понятиях.

Если просматривать адыгейский словарь с этой точки зрения, то сразу бросается в глаза одна его существенная особенность. Среди богатства адыгейских слов мы сразу замечаем известное сравнительно небольшое количество таких слов, которые представляют собою простейший и вместе с тем для адыгейского языка наиболее архаичный тип слова. Это так называемые слова типа открытого слога, т. е. слова, состоящие из одного слога, оканчивающегося на гласный. Если попробовать составить словарь этих адыгейских слов, то мы увидим, что все они построены из звуков по одному и тому же правилу. В начале такого односложного слова обыкновенно имеется один согласный, а в конце его один из двух адыгейских кратких гласных «э» или «ы». Таким образом, все слово состоит только из двух теперешних звуков-фонем, и все слово вместе представляет собою лишь один слог. В качестве начального согласного в этих словах могут быть представлены все адыгейские согласные звуки (за исключением «р»). Слова этого наиболее древнего для адыгейского языка типа мы называем первичными словами-корнями. Таковы, например: Іэ — «кисть руки», лэ — «ступня, стопа ноги», сэ — «я», хы — «море», дэ — «орех», шьэ — «кожа», зы — «один», о — «ты», цэ — «зуб», гьэ — «рыжий» (масть), фы — «светлый (масть, об отдельных пятнах в окраске животного)» и т. д. В более редких случаях мы можем встретить в начале таких слов сочетание двух и даже трех согласных вместо одного. Однако эти сочетания подчинены строго определенным правилам. Первым из двух согласных может стоять чаще всего губной согласный, реже шипящий спирант, или зубной мгновенный, например: блэ — «плечевой сустав руки», бгьэ — «грудь», псы — «вода», пшы — «ползи (о пресмыкающихся)», пкӀэ — «цена», пцӀы — «ложь», пкьы — «кость, костный остов, корпус, телосложение», шьхьэ — «голова», шхы — «ешь», штэ — «бери», тхьэ — «рыжевато-серый, буланый» (масть), шхьэ — «светлосерый, голубовато-серый» (масть) и т. д. Наконец, лишь в единичных случаях в начале первичных слов-корней мы встречаем сочетания трех согласных. Вот все известные нам случаи этого рода: лит. [пкӀы], диал. шапсуг. [пскьӀы]¹ —

¹ Первичные односложные слова-корни или их значения, которые в современном адыгейском языке уже не употребляются в качестве отдельных самостоятельных слов, мы в приводимых примерах всюду заключаем в квадратные скобки.

„купайся (в воде)“, диал. шапс. пскэ, лит. пчэ — „кашляй“, пштэ — „топись, кипягись на медленном огне (о молоке), полней, жирей“, пстэ — „пухни“, стхэ — „будь заскорузлым (о коже)“.

Наибольшая древность первичных слов-корней в адыгейском языке доказывается на основании многих соображений. Во-первых, слова именно такого типа обнаруживаются не только во всех адыгейских диалектах, но в таком же примерно количестве и в общем с теми же значениями также во всех говорах кабардинского языка. Кроме того, слова того же односложного первичного типа мы находим и в языках южных соседей адыгейцев — абхазов и абазинцев. Правда, в языке последних двух народов можно обнаружить среди первичных слов уже значительно меньшее количество корневых совпадений с адыгейским.

Первичные адыгейские слова-корни отличаются еще одной особенностью — чрезвычайно развитым полисемантизмом. Каждый звуковой первичный слог, построенный по указанному нами выше правилу, имеет в адыгейском языке не меньше двух-трех различных значений, а в отдельных случаях это количество доходит до 6—7 и более значений. Таким наиболее развитым полисемантизмом или многозначимостью отличаются в адыгейском языке именно первичные слова-корни. В остальных словах, т. е. в неодносложных или не оканчивающихся на гласный, полисемантизм хотя и имеет место, но значительно менее развит. Приведем несколько примеров полисемантизма первичных слов-корней: сэ — „я; [привыкай, приучайся]; [усеивай]; [сажай]; [прививай, щепи, колеруй плодовое дерево]; [шашка, нож]“; хы — „шесть; море; жни!; [вынимай, бери]; [иди вниз, спускайся]“; дэ — „орех; шей!“; шьо — „шкура, кожа; мазь, цвет; внешний вид; вы“; зы — „один; цеди!“; о — „[укатывай ток]; [погода]; уплотняй сукно (ногами); плети (шнур); жаль; кусай!; бей!; дерись!; стреляй; [нападай]“; пшы — „надувайся; мерь сыпучие тела“; цэ — „зуб; зерно; лезвие“; бгэ — „грудь; хищная птица; необгуленная самка; крой крышу (растительным материалом)“; блэ — „плечевой сустав (руки); змея; [носилки для раненых или мертвых]; нижи, вяжи в низку, плети в связку“ и т. д. Из этих примеров мы видим, что односложные слова-корни первичного типа могут иметь значения как имен, местоимений и числительных, так и глаголов. Несомненно, что этот полисемантизм или многозначимость представляет собою во многих случаях результат древнего развития понятий. На основании примеров из других языков можно предположить, что в наиболее древнюю эпоху первичные односложные слова развивались только путем раздвоения или расчленения звуков. Развитие звуков на основе развития значений можно видеть из следующих остатков этого явления в современном адыгейском языке:

Согласные

глухой

звонкий

пытэ
крепкий

у-быты
лови

ср. кабардин. быдэ
крепкий

у-быд
лови

пако,
бжедхск., натухайск. пакко
тупой (об острие)

паго
букв.: тупоносый (о человеке),
широколицый (признак красоты),
бжед. название рыбы — „сазан“,
натух. черви в падали, могиль-
ные черви.

уатэ
молот, молоток

[уад] ср. лэдэ-уад
инструмент вообще (буквально:
щипцы-молоток).

ку
сердцевина (у растений и
плодов), ствол (ружья, дерева),
клинок (кинжала, пашки).

льы
кровь
шъо
шкура, масть, цвет
ср. шъуа-гъо — „бледный“

гу
сердце

лы
мясо
[жъо]
жар, блеск,
ср. жъуа-гъо — „звезда“, жъо-ку
„угольный жар“.

(О теоретическом значении этого явления см. Фонетику, стр. 404—405).

Для того, чтобы образовать новое слово-понятие, приходилось видоизменять звуки старого слова. Так как первоначально в адыгейском языке гласных было очень мало — всего два, а в наиболее древнюю эпоху, повидимому, даже один, то развитие слов первичного типа в адыгейском языке происходило почти исключительно с помощью развития новых согласных звуков. Этим объясняется большое количество согласных фонем в адыгейском языке (в особенности в его западных диалектах — шапсугском и бжедужском). Однако возможность образования новых согласных звуков была ограничена. Когда развитие согласных перестало поспевать за развитием понятий, в адыгейском языке, как сказано ниже (стр. 213, 216), начали образовываться новые слова путем сочетания первичных слов-корней друг с другом, т. е. путем создания новых сложносоставных слов. В результате этого нового развития на переходе к древне-агглютинативному строю первичные слова-корни и развивают свой полисемантизм, причем различные их значения разграничиваются уже не разницей звуков, а различием сочетаний слов в предложении и конкретной обстановкой речи. Таким образом, наиболее развитый полисемантизм первичных односложных слов является доказательством того, что в адыгейском языке эти слова прошли наиболее долгий путь развития, т. е. являются наиболее древними. Однако, если это наше предположение верно, то в отдельных случаях различные теперешние значения одного и того же первичного звукового корня могут быть и объяснены как происходящие из одного слова-понятия. В действительности это и удастся проследить, но пока лишь в отдельных случаях. Дело в том, что развитие слов-понятий в первобытном языке не подчинялось законам формальной логики и потому для формального мышления оно представляется часто обратным тому способу развития понятий, к которому привык человек в классовом обществе. Поэтому установить истинный ход развития адыгейских слов-понятий первичного типа удастся только с большим трудом, в результате трудного исторического анализа. Чтобы установить историю слов, необходимо хорошо знать историю общества, употреблявшего их, его материальную культуру и содержание его сознания. С другой стороны, сама история слов разъясняет нам древнюю историю общества. Однако и в современном нам обществе в отдельных случаях мы можем найти нечто аналогичное развитию языка первобытного человека. Мы имеем в виду язык ребенка. Когда ребенок начинает говорить, то одним и тем же звуком-словом он часто обозначает совершенно различные, с нашей точки зрения, понятия, которые для него, однако, имеют нечто общее. Такими же нерасчлененными, смутными, слитными были и слова-понятия в первобытном языке. Например, одно и то же слово-корень первичного типа «хы» обозначает и „море“, и „жни“, и „[спускайся]“, и „[вынимай, бери]“, ср. еще «[хэ]» — „низ“. Казалось бы, между этими различными значениями нет никакой связи. Однако тому, кто знает историю развития общества вообще и, в частности, историю развития народов Кавказа и их материальной культуры, не трудно установить связь между понятиями „бери“ и „жни“. В дореволюционное

время в некоторых отсталых нагорных районах (например, в Абхазии), а в старину и в Адыгее, еще сохранялся способ ручной уборки хлеба, например, ячменя. Женщины рвали колосья прямо руками, т. е. в буквальном смысле слова „брали“ урожай. Это и есть наиболее древний, еще до появления серпа, способ уборки хлеба. Следовательно, „жни“ первоначально действительно обозначало „бери (рукой); рви“ (ср. пхъэ-х — „пила“; чы-х — „нож для рубки хвороста“, буквально: „рвущая, режущая дерево“ и „рвущий, режущий хворост“). Из истории развития общества мы знаем также, что одним из главных способов добывания пищи в древнейшую эпоху было собирание ее, т. е. собирание плодов, съедобных растений, мелких животных и т. д. Так могли быть первоначально связаны понятия „собирать (нагибаясь)“ и «[хэ]» — „низ“ и, следовательно, «е-х» „спускайся“. Отсюда же, из того же первоначально неразграниченного единого смутного понятия можно объяснить и „море“, как „нижнее место“, — место, куда текут все реки. А мы знаем, что у кавказских горцев „верх“ и „низ“ еще и теперь определяется по течению рек. Таким образом, почти все развитие слов-понятий одного звукового корня «хы» объясняется исторически из первоначального „собирай нагибаясь, собирай с земли“. Приведем еще один пример. В адыгейском языке имеется звуковой корень «гъу || гъо», который имеет множество разнообразных значений. Различение двух кратких гласных «у(ы)» и «о(э)» развилось только позднее. Первоначально краткий гласный представлял собою единый звук — конец односложного слова. В современном адыгейском языке мы находим первичные слова: «гъу» — „сушись, вялься (о продуктах); сохни (о растениях, земле, членах тела), засыхай; [будь зарезанным]“. Тот же односложный корень входит в состав и сложно-составных слов: «лъэ-гъу» — „видь“; «гъу-чы» — „железо“. На ряду с этим, такой же первичный звуковой корень, лишь с измененным кратким гласным: «гъо», обозначает „время; рыжий; место под навесом скал; пещера; нора; берлога; реви (о животных во время течки); паклен, омела (вечно-зеленый паразит на деревьях)“. Тот же корень входит в состав слов: «лъа-гъу (лъа-гъо)» — „тропа, след“, «гъуа-плъэ» — „красная медь“; «гъофы» — „белая медь, латунь“; «гъо-гу» — „дорога“; «гъуащэ» — „заблудись“ и т. д. Этот второй корень в свою очередь стоит в связи со словом «гъэ» — „теплое время года; лето (ср. послов. «кым пшхыщтыр гъэм гъэхъзэры» — „зимой что будешь есть, летом, готовь“); год“ и с глагольным суффиксом прошедшего времени «-гъэ (-гъ)». Между всеми приведенными значениями, казалось бы, опять-таки мало общего. Однако одним из первых значений этого слова-корня было, несомненно, его значение «гъу» — „вялься, сушись на солнце“, как название одного из древнейших способов заготовки впрок (т. е. на долгое время) продуктов. Одновременно с этим развивается значение „сушись на огне, пекись“, которое мы находим в слове «хъэлы-гъу» — „хлеб“, первоначально „поджаренные на огне незрелые ячменные колосья“ (отсюда: „сушеное, т. е. печеное тесто“, в отличие от «хъэлы-жъу», первоначально „вареное тесто“ (отсюда: теперешнее „вареники, пирожки“; тесто первоначально было из ячменной муки). В связи с этим стоит значение „гъу“ — „засыхай, высухай (о растениях)“ и значение «гъо» — „рыжий“, первоначально „цвет высохшей зелени“, откуда «шъуагъо» — „бледный (о людях)“, буквально: „рыжая, выцветшая кожа“. В связи с этими значениями развивается значение «гъэ» — „лето, жаркое время года“, (ср. «гъа-тхэ» — „весна“, «гъэ-маф» — „лето“), т. е. время, когда в степях зелень высыхает, откуда дальше получается слово-понятие: «гъэ» — „год (вообще)“ и «-гъэ (-гъ)» суффикс прошедшего времени, который первоначально обозначал буквально: „год назад“. «Гъо» — „место под навесом скал (пещера)“ — было так названо как место, защищенное от сырости, „сухое место“, которое служило первобытному человеку — так же, как и теперь пастухам в горах — убежищем. Отсюда же происходит и «гъо» — „бер-

лога, нора". Таким образом, от первоначального понятия „вялить на солнце“ развиваются понятия, связанные с процессами сушки, вяления, с процессом выпечки хлеба, с сухостью, с защитой от дождя, с летним временем года и т. д. Особенно интересно для нас происхождение глагола «лъэгъу» — „видь“. Этот глагол стоит в связи со словом «лъагъу || лъагъо» — „тропа“, что обозначает буквально „сухая ступня“, т. е. „старый след ноги, след“. Таким образом, слово «лъэ-гъу» — „видь“ первоначально обозначало „иди по следу, следи“; «гъогу» — „дорога“, буквально значило „сухая поверхность“ и затем „(для) движения поверхность“, ср. «гъуащэ», букв.: „слишком двигайся“, т. е. „заблудись“. Наконец, слово «гъу-чы» — „железо“, буквально обозначало „печеная земля“, т. е. „земля, обработанная огнем, земля, которую плавят“.

Эти примеры с достаточной убедительностью показывают, что во многих случаях полисемантизма в адыгейском языке омонимы, т. е. одинаково звучащие, но в настоящее время уже разные по своему значению слова, некогда были одним и тем же неразграниченным словом-понятием, которое в дальнейшем развилось, разграничилось и превратилось в целое гнездо или пучок современных слов-омонимов. Это обстоятельство также доказывает, что первичные слова-корни адыгейского языка представляют собою сохранившийся до нашего времени наиболее древний отдел его словаря.

К тому же выводу можно прийти и на основании одного из основных положений разработанного акад. Н. Я. Марром нового учения о языке (яфетической теории). По мнению Марра, в основе развития всех слов в современных языках лежат односложные звуковые корни-элементы. Из слияния этих элементов и происходят все многосложные слова теперешних языков. В большинстве этих языков, однако, одноэлементные слова почти не встречаются или сохраняются лишь в крайне ограниченном числе случаев. Однако в адыгейском, как и в некоторых других языках, мы находим значительное количество — целый пласт одноэлементных слов. Следовательно, с точки зрения яфетической теории первичные односложные адыгейские слова-корни представляют собою остаток древнейшего типа одноэлементных слов. На их древность, кроме того, указывает и тот факт, что многие современные адыгейские формальные семы (префиксы и суффиксы) в большинстве случаев происходят также от первичных слов-корней (об этом см. ниже в главе о сематике, стр. 255).

Слова развиваются в языке на основе развития общества, на основе развития его материальной деятельности, его производительных сил и производственных отношений. Если исследовать словарь, т. е. полный состав слов какого-нибудь языка, то мы увидим, что в нем отражается все содержание сознания общества, говорящего на данном языке. В словаре отражаются и основные производства данного общества (производственная терминология), и производственные отношения, и отношения классов и различных их прослоек (социальные термины), и, наконец, вся идеология данного общества (термины так называемой „духовной культуры“). Поэтому по составу словаря мы можем судить об экономике, классовом составе и классовой борьбе, об искусстве, науке, религии и философии данного народа. Сравнивая различное развитие разных отделов словаря, мы можем даже установить, какое производство является основным и ведущим в жизни народа. Этому производству в словаре будет соответствовать и область наиболее развитой, наиболее богатой терминологии. Например, известно, что у народов, основным занятием которых является скотоводство, мы находим и наиболее развитую скотоводческую терминологию, т. е. многочисленные слова, обозначающие различные виды разводимых этим народом животных с точнейшим подразделением их по породам, полам и возрастам. У земледельческого народа такую же развитую терминологию мы найдем в области сельского хозяйства, в названиях культивируемых растений, в названиях

различных способов обработки земли и т. д. Поэтому у народов, живших до недавнего времени в условиях патриархально-родовых, имеется богато развитая родовая терминология, а у народов, имевших феодальный строй, — сохраняется развитая феодально-сословная терминология. Но по мере того как в истории данного народа меняется его экономика, его общественный строй, его быт и нравы, по мере того, как он, преобразуясь, переходит из одной социально-экономической формации в другую, т. е. по мере того, как коренным образом меняются и техника его производства, и область его производственной деятельности, и производственные отношения, и отношения классов, и их идеология — по мере этого изменяются и наиболее развитые, ведущие отделы его словаря в языке. История развития словаря есть результат истории развития общества. Поэтому изучение развития словарного состава какого-нибудь языка проливает свет и на историю развития данного народа.

Если мы возьмем, например, словарный состав адыгейского языка, то увидим, что в разных исторических его пластах отразились различные социально-экономические формации, через которые проходило адыгейское общество в своей истории. Адыгейские первичные односложные слова-корни говорят нам о той древней эпохе, когда адыгейцы находились еще в условиях первобытной общины. Судя по этим словам, одним из основных производств адыгейцев было в это время скотоводство.

Они разводили (ср. «хьу» — „водись, разводись (о скоте); пасись“) и знали в качестве домашних животных «хьэ» — „собаку“, «кьо» — „свинью“, «[лэ]» — „крупный рогатый скот“, ср. в том числе «шк[лэ]» — „теленоч-сосун“; знали быка, в качестве упряжного животного: «цу» — „бык, вол“ и имели «шы» — „лошадь“. Из зерновых растений они культивировали первоначально «хьэ» — „ячмень“ и «[фы]», бжед., шапе. «фыгьо» (букв. „рыжее просо“) — „просо“. Кроме того, подспорьем служило собирание диких плодов: «мы» — „дикое яблоко“, «дэ» — „орех (всякий)“; «[зэ]» — „кизил“ и т. д. Как скотоводческий народ предки современных адыгейцев рано научились различать органы и члены тела животных: «шъхьэ» — „голова“, «бгъэ» — „грудь“, «к[лэ]» — „хвост“, «пл[лэ]» — „верхняя часть спины“, «бгы» — „поясная часть тела“, «тхы» — „спинной хребет“, «пэ» — „нос“, «жэ» — „рот, пасть“, «[у]» — „рот, полость, внутренняя часть рта“, «нэ» — „глаз“, «цэ» — „зуб“, «пкы» — „костный остов, кость“, «фэ» — „сухожилие“, «ко» — „бедро, ляжка“, «гу» — „сердце“, «ш[у]» — „печень“, «чэ» — „селезенка“, «цы» — „шерсть, волос“ и т. д. Они умели различать также названия мастей животных: «фы» — „светлый“, «гъэ» — „рыжий“, «тхьэ» — „рыжевато-серый, буланый“, «шхьэ» — „голубовато-серый, светлосерый“ и пользовались различными продуктами, получаемыми от домашних животных: «щэ» — „молоко“, «лы» — „мясо“, «тхьу» — „животное масло“, «шэ» — „нутряное сало“, «бгъэ» — „туша“, «шъэ» — „шкура, кожа“, «пк[ы]» — „штампуя кожу“, «цы» — „шерсть“ и т. д. Такие первичные слова, как: «жъэ» — „жарься“, «жъэ» — „варись“, «гъу» — „сушись, вялься“, «щы» — „дои“, «зы» — „цеди“, «пц[лэ]» — „свертывайся, кисни“, «пщ[тэ]» — „топись, кипячь на медленном огне для выделения сметаны (о молоке)“ — указывают на приготовление пищи, главным образом, скотовода. На обработку шерсти и других продуктов скотоводства указывают следующие первичные термины: «щы» — „стриги шерсть“, «пхы» — „чеши шерсть“, «пц[лэ]», диал. шалсуг. «пел[э]» — „сваливайся, скатывайся (о войлоке)“, «джы» — „пряди нить“, «щы» — „вейся (о веревке), плетись (об аркане)“, «о» — „плети круглый шнур“, «шъэ» — „плети тесьму, тки сукно“, «хъэ» — „расправь, размотай нити основы (между двумя колами перед надеванием их на ткацкий стан)“, «о» — „валяй сукно, уплотняй сукно ногами“, «бзы» — „крой“, «дэ» — „шей“ и т. д. Земледельческая техника тоже была представлена, но сравнительно меньшим количеством терминов: «т[ы]» —

„вскапывай лопатой“, «хьу» — „спей, зрей, расти, вырастай“, «чфы» (диал. шапс. «кфы») — „земля“, «шлэ» — „сажай зерна (в грядку)“, «жьо» — „лаши“, «цэ» — „отдельное зерно хлебного злака“, «клэ» — „семя огородных и плодовых растений“, «пкфы» — „зелень, ботва“, «пклэ» — „поли, тяпай (мотыгой)“, «[сэ]» — „сей, сажай, щепи, прививай в расщеп плодвое дерево“, «пхьы» — „сей вразброс“, «хы» — „жни“, «о» — „укатывай ток“, «ю» — „молоти“, «[тхьы]» — „обдирайся (о льне, о конопле)“, «хьы» — „сеть для очищения зерна от мякины“, «пшэ» — „меси тесто“, «фы» — „раскатывай тесто“, «пкфы» — „украшай тесто зубчатым колесом“, и т. д.

Металлы в эпоху возникновения первичных слов в адыгейском языке, т. е. в эпоху его аморфного строя еще отсутствовали, хотя имеются следы знания меди, свинца и олова (стр. 238). Основным материалом для постройки жилища и выделывания орудий служило дерево: «пхьэ» — „дерево [как материал; дрова“, «пцы» — „долото; долби“, «хьо» — „стачивай (первоначально дерево) рашпилем“, «лы» — „прожигай отверстие (в дереве)“, «чы» — „хворост, прут“, «фы» — „плетя плетень“, «и» — „обмазывай стену глиной“, «лэ» — „крась“, «бгьэ» — „крой крышу растительным материалом“, «пчэ» — „дверь“ и т. д. Из терминов, обозначающих поло-возрастные отношения, следует отметить: «шы» — „брат“, слово, которое первоначально обозначало „член рода, сородич (без различия пола)“, «кьо» — „сын“, «пхьу» — „дочь“, «ты» — „отец“, «ны» — „мать“, «льфэ» — „рожай“. К этой же эпохе можно отнести и слово «пцы», которое первоначально обозначало „хозяин дома, глава дома, патриарх“, ¹ а впоследствии уже в другой социально-экономической формации — при феодализме — стало обозначать князя. Таковы лишь весьма отрывочные сведения о первоначальной культуре адыгейцев, складывавшейся еще в первобытной общине, во всяком случае, в эпоху появления в ее недрах патриархального рода, которые мы можем привести здесь на основании изучения адыгейского словаря. Более подробные сведения по этому вопросу можно найти в предисловии к материалам для кабардинского словаря Н. Яковлева (Москва, 1927 г.) и в подготавливаемой в настоящее время к печати работе „Словарь первичных односложных слов-корней адыгейского языка“.

Все количество первичных слов, сохранившихся в настоящее время в адыгейском языке, не превышает 300—400. Многие из этих первичных слов-корней сохранились уже не в виде отдельно употребляемых слов, а только в составе сложных слов в качестве одной из частей составной основы, как например, корень «[ты]» со значением „стоять“ сохраняется только с префиксами места: «и-т» — „стоит внутри“, «члэ-т» — „стоит под“, «те-т», шапс. «тэ-т» — „стоит на“ и т. д.; корень «[лзы]» со значением „лежать“: «и-ль» — „лежит внутри“, «члэ-ль» — „лежит под“, «те-ль», шапс. «тэ-ль» — „лежит на“ и т. д.; корень «[сы]» со значением „сидеть“: «и-с» — „сидит внутри“, «члэ-с» — „сидит под“, «те-с» шапс. «тэ-с» — „сидит на“ и т. д.

Уже в первобытной общине развившиеся производительные силы привели к такому обогащению материальной культуры адыгейцев, их общественных отношений и содержания их сознания, при котором запас первичных слов-понятий и весь аморфный строй языка перестали поспевать за развитием обогащенной и усложнившейся жизни общества. Для отражения жизни понадобилось развить в языке новое огромное количество слов-понятий. Поэтому поднявшиеся на более высокую ступень производительные силы и новые общественные отношения ломают устаревший аморфный строй языка. Прежние первичные слова начинают соединяться друг с другом и образуют новые сложно-составные слова —

¹ Временное круглое жилище из необмазанного плетня — наиболее древний тип адыгейского жилища, которое устраивается на летних пастбищах или на месте полевых работ, до сих пор называется «пцы-плэ», т. е. „место (для) хозяина“.

двусложные и многосложные. Прежнее первичное односложное слово превращается в часть нового слова — в часть составной основы, словообразовательный суффикс, форматив. Аморфный строй языка превращается в агглютинативный. Этот новый строй сразу обеспечивает возможность образования большого богатства новых слов и ведет к развитию огромного числа их форм. На этой стадии развития в адыгейском языке впервые возникает образование составных основ, словообразование и позднее словоизменение. Слово, которое в аморфную эпоху было еще целиком связано только с реальным содержанием, — становится теперь в то же время и чисто грамматической формой. Слово остается словом-понятием, но в то же время становится и словом-формой. Впервые возникает разница между реальным и формальным значением слов. Для этой эпохи мы должны определить слово уже не просто как слово-понятие, но как слово, представляющее собою в то же время и грамматическое единство всех его форм. Например, в адыгейском языке слово «цЫфы» — „человек“ может иметь несколько форм: «цЫфы-р» — „человек, человека“, «цЫфы-м» — „человек, человеку, человека“, «цЫфы-м-кIэ» — „к человеку“, «уатэ-м-кIэ» — „молотом“, «цЫф-эу» — „в качестве человека“, «цЫфы-хэ-р» — „человеки, люди, людей“, «цЫфы-мэ || цЫфы-хэ-мэ» — „человеки, люди, людей, людям“, «цЫфы-хэ-м-кIэ» — „к людям“, «уатэ-хэ-м-кIэ» — „молотками“, «цЫфы-хэ-у» — „в качестве людей“ и т. д. Однако все эти формы объединяются чем-то общим, или, как говорят в науке о языке, — одним реальным значением, т. е. одним понятием „человек“, „молот“. Поэтому для агглютинативной эпохи развития языка, как и для всех последующих эпох его развития, мы должны определить слово как единство всех форм его словоизменения. Реальное содержание слова делает его единым словом, несмотря на различие всех его форм. Однако многообразие его форм придает в эту эпоху слову более развитый, более богатый конкретным содержанием характер. В особенности это видно на примере адыгейского глагола. Адыгейский глагол, каждый в отдельности, имеет по несколько тысяч форм (см. часть IV, Морфология, стр. 369). Однако все это огромное богатство форм объединено единым реальным содержанием каждого глагола. Само являясь результатом развития мышления, обилие форм глагола в свою очередь позволило развиваться как в мышлении, так и в языке большому количеству таких обобщенных оттенков значения, как различные отношения содержания речи к действительности, например его реальность или нереальность, утверждение факта или отрицание его, различные временные оттенки, видовые оттенки (законченность, незаконченность или многократность действия), различные отношения субъекта и объекта, различные отношения места, времени, образа действия, причины, цели и т. п. в придаточных формах и т. д., и т. д. Все это богатство формальных категорий, объединяемых одним реальным содержанием глагола, придает этому содержанию огромное конкретное развитие и подготавливает почву для образования соответственных слов-понятий, выражающих основные категории объективной действительности и мышления.

В этой связи следует остановиться на так называемых грамматических классах слов, т. е. на их классификациях, которые вскрываются в современном адыгейском языке. Если исключить из нашего рассмотрения такие морфологические классы слов, как имя и глагол, которые возникают лишь с развитием морфологии и рассматриваются нами в отделе морфологии, то мы увидим, что в современном адыгейском языке сохраняется также иное деление слов на классы. Отчасти мы имеем в нем такие классы или группы слов, которые выделены по их реальному значению и одновременно по их синтаксическому употреблению. В то же время в адыгейском языке имеются подразделения внутри одной и той же части речи на группы или классы, которые тоже могут

быть выделены главным образом по значению, реальному содержанию слов и лишь отчасти по морфологическим признакам. Можно предположить, что реальные классы слов, т. е. те, которые отражали и отражают реальную классификацию соответствующих явлений окружающей жизни и отвечающих им понятий, представляют собою одно из древнейших явлений в развитии языка. Реальная классификация внешнего мира, отразившаяся и в языке, представляет собою результат познания природы и общества на основе развития материальной деятельности и общественных отношений человека. Только на основе этой реальной классификации слов-понятий в языке и мышлении в дальнейшем возникает также грамматическое отражение этой классификации, т. е. формальное ее выражение. Поэтому, если мы в современном адыгейском языке замечаем то или иное грамматическое деление слов на классы, которое на первый взгляд не связано с реальным содержанием, то мы должны предположить, что в более ранние эпохи развития языка эта теперешняя классификация была реальной, и, следовательно, и сейчас, на основании расхождения между грамматической формой и ее теперешним содержанием, можно вскрыть ее первоначальное реальное содержание.

В дальнейшем мы постараемся дать примеры, разъясняющие эти положения. Само собой разумеется, что в этих примерах мы дадим только основные подразделения адыгейских слов на классы, не вдаваясь в подробности.

Известно, что в русском языке все имена существительные подразделяются на названия предметов одушевленных и неодушевленных. К первым применим вопрос „кто?“, ко вторым — „что?“. В адыгейском языке мы тоже имеем подразделение всех имен на два класса. К первому применим вопрос «хэт?», ко второму — «сыд?» (бжед., шапс. нат. «шъыд?»). В первый класс имен в адыгейском языке входят только члены общества, люди, во второй класс — названия всех остальных как одушевленных, так и неодушевленных предметов. Поэтому первый класс адыгейских имен мы называем классом общества в прямом значении этого слова. Второй класс можно было бы назвать классом природы с той оговоркой, что по этому подразделению в один класс с природой относятся также орудия и продукты человеческого труда и многие явления общественной жизни и идеологии. Можно предположить, что некогда это деление более точно соответствовало делению на общество и природу. Далее мы замечаем, судя по грамматическому (сематическому, ср. отдел сематики) составу адыгейских имен, остатки какого-то более дробного и древнейшего подразделения на грамматические классы. Эти остатки в современном адыгейском языке не имеют больше практического значения. Они представляют собою только исторический интерес. Однако их изучение чрезвычайно важно для истории адыгейского языка и истории адыгейского общества. Грамматические классы эти различаются по первому корню вторичной сложно-составной основы. Они обозначены такими корнями-детерминативами, т. е. корнями-показателями древних классов, как «Iэ || Ia-, Iы-» — „рука“, «лъэ || лъа-, лъы-» — „нога“, «о || уа-» — „погода, воздух“, «хъэ || хъа-» — „ячмень“ и т. д. Подробные примеры слов, входивших в эти классы, мы намерены привести в специальной работе. Здесь же укажем только, что в основе этого, очевидно, древнейшего деления адыгейских имен на классы лежат древние общественные отношения и прежде всего отношения, порождавшиеся в процессе труда. Так, например, все, что было связано с процессом развития роли руки в производстве, первоначально отмечалось односложным корнем «Iэ-» — „рука“. Все, связанное с первоначальным сельским хозяйством и жилищем человека, отмечается односложным корнем «хъэ-» — „ячмень“ и „собака“ и т. д.

Подразделение на классы общества и природы, или, вернее, выделение класса общества из всего остального замечается в адыгейском языке

также в развитии значения некоторых падежных форм. Так, например, разбирая формальное значение так называемой орудно-направительной формы имен с суффиксом «-кIэ», мы замечаем, что орудное свое значение она получает тогда, когда в этой форме стоит название животного или предмета. Наоборот, направительное значение эта форма приобретает как в том случае, когда ее принимают названия людей, так и в том, когда в ней стоят названия предметов, местностей. Из направительного развивается дательное значение этой формы, но лишь по отношению к классу людей и животных (ср. стр. 288) и т. д.

Кроме имен, на классы подразделяются также глаголы. По чисто синтаксическому признаку — употреблению придаточной формы сказуемого с суффиксом «-эу (-у, -оу)» — из среды глаголов выделяется их класс со значением „говорить, чувствовать, сознавать“. Это выделение напоминает класс глаголов „говорить и чувствовать“ (*verba dicendi et sentiendi*) в латинском языке. В качестве древнейшего подразделения на классы в области глаголов мы можем еще указать на группу большей частью первичных глаголов, которая с помощью смены краткого гласного «э» на «ы» образует залог продуктивный (переходный) от непродуктивного (непереходного). По реальному содержанию почти все глаголы этой группы представляют собою названия древнейших сельскохозяйственных и так называемых „домашних“ производств, т. е. производств, связанных с обработкой земли, со скотоводством, обработкой пищевых продуктов, шерсти, дерева и т. д. в патриархальной семье, живущей еще всецело в условиях замкнутого натурального хозяйства. Это выделение класса первоначальных сельскохозяйственных и „домашних“ производств позволяет также наметить древнейшие процессы производства, возникавшие в адыгейском обществе. Таковы остатки деления слов на классы в адыгейском языке. Интересно, что на ряду с ними адыгейский язык отличается полным отсутствием тех грамматических классов, которые известны под именем грамматических родов (например, русские — мужской, женский и средний роды) в большинстве европейских языков.

В современном адыгейском языке первичные слова-корни — продукт аморфной эпохи — представляют собою уже омертвелый, не развивающийся далее исторический остаток. Большинство современных адыгейских слов — слов, сохраняющих возможность дальнейшего развития, — принадлежит уже к сложно-составному, так называемому вторичному многосложному типу, который развился из первичных слов-корней. Рассматривая слова вторичного типа в адыгейском языке, мы, однако, в большом количестве случаев можем еще почти без труда вскрыть в них те аморфные односложные слова-корни, из которых они сложились. При этом каждое современное слово-глагол в его отдельных формах, а в некоторых случаях и имя, в результате такого исторического анализа объясняются как прежние целые предложения из слов аморфной эпохи, ставшие едиными словами-формами в результате агглютинации.

Приведем несколько примеров вторичных сложно-составных слов, начиная с простейших:

нэпсы	нэ	псы
слеза	глаз	вода
букв.: глаза вода		
Иупсы	Иу	псы
слюна	рот	вода
букв.: рта вода		
шылы	шы	лы
конина	лошадь	мясо
букв.: лошади мясо		

цулы говядина букв.: вола мясо	цу вола		лы мясо
псыпэ устье (реки) букв.: нос реки	псы река		пэ нос
кьэмапэ острие кинжала букв.: нос кинжала	кьэмаэ кинжал		пэ нос
щыгъуль солонка букв.: нога соли	щыгъу соль		лээ нога (ступня)
хьаджыгъалъ ящик для муки, загром букв.: нога муки	хьаджыгъ мука		лээ нога
гъучыун железный гвоздь букв.: железный деревянный колышек.	гъучы железо		лун деревянный гвоздь; колышек, вбивавшийся в стены фы светлый, белый
пэфы белоносый, со светлым пят- ном на носу (масть) букв.: светлый нос	пэ нос		шлэ свершай, свершивший
онашI седельщик (профессия) букв.: седла делающий	уан седло		кIэ новый
онакI новое седло	уан седло		пэ нос, начало
шыупэ передовой всадник букв.: начало всадников	шыу всадник		
шынахьыкI младший брат букв.: более молодой брат	шы брат	нахь более	кIэ молодой
Iабл рука (выше локтя), букв.: кисти руки плечевой сустав	Iэ кисть руки		блэ плечо (сустав)
щабз лук (оружие) букв.: стрела (и) тетива.	щэ стрела		бзэ тетива
пхьэшъхьэ-мэшъхьэ плоды, фрукты букв.: верхушки дерева и грозди яблок.	пхьэ дерево	шъхьэ голова вер- хушка; пло- доносящая гроздь, кисть	мы дикое яблоко
Iэпшъэ-лъапшъ суставы тела, букв.: шеи кистей рук (и) шеи ступней, т. е. запястья (и) ши- колотки.	Iэ кисть руки	пшъэ шея	лээ ступня
Iэпкъы-лъэпкъ члены тела,	Iэ кисть руки	пкъы кость	лээ ступня

букв.: кости кистей рук (и)
кости ступней.

Іэмэкъэ-лъэмакъ
шум от движения (человека),
букв.: кистей рук звук (и)
ступней звук

Іә
кисть руки

макъэ
звук

лъэ
ступня

пкъышъол
тело (человека)
букв.: кожа, кости, мясо

пкъы
кость

шъо
кожа

лы
мясо

папль
дожидайся
букв.: на начало || вперед
смотри

пэ
перед, на-
чало

плъэ
смотри

Іус
сиди возле отверстия

Іу
рот, отвер-
стие

[сы]
сиди, нахо-
дись в сидя-
чем положе-
нии

еклэс
садись в торока (позади
седла).
букв.: к хвосту садись.

[е]
к нему,
на него

клэ
хвост

[сы]
садись

Во многих случаях разложение современных сложных слов на первичные слова в адыгейском языке требует довольно сложного и трудного анализа, так как современное значение всего слова в целом уже значительно расходится с тем, что должно было обозначать сочетание первичных слов, например:

псалъ
слово

псэ
одушевленность

лъэ
нога

букв.: нога одушевленности, т. е.
вместилище одушевленности.

лъэгъу
видь

лъэ
ступня, нога, след

гъу
засохший,
иссохший

букв.: следи

ср.: лъагъу (из: лъагъо)
тропа

букв.: сухой след, т. е.
старый след
и т. д.

Там, где в первичных односложных словах имеется сочетание согласных в начале слова, это можно иной раз объяснить тоже из слияния простейших по своему звуковому виду первичных слов:

[лъхъэ]
клади

[лъы]
лежи

[хъэ], вм. «хъы»
неси

букв.: лежать неси

В некоторых случаях более сложные сочетания первичных односложных корней мы легко можем разложить на их первоначальные составные части и понять значение всего этого сочетания, как оно складывалось в прошлом. Так, например, слово «игушлогъум» буквально: „во время его радости“, „в то время, когда он радуется“, можно без труда еще понять как сочетание трех первоначальных односложных слов: «и» — „его (имущественная принадлежность)“, «гу» — „сердца“, «шю» вместо «шю» — „хорошего“, «гъу» вместо «гъо» — „время“, т. е. „сердца хорошего

его время". В особенности интересный материал дают в этом отношении теперешние сложные глагольные формы. Так, например, выражение „я тебя люблю“ по-адыгейски до сих пор звучит очень архаично: «шӀу у-сэ-лъэгъу», что близко к: „хорошее твое он видение“, т. е. „хорошим тебя я вижу“; слово «сыгумэкӀыгъ» — „я беспокоился“ — состоит из первичных отдельных слов «сы» — „мое“, «гу» — „сердце“, «мэкӀыгъэ» вместо „мэкӀагъэ“ — „уменьшилось“.

Выражение «чъыӀэр кыы-сэ-го-уа-гъ» — „я простудился“ можно объяснить следующим образом. Сказуемое «кыы-сэ-го-уа-гъ» составилось из первичных односложных слов-корней: кыы — „сюда“, сэ — „мне“, го — „внутри сердца“, уа-гъ — „(он) ударил“. Что касается 3-го лица единственного числа субъекта „он“, то этот субъект выражен отсутствием префикса в начале глагольной формы, так как глагол «кыысэгоон» — непродуктивный по происхождению (см. Морфология, стр. 323). Следовательно, все выражение первоначально буквально обозначало: „холод сюда мне внутри сердца ударил“. Интересно происхождение выражения «тегъэ-псы-хь(э)» нат. «тэ-гъэ-псы-хь», сейчас имеющего несколько значений: „наладь, приведи в порядок (для работы), пригони (часть машины), наведи на цель, прицель (ружье), подготовь, снаряди, одень (человека), поставь часы (на правильное время)“. Буквально: этот глагол обозначает „сверху заставь остругать что-либо“. От слова «пхъэр у-псы» — „остругай (дерево), придай деревянному предмету окончательную отделку“, а также „обрей“. Это последнее слово составилось из первичных корней «у» + «псэ», так же, как, например, от слова «цӀынэ» — „сырой, мокрый“ образовано слово «у-цӀыны» — „мокни“, от слова «пцӀанэ» — „голый, нагой“ — «у-пцӀэны» — „обнажай, раздевай“ (еще примеры см. стр. 312). Последний корень «псэ» в качестве самостоятельного слова сейчас переводится, как „душа“, но такое понятие привнесено в адыгейское сознание только с переходом к классовому обществу и с появлением развитой религии: христианства и мусульманства. Первоначально же, да и сейчас еще в народных диалектах это слово обозначало и обозначает „жизнь, одушевленность“, „способность живых существ к произвольному движению или к смене живого и анабиотического состояния“, т. е. движущуюся и растительную жизнь. Так, по представлению адыгейцев «псэ» имеют все живые существа, обладающие способностью двигаться, например, кроме людей, — все животные, насекомые и т. д., а также растительность, земля и вода как обладающие способностью замирать на зиму и оживать весной. Таким образом, «псэ» в его первоначальном значении следует переводить словом „жизнь“, „одушевленность“, ср. «псэу» — „живой, живи; здоровый, целый“, «псэушъхь» — „животное“, буквально: „живая голова“ и т. д. «Хы||хьэ» сейчас сохраняется в двух значениях: „неси внутрь“ (например, „унэм рихьагъ“ — „он внес в комнату что-нибудь“) и „иди, двигайся“ (например, „унэм ихьагъ“ — „в комнату он вошел“), откуда развивается значение суффикса «-хьэ, -хь» — „вокруг, кругом“. Таким образом, «у-псы» — „стругай“ буквально обозначает: „оживи, сделай его живым, одушевленным“; «у-псы-хьэ, псы-хьэ» — „остругай кругом“, буквально: „оживи его кругом“, ср. еще „облиняй (о животных), обновись“. Внести в предмет труда труд, придающий ему окончательную отделку, окончательную форму, таким образом, это значило в первоначальном сознании адыгейца — внести в него жизнь, оживить его. Во всяком случае, оба эти понятия стояли в непосредственной связи одно с другим. Материал, обработанный в готовый продукт, — это „оживленный материал“, и обратно — хорошо сложенное, без физических недостатков животное или человек — это „хорошо оструганное, хорошо внешне выделанное животное или человек“, — первобытно материалистические представления, основанные еще на смещении понятий, но напоминающие те, которые много позднее, уже в совершенно иной, вполне точной научной форме и для иной исторической эпохи были выражены Марксом, когда

он писал: „...многообразные определенные, конкретные виды полезного труда, содержащиеся в различных товарных телах, служат теперь лишь в качестве особых форм осуществления и проявления человеческого труда вообще“.¹ „Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков лишенного различий человеческого труда, самым своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира“.² Следовательно, все адыгейское выражение, взятое вместе «тегъэпсыхь» некогда буквально обозначало не только „остругай кругом, придай предмету внешнюю отделку“, но и „(предмет) сверху заставь быть живым кругом“, „сверху оживи (предмет) кругом“. Отголоски этого значения и сейчас еще слышатся в таких адыгейских выражениях, как: лы тегъэпсыхьагъ — „мужчина складной, видный, без недостатков. (в физическом и духовном смысле)“, шы тегъэпсыхьагъ — „лошадь без пороков, первоклассная, хорошо сложенная лошадь“, Іэшэ-шъуашэкІэ шІоу тегъэпсыхьагъ — „у него великолепное снаряжение, великолепное вооружение“, кы-п-тегъэпсыхьагъ — „тебе подходит, для тебя подходящий (как раз)“ и т. д.

Выражение «псыфалэ сэлэ» — „я жажду (о воде)“ можно объяснить как слияние следующих слов: «псы» — „воды“, «фэ-||фа-» — „ради нее“, лэ — „умерший“, сэ — „я“, «лэ» — „умираю“, т. е. „из-за воды умерший, я умираю“.

Конечно, с помощью подобного анализа сейчас пока еще удастся объяснить далеко не все адыгейские слова, составившиеся из первичных односложных слов. Тем не менее, можно сказать, что в современном адыгейском языке основной запас его словаря составляют сложно-составные слова, образовавшиеся из слияния двух или нескольких первичных односложных корней. Между прочим, в некоторых из приводившихся примеров мы имеем довольно еще ясные остатки инкорпорации, первоначально существовавшей в адыгейском языке.³ Разумеется, этот вывод относится к тому состоянию адыгейского языка, в котором он находился до последнего периода своего развития, т. е. до Октябрьской революции. Можно считать, что в основном адыгейский язык как язык агглютинативный и полисинтетический, т. е. состоящий из многосоставных по своему происхождению слов, сложился в период первобытно-общинного строя.

Рассматривая историю этих многосоставных слов с точки зрения их значения, мы можем прийти к выводу, что эта эпоха развития адыгейского общества характеризовалась не только определенным строем языка, но и своеобразным строем мышления людей той отдаленной поры, — строем, развившимся на основе определенного уровня развития производительных сил и производственных отношений. Так, из анализа уже рассмотренных нами нескольких примеров можно сделать вывод, который подтверждается на большом количестве наблюдений над адыгейскими словами, что в эпоху возникновения полисинтетического строя, сознание и материя, живая и мертвая природа, хотя и противопоставлялись друг другу, но в то же время представляли собою в мышлении человека еще нечто единое в гораздо большей степени, чем позднее в мышлении людей классового общества. Это единство того, что много позднее в классовом обществе приобрело на первых порах в религии форму дуалистического идеализма (т. е. двойственного миропонимания, — миропонимания, в котором идеальное, или духовное, как первооснова и творец мира, с одной стороны, и материальное — с другой,

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XVII. Москва, 1937, стр. 72.

² Там же, стр. 76.

³ Инкорпорация — включение в состав глагольной формы самостоятельных членов предложения, — явление, характерное для многих палеазиатских и американо-индейских языков.

стали резко противопоставляться друг другу), это первоначальное монистическое миропонимание было характерным для доклассового мировоззрения, которое точнее всего можно было бы назвать первобытным материалистическим монизмом. Об этом мировоззрении писал в нескольких своих работах известный французский социолог Леви-Брюль, который дал ему не совсем удачное название закона партиципации, т. е. „сопричастности“ (ср. стр. 456). Первобытный монизм можно считать материалистическим в том отношении, что он, как это видно из огромного количества примеров из различных языков, мыслил и сознание и материю, и живую и мертвую природу, наконец, и человеческое общество и природу, как нечто нераздельное и единое, как нечто подчиненное одним и тем же законам. При этом „духовное“, т. е. сознание, мыслилось такую же материальной силой, как и физическое — природа. Слову, например, приписывалась такая же материальная сила воздействия, как и явлению, которое им обозначалось, и т. д. И наоборот, явлениям природы приписывались такие же свойства, как и человеку. Конечно, этот первобытный материализм, с нашей точки зрения, представляет собою грубое неразличение материи и сознания, живой и мертвой материи, природы и человека и отсутствие элементарных знаний об истории развития того и другого. Между первобытным материализмом и современным диалектическим и историческим материализмом лежит такая же разница, как между первобытным коммунистическим строем — первобытной общиной — и тем коммунистическим обществом, первую фазу которого мы уже имеем в стране социализма — в СССР.

Итак, основной запас слов адыгейского языка представляют собою слившиеся многосложные слова, составленные из односложных корней предшествующей эпохи. Если попытаться дать самую общую характеристику особенностям этого запаса слов в отличие от слов русского и других западноевропейских языков, то бросится в глаза прежде всего следующая разница: адыгейские слова, в особенности в живом народном их произношении, хотя бы и соответствующие по своему значению русским словам, являются по значению гораздо более конкретными, можно даже сказать, грубо-конкретными словами-понятиями. Так, например, слово-глагол «къэкъын» — „расти, вырастай“ в адыгейском языке обозначает „расти“ в грубо конкретном смысле этого слова, т. е. расти еще непосредственно в отношении растений, тогда как в русском языке этот глагол может употребляться в нескольких значениях: „расти о человеке и животном, об умственном кругозоре, о промышленности“ и т. д. Точно так же адыгейский глагол «зэхэхын» — „слышать“ еще в большей степени значит „слышать непосредственно ушами“, тогда как по-русски он может обозначать не только это, но и „получить сведения о ком-нибудь, узнать о ком-нибудь и т. д.“.

То же самое явление мы замечаем и в значениях очень многих других адыгейских слов, которые на первый взгляд ничем не отличаются от соответственных русских. Обыкновенно эту особенность адыгейского, как и других менее развитых языков, называют отсутствием в них слов со значением абстрактных, т. е. отвлеченных понятий. Может получиться впечатление, что в адыгейском языке совсем нет слов для обозначения отвлеченных понятий. Кое-кто из ученых даже делает отсюда вывод о том, что так называемые примитивные (по их мнению) народы якобы совсем не способны к отвлеченному мышлению, к обобщению, к абстракции. На этом основании некоторые ученые стали употреблять термин „дологическое“ мышление первобытных народов, как будто могло существовать человеческое мышление без логики. С точки зрения формальной логики классового общества это, может быть, и правильно, но совершенно неправильно, что какое бы то ни было мышление человека возможно без диалектической логики, хотя бы в неосознанном, стихийном ее виде. Совершенно неправильно и то, что

в развитии такого языка, как адыгейский, даже на его древнейших этапах не видно процессов обобщения, процессов создания отвлеченных или абстрактных понятий. Наоборот, те примеры, которые приводились выше, и многочисленные новые факты, которые можно было бы привести, показывают, что вообще все народы — на какой бы ранней стадии общественного развития они ни находились, — в одинаковой степени обладают способностью обобщения, способностью абстракции, но эта „способность“ на разных ступенях общественного развития развита не в одинаковой степени. В адыгейском языке мы можем найти большое количество примеров, из которых ясно виден этот древний процесс развития слов путем обобщения их значений, путем абстракции. Например, многие совершенно конкретные названия частей орудия и тела путем развития превращаются в абстрактные слова-понятия, выражающие отношения пространства и времени вообще. Слово «пэ» — „острие (орудия), нос“ начинает обозначать „передний конец, передняя часть предмета (вообще)“, отсюда „перед (вообще), передний“ и даже „начало (времени)“. Слово «кIэ» — „хвост, бжед., шапс. ручка орудия“ становится понятием „конец (предмета и времени)“, а также „зад, задняя часть, задний, последний“. Слово «шъхъэ» — „насадка орудия, голова“ дает начало для развития обобщенных слов-понятий: „глава, власть, главный“, а также „верх, верхняя часть“ и „начало (пространства и времени)“ и т. д.¹ Многие имена с отвлеченным значением образуются в адыгейском также от совершенно конкретных названий, в частности, от названий членов человеческого тела. Например: «нэшIу» — „доброта, милость“ первоначально буквально обозначало «нэ» — „глаз“, «шIу» — „хороший“, т. е. „хороший глаз, счастливый глаз“, а «нае» — „злоба“ развивается из «нэ» — „глаз“, «е» — „дурной, злой“, т. е. „дурной глаз, несчастливый глаз“. Последнее первичное односложное слово «е» — „злой, дурной“ в свою очередь получило из значения „зло, несчастье“, как это видно из сохранившейся адыгейской поговорки: «Ем кIуй ер къыхъыгъ» — „в Ею ездил, несчастье принес“.² Такие грубо-конкретные понятия, как «ыIапэ тридзагъ» — „он подписал“, развившиеся из первоначального «ыIапэ» — „его палец“ (буквально: «Iэ» — „кисть руки“, «пэ» — „передний конец“, т. е. „передний конец кисти руки“), «тридзагъ» — „припечатал (на что-нибудь бросил)“, в современном адыгейском языке заменяются более развитым: «кIэтхагъ» — „подписал“.

Развитие обобщенных значений в адыгейском языке, как и во всяком другом, начинается в позднейшую эпоху его истории с развития оттенков значений слова, которые затем превращаются в самостоятельные слова-понятия и в результате дают пучок омонимов. Так, например, слово-глагол «лъэгъун» первоначально обозначало „видеть (непосредственно глазами)“, ср. «сэ мы сурэтыр сэльэгъу» — „я это изображение вижу“. Далее отсюда развивается значение „видеться с кем-нибудь“: „сшырэ сэрырэ бэрэ тызэрэлъэгъу» — „брат и я, мы часто видимся“, «сэ шы бэрэ сэльэгъу» — „я со своим братом часто вижу, я своего брата часто вижу“. Затем отсюда развивается значение „иметь дело к кому-нибудь“ — «учителыр силъэгъун» — „я к учителю дело имею“, «учителым сырилъэгъун» — „учитель ко мне дело имеет“, откуда «лъэгъун» — „дело (вообще)“. Далее отсюда получается уже очень обобщенное понятие „считать, полагать, иметь мнение“ — «укIон фаеу сэльэгъу» — „что ты поехать должен, я полагаю“, т. е. „по моему мнению, ты должен поехать“. Точно так же, как глагол «лъэгъун», развивает свои значения и слово-глагол «плъэн», первоначально „смотреть (глазами)“, ср. «ынэкIэ еплъы» — „глазами смотрит“. Отсюда получается „думать, полагать“ — «Юфым

¹ См. примеры в ч. III, Сематике, стр. 253 и сл., 276, 277, 281.

² Сейчас историческое значение слова «Е» — «Ея» забылось, и адыгейцы обычно понимают эту поговорку как „к злу ездил и зло принес“.

къикIын щымыIау сеплъы» — „что из данного дела ничего не выйдет, я думаю“. Из этого же глагола развивается слово-понятие „рассматривать, разбирать“: «Юфым хэплъагъэх» — „дело они разобрали, рассмотрели“ и т. д. Интересно развитие слова-глагола «зэшIохын», который в настоящее время в литературном языке начинает приобретать новое значение „решать (проблему), разрешать дело“. Первоначальное значение этого глагола представляет собою еще грубо конкретное единичное понятие: „расцеплять (о предметах), разнимать (о людях, животных)“ — «зэшIонагъэхэр зэшIуахых» — „зацепившиеся (например, повозками на дороге) расцепляются“. Отсюда получается значение „решать вопрос (на совещании)“ — «зэлукIэм Юфыхэр зэшIуехых» — „съезд дела решает, разбирает (путем прений)“. Далее этот же глагол получает значение „решать какую-нибудь задачу, проблему, разрешать дело“: «Юфэу агъэнэ-фагъэхэр зэшIуахых» — „дела || вопросы, намеченные, они решают“ и, наконец, — „иметь решающее значение“: «кадрэмэ зэкIэ зэшIуахы» — „кадры решают все“ (Сталин).

Подобно этому единичное и конкретное значение «едэIун» — „прислушиваться, вслушиваться“ приобретает в дальнейшем развитии новые значения: „слушать (подчиняться), слушаться“ и далее шагс. „слышать (узнавать)“. Слово «лътэн», первоначально обозначающее „считать“ (ср. «сэ мэлыхэр сэлътэтх» — „я овец считаю“), в дальнейшем развивается в значение „считать, полагать“ («мыр цIыф дэгъоу сэлътэтх» — „что это хороший человек, я считаю“, т. е. „я полагаю, что он хороший человек“) и, наконец, в значение „уважать“ («сэ лъэшэу ар сэлътэтх» — „я сильно его уважаю“). Точно так же другое слово, глагол «зэхэфын», имеющее сейчас значение „разбирать, решать дело“, первоначально, да и сейчас еще обозначает буквально „разгонять (например, стадо) в разные стороны, разделять (стадо) на части“: «Iэхъогъур зэхэфы» — „стадо он разделяет на части || разгоняет“.

Интересно отметить в адыгейском языке развитие некоторых отвлеченных понятий, как например, весьма отвлеченный по своему значению вспомогательный глагол «хъун» — „делаться, становиться“, соответствующий по значению немецкому „werden“, представляет собою результат следующей цепи развития: «хъу» — „спей, зрей (о хлебах, плодах); расти, вырастай (о растениях, первоначально также о животных)“, «[хъо]», ср. «хэхъо», бж., нат. «ха-хъо» в значении „растет, прибавляется, умножается“, «игъахъу» — „наливай (о жидкости)“, «къехъо» — „родится, вырастает; появляется“. Отсюда: «хъу» (неперех.) — „пасись“; (перех.) — „вытолачивай траву (о скоте)“, «къэ-хъу-гъ» — „родился, появился, возникло“, «хъу» — „водись, разводись (о скоте)“; в связи с этим продуктивная (переходная) форма: «хъу» — „води, разводи скот; паси“, «хэ-хъо», бжед., нат. «ха-хъо» — „растет, вырастает (о людях)“, отсюда: «хъу» — „самец (животного и человека)“, «[хъо]», ср. «Iа-хъо» — „пастух“, «хъо» — „разматывай (нити основы для тканья сукна)“, «хъо» — „стачивай (дерево)“, «Iпхъа-хъу (|| о)» — „рашпиль (напилоч для дерева)“, и, наконец, «хъу» — „делайся чем, превращайся во что, будь, становись“. Таким образом, глагол с весьма развитым обобщенным значением „становиться, делаться“ в качестве отправной точки своего развития имел „водись, разводись, вырастай, спей, зрей“. Это развитие совершалось в многочисленных предложениях, из которых приведем в качестве примеров следующие:

МыIэрысэр мэхъу.

Садовое яблоко зреет || спеет.

Коцъэм щэ ихъуагъ.

букв.: Пшеничное зерно молоком
наливается,

т. е. пшеничное зерно наливается.

Лэжьыгъэхэр хъугъэх.

Хлеба спели.

Чъыгыр мэхъу.

Дерево растет.

Ахъщэм къехъу.

Деньги прибавляются, в деньгах
оказывается излишек.

Чъыгым хэхъо.

Дерево увеличивается, растет
(и вширь, и ввысь).

Псым кыхэхъо.

Вода прибывает, приба-
вляется.

Шъофым уц къехъо.

В поле трава родится || хо-
рошо вырастает.

Гъатхэм темэным псы къехъо.

Весною в болоте || в плавнях
вода появляется.

Мы хъуплэм уцыр рахъуклыгъ.

На этом выпасе траву вытолочили (съели).

Былымхэр шъофым щэхъух.

Скот в поле пасется.

Былымхэр бэу хъугъэх.

Скота много развелось (расплодилось).

Колхозмэ ябылымхэр бэу хъугъэ.

В колхозах их скот сильно развелся, расплодился.

Адыгэмэ былым ахъу.

Адыгейцы скот водят, разводят.

Клэлэ цыклымрэ пшьэшъэ цыклымрэ ахахъо.

Мальчик и девочка растут.

Хъэ-хъу — кобель. Къо-хъу — боров.

Чэтыу-хъу — кот. Хъу-лъфыгъ — мужчина (буквально: самцом рожден-
ный).

Купкъэм джыгъэр рехъухъэ.

На станок пряжу (основу) наматывает (кругом).

Пхъахъом пхъэр ехъо.

Рашпиль дерево стачивает (вообще).

Пхъашлэм пхъахъом пхъэр рехъо,

Пхъашлэм пхъахъомклэ пхъэр ехъо.

Плотник рашпилем дерево стачивает.

Пхъэр столэу мэхъу.

Буквально: дерево столом становится,

т. е. Из дерева (бревна) стол выходит.

Ср: Пхъэр столэу ашы.

Буквально: дерево столом делают,

т. е. Из дерева стол делают.

Таким образом, в адыгейском языке процесс развития слов-понятий с обобщенным значением не только имеет место, но он представляет собой одну из основных форм развития слова-понятия в отношении как первичных односложных, так и вторичных многосложных слов адыгейского языка. Только этим путем можно объяснить образование современного адыгейского словаря с его полисемантизмом, с его омонимиями и многозначностью.

Развитие слов. Перед нами встает теперь вопрос, как же происходило развитие слов в адыгейском языке и каковы были причины этого развития? Только ответив на этот вопрос, мы можем решить, какое из нескольких современных значений одного и того же звукового первичного или вторичного корня было первоначальным и в каком порядке развивались остальные его значения. Некоторые адыгейские примеры позволяют нам с совершенной ясностью ответить на эти вопросы. Так,

Шклэм хэхъо.

Теленок прибавляется (в весе),
растет.

Лэхъогъум кыхэхъуагъ.

Стадо расплодилось, размно-
жилось.

Мы чыгум дэгъоу лэжьыгъэ
къехъо.

На этой земле посев родится ||
хорошо растет.

Чэмыр мэхъу, чэмыр хъугъэ.

Корова пасется, корова выпаслась.

мы имеем в адыгейском языке первичное односложное слово «мы», которое и сейчас в восточных диалектах адыгейского языка (темиргойском, абадзехском) обозначает „дикое яблоко, кислица“. Язык ясно показывает, что название дерева яблони произошло уже вторичным путем, позднее от названия плода: от «мы» — „дикое яблоко“ с помощью суффикса «-е» образуется «мые» — „дикая яблоня“. Этот суффикс представляет собою формальную частицу, которая служит для образования не только названий многих деревьев, но и названий некоторых племен, а также народов и стран ими населяемых. Так, с помощью того же суффикса образованы названия следующих племен, народов и стран: «Бэслыный» — „Бесленя, бесленец“, «Къэбэрттай || Къэрбэтай» — „Кабарда, кабардинец“, «Урысый» — „Россия“ и т. д. Те же самые названия служат и для обозначения стран, населяемых этими народами. Суффикс «-е», одного происхождения с префиксом продуктивных глаголов «е-», обозначающим 3-е лицо единственного числа, притяжательным префиксом имущественной принадлежности «и-», притяжательным местоимением 3 л. един. числа «ий». Следовательно, он имеет значение „он“, „ему“, „его“, и т. д. Таким образом, слово «мые» — „дикая яблоня“ первоначально обозначало „дикого яблока он“, т. е. „то, что принадлежит дикому яблоку“. Значение *«е» — „он“ еще сохранилось в самостоятельно существующем в адыгейском языке слове «е-жь» — „он сам“, что буквально обозначало „он обратно; обратно он“.¹ Садовое яблоко называется по-адыгейски, как и по-кабардински — «мы-Іэ-ры-с», т. е. буквально „дикое яблоко, руками посаженное“, а садовая яблоня — «мы-Іэ-ры-сэ чьыгъ», буквально: „дикого яблока, руками посаженного, дерево“.

С точки зрения формальной логики, для нас, вероятно, показался бы более естественным обратный процесс развития слов. Мы считали бы более нормальным произвести название яблока от названия яблони и, пожалуй, название дикой яблони от названия садовой, так как под „яблоней“ мы сейчас мыслим в первую очередь культурную яблоню, так же, как под словом „лошадь“ понимаем домашнюю, а не дикую лошадь. Адыгейский язык, как и другие языки более древнего строя, чем русский, совершенно ясно говорит о том, что не только в материальной деятельности общества, но и в его сознании и языке первыми появляются те слова, которые непосредственно связаны с материальной деятельностью людей, с их трудом и с теми их взаимоотношениями, которые возникают в процессе труда: „...разум человека развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу“.² Это значит, что в основе развития языка и мышления лежат производительные силы и производственные отношения людей. Следовательно, первыми словами люди стали обозначать именно те орудия и объекты или предметы своего труда, с которыми, как и между собой, члены первобытной общины находились в постоянной трудовой связи.

«Но люди никоим образом не начинают с того, что „стоят в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира“», — говорит Маркс, критикуя книгу немецкого экономиста Адольфа Вагнера. «Как и всякое животное, — продолжает Маркс, — они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не „стоять“ в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира, и таким образом удовлетворять свои потребности (они, стало быть, начинают с производства). Благодаря повторению этого процесса, способность этих предметов „удовлетворять потребности“ людей запечатлевается в их

¹ Местоимения и суффиксы того же происхождения мы находим во многих языках, например, в чеченском: «и» — „тот“; в старославянском: «и» (из «јъ») — „он“; в арабском суффиксе относительных прилагательных, производных от имен существительных, -ііі(-at)-, в персидском так наз. изафете и т. д.

² Энгельс. „Диалектика природы“. Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 406. Л., 1931.

мозгу, люди и звери научаются и „теоретически“ отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира. Это неизбежно наступает, так как они находятся в процессе производства, т. е. в процессе присвоения этих предметов, постоянно в трудовой связи между собой и с этими предметами и вскоре начинают также вести борьбу с другими людьми из-за этих предметов. Но это словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи [это — предположение, необходимо вытекающее из наличия речи], определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей. Люди дают этим предметам особое (родовое) название, ибо они уже знают способность этих предметов служить удовлетворению их потребностей, ибо они стараются при помощи более или менее часто повторяющейся деятельности овладеть ими и таким образом также сохранить их в своем владении; они, возможно, называют эти предметы „благами“ или еще как-либо, что обозначает, что они практически употребляют эти продукты, что последние им полезны;...»¹ Далее Маркс делает вывод: «Итак: люди фактически начинают с того, что присваивают себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения их собственных потребностей и т. д., и т. д.; позднее они приходят к тому, что и словесно обозначают их как *средства удовлетворения их потребностей*, — каковыми они уже служат для них в практическом опыте, — как предметы, которые их „удовлетворяют“».²

Итак, мы делаем вывод, что слова-понятия должны были возникать в языке лишь по мере того, как люди сообща учились практически овладевать предметами внешнего мира. Следовательно, первые слова и были названиями этих предметов, т. е. первых орудий, продуктов и предметов труда. Примеры, взятые из адыгейского языка, блестящим образом подтверждают мысль Маркса. В то же время мы можем теперь понять, почему в адыгейском языке слова-понятия „яблоко“ и „яблоня“ начали развиваться из более древнего слова „дикое яблоко“. Одним из древнейших способов присвоения предметов внешнего мира, несомненно, было собирание съедобных плодов диких фруктовых деревьев, которые с давних времен в большом количестве встречались в лесах Кавказа. Следовательно, одним из первых слов, одним из наиболее древних понятий в языке адыгейцев и были названия диких плодов, так как они служили одним из древнейших видов пищи для народов Кавказа и одним из первых объектов их совместной трудовой деятельности. Поэтому слово „дикое яблоко“ появляется задолго до того, как развилось садоводство и адыгейцы научились культивировать яблоню. Вместе с тем, естественно, что при собирании диких плодов непосредственным объектом труда были плоды — дикие яблоки, а не деревья, приносящие их, и лишь много позднее человек научился на основе постоянного повторения процесса собирания плодов различать и оберегать деревья, дающие эти плоды.

Поэтому естественно, что первоначально название дикой яблони происходит от названия дикого яблока. Еще позднее адыгейцы научились не только различать и оберегать в лесу дикие яблони, но и сажать их возле своих жилищ. С этого времени в языке возникают новые названия — производные от более древних названий диких плодов и деревьев: «мы-Іэ-ры-с» — „садовое яблоко“ и «мы-Іэ-ры-сэ чъыг» —

¹ Маркс. „Замечания на книгу Адольфа Вагнера“. Маркс и Энгельс. Соч., т. XV, Л., 1935, стр. 461—462.

² Там же, стр. 462.

„садовая яблоня“. Вместе с тем, по мере роста земледельческой культуры, основным объектом приложения труда становится не плод, а растение, его приносящее. На основе этой новой стадии развития производительных сил, на основе появившейся зачаточной земледельческой техники забываются старые отношения, и в языке и сознании „яблоко“ и „яблснѧ“ становятся оба одинаково важными — первое как продукт, а второе — как средство производства. Это и отражается в западно-адыгейских диалектах (шапсугском и бжедужском) — т. е. в речи тех племен, которые раньше перешли к садоводству и земледелию, — в том, что всякое „яблоко“ и всякая „яблоня“ начинают обозначаться одним и тем же словом «мы-е», а более древнее слово «мы» — „дикое яблоко“ забывается.

Таким образом, здесь в ходе развития этих слов еще лишний раз подтверждается правильность положения Маркса о том, что чисто теоретическое формально-логическое представление о ходе развития слов противоречит действительному историческому процессу этого развития. Тот же самый вывод подтверждается и другими примерами из адыгейского языка. Точно так же, как от дикого яблока производится дикая яблоня, и от названий других диких плодов «дэ» — „лесной орех“, «[зэ]» кабардинское — „плод кизила“ производятся названия соответственных растений: «дае» — „орешник“ и «зае» — „кизильное дерево“. Ту же мысль подтверждает и история развития в адыгейском языке названий цветов, окрасок. Несомненно, что еще до появления домашних животных человек уже умел охотиться за дикими животными. Позднее развивается экстенсивное (т. е. примитивное, кочевое) скотоводство, которое на Кавказе, по данным языка, было одним из главнейших занятий местного населения. И охота, и скотоводство вызывают необходимость появления в языке в первую очередь слов-названий для мастей животных — раньше, чем для других видов окраски. И действительно, мы находим в адыгейском языке первичные односложные слова-корни, которые обозначают названия именно мастей животных, а не названия окрасок вообще. Так, слово «фы» обозначает „светлый“, „масть со светлыми подпалинами (пятнами)“, «гъо» — „рыжий, красноватый“, «тхъо» — „буланный“, «шхъо» — „светлосерый, голубовато-серый“. Названия цветов вообще образуются лишь вторичным путем от названий мастей с помощью словообразовательного суффикса «жьы»: «фы-жьы» — „белый цвет (вообще)“, «гъо-жьы» — „желтый цвет (вообще)“. «Шхъу-антэ» — „голубой, серый, зеленый“, — названия цветов вообще, которые в адыгейском первоначально не различались, образовано также вторичным путем от названия масти «шхъо» — „серый, голубовато-серый“. Также вторично произведено и «уцъышъо» — „зеленый“ от слова «уцъы» — „трава“, «шъо» — „кожа, цвет (вообще)“. С точки зрения чисто теоретической, формально-логической, кажется, самым естественным было бы предположить, что первыми в языке и сознании должны появиться слова-понятия для тех цветов, которые наиболее распространены в природе, т. е. для голубого и зеленого. Однако человек научается различать цвета и называть их особыми словами не по их распространенности в природе, а по их связи со своей совместной трудовой деятельностью, по мере того, как он создает новые виды окрасок, по своей потребности в процессе труда и в общественных отношениях различать те или другие их виды. И по мере того, как труд охотника и скотовода не только приучил его различать масти животных, но и привел к изменению этих мастей, к появлению мутаций (видоизменений) в окраске домашних животных, — по мере этого и в языке развиваются в первую очередь названия этих видоизменившихся окрасок домашних животных, т. е. мастей. Что касается зеленого и голубого цветов, то не только адыгейский язык, но и языки многих других кавказских яфетических, тюрко-татарских и прочих народов показывают, что эти слова-понятия развиваются в языке лишь сравнительно поздно. В языках неко-

торых народов (например, в чеченском) „синий“ и „зеленый“ не различались так же, как и в адыгейском. Потребность в обозначении цветов вообще, очевидно, появляется у адыгейцев (как и у других народов) только вместе с появлением первой техники окрашивания хотя бы собственной кожи (в виде татуировки), окраски домашних тканей и т. п. Теперь, лишь после того, как мы нашли исторический ключ к развитию значений, попытаемся применить его и в тех случаях, когда современный адыгейский язык уже не сохраняет нам ясной картины развития значений, а все значения, как первоначальные, так и позднейшие оказываются в современном языке связанными с одним и тем же звуковым корнем в виде омонимов. Например, первичное односложное слово-корень «шъо» обозначает в теперешнем адыгейском языке „шкура, кожа (сыромятная и выделанная), ремень, масть (животного), цвет (вообще), внешний вид (вообще)“. Мы можем на основании предыдущих примеров легко установить, что и в этом случае первоначальным значением, тесно связанным с древнейшей трудовой деятельностью охотника и скотовода, были „необделанная шкура животного“ и „масть животного“. Понятия шкуры и масти, т. е. шкуры и ее цвета, не были еще разграничены, они были еще одним смутным нераздельным понятием. Лишь позднее, по мере развития техники обработки шкур на основе роста производительных сил и изменения производственных отношений, появляются из „шкуры“ понятие „кожи“, сначала сыромятной, а затем выделанной, и, наконец, „ремня“, параллельно этому из понятия „масти“ развивается понятие „цвета“ вообще и затем „внешнего вида“ вообще. Несомненно, что в первобытной общине основой развития слов служило развитие материальной деятельности людей и их общественные (производственные) отношения. Так, появление терминов: „выделанная кожа, ремень“, „цвет вообще“, „садовое яблоко“ и подобных им связано с появлением хотя бы примитивного земледелия и садоводства и с приручением домашних животных, т. е. хотя бы с зародышевым общественным разделением труда в первобытной общине.

Мы можем теперь поставить вопрос: если по своему содержанию слова-понятия развивались на основе развития производительных сил и производственных отношений (ср. «пщы» первоначально „глава рода, семьи, патриарх“, впоследствии — „князь“), то в какой форме протекал процесс этого развития? В начале книги мы уже ссылались на слова Ленина о том, что в каждом предложении вскрывается диалектика человеческого познания (стр. 15). Несомненно, что и каждому адыгейскому предложению свойственен тот же закон диалектического развития единства противоположностей, не только в отношении формы слов (см. стр. 55), но и в отношении развития их содержания. Больше того, мы можем даже сказать, что всякое новое значение слова развивалось из старого только путем диалектического развития этого слова-понятия в различных предложениях. Приведем несколько примеров. Мы уже видели выше, что адыгейское слово «мылэрыс» — „садовое яблоко“ первоначально буквально обозначало „дикое яблоко, руками посаженное“ и состояло из нескольких, в начале самостоятельных отдельных слов «мы» — „дикое яблоко“, «лэ» — „кисти рук, кисть руки“, «[сэ]» — „сажай“. Частица «ры» представляет собою форматив с орудным (творительным) значением. Этот форматив, несомненно, также происходит от первоначально отдельного самостоятельного слова, которое, однако, не сохранилось в современном адыгейском языке. Таким образом, «мы-лэ-ры-с» является по своему происхождению целым предложением. В этом предложении оказались объединенными слова первоначально по значению противоположные: понятие «мы» — „дикое яблоко“ как понятие эпохи собирания диких плодов и отсутствия садоводства, с одной стороны, и сказуемое [сэ] — „сажай, сей“, как слово-понятие другой, более поздней эпохи, когда уже появляется земле-

делие (хотя бы в своей наиболее древней зачаточной форме так называемого мотыжного, „грядкового“ земледелия или огородной культуры). На основе развития производительных сил в известный момент истории адыгейского общества, в первобытной общине впервые оказалось возможным объединить в процессе производства то, что до тех пор было разделено в жизни как две разных эпохи развития производственной техники, — впервые оказалось возможным сажать то, что до того времени никогда руками не сажали, а лишь собирали в лесу. На этой основе и в языке раньше разграниченные взаимоисключающие друг друга понятия „дикое яблоко“ и „сажай руками“ впервые оказались объединенными в одном предложении. Из этого единства первоначально исторически взаимоисключающих слов-понятий и возникает нечто новое — новое слово-понятие „садовое яблоко“. В дальнейшем мы ожидали бы из развития миллионы раз повторяющихся в речи аналогичных предложений возникновения и выделения нового, более богатого конкретным развитием и в то же время более обобщенного по своему значению слова-понятия „яблоко вообще“. Однако развитие этого слова в адыгейском языке не пошло так далеко вперед, хотя в западно-адыгейских диалектах — бжедужском и шапсугском (в пределах Адыгейской области) мы находим «мье», в составе которого первоначальное «мы» — „дикое яблоко“ уже определенно теряет признак „дикости“ и превращается в понятие „яблоко вообще“ (припомним, что «мье» — значит „яблоня вообще“ и „яблоко вообще“ в бжед. и шапс. диалектах). В других примерах мы видим тот же процесс развития в более ясной форме. В современном адыгейском языке существует слово «ку», которое теперь обозначает „телега, бричка, повозка, деревенский экипаж вообще“. Однако в кабардинском и бесленейском еще сохранилось соответствующее этому слово «гу» в двух значениях — „деревянная, двухколесная арба с дышлом и ярмом“ и „всякий экипаж вообще“. Из быта адыгейцев первый род экипажа фактически исчез уже до Великой Октябрьской Социалистической революции, хотя и сохранялся в их преданиях и песнях. Несомненно, что первоначальным значением адыгейского слова «ку» (ср. адыг. «кужь») и кабардинского «гу» была именно „двухколесная и еще целиком деревянная арба с дышлом и ярмом“, — род экипажа, бывший единственным средством транспорта адыгейского крестьянина в эпоху разложения родового строя и развития феодализма, т. е. до завоевания Кавказа. Единственным упряжным рабочим животным в ту эпоху были волы. Лошадь употреблялась еще как верховое животное, главным образом, в быту феодалов или в феодализируемых слоях сословия так наз. «оркь»'ов — дворян. Таким образом, первоначальная „арба“ была приспособлена только для воловьей упряжки, и все иные виды упряжи были для нее исключены. В дальнейшем, после колониального завоевания адыгейцев русским царизмом, вместе с начавшимся капиталистическим расслоением адыгейской деревни, сюда проникает новый вид упряжного животного — лошадь и новый способ упряжи — оглобли и хомут. Для этого нового вида экипажа возникает новое вторично образованное сложно-составное слово «шы-ку», буквально: „лошадиная арба“, т. е. вначале двухколесная арба с парой оглобель. Для отличия этого рода экипажа от прежнего понадобилось ввести такое же сложно-составное слово и для обозначения старого типа арбы — «цу-ку», буквально: „волочья арба“. Уже в слове «шы-ку» мы видим опять тот же процесс объединения противоположностей, т. е. двух первоначально взаимоисключающих единичных понятий — „лошадь“ и „арба“, — процесс, который стал возможен тоже лишь на основе коренного изменения общественного строя и материальной культуры черкесов. В дальнейшем, вместе с капитализмом, двухколесная арба для лошадиной упряжки превращается в четырехколесную телегу, но за ней сохраняется прежнее название. По образцу сложно-составных слов «цу-ку» и «шы-

ку" вместе с появлением железной дороги образуется новое сложно-составное слово „мэшло-ку“, буквально: „огневая арба“, т. е. „поезд“. Благодаря миллионы раз повторяющемуся употреблению этих слов из них выделяется прежний первичный односложный корень-слово «ку» (в кабардинском — «гу»), но уже в новом значении: „экипаж вообще, средство гужевого транспорта вообще“. На этом примере можно наглядно видеть, как на основе коренных изменений социально-экономического строя и жизни адыгейцев, вслед за проникновением к ним новых средств передвижения, в адыгейском языке возникают слова, объединяющие прежде взаимоисключающие друг друга единичные и потому противоположные понятия, исторически относящиеся к разным эпохам и разным классам общества, — „арба“ и „лошадь“, как из этого объединения противоположностей в языке и сознании возникают новые слова-понятия и как в результате этого процесса прежнее слово превращается в свою противоположность — из отдельного единичного понятия арбы возникает общее понятие экипажа, из одного исторически случайного вида экипажа — арбы для вола — как необходимое следствие развития общества — общее слово-понятие „экипаж вообще“.

Рассмотрим еще несколько примеров диалектического развития слов-понятий в адыгейском языке.

Возьмем слово «Iун» с первоначальным значением „деревянный костыль, забиваемый в стены комнаты; деревянный гвоздь“ — (ср. «купэ-Iун» — „чека“). Это слово само по себе сложно-составное по происхождению. Оно слилось из двух первичных корней: «Iу» — „втыкай, вонзай“ и «нэ», первоначально обозначавшее „глаз“, которое в дальнейшем получает в числе других значений также значение „орудие, предмет“. Таким образом, первоначально «Iу-н» обозначало „предмет, который втыкается, вбивается; орудие для втыкания, вбивания“. Таким образом, первым значением этого слова было, несомненно, „деревянный гвоздь или деревянный костыль (для вбивания)“.

Припомним, что древняя адыгейская культура долгое время не знала металлов, а когда они появились, то на первых порах их употребляли главным образом для выделки оружия. Впоследствии, во времена феодализма, металлическое оружие, металлическая домашняя утварь и т. п. употреблялись почти исключительно феодалами, дворянами и феодализируемыми слоями так наз. «тфэ-кьол» ей — „свободных крестьян“. В быту адыгейского крестьянина металлы еще долгое время отсутствовали. Единственным материалом для постройки жилища, надворных строений, сельскохозяйственных орудий, арбы и т. д. служило дерево. При таком состоянии земледельческой культуры единственным видом скрепления деревянных частей были «Iу-н» — „деревянные гвозди“. Таким образом, в само это слово-понятие, в его первоначальное значение уже входил смутный признак материала — дерева. В дальнейшем, вместе с классовым и далее капиталистическим расслоением адыгейского крестьянства в его быт впервые широко проникают металлы и, в частности, железные гвозди. Для обозначения этого нового предмета берется прежнее слово, но с добавлением к нему определения «гьучы Iун» — „железный гвоздь или костыль“. В этом слове впервые на основе коренного изменения общественного строя адыгейцев объединяются прежде взаимно исключающие понятия „железа“ и „деревянного гвоздя“ — две разных стадии развития материальной культуры и культурные признаки двух антагонистических классов адыгейского общества. Точное обозначение материала в одном случае вызывает необходимость применения его и в прежнем слове для более точного разграничения понятий, так как в первоначальном «Iун» признак дерева хотя и содержался, но в смутном, еще не расчлененном виде. Следовательно, появляется более развитое, более конкретное слово-понятие «пхьэ Iун», буквально: „деревянный (деревянный) гвоздь“.

Этот процесс развития слов создает условия для того, чтобы слово «лун» получило в современном адыгейском языке значение „гвоздя вообще (независимо от материала)“, хотя такое общее понятие-слово еще и не установилось.

Особенно интересные примеры развития слов можно найти в области адыгейской земледельческой техники. Древнейшим видом хлеба у адыгейцев, в особенности в высокогорных районах, был «хьэ» — „ячмень“. На это указывает, между прочим, название „грядки“ и „земледельческой полосы“ — «хьас» (из «хьэ» и «сэ»), что обозначало буквально: „посаженный ячмень“, — название, которое с переходом адыгейцев от огородной культуры к экстенсивному земледелию стало обозначать распаханную полосу вообще. Огородная культура, древнейший зачаточный вид земледелия, с самого начала поставила в центре производственного внимания адыгейцев отдельное зерно ячменя, так как при грядковой культуре приходилось сажать зерна вручную, а не сеять их. Для этого нового понятия — хлебного зерна — пришлось создавать новое слово. Современное адыгейское слово «хьацэ» первоначально буквально обозначало „ячменя зуб“, а теперь обозначает „ячменное зерно“. Таким образом, более старое слово «цэ» — „лезвие, режущий край орудия, зуб (животного)“ оказалось использованным в совершенно новой области экономики: из области охотничьего и собирательного хозяйства оно впервые было перенесено в область вновь возникшего зачаточного земледелия. Несомненно, что этот перенос совершился еще в ту эпоху развития первобытной общины, когда возникла огородная культура (это относится к нижней ступени варварства, см. Энгельс „Происхождение семьи...“, Соч., т. XVI, ч. I, М., 1937, стр. 11—12). Несомненно, что слово-понятие «цэ» — „зуб“ еще древнее этого периода, так как оно возникает вместе с охотой и использованием зубов крупных животных для выделывания примитивных орудий. Что уже в эту, более древнюю эпоху адыгейцы пользовались зубами животных для изготовления первых режущих и ударных орудий, видно из того, что современное слово-понятие „лезвие“, „режущий край оружия и орудий“ передается тем же словом «цэ», что и „зуб“, сравни например: «ощьцэ» — „лезвие топора“ (диал. нат. „колуна“), «кьэма-цэ» — „лезвие кинжала“ и т. д. Очевидно, зуб впервые и получил название только тогда, когда стал употребляться в качестве насадки древнейшего прототипа долота. От того же слова-понятия «цэ» — „зуб“ происходит и слово «пцы» — „долото, долби“; с помощью присоединения префикса «п» (о чем см. ниже, глава III, Сематика, стр. 261) и позднейшего изменения гласного (о нем см. стр. 263 и сл.).

Итак, сначала в адыгейском в связи с культурой ячменя появляется составное слово «хьацэ» — „ячменя зуб“ в значении „ячменное зерно“. После появления составного термина «хьа-цэ», в котором понятие зерна оставалось еще смутным и в этом смысле абстрактным, в жизни адыгейцев появляются другие виды хлебов: раньше других «гъажьо» — шапс. «фыгъо» — „просо“ и, наконец, вероятно лишь в XVIII в. — «натрыф» — „кукуруза“. Названия зерен этих злаков образуются таким же путем, как и название ячменного зерна — «гъажьуа-цэ» — „просяное зерно“, «коцы-цэ» — „пшеничное зерно“, «натрыфы-цэ» — „кукурузное зерно“. Здесь, кстати, можно отметить, что название самого злака „кукуруза“ оказалось точно таким же производным от имени второго древнейшего вида адыгейских злаков — от названия «фы» — „проса“, причем «натры-ф» из «нарты-ф» — „кукуруза“ первоначально буквально обозначало „нартовское просо“, „просо нартов“, т. е. „богатырское просо“.

В результате значительного обогащения жизни различными видами хлебов — в экономике, сознании и языке адыгейцев (благодаря миллионы раз повторяющемуся употреблению этих слов-понятий в различных словосочетаниях в предложениях) и на основе превращения зачаточного огородного земледелия в более развитое экстенсивное земледелие после

приручения животных, снова выделяется первичное слово «цэ», но уже в совершенно развитом конкретном новом значении „отдельного хлебного зерна вообще“. Этот пример очень ясно показывает нам, каким путем, в какой именно форме протекал процесс развития полисемантизма адыгейских первичных слов-корней. Для развития этого полисемантизма было необходимо, чтобы на основе обогащения и изменения жизни адыгейцев путем накопления все новых и новых ранее невозможных сочетаний слов в предложениях, путем образования позже все новых и новых сложно-составных слов, первоначальное «цэ» — „зуб“ превратилось сначала в слово-понятие „единичный вид лезвия“, а в дальнейшем — в „лезвие вообще“, так же, как много позднее оно превратилось сначала в слово-понятие „единичный вид отдельного хлебного зерна“, а затем — в полное богатым конкретным содержанием слово-понятие „отдельное хлебное зерно вообще“. Так возникает современный полисемантизм звукового корня «цэ», в котором совпадают три современных адыгейских омонима: „лезвие“, „зуб“, „отдельное зерно хлебного злака“.

Этот процесс развития подчинен, как мы видим, законам диалектики. В нем единичные и потому противоположные слова-понятия сначала объединяются в одном отдельном слове, затем происходит количественное накопление таких разнообразных объединений, затем их количество переходит в новое качество, и прежнее отдельное, еще смутное и в этом смысле абстрактное слово-понятие выступает вновь как богато развитое, полное конкретного содержания, общее слово-понятие.

В современном адыгейском языке имеется слово «хьэлы-гъу» — „хлеб“. Это слово, несомненно, происходит от названия того же древнейшего вида хлеба «хьэ» — „ячменя“. Для того, чтобы полностью выяснить историю этого слова, сравним его с другим, сохранившимся до сих пор словом из той же области производства: «хьэлы-жъу», что в настоящее время буквально обозначает: „пирожки с начинкой из творога (в форме полумесяца или треугольника), поджариваемые в масле“. Однако это слово может иметь и другое значение, сохраняющееся в сочетании слов «хьэлыжьожъый» или диал. нат. «хьэлыжьо жъуагъ», — буквально „маленькие пирожки“ или „вареные пирожки“, диал. абадз. «псырыжьо хьэлы-жъу» — „водой сваренные пирожки (вареные)“, т. е. „вареники“. Несомненно, что одним из древнейших способов приготовления пищи было на ряду с вяленьем также поджаривание ее на вертеле или на углях, и позднее — варение, но еще не поджаривание в масле. У большинства кочевников-скотоводов и сейчас основной пищей является вареное мясо, причем бульон первоначально пищей не считался и выплескивался.

Несомненно также, что приготовление теста из муки хлебных растений появляется позже, чем употребление сырой растительной пищи вообще. Во всяком случае, мы должны предположить, что еще до возникновения огородной культуры адыгейцы уже готовили на огне рыбную и мясную пищу.

В обоих вышеприведенных адыгейских словах в их начале мы видим одно и то же сочетание первичных слов «хьэ-лы», которое можно истолковывать, как соединение «хьэ» — „ячменя“, «лы» — „мяса“. Подобно тому, как хлебное зерно первоначально было воспринято как „зуб ячменя“, очевидно, и первоначальное тесто называли в охотничьем и скотоводческом быту — «хьэ-лы» — „мясом ячменя, ячменным мясом“. Таким образом, мы имеем в первом случае «хьэлы-гъу» — буквально „ячменное мясо печеное“ в значении „хлеб“. Предшествующий процесс обработки мяса огнем сохранился еще в глаголе «лыгъо» — „опаливайся; опаливай“, «лыгъуагъэ» — „опалил; обжегся“, что первоначально должно было обозначать „мясо испек, сверху обжарил“. Однако в этом глаголе первичный корень «лы» — „мясо“ уже потерял свое значение. В результате обобщения это слово обозначает сейчас просто „обжегся; обжег“. Аналогичное явление произошло и в кабардинском со словом «хьа-дзэ»,

в Черкесской автономной области обозначавшем первоначально (как и сейчас еще в кубанских кабардинских говорах) „ячменное зерно“, которое вследствие накопления таких сложно-составных слов, как „годз-хьадзэ“ — буквально „пшеничное ячменное зерно“, „нартыху хьадзэ“ — буквально „кукурузное ячменное зерно“, и т. д. вновь выделилось со значением „хьадзэ“ — „хлебное зерно вообще“ (в говорах Большой и Малой Кабарды), а для обозначения ячменного зерна приходится вновь восстанавливать этот признак в прежнем слове-понятии: „хьэ хьадзе“ — буквально „ячменное ячменное зерно“, т. е. теперь „ячменное зерно“. Таким же путем „лыгъуагъ“ первоначально обозначало „мясо опалил, обжарил сверху“, а в дальнейшем просто: „опалил, обжар (вообще)“.

В дальнейшем, еще до изобретения муки и хлебопечения научились обжаривать недозрелые колосья ячменя для употребления их в пищу, — способ, который сохранился до настоящего времени и который можно видеть из выражения „хьашъхьэ лыгъуагъ“ — буквально „ячменный колос мясо обжарил“, где „мясо“, собственно, уже теряет свое отдельное значение, откуда „хьашъхьэ лыгъу“ — „курены, опаленные на огне недозрелые колосья ячменя (для еды)“. С изобретением теста мы и получаем „хьэлыгъу“ — буквально „ячменное (мясо) печеное“. Второе слово „хьэлыжъу“ обозначает буквально — „ячменное (мясо) вареное“ и первоначально, повидимому, употреблялось для обозначения блюда вроде галушек или клецок, т. е. вареного теста. В дальнейшем оно стало обозначать „вареники“, т. е. „вареные пирожки“ и, наконец, „пирожки, поджаренные в масле“. Так как в этом втором слове последний корень-слог „жъо“ теряет свое первоначальное значение „вари, вареное“, то на ряду с предложением диал. нат. „хьэлыжъо жъагъ“ — „вареник жареный“ (буквально — „ячменное тесто вареное жареное“) приходится второй раз говорить о процессе варения — диал. нат. „хьэлыжъо жъуагъ“ — „вареник вареный“, (буквально — „ячменное (мясо) вареное вареное“).

Точно так же слово-понятие „пшеничный хлеб“ по-адыгейски приходится передавать „коц хьэлыгъу“ (буквально — „пшеничное ячменное тесто печеное“), „кукурузный хлеб“ — „натрыф хьэлыгъу“, (буквально — „кукурузное ячменное тесто печеное“), а „ячменный хлеб“ приходится повторять вновь „хьэ хьэлыгъу“ (буквально — „ячменное ячменное тесто печеное“).

Тот же самый процесс развития, что и в кабардинском „хьадзэ“ — „зерно (вообще)“, произошел и в натухайском шапсугском с тем же словом: „фыгу-кы́“ — „зерно (вообще)“, семя (вообще)“, „маковая росинка, кусочек съедобного (вообще)“ (ср. „зы фыгукы́и я́лэп“ — „ни маковой росинки, ни кусочка еды у них нет“), „фыгукы́“ — происходит из „фыгу“ — „пшено“, „кы́“ — „семя, яйцо“. Это последнее значение сохранилось в кабардинском „джэдыкы́“ — „куриное яйцо“ и натухайском шапсугском „тыгъэгъза-кы́“ — „семя подсолнуха“ (от „тыгъэгъза“ — „подсолнух“, буквально — „повертываемый солнцем“). Следовательно, „фыгу-кы́“ первоначально обозначало „пшеничное семя“, „кусочек пшена“. В дальнейшем, однако, получается развитие: нат. „хьэ фыгукы́“ — „ячменное зерно“, буквально — „ячменное пшеничное семя“, „ккоцц фыгукы́“ — „пшеничное зерно“, буквально — „пшеничное пшеничное семя“, „фыгъо фыгукы́“ — „просяное зерно“, буквально — „рыжего проса пшеничное зерно“, „хьэмцы́ый фыгукы́“ — „ржаное зерно“, буквально — „ржаное пшеничное семя“ и т. д. Этот пример говорит как будто о том, что у шапсугов на побережье и в предкавказских степях первоначальным видом хлеба было просо, а не ячмень.

Словом, во всех этих случаях, как и в кабардинском „хьэ хьадзэ“, мы уже воочию видим то, что в выше приводившихся примерах приходилось лишь предполагать и восстанавливать чисто теоретическим путем, а именно, что развитие слов в их сочетаниях — предложениях, идет путем

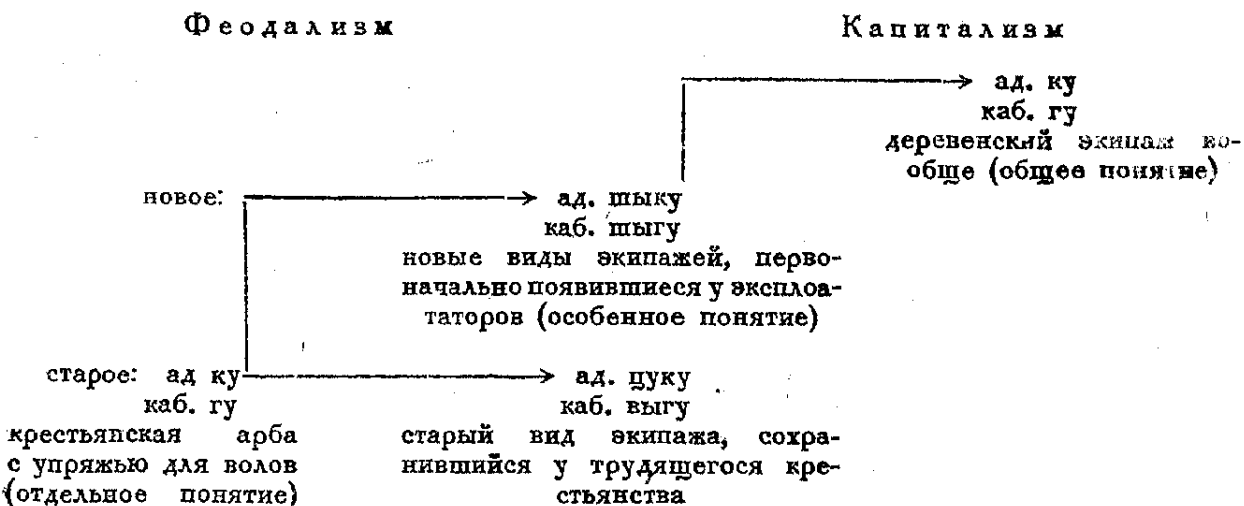
объединения первоначально единичных и потому действительно несо-
вместимых признаков в одном слове-понятии, что в дальнейшем превращает
одно из этих взаимоисключающих слов в частицу слова — сему, —
лишенную всякого значения, но зато все слово в целом выступает
в совершенно новом качестве: «хьэлыгъу» первоначально „печеное
ячменное тесто“, — теперь „печеное тесто вообще“, т. е. „хлеб вообще“;
«хьэлыжъу» первоначально „вареное ячменное тесто“ — теперь „пирожки
вообще“, т. е. буквально: „тесто с начинкой вообще“; в кабардинском
«хьадзе» первоначально „ячменное зерно“ — теперь „хлебное зерно
вообще“ и т. д. При этом следует отметить, что в этом диалектиче-
ском процессе развития слов все составные части сочетания про-
ходят одни и те же стадии развития. Так, в уже приводившемся
нами примере, который возник в адыгейском языке недавно, на основе
капиталистического расслоения адыгейского общества, — «мэшю-ку» —
„поезд“, буквально: „огневая арба“, не только «ку» — „арба“ нахо-
дится на пути к новому развитию в слово-понятие „транспорт вообще“,
но и слово «мэшю» — „огонь“, путем накопления таких выражений,
как «мэшю шъхьал» — „паровая мельница“, буквально — „огневая мель-
ница“, «мэшю къухъ» — „пароход“, буквально — „огневой корабль“
из понятия примитивного огня докапиталистического общества находи-
лось на пути к совершенно новому понятию — „пара, как двигательной
силы машины“. Это развитие новообразований, однако, оборвалось
в адыгейском языке вместе с капитализмом.¹

Все вышеприведенные примеры с очевидностью доказывают нам,
что возникновение общих понятий из единичных свойственно всем
стадиям развития языка, в том числе и древнейшим, а не только языкам
классового общества. Отдельные завоевания техники вызывают в конце
концов общее изменение производственных отношений и всего строя
общества в целом, а на основе этого отдельные слова-понятия превра-
щаются в новые общие слова-понятия, т. е. отдельное и потому случай-
ное — в общее и потому необходимое.

¹ В настоящее время, уже после написания адыгейской грамматики, нами полностью
переработан вопрос о диалектике развития слова-понятия. Выяснилось, что основным
моментом в развитии слова и превращении его из отдельного в общее понятие, во всех
языках является момент диалектического раздвоения слова-понятия на противоположные
части, одновременно существующие в языке. Здесь история языка блестящим образом
подтверждает ленинский закон развития и общества, и природы, и сознания путем раз-
двоения: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть
(одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт)
диалектики...»

Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена исто-
рией науки». (Ленин. Соч., т. XIII, М., 1935, стр. 301.)

Ср., например, приведенный нами случай:

Точно так же объясняются и все приводимые нами здесь примеры. Результаты
этого специального исследования будут нами опубликованы в отдельной работе.

Таким образом, и процесс диалектического развития слов показывает нам, что диалектика не просто закон человеческого мышления, а в мышлении и языке она является лишь отражением подлинного диалектического развития реальной действительности, т. е. развития общества и природы.

„Действительно, всякое реальное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях извлекаем единичное из его единичности и переводим его в особенность, а из этой последней во всеобщность,—заключается в том, что мы находим бесконечное в конечном, вечное в преходящем“.¹

Вместе с тем мы видим, что первоначально в истории развития общества всякое реальное понятие возникает как смутная, нерасчлененная, неразвитая абстракция, как абстрактная определенность, единичная и поэтому противоположная другим таким же абстракциям, мы видим, как оправдываются слова Маркса (см. выше, стр. 206) о том, что затем, в результате исторического развития, это понятие превращается в понятие общее, полное богатого конкретного содержания, т. е. в развитую абстракцию.

В древнейшую эпоху развития языка — в аморфный период — слова были единичными, смутными, нерасчлененными, и в этом смысле абстрактными понятиями не только со стороны их содержания, но и вследствие неразвитости их формы — отсутствию разграничения имен и глаголов. Поэтому каждое первичное слово-корень обозначало не только предмет, но и действие, производимое этим предметом. Следы этого явления сохраняются и в современном адыгейском языке, несмотря на его развитую морфологию. Они выражаются в совпадении именных и глагольных значений в тех формах имен и глаголов, которые представлены чистой основой, т. е. основой без каких-либо формативов. Этот род полисемантизма можно назвать в отличие от лексического — морфологическим полисемантизмом.

Приведем несколько примеров:

лъэ — ступня, стопа (ноги)

лъэ — прыгай, перепрыгавай
(вверх через) (т. е. действие ноги)

лэ — кисть руки, рука

[лэ] — коснись, дотронься (рукою);
держи (т. е. действие руки)

ср.: е-І — дотронься, коснись (рукой),
толкай, пихай

лбы-І — дотянись, достань рукой
(вслед кому-нибудь), схвати
(уходящего)

шлуа-І — попробуй рукой остроту
лезвия и т. д.

пцы — долото (ср. русск. зубило)

пцы — долби (букв.: зуби) нечто

[хъо], ср. пхъа-хъо, — рашпиль
(первоначально: „дерево сточивший“)

хъо — точи, стачивай (дерево рашпилем)

лу — рот; отверстие

лу — вставляй в отверстие, втыкай,
вонзай, вбивай

и-лу — вставляй в отверстие

хэ-лу — вбивай, вонзай (в вещество)

ю — баз, диал. шапс. нат. „ток“

ю — молоти (первоначально
„топчи“)

щы, нат. щы — дои

щэ, нат. щэ — молоко и т. д.

¹ Энгельс. Примечания к „Анти-Дюрингу“. Маркс — Энгельс. Соч., т. XIV, Л., 1931, стр. 353.

Как шло развитие значений в древнейшую эпоху — эпоху разложения аморфного строя и возникновения агглютинации — мы можем видеть из нескольких примеров:

Названия орудий и членов тела.
цэ, диал. бжед. шапс. нат. ццэ
„зуб“,
пцэ, диал. бжед. шапс. нат. ппццэ
„долби“ (буквально: „зуби“),
пцы, диал. бжед. шапс. нат. ппццы
„долото“ (буквально: „зубило“);
долби („зуби“) нечто

Названия некоторых животных
и др. предметов

пцэ, диал. бжед. шапс. нат. ппццэ
„рыба“
(первоначально по сходству
с долотом)

пцэ-шхо диал. шапс. нат. ппццэ-фо
бжед. ппццэ-шкко „красная рыба,
осетр“,

пцэжый „мелкая рыба, рыбешка“
бгъэ „хищная птица“ (первоначаль-
но: как бьющая грудью добычу)

бгъэ — грудь

блэ — „нанизывай, вяжи в низку“.

блэ — „плечевой сустав руки“ (первоначально: „вообще длинная часть руки“)

ср.: Ia-бл — „плечевой сустав“

блы-пкъ — „плечевой мосол“

блэ-бгъу — „лопатка (кость)“

Ia-блэ кабард.
„рука ниже локтя“ (т. е.
букв.: „кисть руки и предплечье“)

блэ — глагольный префикс с значением „мимо, вдоль“ (ср. блэк|ыгъ „мимо прошел“)

блэ — „змея“ (первоначально: „длинная, нанизанная“)

бгы — „поясница, талия“

бгы — „возвышенность, холм“

Интересны адыгейские названия орудий. Некоторые из них говорят о древности своего происхождения.¹ Например, шуанэ — „мотыка, тямка (для прополки)“ образовано из первичных корней: «[ш|о]», первоначально „острие, цепляй, зацепка и т. д.“ (ср. «хэ-нэ» — „застревает (в веществе)“, «ш|о-нэ» — „зацепляется о выступ, за острие“) — корня, который входит в состав также слова «маш|о» — „огонь“, и «нэ», буквально: „отверстие в насадке орудия, глаз“, откуда далее „орудие, предмет“ (ср. ниже, стр. 258). Таким образом, в настоящем своем виде это слово имело значение „(орудие,) цепляющееся острием“. В более древнюю эпоху оно могло обозначать просто „заостренное орудие“, т. е. род заостренной палки, которая, как известно, служила у многих диких народов примитивным орудием для выкапывания съедобных корней и первоначальной обработки почвы. Так как одним из древних способов заострения деревянных орудий было обжигание их конца на огне, то становится понятной связь значения первичного корня «[ш|о]» „острие“ и «ма-ш|о» — „огонь“. Для лопаты мы

¹ Ср. «сэ» — „нож, [шашка]“, «пчы» — „копье, штык“ (ср. «пэго-пч» — „острога“), «шэ» — „стрела, пуля“, «бзэ» — „тетива, рессора, пружина“ (ср. «ца-бз» — „лук-оружие“), «це» диал. «ццэ» — „зуб, лезвие“, «[хьо]» ср. «пхьа-хьу» — „рашпиль“.

имеем в адыгейском два названия: «хьанц(э)» — „деревянная лопата“, „кьазгъыр, кьанзгъыр“ — „железная лопата“. Для топора — целых три названия: «обзэгъу» — „большой топор для рубки леса“, «отычы» шапс. нат. «майтгэ» — „плотничий или столярный топор“, «ошчы» — „топор-колуи“; «уатэ» — „молоток“, «отэшхо», бжед. «оттэшкко», нат. «оттэфо» „большой кузнечный молот (для двух рук)“, «умэ» — „большой деревянный молот, било для расклинивания и забивания кольев“. Почти во всех этих названиях топоров и молотков имеется первичное односложное слово «о» («у»), что значит „бей“. Для обработки дерева мы имеем «пхьэ-пс» — „струг“, плотничий инструмент для остругивания дерева (ср. у-псы — „строгай, скобли, брей“), «пхьэх» — „пила“ (ср. первичный корень [хь], обозначающий „бери, жни“, первоначально „рви руками“), «чы-х», нат. «кьы-х» — „нож на длинной ручке для прорубания зарослей кустарника“, «пхьа-хьо» — „рашпиль, род напилка для стачивания дерева“, «тхьуц(э)», бжед. «тхьурц(э)», нат. «тхьуц(э)» — „кривой нож для вырезывания деревянной посуды“. Во многих из этих терминов в качестве первой их части выступает первичный корень «пхьэ» — „дрова, дерево как материал“, — корень, который обозначает объект действия. Тот же корень имеется в составе названий некоторых сельскохозяйственных орудий: «пхьэ-лаш» бжед. «пхьэ-лаш», шапс. нат. «пхьэ-лаш» (от слов: «пхьэ» — „дерево“, «ла» — „кисть руки“, «ла-шэ» — „оружие“), буквально — „деревянное оружие“, первоначально только „деревянное орудие для вспашки, род омача — рало“. Впоследствии это слово приобретает значение „плуга“ (вообще), орудия для вспахивания вообще“. Для обозначения более древнего деревянного плуга, рода сохи теперь употребляется слово «пхьэ-лаш», а для железного плуга «гъучы-пхьэ-лаш», т. е. буквально — „железная деревянная соха“, а в литературном и живом языке теперь «пхьэ-лаш» обозначает „плуг (вообще)“. Точно так же «пхьэ-ла-бжьан» (нат. «пхьэщ-щакъо») — „деревянные грабли“, буквально обозначало „деревянные ногти на руке“, а железные грабли «гъучы пхьэ-ла-бжьан», буквально — „железные деревянные ногти на руке“ и т. д.

Интересно отметить то развитие значений, которое приобретает в адыгейском первичный корень «пхьэ» — „дерево как материал“. В качестве одного из основных материалов для древнейшей эпохи адыгейской культуры, а позднее, в эпоху феодализма, — для адыгейского производительного класса, крестьянства, — слово «пхьэ» приобретает значение „всякого материала вообще“. Например, «гъомыл(э)» — „харчи, пища вообще“; первоначально: „род кушанья из поджаренной пшеничной муки с медом, которая в полужидком виде бралась адыгейцами в долгую дорогу“, откуда «гъомылапхь» — „пищевые продукты“, буквально: „материал для пищи“, «цый», нат. «цые» — „черкеска“, буквально: „шерстяная; то, что принадлежит шерсти“; «цья-пхь» — „материал для черкески“, буквально: „дерево для черкески“, «псэуа-ль» — „дом и надворные постройки“, буквально: „помещения для жизни“, «псэо-ля-пхь» — „строительный материал для дома и надворных построек“. В дальнейшем тот же односложный первичный корень «пхьэ» развивает значение и еще более общего характера. В соединении с глагольными корнями он начинает обозначать „то, что надлежит; то, что следовало бы“ и т. д. Например, «у-кьуа-пхь» — „тебе следовало бы пойти, тебе надлежит пойти“, «унэ пшыпхьэ» — „для тебя надлежит дом построить, для тебя необходимо дом построить“, «е-п-кьуа-пхь» — „тебе следовало бы сказать“, «о нахь кьуа-пхьэ зи ахэтэп» — „кроме тебя, кому надлежало бы поехать, (из них) нет ни одного“, т. е. „нет ни одного (человека), кроме тебя, которого надлежало бы послать“.

В общем следует признать терминологию орудий сельскохозяйственных и домашних производств в адыгейском довольно развитой.

Итак, мы можем сделать вывод, что путем развития из первичных слов — слов вторичных сложно-составных, путем перехода от языка аморфного

строю (в начале первобытной общины) — к языку инкорпорирующего полисинтетического строя (в конце первобытной общины, т. е. при появлении зачатков эксплуатации) коренным образом изменился словарный состав адыгейского языка вместе с его грамматическим строем. Вместо небольшого количества (нескольких сотен) первичных односложных слов образовалось сравнительно большое количество (исчисляемое десятками тысяч) вторичных многосоставных по своему происхождению слов, с большим количеством их грамматических форм и с более общими их значениями. С этим запасом слов адыгейское общество вступило в новую эпоху своего развития — в классовое общество. Это классовое общество в период приблизительно от XV—XVI вв. и до времени колониального завоевания черкесов, у историков принято называть эпохой возникновения феодализма. Мы оставляем здесь термин феодализм как условный, хотя в силу неразработанности этого вопроса нельзя признать существование феодализма у адыгейцев даже в той форме сословного строя, в какой он развился у восточно-адыгейских племен, окончательно установленным. Несомненно одно, что в адыгейском обществе в этот период появляются классы, классовая эксплуатация и развивается новый социально-экономический строй, возникают сословия. В результате этого появляется и новая идеология, в частности новая религия — сначала христианская, пришедшая из Византии и Грузии, а затем — мусульманская — из Турции и Крыма. Эти коренные изменения в жизни адыгейского общества не могли не отразиться и на языке. Феодализм внес в адыгейский словарь следующие слова — сословные термины, которые частью до феодализма в родовом обществе имели иные значения: «пщы» первоначально — „глава дома, глава семьи, патриарх, свекор“, теперь, — „князь“; «гуащэ» первоначально — „старшая в доме хозяйка, мать-домоправительница, свекровь“, теперь — „супруга, госпожа, княгиня“; «лэкъольэш» — „высшая знать у шапсугов и абадзехов, ближайшие помощники князя, высшая после князей знать у бжедухов, темиргойцев и других «княжеских» племен“. Этот термин происходит от слова «лакъу» — „род, фамилия, происхождение“, буквально: „внутри мужчин сын, по мужской линии сын“; «пщы-оркъ» — „феодал (вообще)“, а также „зависимый от князя дворянин“; «тфэкъол», диал. шапс. бж. «фэкъол» — „сословие лично независимых, но экономически зависимых от феодала крестьян у бжедухов, темиргойцев и других племен“, повидимому искаженное кабардинское «лэх-къо-л» — „мужчина (от) сына урожденного, т. е. потомок коренного жителя“; «пщы-лы» — „крепостной, лично зависимый крестьянин“, буквально: „княжий мужчина“ (предмет купли и продажи), «унэлут» — „холоп, дворовый (буквально: возле дома стоящий)“ — личный слуга дворян и князей, предмет купли и продажи; «лэгъунэлут» — то же при женской половине дома (буквально: при женской половине стоящий). Здесь перечислены только основные сословные подразделения. Кроме них, имелось еще довольно большое количество более мелких подразделений.

Феодализм принес в основном и современные адыгейские названия металлов; впрочем, некоторые из них могли появиться и раньше — в период расслоения родового общества; таковы, например «гъуапльэ» — „красная медь (буквально: рыжей смотрящая, рыжая, красная)“. «гъофы» — „желтая медь, латунь (буквально: рыжая, белая)“, «пщашло» — „свинец“ «къэлай» — „олово“, «тыжьыны» — „серебро“, «дышь» — „золото“, «щылыч» (в фольклоре «шыр», шапс. «чыр»; например, «шыр лэныст» — „стальные ножницы“) — „сталь“, «щыуан» — нат. «щэон» — „чугун“ (металл); „котел“. Последние названия, повидимому, усвоены из других языков (о железе см. стр. 211).

В этот период так называемого феодализма вновь оживляются регулярные культурно-экономические и политические сношения адыгейцев со странами Ближнего Востока и Средиземноморья. Вместе с ними в адыгейский язык проникают и новые слова. Эти новые слова, усваи-

ваемые адыгейцами из языков совершенно иного строя, чем адыгейский, оказывают влияние на изменение структуры адыгейского языка. Именно в этот период в адыгейский язык начинают в большом числе проникать слова греческого и грузинского происхождения и, в особенности, — арабского и тюрко-татарского. Греческие и некоторые грузинские термины, относящиеся главным образом к христианскому культу, проникают из Византии и Грузии. Таковы, например, адыг. «джор» — „идол“, кабардин. «ж(ь)ор», диал. моздок. «бж(ь)ор» — „крест“ из грузинского «джвари» — „крест“, адыг. «бэрэскэшху» и «бэрэскэжъый», происходящие от греческого «*παρασκευή*» — „пятница“, проникшего к адыгейцам, вероятно, через Грузию (ср. грузинск. *პარაკევი* — пятница) или Абхазию. Слово «бэрэскэшху» означает буквально „большая или великая пятница“, а слово «бэрэскэжъый» — „малая пятница“, т. е., повидимому, „пятница“ и „среда“, как два постных дня недели. По образцу христианской терминологии из чисто адыгейских корней было составлено и слово «тхъэумаф», что буквально обозначает „божий день“, т. е. „воскресенье“.

В общем надо признать, что термины, связанные с христианским культом, оставили лишь крайне малочисленные следы в адыгейском языке. Христианство, несмотря на то, что оно начало проникать к адыгейцам довольно рано (может быть, еще до XIII в. через Грузию) и во всяком случае шло до середины XV в. из Византии, никогда не было настоящей народной религией адыгейцев, так как адыгейское общество в это время недостаточно еще оформилось как классовое общество. Настоящая развитая религия может появиться только в классовом обществе, так как она представляет собой идеологию господствующего класса. Поэтому христианство среди адыгейцев было лишь некоторым культурным налетом, распространенным в верхушке адыгейского общества. Народные адыгейские массы, вплоть до начала колониального завоевания западного Кавказа, в особенности в горах (у абадзехов) и на побережье (у прибрежных шапсугов) оставались еще языческими так же, как и их южные соседи абхазы.

Большое влияние оказали на адыгейский язык заимствования из арабского. Первое проникновение арабизмов в адыгейский язык можно отнести к XIII—XV вв. Предположить это влияние заставляет нас факт образования в эту эпоху так называемой черкесской, или мамлюкской, династии в Египте (1250—1517). Следует полагать, что в эту пору должны были оживиться торговые и политические связи адыгейцев с их соотечественниками в Египте. Вместе с этими связями к адыгейцам, безусловно, проникали и некоторые арабские слова. Так, арабское «хъауа» — „дуновение воздуха“ (в диалектах также „погода“) в этот ранний период арабского влияния проникает в адыгейский язык в виде односложного слова [о] в значении „погода, воздух“, которое до сих пор сохраняется в таких сложно-составных словах, как «о-шлу» — „хорошая погода“, «уа-е» — „плохая погода“, «уа-шъо», буквально: „кожа или цвет воздуха“, т. е. „небо“ и т. д. В более позднюю эпоху то же арабское слово проникает в адыгейский и кабардинский уже в более точной двухсложной форме «хъао» — „климат“, „погода“.¹

Таким образом, в более древний период, когда аморфный строй адыгейского языка был еще жив и достаточно силен для того, чтобы ассимилировать (уподобить) заимствуемые слова адыгейским односложным первичным словам-корням, мы замечаем, что целый ряд не только арабских, но и иных по происхождению слов в адыгейском языке превращается в односложные слова типа открытого слога, т. е. уподобляется адыгейским аморфным первичным словам-корням.

¹ Например, «Краснодарэ ихъао къысэкIурэп» — „Краснодара (его) климат мне не подходит“.

В качестве примеров можно привести:

Другие языки	Адыгейский язык	Кабардинский язык
груз. ღჷლი (дза-ли) сила	дзэ войско	дзэ войско
груз. ღჷლი (шви-ли) сын	шы брат	шы брат
чеч. «во-ша», «йи-ша» диал. майст. «йоша» (корень *«шӕ») „брат“, „сестра“, первоначально: „член рода без различия пола“		
груз. ღჷბ (тэхъа) ломка, ломание	тхъы	тхъы
чеч. «туох(ъ)ӕ» „бей“ русск. област. при- черноморск. „тохай“ — „тяпай, мотыжь“	обдирайся (про лен, коноплю); рвись	обдирай початки ку- курузы от листьев
чеч. «дуог» из *«да- гу») корень «гу» „сердце“	гу сердце	гу сердце
аварск. «ра-кӀ», мн. ч. «ра-кӀа-л», диал. гидатл. «ра-кӀуа-л» корень *«кӀу» „сердце“		
абх. («а-гу») „сердце“ корень «гу»		
груз. ღჷლი (гу-ли) „сердце“		
чеч. «сту» (диалект. «ту, ссу») „вол, бык“	цу вол, бык	вы вол, бык.
ингуш. «уст» „вол, бык“		
аварск. «оц» „вол, бык“		
абх. «а-цв» „вол, бык“		
армянск. զուլ (цул) „бык“		
чеч. «хъы» „вода, река“	хы море	хы море
ингуш. «хъый» „вода, река“		
груз. ხვევი (хъэви) „ущелье с горным потоком“		
карач.-балк. «кьол» „сухое ложе дождевого потока (в горах)“	[кьо] в западн. диалектах также: хьо река, ущелье; ¹ русло реки	кьуэ (произносится кьӀо) ущелье, балка.

¹ ср. Куда-кьо, рус. Кудако, букв.: „Нефтяная река“, от «кудэ» — „нефть“; Мыякьо — р. Мияко, букв.: „Яблонная река“, откуда название г. Майкопа: «Мыкьуапэ», букв.: „устье Яблонной реки“ и т. д.

осет. ир. «х(ъ)ор»,
 дигор. «х(ъ)уар»
 „хлеб (в зерне и на
 корню)“

фы
 просо
 ср.: фы-гъо
 просо
 (буквально: рыжее
 просо)

ху
 просо

Подобные совпадения корней, в большом количестве наблюдающиеся между всеми яфетическими языками Кавказа, можно толковать по-разному: или как какое-то общее наследие, которое сохраняется во всех этих языках — как сказали бы представители буржуазного сравнительно-исторического языкознания, — или как тот общий запас слов, который возник в этих языках на основе появившегося разделения труда и постоянного обмена между соответственными народами. Это последнее объяснение, которое мы считаем более правильным, относит возникновение этих общих слов в основном к эпохе первобытной общины. Вместе с тем факт существования таких общих слов вовсе не доказывает, что в адыгейском, как и в кабардинском, абхазском и других языках, первичные слова-корни открытого слога являются позднейшими, что они представляют собой результат „отпадения“ существовавших в этих словах некогда и в адыгейском языке конечных согласных. Скорее, наоборот, мы должны признать, что в силу самого строя адыгейского языка, существовавшего в древнейшую эпоху возникновения этих общих слов, в силу того, что адыгейские слова в то время еще были в своей массе именно аморфными, первичными, односложными словами-корнями типа открытого слога, — в силу этого и каждое вновь попадавшее в адыгейский язык в ту пору слово приравнивалось к его первичным словам, уподоблялось им и превращалось в такое же односложное первичное слово-корень, как аморфные односложные слова тогдашнего адыгейского языка.

Совершенно иные процессы происходят в адыгейском языке при усвоении слов из других языков в иную, более позднюю эпоху. В эпоху массового проникновения в адыгейский язык слов грузинских, тюрко-татарских и поздне-арабских адыгейский язык уже не был в своей основе аморфным и односложным. К этому времени в нем самом уже выработался вторичный тип слов двухсложных и многосложных. Поэтому и заимствуемые слова уже не превращаются в односложные, они остаются в адыгейском словами типа закрытого слога или многосложными.

Грузинский язык	Адыгейский язык	Кабардинский язык
თქანი (тэми) „область, провинция, народ“	тәм(э) квартал, часть аула	
შავი განი (шави гани) буквально: „черный кусочек материи, чер- ное полотнище“	шоджэн древнее название христианского попа; теперь фамилия	шоджэн шогъэн в том же значении
ხეობა (хъэбли) диал. „селение, сельское общество“ (хевск.)	хъабл селение, аул; перво- начально: часть аула, населенная членами одной фамилии (рода) и т. д.	хъаблэ квартал

Эти и подобные им слова представляют собою уже подлинные культурные усвоения из грузинского языка средневековой эпохи.

Тюрко-татарские слова начали проникать в адыгейский язык, вероятно, уже очень рано — при первом появлении тюрко-татарских племен в южно-

русских степях. Однако массовое проникновение их в адыгейский и кабардинский языки начинается позже, с появлением ногайцев (XIV—XV вв.), с образованием Крымского ханства и с завоеванием Константинополя турками (1453 г.). В это же время с первым проникновением мусульманства начинают проникать к адыгейцам и арабские слова, частью через тюрко-татарские языки. Окончательно укрепляется ислам среди кабардинцев и восточно-адыгейских племен при поддержке местных феодалов лишь в XVII—XVIII вв. После этого времени в адыгейский язык в значительном количестве проникают арабизмы вместе с арабским письмом и мусульманским культом. Многие из арабизмов крепко вошли в жизнь и быт адыгейцев и употребляются до настоящего времени наравне с чисто адыгейскими словами.

С другой стороны, многие арабские по происхождению слова, являясь по содержанию чисто религиозными терминами, в настоящее время уже забываются в массах адыгейских трудящихся и выходят из употребления. Таковы, например, «хьылым» — «религиозная наука», «хьалим» — «религиозный ученый», «хьэрам» — «греховное, запрещенное», «хьэлэл» — «разрешенное, дозволенное религией», «джынэ» — «джин, дух», «шетан» — «шайтан», «хьэзаб» — «мучение», «джахьыл» — «невежда» и т. д.

Из других арабизмов, уже вошедших в адыгейский язык, можно упомянуть: «мэхьанэ» — «значение», «акъыл» — «ум», «къэлэм» — «ручка», «дин» — «религия», «дунай» — «мир, вселенная», «джэуап» — «ответ», «насып» — «счастье», «намыс» — «честь», «Iахьыл» — «родственник», «мылку» — «имущество», «хьэйуан» — «скот, животное», «самбыр» — «тихий, спокойный», «зэраp» — «убыток», «федэ» — «польза» и т. д.

Из слов тюрко-татарского и арабо-ирано-тюркского происхождения мы можем назвать здесь многие хозяйственные, общественные и культурные термины: «ахьщ» — «деньги», «былым» (?) — «скот, имущество», «чар» — «прибыль», «къалэ» — «крепость, город», «топ» — «пушка», «аталыкъ» — «приемный отец, воспитатель ребенка феодала», «бейкол» — «свита», «къулыкъу» — «служба», «башлыкъ» — «башлык», «къаз» — «гусь», «къамышы» — «плеть», «щазмэ» — «сапоги», «къарэ» — «черный, карий» (масть лошади), «сом» (?) — «рубль», «аркъ» — «водка, арака» и т. д.

Из иранских заимствований можно указать: «тучан» — «лавка», «абас» — «двадцать копеек», «щэрэхъ» — «колесо».

После колониального завоевания черкесов и выселения их на плоскость начинается капиталистическое расслоение в их среде. Вместе с тем в адыгейский язык начинают в известном количестве входить слова, взятые из русского языка, например: «пэлиц» — «полиция», «протэкол» — «(полицейский) протокол», «быристаф» — «пристав», «суд» — «суд», «пэвеск» — «повестка», «пэмещик» — «помещик», «учаск» — «участок, имение», «къутыр» — «хутор», «станиц» — «станица», «склад» — «склад», «сад» — «сад», «хьэмбар» — «амбар», «гыры» — «гиря», «аршын» — «аршин», «меркI» — «мерка», «карт» — «карта игральная; карточка фотографическая», «чырбыщ» — «кирпич», «кэнау» — «канавка», «завод» — «завод», «вагон» — «вагон», «вэеннэ пальтэу» — «военное пальто», «стол» — «стол», «шкаф» — «шкаф», «стачан» — «стакан», «щай» — «чай», «щайныч» — «чайник», «машин» — «машина», «хамот» — «хомут», «дугэ» — «дуга» и пр.

Со времени Великой Октябрьской Социалистической революции начинается новая эпоха — эпоха расцвета адыгейской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, эпоха возникновения и расцвета адыгейской письменности и литературного языка. Социалистическое строительство и рост национальной культуры не могли не отразиться и на развитии адыгейского языка. Впервые создается адыгейский литературный язык. В него начинает входить масса интернациональных и советских русских новых слов. Если сравнить по содержанию эти слова с арабизмами и заимствованиями из русского языка в предше-

ствующие эпохи, то сразу бросится в глаза огромная разница. В то время как прежде арабизмы представляли собою слова, главным образом, религиозного содержания или слова, связанные со средневековой культурой, в то время как заимствования из русского языка эпохи колониального угнетения представляют собою слова, по содержанию или отражающие колониальную политику царизма, или представляющие собою чисто бытовые культурные усвоения, — после Октябрьской Социалистической революции адыгейский язык обогащается массой общественно-политических, научно-технических и учебных терминов. Впервые для обогащения языка создаются списки терминов и их словари. Назовем, например, следующие, уже прочно вошедшие в жизнь и быт адыгейского трудящегося интернациональные и советские слова: «Совет власть» — «Советская власть», «пролетарий || пролетар» — «пролетарий», «революция || революц» — «революция», «къоджэ совет» — «сельсовет», «колхоз» — «колхоз», «рабоч» — «рабочий», «трудодень» — «трудодень», «автомобиль» — «автомобиль», «класс» — «класс», «капитал» — «капитал», «коммунизм» — «коммунизм», «коммунистическе партиер» — «коммунистическая партия», «комсомол» — «комсомол», «социализм» — «социализм», «ударник» — «ударник», «стахановц» — «стахановец», «электричеств» — «электричество», «исполком» — «исполком», «автономн» — «автономный», «делегат» — «делегат», «магазин» — «магазин» и т. д. и т. д.

В настоящее время разработана адыгейская терминология по географии, биологии, грамматике и т. д. Новые адыгейские слова эпохи построения социализма, прочно вошедшие в адыгейский литературный язык и в живую речь адыгейских трудящихся, не только обогащают словарь адыгейского языка, но отражаются и на всем его грамматическом строе в целом. Вместе с ними в адыгейский язык проникают и новые звукофонемы (например, твердое „л“; „в“), и новые непривычные ранее для адыгейского языка сочетания звуков (например, многие сочетания согласных), и новые интернациональные и советские суффиксы и префиксы (напр., „-изм“, „-ство“ и т. д.; „анти-“, „все-“ и т. д.).

В общем мы можем сказать, что эта последняя по времени появления и относительно непродолжительная эпоха развития адыгейского общества и его языка по силе и скорости этого развития далеко превосходит все то, что появилось в адыгейском словаре за все предшествующие эпохи его истории.

ЧАСТЬ III

СЕМАТИКА

Сематикой мы называем ту часть грамматики, которая изучает значимые части слов, или семы, т. е. состав слова. Под семой мы понимаем всякую часть слова, которая имеет в нем какое-либо значение — независимо от того, представляет ли она собою корень слова, префикс или суффикс, имеет ли она реальное или формальное значение, служит ли она для словообразования или для словоизменения и представляет ли она собой частицу соотносительную или несоотносительную с другими словами и их семами в предложении. В развитых по своему составу словах мы можем иметь по нескольку сем, выделяемых как в начале, так и в середине или конце слова. Однако каждая сема имеет значение лишь в целом и не делится внутри себя ни на какие более мелкие значимые части. Внутри семы могут быть выделены лишь звуки-фонемы. Следовательно, сему мы можем назвать простейшей значимой частицей в составе речи вообще.

Почти в каждом слове, за исключением слов с чисто служебным значением, мы можем выделить одну или несколько сем, имеющих так называемое „реальное“ (т. е. корневое) значение. Так, например, в слове «цѣфы-хэ-м-кѣ» — „для людей, людям“ мы имеем всего четыре значимых части или семы. Из них три последние сами по себе не выражают никакого реального, т. е. существующего вне языка понятия. Лишь одна первая сема «цѣфы» связана с реальным понятием слова «цѣфы» — „человек“. Следовательно, именно эта сема и делает все формы слова «цѣфы» единым словом-понятием. В некоторых словах может быть две или несколько реальных сем, например «Іэ-ры-тх-хэ-р» — „рукописи“. В этом слове выделяется пять сем, из них две: первая «Іэ» — „рука“ и третья «тх(ы)» — „написанное“ имеют реальное значение. Остальные семы в этом слове не содержат никаких самостоятельных понятий, ничего, что существовало бы вне языка, независимо от связи слов в нем.

Таким образом, реальными семами мы называем такие, которые имеют значение, отражающее какое-либо реальное содержание, реальное понятие. Из нескольких сем в составе данного слова реальной будет та, значение которой и придает данному слову то содержание, которое делает это слово понятием, отражающим действительную жизнь.

Каждая реальная сема в отдельности может быть названа корнем данного слова. Например, в слове «с-и-гъэ-лъэгъу-гъ» — „мне он показал“, буквально: „меня он заставил видеть, мне он дал видеть нечто“, реальной семой, придающей этому слову значение глагола „видеть“, будет «лъэгъу». Эта реальная сема, как мы видим, состоит из двух слогов. В слове «мы-Іэ-ры-с» — „садовое яблоко“, которое мы уже приводили выше, мы имеем три реальных семы, каждая из которых содержит отдельное реальное понятие: мы — „дикое яблоко“, Іэ — „кисть руки, рука“,

[-с(э)]—„сажай, сей“. Следовательно, в этом последнем слове мы будем иметь три корня, а в предыдущем слове один корень «лъэгъу».

Почти все реальные семы или корни в адыгейском языке сохраняют еще ясную связь с теми самостоятельными словами-понятиями, от которых они произошли. Во многих случаях в адыгейском языке мы можем произнести каждую такую реальную сему в качестве самостоятельного слова. Так, например, выделенные нами в предыдущих примерах реальные семы-корни: лъэгъу — „видь“, Іэ — „кисть руки, рука“, мы — „дикое яблоко“—и в современном адыгейском языке можно произнести в качестве отдельных слов, имеющих самостоятельное содержание. Однако в некоторых случаях реальные семы-корни и в адыгейском языке уже не существуют в качестве отдельных самостоятельных слов. Так, например, последний корень [с(э)] — „сажай, сей“ в приведенном нами выше слове „садовое яблоко“ уже не употребляется в этом значении как отдельное слово. Однако в кабардинском языке мы еще находим «сэ» — „сажай, сей“ в качестве самостоятельного слова. В адыгейском же литературном языке корень «[сэ]» можно выделить в целом ряде слов, в которых он находится в соединении с другими семами, например, в словах «гъэтха-с» — „яровой посев“, «бжыхъа-с» — „озимый посев“, «те-сэ» — „сеется сверху на что-нибудь, по чему-нибудь, усеивает (о снеге)“ и т. д. Из других адыгейских слов мы знаем, что сема «гъатхэ» значит „весна“, сема «бжыхъэ» — „осень“, частица «те» — в третьем примере имеет значение „на, сверху на, по“. Таким образом, если мы разделим приведенные три слова на семы, то получим в каждом из них по две семы. Первые будут представлять собой различные определения „весенний“, „осенний“ или префикс „на“, а вторые — одну и ту же реальную сему, один и тот же корень, с одним и тем же значением „посеянный“ от глагола „сей, сажай“. Следовательно, несколько различных слов могут иметь один и тот же корень. Для того чтобы в составе слова выделить корень, необходимо подобрать несколько слов с одним и тем же реальным значением, но с различными оттенками смысла. Выделяя в данном слове эти оттенки смысла и соответствующие им семы, с одной стороны, и одну и ту же сему, с которой во всех этих словах связано одно и то же реальное значение, с другой, мы можем выявить корневую сему, реальную сему или корень этих слов. В некоторых случаях корень может не сохраниться ни в адыгейских диалектах, ни в близком адыгейскому кабардинском языке в качестве отдельного слова. В таком случае его приходится выделять чисто теоретически. Так, например, в адыгейском языке, существует три корня, от каждого из которых с помощью префиксов производится по несколько глаголов, но сами эти корни в качестве отдельных слов уже не существуют:

и-т	и-с	и-лъ
стой (внутри помеще- ния)	сиди (внутри помеще- ния)	лежи (внутри поме- щения)
щы-т	щы-с	щы-лъ
стой, находишь (в какой- нибудь местности)	сиди (в какой-нибудь местности)	лежи (в какой-нибудь местности)
хэ-т	хэ-с	хэ-лъ
стой (в веществе)	сиди (в веществе)	лежи (в веществе)
члэ-т	члэ-с	члэ-лъ
стой (под чем-нибудь)	сиди (под чем-нибудь)	лежи (под чем- нибудь)
те-т	те-с	те-лъ
стой (сверху на чем- нибудь)	сиди (сверху на чем- нибудь)	лежи (сверху на чем- нибудь)

и т. д.

Попробуем выделить в этих словах их корни. Из сравнения всех приведенных слов можно сделать вывод, что реальные значения всех этих слов „сидеть“, „лежать“ и „стоять“ не зависят от смены тех сем, которые находятся в начале этих слов и представляют собой префиксы. Наоборот, оттенки значений, выражающие различные пространственные отношения, связаны именно с теми семами, которые стоят в начале этих слов. Так, если сравнить каждое из трех слов, находящихся в одной горизонтальной строке, то мы увидим, что все они будут иметь одну и ту же частицу в начале слова или начальную сему (префикс) и вместе с тем один и тот же оттенок значения, т. е. будут выражать одно и то же пространственное отношение, но разные реальные значения: „стоять“, „сидеть“, „лежать“. С другой стороны, если мы будем сравнивать слова, находящиеся в каждом вертикальном столбце, то увидим, что всем этим словам свойственно одно и то же реальное значение и разные оттенки значений, выражающие различные пространственные отношения. Выделяя таким образом частицы слов с одинаковым значением, мы легко можем прийти к выводу, что во всех трех приведенных столбцах слов имеются только три корня, три семы с реальным значением. Корень „стой“ связан со звуком — «т», корень „сиди“ — со звуком — «с» и корень „лежи“ — со звуком — «ль». Из этого можно сделать вывод, что корнем или реальной семой называется такая частица в составе слов, которая объединяет это слово с целым рядом других слов с одним и тем же реальным значением. При этом, конечно, мы принимаем во внимание не только звуковое совпадение частиц, но, главным образом, их общее значение, общее реальное содержание. Все слова с одинаковым корнем называются словами, производными от одного и того же корня, или „гнездом слов“, объединенных одним и тем же корнем. Так, в приводимых нами примерах каждый вертикальный столбец представляет собой одно и то же гнездо слов, т. е. такую их группу, которая объединяется одним и тем же корнем, несмотря на всю разницу в значениях каждого отдельного слова.

Из тех же примеров, которые мы приводили выше, можно выделить значения не только корней, встречающихся в этих словах, но значения и других сем, находящихся в их составе. Так, мы можем, сравнивая каждую горизонтальную строчку, легко вывести, что частица-сема «и-» обозначает „внутри, в помещении“, частица «щы-» — „в какой-нибудь местности“, частица «хэ-» — имеет значение „внутри вещества, в веществе“, частица «чэ-» обозначает „под чем-нибудь“, частица «те-» — значит „сверху, на чем-нибудь“ и т. д. Эти частицы не связаны с основным реальным значением слов, в которых они встречаются, хотя они и выражают реальные по происхождению пространственные отношения. В грамматике мы называем такие частицы — формальными частицами, формальными семами, формативами, или аффиксами. Точно так же в словах «мы-лэ-ры-с» — „садовое яблоко“, буквально: „дикое яблоко, руками посаженное“ и «лэ-ры-тх» — „рукопись“, буквально: „руками написанное“ — мы замечаем, что, кроме реальных, или корневых, сем имеется частица «ры», так как мы знаем, что отдельно корень «лэ» можно употреблять и в качестве самостоятельного слова в значении „кисть руки, рука“. Из сравнения с некоторыми другими словами [например: «лан-чэ» — „безрукий“, «лэ-пкъ-лэ-пкъ» — „руки-ноги“ (буквально: „кости рук, кости ног“ и т. д.)] можно видеть, что этот же корень можно понимать и как единственное, и как множественное число: и как „руки“, и как „рука“. Мы знаем, что последние части вышеприведенных слов «-тх (ы)» и «[с (э)]» обозначают „написанный, пиши“ и „посаженное, сажай, сей“. Таким образом, сема «ры» после корня «лэ» — „руки, рука“ представляет собою не что иное, как формальную сему с орудным значением, т. е. с таким значением, которое соответствует окончанию русского творительного падежа. Следовательно, в адыгейском языке — это по значению такой же форматив, как и окончание „-ми“ в слове „рука-ми“.

Из приведенного нами анализа состава адыгейских слов мы видим, что в каждом слове могут одновременно быть как реальные семы, или корни, так и формальные семы, или аффиксы. В одном и том же адыгейском слове может быть одна или несколько реальных сем, корней, и одна или несколько формальных сем, или аффиксов. Так, в уже приводившемся нами слове «цЫфы-хэ-м-кIэ» — „людям, для людей“ реальная сема одна: «цЫфы» — „человек“, а формальных семы три: «-хэ-м-кIэ». Из них сема, показывающая множественное число, — «-хэ»; сема, показывающая косвенную определенную форму этого слова, — «-м», и «-кIэ» — сема, имеющая направительное, или орудное значение. В слове «мы-Iэ-ры-с» — „садовое яблоко“ мы имеем три реальных семы и одну формальную — «ры-». Если образовать орудную определенную форму множественного числа от этого слова, то в ней будет уже четыре формальных семы: «мы-Iэ-ры-сэ-хэ-м-кIэ» — „садовыми яблоками“. Здесь формальные семы совершенно совпадают с теми, которые мы рассмотрели выше в слове «цЫфы-хэ-м-кIэ» — „для людей, людям“.

Из всех этих примеров мы можем сделать один вывод. Если данное слово не изменяется, остается тем же словом, но изменяется его форма, то это изменение формы одного и того же слова выражается с помощью прибавления или смены формальных сем. Наоборот, если изменяется само слово, но одинаковой остается форма слова, то это выражается заменой одних корней другими, а формальные семы остаются одинаковыми. Например: «Iэ-хэ-м-кIэ» — „руками“, «мы-хэ-м-кIэ» — „дикими яблоками“, «мы-Iэ-ры-сэ-хэ-м-кIэ» — „садовыми яблоками“. Во всех этих словах три формальных семы, выражающие множественное число, косвенную определенную форму и орудное значение, остаются одними и теми же, в то время как меняются корни этих слов. Наоборот, в одном и том же слове, но в разных его формах: «Iэ» — „рука, кисть руки“, «Iэ-р» — „рука, руку (прямая определенная форма)“, «Iэ-м» — „рука, руки, руке, рукою, в руке (косвенная определенная форма)“, «Iэ-м-кIэ» — „рукою (косвенная определенная орудная форма)“, «Iэ-хэ-р» — „руки (прямая определенная форма множественного числа)“, «Iэ-хэ-мэ» — „руки, рук, рукам, руками, в руках (косвенная определенная форма множественного числа)“, «Iэ-хэ-м-кIэ» — „руками (косвенная определенная орудная форма множественного числа)“ — меняются формальные семы, но остается неизменным корень слова. Из этих примеров мы можем сделать вывод, что в каждом слове имеется та его часть, которая остается без изменения при изменении его формы. Эта неизменная часть слова называется основой слова, в то время как та часть слова, которая изменяется при изменении его форм, называется формативами, или аффиксами словоизменения. В дальнейшем, в отделе морфологии мы увидим, что словоизменение у различных частей речи может быть различным. Изменение имен называется склонением, а формальные семы, с помощью которых происходит склонение, называются формативами, или аффиксами склонения. Изменение глаголов по тем формам, которые они имеют, называется спряжением, а формативы, или аффиксы, с помощью которых изменяется глагол, называются формативами, или аффиксами, спряжения и т. д. Как аффиксы склонения, так и аффиксы спряжения называются аффиксами словоизменения, так как в том и в другом случае изменяется не само слово, а лишь его форма (ср. Лексика, стр. 214). На ряду с аффиксами словоизменения существуют и другого рода аффиксы, или формальные семы. Выше мы уже видели, что при словоизменении известная часть слова остается неизменной. Эту часть слова мы назвали основой слова. Основа слова может состоять из одной или нескольких реальных сем, из одного или нескольких корней. Однако в состав основы, кроме корней, могут входить и формальные семы. Так, например, в приводившихся уже нами словах «Iэ-ры-тх» — „рукопись“ и «мы-Iэ-ры-с» — „садовое яблоко“ на ряду с корнями мы находим сему «-ры-», которая имеет чисто формаль-

ное значение, соответствующее русскому окончанию творительного падежа. Однако эта формальная сема при изменении приведенных слов по падежам и числам не меняется. Она входит в неизменную часть слова — в его основу. Таким образом, основа слова может состоять не только из реальных сем, или корней, но и из формальных сем. Приведем еще пример. На стр. 245—246 мы разбирали корни и формальные семы нескольких слов-глаголов. В составе этих слов мы нашли по одному корню. Но эти корни никогда не встречаются в виде самостоятельных слов. Они всегда соединены с предшествующими им формативами, или аффиксами, выражающими различные пространственные отношения. Семы, с помощью которых выражены эти пространственные отношения, всегда сохраняются при изменении глаголов по лицам, числам, временам, наклонениям и т. д. Таким образом, в этом случае глагольная основа состоит из одного корня в соединении с одним формативом, или аффиксом, который стоит перед корнем. Например, в слове-глаголе «те-с» — „сиди на чем-нибудь“, частица «[-с(ы)]» представляет собою корень со значением „сиди“, а частица «те-» — является префиксом со значением „сверху на чем-нибудь“. Если мы будем изменять этот глагол: «сы-те-с» — „я сижу на чем-нибудь“, «у-те-с» — „ты сидишь на чем-нибудь“ и т. д.; «сы-те-сы-гъ» — „я сидел на чем-нибудь“, «у-те-сы-гъ» — „ты сидел на чем-нибудь“ и т. д.; «сы-те-сы-щт» — „я буду сидеть на чем-нибудь“, «те-сы-щт» — „он будет сидеть на чем-нибудь“, «те-сы-щты-х» — „они будут сидеть на чем-нибудь“ и т. д.; «у-те-с-а?» — „сидишь ли ты на чем-нибудь?“, «сы-те-сэ-п» — „я не сижу на чем-нибудь“ и т. д., то увидим, что, несмотря на изменение по разным временам, лицам и наклонениям с помощью присоединения различных аффиксов словоизменения как в начале, так и в конце этого слова, — само слово-понятие с основным его реальным значением „сидеть на чем-нибудь“ остается без изменения. Вместе с тем мы заметим, что, несмотря на присоединение формальных сем, одна часть слова, именно та, которая выражается частицами «те-с(ы)», остается неизменной. Эта часть слова и называется основой. Основа эта состоит в свою очередь из двух сем. Кроме корня «с(ы)» со значением „сиди“, в составе основы имеется еще аффикс, или формальная сема «те-», имеющая значение „сверху на чем-нибудь“. Таким образом, в данном примере основа состоит из одной реальной и одной формальной семы. В отличие от формальных сем, или формативов, или аффиксов словоизменения, те формативы, формальные семы, или аффиксы, которые на ряду с корнями входят в состав основы слова, называются формативами, или аффиксами словообразования. Формативы, или аффиксы словообразования называются так потому, что с их помощью от одного и того же корня можно образовать новые основы и новые слова. Например, с помощью уже выделенного нами словообразовательного аффикса «те-» — „сверху на чем-нибудь“ от глагола «уцу» — „останавливайся, становись“ можно образовать новое слово-глагол «те-уцу» — „становись на что-нибудь“; от глагола «тхы» — „пиши нечто“ — новое слово-глагол «те-тх» — „пиши на чем-нибудь нечто“ и т. д.

Выше мы видели, что семы с формальным значением, или аффиксы, могут присоединяться к корню двояко: или перед ним, или после него. Те аффиксы, которые присоединяются перед корнем, называются префиксами, а те, которые присоединяются после корня, — суффиксами. В некоторых случаях в адыгейском языке аффиксы вставляются внутрь основы. Например, в только что приведенном нами глаголе «те-тх» — „пиши на чем-нибудь“ основа состоит из двух сем: «те-» — „на“ и «тх(ы)» — „пиши нечто“. В этой основе корнем собственно является вторая ее часть «тхы». Префикс же «те-» представляет собою формальную сему, входящую в состав основы, так как при спряжении этого глагола данный префикс никогда не исчезает. Как мы выше уже условились, такой префикс мы называем словообразовательным аффиксом вообще, а так как он в дан-

ном случае стоит перед корнем, — словообразовательным префиксом. Если мы образуем от этого глагола форму настоящего времени 1-го л. ед. ч., то получим «те-сэ-тхэ» — „я пишу на чем-нибудь“. В этом случае словоизменяемый префикс 1-го л. ед. ч. «сэ» — „я“ на первый взгляд кажется попавшим в середину слова. Поэтому может возникнуть вопрос, как следует назвать такой аффикс: инфиксом (т. е. формальной частицей, вставляемой внутрь корня) или префиксом. Однако на самом деле в этом случае аффикс словоизменения «сэ» является тоже префиксом (точнее: словоизменяемым префиксом), так как он стоит перед корнем и показывает изменение глагола по лицам, частица же «те» представляет собою иной по своему грамматическому значению — словообразовательный префикс. Следовательно, показатель 1-го л. ед. ч. «сэ» является лишь последним из префиксов и только благодаря этому кажется, что он находится в „середине корня“ этого слова. Бывают, однако, в адыгейском такие случаи, когда очень трудно решить, имеем ли мы дело с префиксом или суффиксом. Например, в уже приводившихся нами словах «Іә-ры-тх» — „рукопись“ и «мы-Іә-ры-с» — „садовое яблоко“ — в словах, основы которых состоят из нескольких корней, — между этими корнями мы находим частицу «-ры-», которая, как мы видели выше (стр. 246), представляет собою форматив, или аффикс словообразования, так как она входит в состав основы и не исчезает при склонении этих слов. В отношении ее действительно сейчас трудно решить вопрос, представляет ли она собою суффикс или префикс, так как она стоит после одного из корней слова, но перед другим из них. Такие частицы, стоящие между двумя корнями, в практической школьной грамматике можно условно назвать соединительными частицами, т. е. частицами, служащими для соединения корней. Вопрос о том, была ли эта частица первоначально префиксом или суффиксом, может быть разрешен лишь исторически. Так как дальше в отделе морфологии мы узнаем, что в глаголах имеется специальный префикс «рэ-||ры-» с орудным значением, то можно предположить, что та же самая частица в составе приведенных нами слов представляет собою по происхождению ни что иное, как префикс при последнем корне, который имеет глагольное происхождение.

Для того чтобы закончить наш формальный анализ сематического состава адыгейских слов, остановимся вкратце еще на одном интересном явлении. Во всех почти языках, в том числе и в адыгейском, бывают случаи, когда та или иная форма слова выражается не прибавлением к нему какой-либо формальной частицы, а, наоборот, — отсутствием всякой формальной частицы, отсутствием соответствующего аффикса. Например, в русском языке именительный падеж ед. ч. мужск. рода в большинстве случаев выражается отсутствием всякого окончания, например, „дом“. В этом слове в данной его форме мы имеем корень слова в чистом виде без всяких падежных и других окончаний. Однако это отсутствие всяких окончаний по сравнению с другими падежными формами этого слова становится положительным признаком, который отличает форму именительного падежа ед. ч. от всех других форм. Отсутствие аффикса становится как бы наличием его. В адыгейском языке мы наблюдаем многочисленные случаи, когда та или иная форма слова выделяется именно благодаря отсутствию соответствующего аффикса. Так как в адыгейском языке наряду с суффиксами большую роль играют и префиксы, то отсутствовать могут в этом смысле не только суффиксы, но и префиксы. Например, возьмем глагол «сэ-льэгъу» — „я вижу что-нибудь“ или „кого-нибудь“, или глагол «сэ-тхы» — „я пишу что-нибудь“. В этих глаголах по их значению легко установить, что в них обозначен не только субъект (тот, кто видит; тот, кто пишет), но и объект (то, что он видит; то, что он пишет). Однако, если мы будем искать в составе этих слов специальную частицу, или аффикс, обозначающий этот объект в 3-м л. ед. ч., то мы такой частицы не найдем. В самом деле, в начале обоих слов

стоит префикс «сэ» — „я“, который обозначает субъект или подлежащее (то лицо, которое видит, пишет). Эта частица является префиксом, так как стоит перед корнем. Корни первого слова «лъэгъу» и второго слова «тхы» в том же виде употребляются в качестве формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения: «лъэгъу» — „видь что-нибудь“, «тхы» — „пиши что-нибудь“. Таким образом, хотя по смыслу во всех данных словах обозначен объект в 3-м л. ед. ч., однако, никакой специальной частицы, или аффикса, для его выражения в этих формах мы не имеем. Следовательно, 3 л. ед. ч. объекта во всех данных случаях выражено отрицательно, т. е. отсутствием соответствующего аффикса. Однако, как только мы изменим лицо объекта (прямого дополнения), мы сейчас же не только увидим специальную частицу для выражения объекта, но узнаем и то место, на котором она должна стоять: «у-сэ-лъэгъу» — „тебя я вижу“. В этой форме перед префиксом субъекта «сэ-» — „я“ появляется второй префикс — префикс объекта «у-» — „тебя“. Следовательно, 3-ье лицо объекта выражено отсутствием префикса перед префиксом субъекта. Из наблюдений над другими формами этого глагола мы можем сделать вывод, что отсутствием префикса выражается объект только в 3-м л. обоих чисел. Во всех же остальных лицах объект всегда выражается наличием соответствующего префикса в начале глагольной формы. В другом глаголе, например, «сэ-ды» — „я шью“ объект обычно нельзя изменять по лицам, так как в качестве объекта при этом глаголе нельзя назвать человека. Поэтому в этом случае объект всегда выражен только 3-м л., а следовательно, он всегда выражен отсутствием префикса. Однако из сравнения с другими глаголами, в которых объект изменяется по лицам, мы можем установить, что и в форме «сэ-ды» отсутствующий префикс объекта должен был бы стоять в начале слова перед префиксом «-сэ-». И если бы можно было вообразить, как это бывает в сказках, что рубашка может говорить, то пришлось бы образовать форму «сы-о-ды» — „меня ты шьешь“, которая и показала бы, где стоит префикс объекта. Однако такая форма в адыгейском языке, хотя и мыслима, но от данного глагола неупотребительна. В переносном же смысле от некоторых глаголов можно употребить и по-адыгейски формы с префиксами объекта, например: «сы-о-тхы» — „ты меня записываешь“. Приведем еще один пример. Выше мы уже указали формы повелительного наклонения «тхы» — „пиши что-нибудь“ и «лъэгъу» — „видь что-нибудь“. В обеих этих формах по смыслу выражены не только объект в 3-м л. ед. ч., но и субъект — во 2-м л. ед. ч. Однако в самих словах мы не находим никаких формальных частиц, или аффиксов. Эти формы слов совпадают с чистым корнем глагола, который в данном случае является и основой. Поэтому мы говорим, что в повелительном наклонении адыгейский глагол во 2-м л. ед. ч. субъекта и 3-м л. ед. ч. объекта (в том случае, если мы имеем глагол переходный) совпадает целиком с основой глагола (если оставить в стороне фонетические изменения конечного гласного в этой форме). Однако значение этой формы ясно показывает нам, что мы видим здесь не просто глагольный корень, а полностью оформленное слово, в котором выражены лицо субъекта и объекта. Опять-таки, стоит только немного изменить эту форму повелительного наклонения, и мы сразу узнаем, каковы отсутствующие префиксы и где они должны стоять. «Сы-лъэгъу» — „меня видь“ — показывает нам, что префикс объекта и в повелительном наклонении должен стоять на первом месте. «У-мы-лъэгъу» — „ты не видь“. Это — отрицательная форма повелительного наклонения с тем же 2-м л. ед. ч. субъекта и 3-м л. ед. ч. объекта, что и в утвердительной форме. Легко установить, что префикс «мы» выражает отрицание „не“ (ср., например, «мы-ды» — „не шитый“, «мы-цыфыр» — „не человек“ и т. д.). Префикс же «у-», который совершенно совпадает с тем префиксом, который мы имели в начале слова «у-сэ-лъэгъу» — „тебя я вижу“ в качестве префикса 2-го л. ед. ч. объекта, в этой отрицательной форме

повелительного наклонения, несомненно, выражает 2-е л. ед. ч. субъекта „ты“. Если мы теперь образуем от этой же формы повелительное наклонение с отрицанием и с 1-м л. ед. ч. в качестве объекта, то получим «сы-у-мы-лъэгъу» — „меня ты не видь“. Таким образом, изменяя по лицам субъект и объект и превратив утвердительную форму повелительного наклонения в отрицательную, мы узнали, на каком месте должны стоять в ней префиксы субъекта и объекта: на первом месте должен стоять префикс объекта, а на втором — префикс субъекта. Следовательно, в утвердительной форме повелительного наклонения отсутствием префиксов выражены сразу два лица — объекта и субъекта. Однако и в отрицательной форме адыгейского повелительного наклонения, стоит только немного изменить основу глагола, как мы получим отсутствие префикса субъекта, но уже не в начале, а в середине глагольной формы «къэ-лъэгъу» — „сюда видь кого-нибудь“, «у-мы-лъэгъу» — „не видь кого-нибудь“, «къэ-мы-лъэгъу» — „сюда не видь кого-нибудь“. В последней форме префикс 2-го л. ед. ч. субъекта, который должен стоять после префикса направления «къэ» — „сюда“, снова исчезает, но в некоторых адыгейских диалектах и в живой речи эту форму могут произвести и как «къэ-у-мы-лъэгъу» — „его сюда ты не видь“, «сы-къэ-у-мы-лъэгъу» — „меня сюда ты не видь“ и т. д. В этих формах мы опять-таки видим, что как префикс субъекта, так и префикс объекта в отрицательной форме повелительного наклонения оба стоят на своих определенных местах, хотя в некоторых случаях они и выражаются отсутствием соответствующих префиксов. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что в ряде случаев та или другая форма адыгейского слова выражается отсутствием соответствующего аффикса, или формата. Однако значение адыгейских форм показывает, что и в этих случаях отсутствие аффиксов оформляет слово не в меньшей степени, чем их наличие в других случаях. Путем сопоставления различных форм мы можем даже установить, на каком месте в слове должен стоять отсутствующий аффикс. Следовательно, определять и разбирать грамматические формы можно не только по наличным, но в ряде случаев и по отсутствующим аффиксам. Такой определяющий значение формы слова отсутствующий аффикс мы называем нулевым или отрицательно выраженным аффиксом. Мы можем сказать, что в разобранных нами примерах отрицательными или отрицательно выраженными аффиксами являются префиксы 3-го л. ед. ч. объекта (во всех случаях) и 2-го л. ед. ч. субъекта (в повелительном наклонении). Кроме отрицательно-выраженных префиксов, в других словах адыгейского языка, например в именах, могут быть и отрицательно-выраженные суффиксы. Так, например, настоящее время выражается в глаголе отсутствием временного суффикса, а неопределенная форма имени — в некоторых случаях отсутствием падежных суффиксов.

Мы нарочно привели примеры подробного анализа адыгейских слов с точки зрения их сематического состава. Мы постарались разложить эти слова на все составляющие их значимые частицы, или семы, так как только с помощью такого подробного разбора удастся понять точное значение адыгейских слов. Разложение адыгейских слов на семы необходимо производить прежде всего на основе точного знания и разбора всех оттенков их значения. Нельзя выделять частицы только на основании внешнего звукового их сходства. Поэтому только после того, как стали известны все оттенки значения данной формы слова, ее можно правильно разложить на семы. Далее, для правильного выделения сем в данной форме слова необходимо сопоставлять ее со всеми другими формами того же слова и привлекать для сравнения иные слова, в составе которых имеются такие же частицы или семы. Соблюдая эти правила, можно правильно разобрать сематический состав любой адыгейской формы, каким бы сложным он ни казался на первый взгляд. Только в результате такого анализа и удастся изучить и установить законы адыгейской

грамматики. Например, анализ тех немногих форм, которые мы выше разобрали, сразу позволяет сделать ряд выводов. Мы можем установить, что в разобранных нами переходных глаголах, частицы, выражающие лица, стоят всегда перед корнем, т. е. являются префиксами. Перед корнем же глагола стоят и частицы, показывающие место и направление, т. е. префиксы места и направления. Кроме того, мы можем сделать вывод, что все эти префиксы стоят в одном определенном порядке, который можно выразить в виде формулы:¹

Префикс объекта	Префикс места или направления	Префикс субъекта	Корень глагола
сы- меня	кьэ- сюда	о- ты	лъэгьу видишь
— что-то	те- на чем-то	сэ- я	тхэ пишу
сы- меня	кьэ- сюда		лъэгьу видь
— что-то	те- на чем-то	(у-) ты	мы- не тх пиши
— что-то		у- ты	мы- не тхы пиши

и т. д.

Эта формула, как и другие, выведенные в данной грамматике, показывает не только семы, из которых состоит форма слова, не только порядок расположения этих сем, но и тот факт, что в каждой отдельной форме те или другие семы могут вовсе отсутствовать. От этого порядок остающихся сем не меняется, — обычно он остается тем же самым. Без такого разбора нельзя изучить грамматический строй адыгейского языка и установить правила его грамматики.

Однако, для того чтобы понять грамматический строй любого языка в целом и состав тех сем, из которых состоит каждое слово в отдельности, далеко не достаточно произвести лишь формальное разложение отдельных слов и их форм на составляющие их семы. Понять строение языка и состав отдельного слова вполне можно только исторически. Каждая сема, как и каждое слово, в состав которого она входит, представляют собою продукт долгого исторического развития. Особенно долгий путь развития должны были проделать именно семы, в особенности те, которые в современном адыгейском языке кажутся формальными частицами, лишенными какого-либо реального содержания. История адыгейского языка показывает нам с большой ясностью, что всякая форма в нем, всякая формальная частица, какой бы оторванной от реального содержания жизни на первый взгляд она ни казалась, первоначально развивается только из реального содержания этой жизни. На примере адыгейского языка, как языка, еще ясно сохраняющего остатки древних стадий своего развития, мы можем в огромном числе случаев ясно установить ход развития так называемых формальных сем, или аффиксов. Уже в отделе лексики мы видели, что многие современные адыгейские слова без труда разлагаются на части, которые некогда были самостоятельными словами и в современном языке еще часто сохраняются как отдельные слова. Однако в составе сложно-составного слова эти отдельные слова уже перестают быть самостоятельными словами. Они превращаются в значимые части слов, или семы (см. примеры на стр. 216 и сл.). Таким образом, мы приходим к выводу, что все значимые части слов, или семы, некогда, в начале своего развития, были самостоятельными

¹ Знаком „тире“ здесь обозначен отрицательно-выраженный префикс.

словами, словами-понятиями, отражавшими реальное содержание жизни. Многие современные формы слов, в особенности глаголов, по своему происхождению представляют собою целые предложения. Понимать первоначальное значение этих предложений в адыгейском языке тем легче, что в большинстве случаев даже теперешние формальные частицы — аффиксы — сохраняют еще непосредственную связь с теми первоначальными словами, от которых они некогда произошли. Эти первоначальные слова, от которых происходят формальные частицы, во многих случаях сохраняются в современном адыгейском языке в виде односложных первичных слов-корней, оставшихся от аморфного периода. Приведем несколько наиболее характерных примеров. Мы уже видели, что многие слова, выражающие общие понятия пространства и времени, развивались в адыгейском языке из названий частей орудия, служивших одновременно и названиями членов тела человека и животного. Это развитие слов шло диалектическим путем (см. выше Лексику, стр. 233—234). Тому же закону диалектического развития подчинены и значимые части слов — семы, так как они представляют собой не что иное, как бывшие слова. Разница только в том, что каждая сема носит еще более обобщенный характер, чем слово. Следовательно, она должна была проделать еще более долгий путь развития для того, чтобы превратиться в чисто формальную частицу. Во многих случаях адыгейский язык сохраняет, однако, почти все промежуточные звенья этой цепи развития. Возьмем, например, суффикс «-кIэ», диалектное бжедужское «-джэ», шапсугское «-гьэ». Хотя между восточно-адыгейскими диалектами, имеющими этот суффикс в виде «-кIэ», и западно-адыгейскими, в которых он звучит как «-джэ || -гьэ», на первый взгляд существует большая разница, однако, и в западно-адыгейских диалектах мы в некоторых случаях находим этот же суффикс в звуковом виде «-кIэ». Например, в послелого «шъхьа-кIэ» — „для, ради, из-за кого-нибудь“ (буквально: „для головы, голове“) и западно-адыгейские диалекты сохраняют этот суффикс, как «-кIэ». В кабардинском мы находим тот же суффикс тоже в виде «-кIэ». Нам представляется несомненным, что в данном случае восточно-адыгейские диалекты, как и кабардинский язык и бесленейский диалект, сохраняют наиболее древний звуковой вид этого суффикса. Этот суффикс в настоящее время получил орудное или творительное значение, т. е. почти такое же обобщенное и чисто формальное значение, как окончание творительного падежа в русском языке. Для того чтобы понять процесс превращения отдельного слова в чисто формальную частицу — аффикс словоизменения, необходимо напомнить, что односложные первичные слова-корни в адыгейском языке появились еще в аморфный период развития языка, т. е. в начале первобытной общины. Первоначальная агглютинация, или появление сложно-составных слов, впервые возникает также в первобытной общине. Эта первоначальная агглютинация заключается в том, что два или несколько первичных односложных слов-корней начинают объединяться друг с другом в одно цельное слово (см. примеры на стр. 216 и сл.). Таким образом, первоначальные семы, или значимые части слова, в самом начале возникновения агглютинации (в языках инкорпорирующего строя) являлись еще только корневыми, или реальными семами. Несколько позднее, в период более развитой агглютинации, часть этих корневых сем превращается в словообразовательные аффиксы. Наконец, еще позднее, в ту эпоху, когда в языке впервые развивается морфология, появляются первые агглютинируемые формальные частицы, или семы словоизменения. Все это развитие происходит еще в пределах полисинтетического строя. Таков в кратких чертах ход образования формальных частиц, или аффиксов, который мы находим в адыгейском, как и в других языках.

Этот же ход развития мы можем проследить и на истории орудного суффикса «-кIэ». Проследивая историю этого суффикса ретроспективным путем, т. е. идя от современности в прошлое, мы прежде всего находим

в адыгейском языке формальную сему «-кIэ», бжед. «-кIэ», шапс. «-кыIэ», употребляемую в виде суффикса при других корнях и имеющую значение „манера, способ, образ“. От ряда глаголов мы можем образовывать с помощью этого суффикса-корня ряд сложно-составных слов: «кIуа-кIэ» — „походка“, буквально: „способ ходить, манера ходить“, «Iуа-кIэ» — „манера говорить, способ говорить“, «щыIа-кIэ» — „способ жизни, образ жизни“ и т. д. Мы видим, что в этих примерах суффиксальная сема «кIэ» находится на иной ступени семантического развития: она представляет собой словообразовательный суффикс. Его значение настолько обобщилось, он настолько широко употребляется, что его, собственно, можно считать суффиксом, с помощью которого от ряда глаголов образуются отглагольные имена, выражающие образ действия. Связь этого суффиксального корня с орудным суффиксом «-кIэ» еще совершенно ясна. Орудный суффикс «-кIэ» по происхождению может быть еще истолкован, как вышеприведенный словообразовательный суффикс. В самом деле, такие формы, как «Iэ-кIэ» — „рукою“, «хьанцэ-кIэ» — „деревянную лопатую“, «ку-кIэ» — „на арбе“, «шы-кIэ» — „на лошади“, «лэмыджым-кIэ» — „по мосту“, «гьогум-кIэ» — „дорогою“ и т. д. — формы, которые в адыгейском представляют собою различные оттенки орудного значения, — можно исторически объяснить, как: «Iэ-кIэ» — „руки способ“, т. е. „с помощью руки“, «хьанцэ-кIэ» — „лопаты способ“, т. е. „с помощью лопаты“, «ку-кIэ» — „арбы способ“, т. е. „способом арбы“, «шы-кIэ» — „лошади способ“, т. е. „с помощью лошади“, «лэмыджым-кIэ» — „моста способ“, т. е. „способом моста“, «гьогум-кIэ» — „дороги способ“, т. е. „способом дороги“ и т. д. Это объяснение тем более правильно, что в определенной форме имен орудный суффикс часто присоединяется к косвенной форме имени (т. е. оканчивающейся на суффикс «-м»). Следовательно, в данном случае мы действительно имеем первоначальное сочетание двух самостоятельных слов, из которых первое стоит в косвенной форме, т. е. как бы в косвенном падеже и относится ко второму, как дополнение к дополняемому: «ощы-кIэ, ощы-м-кIэ» — „колуна способ, колуном“ и т. д., почти так же, как шапс. бжед. «ощы-кIэ», «ощым-ыкI» — „колуна ручка, топорище (колуна)“. Если пойти далее в глубь времен и постараться исследовать происхождение словообразовательного суффикса «-кIэ» — „манера, способ, образ“, то сразу бросится в глаза связь его с первичным словом-корнем, сохраняющимся в адыгейском языке до настоящего времени: тем., абадз. «кIы», бжед. «кIэ», шапс. «кыIэ», каб. «кIы» — „ручка, рукоятка (орудия), древко (оружия), черенок (ножа)“ и т. д. Правда, в этом одноэлементном слове мы имеем в восточно-адыгейских диалектах и в кабардинском иной краткий гласный, чем в словообразовательном суффиксе «-кIэ». Однако чередование кратких гласных «э || ы», как мы увидим ниже (стр. 264 и сл.), представляет собою явление, вполне закономерное в истории адыгейского языка. Следовательно, историческая связь между понятиями „манера, способ, образ“ и „ручка, древко орудия“ довольно ясна. Следует заметить, что в сложно-составных словах это второе одноэлементное слово присоединяется обыкновенно суффиксально: тем., абадз. «пхьэлэбжэнэ-кI», бжед. «пхьэлэбжьэнакI», шапс. «пхьэлэбжьэна-кыI» — „ручка грабель (деревянных)“, «хьанцэкI || хьанцакI» — „ручка деревянной лопаты“, «обзэгьукIы», шапс. «майгтакыIэ» — „топорище“, «отэкIы», бжед. «оттакIэ» — „ручка молотка“, «шьэжьыекI», бжед. «шьэжьыякI» — „черенок ножа“ и т. д. Подобно тому, как в древнейшие времена развития человеческого общества был впервые найден способ скреплять каменный топор и деревянную ручку, и вновь изобретенные этого рода орудия и оружие сыграли важную роль в развитии общества, его мышления и языка, — подобно этому и в дальнейшем всякий способ действия стал мыслиться под этой вполне материальной формой „ручки орудия“. Следовательно, слово-понятие „способ вообще“ восходит к более древнему слову-понятию „ручка, древко орудия“. В связь с этими же словами-понятиями можно поставить и гла-

гольный словообразовательный префикс «кIэ-», шапс. «кыIэ-», который в адыгейском языке имеет значение причины или цели: «зы-кI-итхырэ» — „то, почему он пишет нечто; то, отчего он пишет нечто“, имеющее также значение „то, для чего он пишет нечто; то, ради чего он пишет нечто“, хотя в кабардинском языке соответственный префикс звучит как «щIэ- (шIэ-)». Развитие форм причины и цели в языке из общей формы места-времени подтверждается и другими адыгейскими примерами (см. стр. 121, 126). Таким образом, первоначально глагольный префикс ад. «кIэ-», «кыIэ- (каб. щIэ-)» по значению мог быть близко связан с суффиксом «-кIэ» — „способ, образ действия“ и словом «кIы || кIэ» — „ручка орудия“ и буквально обозначал „то, каким образом; то, с помощью чего; то, из-за чего“. Это значение стоит также в связи с сохранившимся одноэлементным словом-глаголом «кIы», шапс. «кыIы» — „вырастать, выходить“. Однако и „ручка орудия“, и развивающееся из нее значение „способ, образ, манера“, и глагольный префикс „отчего, из-за чего, для чего“ и слово-понятие „выходи, вырастай“ — все они развиваются из одноэлементного слова «кIэ», шапс. «кыIэ» — „хвост“, которое одновременно обозначало и „ручку орудия“ и часть тела животного. Несомненно, что такие понятия, как „ручка орудия“ и „хвост“ животного в первоначальную эпоху возникновения агглютинации развивались в тесной связи друг с другом. Надо думать, что словом-понятием, явившимся отправной точкой этого развития, было понятие „ручка орудия“, которое в ту эпоху, однако, имело настолько неразвитый, смутный характер, что включало в себя и целый ряд других понятий, а в дальнейшем раздвоилось на „ручку орудия“, с одной стороны, и „хвост“ — с другой. В дальнейшем отсюда развивается словообразовательный суффикс „способ“ и далее словообразовательный глагольный префикс причины и цели и, наконец, именной суффикс словоизменения с орудным или творительным значением. Параллельно этому ряду развития возникает из того же слова «кIэ» — „ручка орудия, хвост“ целый ряд новых слов-понятий, выражающих в конце концов абстрактные представления пространства и времени. Таковы в первую очередь: «кьоджа-кI, хьэса-кI» — „дальний конец (селения, участка)“, «кьоджа-кI» — „нижний (по течению реки) конец селения“, «кIэпса-кIэ» — „задний конец выючной веревки“, «бэшы-кI» — „конец палки“, «ку-кIэ» — „задний конец арбы, телеги; задок“. Наконец, сюда же относится кабардинское «джэды-кIэ» — „куриное яйцо“, которое в адыгейском выражается, очевидно, для отличия от «чэты-кIэ» — „куриный хвост“ удвоением корня: «кIэнкIэ», шапс. «кыIакыIэ». Огромное накопление этих единичных слов-понятий в эпоху агглютинации — накопление, которое, как мы видели выше, развивается диалектически, — переходит в новое качество одноэлементного слова «кIэ», которое выступает уже в значении „задний конец (вообще)“; „зад, задний, последний“ (ср. «а-кIэ-рэ-р» — „последний“) и в обобщенном понятии „конец пространства, конец времени вообще“ (ср. «мэза-кIэ» — „конец месяца“, «гьогу-кIэ» — „конец пути, дороги“ и т. д.). Это обобщенное значение выступает и в словообразовательном префиксе некоторых глаголов — со значением „возле конца, возле края, с краю, на краю“ (ср. «столым кIэ-ры-с» — „с краю стола сидит“, «бгы-м кIэ-лбы-с» — „у самого края обрыва сидит || у подножья обрыва сидит“ и т. д.).

Как видно из этих примеров развития сем, значимые части слов, или семы, в общем — одного происхождения с древними одноэлементными словами аморфной эпохи в адыгейском языке. Поэтому исторически часто бывает трудно провести границу между семой и словом. Слова развивают свое значение только благодаря тому, что они превращаются в семы, т. е. в части сложно-составных слов. С другой стороны, эти части сложно-составных слов вновь превращаются в слова, но уже с новым обобщенным значением. Эти новые обобщенные слова снова превращаются в семы и т. д. и т. д. Слова развивают свое значение, превращаясь в семы, а семы развиваются, превращаясь в слова. Реаль-

ные, или корневые, семы легко превращаются в формальные, так что иногда трудно бывает провести грань между теми и другими. Словообразовательные семы становятся семами словоизменения и т. д. Поэтому развитие сем носит такой же диалектический характер, как и развитие слов. В ходе развития формальные семы не сразу приобретают свой обобщенный характер и широкое употребление. Несомненно, что переход от суффиксально присоединяемого слова-корня к суффиксу представляет собою такой же скачок в грамматическом развитии, такое же сочетание двух частных первоначально взаимоисключающих друг друга и потому противоположных понятий, как и переход от одного значения слова к другому. Например, первые соединения, первые сочетания суффикса «-кIэ» с именами было таким же соединением взаимоисключающих противоположностей, как и первое присоединение слова «кIы || кIэ» — „ручка орудия“ к глаголам, которое и дало начало развитию понятия „способ действия“, — понятия, послужившего в свою очередь отправным пунктом для развития орудного суффикса. Одним словом, каждый новый скачок в развитии слов и их сем представляет собой по существу совершенно одинаковый по форме процесс.

Приведем ниже перечень важнейших адыгейских именных словообразовательных суффиксов.¹ Следует отметить, что многие из них, в особенности суффиксы «-кIо» и «-шIэ» — суффиксы лица действующего, занятия или профессии; суффиксы «-гъ(э)», «-агъ(э)», «ны-гъ(э)» — суффиксы имен с отвлеченным значением и т. д., являются и в современном адыгейском языке еще вполне живыми словообразовательными частицами. Эти суффиксы с успехом могли бы быть использованы для развития терминологии современного адыгейского литературного языка гораздо шире, чем это имеет место до сих пор. Так, например, от слова «уасэ» — „цена“ можно было бы образовать с помощью суффикса «(-ны)-гъ(э)» более обобщенное понятие — «осэныгъ» — „стоимость“, «диалектикэ» — „диалектика“ → «диалектикагъ» — „диалектичность“, «ударник» — „ударник“ → «ударникыгъ» → „ударничество“, «стабильнэ» — „стабильный“ → «стабильнагъ» — „стабильность“ и т. д.

Как будет ясно из приводимого ниже перечня, адыгейские словообразовательные суффиксы исторически тоже развиваются из первоначально самостоятельных первичных слов-корней.

Сема «хьэ», «хьы» — первоначально глагольный корень со значением „иди, неси“, откуда развивается суффикс имен „-нос, носчик; тот, который разносит что-нибудь“ и суффикс со значением „за, по“:

и-хь — неси внутрь

и-хь — иди внутрь

и-лхь — положи (первоначально: „лежать неси“)

те-тIы-схь — садись на что-нибудь (буквально: „сидиться иди“)

хьы — неси, вези верхом

кIыб — спина

кIыб-ры-хь — разносчик (товара) (буквально: „спиною понесший“)

тхыль — записка, письмо, книга, газета (вообще все написанное и напечатанное)

тхыль-ы-хь — почтальон, газетчик, разносчик книг

псы — вода

псы-хь — водонос, несущий воду

псы-хьэ кIо — сходи за водой (буквально: „воду нести иди“) и т. д.

Сема «нэ» с первоначальным значением — „отверстие в насадке орудия, глаз“, откуда „глазок“, „частица“ и словообразовательный суффикс со значением „место, предмет, орудие, частица, часть“:

¹ Перечень важнейших глагольных словообразовательных суффиксов см. в Морфологии, стр. 317—319.

нэ — отверстие в насадке орудия; глаз, [застревай, оставайся]
мэста-нэ — ушко иглы (первоначально: глаз иглы, отверстие иглы)
Iуд — пришей к чему-нибудь (к краю)
Iу — рот, отверстие, [край]; втыкай!
Iуда-н — нитка (первоначально: „пришиваемый предмет, орудие пришивания“)
Iу-н — деревянный костыль, вбиваемый в стену жилья; гвоздь; [чека] (первоначально: „втыкаемый предмет, орудие втыкания“).

(Еще примеры см. Словарь префиксов, стр. 277).

шIо — префикс с первоначальным значением „за острие, на острие“
шIуа-нэ — мотыга, тляпка (первоначально: „заостренное орудие; орудие цепляния“)

псы — вода

псы-нэ — колодезь (первоначально: „глаз воды, отверстие с водой“)

гъо — нора, берлога; место под навесом скал

гъуа-н — дыра (первоначально: „глаз норы, отверстие норы“)

бжьэ — рог

Iэ-бжьа-н — коготь на руке (первоначально: „глаз рога руки, место рога руки“)

тIу — два

тIуа-нэ — половина (первоначально: „вторая часть“).

Сема «кIо» со значением „иди; пошедший“, откуда суффикс со значением лица действующего:

кIо — иди

хы — жни

хына-кIу — жнец (первоначально: „жатвы к месту пошедший“)

джэгу — развлекайся, забавляйся, играй

джэгуа-кIу — игрец, певец, скоморох (профессионал, увеселявший феодалов) (первоначально: „пошедший забавлять“)

е-ш — подкрадывайся, выслеживай, подстерегай (дичь), охоться, уди (рыбу)

ша-кIо — охотник (первоначально: „охотиться пошедший“)

лы — мужчина, человек

лы-кIо — сват, посол, посланец; делегированный представитель, делегат

Iоф ешIэ — работу исполняет

Iоф-шIа-кIо — исполнитель (дела); служащий, работник (учреждений)

едж — учись

еджа-кIо — ученик, учащийся.

Сема «къо» со значением „[длинная ручка, держак (ср. адыг. къопс, каб. къу — в том же значении)]; сын“, откуда форматив со значением „отросток, ответвление, член тела, отдел, сторона“:

бжьэ — рог

бжьа-къо — отросток рога, ветвь рога (первоначально: „сын рога“)

лъэ — ступня ноги

лъа-къо — нога в целом (буквально: „сын ступни, ответвление ступни“)

ла-къу — происхождение, кровное родство (первоначально: „по мужу ответвление“)

тамэ — крыло, плавник, плечо

къо-там — ветка (первоначально: „ответвления крыло“).

Суффикс «-е», происходящий от местоимения 3-го лица „он“ (ср. местоименный префикс 3-го л. ед. ч. переходных глаголов «е-»), образующий имена со значением определений и далее: деревьев, названий племен, стран и пр.; ср. «е-жь» — „он сам“ (букв.: „обратно он“):

кIэмгуй — темиргоец; страна темиргойцев (буквально: „от Темиргоя он“, т. е. „принадлежащий Темиргою“ или „происходящий от Темиргоя“)

къумыкъу — кумык

Къумыкъуй — страна кумыков, старое название Дагестана

урис — русский

Урисый — Россия

тырку — турок

Тыркуй — Турция

дэ — орех

да-е — орешник (буквально: „принадлежащий ореху“)

мы — дикое яблоко (в восточно-адыгейских диалектах)

мы-е — дикая яблоня (там же); западно-адыгейск. „яблоня“ (вообще)

зэ — кизил (плод)

за-е — кизилевое дерево

чъыгы — дерево (на корню)

чъыгай — дуб.

Суффикс «-ды, -н-ды» для производных названий некоторых птиц и животных:

шы, нат. щы — лошадь

щы-ды — осел

цу — бык, вол

цу-н-ды — ворон

ср.: шъо — кожа, шкура

шъо-н-т — бурдюк.

Суффиксы «-гъэ», «-ны-гъ» и «-гъо» от двух первичных имен: «гъэ» — „лето, год“, „суффикс прошедшего времени“ и «гъо» — „пора, сезон, время, срок“. Оба имени стоят в исторической связи со словом «гъу» — „вялясь, сушись“. Отсюда происходят суффиксы для образования отвлеченных отглагольных имен, обозначающих процесс действия, и суффикс прошедших времен:

кIо — иди

кIуа-гъэ — пошел

кIо-ны-гъ — хождение, нужно итти

кIо-гъу — время итти, время пойти, время хождения, время ухода

пагэ — гордый

пэга-гъ — гордость

пэгэ-ны-гъ — гордость

бзэджэ — злой, дурной, баловень

бзэджа-гъ — преступление, проступок

бзэджэ-ны-гъ — в том же значении

шIу лъэгъун — любить

шIульэгъуны-гъ — любовь

лъэгэ — высокий

лъэга-гъ — высота, вышина

кIыхъэ — длинный

кIыхъа-гъ — длина

шъуамбгъо — широкий

шъомбгъуа-гъ — широта, ширина

дахэ — красивый

дэха-гъ — красота

хабзэ — обычай

хэбзэны-гъ — обходительность, вежливость

уэ — дом

унагъо — крестьянское хозяйство в целом

тет — начальник (старинное)

тетыгъо — господство
къэрал || къэралыгъу — государство
чылэ || чылагъо — аул.

Суффикс «-гъо» в последних примерах имел первоначально собирательное значение.

Следует еще упомянуть словообразовательные суффиксы «-рен», «-рил», «-лэ», с помощью которых от глагольных корней образуются имена со значением лица действующего, многократно повторяющего действие:

кЮ — иди
кЮ-рен — часто ходящий, много раз ходящий
кЮ-рил — в том же приблизительно значении
зао — дерись, бейся
ззуалэ — драчун, забияка
гушылэ — говори
гушылэрил — разговорчивый
и т. д.

Суффикс «-рэ || -р»; его первоначальное значение в виде самостоятельного слова неясно; употребляется как суффикс прямого падежа имен в определенной форме, а также для образования отглагольных имен со значением причастия (словообразовательный суффикс отглагольных имен со значением лица или продукта действия):

пхы — связывай
пхы-р — сноп (неопределенная форма), буквально: „вязанка, связанное“
пльэ — смотри
пльэрэ — смотрящий
(шы) плъыр — ночной сторож, стерегущий (лошадей) (неопределенная форма), буквально: „смотрящий“
чъэ — скачи (о лошади), беги (о человеке)
чъэ-р — бегун (о человеке); скакун (о лошади) (неопределенная форма), буквально: „скачущий“.

Суффикс «-жы» со значением форматива, образующего названия цветов от названий мастей животных, например:

гъо — рыжий (масть)
гъо-жы — желтый (цвет вообще)
фы — светлый пятнами (масть)
фы-жы — белый (цвет вообще)
пльы — раскались, раскаленный
пльы-жы — красный (цвет вообще).

Суффикс «-жь, -жы» с первоначальным словесным значением „старый“, служащий для образования некоторых производных слов — имен с уничижительным оттенком:

тыгъу — воруй, кради
тыгъу-жьы — волк (первоначально: „старый укравший; воришка“)
ины — большой
ины-жь — великан (первоначально: „старый большой“)
кЮлэ — юноша, парень
кЮлэ-жь — юнец (презрительное)
унэ цыкЮ — домик, маленький дом
унэжь цыкЮ — домишко || старый маленький дом
кЮлэ цыкЮ — мальчик (буквально: „маленький юноша“)
кЮлэжь цыкЮ — мальчишка.

Наконец, в адыгейском языке имеются следы некоторых древних именных словообразовательных формативов в виде префиксов. Эти древнейшие формальные частицы, первоначально присоединявшиеся к первичным словам-корням, в эпоху возникновения агглютинации служили для образования многих новых слов, которые в настоящее время кажутся уже неразложимыми основами. Из них наиболее интересны: префикс «мэ- || ма-», употреблявшийся для образования имен; префикс «пI- || б- || п-», который служил для образования как именных, так и глагольных основ первичного типа; и, наконец, префикс «мы-» для образования некоторых именных основ от первичных слов-корней. Интересно отметить, что все эти префиксы употребляются также и в глагольных формах, где они сохраняются как аффиксы словоизменения. Так, префикс «мэ- || ма-» и сейчас служит для выражения 3-го л. наст. времени непереходных глаголов: «кЮ» — „иди“, «ма-кЮ» — „идет“ и т. д. (см. Морфология, стр. 322). Этот префикс одного происхождения с указательным местоименным корнем: «мыр» — „этот“, «мо-р» — „вот тот (далекий видимый)“. Можно указать на широкое употребление этого же префикса для образования имен, обозначающих лицо действующее или профессию в грузинском языке, например, ჰურო (пУри) — „хлеб“, ჰუ-ჰურე (мэ-пУрэ) — „хлебник, пекарь“ и т. д. Префикс «-пI- || б- || п-» служит для выражения 2-го л. ед. ч. переходных глаголов в сложном спряжении: «п-шIы-гъэ» — „ты сделал“ и т. д. (см. там же стр. 323). Он представляет собой краткую притяжательную форму физической принадлежности от местоимения 2-го л. ед. ч. «о» — „ты“, например, «п-Iэ» — „твоя рука“ и т. д. (см. там же стр. 358) с видоизменением согласного („полугласного“) «у» — в «пI- || б- || п-» и буквально обозначает „твой“, а в некоторых случаях приобретает обобщенный характер 2-го л. ед. ч. «п-Iомэ» — „если скажешь (вообще), если сказать (вообще)“. Это значение данного префикса одно из древнейших. Оно стоит в общей связи с происхождением местоимения 2-го л. ед. ч. «о» — „ты“ и местоименного указательного корня «у» в западно-адыгейских диалектах: «у-р» — „вот тот (далекий видимый)“. Поэтому глагольный префикс 2-го л. ед. ч. «о-» — при глаголах сохраняется во многих придаточных формах также в значении префикса 3-го л. ед. ч., например, «о-кЮфэ» — „пока ты идешь || пока он (тот) идет“ и т. д. (еще примеры см. Синтаксис сложного предложения, стр. 177—178). Таким образом, первоначальным значением префикса «пI- || б- || п-» было не только „твой“, но и „его (того)“. Наконец, префикс «мы-» и сейчас употребляется, как префикс отрицания при глаголах, например, «мы-шIы» — „несделанный“, «мы-жъо» — „невареный“, «у-мы-кIу» — „(ты) не иди“ и т. д.

Эта общность происхождения древних именных словообразовательных префиксов и теперешних префиксов спряжения указывает на их весьма древнее происхождение. Она возникла еще в ту эпоху, когда не было ни разделения слов на части речи, ни разницы между словообразованием и словоизменением, — в начале агглютинации, при появлении первых формативов (аффиксов), которые в предложении присоединялись еще одинаковым образом как к сказуемому-предикату (впоследствии превратившемуся в глагол), так и к дополнительным словам (впоследствии — именам). Приведем примеры употребления этих префиксов для древнего образования именных и отчасти глагольных основ.

Префикс «мэ- || ма-» служил для образования имен, производных от первичных слов-корней:

цIэ — вошь

ма-цI, диал. нат. ма-цIэ — саранча

фы — светлый, белый (масть)

ма-фэ — день (первоначально: „светлый“); счастливый, добрый

лы — мясо

мэ-лы — овца (первоначально: „мясная“)

[щы] — (ср., напр., гъэтхэ-щы — „сорт хлебного злака, сорт пшеницы?“)

мэ-щы — просо (на корню), диал. нат. мэ-щы — хлебный злак вообще, хлебная культура вообще

[кьо] — река, ущелье, горная долина (в названиях горных рек, ср. стр. 240); длинная ручка, держак, ср. кьолс

мэ-кью — сено, ср. кью-шьхвэ — „гора“ (буквально: „верх ущелья“)

[шю] (ср. шюа-нэ — „мотыга“) — глагольный префикс с первоначальным значением „за острие, на острие“ (ср. шю-лю — „надевай на острие, натыкай“, шюа — „пробуй рукой острие“)

ма-шю — огонь (первоначально: „острый, цепляющий“).

Префикс «мы-», служивший для образования имен, с первоначальным значением отрицания (ср. префикс отрицания «мы-» при глаголах):

жьо — паши

мы-жьо — камень (первоначально: „не вспаханное“)

[шэ] (ср. е-ш) — охотья, выслеживай, подстерегай (см. стр. 257)

суфф. -шьэ (ср. е-кюа-шь) с тем же значением

мы-шьэ — медведь (первоначально: „не выслеженный; тот, на кого не охотятся“)

и т. д.

В этом последнем слове нельзя не видеть пережитка охотничьего языка, как остатка тотемистических представлений.

цэ — зуб

п-цы — долото (первоначально буквально: „зубило“); долби (первоначально: „зуби“)

[сы] — диал. шапс. нат. сы — глагольный корень со значением „плавай“ (ср. е-с — „плавай“)

[сы] — глагольный корень со значением „доходи, достигай“ (ср. нэ-с — „достигай, доходи туда“, кьэ-с — „достигай, доходи сюда“)

сэ — я (первоначально: „достигший, дошедший“?)

п-сэ — жизнь, одушевленность, позднее — „душа“

лъэ — ступня, стопа (ноги), откуда: „[след]“

п-лъэ — смотри (первоначально: „следи, стереги“)

кы — расти, вырастай

п-кы — диал. бжед. шапс. „зеленая часть растения, ботва, листья“

кы — остолбеней, застынь без движения (о человеке, первоначально: „отвердей“)

п-кы — кость, костный остов, остов и т. д.

хью — самец (первоначально: „созревший, выросший“)

п-хью — дочь (первоначально: „выросшая, созревшая“).

Древний префикс «-ры-» в двухкорневых основах, имеющий орудное значение (первоначально глагольный префикс):

лъэ — ступня, стопа (ноги)

лъэ-ры-кю — ребенок, начавший ходить; диал. шапс. „пешеход“ (первоначально: „ступней пошедший“)

бгы — поясная часть тела, талия, поясница

бгы-ры-пх — пояс (первоначально: „по поясной части связанный“)

лә — кисть руки, рука

лә-ры-тх — рукопись, рукописный (первоначально: „рукою написанный“)

мы — дикое яблоко

мы-лә-ры-с — садовое яблоко, культурное яблоко, культурная (садовая) яблоня

кыб — спина

кыбы-ры-хь — разносчик (товаров и пр.) (первоначально: „спиною, на спине понесший“)

лъэ — ступня

лъэ-ры-хь — выносливый, сильный на ходу, богатый, властный, властитель (первоначально: „ногою понесший“).

Из интернациональных и русских советских словообразовательных суффиксов в адыгейский язык вместе с соответственными терминами вошли следующие наиболее употребительные.

«-ник (русское -ник)» для обозначения занятий, профессий, общественного положения и т. д. людей мужского пола:

удар-ник — ударник

колхоз-ник — колхозник;

«-ниц (э) (русское -ница)» — то же для обозначения лиц женского пола:

удар-ниц — ударница

колхоз-ниц — колхозница;

«-к (э) (русское -ка)» с тем же значением:

студент-к — студентка

артист-к — артистка;

«-ие (русское -ия)» в названиях стран, наук и других понятий:

Франц-ие — Франция

биолг-ие — биология

географ-ие — география

революц-ие — революция

хим-ие — химия.

Суффиксы прилагательных вошли в единой форме без изменения по родам «-скэ, -истскэ, -ическэ (русские: -ский, -истский, -ический)»

социалист-ическэ — социалистический

электр-ическэ — электрический

хим-ическэ — химический

большев-истскэ — большевистский

пролетар-скэ — пролетарский;

«-нэ (русское -ный)»:

генераль-нэ — генеральный

партий-нэ — партийный.

С возникновением агглютинации и превращением первичных слов-корней в семы в адыгейском языке впервые возникли сложно-составные слова. Сочетание слов превратилось в единое слово. Немедленно вслед за этим и первичные, ранее неразложимые аморфные односложные слова должны были тоже распасться внутри себя на семы. Возникшее из сочетания слов оформленное, расчлененное внутри себя на семы слово неминуемо сделалось общим законом (образцом) развития всех адыгейских слов вообще. Поэтому неразложимый ранее в аморфном слове слог-корень в эту эпоху впервые расчленяется и выделяет в своем составе семы-звуки. Одним из древнейших способов такого распада, ранее неделимого слога-слова на звуки-семы была дифференциация (разграничение) грамматической роли кратких гласных в адыгейском языке. Ранее (в аморфную эпоху) бывшие лишь не выделенным концом такого единого слова-слога краткие гласные теперь раздваиваются. Образуется два кратких гласных современного адыгейского языка: «э» и «ы».

Раздвоение звуков происходит на основе раздвоения значений. В современном адыгейском языке сохраняются совершенно ясные следы этого первоначального раздвоения значений. Чередование кратких гласных «э» и «ы» в современном адыгейском языке как в первичных, так и во вторичных основах во многих случаях и теперь имеет не только фонетический характер. Возьмем, например, глаголы. В отделе синтаксиса (стр. 40) мы уже приводили примеры, когда чередование этих гласных в основе глагола-сказуемого отражает несомненную разницу в формальном значении:

кы-р-е-щ-э	кы-р-е-щ-ы
сюда он ввозит	отсюда он вывозит
кь-е-пль-э	кь-е-пль-ы
внутри смотрит	наружу смотрит
ма-тх-э	е-тх-ы
он пишет (вообще), занимается писанием.	он пишет (нечто) и т. д.

Глаголов, в которых чередование кратких гласных имеет формальное значение, показывающее разницу между переходным или продуктивным и непереходным или непродуктивным залогами, в адыгейском языке довольно много. Из них первичных глаголов около двух десятков. Глаголов с основами вторичного типа несколько меньше (см. стр. 321), например:

лажь-э	лэжь-ы
работай	обработывай
	и т. д.

Глаголов, в которых чередование тех же кратких гласных показывает разницу в направлении действия (действие направлено внутрь или наружу), в адыгейском языке сохранилось большое количество, больше, чем в кабардинском. Сюда также относятся глаголы с основами не только первичного, но и вторичного типа:

кы-р-е-ща-е	кы-р-е-щэ-и
внутри всовывает	наружу высовывает
	и т. д.

Следует предположить, что это чередование гласных развилось в адыгейском языке как один из древнейших способов оформления глагольных основ, когда аморфный строй речи начал разлагаться и переходить к агглютинативному строю. Первое формальное значение, которое выражалось этим способом, было значением, еще близко связанным с реальной жизнью. Оно показывало в языке направление действия при примитивных трудовых процессах. В дальнейшем, когда в связи с развитием личной собственности на некоторые орудия и оружие в мышлении и языке впервые возникли зачатки категорий субъекта и объекта, — грамматическая форма направления действия получила новое значение. Она оказалась перенесенной на отношения субъекта и объекта и приуроченной к тому, как мыслился процесс производства. Объект производства обычно стал мыслиться внешне обособленным по отношению к субъекту производства. Поэтому глаголы продуктивного залога показывают направление процесса производства центробежное — от субъекта как бы наружу к объекту, а глаголы непродуктивного залога — центростремительное направление, т. е. процесс производства мыслится без определения продукта производства, без направления на внешний объект, как бы внутри самого субъекта. В результате этих представлений первичный односложный корень, в аморфную эпоху представлявший собой единое целое, в современном адыгейском языке оказывается разложенным

на две звукосемы, т. е. на две значимые части, из которых первая — согласный — сохраняет значение корня, а вторая — гласный — становится формальной семой, выражающей залог глагола.

Так как это разложение первичных слогов-корней на звукосемы началось в древнейшую эпоху и первоначально имело своим значением реальное направление в пространстве, то оно при сохранившихся еще пережитках аморфного строя, когда не было еще разницы между глаголами и другими частями речи, затронуло не только те корни, из которых позднее развились глаголы, но также и целый ряд именных и местоименных корней. Остатки этого процесса мы и сейчас наблюдаем в первичных корнях, обозначающих личные местоимения, числительные и некоторые имена. Личные местоимения сохраняют тот краткий гласный, который в глаголах служит для обозначения центростремительной формы, т. е. «э». Притяжательные префиксы в наиболее древнем их виде, т. е. притяжательные префиксы органической принадлежности, отличаются от личных местоимений тем, что имеют огласовку, свойственную глаголам центробежной формы, т. е. «ы». Это и понятно, так как древнейший притяжательный префикс органической принадлежности именно и выражает отношение владения, отношение собственности (первоначально: общей и личной), причем объект собственности в определенную более позднюю эпоху уже мыслится как нечто пространственно внешнее по отношению к субъекту:

Личные местоимения, „центростремительная“ форма	Притяжательные префиксы, „центробежная“ форма
1-е л. сэ-, тэ-	сы-, ты-
2-е л. о-, шъо-	у-, шъу-
3-е л. [е-], [а- я-]	ы-, а-

Те же личные местоимения и производные от них притяжательные префиксы развиваются в дальнейшем в личные префиксы глаголов и образуют систему изменения глагола по лицам. При этом формы префиксов с огласовкой личных местоимений сохраняются в настоящем времени за субъектом лишь некоторых наклонений, а формы притяжательных префиксов — за всеми остальными временами и наклонениями, а за объектом и некоторыми другими дополнениями — во всех формах (стр. 357). Опять-таки для нас понятно, почему именно субъект требует центростремительной формы. Первоначально центростремительная форма и выражает внутреннее направление действия по отношению к субъекту. Понятно также, почему центростремительная форма субъекта оказалась связанной с настоящим временем. Настоящее время в противоположность другим временам мыслится как самое близкое субъекту время, как время, которое как бы находится в самом субъекте. Наоборот, и прошедшее, и будущее времена мыслятся уже как времена далекие, внешние по отношению к субъекту. Поэтому наличный субъект относит их к себе как нечто внешнее, отсюда и центробежная форма префиксов субъекта во всех остальных временах:

Настоящее время	Одно из прошедших времен (перфект)
сэ-лъэгъу я вижу	с-лъэгъу-гъэ я увидел первоначально: мое видение год (назад)
сэ-кю я иду	сы-кюа-гъ я пошел первоначально: мое хождение год (назад)

и т. д.

Понятно также, почему объект выражен префиксом в центробежной форме. Объект по отношению к субъекту и его действию в известную более позднюю эпоху, как и объект собственности, мыслится опять-таки как нечто внешнее:

у-сэ-льэгъу тебя я вижу	у-с-льэгъу-гъ тебя я видел (первоначально: твоего мой видения год)
сы-о-джэ у-сэ-джэ тебя я зову	сы-о-джа-гъ у-сэ-джа-гъ тебя я звал (первоначально: твоего мой зова год)

и т. д.

Словом, как личные и притяжательные местоимения, так и развившиеся из них личные префиксы глаголов сохраняют такое же раздвоение формального значения, какое первоначально отражало центробежную и центростремительную семантику терявшего свою аморфность корня.

То же явление мы находим в области числительных. Все первичные числительные (от одного до десяти включительно) имеют по две ясно выраженных тем же чередованием кратких гласных формы — центробежную и центростремительную. Центробежная форма числительного представляет собою обычное количественное числительное, употребляемое при счете каких-либо объектов. Центростремительная форма в числительном является, собственно, числительным наречием, отвечающим на вопрос „сколько раз“. Следовательно, числительное, связанное с каким-либо объектом счета, и должно стоять в центробежной форме, так как здесь счет направлен по отношению к внешнему объекту, а числительное, не употребляемое при счете, мыслится как не имеющее этой внешней связи и потому стоит в центростремительной форме:

Количественные числительные	Числительные наречия
зы трактор	зэ
один трактор	один раз, однажды
трактор-и-тIу-р	тIо
два трактора (определенная форма) (первоначально: трактора его два)	два раза, дважды и т. д.

Следы существования тех же двух форм сохранились и в некоторых сложно-составных вторичных основах имен. Однако здесь мы находим их в крайне редких случаях и с уже значительно изменившимся первоначальным значением. Так, например, мы имеем адыгейское слово «лэ-псы» — „мясной бульон, суп“, слившееся из двух первичных корней «лы» — „мясо“, «псы» — „вода“. Мы замечаем, что в составе сложной основы корень «лы» — „мясо“ имеет вместо краткого гласного «ы» другой краткий гласный «э». Это изменение краткого гласного можно истолковать тоже как центростремительную форму первичного слова «лы» — „мясо“. Слово «лэ-псы» — „бульон, суп“ первоначально должно было обозначать „в мясе вода“, т. е. „мясной сок; жидкость, находящаяся в самом мясе“, в то время как если бы сказать «лы-псы», то это должно было бы обозначать „мясная вода; вода, настоянная на мясе“, ср. «мы-псы» — „вода, настоянная на диких яблоках (рассол от моченых яблок)“. Кроме того, в адыгейском языке имеется целый ряд вторичных сложно-составных слов, образованных с помощью суффиксально присоединяемого корня «[щы]», имевшего значение „место, помещение“: «шэ-щ» — „конюшня“ из «шы» — „лошадь“, «щы» — „место, помещение“; «четэ-щ» — „курытник“ из «чэты» — „журица“, «щы» — „место, помещение“; «мэкъо-щ» — „место (во дворе), где

«сложено сено», из «мэкбу» — «сено», «щы» — «место» и т. д. В этих сложно-составных словах мы опять-таки находим смену гласного первого корня «ы» на «э». Однако здесь эта смена гласного приобретает в теперешнем языке как будто несколько иное значение: «шэ-щ» — «место для лошади», «чэтэ-щ» — «место для кур» и т. д. Можно предположить, что первоначально это тоже обозначало «в лошадях место», «в курах место», т. е. «место полное лошадей», «место полное кур» и т. д. Еще один пример: «шэсы» — «садись верхом» из «шы» — «лошадь» и «сы» — «сиди, садись». Здесь сложно-составное слово сохраняет нам как бы центростремительную форму слова «лошадь» и первоначально могло обозначать «в лошадь садись». Таким образом, и эти формы, которые трудно связать сейчас с центростремительным значением, могли первоначально развиться из него. В других случаях, при образовании вторичных основ мы имеем, наоборот, замену гласного первичного корня «э» на «ы»: «лы-кю» — «иди следом» из «лэ» — «нога, стопа» и «кю» — «иди»; «ы-х» — «бери» из «лэ» — «рука, кисть руки» и «хы» — «бери» и т. д. Здесь слово «лэ» — «стопа», «лэ» — «кисть руки» приобретают как бы центробежную форму. Следовательно, первоначально «лы-кю» должно было обозначать «к (внешней, чужой) ноге иди», «ы-х» — «(к) руке (ничто) внешнее бери» и т. д.

В результате всего указанного нами развития сем в современном адыгейском языке на ряду с семами-слогами, которые непосредственно происходят от первичных односложных корней типа открытого слога, выделились также и семы-звуки, т. е. семы, состоящие из одного согласного или одного гласного. Поэтому слоговой строй адыгейского языка, который должен был развиться на смену аморфному строю, на первых же порах при переходе его к агглютинации уже нарушился. Первоначально открытые слоги, на которые распадалось каждое сложно-составное слово в соответствии тем первичным корням, из которых оно составлялось, стали делиться внутри себя на новые семы-звуки — гласные и согласные. Это разложение слогов на звуки-семы приобрело возможность и дальнейшего развития в связи с законами отпадения кратких гласных, в особенности в концах адыгейских слов. Из всего этого вытекают чрезвычайно важные для грамматического строя адыгейского языка законы деления слов на слоги и на семы. Если мы возьмем такое сложно-составное слово, составившееся из первичных корней, очевидно, в древнюю эпоху, как «лы-жы» — «старик», буквально: «мужчина старый», то в этом слове мы увидим, что деление на слоги еще совершенно совпадает с делением на семы. Каждый слог представляет собою в одно и то же время и отдельную сему, отдельный корень и еще сохраняющееся в языке самостоятельное первичное односложное слово: «лы» — «мужчина», «жы» — «старый». Такими должны были быть адыгейские слова в первоначальную эпоху развития агглютинации. В эту эпоху, когда основные первичные слова были еще односложными и оканчивались на гласный, каждое вторично образованное слово, из скольких бы слогов оно ни состояло, всегда имело в каждом из своих слогов отдельный корень, который в то же время еще существовал параллельно и как отдельное слово. Если возьмем от этого же слова форму второго лица ед. ч. отыменного глагола в настоящем времени «у-лы-жь» — «ты старик», то в этой форме в начале появляется формальная сема со значением «твой» (буквально: «твой старик»), — сема, которая, представляя собой отдельный открытый слог, уже не существует в виде отдельного слова (сравни «о» — «ты»), хотя еще и связана тесно с тем словом, от которого она происходит. Внутри этой формальной семы уже проходит деление, собственно, на две семы, которое в современной адыгейской орфографии скрадывается ради удобства и простоты письма в пределах одной буквы «о» (= уэ). Если мы напишем приведенную форму в точной фонетической транскрипции

и разделим на семы, то получим: «у-ы-лы-жь» при трех слогах не три а четыре семы, так как первый слог разделился на две семы. Согласный (или полугласный) «у» будет представлять собою здесь корень, объединяющий этот префикс с личным местоимением, которое фонетически следует написать в виде: «уэ» — „ты“. Гласный же в первом слоге будет представлять собою своего рода аффикс, или форматив, по происхождению центробежной формы, а в настоящее время — аффикс, с помощью которого от личных местоимений образуются притяжательные префиксы органической принадлежности. В дальнейшем, однако, в некоторых семах-слогах в адыгейском языке в известном фонетическом положении начинают исчезать краткие гласные:

У-э у-ы-лы-жьы-шы (пишется: о улыжьышы).

Ты — хороший старик.

Буквально: „ты — твой-старик-хороший, твой-мужчина-старый-хороший“.

В этом сложно-составном слове в трех слогах мы находим уже пять сем. Из них в начале две с формальным значением 2-го л. ед. ч., а остальные три — реальные семы, или корни. Последняя из этих реальных сем представлена одним согласным, который, опять-таки для удобства практического письма, по правилам адыгейской орфографии передается сочетанием трех букв. По происхождению и эта последняя сема представляет собою слово, которое еще сохраняется в отдельном произношении в качестве самостоятельного слова «шы» — „хороший“. Однако в составе этой сложно-составной формы краткий гласный «ы» в этом последнем слове отпадает. Таким образом, несмотря на то, что фактически некоторые корни и формальные семы превращаются в один согласный или один гласный, все-таки их связь с первоначальными слогами-словами еще совершенно ясна. В дальнейшем, однако, с развитием морфологического строя адыгейского языка появляются такие формальные семы, связь которых с отдельными словами, из которых они произошли, на первый взгляд совершенно теряется, и сами эти семы иногда превращаются в один согласный или гласный звуки:

лы-жьы-р

старик (прямой падеж определенной формы)

лы-жьы-м

старик (косвенный падеж определенной формы)

лы-жьы-шы-р

старик хороший (прямой падеж определенной формы)

лы-жьы-шы-м-э

старики хорошие (косвенный падеж определенной формы множественного числа)

и т. д.

В этих формах склонения мы видим, как появляются суффиксы падежей «-р», «-м» и «-м(-э)», которые состоят из одного согласного и без тщательного исторического анализа не могут быть возведены к какому-либо самостоятельному, существующему в современном адыгейском языке первичному корню. В лице этих суффиксов в адыгейском языке мы имеем почти такие же чисто формальные окончания, как в падежных суффиксах русского языка. Приведем еще несколько примеров деления адыгейских слов на семы и слоги:

тх-ы

пиши (нечто)

с-тх-ы | -гъэ

(буквально: мой написанный наружу
(объект) год назад
я написал (нечто))

тх-э
пиши (вообще), занимайся
писанием

лъэ | -гъу
видь
(первоначально: следи)

л-э | -псы
бульон

с-ы- | р-е- | джэ
я с помощью чего-нибудь
чему-нибудь учусь

сы- | тх-а-гъ
[буквально: мой написанный внутри (без
объекта) год назад];
я писал (вообще), занялся писанием

с-лъэ | -гъу | -гъэ
[буквально: мой увиденный наружу
(объект) год назад];
я увидел (нечто)

л-э | -псы-м
бульона (косвенный падеж определенной
формы)

къ-э | с-хьы-гъ
сюда я принес
и т. д.

Из всех этих примеров можно сделать важный вывод. Если сравнить существующее в адыгейском языке деление на семы, или значимые части слов, с одной стороны, и на слоги, с другой, то мы увидим, что деление слова на слоги в адыгейском языке почти никогда не противоречит его делению на семы, хотя оно уже и не совпадает с ним. Отдельные семы могут быть равны двум и более слогам, например, «лъэгъу» — «видь». Однако во вторичных основах, исторически сложившихся из первичных корней, эти двусложные и многосложные семы по своему происхождению подчас представляют собою слияние нескольких сем-слогов; например, то же слово «лъэгъу» исторически оказывается слившимся из двух первичных сем: «лъэ» — «ступня, след», «гъу» — «высохший, старый». Прежнее значение этого глагола «следи, ищи по следу» сохранилось и сейчас в сильно изменившемся, правда, значении: «лъэгъу» — «находи, полагай (ср. стр. 222)», которое этот глагол имеет на ряду со значением «видь». На ряду с этим, в адыгейском языке имеются семы, равные только части слога: одному согласному или сочетанию согласных, с одной стороны, и одному гласному, с другой. Правда, во многих случаях и здесь при изменении формы слова один согласный превращается в целый слог и показывает, таким образом, свое слоговое происхождение:

с-ы- | лы | -жъы-шлу
я || мой старик хороший
(неопределенная и предикатная форма)

уа-н
седло
(неопределенная форма)

т-и- | лы | -жъы | -шлу- | м-э
наши старики хорошие
(косвенный падеж определенной формы)

уа | -нэ-р
седло
(прямой падеж определенной формы)

Из этих примеров видно, что последние семы в обоих словах, состоящие в неопределенной форме из одного согласного, при присоединении к ним падежных окончаний (адыгейское имя обычно склоняется только в определенной форме) сейчас же превращаются в открытые слоги, т. е. семы первичного типа. То же явление наблюдается и в глаголах:

ы- | лъэ | -гъу-гъ
он увидел

сы- | к|уа-гъ
я пошел || поехал

с-лъэ | -гъу-гъэ
я увидел

к|уа | -гъэ
он пошел || поехал
и т. д.

Здесь суффикс прошедшего совершенного времени (перфекта) «-гъэ» выступает то без огласовки — в виде одного согласного «-гъ», то с огла-

совкой (огласовка этого суффикса появляется и исчезает в зависимости от характера личного префикса глагола, ср. ниже стр. 323—324). Следовательно, даже в современном адыгейском языке многие семы, на первый взгляд состоящие из одного согласного, раскрываются как семы, состоящие из первичного слога. Но как бы ни делились адыгейские (по происхождению) слова на семы — состоят ли они из двух и более слогов, или лишь из одного слога-фонемы, — слоговая граница в подавляющем большинстве случаев еще совпадает в них с сематической границей (с границей сем), современной или исторической. Другими словами, в адыгейском языке в словах древнего происхождения не может быть случая, чтобы слоговая граница не совпала бы с какой-либо из сематических границ и, таким образом, части одной и той же семы оказались бы отнесенными в разные слоги, которые объединяли бы часть одной семы с другой семой в один слог. Этот строй адыгейского языка совершенно отличает его от русского и других европейских языков. В русском языке, наоборот, простейшим видом корневой семы является закрытый слог, например: „дом, конь, мысль“ и т. д. Благодаря тому, что всякого рода суффиксы в русском языке или начинаются на гласный, или состоят из одного гласного, сематическое деление в различных формах этих слов в большинстве случаев не совпадает со слоговым: „до|м-а“, „ко|н-я“, „мыс|л-ей“ (в этих примерах, как и во всех предыдущих, черточками показано деление на семы, а вертикальными чертами деление на слоги). Та связь между делением на слоги и на семы, которая обнаруживается в адыгейском языке, представляет собою в нем прямое наследие первичной агглютинации, по законам которой каждая сема должна была быть равна открытому слогу. А это, в свою очередь, является остатком сравнительно еще недавнего аморфного состояния, когда каждое отдельное слово представляло собой один открытый слог. Лишь путем исторического развития аморфные слова-слоги превратились в слоги-семы, которые в дальнейшем начали разлагаться на звуки-семы. То противоречие, которое в противоположность адыгейскому языку мы наблюдаем в русском и во многих других языках — противоречие между делением на слоги и на семы, — представляет собою один из характерных признаков иной стадии развития языка, так называемой флективной. На этой стадии слоговое деление отрывает от корневых сем или основ их последний согласный и связывает его в одно фонетическое целое с окончанием. Благодаря этому, под воздействием гласных в составе этого окончания конец корня или основы начинает фонетически изменяться. В результате возникает так называемая флексия основ и выделяются звуки-фонемы как лишние значимости элементы речи. Таким образом, соотношение между делением на семы и на слоги представляет собою один из важнейших признаков, по которому можно определить морфологический строй языка. Адыгейский язык (по крайней мере, в его древнейшей форме) не достиг еще флективной стадии развития именно вследствие того, что в нем деление на слоги не успело еще порвать свою связь с делением на семы, тогда как русский язык именно потому и вступил во флективную стадию развития, что в нем деление на слоги стало совершенно независимым от деления на семы. В адыгейском языке фонетика окончательно еще не оторвалась от семантики, тогда как в русском языке звуковые законы стали независимыми от нее. Соотношение между делением на слоги и на семы и есть тот определяющий признак, по которому флективные языки отличаются от первичной агглютинации. Несовпадение деления на слоги и на семы и есть фонетическая причина развития флексии основ во всех флективных языках.

Однако и в развитии адыгейского языка наступает новый момент при вступлении адыгейцев в классовое общество. Вместе с их классовым расслоением, вместе с расширением и укреплением экономических и культурных связей их с другими народами в адыгейский язык начинают

проникать новые слова. Для прежнего адыгейского языка эти слова представляют собою новое явление. Они уже не восходят к первичным аморфным корням и не делятся на семы-слоги. Эти новые слова, например, грузинские, арабские, турецкие, персидские, русские и т. д., несмотря на всю свою новизну в смысле их строя, оказываются грамматически приравненными ко вторичным адыгейским основам. Эти новые слова в большинстве своем тоже типа закрытого слога (или оканчивающиеся на закрытый слог) оказываются приравненными к тем адыгейским основам, оканчивавшимся на согласный, в которых этот согласный получался благодаря отпадению конечного гласного. Поэтому и эти новые слова при присоединении к ним адыгейских окончаний рассматриваются в адыгейском языке, как свои слова, в которых после конечного согласного должен стоять один из двух исчезающих в конце слова кратких гласных, например:

стол стол (русское) (неопределенная форма)	сто л-ы-м стола (косвенный падеж определенной формы)
У мар Умар (арабское) (прямой падеж неопределенной формы)	У ма р-ы Умар (косвенный падеж неопределенной формы)
Да уд Дауд (арабское) (звательная форма)	Да у д-э (прямой и косвенный падежи неопределенной формы)
топ пушка (турецкое) (неопределенная форма)	то п-ы-р пушка, пушку (прямой падеж определенной формы)
щэ рэхъ колесо (персидское) (неопределенная форма)	щэ рэ хъ-ы-р колесо (прямой падеж определенной формы) и т. д.

Мы видим, что при прибавлении падежных окончаний к этим адыгейским именам в них после конечного согласного появляется краткий гласный «ы» или «э». Таким образом, эти слова, которые исторически никогда не оканчивались на краткий гласный, в адыгейском языке становятся основами с окончанием на краткий гласный, который выявляется всюду, где он по законам адыгейского языка должен выявляться. Следовательно, первоначальный односложно-аморфный характер адыгейского языка оказывает свое влияние и при усвоении слов из других языков. На новом этапе своего развития, в эпоху построения социализма, когда в адыгейский язык в массе начинают проникать новые интернациональные и русские советские слова, они не остаются в адыгейском языке чужеродными для него телами. Они становятся в полном смысле этого слова своими словами, подчиняющимися тому же закону обязательной огласовки основы при словоизменении. При этом, однако, возникают весьма любопытные явления. Во-первых, деление на слоги в этих усвоенных адыгейским языком словах (как и в старых усвоениях) перестает совпадать с делением на семы, т. е. строй адыгейского языка начинает сближаться со строем флективных языков; во-вторых, самая огласовка, появляющаяся после конечного согласного вновь усвоенных слов, в некоторых случаях кажется довольно неожиданной:

магазин
магазин
(неопределенная форма)

аэроплан
аэроплан
(та же форма)

план
план
(та же форма)

трактор
трактор
(та же форма)

тракторист
тракторист
(та же форма)

коммунизм
коммунизм
(та же форма)

магази | н-э-м
магазин
(косвенный падеж определенной формы)

аэропла | н-ы-м
аэроплан
(та же форма)

пла | н-ы-м
план
(та же форма)

тракто | р-ы-м
трактор
(та же форма)

тракторис | т-э-м
тракторист
(та же форма)

коммуни | зм-э-р
коммунизм
(та же форма).

В первом и последних двух примерах мы видим, что основа слова приравнивается к адыгейским основам, оканчивающимся на краткий гласный «э». В первом примере это происходит, вероятно, потому, что в самих адыгейских словах основы на «н» в неопределенной форме образовались путем присоединения в большинстве случаев конечной семы «нэ» (первоначально „глаз“), откуда в дальнейшем развилось „глазок“, „кусочек“, „орудие“, „предмет“ и т. д., как в словах «уан» — „седло“, «уанэр» (определенная форма), «лудан» — „нитка“, «луданэр» (определенная форма), «мэстан» — „ушко иглы“, «мэстанэр» (определенная форма) и т. д. Однако в словах, оканчивающихся на стечение согласных: «тракторист», «коммунизм», в конце основы появляется краткий гласный «э», а не «ы», так как эти слова представлялись в адыгейской народной речи основами с окончанием на безударное «э», в виду необычности в этой речи слов со стечением согласных без огласовки в конце. Это явление еще раз доказывает, что интернациональные и русские советские слова в адыгейском языке стали в полном смысле этого слова своими родными словами и вполне подчинились законам адыгейской суффиксации. Адыгейское слово «техник» употреблялось до сих пор в двух значениях „техника“, „техник“ и имело в определенной форме (прямой падеж) совершенно одинаковое окончание для обоих значений «ы || э». По этому же типу образуются и слова «физик» — „физика; физик“, «механик» — „механика; механик“ и т. д. Однако, пользуясь законами оформления окончаний в адыгейском языке, и в этих случаях в нем легко можно было бы избежать смешения двух основ, так как здесь имеются два кратких гласных. Русское безударное „а“ легко можно передавать через адыгейский краткий гласный «э», в то время как русские основы, оканчивающиеся на согласный, должны оканчиваться при присоединении падежных суффиксов на краткий гласный «ы», как, например, в слове „колхозник“ — «колхозник-ы-м» (косвенный падеж определенной формы). Таким образом, можно предложить следующее разграничение основ согласно новой адыгейской орфографии:

физик(э)
физика
(неопределенная форма)

физик-э-р
физика
(прямой падеж определенной формы)

физик	физик-н-р
физик	физик
агротехник(э)	агротехникэр
агротехника	агротехника
агротехник	агротехникыр
агротехник	агротехник
механик(э)	механикэр
механика	механика
механик	механикыр
механик	механик
	и т. д.

Такое разграничение понятий вполне целесообразно и точно соответствует законам адыгейского языка.

Обратный случай представляют собой народные: «банк-ы-р» — „банк; банка“ (прям. пад. опред. формы), «школыр» — „школа“, «картыр» — „карта“, «партыр» — „парта (в народной речи также: партия)“. Эти формы приняты сейчас и в литературном языке.

Наше правило целесообразно было бы применить по отношению к тем и другим словам, т. е. окончания слов интернациональных и русских, оканчивающихся на согласный, передавать с огласовкой «ы», а оканчивающиеся на безударный гласный — с огласовкой «э», например:

социализм — социализмыр	банк — банкыр
тракторист — трактористыр	но: банк — банкэр
магазин — магазиныр	школ — школэр.

Итак, пройдя долгий путь развития от древней аморфности к развитию полисинтетизму, адыгейский язык в истории своих сем представляет замечательное явление. Он сохраняет в своих словах и их составе настолько ясные следы и аморфного строя, и первичной агглютинации, что представляет собой настоящий клад для научного исследования древнейших стадий развития языка. В нем мы видим, как почти на наших глазах древнее аморфное предложение сливается в единое слово-сказуемое, как прежние аморфные слова превращаются в значимые части слов — семы, как из реального значения аморфных слов развиваются формальные значения и, наконец, как этот язык в совершенно новых условиях, в условиях социализма, обнаруживает в устах трудящегося адыгейца замечательную силу нового творческого развития. На адыгейском языке мы очень ясно видим, что основой развития всякого языка является развитие самого общества, развитие его производительных сил и производственных отношений. Это развитие дает языку содержание. Из содержания речи возникают все ее формы. Развитие значимых частей слова в языке, или сематическое развитие, представляет собой в своей сущности семантическое развитие, или развитие значений. Слова развиваются на основе обогащения материальной деятельности человека и его жизни, как части слов или семы, и вновь выделяются уже как новые слова с развитым обобщенным значением, обогащенным конкретным содержанием. В этом процессе развития адыгейский язык обогатился огромным количеством формальных сем, что стоит в связи с огромным богатством его форм. Эти семы представляют собою как префиксы, так и суффиксы. Одни и те же по звуковому своему материалу аффиксы могут употребляться в нем и в качестве префиксов, и в качестве суффиксов. И в той и в другой форме они могут иметь по несколько различных формальных значений. Для грамматического разбора адыгейских форм необходимо хорошо знать все эти формальные частицы и различные их значения. Поэтому, чтобы облегчить разбор грамматических форм адыгейского языка, мы даем в приложении к этой главе алфавитный словарь

адыгейских префиксов. Разумеется, этот словарь не является исчерпывающим. Каждое значение отдельного префикса подкрепляется примерами из живой адыгейской речи, сопровождается указанием на его употребление в адыгейском языке и способами перевода его на русский язык.

СЛОВАРЬ НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ

- отсутствие префикса в начале глагольной формы

- 1) показывает 3 лицо обоих чисел объекта переходных глаголов — „его“, „их“:

-сэльэгъу — его я вижу
-сэльэгъу-х — их я вижу;

- 2) перед другим префиксом в простом спряжении показывает 3 лицо обоих чисел субъекта непереходных глаголов — „он“, „они“ (ср. «мэ- || ма-»):

-квэкю — он сюда идет
-квэкю-х — они сюда идут;

- 3) в сложном спряжении тех же глаголов единственный способ выражения 3 л. обоих чисел субъекта — „он“, „они“ (ср. «рэ-», 1):

-дагъэ — он сшил
-кющты-х — они пойдут;

- 4) показывает 2 лицо ед. ч. субъекта в повелительном наклонении (в утвердительной форме — всегда, а в отрицательной с предшествующим другим префиксом — обычно в литературном языке) — „ты“:

-тхы — ты пиши (что-нибудь)
у-мытхы — ты не пиши (что-нибудь)
-фэ-мытх, диал. шапс. «фэ-у-мытх» — ты не пиши ему (что-нибудь);

- 5) отсутствие префикса как в начале, так и в середине глагольной формы перед префиксами личного отношения и в зависимости от них показывает 3 лицо ед. ч. личного отношения: „(для) него“, „ему“, „(против) его (воли)“, „(вместе с) ним“ и т. д.:

-фэтхэ — для него || ему пишет
сы-дэкюагъ — я с ним вместе пошел
-шючъэх — они против его желания бегут;

- 6) отсутствие префикса — показатель 3 л. ед. и мн. ч. в придаточных формах, образованных от формы аориста (прошедшего или будущего начинательного или совершенного, еще примеры см. стр. 176—178):

-тхэфэ — пока он (не) написал (вообще) || (не) занялся писанием
-кюфэкIэ — пока он (не) пошел || поехал;

а- 1) именной притяжательный префикс органической принадлежности 3 л. мн. ч. — „их“:

а-шыхэр — их братья
а-шъхъэхэр — их головы;

2) именной указательный префикс (пишется отдельно), употребляемый в отношении далеких и невидимых предметов — „тот“:

а тхыльыр — та книга;

3) личный глагольный префикс 3 л. мн. ч. субъекта переходных глаголов — „они“:

а-тхы — они пишут;

4) личный глагольный префикс 3 л. мн. ч. дательного дополнения — „им“:

а-р-еты — им он дает;

б-, см. п-

бгъо-, также бгъу-: глагольный префикс места (ср. «бгъу» — „сторона“, «бгъо» — „туша, бок“) — „сбоку“; в составе сложного префикса места: «бгъо-дэ» — „рядом с боком, сбоку-рядом“:

бгъо-дэт — рядом с боком стоит
зэ-бгъу-лъых — рядом друг с другом лежат;

блэ- глагольный префикс места — „мимо“:

блэ-кы — мимо проходит
блэ-чъыгъ — мимо пробежал;

го- глагольный префикс места (ср. «гу» — „сердце“) — „вплотную рядом с; бок-о-бок; вместе с; рядом с; сбоку, с краю“:

мы сатырэр го-х — этот ряд с краю убери (отними)
кIалэр яне го-с — мальчик сидит сбоку матери, рядом с матерью, бок-о-бок с матерью;

гъа-, см. гъэ-

гъэ-, также гъа-: глагольный префикс побудительного залога — „заставляй, принуждай, наладь, давай, позволяй, допускай (делать что-нибудь)“:

гъа-кIо — пошли его (заставь его пойти),
е-гъэ-тх — заставь его писать (нечто), дай ему писать (нечто);

д-, см. т-

да-, см. дэ-

дэ- 1) также да-, ды-: глагольный префикс места — „внутри горизонтально ограниченного или огороженного пространства, в; между горизонтально ограничивающими предметами, между; рядом (в составе сложных префиксов — «бгъо-дэ-», «шъхъэ-дэ-» (см.) и т. д.)“:

Iагум дэ-хъэ — во двор заходит
къуаджэм дэ-хъагъэх — в аул въехали;

2) также ды-: глагольный префикс личного отношения — „вместе (с кем-нибудь)“:

дэ-лажьэ — работает вместе (с ним);

ды-, см. дэ- 1, 2.

е- 1) в сложном спряжении также и-: личный глагольный префикс 3 л. ед. ч. дательного или местного дополнения — „ему“, „к нему“:

е-кIоталI — близко подойти
е-т — дари ему;

2) личный глагольный префикс 3 л. ед. ч. косвенного объекта (по происхождению местного или дательного дополнения), служащий в ряде глаголов основообразующим префиксом — „его“, „что-нибудь“:

е-у — его бей
е-дж — читай что-нибудь, учись чему-нибудь
е-с — плавай (в чем-нибудь);

3) см. и-, 4;

4) глагольный личный префикс 3 л. ед. ч. субъекта переходных глаголов — „он“ (ср. «ы-»; «и-», 2):
е-тхы — он пишет (нечто);

зы- также **з-**: глагольный относительный префикс со значениями:

1) „(тот,) который; (тот,) кто; (то,) что“:

зы-тхырэр — тот, который пишет;

2) (в сочетании: «зы-щы-») „(там,) где, куда, откуда“:

зы-щ-ащэрэр — там, где продают;

3) (в сочетании: «зы-щы-») „(тогда,) когда“ (см. «щэ-»):

зы-щ-ащэрэм — тогда, когда продают;

в-, см. зэ-, зы-

за-, см. зэ-

зэ- личный глагольный префикс с взаимным значением — „взаимно, между собою, друг друга“:

зэ-бэных — они борются друг с другом

зэ-луклагъэх — они встретились друг с другом, собрались;

зэ-, также **зы-**, **з-**: личный глагольный префикс с возвратным значением — „сам, себя“:

зэ-тлэхъу — себя чешет

зы-лъэкI — вытирается

з-етхъакIы — умывается

зы-гъэпкI — мойся;

зэ-, также **за-**: глагольный относительный префикс — „(тот,) кому, которому“:

за-тэрэр — тот, кому дает;

зэр-, см. зэрэ-, зэры-

зэра-, см. зэрэ-

зэры- также **зэр-** — перед смежным гласным префиксом (диалектн. также **зэрэ-**, **зэра-**): глагольный относительный префикс — „(тот,) кем; (то,) чем; (то,) на чем; (то,) по чему“:

зэ-ры-кIорэр — то, на чем он едет || то, по чему, через что он едет

зэ-р-итхырэр — то, чем он пишет;

зэрэ-, также **зэ-ра-** (также **зэр-** — перед смежным гласным префиксом): глагольный относительный префикс со значением:

1) «(то,) как»:

зэрэ-кIуагъэр сэльэгъу — я видел, как он поехал

2) «что» (перед глаголами „говорить, чувствовать, сознавать“):

зэрэ-кIуагъэр кысаIуагъ — они сказали мне, что он поехал;

3) диалектн.: „(тот,) кем; (то,) чем“ (см. «зэры-»):

жъу, см. шъу-

и- 1) именной притяжательный префикс имущественной принадлежности 3 л. ед. ч. — „его“:

и-тхыль — его книга;

2) личный глагольный префикс 3 л. ед. ч. субъекта переходных глаголов, употребляется вместо префикса «ы-» (см.) в середине глагольной формы в сложном спряжении — „он“:

с-и-лъэгъугъ — он меня увидел

з-и-тхырэр — тогда, когда (он) пишет (что-нибудь);

3) личный глагольный префикс 3 л. ед. ч. дательного дополнения, употребляется вместо «е-» (см.) в сложном спряжении;

4) также «е-», глагольный префикс места (ср. «и» — „обмазывай глиной“), первоначально — „в обмазанном глиной; в полости, во вместилище; внутри постоянно жилого помещения; внутри, в“:

унэм и-хьагъ — в комнату он вошел
щальэм и-лъ — лежит в ведре
пӀэкӀорым и-лъ — в кровати лежит;

къа-, см. къэ-

къо- глагольный префикс места — „в углу, сзади за, за (чем-нибудь)“:

къогъум къо-уцу — в угол стань
шкафым къо-уцу — за шкафом стань;

къэ- также къа-, къы-: глагольный префикс направления — „сюда, ко мне, в мою сторону“ (направление от 3 и 2 л. к 1-му или от 3 л. ко 2-му):

къа-кӀо — иди (сюда)
къэ-кӀо — идет (сюда);

кӀа-, см. кӀэ-

кӀу- именной префикс (соединительная частица) для образования числительных от 11 до 19 (включительно), см. стр. 400;

кӀэ- || **кӀа-**, также кӀы- (ср. «кӀэ» — „хвост, способ, манера“; «кӀы», бжед. «кӀэ», шапс. «кӀэ» — „ручка орудия“): глагольный префикс со значением — „по причине чего, из-за чего, (то,) зачем“:

у-з-кӀа-гъа-кӀорэ сыда? — из-за чего тебя посылают?

кӀэ-, также кӀэ-ры: глагольный префикс места (первоначально: «кӀэ» — „хвост, конец“, бжед. шапс. „ручка орудия, рукоятка оружия“) — „на конце, на краю“:

кӀэ-чъы — течет со дна, с конца
кӀэ-ры-с — сидит с краю, на краю, у конца;

лъэ-, см. лъы-

лъы-, также лъэ-: глагольный префикс места (ср. «лъэ» — „нога, ступня, [след]“) — „вслед за, вслед, следом за, за“:

сы-лъэ-кӀо — за ними (вслед) иду
сы-лъы-джагъ — я вслед ему крикнул;

ма-, см. мэ-

мо- диал. шапс. бжед. «у-» (см.): указательный именной префикс по отношению к далеким видимым предметам (пишется всегда отдельно от имени) — „вот тот“:

мо хатэр — вот тот огород
диал. бжед., шапс. «у хатэр» — вот тот огород;

мы- 1) именной префикс отрицания (пишется всегда слитно с именем) — „не“:

мы-пӀастэр — не паста (род каши)
мы-пыир — не враг
мы-ударникыр — не ударник;

2) глагольный префикс отрицания (пишется всегда слитно с глаголом), употребляется при всех наклонениях, кроме утвердительного и отрицательного, а также при всех отглагольных именах и многих придаточных формах:

у-мы-т — не давай; е-у-мы-т, также е-мы-т — не давай ему
мы-шӀы — не сделанный; мы-жъо — не вспаханный

е-мы-лээгъуфэ — пока он не видит...,
мы-хьунэу — что он не будет..., и т. д.;

3) именной указательный префикс, употребляется по отношению к близким видимым предметам (пишется всегда отдельно от имени) — „этот“:

мы тхылъыр — эта книга;

мэ-, также ма-:

1) древний именной словообразовательный префикс с неясным значением: «ма-фэ» — „день“, «ма-шю» — „огонь“, «мэ-шы» — „просо (на корню)“, диал. бжед, шапс. „хлеб (на корню вообще)“;

2) личный глагольный префикс 3 л. ед. ч. субъекта непереходных глаголов — „он“; употребляется только непосредственно перед глагольной основой в начале глагольной формы, т. е. при отсутствии всяких других префиксов, в противном случае выражается отрицательно (отсутствием префикса, см. начало словаря):

ма-кю — он идет

мэ-лажьэ — он работает;

нэ- (ср. «нэ» — „отверстие в насадке орудия, глаз“) глагольный префикс личного направления (по значению противоположен префиксу «кьэ» — „сюда“), указывающий направление действия от 1 л. ко 2-му и 3-му или от 2 л. — к 3-му (употребляется в единичных глаголах), — „туда“:

кьэ-сыгъ — явился сюда

нэ-сыгъ — явился, доехал туда

ср. н-е-кю — пойдем, идем (первоначально: туда);

о- 1) глагольный префикс 2 л. ед. ч. простого спряжения всех глаголов:

о-тхэ — ты пишешь;

2) глагольный префикс 3 л. ед. ч., употребляемый в некоторых придаточных формах и в косвенной речи в простом спряжении не только в начале, но и в середине глагольных форм, чаще при одинаковом подлежащем в главном предложении:

ар о-тхэфэ, сыкьэкюжьышт — он пока будет писать, я вернусь
Исхьякь мэкюфэ, Пэдыс мэчье — Исхак пока ходит, Педис
спит

Исхьякь, мэшюкумкю окюфэ, ренэу чьыягъэ — Исхак, на поезде
пока ехал, все время (сам) спал;

п-, также б-, п̄:

1) именной притяжательный префикс органической принадлежности 2 л. ед. ч. — „твой“:

п-шъхэ — твоя голова

б-лы || у-лы — твое тело (мясо)

п-лэ (произносится: п̄-лэ) — твоя рука;

2) глагольный префикс 2 л. ед. ч. субъекта в сложных временах переходных глаголов — „ты“:

п-хьыгъэ — ты понес

п-т̄ыгъэ (произносится: п̄-т̄ыгъэ) — ты вскопал

б-дыгъэ — ты сшил;

пы-, см. пэ-

пэ-, также пы-: глагольный префикс места (ср. «пэ» — „острие орудия и оружия; нос; начало“) — „конец, в конце, с конца“:

к̄апсэхэр зэ-пы-шлагъэх — веревки (друг к другу концами)
привязаны

ичэгъушъхьапэм бзыур пы-с — на колу (на конце) воробей
сидит

сыкьып-п-э-пльэшт — я тебя буду ждать;

ш-, см. п-

-р- вставной или замещающий согласный в составе сложных глагольных префиксов (по происхождению личный префикс 3-го л.):

1) вставляется между двумя глагольными личными и другими префиксами, когда один из них или оба выражены гласными звуками («а, я, е, и» и т. д.), во избежание фонетического слияния этих префиксов:

а-р-еты — им он дает
а-р-егъэтхы — их он заставляет писать
гъэ-р-екло — в прошлом году
ты-р-а-лъхъэ — на что-нибудь они кладут;

2) заменяет собой первый из двух соседних глагольных префиксов «е-» или «и-», когда последующие префиксы состоят из гласных звуков («а-, я-, е-, и-» и т. д.), во избежание слияния:

р-еты — ему он дает
къы-р-и-лъхъагъ — сюда внутрь он положил;

ры- также: рэ-: личный глагольный префикс, придает предшествующим местоимениям или именным основам инструментальное (орудное) значение — „им, с помощью него“:

нэрылъэм ры-плъагъ — биноклем, в бинокль посмотрел
пхъэлашэм рэ-жъо — плугом пашет
кум р-ещэ — повозкой, на повозке везет;

-ры- именной префикс (соединительная частица): 1) для образования разделительных числительных (ср. «рэ-, ры-» с орудным значением); см. стр. 399—400; 2) в сложно-составных именных основах придает предшествующему или последующему корню орудное значение: «лъэ-ры-чъ» — „коньки“ (буквально: „ноги чем бегут“), «[э-ры-тх]» — „рукопись“ (буквально: „руками написанный“);

-рэ- 1) (диалектн. шалс.) личный глагольный префикс 3 л. обоих чисел в сложном спряжении переходных глаголов — „он, они“, употребляется при отсутствии словесно выраженного субъекта:

пхъэр стыгъэ — дрова сгорели
рэ-стыгъэ — он сгорел
шъузыр дагъэ — женщина сшила
рэ-дагъэ — она сшила
рэ-дагъэх — они сшили и т. д.;

2) (по происхождению) личный глагольный префикс 3 л. обоих чисел дательного дополнения, употребляется после личных префиксов всех лиц в описательной форме повелительного наклонения: „пусть...!, да...!-“ и в производных от него уступительных формах: „пускай, пусть, пусть (даже), хотя“ и т. д.:

тэ-рэ-кIу — пусть мы пойдем
о-рэ-псау — пусть он живет; да здравствует!
тэ-рэ-кIуа? — нам пойти что ли?

е-рэ-лъэгъу, о ащ уемыпль
пускай он видит (нечто), а ты на это не смотри;
пускай он видится с кем-нибудь, (а) ты на это не смотри

орэкIо, сэ ськIощтэп — пусть он идет, а я не пойду

орэкIо, сэ ськIогъах — пусть он идет, (а) я уже сходил || был
орэтхэ сэ сьтхэгъах — пусть он пишет, (а) я уже написал

письмо ерэтх, стхыгъахэ — письмо пусть он начнет писать || напишет, а я уже (его) написал

письмо ерэтх, о умытх — письмо пусть он напишет, а ты не пиши;

и. т. д.

3) см. ры-;

э-, также з-:

1) именной притяжательный префикс 1 л. ед. ч. органической принадлежности — „мой“:

с-пэ — мой нос

с-шы — мой брат

з-лы || сы-лы — мое тело;

2) глагольный префикс 1 л. ед. ч. субъекта в сложном спряжении переходных глаголов:

с-хыгъэ — я понес

з-дыгъэ — я сшил;

си- именной притяжательный префикс 1 л. ед. ч. имущественной принадлежности — „мой“:

си-тхылаь — моя книга

си-шы — моя лошадь;

сы- 1) именной притяжательный префикс 1 л. ед. ч. органической принадлежности — „мой“:

сы-блэ — мое предплечье, мое плечо

сы-пхъу — моя дочь;

2) глагольный префикс 1 л. ед. ч. объекта переходных глаголов — „меня“:

сы-огъакъо — ты меня посылаешь;

3) то же субъекта в сложном спряжении непереходных глаголов — „я“:

сы-тхагъ — я написал;

сэ- (ср. личное местоимение 1 л. ед. ч. «сэ» — „я“): глагольный личный префикс 1 л. ед. ч. в простом спряжении всех глаголов:

сэ сэ-тхэ — я пишу;

т-, также д-, тl-:

1) именной притяжательный префикс 1 л. мн. ч. органической принадлежности — „наш“:

т-шъхъэ — наша голова

т-lэ (произносится: тl-lэ) — наша рука

д-лы || ты-лы — наше тело (мясо);

2) глагольный префикс 1 л. мн. ч. субъекта переходных глаголов в сложном спряжении:

тэ т-хыгъэ — мы понесли

тэ т-lэтыгъэ (произносится тl-lэтыгъэ) — мы подняли

тэ д-гъэкъуагъэ — мы послали;

ти- именной притяжательный префикс 1 л. мн. ч. имущественной принадлежности — „наш“:

ти-стол — наш стол;

ты- 1) именной притяжательный префикс 1 л. мн. ч. органической принадлежности — „наш“:

ты-нэ — наш глаз;

2) глагольный префикс 1 л. мн. ч. объекта переходных глаголов — „нас“:

ты-шьо-льэгъу — вы нас видите;

3) то же субъекта в сложном спряжении непереходных глаголов — „мы“:

ты-кIуагъ — мы пошли;

те-, диал. бжед., шапс. тэ- (перед гласным префиксом также ты-р-): глагольный префикс места — „на, сверху на, на поверхности; навверх, на поверхность, на; сверху с (чего), с поверхности, с“:

столым те-льхъ — положи на стол

столым ты-р-ельхъэ — на стол он кладет;

тэ- 1) (ср. личное местоимение 1 л. мн. ч. «тэ» — „мы“) глагольный личный префикс 1 л. мн. ч. в простом спряжении всех глаголов:

тэ тэ-тхы — мы пишем

тэ тэ-кIо — мы идем;

2) см. те-;

тI-, см. т-

у-, также у- (перед гласным префиксом):

1) именной притяжательный префикс 2 л. ед. ч. органической принадлежности — „твой“:

у-нэ — твой глаз;

2) диалект. шапс. бжед., именной указательный префикс (пишется отдельно от имени), ср. «мо» — „вот тот“:

у унэ-р — вот тот дом;

3) (глагольный префикс 2 л. ед. ч. объекта переходных глаголов — „тебя“:

у-сэльэгъу — я тебя вижу

у-ельэгъу — тебя он видит;

4) то же — субъекта непереходных глаголов и глаголов с косвенным объектом в сложном спряжении — „ты“:

у-тхагъ — ты написал

у-едэлу — ты его слушаешь

у-еджэ — ты ему кричишь, ты его зовешь;

уи- именной притяжательный префикс 2 л. ед. ч. имущественной принадлежности:

уи-паIо — твоя шапка;

фа-, см. фэ-

фы-, см. фэ-

фэ-, также фа-, фы-: глагольный префикс личного отношения — „по направлению к (кому-нибудь); для, ради, в пользу (кого-нибудь); кому-нибудь“, также „на, против кого-нибудь“:

ыгъэзагъэу мэзым фэ-кIо — повернувшись к лесу по направлению (к нему) идет

фэ-тхэ — для него, ему пишет; на него пишет;

ха-, см. хэ-

хы-, см. хэ-

хэ-, также **ха-**, **хы-** (ср. «хы» — „море“, «[хэ]» — „низ“): глагольный префикс места (первоначально: „в воде, в море“) — „в веществе, внутри вещества (сыпучего, жидкого и пр. тела); в среде людей, в собрании однородных предметов (в куче, лесу, траве, толпе); в“:

псым хэ-т — в воде стоит
хьэуарзэм хэ-с — в соломе сидит
цфыфымэ а-хэт — в толпе стоит, среди людей находится;

чла-, см. **члэ-**

члэ-, также **чла-**, диал. шапс. нат. **клэ-**, также **кла-**: глагольный префикс места (ср.: «члы» — „земля“, «члэ» — „дно, низ“) — „под (прикрытием), в (крытом помещении), в нежилом помещении; под“:

кьакьырэм члэ-т — в сарае стоит
столым члэ-ль — под столом лежит;

шъо- (ср. личное местоимение 2 л. мн. ч. «шъо» — „вы“): глагольный личный префикс 2 л. мн. ч. субъекта в простом спряжении всех глаголов — „вы“:

шъо шъо-кю — вы идете
шъо шъо-тхы — вы пишете;

шъу-, также **жъу-** (в живом народном произношении также **шлу-**):

1) именной притяжательный префикс 2 л. мн. ч. органической принадлежности — „ваш“:

шъу-лъакьохэр — ваши ноги
жъу-ы || шъу-лы — ваше тело (мясо)
шъу-лэ (произносится: шлу-лэ) — ваша рука;

2) глагольный личный префикс 2 л. мн. ч. субъекта в сложном спряжении переходных глаголов — „вы“ (краткий вид):

шъо шъу-хыгъэ — вы понесли
шъо жъу-дыгъэ — вы сшили
шъо шъу-лэтыгъэ (произносится: шлу-лэтыгъэ) — вы подняли;

шъу' 1) именной притяжательный префикс органической принадлежности 2 л. мн. ч. — „ваш“ (полный вид):

шъу'-нэ — ваш глаз;

2) употребляемый в сложном спряжении глагольный личный префикс 2 л. мн. ч. объекта переходных глаголов — „вас“:

шъу'-сэгъакло — вас я посылаю;

3) то же субъекта непереходных глаголов — „вы“:

шъу'-щытыгъ — вы стояли;

шъуи- именной притяжательный префикс 2 л. мн. ч. имущественной принадлежности:

шъуи-тхыль — ваша книга;

шъхьэ- глагольный префикс места (ср. «шъхьэ» — „насадка орудия, наконечник оружия, голова“) — „вверх, вверху, через верх“, в составе сложных префиксов: «шъхьэ-дэ» — буквально: „вверх, рядом“, «шъхьэ-ры» — буквально: „головую“ и т. д.:

шъхьэ-дэ-кы — переходит через (верх)
шъхьэ-щыт — стоит над чем-нибудь
шъхьэ-ры-кы — праздношатающийся, без дела ходящий;

шю-, также **шуа-**, **шу-**: глагольный префикс личного отношения — „на острие; против воли, против желания (кого-нибудь)“:

шю-кю — идет против его воли
шу-дэхэ — заходит против его желания
лыр цацэм шу-иугъ — мясо на вертел надел;

шу- 1) см. «шю-», 2) см. «шью»

щ-, см. **щэ-**

щы-, см. «щэ-»

щэ-, также **щы-**, **щ-**: глагольный префикс места — „в какой-либо местности, в каком-либо месте“:

щэ-джэгу — там играет
щы-тхагъ — он там писал
щ-атхыгъ — там они написали;

ы- 1) именной притяжательный префикс 3 л. ед. ч. органической принадлежности — „его“:

ы-н — его глаз
ы-ш — его брат;

2) личный глагольный префикс 3 л. ед. ч. субъекта в сложном спряжении переходных глаголов — „он“; употребляется только в начале глагольной формы, т. е. при отсутствии всякого другого префикса; при наличии других префиксов, т. е. в середине глагольной формы, он заменяется через «и-» (см. «и-», 2):

ы-тхыгъ — он написал
ы-льэгъугъ — он увидел;

я- 1) именной притяжательный префикс имущественной принадлежности 3 л. мн. ч. — „их“:

я-тхыль — их книга;

2) глагольный префикс дательного дополнения 3 л. мн. ч. — „им“:

тхыльыр я-т — книгу им отдай;

3) глагольный префикс косвенного объекта 3 л. мн. ч. — „их, на них“:

с-я-пльы — я на них смотрю;

ю-, также **ю-**: глагольный префикс места (первоначально: «ю» — „рот, отверстие“) — „возле отверстия, в отверстии, из отверстия“:

кьэлапчэм ю-т — возле ворот стоит.

ЧАСТЬ IV

МОРФОЛОГИЯ

Морфология представляет собой ту часть грамматики, которая изучает формы отдельных слов. Слова по своим формам делятся на несколько морфологических классов или групп, которые называются частями речи. Части речи разделяются на изменяемые и неизменяемые. Изменяемыми частями речи мы называем такие, каждая из которых имеет особую, лишь ей свойственную систему форм, или систему словоизменения. Например, из адыгейских частей речи имена имеют изменение по падежам и числам. Эта система изменения называется склонением. Адыгейские глаголы имеют другую систему словоизменения — по лицам, числам, временам, наклонениям и залогам. Это словоизменение называется спряжением. Адыгейские личные местоимения имеют лишь частичное склонение, а также деление по лицам. Адыгейские указательные местоимения изменяются по падежам и числам, т. е. склоняются, но иначе, чем имена. Остальные местоимения склоняются по типу именного склонения. Тем не менее в данной грамматике мы рассматриваем все местоимения как одну единую часть речи. Как пример неизменяемых частей речи в адыгейском языке можно привести союзы и междометия.

Части речи впервые возникают в адыгейском языке в довольно позднюю эпоху развития речи (как и вообще во всех других языках). На аморфной стадии развития речи, когда слова еще бесформенны, т. е. лишены каких бы то ни было префиксов или суффиксов, не существует еще деления и на части речи. Можно сказать, что в это время существует лишь одна общая неразвитая недифференцированная (невыделенная) часть речи. На позднейшей стадии развития языка, когда из самостоятельных слов начинают развиваться формальные семы (т. е. префиксы и суффиксы), в адыгейском языке появляется сначала накопление этих сем при сказуемом, — появляется специальная часть речи для выражения сказуемого — глагол. Глагол возникает одновременно со спряжением, так как именно спряжение и отличает глагол-сказуемое от всех остальных членов предложения. Имена и местоимения остаются в это время еще бесформенными, аморфными, что в основном и сейчас сохраняется в части западнокавказских яфетических языков — в абхазском и абазинском. Несколько позднее начинает развиваться в черкесских языках склонение, благодаря чему выделяется в адыгейском языке вторая основная часть речи — имя. В результате сравнительно более позднего развития адыгейское имя и сейчас еще отличается бедностью форм склонения. В общем можно сказать, что деление на части речи и появление первоначального спряжения и склонения во всех языках, и в частности — в адыгейском, можно отнести еще к эпохе первобытной общины.

Важную роль в развитии адыгейской морфологии сыграла третья основная часть речи — местоимение. Местоимения развиваются в языке

раньше глагола и имени (спряжения и склонения). Они появляются уже в аморфную эпоху развития языка, сначала просто в качестве особого класса слов с обобщенным (абстрактным) значением. Первоначальные местоимения выражают различные местные (пространственные) отношения. Впоследствии из этих значений развиваются указательные и личные местоимения. Местоимения, в первую очередь — личные, важны при изучении морфологии адыгейского языка потому, что от них происходят многие префиксы, а от притяжательных префиксов образуются личные префиксы адыгейского глагола. Таким образом, в основе развития адыгейского спряжения и оформления глагола — этой важнейшей части речи в адыгейском языке — лежит развитие местоимений. Без изучения адыгейских местоимений невозможно понять форм адыгейского глагола. Поэтому мы начинаем адыгейскую морфологию с изучения местоимений. После местоимения мы переходим к наиболее развитой в адыгейском языке части речи — глаголу. После глагола изучаются имена и, наконец, немногочисленные в адыгейском неизменяемые части речи — союзы и междометия.

Итак, в адыгейском языке в основном имеются следующие части речи: местоимение, глагол, имя. Эти три части речи следует признать основными и важнейшими. В качестве разновидности адыгейских имен следует выделить отглагольные имена, т. е. имена, образованные от глаголов (склоняемые формы глаголов). Адыгейские отглагольные имена отличаются значительным богатством своих форм. Они сохраняют как формы спряжения (изменение по лицам и т. д.), так и формы склонения (изменение по падежам и т. д.). Таким образом, адыгейские отглагольные имена представляют собой исторический переход от глагола к имени, являются как бы переходной ступенью от одного к другому. Адыгейские отглагольные имена служат для выражения сказуемого в придаточных предложениях и потому названы нами также придаточными формами глагола. Мы рассматриваем отглагольные имена в разделе глаголов.

Такой же переходной ступенью от имени к глаголу служат отыменные глаголы. Эти формы по существу представляют собою спрягаемые имена. Они служат для выражения составного (именного) сказуемого. Поэтому иначе мы называем их — предикатными формами имен. Отыменные глаголы мы рассматриваем также в разделе глагола. Такие же предикатные формы, или глаголы, могут быть образованы и от адыгейских местоимений. Предикатные формы местоимений мы рассматриваем в главе о местоимениях. После всех изменяемых частей речи, в конце Морфологии, даются краткие сведения об адыгейских неизменяемых частях речи — союзах и междометиях.

Таким образом, в адыгейской морфологии мы изучаем местоимение, глагол, имя, отыменный глагол, отглагольное имя, союз и междометие. Рассмотрим вкратце каждую из этих частей речи в отдельности.

Местоимения в адыгейском языке резко делятся на местоимения личные и притяжательные, с одной стороны, и указательные местоимения и наречия — с другой. Указательные наречия имеют теснейшую связь с указательными местоимениями — образуются от последних с помощью суффиксов. Кроме того, к местоимениям относятся вопросительные местоимения и наречия, как происходящие от одних и тех же корней, а также различные определительные, отрицательные и неопределенные слова, которые мы сочли наиболее удобным отнести в раздел местоимений, так как они соответствуют русским определительным и неопределенным местоимениям и наречиям.

В виде особенности адыгейского языка следует отметить, что в нем почти каждое слово может превратиться в глагол, если оно употреблено в качестве сказуемого, и, наоборот, почти каждое слово может обратиться в имя, если оно употреблено в качестве дополнительного слова. На ряду с этим в качестве пережитка аморфной эпохи

развития языка следует отметить, что во многих случаях основная форма имени (прямой падеж неопределенной формы имени в ед. числе) и основная форма глагола (второе лицо ед. числа повелительного наклонения) материально, т. е. по звукам, совпадают или почти совпадают:

Имена	Глаголы
гуыщыІ — слово	гушыІэ — разговаривай
лъахъ — пути (для лошади)	лъахъэ — спутывай (лошадь)
джэгу — игрище, вечеринка	джэгү — играй
чырэ — батрак, рабочий (по найму)	чырэ — батрачь (работай по найму)
пхъашІэ — плотник	пхъашІэ — плотничай
ужъгъы — просодерка	ужъгъы — дери просо
лъэ — нога, ступня	лъэ — прыгай
пщы — долото	пщы — долби (дерево)
щэ — молоко	щы — дои
хъу — самец (первоначально: зрелый, половозрелый)	хъу — спей, зрей, пасись, вскармливайся, водись (о хлебах, плодах, скоте, человеке)

Это явление исторически восходит к тому времени, когда в адыгейском языке в аморфную эпоху развития речи каждое слово могло быть и дополнительным словом (субъектом или объектом) и сказуемым (предикатом). В приведенных примерах связь между именем как формой дополнительного слова и глаголом как формой сказуемого еще достаточно ясна и для неискушенного читателя. Во многих случаях, однако, эту связь в современном адыгейском языке мы можем вскрыть только с помощью исторического анализа. Так, например, корень адыгейского слова «Іэ» — „кисть руки, рука“ выделяется в качестве корня, от которого образованы многие глаголы. Однако в последних корень «Іэ» — „рука“ употребляется уже только в соединении с различными префиксами: «е-І» — „касайся рукой, трогай, тяни“, «и-І» — „имеет“ (буквально: „внутри рукой держит“), «щы-І» — „находишь, существуй где-либо“ (буквально: „в каком-либо месте рукой держись“). Это богатое развитие корня „рука“ подтверждает предположение основателя яфетической теории акад. Н. Я. Марра об особом богатстве семантического развития корня „рука“ во всех языках, так как развитие значений этого слова стояло в зависимости от развития труда. Первоначальное совпадение различных частей речи, происходящих от одного и того же корня, по их содержанию достаточно ясно во многих случаях и в современном языке, например, «хъу» — „самец“, первоначально, очевидно, значило „зрелый, половозрелый“ и стояло в непосредственной связи с глагольным корнем «хъу» — „спей, зрей, пасись, разводись (о хлебах, плодах, скоте)“.

Совпадая по звукам, глагол и имя в современном адыгейском языке, однако, уже разошлись по значению. В настоящее время все эти совпадения не идут дальше тождества лишь одной формы имени с одной из форм глагола или, вернее, основы имени с основой глагола. В современном адыгейском языке имя и глагол представляют собой две ясно выраженные самостоятельные части речи, резко отличающиеся друг от друга по формам словоизменения:

ГушыІэ-р дахэ.
 Щыфырмэ-гушыІэ.
 Чырэ-р мэ-лажьэ.
 КІалэр мэ-чырэ.
 А-р чырэ || чыракІо.
 А-р мэ-чырэ.

Слово — красивое.
 Человек разговаривает.
 Рабочий (по найму) работает.
 Парень работает по найму.
 Он — рабочий (по найму).
 Он работает по найму.

Мы-р пхъашIэ.
Мы-р мэ-пхъашIэ.
Мы-р ужьгъы.
Мы-р мэ-ужьгъэ.

Это — плотник.
Этот плотничает.
Это — просодерка.
Этот обдирает (просо).

и т. д.

Из этих примеров мы видим, что резко отличаются друг от друга не только формы имени и глагола, но и глагольные (предикатные) формы собственно глагола и формы отыменного глагола (т. е. предикатные формы имени).

Адыгейский глагол отличается чрезвычайным богатством своих форм. Он может одновременно изменяться по нескольким лицам — в максимальных формах одновременно по четырем и пяти лицам. Это лишает нас возможности дать в грамматике таблицы изменения глагола по всем лицам. Мы ограничились здесь тем, что дали таблицы изменения глагола лишь по одному лицу субъекта и формы лишь одного времени двухличного и трехличного спряжения. Для справок же и разбора сложных многоличных (полиперсонных) глагольных форм мы привели таблицу смены личных префиксов по всем возможным в адыгейском личном рядам и порядок взаимного расположения префиксов в этих рядах.

В адыгейском языке не существует имени существительного, имени прилагательного, наречия, имени числительного и предлога (лучше сказать — послелога, так как в адыгейском языке слова, соответствующие русским предлогам, ставятся после того слова, к которому они относятся) как вполне выделившихся самостоятельных частей речи. Однако в числе имен мы можем выделить: имена, употребляющиеся преимущественно в значении имен существительных; имена, которые употребляются преимущественно в значении прилагательных; имена, которые служат специальными названиями чисел; имена, которые с помощью специальных суффиксов образуют прилагательную и наречную формы имен; наконец, имена, которые могут служить одновременно и послелогами. Поэтому в отделе имен мы ввели в качестве подразделений имена со значением прилагательных и наречий, имена со значением числительных и имена со значением послелогов.

Глава 1

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимения в адыгейском языке делятся на личные и притяжательные, указательные (местоимения и наречия), вопросительные (местоимения и наречия), определительные, отрицательные и неопределенные (местоимения, наречия и служебные слова).

По своему происхождению местоимения являются первыми появившимися в языке словами с обобщенным формальным значением — первыми словами-формами, если можно так выразиться. В адыгейском языке местоимения развивались в тесной связи с некоторыми из наречий. Поэтому в соответствующих разделах местоимений мы рассматриваем и близкие к ним слова-наречия.

Личные местоимения. Личные местоимения выражают различную степень участия предметов и лиц в речи. Так, первое лицо обозначает тот предмет, от лица которого ведется речь, второе лицо — тот предмет, к которому обращена речь, и третье лицо — тот предмет, о котором идет речь, т. е. предмет, непосредственного участия в речи не принимающий. Такая система личных местоимений обычна для всех европейских языков, в том числе и для русского. Адыгейская система личных местоимений отличается тем, что в ней отсутствует личное местоимение третьего лица. Местоимение третьего лица „он“ всегда заменяется

в адыгейском, как и в ряде других языков, одним из трех существующих в нем указательных местоимений. Однако личное местоимение третьего лица, можно думать, существовало и в адыгейском языке. По крайней мере, оно сохраняется в спряжении глаголов как формальная частица, показывающая третье лицо продуктивного субъекта или дательного дополнения «е» и в первой части определительного местоимения «е-жь» — „сам“.

Адыгейские личные местоимения мы можем представить в виде следующей таблицы:

Личные местоимения

	Единствен- ное число	Множественное число
1-е лицо	сэ	тэ
2-е лицо	о (уэ)	шъо (шъуэ)
3-е лицо	—	—

Адыгейские личные местоимения по падежам не изменяются. Единственное и множественное число выражается в них изменением самих слов, или, как говорят, лексически (словесно), а не формами этих слов, т. е. не путем присоединения специального окончания, как в именах. Неполная изменяемость (неполная склоняемость) личных местоимений заставляет нас выделить их в особую разновидность местоимений, в противоположность указательным местоимениям. Единственная похожая на прямой падеж форма, которая образуется от личных местоимений, — это форма с суффиксом «-р». Ее мы можем назвать определенной формой личных местоимений в отличие от приведенной неопределенной их формы. Определенная форма личных местоимений употребляется в адыгейском языке лишь в некоторых редких случаях, например в определительной форме личных местоимений:

сэр-сэрэу — я сам, тэр-тэрэу — мы сами,
ор-орэу — ты сам, шъор-шъорэу — вы сами

и в форме, в которой личные местоимения соединяются друг с другом с помощью союзного суффикса «-рэ», соответствующего русскому „и“:

оры-рэ сэры-рэ — я и ты
тэры-рэ шъоры-рэ — мы и вы
и т. д.

Определенная форма личных местоимений в современном языке самостоятельно уже не употребляется.

От определенной формы личных местоимений образуются формы: превратительная (материально-качественная) с суффиксом «-эу», направительная с суффиксом «-кIэ» и предикатная, служащая для выражения сказуемого, с суффиксом «(-р)-ы». Превратительная форма личных местоимений употребляется редко, лишь в отдельных выражениях:

Сэрэу ущытыгъэмэ, сыд пшIэныя?
Если бы ты был на моем месте (мною), что бы ты сделал?

Только в подобных очень редких случаях можно считать эту форму подлинной падежной. В приводимых же ниже примерах полностью совпадающая в звуковом отношении с падежной формой — форма «сэрэу» представляет собою предикатную форму личного местоимения, употребляемую в качестве придаточной формы сказуемого при глаголах со значением „говорить, чувствовать, сознавать“ (см. дословные переводы):

Тхыль къызфахыгъэр орэу сэгугъэ.
Это для тебя, я думаю, принесли книги.

Буквально: Тот, для кого принесли книги, я думаю, что ты.

Къызэджагъэхэр сэрэу къычлэгъ.

Тот, кого вызывали — оказывается, я.

Буквально: Тот, кого вызывали, — оказалось, что я.

Сэрэу олуа къощтыр?

Я, говоришь, тот, который пойдет?

Буквально — Ты говоришь, что я тот, который пойдет?

Предикатная форма личных местоимений употребляется всякий раз, когда личное местоимение служит сказуемым в предложении:

Секретарыр — сэры.

Секретарь — это я.

Определенная форма личных местоимений и образуемые от нее превратительная и предикатная формы могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Определенная форма личных местоимений

	Единственное число			Множественное число		
	Определенная форма	Превратительная форма	Предикатная форма	Определенная форма	Превратительная форма	Предикатная форма
1-е л.	сэ-р	сэ-р-эу	сэ-р-ы	тэ-р	тэ-р-эу	тэ-р-ы
2-е л.	о-р	о-р-эу	о-р-ы	шэ-р	шэ-р-эу	шэ-р-ы

Кроме указанных форм, существует еще направительная форма личных местоимений, которая лишь в крайне редких случаях может иметь дательное, орудное или вторичное по происхождению значение логического субъекта в некоторых выражениях, построенных по типу страдательной конструкции:

Мы цуакъэр сэрыклэ цыклушэ.

Эти чувяки для меня слишком малы.

Тхыльхэр къызфахыгъэр орыклэ сэгугъэ.

Это для тебя, я думаю, принесли книги.

Буквально: Тот, для кого принесли книги, я думаю — для тебя.

Мы Юфыр сэрыклэ зэшлокыгъэ хъунэп.

Это дело (одним) мною не будет выполнено.

Таким образом, личные местоимения, не имея прямого и косвенного падежей, все же имеют зачаточное склонение, как это видно из ниже-следующей таблицы:

Склонение личного местоимения

Падежи	ед. ч.	мн. ч.
Прямой (пассивный)	сэ	тэ
Косвенный (активный)		
Падежеобразные формы:		
Орудная (в данном случае направительная)	сэ-р-клэ	тэ-р-клэ
Превратительная	сэ-р-эу	тэ-р-эу

Исторически личные местоимения возникают в конце аморфной эпохи развития речи и происходят, несомненно, от слов, вполне конкретных по своему содержанию. Можно предполагать, что первоначально первое и второе лица не различаются. Первоначально не различается также единственное и множественное числа. Личное местоимение служит в эту эпоху для обозначения всего человеческого коллектива как субъекта производства в целом. Выделение первого и второго лиц, а также единственного и множественного чисел возникает много позднее. Исторический разбор происхождения современных личных местоимений в адыгейском языке позволяет сделать предположение, что личное местоимение 2 л. ед. числа имеет одинаковое происхождение с основой указательного местоимения «у-р» — „вот тот (видимый)“, которое употребляется в западно-адыгейских диалектах (бжедухском и шапсугском). Личное местоимение первого лица ед. ч. по происхождению стоит, повидимому, в связи со словом «п-сэ» — „одушевленность; жизнь, обладающая произвольным движением“, где первый согласный по происхождению можно рассматривать как префикс.

Указательные местоимения и наречия. Указательные местоимения и наречия выражают различные степени дальности и видимости предмета по отношению к лицам речи. Мы имеем в адыгейском языке три степени дальности и видимости, выражаемые указательными местоимениями:

1. Предмет близкий и видимый.
2. Предмет далекий, но видимый.
3. Предмет невидимый.

Таким образом, адыгейская система указательных местоимений и наречий отличается от системы, принятой в русском языке, так как в русском — как и в других европейских языках — в указательных местоимениях различаются только две степени дальности: 1) предмет близкий и 2) предмет далекий.

Указательные местоимения в предложении могут употребляться как самостоятельно (т. е. в качестве подлежащего, прямого или косвенного дополнения, непосредственно связанного со сказуемым), так и несамостоятельно, т. е. в качестве определения при одном из дополнительных слов.

Самостоятельное употребление указательных:

Мы-р — тхыль.

Это — книга.

Мы-р сэльэгъу.

Это я вижу.

Несамостоятельное употребление указательных:

Мы тхыльы-р сэсый || сэсий.

Эта книга — моя.

Мы унэ-р сэльэгъу.

Этот дом я вижу.

Из этих примеров мы видим, что указательные местоимения в адыгейском языке самостоятельно употребляются только в определенной форме (с суффиксами «-р», «-щ || -й»), а несамостоятельные указательные употребляются в виде одной только основы, присоединяемой к началу того слова, к которому они относятся. Самостоятельные и несамостоятельные адыгейские указательные местоимения можно расположить в виде следующей таблицы:

Указательные местоимения

	Самостоятельные	Несамостоятельные
1. Близкий видимый	мы-р	мы
2. Далекый видимый	мо-р, диал. бжед. шапс.: у-р	мо, диал. бжед. шапс.: у
3. Невидимый	а-р	а

Указательные местоимения в адыгейском изменяются по падежам и числам, т. е. склоняются. Кроме форм склонения, от указательных местоимений образуются также форма наречная с суффиксом «-у», наречная местная с суффиксом «-дэ» и предикатная с суффиксом «(-р)-ы».

Склонение самостоятельных указательных местоимений

Падежи	ед. ч.	мн. ч.
Прямой (пассивный)	а-р	а-хэ-р
Косвенный (активный)	а-щ а-й	а-хэ-мэ
Орудный	а-щы-кIэ	а-хэ-м-кIэ
Превратительный	а-р-эу	а-хэ-р-эу

Все три указательных местоимения склоняются по образцу приведенного «а-р» — „тот, он“. Как мы видим, склонение указательных местоимений отличается от склонения имен по форме косвенного падежа единственного числа. Таким образом, указательные местоимения имеют особый тип склонения.

Указательные несамостоятельные, как и вообще адыгейское определение, не склоняются. Исторически они представляют собою префиксы, присоединяемые к основе определяемого. Однако от других префиксов, употребляемых при именах (например, от притяжательных префиксов), они отличаются тем, что передвигают ударение определяемого с последнего краткого открытого слога основы на предпоследний. При этом сами указательные несамостоятельные считаются входящими в состав основы слова, так как ударение может переходить и на них. При присоединении указательных префиксов определяемые обязательно принимают определенную форму. В современной адыгейской орфографии следует считать указательные префиксы, так же как и все остальные определения, самостоятельными словами и писать их отдельно от определяемого:

пальтò — пальто	мы пальтò-р	— это пальто
щый — черкеска	мэ щые-р	— вот та черкеска
хатэ — огород	а хатэ-р	— тот огород
лы — мясо	мы лы-р	— это мясо
	мò лы-р	— вот то мясо
хьамбàр — амбар	à лы-р	— то мясо
	мы хьамбàры-р	— этот амбар и т. д.

В этих примерах перемещение ударения в результате присоединения указательных префиксов отчетливо видно во всех словах, которые оканчиваются на краткий ударяемый гласный:

хатэ — огород	мо хатэ-р — этот огород
	а хатэ-р — тот огород
лы — мясо	мò лы-р — вот то мясо
мылы-р — лед	мы лыр — это мясо

В последнем примере „это мясо“ отличается от слова „лед“ исключительно по ударению, так как последнее в слове „это мясо“ перешло с единственного открытого слога основы на притяжательный префикс, в слове же „лед“ слог «мы» входит в состав самой основы «мылы», и потому ударение остается на последнем кратком гласном. Разумеется, закон передвижения ударения в сочетаниях слов с указательными префиксами не распространяется на слова, оканчивающиеся на закрытый слог или долгий гласный. В этих случаях ударение сохраняет свое место:

пальтò — пальто	мы пальтòр — это пальто
щый — черкеска	мо щые-р — вот та черкеска и т. д.

Каждое из трех указательных местоимений может быть употреблено в адыгейском языке взамен недостающего личного местоимения третьего лица. Однако в современном литературном языке в этом значении употребляется преимущественно указательное местоимение третьей степени дальности «а-р» — „тот (невидимый)“. В силу такого, все более частого употребления это местоимение все более и более развивает отвлеченное значение „он“ и теряет свойственный ему как указательному оттенок значения невидимости.

Указательные местоимения и наречия:

Степени дальности	Несамостоятельные	Самостоятельные	Предикатная форма	Наречная форма	
				Места	Образа действия
1.	мы	мы-р	мы-ры	мы-дэ	—
2.	мо	мо-р	мо-ры	мо-дэ	мо-у
3.	а	а-р	а-ры	а-дэ	а-у

Из этой таблицы видно, что предикатная форма образуется непосредственно от самостоятельных (определенных) указательных местоимений путем присоединения к ним суффикса «-(р)-ы». Наречные формы образуются от несамостоятельной формы указательных местоимений с помощью суффикса «-у» для образования наречия образа действия и суффикса «-дэ» для образования собственно указательных наречий (т. е. наречий места).

Каждое из приведенных нами наречий может быть переведено по-русски трояко: 1) „здесь, сюда, отсюда“, 2) „вот там, вот туда, вот оттуда“, 3) „там, туда, оттуда“. Различие этих значений, выражающих пребывание (на вопрос: где?), движение (на вопрос: куда?) и исход (на вопрос: откуда?), в адыгейском языке зависит исключительно от значения глагола-сказуемого в том предложении, в котором употреблены эти наречия:

мо-дэ сэ-кю	вот туда я иду
сэ мо-дэ сы-щы-ла-гъ	вот там я был
сэ мо-дэ сы-къ-е-кы	вот оттуда я иду
мы-дэ къэ-гъэ-ы-лъ	здесь положи
мы-дэ къ-и-х	сюда вынеси

Мы-дэ р-и-х-и, мо-дэ ы-хы-гъ
Отсюда он взял и вот туда понес.

Наречие образа действия по-русски можно передать: «мо-у» — „этак, вот так“, «а-у» — „так“. Кроме указанных форм, от указательных местоимений может быть в отдельных случаях образована и превратительная (продуктно-материальная) форма. Эта форма образуется с помощью того же суффикса «-эу», что и наречие образа действия. Однако присоединяется этот суффикс к определенной (самостоятельной) форме указательных местоимений. Эта форма употребляется в связи с глаголом «щыт» — „находишь, будь где-либо“ и образуется лишь от указательных первой и третьей степени дальности. Однако в соединении с этим глаголом наречная и продуктно-материальная формы сливаются с ним в одно слово и образуют ряд сложных указательных наречий:

Сложные указательные наречия

Отдельные слова	Слившиеся слова
1. мырэу щытэу	мырэуштэу мырэштэу
2. морэу щытэу	морэуштэу морэштэу
3. арэу щытэу	арэуштэу арэштэу

Приведенные слившиеся указательные наречия имеют то же значение, что и простые 1) „этак; так, как этот“, 2) „вот так; так, как вот тот“, 3) „так; так, как тот (невидимый); так, как он“.

Указательные местоимения первой и второй степени дальности, очевидно, происходят от одного и того же корня «мы||мэ». В местоимении второй степени гласный «о», надо думать, появился в результате слияния из *«мэ-у-р» (ср. диал. «у-р» — „вот тот“). Некоторые примеры заставляют предположить, что этот указательный префикс мог иметь первоначально в качестве первого согласного не только «м», но и «н», например, он безусловно входит в состав сейчас уже слившихся наречий времени: «ны-чэ-пэ» — „этой ночью“, «н-е-пэ» (кабардинское «н-о-бэ ← *ны-о-бэ») — „сегодня, «мыпчыхьэ || ныпчыхьэ» — „этим вечером“.

Таким образом, указательный префикс первой и второй степени можно связать по происхождению с глагольным префиксом «нэ-||ны» — „туда, в сторону от первого лица“, глагольным корнем «нэ» — „застрей, оставайся, будь покинутым“ и, наконец, со словом «нэ» — „отверстие в насадке орудия; глаз“, которое лежит в основе всего этого развития. Указательный префикс третьей степени дальности, очевидно, одного происхождения с префиксом третьего лица множ. числа продуктивного субъекта и косвенного (дательного) дополнения в глаголах: «а-» — „они“, «я-» — „им“.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Притяжательные местоимения выражают принадлежность предмета одному из лиц речи.

Притяжательные и указательные местоимения употребляются в адыгейском языке как самостоятельно — в виде отдельных слов, так и несамостоятельно — в виде префиксов при других словах. В адыгейском языке имеются две разновидности притяжательных префиксов, которые применяются в зависимости от различия в характере принадлежности. Назовем первый вид притяжательных — префиксами неотчуждаемой, или органической, принадлежности. К этому виду принадлежности в адыгейском языке относится принадлежность членов и органов тела — всему организму, частей предмета — целому предмету, а также некоторые отношения родства и некоторые пространственные и временные отношения (начало, конец, верх, низ и др.). Второй вид принадлежности выражает принадлежность предметов собственности — их владельцу. Назовем второй вид принадлежности — префиксами отчуждаемой, или имущественной, принадлежности. Для современного состояния адыгейского языка термины „органическая“ и „имущественная“ принадлежность подходят более всего.

Если сравнить притяжательные префиксы органической принадлежности с префиксами имущественной принадлежности, то мы увидим, что и те, и другие образуются от корней соответствующих личных местоимений. Так, органические притяжательные представляют собою или один корневой согласный соответствующего личного местоимения, или целый слог, в котором гласный «э» личного местоимения заменяется гласным «ы». Назовем эти две разновидности органических притяжательных кратким (без гласного) и полным (с гласным) видом этих префиксов. Притяжательные префиксы имущественной принадлежности образуются от личных местоимений путем замены гласного «э» личных местоимений долгим гласным «и».

Таким образом, если принадлежность данного определяемого слова связанному с ним определению выражает реальную принадлежность членов и органов тела — всему телу, неотъемлемых частей предмета — всему предмету, а также связей кровного родства одного из членов этого родства по отношению к другому, то в таких случаях употребляются префиксы органической принадлежности. При этом употребление полной и краткой их формы в современном литературном языке не зависит от значения

слов. Полная форма употребляется исключительно перед именными основами, начинающимися на звонкий согласный, хотя в диалектах бжедужском и шапсугском в этом случае может быть параллельно употреблена и краткая форма. Краткая форма органических префиксов употребляется перед всеми остальными согласными. Из следующих примеров мы видим, какова разница в употреблении того и другого вида притяжательных префиксов:

лы	сы-лы з-лы	си-лы
мясо, тело	мое тело (органическая принадлежность)	мое мясо, т. е. мясо в значении мясного продукта (имущественная принадлежность)
блэ	сы-блэ з-блэ	си-блэ
предплечье; змея	мое предплечье	моя змея
шы	с-шы чьы (см. стр. 430)	си-шы
лошадь; брат	мой брат	моя лошадь

Из этой таблицы мы видим, что неотъемлемые притяжательные в краткой форме подвергаются звуковым изменениям в зависимости от качества первого согласного основы. Те из них, которые состоят из одного согласного, перед глухими произносятся, как глухие, перед звонкими — как звонкие, и перед надгортанными — как надгортанные (за исключением префиксов «с» и «шьу»):¹

ед. ч.	мн. ч.
1-е л. с-пэ — мой нос, з-лы сы-лы — мое тело, с-лэ — моя ступня, с-лэ — моя рука;	т-пэ — наш нос, д-лы ты-лы — наше тело, т-лэ — наша ступня, т-лэ — наша рука;
2-е л. у-пэ п-пэ — твой нос, п-лэ — твоя ступня, б-лы у-лы — твое тело, п-лэ — твоя рука.	шьу-пэ — ваш нос, жьу-лы шьу-лы — ваше тело, шьу-лэ — ваша ступня, шьу-лэ (шьу-лэ) — ваша рука.

Притяжательные органической принадлежности в полной форме, так же как и притяжательные имущественной принадлежности, никаким фонетическим изменениям не подвергаются. Кроме несамостоятельных притяжательных местоимений (префиксов), в адыгейском языке существуют также самостоятельные притяжательные местоимения, употребляемые как отдельные слова; самостоятельные притяжательные образуются также от личных местоимений путем удвоения местоименного корня и присоединения к нему суффикса «-й(э)».

Вся система образования притяжательных местоимений в адыгейском языке может быть представлена в следующем виде:

Личные и притяжательные местоимения

Личные местоимения	Притяжательные несамостоятельные		Имущественной принадлежности	Самостоятельные
	Органической принадлежности			
	Полный вид	Краткий вид		
1. сэ	сы-	с- з-	си-	сэ-сы-й
2. о	у-	п- б- п-	уи-	о-у-й
3. [е-]	ы-	ы-	и-	и-й
1. тэ	ты-	т- д- т-	ти-	тэ-ты-й
2. шьо	шьу-	шьу- жьу-	шьуи-	шьо-шьу-й
3. [я-, а-]	а-	а-	я-	я-й

¹ Хотя в живых народных говорах нередко слышится и произношение «шьу»: «шьу-лэ» — «ваши руки»; «у» обозначает здесь и ниже слоговое краткое «у(-ум)».

Исторически следует рассматривать притяжательные имущественной принадлежности как позднейшие, вторично образованные от притяжательных органической принадлежности. Огласовка первых по законам адыгейской фонетики представляет собою результат слияния двух смежных кратких гласных «ы + ы», разделенных согласным (полугласным) «й». Следовательно, каждый из притяжательных префиксов имущественной принадлежности образовался из соответственного префикса органической принадлежности путем прибавления к нему префикса третьего лица ед. ч. имущественной принадлежности «и» — „его“:

Образование префиксов имущественной принадлежности

Лица:	Единственное число			
	си-	=	сы-	+ и-
1. мой (имущественное)	=	мой (органическое)	+	его (имущественное)
	уй-	=	у-	+ и-
2. твой (имущественное)	=	твой (органическое)	+	его (имущественное)
	и-	=	и-	+ ы-
3. его (имущественное)	=	его (имущественное)	+	его (органическое)

Множественное число

	ти-	=	ты-	+ и-
1. наш (имущественное)	=	наш (органическое)	+	его (имущественное)
	шъуи-	=	шъу-	+ и-
2. ваш (имущественное)	=	ваш (органическое)	+	его (имущественное)
	я-	=	и-	+ а-
3. их (имущественное)	=	его (имущественное)	+	их (органическое)

Таким образом, в первом и втором лицах обоих чисел имущественные притяжательные префиксы представляют собою результат слияния «сы + и» — „мой-его“, «у + и» — „твой-его“, «ты + и» — „наш-его“ и т. д. В третьих лицах существует иная разница между выражением органической и имущественной принадлежности. Однако и здесь видно, что префиксы имущественной принадлежности представляют собою лишь дальнейшее видоизменение префиксов органической принадлежности: к префиксам органической принадлежности присоединяется впереди согласный (полугласный) «й», представляющий собою, повидимому, фонетическое стяжение (сокращение) префикса имущественной принадлежности 3 л. ед. ч. «и» перед последующим гласным (ср. «я-н» из: *«и-а-н» — „его мать“, «я-т» из: *«и-а-т» — „его отец“, где „а“ — древний притяжат. префикс).

Такого же позднейшего вторичного происхождения и самостоятельные притяжательные местоимения. Они также образуются от корней личных местоимений и соответственных префиксов органической принадлежности с присоединением к ним в виде суффикса не сохранившегося в адыгейском в самостоятельном виде местоимения 3 л. ед. ч. «[-е]». Образование самостоятельных притяжательных местоимений можно видеть из следующей таблицы:

Образование самостоятельных притяжательных

Лица:	Единственное число			
1. сэ-сы-й	=	сэ	+ сы	+ е
мой (самостоятельное)	=	я	+ мой (органическое)	+ он
2. о-у-й	=	о	+ у	+ е
твой (самостоятельное)	=	ты	+ твой (органическое)	+ он
3. и-й	=	и	+ е	+ е
его (самостоятельное)	=	его (имущественное)	+ он	

1.	тэ-ты-й	= тэ + ты	+ е
наш (самостоятельное)	= мы + наш (органическое)	+ он	
2.	шъо-шъу-й	= шъо + шъу	+ е
ваш (самостоятельное)	= вы + ваш (органическое)	+ он	
3.	я-й	= я	+ е
их (самостоятельное)	= их (имущественное)	+ он	

Таким образом, в первых двух лицах и самостоятельные притяжательные по своему происхождению представляют собою сложные образования: сэ-сы-й — „я-мой-он“, о-у-й — „ты-твой-он“, тэ-ты-й — „мы-наш-он“ и т. д. Как мы видим, и при образовании самостоятельных притяжательных третьи лица образованы несколько иначе, чем первые два. В них отсутствует присоединение притяжательного префикса третьего лица неотчуждаемой принадлежности, который в адыгейском языке состоит из одного гласного.

Рассмотрим подробнее, с какими именно словами-понятиями употребляются в современном адыгейском языке притяжательные префиксы органической и имущественной принадлежности. Если обозначается принадлежность частей или членов тела — всему телу, отдельных органов — всему организму, то в таких случаях эта принадлежность выражается исключительно префиксами органической принадлежности:

с-Іэ — моя рука	п-шъхъэ — твоя голова	ы-кІыб — его спина
с-шъхъэцы — мои волосы	у-пкы п-пкы — твои кости	ы-н — его глаз
с-фэ-хэ-р — мои сухожилия	п-чэ — твоя селезенка	ы-лъ — его кровь и т. д.

О фонетическом уподоблении местоименных префиксов краткого вида органической принадлежности последующим начальным согласным корня см. выше (стр. 293) и Фонетику (стр. 430).

Теми же префиксами органической принадлежности обозначается также принадлежность частей предмета (вещи) — целому предмету (вещи):

ы-шъхъ — его крыша	ы-дэпкъ — его стена	ы-шъхъ — его верх, верхушка
а-лъакъохэр — их ножки	а-Іапшъэхэр — их рукотки	ы-ц — его лезвие
ы-нэпкъ — его берег (обрывистый)	ы-чІ — его дно	ы-Іу — его отверстие и т. д.
ы-Іушъу — его берег (отлогий)		

Таким образом, по содержанию мы видим полное совпадение в выражении отношений частей предметов (вещей) и частей организма — к целому. Сами названия частей предметов во многих случаях передаются теми же словами, что и названия частей и членов тела: цэ — „лезвие; зуб“, Іу — „отверстие; рот“, шъхъэ — „насадка орудия; голова; крыша; верхушка; верх“, лъакъо — „нога; ножка“ и т. д.

Из отвлеченных понятий очень немногие употребляются с префиксами органической принадлежности, именно — только те, которые происходят непосредственно от названий частей тела:

ышъу — его цвет, его (внешний) вид; его кожа	
сы-нэшІу си-нэшІу	ы-най
моя доброта, моя милость	его злоба, его гнев

Слова-понятия: нэ-шыу — „доброта, милость“, на-е — „злоба, злость; трахома“ образуются от названия одного из органов: нэ — „глаз“ и буквально обозначают: первое — „хороший глаз“, а второе — „дурной глаз“. Естественно поэтому, что такие слова-понятия в адыгейском языке могут употребляться с префиксами органической принадлежности.

Следует отметить, что слово «цлэ-» — „имя“ принимает префиксы исключительно органической принадлежности: «ыцл» — „его имя“, «ылэкьюацл» — „его фамилия“ (буквально: „его рода имя“).

Слова, выражающие отвлеченные пространственные и временные отношения, в большинстве случаев образовались в адыгейском языке также от названий частей орудия и членов тела человека или животного. Поэтому если обозначается отношение этих пространственных и временных понятий к чему-либо, то это отношение выражается также притяжательными префиксами органической принадлежности:

пэ острие (орудия, оружия) нос начало	ы-п его нос	ы-п его (времени) начало, его (пространства) начало, его (пространства) перед
клэ диал. бжед. шапс. ручка (орудия) хвост, конец	ы-кл его хвост	ы-кл его (времени) конец, его (пространства) конец, его (пространства) зад, его (пространства) низ
шъхъэ насадка (орудия) голова, крыша, верх	ы-шъхъ его (человека) голова его (дома) крыша	ы-шъхъ его (пространства) верх а-шъхъ их глава, их главарь
бгъу бок, сторона	ы-бгъу его бок	ы-бгъу его (пространства) сторона, его (предмета) сторона
ку сердцевина, середина, центр	ы-ку его сердцевина	ы-ку его (пространства) сере- дина его центр
плэ чла-плэ место	ы-напл его веко но: и-пл его постель	ы-пл ы-члапл его место
но: гъо время, пора		и-гъу и-гъо его время, его пора и т. д.

От слов-пространственных отношений в адыгейском языке образуются слова, соответствующие русским предлогам, которые в адыгейском языке мы называем послелогоми. В том случае, если эти послелогии представляют собою отдельно оформленное слово, их связь с предшествующим словом, к которому они относятся, выражается также притяжательными органической принадлежности (перечень послелогов см. ниже в разделе имен, стр. 396):

бгъу бок	ы-бгъу сбоку его
дэй дэжь пространство рядом	ы-дэжь ы-дэй возле него, рядом с ним

чІэгъ	ы-чІэгъ
низ	под ним
гу	а-гу
сердце	в середине их, среди них
кІыб	а-кІыб
спина	сзади них, за ними
пшъэ	ы-пшъэ
шея	в его верхней части
кЪогъу	ы-кЪогъу
угол	за его углом, за ним
шъхъэ-кІэ	ы-шъхъэкІэ
из-за него, ради него	лично он сам
(буквально: головою)	(буквально: его головою)
	и т. д.

Наконец, с притяжательными органической принадлежности употребляются также названия родства. Именно, если обозначается отношение родства одного человека к другому человеку, то притяжательные префиксы, которые ставятся перед основным словом в сочетании (определяемым-дополняемым), выражаются префиксами органической принадлежности. Однако такой способ выражения родственных отношений имеет место не во всех случаях. Часть родственных отношений выражается в современном адыгейском языке префиксами имущественной принадлежности. Если рассмотреть исторически ту и другую категорию родственных отношений, можно прийти к выводу, что первоначально префиксами органической принадлежности обозначались исключительно отношения древнего родства, тогда как отношения родства патриархального (напр., некоторые семейные отношения, отношения свойства, т.е. отношения родственников жены к родственникам мужа, жены к мужу и обратно), а также иные отношения людей друг к другу выражались префиксами имущественной принадлежности. В настоящее время эта система выражения отношений родства в адыгейском языке несколько нарушилась, но в общем различие между тем и другим видом родства сохраняется. Так, те термины родства, которые происходят от возрастных обозначений и которые поэтому могут быть употреблены не только родственниками, но и другими лицами, например, жителями одного села друг по отношению к другу, выражаются префиксами имущественной принадлежности:

кІалэ	си-кІалэ	и-кІалэ
молодой (вообще), мальчик, сын	мой мальчик (вообще), мой сын	его мальчик (вообще), его сын
пшъашъэ	си-пшъашъэ	и-пшъашъэ
девушка, дочь	моя девушка (вообще), моя дочь	его девушка (вообще), его дочь
шъао	си-шъао	и-шъау
ребенок мужского пола (вообще), сын	мой ребенок (вообще), мое дитя, мой сын	его ребенок (вообще), его дитя, его сын

Слова „мальчик, сын“, „девушка, дочь“, „ребенок, сын, дитя“ являются не только обозначениями кровного родства, но и обозначениями возрастных отношений вообще. Например, каждый старик (в особенности

житель одного и того же аула) может так назвать любого мальчика, девушку и ребенка.

По этой же форме, т. е. с помощью префиксов имущественной принадлежности, обозначаются, как это ни странно на первый взгляд, и отношения детей к своим родителям, а также к дедам и бабкам по прямой линии:

ны, ан мать	сян (вм. *си-ан) моя мать	ян (вм. *и-ан) его мать
ты, ат отец	сят (вм. *си-ат) мой отец	ят (вм. *и-ат) его отец
анэжь бабка	сянэжь моя бабушка	янэжь его бабушка
атэжь дед (родной)	сятэжь мой дедушка	ятэжь его дедушка

Это странное явление объясняется, повидимому, тем, что в условиях разложения родового строя (патриархальная моногамная семья) и возникновения рабства и феодализма в адыгейском обществе семейные отношения уже приравнивались к имущественным отношениям, семейная связь представлялась и выражалась в форме частно-собственнических отношений (см. стр. 303—304).

Той же формой имущественных префиксов выражаются в современном адыгейском также все отношения свойства, соседства и пр.

нысэ сноха	си-нысэ моя сноха	и-ныс его сноха
гуащэ свекровь	си-гуащэ моя свекровь	и-гуащ ее свекровь
шлупц тесть, брат жены	си-шлупц мой тесть, брат моей жены	и-шлупц его тесть, брат его жены
шлугуащэ теща	си-шлугуащэ моя теща	и-шлугуащ его теща
махъульэ малъхъо зять	си-малъхъо мой зять	и-малъхъу его зять
анэш Родственники с ма- теринской стороны	сянэш (*си-анэш) мои родственники с мате- ринской стороны	янэш (*и-анэш) его родственники с материнской стороны
атэш родственники с отцов- ской стороны	сятэш (*си-атэш) мои родственники с отцов- ской стороны	ятэш (*и-атэш) его родственники с отцовской стороны
шъуз жена, замужняя жен- щина (вообще)	си-шъуз моя жена	и-шъуз его жена
лы муж, мужчина (вообще)	си-лы мой муж	и-лы ее муж

Наоборот, те названия родства, которые выражали некогда только древнейшее родство по крови, употребляются и сейчас или исключительно, или преимущественно с префиксами органической принадлежности. В них мы имеем пережитки кровно-родственных отношений и представлений периода расцвета первобытной общины:

пхъу	с-пхъу	ы-пхъу
дочь	моя дочь	его, ее дочь
къо	с-къо	ы-къу
сын	мой сын	его, ее сын
шы	с-шы чъы	ы-ш
брат (родной)	мой брат	его, ее брат
шыпхъу	с-шыпхъу чъыпхъу	ы-шыпхъу
сестра	моя сестра	его, ее сестра
къош	с-къош	ы-къош
брат (первоначально— фамильный)	мой брат	его, ее брат

Во всех остальных случаях, кроме здесь перечисленных, в адыгейском языке употребляются исключительно притяжательные префиксы имущественной принадлежности.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Наличие двух видов притяжательных префиксов — органической и имущественной принадлежности представляет собою в адыгейском языке замечательный остаток старины, — архаизм, который пока обнаружен лишь в одном этом языке из всех яфетических языков Кавказа. Однако подобное же грамматическое явление — наличие двух способов выражения принадлежности — засвидетельствовано в Советском Союзе также в языках тунгусской группы — ламутском и негидальском. Следы его замечены мною и в марийском языке.¹ Кроме того, это же явление наблюдается во всех меланезийских языках, в некоторых языках Цен-

¹ В ламутском (эвенском) языке Богораз отмечает наличие двух форм притяжательных суффиксов: в более простой форме и в более сложной (с добавлением задне-небного „нъ“ перед ними). Например, „мой“ в первой форме звучит, как суффикс «-у» или «-бу», а во второй форме — как суффикс «-нъу» (во всех нижеприводимых примерах в тунгусских языках оформляется притяжательными аффиксами определяемое слово, а не определение). „По первому способу, — пишет автор, — образуются притяжательные формы слов, обозначающие степени родства, части человеческого тела и, далее, предметы личного употребления: обувь, одежду, оружие, также жилище, скот и т. д. По второму способу образуются притяжательные формы тех предметов, владение которыми имеет более отдаленный характер, напр.: объекты охоты и других промыслов, предметы торговли и т. д.“ (Богораз В. Г., „Материалы по ламутскому языку“, Тунгусский сборник, вып. I, Л., 1931, стр. 10—11).

По первому способу, т. е. по способу неотчуждаемой принадлежности, образуются притяжательные формы в таких, например, случаях, как: „мой деа“, „моя нога“, „мой седловой олень“, „мой топор“, „моя одежда“, „моя (травяная) стелька“, „моя дрова“; а по второму (имущественная принадлежность) — в следующих примерах: „моя трава“, „мое бревно“ и др. Таким образом, трава, положенная в виде стельки в обувь, и трава на корню относятся к различным формам принадлежности — первая к неотчуждаемой, а вторая к отчуждаемой. Что касается такого случая, как различие между словами-понятиями „дрова“ и „бревно“, то некоторый свет на этот вопрос проливает то различие в грамматических классах, которое эти слова имеют в чеченском языке. Чеченское «дечиг» — „дрова“ или „древесина“ требует в глаголе классных префиксов «д, д», а то же слово с классными показателями «й, й» в глаголе обозначает кусок дерева неопределенного назначения; необделанное бревно: дерево, срубленное, но не превращенное в готовый продукт, или дерево на корню. Исторически первоначальная разница между грамматическими классами «д, д» и «й, й» заключалась в том, что первый класс показывал в основном обработанный материал, а второй — природу, неосвоенную еще человеком, независимо от человека существующую природу. Поэтому, например, все машины или приспособления, рассматриваемые чеченцами как машины, требуют класса «й, й», ибо для мышления чеченцев они вначале представлялись наделенными чудодейственной внутренней силой. Таким образом, и в ламутском языке дрова, приготовленные для личного потребления, относятся к неотчуждаемой принадлежности, бревно же, понимаемое, очевидно, как неготовый продукт или как предмет труда, относится к отчуждаемой принадлежности. Для более точного определения реальной основы этого грамматического различия у цитируемого автора данных, к сожалению, нет.

В негидальском языке, близком к тунгусскому (эвенкийскому), обнаружено существование тех же двух способов образования притяжательных суффиксов: „Присоеди-

тральной Африки (суданских) и во многих языках индейцев Северной Америки (прибрежных северо-западных племен).¹ Частично оно было исследовано французским этнографом и социологом Леви-Брюлем.² Он нашел, что в меланезийских языках притяжательные префиксы, которые соответствуют адыгейским префиксам органической принадлежности, употребляются по отношению к тем предметам, которые рассматриваются как неотъемлемая, неотчуждаемая собственность данного человека, рассматриваются как бы физически принадлежащими его телу, являющимися, как бы продолжением его собственного „я“. Сюда в общем относятся: орудия его труда, его охотничье оружие, одежда, которую

няются к именам притяжательные аффиксы двояким образом: или с помощью суффикса «-нъ» [„н“ задненебное. Н. Я.] или без него.

„В том случае, если объект является частью субъекта, или если связь между ними носит как бы органический характер, или если название субъекта стало нарицательным для объекта, как, напр., в названиях местности, рек и пр., — притяжательные аффиксы присоединяются без суффикса «-нъ-».

„Если же обладание предметом носит более отдаленный или временный характер, или если оно понимается в переносном смысле, как, напр., в сказках... — притяжательные аффиксы присоединяются с помощью суффикса «-нъ-» (Мыльникова и Цинциус, „Материалы по исследованию негидальского языка“, там же, стр. 148—149). Здесь авторы, хотя и неточно, говорят в общем о том же явлении, что и Богораз в отношении ламутского языка, и приводят следующие примеры: по первому способу (неотчуждаемая принадлежность) образуются притяжательные формы в следующих примерах: „череп человека (а не животного)“, „Гуркина протока (название)“, „мой домашний олень (т. е. олень, принадлежащий мне)“, „его жена“, но в примерах: „тот ее череп (т. е. тот череп, который у нее был) потерялся“, „его протока (т. е. протока, где он, напр., ловил рыбу)“, „мой сохатый (т. е. сохатый, которого я убил)“, „его шаман“ — притяжательные формы образованы по второму способу.

Нам известен пока еще только один случай существования в языках народов СССР пережитка первой формы притяжательных, т. е. притяжательных неотчуждаемой принадлежности, — случай, который мы лично наблюдали в горномарийском языке. Здесь сохранилось лишь воспоминание о существовавшей некогда особой форме притяжательных неотчуждаемой принадлежности только в отношении названий семейного родства в первых двух лицах ед. ч., где параллельно употребляются два вида притяжательных суффиксов — один, более простой и очевидно более древний, состоящий из одного согласного, и другой, более сложный и новый, состоящий из „гласного + согласный“, тогда как на все остальные случаи выражения принадлежности распространялась одна эта вторая форма суффиксов, например: ава — „мать“, ава-м || ава-эм — „моя мать“, ава-ц || ава-эт — „твоя мать“. Таким образом, в притяжательных суффиксах „-м“, „-ц“ нельзя не видеть остатка некогда существовавшей и в марийском языке формы неотчуждаемой принадлежности, которая сейчас превратилась в нем лишь в форму родственной принадлежности. Интересно отметить, что не сохранившаяся при иленах, за указанным исключением, эта форма принадлежности употребляется в марийском лишь в качестве личных суффиксов одного из прошедших времен (очевидно-прошедшего времени).

¹ По материалам, опубликованным Боасом (F. Boas, „Handbook of American Indian Languages“, Washington, р. I, 1911, р. II, 1922), два или несколько грамматических видов принадлежности существуют в следующих американо-индейских языках на северо-западном побережье Америки и к западу от р. Миссисипи: хайда (на острове Королевы Шарлотты и побережье Аляски; ср. Боас, I, стр. 257—260), тлингитском или колошском (на юго-восточном побережье Аляски; ср. Боас, I, стр. 169—170), цимшиан (в северной Британской Колумбии по рекам Насс-ривер и Скина-ривер; ср. Боас, I, стр. 392—393), в языке такелма (в юго-западной части штата Орегон по среднему течению реки Рог-ривер; ср. Боас, II, стр. 231—240) и, кроме того, следы аналогичных видов притяжательности имеются и в языке индейцев Вайот (Wiyot — один из остатков южных оregonских племен, живших у Гумбольдтова залива и по нижнему течению рек Мад-ривер и Ил-ривер; ср. Gl. Reichard, „Wiyot grammar and texts“, University of California press, Berkeley, California; 1925, стр. 89—93), а также в языке сиу или дакота (живущих к западу от Миссисипи в южных штатах США, в диалекте тетон; ср. Боас, I, стр. 946—947). Наконец, к востоку от р. Миссисипи мы находим те же явления в алгонкинском языке (из восточной группы алгонкии, обитавших первоначально к югу от Великих озер, в диалекте фокс; ср. Боас, I, стр. 851—854). Свообразные притяжательные классы мы находим также в атабаскском (диалект хупа, распространенный на побережье Тихого океана по нижнему течению Тринити-ривер; ср. Боас, I, стр. 148).

² L. Lévy-Bruhl. L'expression de la possession, dans les langues mélanésiennes, „Mémoires de la société de linguistique de Paris“, т. XIX, Fas. 2, Paris, 1914. Исследование того же вопроса в американо-индейских языках см.: С. Uhlenbeck. Het identificeerend karakter der possessieve flexie in talen van Noord-America. Verslagen en mededeelingen der Kon. Akademie van wetenschappen. Amsterdam, ч. V, d. 2, 1917, ср. Кацвальсон. К генезису номинативного предложения, Л., 1936, стр. 72, 74 и сл.

он носит, остатки его пищи и питья. По воззрениям меланезийцев, предметы этой категории никогда не должны попадать в руки другого лица. Со смертью их владельца они должны быть погребены вместе с ним. Эти же воззрения распространяются и на различные выделения и отбросы тела (обрезки волос и ногтей, испражнения и т. д.). Наоборот, все остальные предметы, которые можно дарить, обменивать и продавать другому лицу, употребляются в меланезийских языках с теми притяжательными префиксами, которые соответствуют префиксам имущественной принадлежности в адыгейском. Леви-Брюль, однако, не дает подлинного исторического объяснения этому явлению, а лишь указывает на его большой интерес.¹

Итак, из всего материала, который имеется в нашем распоряжении по вопросу о существовании двух грамматических форм принадлежности во многих языках при первобытно-общинном строе, мы можем сделать следующие выводы. Очень рано, еще на высшей ступени дикости,² появляются в языке эти формы и соответствующие им обычаи на основе развития в реальной жизни того времени двух форм собственности — собственности общей (и личной), которая была неотчуждаемой, неотъемлемой собственностью всего общества (или отдельного его члена) и собственности личной (и общей), которая уже стала служить предметом хотя бы зачаточного обмена, т. е. сделалась в той или иной форме отчуждаемой собственностью. Обмен, сначала случайный, возник тоже очень рано, еще в неолите.³ На низшей ступени варварства — „Разделение труда — чисто естественного происхождения; оно существует только между полами... Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина — собственник оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах для нескольких, часто для многих семей. То, что делается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка“.⁴ Несомненно, что такое естественное разделение труда существовало и в более раннюю эпоху. На принципе естественного полового отбора и на естественном разделении труда основаны так называемые тотемные поло-возрастные классы у полинезийцев, австралийцев и некоторых других народов,⁵ т. е. группы сверстников различного (иногда обоего) пола, между которыми брак был разрешен, и группы таких же сверстников, между которыми он был запрещен.⁶ Естественное разделение труда и возникшие в ту же эпоху брачные поло-возрастные подразделения внутри общества должны были отразиться и в языке зарождением личных местоимений сначала множественного, а затем и единственного числа, а тем самым и различных притяжательных форм этих личных местоимений. Естественное разделение труда предполагает и естественный обмен продуктами труда (распределение их) между мужчиной и женщиной. Но уже здесь ряд мелких ручных орудий и средств производства, находящихся в постоянном личном пользовании отдельных членов первобытной общины, начи-

¹ Подробнее см. в приложении в конце книги, стр. 454.

² См. Энгельс. Происхождение семьи..., Маркс — Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, М., 1937, стр. 10.

³ См. там же, стр. 136.

⁴ *Иб.*, стр. 135. Энгельс приводит в пример хозяйства, в особенности встречающиеся на северо-западном побережье Америки: „У [племени] хайда на острове королевы Шарлотты встречаются под одной крышей хозяйства, охватывающие до 700 человек. У нутка под одной крышей жили целые племена“ (*иб.*, стр. 135, сноски). Последние остатки таких больших хозяйств существовали до Великой Октябрьской социалистической революции и на Кавказе. Так, на памяти стариков в Кабарде кое-где еще сохранялись большие крестьянские неразделенные хозяйства — «унагъо ин», — насчитывавшие несколько десятков душ сочленов обоего пола и работавшие под руководством старейшего по летам — «тхъмадъ» — «старейшины, хозяина».

⁵ Энгельс. *Иб.*, стр. 23 и сл.: семья „луналуа“; об австралийцах — см. *иб.*, стр. 27 и сл.

⁶ См. Л. Г. Морган. Древнее общество, Л., 1934, стр. 30 и сл.

нает выпадать из этой естественной зачаточной формы обмена. Таким образом, при первобытно-общинном строе на ряду с общей собственностью на средства производства появляется и личная собственность на некоторые орудия, служившие вместе с тем и оружием для самозащиты.¹ Каменный топор, копье, лук, — как только эти орудия производства стали производиться хотя и в минимальном, но уже доступном для каждого члена общества количестве, — они естественно должны были изготовляться каждым лично для себя с учетом его индивидуальной силы, сноровки и т. д., чтобы быть ему, что называется, по руке, — по силам, по его привычке к труду, наконец, по его вкусу. Точно так же одежда, нательные украшения и т. п. делались по росту и с учетом общественного положения тех, кто их носит. Отсюда и возникает тот крайне ограниченный по своим размерам вид собственности, основанный на личном труде, который выделяется из общей собственности и зарождается уже при древнейшем строе производственных отношений.² Префиксы неотчуждаемой принадлежности, сохранившиеся во многих языках в различных частях земного шара, и служат в языке отражением как этого рода собственности, так и общей собственности в их неотчуждаемой форме. Эти префиксы в подавляющем большинстве случаев древнее, чем префиксы имущественной принадлежности (т. е. собственности, возникшей на основе разделения труда и обмена), которые вторично образуются от первых. Следовательно, и по данным языка личная собственность возникает задолго до появления частной собственности.

Позднее с развитием общественного разделения труда и обмена и появлением начатков эксплуатации и частной собственности общая (и личная) собственность как неотчуждаемая, не подлежащая обмену, противопоставляется иному роду собственности — личной (и общей) собственности на продукты для обмена. В это время и появляются в языке две категории притяжательных — неотчуждаемой собственности, с одной стороны, и имущественной (т. е. предназначенной для обмена или полученной путем обмена) собственности — с другой. Частная собственность вступает в противоречие с более древними — общей и личной собственностью (время параллельного существования в языке двух категорий притяжательных — неотчуждаемой и имущественной принадлежности). Из языков Советского Союза следы этой стадии развития мы находим в ламутском и негидальском языках.

Поэтому целый ряд магических представлений, обрядов и обычаев охранял в этот момент интересы непосредственного производителя от экспроприации средств производства, от лишения его необходимейших в процессе труда орудий, одежды, предметов питания и т. д. Предметы, входившие в эту категорию, считались так же тесно связанными с личностью производителя, как члены его собственного тела. Лишение их рассматривалось как нанесение физического вреда самому человеку, их собственнику.

На ряду с этим объекты уже возникшего обмена мыслились иначе принадлежащими человеку. В них продукт труда уже отделился, обособился от своего производителя. Эти предметы могли легко переходить из рук в руки. Поэтому для выражения этого вида собственности — собственности как бы временной, случайной, тесно с производителем не связанной, т. е. бывшей древнейшим зачатком того, что позднее приняло форму частной собственности, и в языке появились особые притяжательные префиксы — префиксы имущественной принадлежности. Во всех языках, в том числе и в адыгейском, позднейшее происхождение этого рода собственности выражается в том, что и префиксы для ее обозна-

¹ Ср. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы Ленинизма, М., 1939, стр. 555.

² Об ограниченности размеров личной собственности у папуасов см. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, М., 1923, стр. 234, 252, 357 и др.

чения имеют вторичный, производный характер. По своему составу они явно происходят от первых.

Еще позже, по мере развития разделения труда и расширения обмена, частная собственность поглощает в первую очередь личную, и в языке притяжательные частицы неотчуждаемой принадлежности перестают употребляться по отношению к названиям каких-либо предметов (орудий, одежды и т. д.), но еще долгое время сохраняются в отношении к названиям членов тела, наименованиям частей по отношению к целому и обозначениям родства. На этой стадии своего развития — стадии существования принадлежности органической (как бы физической), с одной стороны, и имущественной (частно-собственнической) — с другой, мы и застаем адыгейский язык. Марийский язык сохраняет нам это языковое явление на грани полного исчезновения и показывает, что частицы органической принадлежности исчезают последними по времени именно в названиях родства.

Важно отметить, что в первый момент появления начатков частной собственности они еще мыслились под формой лично-собственнических отношений. На это указывает, между прочим, приводимый К. Марксом интереснейший обряд присвоения вымененного предмета, существующий у эскимосов: «Капитан Парри рассказывает о жителях западного берега Баффинова залива: „В этом случае (при обмене продуктами)... они лижут ее (вещь, предложенную им для обмена) два раза, после чего, повидимому, считают сделку формально заключенной к их удовольствию“. У восточных эскимосов покупатель также всегда облизывал вещь при получении ее. Если на севере язык является, таким образом, органом присвоения, то нет ничего удивительного, что на юге живот считается органом накопления имущества; так, напр., кафр оценивает богатого человека по толщине его брюха...»¹ Таким образом, чтобы стать личным собственником вымененного предмета, эскимос должен уподобить его пище, которую он начал есть (остатки пищи — неотчуждаемая принадлежность!). Этот акт равнозначен для члена первобытной общины формальному, юридическому вводу во владение в классовом обществе.

Наоборот, в дальнейшем в классовом обществе, когда частная собственность становится господствующим видом собственности, и в языке это отражается в том, что в эту эпоху единственными притяжательными местоимениями (префиксами или самостоятельными словами) становятся те, которые раньше служили лишь для выражения имущественной принадлежности. Такое явление мы и находим на Кавказе в языке, близком адыгейскому, — кабардинском. Кабардинское общество пошло в своем классовом развитии, в развитии феодализма, дальше адыгейского. И в кабардинском языке сохраняется уже только один вид притяжательных префиксов, именно тот, который соответствует адыгейским префиксам имущественной принадлежности. В кабардинском обществе, как более развитом классовом обществе, даже физическая принадлежность частей человеческого тела и его органов самому организму уже рассматривается как в сознании, так и в языке только под формой частно-собственнических отношений.² Такое же единственное грамматическое выражение принадлежности

¹ Маркс. Капитал, Маркс — Энгельс, Соч., т. XVII, М., 1937, стр. 107.

² „Буржуа может без труда доказать на основании своего языка тождество меркантильных и индивидуальных, или даже общечеловеческих, отношений, ибо самый этот язык есть продукт буржуазии, и поэтому как в действительности, так и в языке отношения купли-продажи сделались основой всех других отношений. Например, propriété — собственность и свойство; property — собственность и своеобразие; «eigen» [собственный, свойственный, особенный] в меркантильном и в индивидуальном смысле; valeur, value, Wert [стоимость, ценность]; commerce, Verkehr [общение, торговля]; échange, exchange, Austausch [обмен, мена] и т. д. Все эти слова обозначают как коммерческие отношения, так и свойства и взаимоотношения индивидов как таковых. В остальных новых языках дело обстоит совершенно так же“. (Маркс и Энгельс. Немецкая идеология, Соч., т. IV, Л., 1933, стр. 210).

по тем же причинам мы находим и во всех развитых европейских языках, в том числе и в русском.

В самом адыгейском языке притяжательные префиксы органической принадлежности уже не сохраняют нам такой ясной картины своего первоначального значения, как в меланезийских языках. Адыгейское общество эпохи до покорения Кавказа пошло в своем развитии дальше, чем меланезийцы и индейцы Северной Америки. В ту эпоху, когда в адыгейском языке сложилась система притяжательных префиксов в ее современном виде, адыгейцы уже находились в стадии перехода к настоящему классовому обществу. Поэтому притяжательные префиксы органической принадлежности в адыгейском языке уже не отражают полностью своего древнейшего значения. Они уже не относятся ни к орудиям труда, ни к средствам производства вообще, так как в адыгейском обществе с оформившимся рабством и появившимся феодализмом всякое имущество уже рассматривалось как возможный объект отчуждения, как объект, который может быть отнят у владельца феодалом или продан им вместе с самим владельцем.

В современном адыгейском языке как в языке народа, прошедшего в дореволюционное время эпоху капиталистического расслоения, и в настоящее время, после Великой Октябрьской социалистической революции, живущего уже при социалистическом строе — притяжательные префиксы органической принадлежности представляют собою лишь архаизм, пережиток отдаленной древности. Поэтому в современном адыгейском языке уже замечается тенденция в отдельных случаях заменять их префиксами имущественной принадлежности. Например, иногда в литературном адыгейском языке для обозначения принадлежности частей предмета — целому употребляются вместо префиксов органической принадлежности префиксы имущественной принадлежности:

вм. с-чIапIэ — „мое место“ начинают говорить «си-чIапIэ» в том же значении,

вм. с-пхьу — „моя дочь“ уже в более древнее время родственники, кроме родных отца и матери, могли сказать также «си-пхьу» в том же значении, «ти-пхьу» — „наша дочь“ и т. д.

Притяжательные префиксы в адыгейском языке сыграли огромную роль в развитии адыгейского спряжения и образования адыгейского глагола. Все личные префиксы глагола, с помощью которых происходит его изменение по лицам, по происхождению представляют собою притяжательные префиксы органической принадлежности или в более редких случаях личные местоимения (см. раздел глагола, личные префиксы, стр. 358; исключение — лишь дательный префикс 3 л. мн. ч. «я» см. стр. 379).

Вопросительные местоимения и наречия. Вопросительные местоимения и наречия имеют в адыгейском языке некоторую связь с указательными. Так, от специального вопросительного местоименно-наречного корня «тэ» образуется система вопросительных местоимений и наречий, сходная с той, которая была представлена на таблице указательных местоимений и наречий.

Вопросительное местоимение и наречие

		Наречие	
Местоимение	Места		Образа действия
т-ары? т-ар-ары? какой? который?	тэ? ты-дэ? где? куда? откуда?	та-у? как?	та-у-штэу? та-штэу? в каком виде? как?

Входящие в состав вопросительных наречий суффиксы «-дэ» для образования наречия места и «-э(y)» для образования наречия образа действия те же самые, что и известные нам уже суффиксы для образо-

вания таких же указательных наречий. Местный суффикс «-дэ» в вопросительной форме «-да» может быть употреблен в значении вопросительного местоимения «сыд || сыд-а?» — „что?“ по отношению к предметам, вещам, животным (природе):

Да? || сыда пIорэ?
Что ты говоришь?

По отношению к обществу (людям) употребляется «хэт?» — „кто?“. Это местоимение происходит от глагольного корня «хэ-т», буквально: „стоящий среди (людей), находящийся среди (людей)“.

Приведенное в таблице вопросительное «тары» также представляет слияние вопросительной частицы «тэ» и «ары», буквально: „тот-где?“, а «тарары» — двойное слияние предикатной формы указательного местоимения третьей степени «тэ+ары+ары», буквально: „тот-тот-где?“. Следовательно, это вопросительное местоимение все вместе представляет собою как бы сложную предикатную форму (форму составного сказуемого) от вопросительного корня «тэ».

«Хэт ий?» — „чей?“ происходит от соединения «хэт?» — „кто?“ и «ий» — „его“ (самостоятельное притяжательное местоимение). Следовательно, «хэт ий?» — „чей?“ обозначает буквально „кто его?“. «Сыд фэд?» — „что такое? что за? какой?“ происходит от вопросительного «сыд?» — „что?“ и «фэд» — „подобный“ и буквально значит „чему подобный?“. От вопросительного «тэ?» — „где?“ образуются слившиеся наречия образа действия.

тау?

та-щтэу? тау-щтэу?

(вм. тау щытэу?)

как? каким образом?

в каком виде? как?

(буквально: чем || как находясь?

чем || как будучи?)

Из остальных следует упомянуть «тхьапш?» — „сколько?“, «сыдигъу» — „когда? в какое время?“, происходящее от «сыд» — „что?“, «игъу» — „его время, его пора“, буквально: „что за (его) время?“.

Итак, вопросительными местоимениями и наречиями в адыгейском являются следующие: «тары || тарары?» — „какой?, который?“, «тэ || тыдэ?» — „где?, куда?, откуда?“, «тау?» — „как?“, «таущтэу || тащтэу?» — „в каком виде?, как?“, «сыд || сыда?, да?» — „что?“, «хэт?» — „кто?“, «сыд фэд?» — „что такое?, что за?, какой?“, «хэт ий?» — „чей (о человеке)?“, «тхьапш?» — „сколько?“, «сыдигъу?» — „когда?“ и т. д.

Следует заметить, что в адыгейском языке совсем нет относительных местоимений и наречий (союзов), которые в русском употребляются для связи придаточных предложений с главным и которые в этом языке представляют собою те же вопросительные местоимения и наречия, потерявшие свое вопросительное значение, например: „кто не работает, тот не ест“, „сделай, как я хочу“ и т. д. В адыгейском относительные местоимения и наречия заменяются специальными „придаточными“ формами глагола (см. выше стр. 105). Несомненно, что относительные местоимения и союзы представляют собою продукт довольно позднего развития языка, появляющийся лишь в связи с развитием письменности.

Определительные местоимения и наречия. В качестве определительных слов в адыгейском языке употребляется целый ряд имен и наречий, которые частично соответствуют русским определительным местоимениям:

ежь — он сам (он самостоятельно)

ышъхьэ-клэ — он лично

е-жь ы-шъхьэ-клэ — он сам лично

зэклэ — весь, все

хэ-т-рэ — всякий, каждый, любой (об обществе, о людях)
 сыд-рэ — всякий, каждый, любой (о природе, о вещах)
 шьыпкь — подлинный, настоящий, всамделишный, самый, в самом деле
 дэд — подлинный, настоящий, всамделишный, самый, в самом деле, действительно, совсем
 фэд — подобный, подобно; вроде, как
 зэпыт — постоянно, постоянный
 закI — сплошной
 нахь — более; только; не более, как
 кьодый — ничего, кроме, как один; только один; не более, как; только
 ныIэп — только; не более, как.

Все эти определительные слова происходят от имен с обобщенным значением. Мы не будем рассматривать здесь происхождение каждого из них. Разберем только первое приведенное нами определительное местоимение «е-жь» — „он сам“. Первая часть этого местоимения представляет собою не что иное, как местоименный корень 3 л. ед. ч. «е-», который в качестве самостоятельного слова в адыгейском языке не употребляется. Однако эта частица «е-» играет большую роль в образовании личных префиксов глагола (см. ниже стр. 370). Вторая часть этого местоимения «-жь» представляет собой суффикс, сохранившийся в глаголах со значением „обратно“; следовательно, «е-жь» первоначально обозначало „он обратно“, т. е. „он сам“.

Неопределенные и отрицательные местоимения и наречия. В качестве неопределенных и отрицательных местоимений и наречий в адыгейском языке употребляются следующие:

з-и — никто, ни один (буквально: „и один“)
 зым-и — никто, ни один (представляет собою косвенный падеж от предыдущего)
 зы-кIи — никак (орудная форма от первого, буквально: „и одним“ в значении „ни одним“)
 хэт-и — никто (буквально: „и кто“)
 сыд-и — ничто (буквально: „и что“)
 зы-горэ — некий, некто, нечто (из «зы» — „один“ и «горэ» — „какой-то“, т. е. „один кто-то, одно что-то“)
 горэ — какой-то, какой-либо, некий
 заул — несколько.

В образовании отрицательных местоимений и наречий, как мы видим, большую роль играет союзный суффикс «-и» — „и“, который приобретает здесь значение отрицания.

Глава 2

ГЛАГОЛ

Адыгейский глагол представляет собою часть речи, которая специально служит для выражения сказуемого. Исторически, по своему происхождению, глагол представляет собою такое сказуемое, в котором, как в отдельном слове, выражена специальными частицами эта его синтаксическая роль. Глагол отличается от других частей речи особой, свойственной только ему системой словоизменения — спряжением. Спряжение представляет собою в адыгейском языке изменение по залогам, наклонениям, временам, лицам и числам. В качестве особенности адыгейского спряжения следует указать, что глагол изменяется в нем часто одновременно по нескольким лицам (полиперсонное спряжение). Исторически глагол развивается после возникновения в адыгейском языке местоимений

личных и притяжательных (точнее, — притяжательных префиксов). Одновременно с глаголом возникает и другая, противоположная ему по своей грамматической роли часть речи — имя. В своем развитии глагол и имя неразрывно связаны друг с другом. Там, где не возникло еще глагола, не может быть и имени.

Спряжение простое и сложное (именное). В адыгейском языке, как мы уже указывали (стр. 92), любое дополнительное слово — имя может быть употреблено в качестве сказуемого. При этом дополнительное слово приобретает такие оформляющие его частицы, которых оно не может иметь в роли дополнительного слова. Эти оформляющие частицы выражают изменение по лицам, временам, наклонениям и т. д. В этом смысле можно сказать, что в адыгейском языке от любого имени можно образовать соответственный производный от него глагол, например:

Сложное (именное) спряжение

Имена	Именные глаголы	
лЫжЪы старик	сы-лЫжЪ	ты-лЫжЪ
	я старик	мы старики
	у-лЫжЪ ты старик	шЪу-лЫжЪ вы старики
	(ар) лЫжЪы он (тот) старик	(ахэр) лЫжЪы-х они (те) старики
дахэ красивый	сы-дах	ты-дах
	я красив	мы красивы
	у-дах ты красив	шЪу-дах вы красивы
	(ар) дахэ он (тот) красив	(ахэр) дахэ-х они (те) красивы

Такой тип спряжения характерен для всех имен, которые становятся глаголами, когда употребляются в качестве именного сказуемого. Этот тип спряжения мы называем сложным или именным спряжением. Кроме настоящих имен-сказуемых по этому же типу спрягаются и некоторые глаголы, главным образом непереходные, выражающие состояние или местонахождение, например:

дэ-т стой (в горизонтально ограниченном про- странстве)	сы-дэ-т	тыдэ-т
	я стою (в горизонтально ограниченном про- странстве)	мы стоим
	у-дэ-т ты стоишь	шЪу-дэ-т вы стоите
	(ар) дэ-т он (тот) стоит	(ахэр) дэ-ты-х они (те) стоят
щы-І находишь, существуешь	сы-щы-І	ты-щы-І
	я нахожусь (где-либо), существую	мы находимся, суще- ствуем
	у-щы-І ты находишься, суще- ствуешь	шЪу-щы-І вы находитесь, суще- ствуете
	(ар) щы-І он (тот) находится, существует	(ахэр) щы-Іэ-х они (те) находятся, существуют

(переходный глагол)

с-и-І я имею	т-и-І мы имеем
у-и-І ты имеешь	шъу-и-І вы имеете
(ащ) и-І он (тот) имеет	(а-хэ-мэ) я-І они (те) имеют

Следует отметить, что сложное (именное) спряжение первоначально включало глаголы, обозначающие бездейственность, неподвижность.

Кроме этого типа спряжения, в адыгейском языке существует еще другой, который мы называем простым или глагольным спряжением. По этому спряжению спрягается большинство настоящих (т. е. не образованных от имен) глаголов, которые выражают собственно действие или движение. Основная форма этого спряжения — 2 л. ед. ч. повелительного наклонения — в ряде случаев бывает весьма близка соответствующему имени или даже совпадает с соответствующей именной основой. В этом случае можно образовать от одной и той же основы параллельные формы как простого, так и сложного (именного) спряжения. Мы приводим здесь примеры параллельных форм этих двух спряжений от одних и тех же основ для того, чтобы легче было видеть разницу между обоими типами спряжения:

Простое и сложное спряжения

Сложное (именное)

Простое (глагольное)

чырэ работник по найму (батрак)	чырэ работай по найму, батрачь
сы-чыр я работник по найму	сэ-чырэ я работаю по найму, я батрачу
у-чыр ты работник по найму	о-чырэ ты работаешь по найму
(ар) чырэ он работник по найму	мэ-чырэ он работает по найму
ты-чыр мы работники по найму	тэ-чырэ мы работаем по найму
шъу-чыр вы работники по найму	шъо-чырэ вы работаете по найму
(ахэр) чырэх они работники по найму	(ахэр) мэ-чы-рэ-х они работают по найму
председатель председатель	председатель будь председателем, председа- тельствуй
сы-председатель я председатель	сэ-председатели я председательствую
у-председатель ты председатель	о-председатели ты председательствуешь
(ар) председатель он председатель	(ар) мэ-председатели он председательствует
ты-председатель мы председатели	тэ-председатели мы председательствуем
шъу-председатель вы председатели	шъо-председатели вы председательствуете

(ахэр) председатели-х
они председатели

шакло

охотник

сы-шаклу

я охотник

у-шаклу

ты охотник

(ар) шакло

он охотник

ты-шаклу

мы охотники

шью-шаклу

вы охотники

(ахэр) шакло-х

они охотники

лахьо

пастух

сы-лахью

я пастух

у-лахью

ты пастух

(ар) лажьэ

он пастух

ты-лажью

мы пастухи

шью-лажью

вы пастухи

ахэр лажьох

они пастухи

(ахэр) мэпредседатели-х
они председательствуют

шакло

будь охотником, охотничай

сэ-шакло

я охотничаю

о-шакло

ты охотничаешь

мэ-шакло

он охотничает

тэ-шакло

мы охотничаем

шью-шакло

вы охотничаете

мэ-шакло-х

они охотничают

лахьо

будь пастухом, работай пастухом

сэ-лахью

я работаю пастухом, я пастушествую

о-лахью

ты работаешь пастухом

мэ-лахью

он работает пастухом

тэ-лахью

мы работаем пастухами

шью-лахью

вы работаете пастухами

(ахэр) мэ-лажьох

они работают пастухами

По типу простого (глагольного) спряжения может спрягаться только настоящее время утвердительного, вопросительного и подтвердительного наклонений. Все остальные времена и наклонения собственно глаголов, в том числе и повелительное, спрягаются по сложному спряжению. Таким образом, спряжение неотыменных глаголов, глаголов в собственном смысле слова, носит всегда смешанный характер. Лишь одно время и часть наклонений имеет формы простого спряжения, остальные времена и наклонения всегда относятся к сложному спряжению. Формы простого спряжения могут иметь глаголы как непродуктивного, так и продуктивного залога.

Простое спряжение

Настоящее время утвердительного наклонения

Непродуктивный залог

сэ-лажьэ

я работаю

о-лажьэ

ты работаешь

Продуктивный залог

сэ-лэжьи

я обрабатываю

о-лэжьи

ты обрабатываешь

мэ-лажьэ	е-лэжьы
он работает	он обрабатывает
тэ-лажьэ	тэ-лэжьы
мы работаем	мы обрабатываем
шъо-лажьэ	шъо-лэжьы
вы работаете	вы обрабатываете
мэ-лажьэ-х	а-лэжьы
они работают	они обрабатывают

Сложное спряжение

Прошедшее совершенное время того же наклонения

сы-лэжьа-гъ	э-лэжьыгъэ
я поработал	я обработал
у-лэжьа-гъ	б-лэжьы-гъэ
ты поработал	ты обработал
лэжьа-гъэ	ы-лэжьы-гъ
он поработал	он обработал
ты-лэжьагъ	д-лэжьы-гъэ
мы поработали	мы обработали
шъу-лэжьа-гъ	жъу-лэжьы-гъэ
вы поработали	вы обработали
лэжьа-гъэ-х	а-лэжьы-гъ
они поработали	они обработали

Обе формы спряжения — простое и сложное, — как видно из примеров, отличаются друг от друга формой личных префиксов и в связи с этим наличием или отсутствием конечного краткого гласного. В настоящем времени личные префиксы имеют гласный «э» (в орфографии также «е, о») и представляют собой личные местоимения в их неизменном виде (за исключением третьего лица). На основании тех же примеров мы можем наблюдать, что прошедшее время собственно глаголов спрягается совершенно так же, как и именной глагол (см. стр. 308, 309). Сложное спряжение этих форм характеризуется тем, что личные префиксы в них представляют собою по своему происхождению притяжательные префиксы, т. е. полностью совпадают с несамостоятельными притяжательными местоимениями органической принадлежности, которые отличаются от личных местоимений огласовкой «ы» или отсутствием огласовки.

Различие обоих спряжений отражается и на судьбе конечного гласного в глагольной или именной форме. В простом спряжении конечный краткий гласный сохраняется, если он имеется в основной форме глагола — повелительном наклонении. В сложном спряжении конечный краткий гласный слова исчезает во всех случаях, когда в субъектном личном префиксе появляется гласный — «ы» (в орфографии также «и, у»).

В заключение необходимо отметить, что в современном живом адыгейском языке начинает образовываться простое спряжение глаголов, производных даже от вновь усвоенных русских и интернациональных имен существительных. Таково, например, в приведенных примерах спряжение глагола, вновь образованного от усвоенной в адыгейский язык русской основы «председатель» — „председатель“. Эту возможность спрягать вновь появляющиеся в литературном языке слова следовало бы укрепить и расширить, так как она ведет к обогащению адыгейского литературного языка.

В современном адыгейском литературном языке все интернациональные и русские глаголы спрягаются следующим образом: глаголы берутся

в форме русского неопределенного наклонения, и к ним прибавляется адыгейский вспомогательный глагол «шЫн» — „делать“. Например:

ед. ч.	мн. ч.
рационализировать сэ-шЫ я рационализирую	рационализировать тэ-шЫ мы рационализируем
рационализировать о-шЫ ты рационализируешь	рационализировать шьо-шЫ вы рационализируете
рационализировать е-шЫ он рационализирует	рационализировать а-шЫ они рационализируют
	и т. д.

Простые и производные глагольные основы. В образовании форм спряжения большое значение имеет также состав и происхождение глагольной основы. По историческому происхождению можно подразделить адыгейские глагольные основы на первичные и вторичные. Первичные основы состоят из одного открытого слога, т. е. из слога, оканчивающегося на краткий гласный. Первичные основы как глаголов, так и других частей речи вообще представляют собою в адыгейском языке наиболее древние одноэлементные слова типа открытого слога. Вторичными основами мы называем такие, которые или, будучи односложными, оканчиваются на согласный, или состоят из двух и нескольких слогов. Исторически эти основы развились в адыгейском языке частью из слияния двух или нескольких первичных основ, частью же благодаря усвоению слов из других языков. Ко вторичному типу относятся также все современные интернациональные и русские усвоения.

Как все первичные, так и многие вторичные глагольные основы являются в адыгейском языке простыми. Простые основы отличаются тем, что в современном спряжении личные префиксы и побудительный префикс «гъэ» присоединяются к ним как к неразложимому целому. Эти префиксы не могут попасть в середину такой основы. На ряду с этим многие вторичные глагольные основы являются в адыгейском составными, производными от первичных или вторичных простых основ. Составные глагольные основы производятся от простых с помощью различных неличных префиксов, т. е. префиксов, выражающих пространственные и некоторые другие отношения (см. ниже стр. 350—351). Спряжение производных глагольных основ отличается от спряжения простых основ тем, что в нем личные префиксы могут быть вставлены внутрь такой глагольной основы — между ее составными частями. Таким образом, для того, чтобы правильно спрягать адыгейский глагол или правильно разобрать формы его спряжения, необходимо заранее знать, с какой глагольной основой мы имеем дело, необходимо знать, является ли данная основа простой или составной. Приведем здесь примеры адыгейских глагольных основ, первичных и вторичных по происхождению, простых и составных по своему составу:

Простые глагольные основы

Первичные	Вторичные
щэ вези, веди	кIуатэ подвигайся
хы неси	лыхъу ищи
кIо иди	убыт(ы) лови, держи

джэ	тэдж
зови	вставай
шы	льэгъу
делай	видь
тхэ	уцу
пиши	останавливайся, переставай
фы	лэжьы
гони	обрабатывай
	и т. д.

Ряд вторичных простых глагольных основ образуется от именных или от глагольных же основ с помощью префикса «у»:

Именные основы	Глагольные основы
щынэ сырой, мокрый	у-щыны мокни
пытэ крепкий	у-быт(ы) держи, лови
къабзэ чистый	у-къэбзы очищай
бгъо широкий	у-бгъу расстилай
[хэ] низ, конец	у-хы кончай
Глагольные основы	Глагольные основы
льэшъу волочи	у-льэшъоу борони
гощы раздавай, дели	у-гощы разделяй, раздавай (бжед.) и т. д.

Однако все эти производные основы, образованные с помощью префикса «у-», в отношении спряжения являются простыми, так как все личные префиксы могут присоединяться только перед этим «у-». Иной характер получает спряжение следующих составных основ:

Составные (производные) глагольные основы

Простые первичные	Составные, производные от первичных
щэ вези	къ-и-щ изнутри вези, вывози
хы неси	къэ-хь сюда неси
кӀо иди	да-кӀу вместе (с ним) иди
джэ зови	къ-е-дж сюда кричи (ему), сюда читай (что), (сюда) учись (чему)
шы делай	фэ-шӀ для него делай

тхэ	те-тх
пиши	на чем пиши,
пльэ	чла-пль
смотри	подо что смотри
фы	Іу-ф
гони	от (входа) отгони

Мы видим, что составные глагольные основы образуются от простых с помощью префиксов «кьэ, кьы» — „сюда“, «и» — „внутри (в полости)“, «да, дэ» — „вместе“, «фэ» — „для“, «те» — „на, сверху на“ и т. д.

Следующие глаголы, спрягаемые по сложному (именному) спряжению, образованы с помощью тех же префиксов, выражающих пространственные отношения. Корни (основы) этих глаголов в настоящее время отдельно уже не употребляются. Хотя субъектные личные префиксы всегда ставятся в них впереди пространственных префиксов, но мы относим эти глагольные основы также к составным, так как в них префикс побудительного залога «гьэ-», вставляясь между пространственным префиксом и корнем, показывает их составной характер:

Составные глагольные основы

Составная основа	Побудительная форма основы
и-т	и-гьэ-т
в полости стоит	в полости заставляй стоять
и-ль	и-гьэ-ль
в полости лежи	в полости заставляй лежать
хэ-ль	хэ-гьэ-ль
в веществе лежи	в веществе заставляй лежать
те-с	те-гьэ-с
на чем сиди	на чем заставляй сидеть
дэ-т	дэ-гьэ-т
в горизонтально ограниченном пространстве стой	в горизонтально ограниченном пространстве заставляй стоять
и-кІ	и-гьэ-кІ
из полости выходи	из полости заставляй выходить
е-х	е-гьэ-х
с чего-нибудь спускайся	с чего-нибудь заставляй спускаться
щы-І	щы-гьа-І
где-либо находишься, где-либо существуй	где-либо заставляй находиться, где-либо заставляй существовать
и-І	и-гьа-І
имеет	заставляй иметь

Такие же составные глагольные основы могут быть образованы и от вторичных основ:

Составные глагольные основы

Простые вторичные основы	Составные основы, производные от вторичных
кІуатэ	кьэ-кІуат
подвигайся, подвинься	сюда подвигайся, сюда подвинься

лъыхъо
 ищи
 убыт(ы)
 лови, держи
 уцу
 остановись, становись
 лъэгъу
 видь
 тэдж
 вставай, встань
 лажьэ
 работай
 лэжьы
 обрабатывай

фэ-лъыхъу
 для него ищи
 дэ-убыт
 вместе с ним лови, держи
 те-уцу
 на что-нибудь становись
 и-лъэгъу
 в полости видь
 къэ-тэдж
 сюда вставай, сюда встань
 щы-лажь
 где-нибудь работай
 т-фэ-лэжь
 для нас обрабатывай

Во всех этих случаях сложные глагольные основы образуются с помощью префиксов, выражающих пространственные или личные отношения. Подобным же образом сложные глагольные основы могут быть образованы в адыгейском языке также и путем включения (инкорпорации) в состав глагольной основы целых самостоятельных слов. Эта особенность адыгейского языка представляет собою типичный признак полисинтетических (инкорпорированных) языков. Сложность глагольной основы в этих случаях, так же как и во всех предшествующих примерах, обнаруживается в том, что между составными частями сложной основы могут быть вставлены или субъектные личные префиксы (при продуктивном залоге), или префикс побудительного залога «гъэ» (в глаголах непродуктивного залога), например:

Включение имен в состав глагольной основы

Простые и составные основы

джэ
 зови, кричи (непереходн.)

кю
 иди

ю
 говори

хы
 жни
 (первоначально: бери)

Основа со включением
именного корня

лъы-дж
 вслед зови
 (буквально: за ногой
 зови)

лъы-кю
 вслед иди
 (буквально: за ногой иди)

лъы-ю
 вслед говори
 (буквально: за ногой
 говори)

йы-х
 держи
 (буквально: в руку бери)

йы-гъ
 держи
 (буквально: в руку
 держи)

йа-ты
 подними
 (буквально: в руке
 подними)

ха-І
в веществе рукой дотронься

жэ-ха-І
схвати за лицо рукой
(буквально: в рот схвати
рукой)

тхъо
хватайся

жэ-ха-тхъу
за лицо хватайся
(буквально: в рот
хватайся)

гъо [лъхъэ]
нора, клади
естественное (буквально:
прикрытие, лежать иди)
навес скал,
пещера и т. д.

гъуа-лъхъэ
насиживай, сиди на яйцах
(о наседке)
хэ-гъуа-лъхъ
в вещество ложись

лъы
лежи

гъо-лъ
лежи (вообще)
(буквально: под есте-
ственным прикрытием)

дэ-дэ
из горизонтально ограниченного
пространства бросай

шъхъэ-дэ-дэ
через что-нибудь
перебрасывай
(буквально — через го-
лову из огороженного
пространства бросай)

щы-с
где-либо сиди

шъхъэ-щы-с
над кем || чем-либо сиди,
сверху сиди
(буквально: над голо-
вой сиди)

Сложный характер всех приведенных основ обнаруживается при изменении продуктивных глаголов по лицам субъекта, а непродуктивных глаголов — при образовании от них побудительного залога (при соединении частицы «-гъэ»):

Составные глагольные основы продуктивных (переходных) глаголов

Второе лицо единствен-
ного числа повелительного
наклонения

Третье лицо единствен-
ного числа настоящего
времени

щэ

е-щэ

-вези

везет

къы-щ

къы-р-е-щы

изнутри вези, вывози

изнутри везет,

вывозит

хъы

е-хъы

неси

несет

къэ-хъ

къ-е-хъы

сюда неси

сюда несет

шы

е-шы

делай

делает

фэ-ші

ф-е-шы

для него делай

для него делает

ТХЫ	е-ТХЫ
пиши	пишет
те-ТХ	ты-р-е-ТХЭ
на чем пиши	на чем пишет
фы	е-фы
гони	гонит
Іу-ф	Іу-е-фы
от (входа) отгони	от (входа) отгоняет
убыт(ы)	е-убы-ты
лови, держи, хватай	ловит
дэ-убыт	д-е-убыты
вместе с ним лови	вместе с ним ловит
льэгъу	е-льэгъу
видь	видит
и-льагъу	р-е-льагъо
в полости видь	в полости видит
лэжбы	е-лэжбы
обрабатывай	обрабатывает
т-фэ-лэжь	т-ф-е-лэжбы
для нас обрабатывай	для нас обрабатывает
Іо	е-Іо
говори	говорит
льы-Іу	ль-е-Іо
вслед говори	вслед говорит
хы	е-хы
жни (бери)	жнет (берет)
и-х	р-е-хы
бери из полости	берет из полости
Іыгъ	е-Іыгъы
держи	держит
фэ-Іыгъ	ф-е-Іыгъы
держи для него	держит для него
Іэты	е-Іэты
подними	поднимает
къэ-Іэт	къ-е-Іэты
сюда подними	сюда поднимает
дзы	е-дзы
бросай	бросает
дэ-дэ	д-е-дзы
из горизонтально ограниченного про- странства бросай	из горизонтально ограниченного про- странства бросает
шъхъэ-дэдэ	шъхъэ-д-е-дзы
через что-нибудь перебрасывай	через что-нибудь перебрасывает

Составные глагольные основы непродуктивных (непереходных) глаголов

Второе лицо единственного
числа повелительного
наклонения

да-кIу

иди вместе с ним

е-дж

кричи ему, читай, учи
(что)

чIа-плъ

смотри подо что

те-уцу

остановись на чем,
становись на что

къэ-тэдж

вставай, стань сюда

щы-лажь

работай где-нибудь

лъыхъу

ищи

лбы-дж

зови вслед

лбы-кIу

иди вслед

ха-I

в веществе рукой
дотронься

жэ-ха-I

за лицо рукой
хвататься

жэ-ха-тхъу

хвататься за лицо

шъхъэ-щы-с

над кем-либо сиди

Второе лицо единственного
числа повелительного наклоне-
ния побудительного залога

дэ-гъа-кIу

вместе с ним заставляй
итти

е-гъа-дж

его заставляй кричать,
его заставляй читать,
его заставляй учиться чему

чIэ-гъа-плъ

подо что заставляй
смотреть

те-гъэ-уцу

на что-нибудь заставляй
становиться

къэ-гъэ-тэдж

сюда заставляй вставать,
стать

щы-гъэ-лажь

где-нибудь заставляй
работать

лбы-гъэ-хъу

заставляй искать

лбы-гъа-дж

вслед заставляй звать

лбы-гъа-кIу

вслед заставляй итти

хэ-гъа-I

в веществе рукой
заставляй дотронуться

жэ-хэ-гъа-I

за лицо рукой заставляй
хвататься

жэ-хэ-гъа-тхъу

за лицо заставляй
хвататься

шъхъэ-щы-гъэ-с

над кем-либо заставляй
сидеть

Таким образом, в сложных глагольных основах их составной характер ясно виден потому, что при образовании от них форм спряжения глагольная основа четко делится на две части, между которыми вставляются префиксы, выражающие форму (лицо, залог) спряжения.

Для образования глагольных вторичных основ, кроме префиксов, служат также суффиксы, т. е. частицы, прибавляемые в конце глагольной основы. Адыгейский язык богат такими суффиксами не в меньшей степени, чем префиксами. Мы приводим здесь лишь важнейшие из таких суффиксов.

Суффиксы вторичных глагольных основ

Суффиксы	Глагольная основа (2 л. ед. ч. повелит. наклонения)	3 л. ед. ч. прошед- шего совершенного времени
-хэ уже	к уа-хэ... раньше пойдн, а потом...	к о-гъа-хэ уже пошел
-жыы вторично, повторно, обратно	тхы-жь перепиши, вторично напиши	ы-тхы-жьы-гъ переписал, вторично написал
-зэпыт постоянно, непре- рывно	к о-зэпыт постоянно ходи	к о-зэпыты-гъ постоянно ходил
-л э вплотную, вплоть до, поближе, близко	е-ща-л поближе, вплотную к чему-либо подвези	р-и-щэ-л а-гъ вплотную к чему-либо подвез
-хъэ кругом, в обход	къэ-к у-хъ обойди, кругом обойди	къы-к у-хъа-гъ обошел, объехал
-хъу неправильно, ошибочно	Ю-хъу невыпад говори	Ю-хъу-гъэ невыпад сказал
	о-хъу промахнись (об ударе, о выстреле)	о-хъу-гъэ промахнулся
-шъу умей; моги	е-джэ-шъу умей читать	е-джэ-шъу-гъ сумел прочитать, смог прочитать
-к ы изнутри наружу	къ-и-джы-к кричи сюда изнутри	къ-и-джы-к ы-гъ закричал изнутри
-к ы до конца; до своей меры	зы-гъэ-шхэ-к досыта наедайся	з-и-гъэ-шхэ-к ы-гъ наелся досыта

Все приведенные суффиксы, несомненно, входят в состав самой глагольной основы, так как присоединяются непосредственно к ней перед окончаниями времен и наклонений.

На ряду с этим есть и такие словообразовательные глагольные суффиксы, которые могут по желанию присоединяться, как перед окончанием времен, так и после них — между окончаниями времен и наклонений. Эта свобода присоединения представляет собой пережиток того времени, когда эти частицы были самостоятельными словами, а вся глагольная форма — целым предложением, в котором в известных случаях порядок слов тогда еще окончательно не установился и был свободным.

Суффиксы вторичных глагольных основ с непостоянным порядком присоединения

Суффиксы	Глагольная основа (2 л. ед. ч. повелит. наклонения)	3 л. ед. ч. прошедшего совершенного времени
-щэ слишком, пере-, чрезмерно	шха-щэ передай, объедайся	шхэ-ща-гъэ шхэ-гъа-щэ переел, объелся

-пэ	кIуа-пэ	кIо-па-гъэ кIо-гъа-пэ
окончательно, совсем, до конца; действительно, на самом деле	окончательно иди	окончательно пошел
	шхы-пэ	ы-шхы-па-гъ ы-шхы-гъа-п
	до конца ешь, доедай	все доел, до конца доел
-Iо	кIо-та-Iо	кIотэ-Iуа-гъэ кIотэ-гъа-Iо
немножко более; более; немножко более, чем следует	подвинься немножко дальше	подвинулся дальше, продвинулся дальше
	Iэты-Iо	ы-Iэты-Iуа-гъ ы-Iэты-гъа-Iу
	немного выше подними, приподними	выше (чем следует) поднял

Наконец, имеются и такие формальные частицы при глаголе, которые употребляются после всех глагольных окончаний, т. е. после суффиксов как времен, так и наклонений. Эти глагольные частицы следует считать самостоятельными служебными словами при глаголах и писать отдельно с глаголом. По значению они будут соответствовать русским наречиям.

Отдельные служебные слова при глаголах

Служебное слово	2 л. ед. ч. повелительного наклонения	3 л. ед. ч. прошедшего совершенного времени
-щтын	—	кIуагъэ щтын
наверное, может быть, вероятно		он поехал, вероятно
		кIуагъэп щтын
		он не поехал, вероятно

Приводимое в последнем примере служебное слово «щтын» — „вероятно, возможно“ представляет собою, повидимому, форму, производную от самостоятельного адыгейского глагола «щы-ты-н» — „становиться, являться“ и в буквальном переводе значит „(может) статья“. Этот глагол очень часто употребляется для образования сложных описательных глагольных форм в адыгейском языке (см. стр. 87, 134, 139).

Как найти корень адыгейского глагола. Итак, в адыгейском языке, несмотря на всю сложность глагольных форм, практически легко определить, где начинается глагольный корень. Для этого следует образовать от данной формы форму побудительного залога. Побудительный префикс «гъэ» при этом вставится внутрь глагольной формы, перед ее корнем. После префикса «-гъэ» начинается глагольный корень, а перед ним будут стоять различные префиксы словоизменения и словообразования, например:

къы-щы-шъу-ф-и-тхы-гъ	къы-щы-шъу-фы-р-и-гъэ-тхыгъ
сюда-где то-к вам-он-	сюда-где то-к вам-его-он-
написал	заставил написать

Для того, чтобы найти конец корня глагола, следует образовать от него форму повелительного наклонения (2 л. ед. ч. при 3 л. ед. ч. объекта, если глагол переходный) и отбросить словообразовательные глагольные суффиксы (см. выше).

Основная форма глагола. Основной формой глагола в адыгейском языке служит второе лицо единственного числа повелительного наклонения в его утвердительном значении. В этой форме основа глагола бывает соединена с наименьшим числом формальных частиц (префиксов и суффиксов). Простые и составные глагольные основы (без отрицания) в этой форме обычно совсем не имеют формальных частиц спряжения и обнаруживают глагольную основу в ее чистом виде. Однако следует иметь в виду, что и в повелительном наклонении могут появиться префиксы, выражающие лица — косвенного объекта, прямого, дательного, орудного и других косвенных дополнений. Таким образом, чтобы получить чистую глагольную основу, мы должны взять ту форму повелительного наклонения, в которой лица субъекта — а в продуктивных глаголах также лица объекта — выражены отрицательно. Такой формой является 2 л. ед. ч. субъекта и 3 л. ед. ч. объекта (прямого дополнения). Кроме того, следует взять форму повелительного наклонения, в которой не выражается ни отрицания, ни побудительного залога, ни косвенных дополнений (косвенный объект, дательное, местное и орудное). Специальных суффиксов времен и наклонений повелительное наклонение не имеет.

Лишенная, таким образом, префиксов личных, заложных и отрицательных, а также суффиксов времен, наклонений и множественного числа, форма повелительного наклонения адыгейского глагола легко может быть положена в основу образования всех остальных глагольных форм. Поэтому и в практических грамматиках и в словарях для обозначения слова-глагола лучше всего брать именно форму 2 л. ед. ч. повелительного наклонения (с 3 л. ед. ч. объекта), а не принятое теперь отглагольное имя с окончанием «-н», которое переводится неточно, как русское неопределенное наклонение. Единственным недостатком формы повелительного наклонения как основной формы глагола является то, что она не всегда употребительна в адыгейском языке. От ряда непродуктивных (непереходных) глаголов, при которых подлежащим может стоять только название вещи, а не человека или животного, форму повелительного наклонения можно образовать лишь как мыслимую форму. Так обстоит дело, например, с глаголами: «жъо» — „варись“, «жъэ» — „жарься“, «жъу» — „тай, плавься“ и т. д. Несомненно, что это явление — пережиток устного, бесписьменного состояния адыгейского языка. При дальнейшем его литературном и грамматическом развитии должно развиться употребление и этих мыслимых форм, как это имеет место в развитых литературных языках, например в русском.

О грамматическом значении формы повелительного наклонения см. выше в разделе **Основная форма глагола** (стр. 320).

Залог. Под залогами мы разумеем такие глагольные формы, которые выражают в одном слове (глаголе-сказуемом) типичные формы связи слов в предложении (формы связи его главных или логически главных членов). Залог отражает в отдельно взятом глаголе строй всего предложения в целом, т. е. то, что мы назвали в синтаксисе оборотом. Таким образом, залог есть отражение в морфологии синтаксического оборота. Число адыгейских залогов соответствует числу адыгейских синтаксических оборотов.

Соответственно двум основным адыгейским синтаксическим оборотам мы должны признать в адыгейском языке и два основных залога — **непродуктивный (непереходный)** и **продуктивный (переходный)**. Непродуктивный залог употребляется как форма сказуемого в непродуктивном обороте, а продуктивный — соответственно в обороте продуктивном (см. Синтаксис, стр. 33). Кроме этих залогов, в адыгейском языке имеются производные от них: побудительный от непродуктивного, побудительный от продуктивного, залог с косвенным (местным) объектом, побудительный от последнего и начатки страдательного залога.

Рассмотрим образование и значение каждого из приведенных залогов в отдельности.

Различие между непродуктивным и продуктивным залогом выражается в адыгейском языке различными способами. Наиболее характерным для адыгейского языка способом образования этих двух залогов является изменение конечного краткого гласного в основе глагола. По этому способу образуются формы обоих залогов от одной и той же глагольной основы. Такое образование залогов сильно отличает адыгейский язык от русского, так как этим способом можно образовывать в адыгейском непродуктивный залог от таких глаголов, которые в русском по своему значению являются только переходными. Непродуктивный залог имеет глагольную основу, оканчивающуюся на краткий гласный «э», а продуктивный — соответственно на краткий гласный «ы». По этому образцу образуются формы продуктивного и непродуктивного залогов, главным образом — от первичных глагольных основ типа открытого слога и реже — от вторичных глагольных основ. Кроме различия самих основ, спряжение этих глаголов в продуктивном и непродуктивном залогов различается также по способам выражения лиц и чисел. Непродуктивный залог имеет свой особый тип спряжения, коренным образом отличающийся от типа спряжения продуктивного залога (см. ниже стр. 321 и сл.).

Залог

Непродуктивный

тхэ

Пиши (вообще), занимайся писанием

пхъэ

сей (вообще), занимайся сеянием

тлэ

копай (вообще), занимайся копанием

дэ

шей (вообще), занимайся шитьем

тэ

давай, дари (вообще), занимайся даванием, дарением

кю

иди, пойдя

лажьэ

работай

тхьаклэ

мой, чисть (вообще), занимайся мытьем, чисткой

гьклэ

стирай (вообще), занимайся стиркой

пхъанклэ

подметай (вообще), занимайся подметанием

Продуктивный

тхы

пиши (нечто)

пхъы

сей (нечто)

тлы

копай (нечто)

ды

шей (нечто)

ты

давай (нечто)

кы

проходи (нечто)

лэжьы

обрабатывай (нечто)

тхьэклы

мой, чисть (нечто)

гькы

стирай (нечто)

пхъэнкы

подметай (нечто) и т. д.

Спряжение обоих залогов как в этом, так и во всех остальных случаях отличается друг от друга следующими признаками: в простом спряжении (настоящем времени утвердительного, вопросительного и под-

твердительно́го наклонений) — по форме третьего лица субъекта обоих чисел; в сложном спряжении (настоящем времени остальных наклонений и во всех остальных временах по всем наклонениям) — наличием или отсутствием огласовки «ы» субъектных префиксов первого и второго лица обоих чисел, а также отсутствием или наличием субъектного префикса третьего лица обоих чисел; наконец, во всех глагольных формах в обоих спряжениях — порядком расположения субъектных личных префиксов, а также отсутствием или наличием объектных префиксов. Эти особенности в спряжении обоих залогов заставляют нас строго различать в адыгейском языке два разных типа спряжения, которые мы для краткости назовем непродуктивным (непереходным) и продуктивным (переходным) спряжениями.

Непродуктивное простое спряжение в третьем лице обоих чисел имеет субъектный префикс «мэ-||ма-» (в том случае, если этот префикс является в данной глагольной форме единственным) или отсутствие субъектного префикса (если в данной глагольной форме имеется хотя бы один какой-либо другой префикс, т. е. если данная глагольная основа является составной, или если при ней выражается один из личных префиксов косвенных дополнений). Множественное число третьего лица субъекта в непродуктивном спряжении обозначается суффиксом «-х», имеющим, таким образом, в этом спряжении всегда субъектный характер.

В продуктивном простом спряжении субъектный префикс 3 л. ед. ч. всегда выражен частицей «е», а такой же префикс множественного числа — частицей «а». Таким образом, продуктивное спряжение отличается в 3 л. обоих чисел не только самими префиксами, но и способом выражения числа. В продуктивном спряжении множественное число субъекта по самому своему префиксу отличается от единственного, а суффикс мн. ч. «-х» имеет здесь лишь объектное значение:

Залог и

Непродуктивный

Продуктивный

3 л. ед. ч. ма-тхэ — пишет (вообще)

е-тхы — пишет (нечто)

3 л. мн. ч. ма-тхэ-х — пишут (вообще)

а-тхы — пишут (нечто)

3 л. ед. ч. ма-тэ — дает (вообще)

е-ты — дает (нечто)

3 л. мн. ч. ма-тэ-х — дают (вообще)

а-ты — дают (нечто)

3 л. ед. ч. къэ-тхэ — сюда пишет (вообще)

къ-е-тхы — сюда пишет (нечто)

3 л. мн. ч. къэ-тхэ-х — сюда пишут (вообще)

къ-а-тхы — сюда пишут (нечто)

3 л. ед. ч. е-тэ — (ему) дает (вообще)

р-е-ты — (ему) дает (нечто)

3 л. мн. ч. е-тэ-х — (ему) дают (вообще)

р-а-ты — (ему) дают (нечто)

Во всех остальных лицах настоящего времени утвердительно́го, вопросительного и подтвердительно́го наклонений субъектные префиксы в непродуктивном и продуктивном спряжении одинаковы.

Таковы различия непродуктивного и продуктивного спряжения в тех глагольных формах, которые в адыгейском языке мы назвали формами простого спряжения (см. выше стр. 308).

Во всех формах адыгейского сложного спряжения (т. е. в настоящем времени всех остальных наклонений и во всех остальных временах всех наклонений) непродуктивное спряжение имеет другие отличия. Субъектные префиксы первых двух лиц обоих чисел в этом спряжении имеют огласовку «ы», за исключением тех случаев, когда далее следуют префиксы, начинающиеся на долгие гласные «а, е, и». Перед этими гласными

огласовка субъектных префиксов «ы» выпадает. В продуктивном спряжении субъектные префиксы первых двух лиц обоих чисел состоят из одного согласного без огласовки. Этот согласный, в зависимости от звонкости, глухости или надгортанности следующего за ним первого согласного глагольной основы, переходит соответственно в глухой, звонкий или надгортанный (подробнее об этом см. в разделе фонетики, стр. 430). В качестве образца указанных здесь различий приведем формы 1 и 2 л. ед. ч. прошедшего совершенного времени (перфекта) утвердительного наклонения:

Залог

Непродуктивный

- 1 л. сы-тха-гъ — я написал (вообще)
 2 л. у-тха-гъ — ты написал (вообще)
 1 л. сы-лэжьа-гъ — я обработал (вообще)
 2 л. у-лэжьа-гъ — ты обработал (вообще)
 1 л. сы-тла-гъ — я вскопал (вообще)
 2 л. у-тла-гъ — ты вскопал (вообще)

Продуктивный

- с-тхы-гъэ — я написал (нечто)
 п-тхы-гъэ — ты написал (нечто)
 з-лэ-жьы-гъэ — я обработал (нечто)
 б-лэжьы-гъэ — ты обработал (нечто)
 с-тлы-гъэ — я вскопал (нечто)
 п-тлы-гъэ — ты вскопал (нечто)

В третьем лице обоих чисел всех форм сложного спряжения в непродуктивном залоге субъектный префикс выражен отрицательно (отсутствием префикса), а множественное число его — суффиксом «-х». В тех же формах продуктивного залога субъектный префикс ед. ч. выражается частицей «ы» или «и» (последнее — в середине слова).

Залог

Непродуктивный

- 3 л. ед. ч. тха-гъэ — он написал (вообще)
 3 л. мн. ч. тха-гъэх — они написали (вообще)
 3 л. ед. ч. лэжьа-гъэ — он поработал (вообще)
 3 л. мн. ч. лэжьа-гъэх — они поработали (вообще)
 3 л. ед. ч. тла-гъэ — он вскопал (вообще)
 3 л. мн. ч. тла-гъэх — они вскопали (вообще)

Продуктивный

- ы-тхы-гъ — он написал (нечто)
 а-тхы-гъ — они написали (нечто)
 ы-лэжьы-гъ — он обработал (нечто)
 а-лэжьы-гъ — они обработали (нечто)
 ы-тлы-гъ — он вскопал (нечто)
 а-тлы-гъ — они вскопали (нечто)
 и т. д.

Из приведенных примеров сложного спряжения в непродуктивном и продуктивном залогах мы можем наблюдать разницу не только в префиксах, но и в окончании прошедшего совершенного времени: там, где в непродуктивном спряжении исчезает в конце глагола краткий гласный «э», в продуктивном спряжении этот гласный сохраняется. Наоборот, в тех лицах непродуктивного спряжения, где сохраняется этот гласный, он исчезает в продуктивном спряжении. Эта разница в глагольном окончании как бы нарочито подчеркивает различие между продуктивным и непродуктивным залогами. Правда, это различие имеет место только в формах одного времени — прошедшего совершенного (перфекта). Как мы выше уже отмечали (стр. 310), конечный гласный «э» вообще исчезает в тех случаях, когда в глагольных префиксах субъекта имеется

гласный «ы (у, и)» и сохраняется в тех случаях, когда субъектные префиксы не имеют огласовки «ы (у, и)».¹

Во всех временах и наклонениях непродуктивное спряжение отличается от продуктивного порядком расположения субъектных личных префиксов. В непродуктивном спряжении субъектные личные префиксы стоят первыми в глагольной форме. Наоборот, в продуктивном спряжении субъектные префиксы стоят последними из личных префиксов (см. анализ порядка расположения частиц, выражающих лица в составе сказуемого-глагола на стр. 98—99).

Кроме всех перечисленных различий, непродуктивное спряжение имеет в составе глагольной формы всегда на один префикс меньше, чем продуктивное (при равном числе прочих префиксов). В непродуктивном залоге отсутствует объектный личный префикс, в то время как в формах продуктивного залога этот префикс всегда так или иначе выражен (в 3 л. обоих чисел — отрицательно, но в 3 л. мн. ч. — суффиксом «-х(э)», который в продуктивном спряжении имеет всегда объектное значение). Эта особенность продуктивного залога уже была разобрана нами в разделе синтаксиса при сравнительном анализе состава префиксов сказуемого-глагола непродуктивного и продуктивного оборота (см. стр. 33). Здесь можно лишь отметить, что объектные префиксы стоят первыми в глагольной форме и имеют огласовку «ы», выпадающую перед последующими долгими гласными «а, и, е».

В более редких случаях формы непродуктивного и продуктивного залогов образуются в адыгейском языке от одной и той же глагольной основы без всякого ее изменения. Разница между продуктивным и непродуктивным залогом выражается в этом случае только разницей в системе спряжения — той разницей, которая обычна для адыгейских заложных форм. Таковы, например, следующие глагольные основы:

Залог

Непродуктивный

Продуктивный

жъо — паши (вообще), занимайся паханием

жъо — паши (нечто)

пкIэ — поли, пропалывай (вообще), занимайся полкой

пкIэ — поли, пропалывай (нечто)

гу — толки, рушь (о пшене), занимайся рушением

гу — толки, рушь (пшено)

лъытэ — считай (вообще), занимайся счетом

лъытэ — считай (нечто)

къутэ — колись, разбивайся, коли, разбивай (вообще)

къутэ — коли, разбивай (нечто)

упкIэ — коси (вообще), занимайся косьбой

упкIэ — коси (нечто)

Во всех предшествующих случаях мы приводили примеры, когда оба залога — и непродуктивный и продуктивный — могут быть образованы от одной и той же глагольной основы. Однако значительное и даже, повидимому, преобладающее число адыгейских глаголов не обладает этим свойством. Каждый из глаголов этой группы образует формы лишь одного какого-либо залога — или непродуктивного, или продуктивного. Эта группа глаголов вполне аналогична русскому делению глаголов на переходные и непереходные. Тем не менее, в отличие от русского, в адыгейском и здесь сохраняется обычная разница между непродуктивным и продуктивным типом спряжения:

¹ Напомним, что в состав гласных «у» и «и» исторически входит краткий гласный «ы», т. е. «у» = «уы», а «и» = «йы».

Залог

Непродуктивный

сты — гори
 блэ — свети
 щтэ — пугайся
 тхъо — хватай (вообще), занимайся хватанием
 гушылэ — говори (вообще), разговаривай
 псэу — живи
 чъые — спи
 пхъапхъэ — крошись
 укытэ — стыдись
 льэхъу — беги (рысью)

Продуктивный

лэ — крась (нечто)
 лы — выжигай, прожигай (нечто)
 ику — набивай (нечто)
 штэ — бери (нечто)
 дзы — кидай, бросай (нечто)
 и-такъу — насыпай (нечто)
 лэты — поднимай (нечто)
 убыты — лови (нечто)
 ухы — кончай (нечто)
 льэгъу — видь (нечто)

и т. д.

Таким образом, в настоящее время большинство адыгейских глаголов уже не образует обе заложные формы (продуктивную и непродуктивную) одновременно. Можно думать, что некогда число адыгейских глаголов, которые могли образовывать одновременно обе эти формы, было более значительным. Так, например, следующие глаголы, которые теперь по своему содержанию далеко разошлись и являются в современном языке как бы самостоятельными, друг с другом не связанными глаголами — первоначально, повидимому, являлись лишь двумя различными залогом, образованными от одной и той же глагольной основы:

Залог

Непродуктивный

лэ — умирай

Продуктивный

лы — задуши, загрызи (кого-нибудь)

Такое же позднейшее расхождение значений можно предположить и для других пар глаголов, которые в настоящее время представляют собою или оба непродуктивные или оба продуктивные глагольные основы. Можно думать, что первоначально из этих пар глагольные основы с огласовкой «э» были непродуктивным залогом, а соответственные им глагольные основы с конечным гласным «ы» — залогом продуктивным от одной в той же глагольной основы:

Непродуктивный

щтэ — пугайся

Непродуктивный

щты — замерзай

Продуктивный

шлэ — возделывай, культивируй; делай (о нематериальном объекте), исполняй, совершай, знай¹

Продуктивный

шы — делай (о материальном объекте)

и т. д.

Безусловно, в исторической связи с формами непродуктивного и продуктивного залогов стоят в адыгейском языке также две формы глагольных основ, которые отличаются друг от друга совершенно так же, как образованные от одной глагольной основы формы непродуктивного и продуктивного залогов. Однако эти две формы имеют совершенно иное значение. Они сохраняются в современном адыгейском

¹ Глагол «шлэ» и сейчас еще сохраняется в непродуктивном значении: „свершайся, проходи (о времени)“; «бэ машлэ» — „много проходит (времени)“; «бэ шлагъэ» — „много свершилось, много прошло“.

языке лишь в немногих отдельных глаголах в виде исторического пережитка. Обе формы образуются от глагольных основ, выражающих движение. Одна и та же глагольная основа с огласовкой «э» (соответствующей по форме непродуктивному залогу) выражает направление движения извне внутрь чего-нибудь и потому может быть признана остатком древней, некогда существовавшей «центростремительной формы глагола». Соответственная форма, образованная от той же глагольной основы с огласовкой «ы» (соответствует форме продуктивного залога), выражает обратное направление движения и представляет собою исторический пережиток «центробежной формы глагола» в современном языке. Эти формы сохраняются теперь только в некоторых случаях и образуются от глаголов, большей частью выражающих движение, как например:

Ф о р м ы

Центростремительная

къ-и-щ — сюда ввози (продуктив.)
 къы-р-е-щэ — сюда ввозит
 и-такъу — сыпь внутрь
 р-е-такъо — он сыплет внутрь, он
 ссыпает в
 и-дз — кидай внутрь
 р-е-дзэ — он кидает внутрь, он
 бросает в
 къ-и-плъ — смотри внутрь (непрод.)
 къ-е-плъэ — он смотрит внутрь,
 он заглядывает в

Центробежная

къ-и-щ — сюда вывози (продуктив.)
 къы-р-е-щы — сюда вывозит
 и-такъу — сыпь изнутри
 р-е-тэкъу — он сыплет изнутри, он
 высыпает
 идз — кидай изнутри, выкидывай
 р-е-дзы — он кидает изнутри, он
 выбрасывает
 къ-и-плъ — смотри изнутри (непрод.)
 къе-плъы — он смотрит изнутри,
 он выглядывает

Эти образованные от одной и той же основы и осложненные несколькими префиксами места «центробежные» и «центростремительные» формы, однако, нельзя назвать залогами, так как они не отличаются друг от друга особыми системами спряжения, как настоящие залогы. И «центробежная», и «центростремительная» формы, например, продуктивного глагола спрягаются обе по продуктивному спряжению.

Как мы видели из приведенных примеров, в повелительном наклонении обе эти формы полностью совпадают друг с другом вследствие того, что в конце глагольной основы в этих формах одинаково отпадают оба безударных кратких гласных «э» и «ы» по законам адыгейской морфологии. В остальных формах спряжения, однако, «центробежная» и «центростремительная» формы ясно отличаются друг от друга огласовкой основы:

Ф о р м ы

Центростремительная

Колхозником картоф бэдзэрым
 къы-р-е-щэ || къ-е-щэ
 Колхозник картофель на базар
 привозит (буквально: сюда вво-
 зит || возит)

Центробежная

Колхозником фэтагына бэдзэрым
 къы-р-е-щы
 Колхозник керосин с базара вы-
 возит (буквально: сюда вывозит)

Центробежная и центростремительная формы, которые в современном языке имеют значение лишь исторического пережитка, представляют, однако, большой интерес с точки зрения истории развития форм непродуктивного и продуктивного залогов.¹

¹ О существовании древних центробежной и центростремительной форм в других языках можно судить хотя бы по редким ее пережиткам и в тюрко-татарских языках. Так, в немногих примерах из карачайского и балкарского языка мы находим параллель-

Побудительные залого. Из вторично образуемых залогов мы имеем в адыгейском языке формы двух побудительных залогов. По существу говоря, обе эти формы — побудительный от непродуктивного и побудительный от продуктивного — можно рассматривать как разновидности одного и того же залога, всегда продуктивного по значению и по форме. Побудительные формы могут быть образованы в современном адыгейском языке почти от всех как непродуктивных, так и продуктивных глаголов. В современном языке они употребляются довольно широко и в ряде случаев даже заменяют собою неупотребительные формы продуктивного залога. Однако по своему образованию они представляют собою лишь вторично возникшие формы — формы, вторично образуемые на основе уже существовавшего ранее развития непродуктивных и продуктивных форм. Таким образом, побудительный залог может быть образован только или от непродуктивного, или от продуктивного. Обе эти формы образуются с помощью одного и того же префикса «гъэ-|| гъа-», который ставится непосредственно перед основой глагола. Этот префикс и придает глагольной форме значение побудительности. Следует заметить, что побудительный залог выражает довольно широкий круг оттенков значения и может быть передан по-русски описательно неопределенным наклонением соответствующего глагола с добавлением к нему слов — „заставляет“, „допускает“, „дает“, „позволяет“. Мы уже давали выше в разделе синтаксиса анализ личных префиксов и их значения в обеих разновидностях побудительного залога — при разборе форм сказуемого глагола в побудительных оборотах (см. стр. 49). Здесь мы ограничимся лишь общим напоминанием, что побудительный залог, образованный от непродуктивного по форме спряжения (т. е. по количеству, порядку расположения и формам выражения личных префиксов, а также по употреблению в составе глагольной формы суффикса мн. ч. — «-х»), полностью совпадает с продуктивным залогом. Непродуктивный залог, превращаясь в побудительный, становится по форме продуктивным. Личные префиксы бывшего непродуктивного подлежащего при этом превращаются в объектные префиксы и ставятся первыми в глагольной форме. Лицо того, кто „заставляет“, „позволяет“ и т. д., выражается субъектным префиксом и ставится, как обычно при продуктивном залоге, на последнем месте среди личных префиксов глагола. Таким образом, при образовании побудительного залога от непродуктивного количество личных префиксов в нем увеличивается на один при прочем равном числе остальных префиксов (примеры см. Синтаксис, стр. 49 и сл.).

Побудительный залог, образованный от продуктивного, оставаясь по значению и по форме продуктивным, отличается от него некоторыми

ные глагольные основы, являющиеся, очевидно, историческим раздвоением одного древнего корня, причем присоединяемый к таким корням конечный согласный «т» придает глаголу значение движения от лица говорящего, а конечный согласный «л» — значение движения к лицу говорящему:

кет — уйди (совсем)
кел — приди (сюда)

(первоначальный вид корня сохранился и по сей час в марийском языке, ср. горномарийск. «кэ» — „иди (туда), пойди“).

сат — продай
(ср. ат — бросай)
ал — возьми, купи
(ср. сал — положи)

Интересно отметить, что те же самые согласные «т» и «л» сейчас служат в тюрко-татарских языках глагольными суффиксами образования залогов: первый — для образования побудительного (т. е. переходного по семантике) залога, а второй — для образования возвратного и страдательного (т. е. залога непереходного по значению). Связь между первоначальным значением реального направления движения и позднейшим значением переходности (resp. побудительности) и непереходности (resp. возвратности, страдательности) в этих формах еще довольно ясна.

особенностями. В нем количество личных префиксов также увеличивается на один по сравнению с соответственным продуктивным залогом. Побудительный, образованный от продуктивного, по числу личных префиксов представляет собою таким образом наиболее сложную, так сказать, максимальную глагольную форму. Поэтому в современном, в особенности в литературном, языке наблюдается тенденция избегать этих сложных форм, упрощать их путем выбрасывания или пропуска префиксов некоторых косвенных дополнений (например, орудного, дательного и т. д.). В формах побудительного залога, образованного от продуктивного, на ряду с субъектными префиксами (т. е. префиксами того лица, которое „заставляет“, „позволяет“ и т. д.), стоящими, как обычно в продуктивном залоге, на последнем месте, появляется префикс второго объекта (по смыслу объекта побуждения), т. е. префикс того лица, через посредство которого субъект осуществляет действие. Префиксы, выражающие этот второй объект, представляют собою по форме не что иное, как префиксы косвенного — дательного дополнения. Наконец, на первом месте в глагольной форме побудительного залога, образованного от продуктивного, ставится объектный префикс (т. е. префикс первого объекта) в обычной его форме. Таким образом, побудительный от продуктивного имеет в своем составе по крайней мере три личных префикса. Анализ всех префиксов, входящих в состав этой разновидности побудительного залога, дается нами на стр. 52—53.

Здесь мы даем лишь примеры образования простейших по своему составу и наиболее характерных форм непродуктивного, продуктивного, непродуктивно-побудительного и продуктивно-побудительного залогов (о косвенно-побудительном залоге см. ниже, стр. 330).

Образование заложных форм

Залог

Непродуктивный	Непродуктивно-побудительный	Продуктивный	Продуктивно-побудительный
2 л. ед. ч. субъекта повелит. наклон.	3 л. ед. ч. субъекта настоящ. врем.	2 л. ед. ч. субъекта повелит. наклон.	2 л. ед. ч. субъекта 1-го объекта 3 л. ед. ч. субъекта 2-го объекта повелит. наклон.
кю иди	ма-кю идет	гъа-кю заставляй его итти	е-гъа-кю меня он заставляет итти
пльэ смотри	ма-пльэ смотрит	гъа-пльэ заставляй его смотреть	е-гъа-пльэ меня он заставляет смотреть
щтэ пугайся	ма-щтэ пугается	гъа-щтэ заставляй его пугаться	е-гъа-щтэ меня он пугает
		шлы нечто делай	е-шлы нечто де- лает
		лъэгъу его видь	е-лъэгъу ему ви- деть
		у-быт(ы) его лови	е-гъэ-убыт ему дай ловить
			сы-у-е-гъэ- лъэгъу он дает тебе видеть меня

Кроме этих четырех основных залогов, в адыгейском языке имеется еще два залога, которые представлены лишь немногими глаголами: залог с косвенным объектом (т. е. с местным в значении объекта) и начатки страдательного залога.

Залог с косвенным объектом, т. е. залог с косвенным (по своему историческому происхождению — местным) дополнением в значении объекта, строится по типу непродуктивного залога, в котором в глагольной форме выражен личный префикс косвенного (местного) дополнения. Однако этот второй префикс, будучи дательным-местным по своему значению, в современном адыгейском языке приобрел значение объекта (т. е. обозначает лицо прямого дополнения). По общему правилу непродуктивного спряжения, префикс субъекта в этом залоге стоит в глагольной форме первым и в 3 л. обоих чисел выражен отрицательно (т. е. пропуском префикса). Префикс косвенного объекта стоит вторым после префикса субъекта и выражен обычной формой префикса дательного дополнения. Залог с косвенным объектом исторически образуется от ограниченного числа обычно непереходных глаголов. Анализ форм и порядка расположения его префиксов и соответствующие примеры уже были даны нами в соответствующем разделе синтаксиса (см. стр. 68 и сл.).

Приведем здесь примеры образования форм залога с косвенным объектом в сравнении с формами непродуктивного и продуктивного залогов:

Образование форм залога с косвенным объектом

Залоги

Непродуктивный		С косвенным объектом		Продуктивный	
2 л. ед. ч. субъекта повелит. наклон.	3 л. ед. ч. субъекта настоящ. врем.	2 л. ед. ч. субъекта 3 л. ед. ч. косв. объек- та повелит. наклон.	3 л. ед. ч. субъекта 3 л. ед. ч. косв. объек- та настоящ. врем.	2 л. ед. ч. субъекта 3 л. ед. ч. объек- та повелит. наклон.	3 л. ед. ч. субъекта 3 л. ед. ч. объек- та настоящ. врем.
джэ кричи	маджэ кричит	е-дж зови, кричи (кому-нибудь); читай	е-джэ зовет, кричит (кому-нибудь); читает	джы прочитай (до конца)	е-джы прочи- тывает
плъэ смотри	ма-плъэ смотрит	е-плъ смотри на что- нибудь, осма- тривай, рас- сматривай что-нибудь	е-плъы ¹ смотрит на что-нибудь, осматривает, рассматривает что-нибудь	лъэггъу видь	е-лъэггъу видит
упсэ занимайся обструги- ванием	мэ-упсэ занимает- ся обстру- гиванием	е-упс строгай, по- стругивай по чему-нибудь	е-упсэ строгает, по- стругивает по чему-нибудь	упсы обстругай, выстругай	е-упсы обстру- гивает, выстру- гивает
		е-хъу стачивай (рашпилем), потачивай обо что-нибудь	е-хъо стачивает, по- тачивает обо что-нибудь	хъо обтачивай (рашпи- лем)	е-хъо обтачи- вает ²

¹ Изменение гласного в корне объясняется, очевидно, первоначально центробежным его значением в этой форме залога.

² О разнице в значении между залогом с косвенным объектом и продуктивным в тех случаях, когда они образованы от одного и того же глагольного корня, см. стр. 71 (нецелеустремленная и целеустремленная формы).

От залога с косвенным объектом образуется косвенно-побудительный залог.

Образование форм косвенно-побудительного залога

Залоги

Продуктивно-побудительный

Косвенно-побудительный

2 л. ед. ч. субъекта
3 л. ед. ч. 1-го объекта
3 л. ед. ч. 2-го объекта
повелит. наклонения

3 л. ед. ч. субъекта
1 л. ед. ч. 1-го объекта
2 л. ед. ч. 2-го объекта
настоящего времени

2 л. ед. ч. субъекта
3 л. ед. ч. 1-го объекта
(косвенного объекта)
3 л. ед. ч. 2-го объекта
повелит. наклонения

3 л. ед. ч. субъекта
1 л. ед. ч. 1-го объекта
(косвенного объекта)
2 л. ед. ч. 2-го объекта
настоящего времени

е-гъэ-лъэгъу
заставь его
видеть нечто,
покажи ему
нечто

сы-у-е-гъэ-лъэгъу
он заставляет тебя
видеть меня,
он меня показы-
вает тебе

е-гъэ-пль
заставь его смо-
треть на что-ни-
будь, заставь его
осмотреть нечто

у-къы-с-е-гъэ-пльы
он заставляет тебя
смотреть на меня,
он заставляет тебя
рассматривать меня

е-гъэ-дж
заставь его
прочсть до
конца

къ-е-гъа-дж
заставь его по-
звать (кого-то),
читать (что-то)

у-къы-с-е-гъа-джэ
он заставляет тебя
звать меня

Из этих примеров мы видим, что по порядку расположения личных префиксов 1-го и 2-го объектов (а ниже, стр. 364—365, мы увидим, что и по их форме) продуктивно-побудительный и косвенно-побудительный залоги представляют собою прямую противоположность (если не считать префикса личного направления «къы»). В продуктивно-побудительной форме глагола префикс 2-го объекта стоит между префиксами 1-го объекта и субъекта, а в косвенно-побудительном он стоит первым в слове; между префиксами же 2-го объекта и субъекта стоит префикс 1-го (косвенного) объекта.

Начатки страдательного залога в адыгейском языке мы имеем в тех случаях, когда логическим субъектом является не член общества — не человек. Логический субъект в этих случаях в глагольной форме совсем не выражается, объект превращается в грамматический субъект, и глагольная форма приобретает все признаки непереходного глагола. Страдательные формы употребляются в адыгейском языке пока редко и обычно заменяются формами продуктивного (переходного) залога с обобщенным подлежащим (см.оборот с обобщенным субъектом, стр. 72).

Форма страдательного залога употребляется чаще всего от продуктивных глаголов только со значением трудовых процессов в форме третьего лица обоих чисел прошедшего совершенного времени (перфекта), хотя она может быть образована и от других прошедших и будущих времен:

Лица
субъекта

Страдательный залог

Продуктивный залог

Прошедшее совершенное (перфект)

1		здыгъэ	— я сшил (нечто)
2		бдыгъэ	— ты сшил
3	дыгъэ — сшит	ыдыгъ	— он сшил
1		ддыгъэ	— мы сшили
2		жъудыгъэ	— вы сшили
3	дыгъэх — сшиты	адыгъ	— они сшили

Будущее фактическое

1	—	здыщт	—я сошью (нечто)
2	—	бдыщт	—ты сошьешь
3	дыгъэу дыгъэ хъущт будет шит	ыдыщт	—он сошьет
1	—	ддыщт	—мы сошьем
2	—	жъудыщт	—вы сошьете
3	дыгъэу дыгъэ хъущтых — будут сшиты	адыщт	—они сошьют

Настоящее

1	—	сэды	—я шью
2	—	оды	—ты шьешь
3	дыгъэу дыгъэ мэхъу шьется	еды	—он шьет
1	—	тэды	—мы шьем
2	—	шьоды	—вы шьете
3	дыгъэу дыгъэ мэхъух шьются	ады	—они шьют

Начатки „страдательного“ залога, таким образом, образуются только от продуктивных глаголов. Они представляют собою ни что иное, как форму непродуктивного залога, в которой по общему правилу опущены субъектные префиксы. Таким образом, этот залог по способу выражения личных префиксов является как бы непродуктивным, образованным от продуктивного. Префиксами подлежащего в нем являются префиксы объекта. Этот залог, однако, только с большой натяжкой можно назвать „страдательным“, так как в нем совсем не может быть выражен мыслимый (логический) субъект, если он является членом общества — человеком. Следовательно, если и можно говорить о „страдательном“ залоге в адыгейском языке, то лишь о зачаточных формах этого залога. Настоящий страдательный залог не может быть выражен существующими формами адыгейского глагола, за исключением немногих крайне редких случаев. Примеры употребления „страдательного“ залога в предложениях были даны нами выше в разделе синтаксиса (см. стр. 73—74).

История залогов. Рассмотрим вкратце историю происхождения двух основных залогов — непродуктивного и продуктивного — в адыгейском языке. Первоначально этого различия в адыгейском языке не существовало. Оба современных залога восходят к одному „общему“ залогу, следы которого сохраняются и сейчас в адыгейских диалектах в крайне редких случаях.

Так, в бжедужском:

Клае-р дэгъоу мэ-кьутэ.
Ясень хорошо колется.

Натрыфэ-р дэгъоу мэгу.
Кукуруза хорошо толчется.

Гъунэгъо-р пхъэмэ ахэтэу
мэ-кьутэ.
Сосед, среди дров находясь, ко-
лет.

Шъузэ-р мэ-гү.
Женщина толчет.

Ощэ-р мэ-кьутэ.
Топор колет.

Гурхъо-р мэ-гү.
Ручная просорушка рушит.

Значение этих двух форм было дано нами выше в разделе синтаксиса (стр. 39). В этих выражениях сохраняется пережиток того времени, когда в предложении еще не могло стоять одновременно подлежащего и прямого дополнения и когда подлежащее и прямое дополнение выражались одинаково — прямой формой, а в глаголе и субъект, и объект передавались одним и тем же префиксом «мэ-||ма».

В качестве предшественников непродуктивного и продуктивного залога появляются те „центробежная“ и „центростремительная“ формы глагола, о которых мы говорили выше (стр. 326). В них направление движения внутрь выражалось конечным гласным основы «э», а направление движения наружу — гласным «ы». В дальнейшем, однако, это различие глагольных основ начинает использоваться для выражения непродуктивного и продуктивного действия. Конечный гласный основы «э», служившей для выражения движения внутрь, получает значение формы непродуктивного действия, так как действие без объекта рассматривается как бы направленным „внутри“ — на субъект. Глагольная основа с конечным гласным «ы» получает значение действия, направленного от субъекта „наружу“, т. е. на объект. Формы подлежащего, прямого дополнения и даже орудного дополнения при этом продолжают совпадать, и префикс, с помощью которого они, каждое порознь, выражаются в глаголе, остается еще одинаковым — «мэ || ма». Эта стадия развития залогов ясно видна из следующих бжедужских примеров:

Шъузэ-р мэ-ужъгъэ.	Гъажъор дэгъоу мэ-ужъгъы.
Женщина обдирает.	Просо хорошо обдирается.
Гъэжъо дэе-р ужъгъырэп.	
Плохое просо не обдирается.	

Шъузэ-р мэ-хъаджэ.	Ккоццэ-р мэ-хъэджы.
Женщина мелет.	Пшеница мелется.
Шъузэ-р ма-пшэ.	Тхъэцо-р мэ-пшы.
Женщина месит.	Тесто месится.

В натухайском шапсугском можно сказать:

Пхъашэ-р ма-пшцэ.	Пхъэ-р мэ-пшцы.
Плотник долбит.	Дерево долбится.

Пшцэ-р мэ-пшцы || ма-пшцэ.
Долото долбит.

Ужъгэ-р мэ-ужъгъы || мэужъгъ.

Ручная просодерка обдирает, находится в процессе обдирки

Иашъхъэлэр мэ-хъаджы || мэ-хъаджэ.

Ручная мельница мелет.

и т. д.

Отсюда мы видим, что первоначально разница между непродуктивным и продуктивным залогом возникает в виде различной огласовки глагольных основ, а тип спряжения той и другой формы остается совершенно одинаковым. Совершенно одинаковы по форме субъект и объект в подобных предложениях (оба стоят в прямой форме). Важно отметить, что в предложении и в глагольной форме в таких случаях может стоять лишь один главный член — или субъект, или объект (в натухайском — даже косвенное орудное дополнение в том числе). Для видоизменения глагольных основ используется возникшее ранее формальное различие между „центробежным“ и „центростремительным“ направлением движения. Центробежное направление действия выражает связь действия с субъектом, а центростремительное его направление — связь действия с объектом (в нат. с орудным дополнением может быть связана как первая, так и вторая форма).

На ряду с такими формами в дальнейшем, однако, возникает иной префикс — «е» в составе глагола для выражения тех же самых категорий — или субъекта или объекта. Этот зачаток формы продуктивного залога сохраняется тоже лишь в крайне редких выражениях:

Пхъашэ-р пхъэ-м е-хъо.

Плотник дерево (с оттенком: о дерево) точит || потачивает.

Пхъашэ-м пхъэ-р е-хъо.

Плотник дерево стачивает || обтачивает.

Этот пример замечателен тем, что как первое, так и второе адыгейское выражение по значению весьма близки (нецелеустремленное и целеустремленное значения, ср. стр. 71), но форма дополнительных слов в них — противоположна (другие примеры см. на стр. 70—71). В первом случае предложение построено по типу непродуктивного, и префикс «е» в составе глагола выражает по происхождению местное (по форме: дательное), а по смыслу — прямое дополнение, стоящее в косвенной форме с окончанием «-м». Наоборот, второе предложение построено по типу продуктивного, в нем префикс «е-» выражает по происхождению косвенное дополнение, а по смыслу — продуктивное подлежащее с тем же суффиксом «-м». Таким образом, здесь уже есть зачатки различия двух оборотов и в глаголе — двух залогов. Бросается в глаза, что непродуктивное подлежащее и прямое дополнение, с одной стороны, и продуктивное подлежащее и косвенное дополнение в значении объекта — с другой, формально выражены здесь совершенно одинаковым образом.

В это же время, надо полагать, складывается различие двух категорий притяжательных префиксов — префиксов органической и имущественной принадлежности (см. выше стр. 299 и сл.).

Таким образом, к этому моменту налицо все те формальные элементы, из которых складывается различие современных непродуктивного и продуктивного залогов. Остается только дифференцировать (разграничить) употребление префикса «мэ-||ма-» за непродуктивным, а префикса «е-» — за продуктивными залогом, точно так же, как гласный в конце глагольной основы «э» и прямую форму подлежащего — за первым, а такой же гласный «ы» и косвенную форму подлежащего — за вторым. Вместе с тем получает объяснение и залог с косвенным объектом, как пережиток первоначального „общего“ (т. е. и непродуктивного, и продуктивного) употребления префикса «е-».

Две формы личных префиксов глагола — с огласовкой «ы» и без огласовки — первоначально также имели различное значение, которое обнаруживается в употреблении первой формы для выражения непродуктивного субъекта и объекта, а второй формы — для обозначения продуктивного субъекта (подробнее об этом см. ниже стр. 358). Это первоначальное формальное различие подтверждается исчезновением конечного краткого гласного «э» в конце глагольной формы в связи с огласовкой «ы» в префиксах (см. выше стр. 310).

Итак, в результате нашего разбора истории залогов мы видим, что в основе развития современных непродуктивного и продуктивного залогов лежит единый первоначальный „общий“ залог. По форме подлежащего и субъектных префиксов этот залог совпадает с теперешним непродуктивным. Историческая основа развития этих залогов та же, что и развития соответственных оборотов (см. выше стр. 39). Побудительные залоговые формы развились в связи с развитием побудительных оборотов. Более детально мы говорили об этом также выше (см. стр. 53). О происхождении начатков страдательного залога см. о начатках страдательного оборота (стр. 73).

Отглагольные имена. Под отглагольными именами мы понимаем те формы, которые соответствуют русским отглагольным именам существительным, причастиям, или отглагольным именам прилагательным, и деепричастиям, или отглагольным наречиям.

Отглагольные имена могут выражать название процесса действия с оттенком цели или желательности (образуются с помощью суффикса «-н») и название того же процесса с оттенком фактичности. Это второе имя образуется от первого с помощью прибавления к его окончанию второго суффикса «-гъэ». Таким образом, второе имя имеет составной суффикс «-ны-гъ». Первое имя можно перевести по-русски неопределенным наклоном, хотя точнее было бы его переводить отглагольным существительным, выражающим целевую (желательную) форму действия.

Непродуктивный (непереходный)

Отглагольное имя
существительное

Причастие со значе-
нием страдатель-
ного залога

Причастие со значе-
нием действительного
залога

Основная форма для образо-

2-е лицо ед. ч. субъекта
повелительного накло-
нения.

мытхэ
не приступивший
писать, не (пред-
назначенный) для
писания,
(чтобы) не писать

[тхэ]
[пишущий]

тхэ
пиши (вооб-
ще), зани-
майся писа-
нием

Прошедшее
совершенное
с отглаголь-
ным
началом или
конца дейст-
вия (аорист)

3-е лицо ед. ч. субъекта
всех времен

тхэрэ
пишущий (вообще),
занимающийся писа-
нием

матхэ
он пишет (вообще),
занимается писа-
нием

Настоя-
щее
время

тхэщтыгьэр
писавший (вообще),
занимавшийся писа-
нием;
тот, кто писал (вообще);
который писал (вообще)

тхэщтыгьэ
(он) писал (вообще),
(он) писал было
(вообще),
(он) занимался
писанием,
(он) занимался бы-
ло писанием (, но...)

Прошедшее не-
совершенное
(имперфект)

тхагьэр
пописавший (сейчас
вообще),
тот, кто (сейчас)
пописал (вообще);
который (сейчас)
пописал (вообще),
(сейчас) кончивший
писать (вообще),
(сейчас) кончивший
заниматься писанием

тхагьэ
(он) пописал
(сейчас вообще),
(он сейчас) кончил
писать (вообще),
(он) кончил (сейчас)
заниматься писа-
нием

Прошедшее совершен-
ное (перфект)

тхэгьагьэр
писавший (тогда во-
обще),
тот, кто (тогда) попи-
сал (вообще),
который (тогда) попи-
сал (вообще),
кончивший (тогда)
писать (вообще)

тхэгьагьэ
(он тогда) писал
(вообще),
(он тогда) кончил
писать (вообще),
(он тогда) кончил
заниматься писа-
нием

Преждепрошедшее
совершенное
(плюсквамперфект)

тхэщтыр
тот, кто будет писать
(вообще);
тот, кто будет зани-
маться писанием;
тот, кто напишет
(вообще);
тот, кто займется
писанием;
который будет писать
(вообще),
который будет зани-
маться писанием

тхэщт
он будет писать (вообще),
напишет (вообще),
будет заниматься
писанием,
займется писанием.

Будущее фактическое

НИЕМ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЧАСТИЙ

оги

Продуктивный (переходный)

вания отглагольных имен	Причастие со значением действительного залога	Причастие со значением страдательного залога	Отглагольное имя существительное
-------------------------	---	--	----------------------------------

2-е лицо ед. ч. субъекта
3-е лицо ед. ч. объекта
повелительного наклонения

тхы
пиши (что-нибудь)

[тхы]
[написавший]
[-пйсөц]

мытхы
не написанный

3-ье лицо ед. ч. субъекта
и объекта всех времен

этхы
пишет (что-нибудь)

зытхырэ
пишущий (нечто),
тот, кто пишет (нечто),
который пишет (нечто)

атхырэ
(писомый)
то, что пишут,
который пишут

ытхыщтыгь
он писал (что-нибудь),
он писал было
(, но...)

зытхыщтыгьэр
писавший (нечто),
тот, кто писал (нечто),
тот, кто писал было
(нечто),
который писал (нечто),
который писал было
(нечто)

атхыщтыгьэр
писанный,
то, что они писали,
который они писали,
то, что они писали
было,
который они писали
было

ытхыгь
он написал (сейчас
что-нибудь)

зытхыгьэр
написавший (сейчас
нечто),
тот, кто написал (сейчас
нечто),
который написал (сейчас
нечто)

атхыгьэр
(сейчас) напи-
санный, то, что
они написали
(сейчас),
который они
написали (сей-
час)

тхыгьэ
написано
(сейчас),
написан
(сейчас),
написанный
(сейчас)

ытхыгьагь
он написал
(тогда что-нибудь)

зытхыгьагьэр
написавший (тогда нечто),
тот, кто написал (тогда
нечто),
который написал (тогда
нечто)

атхыгьагьэр
написанный
(тогда), то, что
они написали
(тогда),
который они
написали (тогда)

тхыгьагьэ
написано
(тогда),
написан
(тогда),
написанный
(тогда)

ытхыщт
он напишет (нечто),
будет писать (нечто)

зытхыщтыр
тот, кто напишет (нечто),
тот, кто будет писать
(нечто),
который напишет (нечто),
который будет писать
(нечто)

атхыщтыр
то, что они пишут,
то, что они будут
писать,
который они напи-
шут,
который они будут
писать

Непродуктивный (непереходный)

Отглагольное имя существительное	Причастие со значением страдательного залога	Причастие со значением действительного залога	Основная форма для образования 2-е лицо ед. ч. субъекта повелительного наклонения	
<p>тхэн писать (вообще), заниматься писанием, способный писать (вообще), способный заниматься писанием, способность писать</p>	<p>тхэштгээр тот, кто писал бы (вообще); тот, кто занимался бы писанием; который писал бы (вообще), который занимался бы писанием</p>	<p>тхэн предполагает писать (вообще), предполагает заниматься писанием, должен будет писать (вообще), должен будет заниматься писанием</p>	<p>тхэштгээ (он) писал бы (вообще), (он) занимался бы писанием</p>	<p>Будущее неопределенное Условное 1-е</p>
	<p>тхэштгягээр тот, кто тогда писал бы (вообще); тот, кто тогда занимался бы писанием; который тогда писал бы (вообще), который тогда занимался бы писанием</p>	<p>тхэштгягээ (он) тогда писал бы вообще, (он) тогда занимался бы писанием</p>		<p>Условное 2-е</p>
<p>тхэныгь писание (вообще), занятие писанием</p>		<p>тхэнгээ тхэни тхэния¹ он писал бы (вообще), он предполагал бы писать (вообще), он должен был бы писать (вообще)</p>		<p>Условное 3-е</p>
		<p>тхэнгягээ он писал бы (тогда вообще), он предполагал бы писать (тогда вообще), и т. д.</p>		<p>Условное 4-е</p>

¹ Последняя форма со значением подтвердительного наклонения — гл. обр. в шапсугском диалекте.

НИЕМ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЧАСТИЙ

о г и

Продуктивный (переходный)

вания отглагольных имен	Причастие со значением действительного залога	Причастие со значением страдательного залога	Отглагольное имя существительное
-------------------------	---	--	----------------------------------

2-е лицо ед. ч. субъекта
3-е лицо ед. ч. объекта
повелительного наклонения

ытхын

предполагает написать
(нечто) || писать (нечто),
должен будет написать
(нечто) || писать (нечто)

тхын

написато
(нечто),
чтобы написать
(нечто);
то, что подлежит написанию

ытхыщтгъэ

(он) написал бы
(нечто),
(он) писал бы
(нечто)

зытхыщтгъэр

тот, кто написал бы
(нечто);
который написал бы
(нечто),
тот, кто писал бы (нечто);
который писал бы (нечто)

атхыщтгъэр

то, что (они) написали бы;
который (они) написали бы;
то, что они писали бы,
который (они) писали бы

ытхыщтгъагъэ

он (тогда) написал бы
(нечто),
он (тогда) писал бы
(нечто)

зытхыщтгъагъэр

тот, кто (тогда) написал бы (нечто);
который (тогда) написал бы (нечто),
тот, кто (тогда) писал бы
(нечто);
который (тогда) писал бы
(нечто)

атхыщтгъагъэр

то, что (они тогда) написали бы;
который (они тогда) написали бы,
то, что (они тогда) писали бы;
который (они тогда) писали бы

ытхынгъэ || ытхыни || ытхыния¹

он написал бы
(нечто),
он писал бы (нечто),
он предполагал бы написать (нечто) ||
писать (нечто),
он должен был бы написать (нечто) ||
писать (нечто)

тхыныгъ

писание
(чего-нибудь),
написание
(чего-нибудь)

ытхынгъагъэ

он написал бы (тогда нечто),
он писал бы (тогда нечто),
он предполагал бы написать (тогда нечто) ||
писать (тогда нечто)

Отглагольные имена со значением причастий образуются в адыгейском от основ с различными временными значениями. В соответствии с этими временными отличиями мы имеем в адыгейском языке семь причастий от непродуктивных и четырнадцать от продуктивных глаголов. Причастия от непродуктивных глаголов логически (по мысли) выражают лицо действующее, т. е. имеют субъектный характер. Причастия от продуктивных глаголов могут иметь как субъектный, так и объектный характер. Это двойное количество причастий от продуктивных глаголов объясняется тем, что каждый временный оттенок может иметь по два причастия. Первое из них по своему значению является именем лица действующего (именем субъекта действия), а второе — именем объекта действия (именем продукта). Первое по-русски будет соответствовать причастию действительного залога, а второе — причастию страдательного залога. Различаются обе эти формы префиксами. Субъектное по значению причастие образуется с помощью префикса «зы-» — „сам“, а объектное по значению причастие — с помощью субъектного же префикса З л. «а-» или «ы-», которые придают форме характер обобщенного, неопределенного субъекта и получают как бы „безличное“ в отношении субъекта значение. Причастия непродуктивных глаголов в отличие от продуктивных причастий образуются без всяких префиксов.

Рассмотрим образование каждого временного оттенка причастий в отдельности. Все причастия оканчиваются на специальный суффикс, выражающий причастную форму — в настоящем времени «-рэ», а во всех остальных временах — «-р». Причастие настоящего времени не имеет специального временного суффикса. Причастие будущего времени имеет суффикс «-шт» и выражает будущее фактическое. Причастие прошедшего совершенного времени с результатом в настоящем (перфект) образуется с помощью суффикса «-гъэ». Причастие прошедшего совершенного с результатом в прошлом (плюсквамперфект) образуется с помощью составного суффикса «-гъа-гъэ», который представляет собою ни что иное, как удвоенный суффикс причастия перфекта. Причастие прошедшего несовершенного времени (имперфект) образуется с помощью сложного суффикса, который составил из суффикса причастия будущего времени — «-шты» и суффикса перфекта «-гъэ». Это причастие в отличие от следующего имеет ударение на первом слоге. Причастие 1-го условного времени (т. е. прошедшего недавнего времени с оттенком возможности или нереальности) образуется с помощью сходного суффикса «-шт-гъэ». Однако ударение в этом причастии ставится в отличие от предыдущего на втором слоге от начала слова. Наконец, причастие 2-го условного времени (т. е. далекого прошедше-будущего времени с оттенком возможности или нереальности) образуется с помощью сложного по своему составу суффикса «-шт-гъа-гъэ», который представляет собою слияние суффикса причастия будущего времени «шт» с суффиксом причастия плюсквамперфекта — «-гъагъэ».

Приводим примеры образования причастий с переводом их на русский язык на прилагаемой таблице (стр. 334—337).

Деепричастия в адыгейском языке представлены так же широко, как и причастия. Они имеют различные временные оттенки и выражают главным образом те формы, которые служат для образования сказуемых в различных придаточных предложениях (см. о придаточных формах глагола, стр. 105):

Образование деепричастий

Непродуктивный

Продуктивный

Настоящее время

щэфэу — он покупая (вообще)
щэфэзэ — он покупая (вообще)¹

ыщэфэу — он покупая (что-то)
ыщэфэзэ — он покупая (что-то)¹

¹ В остальных временах форма с суффиксом «-зэ» приобретает условное или уступительное значение (см. стр. 131).

Прошедшее совершенное (перфект)

щэфэгъэу — он купив (вообще)
Щэфэгъэу къэкӀожьыщтыгъэ.
Купивши, он возвращался.

ыщэфыгъэу — он купив (что-то)
Ыщэфыгъэу къэкӀожьыщтыгъэ.
Купивши (что-то), он возвращался.

Давнопрошедшее совершенное

щэфэгъагъэу — он купив тогда,
давно (вообще)
Къэщэфэгъагъэу къэкӀожьыщ-
тыгъэ.
Купивши (тогда, давно), он возвра-
щался.

ыщэфыгъэу — он купивши тогда,
давно (что-то)
Къыщэфыгъагъэу къэкӀожьыщ-
тыгъэ.
Купивши тогда, давно (что-то), он
возвращался.

Будущее фактическое

щэфэщтэу — будучи готов купить
(вообще)
Щэфэщтэу къыӀожэ.
Будучи готовым купить, он ждет
тебя.

ыщэфыщтэу — будучи готов ку-
пить (что-то)
Ыщэфыщтэу къыӀожэ.
Будучи готов купить (что-то), он
ждет тебя.

Будущее возможное

щэфэнэу — будучи готов купить
(вообще)
Щэфэнэу къыӀожэ — будучи готов
купить, он ждет тебя.

ыщэфынэу — будучи готов купить
(что-то)
Ыщэфынэу къыӀожэ — будучи готов
купить (что-то), он ждет тебя.

Вообще деепричастное значение форм с суффиксом «эу», «-у» прямо развивается из значения превратительного падежа, и адыгейское деепричастие, таким образом, представляет собою превратительную форму, образованную от основы глагола. Эти значения, в особенности в будущем времени, легко переходят в иные, например целевые и т. п. значения придаточных форм.

Времена. Адыгейский глагол в отличие от русского имеет значительное количество времен. В особенности богато развиты временные формы, выражающие различные оттенки прошедших времен. Эти различные оттенки выражают не только настоящие временные значения, но также различные оттенки законченности и незаконченности, результативности и нерезультативности, фактичности, возможности, желательности и т. п. действия.

По своему происхождению и образованию адыгейские времена стоят в тесной связи с отглагольными именами и причастиями. Адыгейские времена образуются с помощью тех же суффиксов, что и соответствующие причастия или отглагольные имена.

Рассмотрим значение и образование каждого времени в отдельности. Адыгейский глагол имеет два будущих времени. Будущее первое или фактическое выражает реальное действие в будущем. Оно образуется непосредственно от основы глагола путем присоединения к ней суффикса «-щт» (в бжедухском диалекте — суффикса «-т || -йт»). Будущее второе или необходимое выражает нереальное, но необходимое или предполагаемое действие в будущем, или такое реальное действие, которое неизбежно — нежелательно или желательно — для говорящего. Это время образуется от основы первого отглагольного имени без прибавления каких-либо суффиксов. Будущее второе не имеет в адыгейском языке соответствующего ему причастия. Отличие второго будущего времени от первого легко можно установить из следующих примеров:

Будущее первое фактическое

Неушы сыкӀощт.

Я завтра (фактически) поеду.

ЕслӀомэ, кӀощтба?

Если ему скажу, ведь он поедет?

Если я ему скажу, поедет же он?

Если я ему скажу, разве он не поедет?

Будущее второе необходимое или предположительное

Неушы сыкӀон.

Мне завтра (необходимо) поехать.

Мне (придется) завтра поехать.

Я (вынужден) завтра поехать

ЕслӀомэ кӀонба?

Если я ему скажу, неужели он не поедет?

СыкӀон фае.

Мне нужно || необходимо поехать.

Я должен поехать.

Бэу сыкӀон.

Я (охотно) поеду.

Я (с удовольствием) поеду.

СыкӀон сэӀо.

Я думаю поехать.

Я предполагаю поехать.

Настоящее время образуется в адыгейском языке непосредственно от основы глагола без всяких специальных суффиксов и выражает тот же временной оттенок, что и настоящее время в русском языке.

Из прошедших времен наиболее употребительным является перфект. Это время выражает действие, закончившееся в недавнем прошлом, результат которого продолжается в настоящем. Перфект образуется от основы глагола с помощью прибавления к ней суффикса «-гъэ». Адыгейский плюсквамперфект выражает действие, закончившееся в более или менее отдаленном прошлом, результат которого продолжался в прошлом. Образуется он от основы глагола с помощью сложного суффикса «-гъа-гъэ», который представляет собою удвоение суффикса перфекта. Прошедшее несовершенное, или имперфект, выражает действие незаконченное или многократно повторявшееся в прошлом. Оно образуется путем присоединения к основе глагола составного суффикса «щты-гъэ».

Кроме перечисленных времен, в адыгейском языке имеются еще четыре времени с нереальным значением — четыре условных времени, которые употребляются в так называемом условном периоде в главном предложении (при нереальном условии). Первое условное (нереальное) время обозначает недавнее прошедшее с оттенком нереальности. Оно имеет суффикс почти одинаковый с имперфектом, но отличается от него по месту ударения. В то время как ударение в имперфекте стоит на личном префиксе, а при его отсутствии на первом слоге глагольной основы, — в первом условном времени ударение всегда стоит на последнем слоге глагольной основы (т. е. перед окончанием -щтгъэ). Первое условное время имеет значение прошедшего и будущего с оттенком долженствования или возможности. Второе условное (нереальное) время выражает дарнопрошедшее (плюсквамперфект) с оттенком долженствования или возможности. Оно образуется путем прибавления сложного суффикса «щт-гъа-гъэ», состоящего из суффикса будущего времени «щт» и суффикса плюсквамперфекта «гъа-гъэ». Наконец, от первого отглагольного имени с окончанием «-н» с помощью суффикса «гъэ», «гъ-и» или «и» (последнее — главным образом в западно-адыгейских диалектах) образуется третье условное (нереальное) время и выражает собою нереальное действие в прошлом, повидимому, с оттенком желательности или нежелательности. Сверх того, от той же формы с окончанием «н» с помощью суффикса плюсквамперфекта «-гъа-гъэ» («гъа-гъи») образуется

четвертое условное (нереальное) время, выражающее давно прошедшее действие (плюсквамперфект) с оттенком также, повидимому, желательности или нежелательности. Все четыре адыгейских условных времени соответствуют русскому сослагательному наклонению в главном предложении. Из них последние два (3-е и 4-е условные времена) употребляются сравнительно редко (см. Синтаксис, стр. 128—129). Эти четыре условных времени мы считаем подлинными временными формами, которые входят в систему образования адыгейских времен, а не наклонений. К этому выводу можно прийти, если принять во внимание, что условные времена, как и остальные, образуют каждое формы большинства адыгейских наклонений.

Как мы видели выше, прошедшее несовершенное (имперфект) и первое условное времена очень близки друг другу по своим суффиксам «-щтыгъ(э)» и «-штгъэ». В литературном языке между ними должно быть установлено различие в окончаниях (появление и исчезновение конечного гласного «э» в суффиксе имперфекта того же типа, что и в суффиксе перфекта, см. стр. 323). В живом произношении, однако, эта разница существует не всегда, так как конечный гласный «э» в этих формах может слышаться и в обоих данных временах. Более устойчива разница между этими двумя временами в отношении места ударения. Имперфект сохраняет ударение или на личном префиксе (если последний имеет гласный) или на первом слоге глагольной основы, т. е. передвигает его возможно ближе к началу слова, первое же условное время сохраняет ударение на последнем слоге глагольной основы, т. е. передвигает его возможно ближе к концу основы:

Прошедшее несовершенное (имперфект)

Первое условное

сытхэщтыгъ
я писал (вообще)
ытхыщтыгъ
он писал (нечто)
сльэгъущтыгъэ
я видел
ыльэгъущтыгъ
он видел

сытхэштгъэ
я писал бы (вообще)
ытхыштгъэ
он написал бы (нечто)
сльэгъүштгъэ
я видел || увидел бы
ыльэгъүштгъэ
он видел || увидел бы

Кроме разницы в ударении и кроме сохранения и отпадения конечного гласного «э», — в тех случаях, когда обе формы все же совпадают, для различения обоих времен введена чисто орфографическая разница: окончание имперфекта пишется всегда как «-щтыгъ(э)», а окончание первого условного — как «-штгъэ»:

тхэщтыгъэ
он писал (вообще)

тхэштгъэ
он писал бы (вообще)

Рассматривая адыгейские времена с точки зрения оттенков их значения, мы должны отметить, что они выражают несколько таких оттенков: во-первых, законченность или незаконченность действия (времена совершенные, т. е. передаваемые по-русски совершенным видом, и времена несовершенные, соответствующие русскому несовершенному виду); во-вторых, в прошедшем времени различаются времена давние и недавние (т. е. относящиеся к уже истекшему периоду времени и к периоду времени еще не истекшему, продолжающемуся в настоящем); в-третьих — времена результативные, т. е. выражающие такое действие, результат которого длится после его окончания, и нерезультативные, которые не выражают результата совершившегося действия; в-четвертых — времена фактические, обозначающие реальное существующее действие, и времена, выражающие оттенок необходимости, предположительности, желательности или не-

желательности; наконец, в-пятых — времена безусловные и условные. Временами совершенными в адыгейском языке являются прошедшие — перфект и плюсквамперфект, которые в то же время должны быть отнесены и к результативным временам. Разница между ними заключается в том, что перфект обозначает действие, совершившееся в не-далеком прошлом, и в то же время такое, результат которого длится в настоящем. Плюсквамперфект же обозначает действие, завершившееся в далеком прошлом, и такое, результат которого длился в истекшем периоде времени (например, в прошлом месяце, в прошлом году и т. д.), а в настоящее время этого результата уже не существует. Будущее первое фактическое выражает такое действие, которое реально совершится в будущем, независимо от отношения к нему лица говорящего. Будущее второе выражает действие с оттенком предположения, долженствования или такое, осуществление которого в будущем желательно или нежелательно для говорящего.

Вся эта богато развитая система времен выражена в адыгейском языке с помощью сравнительно небольшого числа суффиксов. Суффиксы эти следующие: «-шт, -н, -гъэ, -гъа-гъэ (шты-гъэ, шт-гъэ, шт-гъа-гъэ, -н-гъэ, -ни, -н-гъа-гъэ)». Они образуют времена и временные оттенки причастий — каждый в отдельности или в сочетании друг с другом. Суффикс «-н» имеет значение цели, а также желательности или нежелательности действия. Суффикс «-шт» (бжедужское «-т, -йт») придает значение будущего времени, а в соединении с другими временными суффиксами — также значение незаконченности и многократности действия. Наконец, суффикс «-гъэ» обозначает или прошедшее время, или нереальность действия. В этом последнем случае он довольно точно соответствует русским частицам „было, бы“. Наконец, суффикс параллельной формы одного из условных времен: ср. «ытхы-н-и» (из: ытхы-ны-й) имеет в своем составе «й», которое, очевидно, восходит к адыгейскому союзному суффиксу «и» — русский союз «и».

Из всех этих суффиксов наиболее ясно происхождение предпоследнего. Он развился, несомненно, из существующего и сейчас в адыгейском языке первичного односложного слова-корня «гъэ» — „теплое время года, лето, сезон, год“, которое стоит в исторической связи с другим таким же словом — «гъо» — „пора, время“. Таким образом, первоначально перфект выражал буквально действие, совершившееся прошлым летом, в прошлом году. Удвоенный же суффикс плюсквамперфекта — «-гъа-гъэ» буквально обозначал „позапрошлым летом, два года назад, очень давно“. Менее ясен по происхождению суффикс отглагольного имени с оттенком цели и будущего второго: «-н». Этот суффикс, по всей вероятности, восходит к односложному первичному слову-корню „нэ“, сохраняющемуся в современном языке в значении „отверстие в насадке орудия, глаз“. Он же существует в виде глагольного корня «[нэ]» — „застревай, оставайся (там)“, что непосредственно связано с его вышеуказанным значением. От значения „глаз“ развивается глагольный префикс «нэ-», очень редкий в адыгейском, но довольно распространенный в кабардинском со значением „туда, там, в сторону от первого лица“. Первоначальное развитие этого значения объясняется следующим образом: „отверстие в насадке орудия, глаз“ — „место, которое видит глаз“ — „далеко, там“. Таким образом, первоначально суффикс «-н» имел пространственное значение, но из пространственных значений в ходе развития языка развивались временные. „Далеко, там“ стало обозначать „далекое время, будущее время“ и, наконец, получило оттенок цели и желательности (т. е. нереальности). Наконец, суффикс будущего фактического времени «шт» напоминает самостоятельное слово глагол «щыт» — „находишься в какой-либо местности, являйся, будь“, откуда через глагольное же служебное слово «щтын» — „наверно, может статься“ развивается значение его как суффикса будущего времени. Образование

отглагольных имен, времен и наклонений с изменением их по лицам субъекта мы можем видеть на следующей таблице как в продуктивном, так и в непродуктивном залогах (см. стр. 334—337).

Возникает вопрос, почему в адыгейском языке по сравнению с русским так много временных форм. В то время как в русском мы имеем три времени, в адыгейском насчитывается до девяти времен. Эта особенность адыгейского языка объясняется тем, что адыгейский глагол совсем не имеет видовых форм (исключения представляют формы отглагольных имен с суффиксами «рил, -лэ-, рен»), которые передают оттенки многократности действия, см. стр. 259). В то время как в русском языке такие оттенки, как законченность, совершенность и незаконченность, несовершенность, выражаются не временами, а видами, в адыгейском языке почти нет другого способа выразить эти различия, как применить различные времена. Кроме того, русское условное (а по старой грамматике — сослагательное) наклонение выражается в адыгейском глаголе не формой наклонения, а тоже временными формами. Таким образом, богатство адыгейских временных форм зависит от того, что времена в этом языке выражают, кроме временных оттенков, также значение видов и отчасти русских наклонений. Если подсчитать в русском языке количество временных, видовых и т. д. форм глагола, то мы получим число немногим меньшее числа временных глагольных форм в адыгейском языке.

Наклонения. В отделе синтаксиса мы уже видели, что в адыгейском языке имеется несколько типов предложений (см. стр. 22), которые выражаются различными формальными частицами, присоединяемыми к окончанию сказуемого. В зависимости от типов предложения — утвердительного, отрицательного, вопросительного, вопросительно-подтвердительного, подтвердительного и т. д. — мы различаем и в глаголе, в тех его формах, которые служат для выражения сказуемого в каждом из этих типов, такое же количество наклонений. Таким образом, глагольная форма наклонения выражает собою тот же оттенок значения, что и тип предложения в целом, т. е. отношение содержания речи к действительности. Следовательно, мы имеем в адыгейском следующие наклонения: повелительное, утвердительное (соответствует русскому изъявительному), отрицательное (соответствует русскому изъявительному с отрицанием), вопросительное, вопросительно-подтвердительное по значению и вопросительно-отрицательное по форме, подтвердительное и желательное. Из этих наклонений все, кроме повелительного, вопросительно-подтвердительного и желательного, имеют каждое по полному числу адыгейских времен. Таким образом, четыре наклонения — утвердительное, отрицательное, вопросительное и подтвердительное — имеют каждое по девять временных форм. Повелительное и вопросительно-подтвердительное имеют лишь форму настоящего времени, а повелительное, кроме того, при изменении по лицам имеет лишь два лица: второе лицо един. ч. и второе лицо множ. ч. Остальные лица повелительного наклонения выражаются лишь описательно (см. таблицу стр. 344). Что касается желательного наклонения, то оно имеет лишь две временные формы, общие для всех времен.

Повелительное наклонение выражает просьбу или приказание. Оно образуется от чистой глагольной основы без помощи каких-либо суффиксов. Во втором лице ед. ч. повелительного наклонения отсутствует обычно также и префикс, выражающий субъект. Последний, однако, может появиться в отрицательной форме этого наклонения. В отличие от формы специального отрицательного наклонения, выражаемой особым суффиксом, повелительное наклонение (если не считать причастий, деепричастий и нек. др. придаточных форм) представляет собою единственное из наклонений, которое образует свою собственную отрицательную форму с помощью префикса отрицания «мы-». Система личных префиксов в повелительном наклонении образуется по типу сложного спряжения (префиксы с огласовкой «ы» или без огласовки).

Утвердительное наклонение не имеет специального суффикса. В конце глагола в утвердительном наклонении мы имеем лишь суффиксы времен. Система личных префиксов в утвердительном наклонении употребляется смешанная. Настоящее время этого наклонения имеет субъектные префиксы, свойственные простому спряжению (префиксы с огласовкой «э») и систему субъектных префиксов, характерную для сложного спряжения во всех остальных временах (префиксы с огласовкой «ы» или без огласовки).

Отрицательное наклонение характеризуется специальным суффиксом «-п». Настоящее время этого наклонения образуется от причастия настоящего времени и имеет, таким образом, сложный суффикс «-рэ-п». Все времена отрицательного наклонения образуются по системе сложного спряжения (личные префиксы с огласовкой «ы» или без огласовки). Здесь следует отметить, что отрицательная форма повелительного наклонения, образуемая от него с помощью префикса отрицания «мы-», не может быть отнесена к этому отрицательному наклонению. Отрицательная форма повелительного наклонения должна считаться особой формой повелительного же наклонения (см. выше повелительное наклонение).

Вопросительное наклонение образуется с помощью особого суффикса «-а». В настоящем времени вопросительного наклонения употребляется система личных префиксов, свойственная простому спряжению (префиксы с огласовкой «э»). Остальные времена вопросительного наклонения имеют систему личных префиксов, характерную для сложного спряжения (префиксы с огласовкой «ы» или без огласовки).

Подтвердительное наклонение образуется с помощью суффикса «-ба» и изменяется по лицам в настоящем времени по системе простого спряжения (префиксы с огласовкой «э»), а в остальных временах — по системе сложного спряжения (префиксы с огласовкой «ы» или без огласовки).

Вопросительно-подтвердительное наклонение образуется с помощью сложного суффикса «-рэ-ба», в состав которого входит, во-первых, суффикс причастия настоящего времени «-рэ» и, во-вторых, — суффикс подтвердительного наклонения «-ба». Таким образом, вопросительно-подтвердительное наклонение образуется, так же как и настоящее время отрицательного наклонения, от основы причастия настоящего времени. Вопросительно-подтвердительное наклонение имеет лишь одно время — настоящее, так как во всех других временах оно целиком совпадает с подтвердительным наклонением и отличается от него только интонацией (повышением голоса) в конце предложения. Примеры образования наклонений в форме настоящего времени мы можем представить в виде следующей таблицы:

1. Повелительное наклонение

(2-е лицо множественного числа субъекта)

Личные префиксы
(типа сложного спряжения)

+

основа глагола

Глагольное спряжение

Именное спряжение

Непродуктивный: шъу-тх
пишите

шъу-шаклю

будьте охотниками, охотничайте

Продуктивный: шъу-тхы
пишите (нечто)

Описательная форма повелительного наклонения

Глагольное спряжение

Именное спряжение

ед. число

ед. число

Непродуктивный: о-рэ-тхэ
пусть он пишет

о-рэ-шаклю
пусть он будет охотником

о-рэ-тхэх
пусть они пишут

о-рэ-шакло-х
пусть они будут охотниками

ед. число

Продуктивный: е-рэ-тх
пусть он пишет (нечто)

мн. число

а-рэ-т-х
пусть они пишут (нечто)

2. Утвердительное наклонение

(1-е лицо единственного числа субъекта)

Личные префиксы + основа глагола + суффиксы времен
(типа простого и сложного спряжения)

Глагольное спряжение

Именное спряжение

Настоящее

Прошедшее совершенное
(перфект)

Настоящее

Непродуктивный: сэ-тхэ
пишу (вообще)

сы-тха-гъ
я писал (вообще)

сы-шаклу
я охотник

Продуктивный: сэ-тхы
пишу (нечто)

с-тхы-гъэ
я написал (нечто)

сы-шэклуа-гъ
я был охотником (я охотничал)

3. Отрицательное наклонение

Личные префиксы + основа времени или + суффикс отрицательного наклонения
(типа сложного спряжения) основа причастия настоящего времени

Глагольное спряжение

Именное спряжение

Настоящее

Прошедшее совершенное
(перфект)

Настоящее

Непродуктивный: сы-тхэрэ-п не пишу (вообще)

сы-тха-гъэ-п
я не писал (вообще)

сы-шакло-п
я не охотник

Продуктивный: с-тхы-рэ-п не пишу (нечто)

с-тхы-гъэ-п
я не написал (нечто)

сы-шэклуа-гъэ-п
я не был охотником (я не охотничал)

4. Вопросительное наклонение

(1-е лицо единственного числа субъекта)

Личные префиксы + основа времени + суффикс вопросительного наклонения
(типа простого и сложного спряжения)

Глагольное спряжение

Именное спряжение

Настоящее

Прошедшее совершенное
(перфект)

Настоящее

Непродуктивный: сэ-тх-а?
я пишу?

сы-тха-гъ-а?
я написал?

сы-шаклу-а?
я охотник?

сы-шэклуа-гъ-а?
я был охотником?
(я охотничал?)

Продуктивный: сэ-тх-а?
я пишу (нечто)?

с-тхы-гъ-а?
я написал (нечто)?

5. Вопросительно-подтвердительное наклонение

Личные префиксы (типа сложного спряжения) + основа причастия настоящего времени + суффикс утвердительного наклонения

Настоящее

Прошедшее совершенное (перфект)

Настоящее

Непродуктивный: сы-тхэ-рэ-ба?
разве я не пишу?
ведь я пишу

сы-тха-гъэ-ба?
разве я не написал?
ведь я написал

сы-шакло-рэ-ба?!
разве я не охотник?
ведь я охотник
(разве я не охотни-
чаю? ведь я охотни-
чаю)

сы-шэкIуа-гъэ-ба?)
разве я не был охот-
ником?
ведь я был охотником
(разве я не охотничал?
ведь я охотничал?)

Продуктивный: с-тхы-рэ-ба?
разве я не пишу
(нечто)?
ведь я пишу (нечто)

с-тхы-гъэ-ба?
разве я не написал
(нечто)?
ведь я написал (нечто)

6. Подтвердительное наклонение

(1-е лицо единственного числа субъекта)

Личные префиксы (типа простого и сложного спряжения) + основа времени + суффикс подтвердительного наклонения

Глагольное спряжение

Именное спряжение

Настоящее

Прошедшее совершенное (перфект)

Настоящее

Непродуктивный: сэ-тхэ-ба
я же (вообще) пишу
я ведь пишу

сы-тха-гъэ-ба
я писал же (вообще)
я ведь писал

сы-шакло-ба
я же охотник
я ведь охотник
сы-шэкIуа-гъэ-ба
я же был охотником
я ведь был охотником
(я же охотничал,
я ведь охотничал)

Продуктивный: сэ-тхы-ба
я пишу же (нечто)
я ведь пишу (нечто)

с-тхы-гъэ-ба
я же написал (нечто)
я ведь написал (нечто)

Итак, мы можем отметить, что в системе образования адыгейских наклонений все времена, кроме настоящего, образуются с большой правильностью. Однако настоящее время имеет, во-первых, не во всех наклонениях одну и ту же основу и, во-вторых, в некоторых наклонениях отличается системой спряжения. Выше мы уже отмечали, что утвердительное, вопросительное и подтвердительное наклонения имеют систему простого глагольного спряжения в настоящем времени. Это

отличие на приводимой нами таблице отмечено указанием на тип употребляемых в том или другом наклонении личных префиксов.

Примечание: Пометка „типа простого и сложного спряжения“ показывает, что в настоящем времени данного наклонения личные префиксы имеют огласовку «э», а во всех остальных временах огласовку «ы» или не имеют огласовки. Наклонения же, в которых под личными префиксами помечено: „типа сложного спряжения“ — во всех временах имеют префиксы или с огласовкой «ы» или без огласовки (в зависимости от залогов). Помимо различия в типах спряжения, настоящее время в различных наклонениях отличается и по своему образованию. Так, в наклонениях отрицательном и вопросительно-подтвердительном основой для образования настоящего времени служит не чистая основа глагола, а основа причастия настоящего времени, на что указывает словообразовательный суффикс этого причастия «-рэ». Эта особенность образования основы настоящего времени на таблицах отмечена словами: „основа времени или основа причастия настоящего времени“. Во всех остальных временах этих двух наклонений и во всех остальных наклонениях настоящее время образуется от чистой глагольной основы с помощью суффиксов наклонений.

Необходимо сказать здесь несколько слов о переводе адыгейских наклонений на русский язык. Повелительное и утвердительное наклонения полностью соответствуют русским повелительному и изъявительному. Отрицательное наклонение передается по-русски изъявительным наклонением с отрицанием „не“. Вопросительное наклонение можно передавать по-русски или формой изъявительного наклонения, произносимой с вопросительной интонацией, или формой того же наклонения с вопросительной частицей „ли“. Вопросительно-подтвердительное наклонение можно передавать по-русски двояко — или изъявительным наклонением с добавлением частиц „разве... не“, или тем же наклонением с добавлением частиц „ведь... же“. В обоих случаях русские формы произносятся с вопросительной интонацией. Подтвердительное наклонение переводится по-русски изъявительным наклонением соответственного глагола с добавлением частиц „же“ или „ведь“. Изъявительное наклонение в этом случае не имеет характера вопроса.

К перечисленным нами наклонениям можно добавить еще одно, которое образуется тоже не совсем правильно, — не совсем по типу других наклонений. Это наклонение выражает невыполнимое желание и передается по-русски изъявительным наклонением с добавлением частиц „ах, если бы...“ и восклицательной интонацией. Таким образом, после сказуемого, выраженного желательным наклонением, следует ставить восклицательный знак. Неправильность или, точнее, — отличие в образовании этой формы от других наклонений заключается в том, что желательное наклонение имеет только две временные формы. По своему образованию эти формы представляют собственно основу перфекта и плюсквамперфекта (см. Времена, стр. 340) с видоизмененными окончаниями: «гъо-т || -гъ-о-йт» и «гъа-гъ-о-т || -гъа-гъо-йт». Эти окончания, повидимому, происходят от соответственных этим временам деепричастий на «-гъэу», «-гъа-гъэу» с прибавлением суффикса «-т || -йт». Можно предположить, что две временные формы желательного наклонения представляют собою только остаток некогда существовавшей полной системы времен. В кабардинском языке сохраняется вся система времен с суффиксом «-т» для выражения нереально-условного наклонения (соответствующего русскому условному или сослагательному), которое служит формой сказуемого в главных предложениях, связанных с нереальным условием.

В настоящее время в адыгейском языке желательная форма перфекта употребляется по отношению как к прошедшему, так и настоящему и будущему временам. В отношении к будущему времени она может быть заменена желательной формой плюсквамперфекта. Перфект и плюсквамперфект в этом наклонении имеют временное различие лишь в прошедшем времени, где плюсквамперфект в отличие от перфекта обозначает действие законченное в истекший в прошлом период времени,

например, — „вчера, в прошлом месяце, в прошлом году“ и т. д. Таким образом, образование и значение желательного наклонения можно видеть из следующей таблицы:

7. Желательное наклонение

Личные префиксы (типа сложного спряжения)	+ основа перфекта или плюсквамперфекта		- суффикс желательного наклонения
	Глагольное спряжение		
	настоящее-прошед- шее-будущее (перфект)	прошедшее-будущее (плюсквамперфект)	
		Именное спряжение	
		настоящее-прошедшее- будущее (перфект)	настоящее-прошедшее- будущее (перфект)
Непродук- тивный:	сы-тха-гъот!	сы-тхэ-гъа-гъот!	сы-шэк!уа-гъо-т!
	ах, если бы я писал (в настоя- щем, прошедшем и будущем)	ах, если бы я писал (в прошедшем и бу- дущем)	ах, если бы я был охотником! (в настоя- щем, прошедшем и будущем)
Продуктив- ный:	с-тхы-гъо-т!	с-тхы-гъа-гъо-т!	сы-шэк!о-гъа-гъо-т!
	ах, если бы я написал (ничто) (в настоящем, про- шедшем и будущем)	ах, если бы я написал (ничто) (в прошедшем и будущем)	ах, если бы я был охотником! (в про- шедшем и будущем)

Прилагаем полную таблицу форм всех наклонений с изменением их по всем временам при спряжении в одно одновременное лицо.

Глагольные префиксы места и личного отношения. Кроме личных префиксов, в составе адыгейского глагола имеются еще префиксы, выражающие различные, главным образом пространственные отношения. Эти префиксы, в отличие от личных префиксов, служат собственно для образования новых глагольных основ. Они являются, таким образом, словообразовательными префиксами (приставками), а не префиксами, с помощью которых происходит спряжение глагола. В отличие от личных префиксов, мы называем их префиксами места и личного отношения. С их помощью от простых глагольных основ в адыгейском языке образуются сложные глагольные основы. Префиксы места и личного отношения легко выделить в составе адыгейского глагола благодаря тому, что в продуктивном залоге между ними и глагольным корнем вставляются субъектные личные префиксы, а в непродуктивном залоге — вставляется префикс побудительного залога «гъэ- || -гъа» (см. выше стр. 315—317).

Под префиксами личного направления или личного отношения мы в адыгейском языке понимаем такие формальные частицы, которые выражают или направление действия по отношению к первому лицу, или иные отношения действия, обозначаемого глаголом (например, отношения пользы или желания лиц речи). Префиксов этого рода в адыгейском языке пять. Четыре из них образуют как бы противоположные по своему значению пары: два префикса личного направления: «къа- || къэ- || къы-» и «нэ-» и два префикса личного отношения: «фа- || фэ- || фы-» и «ш!уа- || ш!о- || ш!у-». Вне этой системы остается префикс личного отношения «дэ» — „вместе с кем-нибудь“. Очень употребительный префикс «къа- || къэ- || къы-» показывает направление действия от второго лица к первому или от третьего ко второму, а также вообще связь действия с первым лицом речи. Противоположный ему по значению префикс «нэ-» употребляется в адыгейском языке очень редко (гораздо чаще встречается он в кабардинском) и выражает обратное направление действия от первого лица речи ко второму и от второго к третьему:

ОБРАЗЦЫ АДЫГЕЙСКОГО СПРЯЖЕНИЯ

ИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА С ПРОСТОЙ ПЕРВИЧНОЙ ОСНОВОЙ ПО ЛИЦАМ И ЧИСЛАМ СУБЪЕКТА, ПО ВРЕМЕНАМ, НАКЛОНЕНИЯМ И ЗАЛОГАМ — НЕПРОДУКТИВНОМУ И ПРОДУКТИВНОМУ

Наклонения	Повелительное		Утвердительное		Отрицательное		Вопросительное		Подтвердительное		Вопросительно-подтвердительное		Залог	
	Непродуктивный	Продуктивный	Непродуктивный	Продуктивный	Непродуктивный	Продуктивный	Непродуктивный	Продуктивный	Непродуктивный	Продуктивный	Непродуктивный	Продуктивный		
Времена:	Лица:													
	1.			эдыж	эдыж	эдыжэрэп	эдыжэрэп	эдыжа?	эдыжа?	эдыжэба	эдыжэба	эдыжэраба?	эдыжэраба?	
Настоящее	2.	тхи	тхи	этыж	этыжэрэп	этыжэрэп	этыжа?	этыжа?	этыжэба	этыжэба	этыжэраба?	этыжэраба?		
	3.			матхэ	матхэрэп	матхэрэп	матха?	матха?	матхэба	матхэба	матхэраба?	матхэраба?		
	1.			тэтыж	тэтыж	тэтыжэрэп	тэтыжэрэп	тэтыжа?	тэтыжа?	тэтыжэба	тэтыжэба	тэтыжэраба?	тэтыжэраба?	
Прошедшее несовершенное (имперфект)	2.	шэу	шэу	шэуэтыж	шэуэтыжэрэп	шэуэтыжэрэп	шэуэтыжа?	шэуэтыжа?	шэуэтыжэба	шэуэтыжэба	шэуэтыжэраба?	шэуэтыжэраба?		
	3.			матхэж	матхэжэрэп	матхэжэрэп	матхэжа?	матхэжа?	матхэжэба	матхэжэба	матхэжэраба?	матхэжэраба?		
	1.			этыжэтыж	этыжэтыж	этыжэтыжэрэп	этыжэтыжэрэп	этыжэтыжа?	этыжэтыжа?	этыжэтыжэба	этыжэтыжэба	этыжэтыжэраба?	этыжэтыжэраба?	
Прошедшее совершенное (перфект)	2.			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	
	3.			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	
	1.			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	
Будущее	1.			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	
	2.			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	
	3.			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	
Условное	1-е			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	
	2-е			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	
	3-е			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	
Условное	4-е			этыжэтыжэ	этыжэтыжэ	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжээрэп	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжэжа?	этыжэтыжээба	этыжэтыжээба	этыжэтыжээраба?	этыжэтыжээраба?	

1. Остальные времена вопросительно-подтвердительного наклонения совпадают по форме с временами подтвердительного наклонения, отличаются от них лишь вопросительной интонацией.
 2. Параллельно этим формам 3-го лица прошедшего несовершенного времени утвердительного наклонения употребляются также формы: этыжэтыжэ, матхэжэтыжэ и т. д.
 3. Параллельно приведенным в таблице формам желательного наклонения употребляются в том же значении формы со вставкой суффикса -е-: этыжэтыжэе, матхэжэтыжэе и т. д.
 4. Префикс «шэу-» в непродуктивном зал. всюду читается за слог, а в продуктивном — за дублированный согласный.
 5. Параллельно приведенным в таблице формам 3-го условного времени употребляется и форма с суффиксом -ажи: этыжэтыжэажи, матхэжэтыжэажи и т. д.

Префикс «кьэ-» — „сюда, по направлению к 1-му лицу“

кьа-кӀо
сюда иди

кьэ-тхэ
он сюда пишет (вообще)

кьы-п-ф-е-тхы
он сюда тебе пишет (нечто)

у-кьы-с-фэ-тхэ
ты сюда мне пишешь

Префикс «нэ-» — „туда, по направлению к 3-му лицу“

н-е-кӀо
(туда) пойдём (с тобой)

нэ-с
туда достигай, туда доезжай

Префикс «фа- || фэ- || фы-» выражает действие в пользу или для первого лица речи. Иногда этот префикс развивает прямо противоположное значение: „против кого, на кого“, или значение причины: „из-за кого“. Противоположный по значению префикс «шӀуа- || шӀо- || шӀу-» обозначает действие против воли или против желания кого-либо:

Префикс «фэ-»
кьы-с-ф-е-хьы
для меня несет

с-ф-и-ты-гъ
против меня подал, на меня подал || для меня подал, за меня подал

Префикс «шӀо-»
с-шӀу-е-хьы
против моей воли несет, против моего желания несет

с-шӀо-кӀуа-гъ
против моей воли пошел, против моего желания пошел

Интересно отметить, что префиксы личного отношения происходят от префиксов с пространственным значением «фа- || фэ-» — „(по направлению) к чему-нибудь“, «шӀуа- || шӀо-» — „на острие“, например:

Мо псым фа-кӀоу кӀуагъэх.

Буквально: К той вот реке в направлении идя, пошли.

По направлению к реке пошли.

Лыр цацэм шӀоӀу.

Мясо на вертел наткни.

Последний префикс личного отношения «дэ» — „вместе с кем-нибудь“ (не смешивать с префиксом места «дэ» — „в горизонтально ограниченном пространстве“, см. ниже, стр. 350):

Неущ бэдэрым сыбдэкӀощт.

Завтра я с тобой на базар пойду.

Личный префикс косвенного (дательного) дополнения «е-» во многих случаях развивается в адыгейском языке тоже в своего рода словообразовательный префикс отношения. В настоящее время в составе большого числа адыгейских глаголов он уже служит префиксом неопределенного объекта или места, — префиксом, с помощью которого в адыгейском образуются производные глагольные основы:

джэ
зови
[сы]
двигайся

е-дж
читай (буквально: по чему-нибудь)

е-с
плавай (буквально: двигайся в чем-нибудь)

и т. д.

Адыгейский язык очень богат префиксами места в составе глагола. Они заменяют русские предлоги. Однако адыгейские префиксы места выражают такие оттенки пространственных отношений, которые в русском языке совершенно не различаются. Так, в русском языке для выражения местного отношения „внутри чего-нибудь, в чем-нибудь“ употребляется только один предлог „в“, независимо от того, имеют ли при этом в виду положение внутри какого-либо пустого, полого пространства, или внутри нежилого помещения, или внутри жилого помещения, или внутри вещества, или внутри горизонтально ограниченного пространства (огороженного пространства) и т. д. Между тем в адыгейском языке все эти оттенки местных значений выражаются совершенно различными префиксами. Точно так же пространственные отношения — „возле, рядом“ выражаются в русском языке несколькими наречиями и предлогами, имеющими одинаковый смысл, а адыгейский язык различает, находится ли данный предмет возле отверстия, или возле длинной стороны предмета, или возле его короткой стороны, или сбоку и т. д. Эти тонкие оттенки значения адыгейских префиксов места можно видеть из следующих примеров:

Префиксы:

- и- Пхъашлэр унэм и-с.
Плотник находится в доме
(буквально: внутри, в жилом помещении).
- хэ- Колхозникыр бэдзэрым хэ-т.
Колхозник находится на базаре
(буквально: внутри, среди толпы).
- дэ- Шыр Іагум дэ-т.
Лошадь стоит во дворе
(буквально: внутри горизонтально ограниченного пространства).
- члэ- Пхъашлэр сараим члэ-т.
Плотник находится в сарае
(буквально: внутри, под прикрытием).
- пы- Унэхэр зэ-пы-ты-х.
Дома стоят рядом друг с другом
(буквально: носами, т. е. короткими сторонами друг к другу).
- Іу- Пшъэшъэжььер магазинэм дэжь Іу-т.
Девочка возле магазина стоит
(буквально: возле отверстия, т. е. возле входа в магазин).

Префиксы:

- и- Коцыр хъэмбарым и-лэ.
Пшеница лежит в амбаре
(буквально: внутри, в пологом пространстве).
- хэ- Мыжьор псым хэ-лэ.
Камень лежит в воде
(буквально: внутри, в веществе воды).
- хэ- Умар колхозым хэ-т.
Умар в колхозе состоит
(буквально: внутри, среди людей).
- члэ- Матэр столым члэ-т || матэр стол члэгъым члэ-т.
Корзинка стоит под столом.
- го- Унэхэр зэ-го-ты-х.
Дома стоят рядом друг с другом.
(буквально: боками рядом, т. е. длинными сторонами друг к другу).
- Іу- Председателыр столым Іу-с.
Председатель за столом сидит
(буквально: возле конца стола, с краю стола) и т. д.

Перечисление всех адыгейских префиксов места мы даем в Словаре префиксов (см. стр. 273).

Префиксы места среди других личных префиксов имеют постоянный порядок их расположения. Об этом подробнее говорится в разделе Порядок расположения личных префиксов (см. стр. 352).

По своему происхождению адыгейские префиксы места, несомненно, стоят в связи с именными или глагольными корнями. И сейчас еще в адыгейском языке целый ряд именных корней со значениями „нога“, „рука“, „рот“ и т. д. оказываются включенными в состав глагольной основы (примеры на стр. 266, 314). Некогда такими же по происхождению самостоятельными словами были и все теперешние глагольные префиксы места. Так, префикс «и-» — „внутри, в полом пространстве“ происходит от глагольного корня «и» — „обмазывай глиной“ и первоначально обозначал, таким образом, „в сосуде или сапетке, обмазанной глиной“. Префикс «хэ-» — „в веществе, в лесу, среди людей“ и т. д. происходит от слова «хы» — „море“, первоначально „вода“, и буквально обозначал „в воде“. Префикс «дэ-» происходит от глагольного корня «дэ» — „сшивай, скрепляй“ (откуда и развилось его значение формальной частицы „вместе, рядом, между, внутри огороженного пространства, внутри горизонтально ограниченного пространства“, ср. также «дэ» — „орех“). Префикс «члэ» — „под“ происходит от слов «члэ» — „дно, низ“ и «члы» — „земля“. Префикс «пы-» — „с короткой стороны“ происходит от слова «пэ» — „острие (орудия), нос, конец“. Префикс «шъхъэ» — „над чем-нибудь“ происходит от слова «шъхъэ» — „насадка орудия, голова“; префикс «Iу-» — „возле отверстия, возле края“ происходит от слова «Iу» — „рот, отверстие“ и т. д., и т. д.

Если сравнить в отношении развития значений русские предлоги с адыгейскими префиксами места, то можно прийти к выводу, что русские предлоги являются более обобщенными, более абстрактными по своему значению частицами, чем адыгейские префиксы. Поэтому русских предлогов вообще гораздо меньше, чем адыгейских префиксов. Адыгейские префиксы, наоборот, гораздо более конкретны по значению, выражают гораздо более тонкие различия пространственных отношений. Потому их гораздо больше числом, как это и должно иметь место в языке, более древнем по своему строю.

Изменение глагола по лицам. Лица выражаются в адыгейском глаголе с помощью таких формальных частиц, которые ставятся в начале глагольной формы перед его основой, т. е. с помощью префиксов. Изменение адыгейского глагола по лицам представляет собою одну очень заметную особенность, которая отличает этот язык от большинства европейских и многих восточных языков. В одной и той же глагольной форме в адыгейском языке может быть одновременно выражено несколько лиц, в то время как в русском и вообще в европейском глаголе — лишь одно лицо.¹ Эти одновременно выражаемые лица связаны с различными членами предложения — различными дополнительными словами. Количество одновременно выражаемых лиц в глагольных формах неодинаково. Оно может быть в одной и той же форме одного и того же залога как минимальным, наименьшим, так и максимальным, наибольшим (последним, когда одновременно выражено такое количество лиц, больше которого в данной глагольной форме вообще выразить нельзя). Как минимальное, так и максимальное количество лиц, которое может быть выражено в одной и той же глагольной форме, зависит от залога глагола. Так, в непродуктивном (непереходном) залоге

¹ Спряжение в несколько одновременных лиц мы называем полиперсонным (многочленным) в отличие от моноперсонного (одноличного), употребляемого в русском и других европейских языках. Полиперсонное спряжение, кроме адыгейского и кабардинского, наблюдается также в абхазском, абазинском, баскском, во многих языках северо-американских индейцев, в языках суданских негров и т. д. Следы этого спряжения сохраняются в грузинском (трехперсонные формы, остатки спряжения в три лица), в мордовском, в угорских языках, отчасти в арабском и ассирийском (новосирийском) и многих других языках. В последних языках мы наблюдаем уже только исторические остатки полиперсонного спряжения в виде спряжения в два лица одновременно. Эта последняя разновидность полиперсонного спряжения известна в науке под именем так называемого „объективного“ или „относительного“ спряжения.

минимально выражается одно лицо — субъекта, а максимально может быть выражено не более трех лиц (лицо субъекта, орудного дополнения и дательного или местного дополнения). При продуктивном (переходном) залоге наименьшее число личных префиксов равно двум (лицо объекта и лицо субъекта), а наибольшее — четырем (лицо объекта, орудного дополнения, дательного или местного дополнения и субъекта). Формы залога с косвенным (местным) объектом обозначают минимально два лица (лица субъекта и косвенного объекта) и максимально до четырех лиц (лица субъекта, орудного дополнения, дательного или местного дополнения и косвенного объекта). Формы побудительного залога вообще выражают на одно лицо больше по сравнению с формами того залога, от которого они образуются. Так, непродуктивно-побудительный залог минимально выражает два лица (прямого объекта, форму которого приобретает субъект непродуктивного залога, и субъекта), а максимально — четыре лица, как и залог продуктивный. Таким образом, число лиц непродуктивно-побудительного залога по сравнению с непродуктивным залогом увеличивается на одно. Продуктивно-побудительный залог минимально имеет три лица (лицо первого или прямого объекта, лицо второго или косвенного объекта и лицо субъекта), а максимально — до пяти лиц (первого объекта, орудного дополнения, дательного или местного дополнения, второго объекта и субъекта).

Косвенно-побудительный залог (т. е. залог побудительный, образованный от залога с косвенным объектом) выражает минимум три лица (лица второго или прямого объекта, косвенного или первого объекта и субъекта) и максимум до пяти лиц (лица второго объекта, орудного дополнения, дательного или местного дополнения, косвенного объекта и субъекта). Разумеется, приводимые нами здесь максимальные формы встречаются в живой речи редко, лишь в единичных случаях. Обычно же мы имеем в адыгейском языке формы с гораздо меньшим числом одновременно выраженных личных префиксов. Так, в речи наиболее употребительны в отношении выражения лиц следующие формы: форма с лицом субъекта от непродуктивного залога, форма с лицами объекта и субъекта от залога продуктивного, форма с лицами субъекта и косвенного объекта от залога с косвенным объектом, форма с лицами объекта и субъекта от непродуктивно-побудительного залога, форма с лицами второго объекта и субъекта от залога продуктивно-побудительного и форма с лицами первого (косвенного) объекта и субъекта от залога косвенно-побудительного (остальные персонные ряды в этих случаях выражены отрицательно). Ниже мы приводим примеры на случаи как максимального, так и минимального состава личных и других префиксов в глагольных формах различных залогов как в обычно употребляемых, так и в редких случаях (см. стр. 353 и сл.).

Порядок расположения личных и других префиксов. Префиксы, выражающие лица, образуются от личных и притяжательных местоимений. Префиксы, выражающие место и отношение, образованы от первоначально существовавших самостоятельных слов-корней. Личные префиксы могут иметь не больше трех отличающихся друг от друга форм (с огласовкой «э», с огласовкой «ы» и без огласовки), префиксы места и отношения — тоже не больше трех форм (с огласовкой «а», с огласовкой «э» и с огласовкой «ы», причем последняя перед гласной исчезает). Поэтому личные префиксы, выражающие субъект, объект и различные дополнения, в адыгейском языке часто совпадают друг с другом, часто звучат совершенно одинаково. В этом случае средством различения всех этих префиксов служит более или менее постоянный порядок их расположения перед глагольной основой. Этот порядок различен в глагольных формах разных адыгейских залогов. Для того чтобы облегчить разбор личных префиксов в отдельных глагольных формах, мы приводим здесь схемы типичного расположения в них личных префиксов по каж-

дому залогу в отдельности. На наших схемах дается максимальный состав личных и других префиксов, какой только может существовать в адыгейском языке при данном залоге. В действительности в отдельных глагольных формах префиксов будет значительно меньше. Так, например, префикс отрицания, место которого показано нами на всех схемах, употребляется сравнительно редко — только в отрицательных формах повелительного наклонения. Тем не менее, этот префикс, если он появляется, стоит всегда на определенном месте: или перед глагольным корнем, или перед префиксом побудительного залога (в побудительных формах). Однако, если в данной глагольной форме префикс отрицания отсутствует, порядок расположения остальных префиксов от этого не меняется. То же относится и к любому префиксу. Таким образом, сколько бы глагольных префиксов ни было в наличии в данной форме глагола, порядок этих наличных префиксов всегда остается таким же, каким он был бы и в максимально-возможной, наибольшей по числу префиксов форме. Это позволяет разбирать по приведенным схемам порядок расположения префиксов в любой глагольной форме, независимо от их числа. При этом необходимо только вычеркнуть в приведенной схеме те префиксы, которые по смыслу отсутствуют в разбираемой глагольной форме. Оставшиеся префиксы и будут указывать тот порядок их расположения, который мы в ней найдем. Поясним сказанное примером. Возьмем форму продуктивного залога с минимальным количеством личных префиксов:

У-сэ-лъэгъу
Тебя я вижу

Здесь только два личных префикса — прямого объекта и субъекта. В приводимой нами схеме (стр. 355) показано шесть личных и др. префиксов и префикс отрицания. В разбираемой глагольной форме по ее смыслу нет префиксов 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и префикса отрицания. Если мы их вычеркнем в схеме продуктивного залога, то оставшиеся в ней два личных префикса и будут стоять в том самом порядке, в каком мы наблюдаем их в разбираемом примере.

Возьмем еще пример: «с-е-о-гъэ-лъэгъу» — „меня ему ты показываешь (даешь видеть)“. В этой глагольной форме побудительного залога три личных префикса и префикс этого залога. По смыслу в данном примере отсутствуют префиксы, обозначенные в нашей схеме цифрами 2, 3, 4, и префикс отрицания. Если мы их вычеркнем из схемы, то оставшиеся префиксы 1-й, 5-й, 6-й и префикс побудительного залога и покажут нам тот порядок префиксов, в каком они расположены в разбираемом нами примере. Точно так же в отрицательной форме повелительного наклонения продуктивно-побудительного залога: «с-е-у-мы-гъэ-лъэгъу» — „меня ему ты не показывай (не давай видеть)“, — отсутствуют указанные в схеме префиксы 2-й, 3-й и 4-й. Остальные префиксы дают нам их точный порядок в разбираемом примере. Одним словом, несмотря на то, что в каждой отдельной глагольной форме порядок префиксов, которой мы хотели бы разобрать, префиксов будет всегда меньше, чем в соответственной схеме, наличные в этом примере префиксы все-таки будут стоять в том порядке, в каком они должны стоять по схеме, за вычетом отсутствующих в данном примере префиксов.

Приводимые ниже схемы помогают не только разобрать состав префиксов в любой глагольной форме, но и составить любую глагольную форму (например, при переводе с русского) так, чтобы порядок префиксов в ней был правильным. Для этого достаточно взять с таблицы на стр. 370—372 необходимые для перевода данной глагольной формы личные префиксы и расположить их в том порядке, в каком они приведены на схеме (не принимая во внимание недостающих в переводимой глагольной форме префиксов). Например, „он меня вам показывает (дает видеть)“. Для образования соответствующей адыгейской глагольной формы мы

берем префиксы: субъекта «е-» — „он“, объекта «сы-» — „меня“, дательного дополнения «шьо-» — „вам“ и побудительного залога «гъэ-» — „дает (заставляет)“. Глагол „видеть“ в адыгейском языке спрягается по продуктивному (переходному) залого. Поэтому данную форму необходимо составлять по схеме продуктивно-побудительного залога. У нас имеются три личных местоимения, которые должны быть выражены в адыгейском языке тремя личными префиксами. Эти префиксы обозначены в нашей схеме цифрами: 1-й — прямой объект (в нашем примере „меня“), 5-й — второй объект, показывает, кого заставляют или кому дают видеть (в нашем примере „вам“), 6-й — субъект (в нашем примере „он“). Префикс побудительного залога, выражаемый по-русски словами „дает, заставляет“, должен стоять после префикса субъекта и перед глагольной основой. Следовательно, для того, чтобы составить нашу глагольную форму, мы должны расположить личные и побудительный префиксы в следующем порядке:

1	2	3		4	
меня	вам	он		дает видеть, т. е. показывает	

На странице 370—371, в таблице порядка расположения и смены личных префиксов глагола, мы находим все необходимые нам личные префиксы и составляем по-адыгейски нашу глагольную форму:

сы-шьу-е-гъэ-лъэгъу (о «шьу-» см. «шьо» см. стр. 431)

Частицы, показывающие в глаголе времена, наклонения и различные придаточные формы (последние за немногими исключениями, о которых см. стр. 110), выражаются в адыгейском языке всегда суффиксами, т. е. стоят после глагольной основы и на порядок префиксов никакого влияния не оказывают.

Поэтому в указываемой нами схеме глагольные суффиксы и порядок их расположения не приведены, за исключением одного суффикса множественного числа, который тоже выражает один из личных префиксов (точнее — число этого префикса).

Суффикс множественного числа в непродуктивном (непереходном) залоге и в залоге с косвенным объектом всегда выражает третье лицо множественного числа субъекта, а во всех остальных залогах, продуктивных (переходных) по значению, — третье лицо множественного числа объекта, которое в составе префиксов выражено отрицательно, т. е. отсутствием префикса в самом начале глагольной формы. Таким образом, суффикс множественного числа по своему значению равняется префиксу 3 л. мн. ч. и всегда связан с тем дополнением, которое стоит в прямой форме и может иметь окончание «-р». Поэтому мы и приводим этот суффикс в наших схемах. Он стоит всегда в конце глагольной формы — после суффиксов времен, но перед суффиксами наклонений и суффиксами падежей в придаточных формах глагола (см. стр. 355).

Префикс субъекта при непродуктивном залоге и при залоге с дательным объектом, а также префикс прямого объекта при всех остальных залогах стоят первыми из всех префиксов в самом начале глагольной формы.

Однако большей частью этот первый префикс бывает выражен отрицательно, а именно — в 3 л. обоих чисел, так как этот префикс в большинстве глагольных форм не имеет 1-го и 2-го лица (ибо в значении прямого объекта употребляются обычно названия вещей, а не людей). Таким образом, объектный префикс по преимуществу бывает выражен отрицательно. Его 3 л. множ. числа, как мы уже говорили, выражается суффиксом мн. числа в глагольной форме.

Приведем теперь схемы порядка расположения личных и других префиксов, а также суффикса числа в составе глагольной формы по каждому залого в отдельности:

1. Непродуктивный (непереходный) залог

1	2	3	4	7	9	11
Субъект	Префикс места или отношения	Орудное дополнение	Дательное или местное дополнение	Префикс отрицания	Корень глагола	Суффикс мн. числа субъекта
Косвенная форма			Прямая форма			

2. Залог с косвенным (по происхождению местным) объектом

1	2	3	4	7	9	11
Субъект	Префикс места или отношения	Орудное дополнение	Косвенный объект	Префикс отрицания	Корень глагола	Суффикс мн. числа субъекта
Косвенная форма			Прямая форма			

3. Продуктивный (переходный) залог

1	2	3	4	6	7	9	11
Объект	Префикс места или отношения	Орудное дополнение	Дательное или местное дополнение	Субъект	Префикс отрицания	Корень глагола	Суффикс мн. числа объекта
Косвенная форма			Прямая форма				

4. Непродуктивно-побудительный (непереходно-побудительный) залог

1	2	3	4	6	7	8	9	11
Объект	Префикс места или отношения	Орудное дополнение	Дательное или местное дополнение	Субъект	Префикс отрицания	Префикс побудительного залога	Корень глагола	Суффикс мн. числа объекта
Косвенная форма			Прямая форма					

5. Продуктивно-побудительный (переходно-побудительный) залог

1	2	3	4	5	6	7	8	9	11
1-й, т. е. прямой объект	Префикс места или отношения	Орудное дополнение	Дательное или местное дополнение	2-й, т. е. косвенный объект	Субъект	Префикс отрицания	Префикс побудительного залога	Корень глагола	Суффикс мн. ч. 1-го объекта
Косвенная форма			Прямая форма						

6. Косвенно-побудительный залог

1	2	3	4	5	6	7	8	9	11
2-й, т. е. прямой объект	Префикс места или отношения	Орудное дополнение	Дательное или местное дополнение	1-й, т. е. косвенный объект	Субъект	Префикс отрицания	Префикс побудительного залога	Основа глагола	Суффикс мн. ч. 2-го объекта
Косвенная форма			Прямая форма						

(Префиксы 4, 5, 6 в данном залоге одновременно не наблюдались).

Зародышевый страдательный залог в адыгейском языке, как мы указывали (см. стр. 330), характеризуется отсутствием префиксов как объекта, так и субъекта. Поэтому мы считаем излишним приводить для этих форм схему расположения личных префиксов.

Об отмеченных нами на схемах косвенной и прямой формах личных и других префиксов см. ниже следующий раздел, стр. 357.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях на ряду с приведенным нами порядком расположения префиксов существуют и другие параллельно возможные порядки их расположения. Это касается не всех залогов и не всех префиксов. Во-первых, только в непродуктивном залоге можно свободно менять местами личные префиксы субъекта и дательного дополнения в том случае, если между ними нет префикса направления, например:

сы-о-тэ у-сэ-тэ	я тебе даю
сы-о-жэ у-сэ-жэ	я тебя жду
сы-о-плъы у-сэ-плъы	я на тебя смотрю
сы-щы-о-плъы у-щы-сэ-плъы	я где-либо на тебя смотрю

Как только в этих же формах появляется префикс направления «къы-», порядок личных префиксов делается постоянным, таким, каким он должен быть по схеме непродуктивного залога:

сы-о-плъы у-сэ-плъы	я на тебя смотрю
но: у-къы-сэ-плъы	ты на меня смотришь
сы-ры-о-плъы у-ры-сэ-плъы	я чем-то (через что-то) на тебя смотрю
но: у-къы-ры-сэ-плъы	ты сюда через что-то на меня смотришь и т. д.

При продуктивном и при остальных залогах те же префиксы ни в коем случае не могут меняться местами:

къы-сэ-о-ты	мне ты даешь (нечто)
о-сэ-ты	тебе я даю (нечто) и т. д.

Во-вторых, такое же изменение порядка возможно в отношении префиксов места, личного отношения и орудного дополнения во всех залогах. Если рядом стоят префикс места и префикс орудного дополнения, или если в данной глагольной форме префиксы места и личного отношения представлены двумя разными префиксами, или если на ряду с этими разными префиксами имеется еще префикс орудного дополнения, то эти два или три префикса свободно могут меняться местами. Однако эта перемена порядка не влияет ни на порядок расположения остальных префиксов, ни на значение глагольной формы:

сы-щы-рэ-тхэ	я где-то чем-либо пишу
щы-ры-сэ-тхы ры-щы-сэ-тхы	я где-то чем-либо пишу (нечто)
щы-ры-фэ-щэфэ ры-щы-фэ-щэфэ	он где-то чем-либо (т. е. на что-либо) для кого-нибудь покупает
щы-ры-ф-е-щэфы ры-щы-ф-е-щэфы	где-то чем-либо для кого-нибудь он покупает (нечто)
щы-р-е-плъы ры-щ-е-плъы	он чем-либо (через что-либо) где-то на кого-нибудь смотрит
щы-р-е-лъэгъу ры-щ-е-лъэгъу	что-нибудь чем-то (через что-то) где-то он видит
щы-ры-фы-р-е-гъэ-щэфы ры-щы-фы-р-е-гъэ-щэфы	что-то чем-либо (на что-либо) для кого-нибудь кого-то он заставляет покупать
фы-ры-р-е-гъэ-щэфы ры-фы-р-е-гъэ-щэфы	что-то чем-либо где-нибудь для кого-то кого-либо он заставляет покупать

<table border="0"> <tr> <td>шъу-щы-фы-р-е-мы-плъ</td> <td rowspan="5">}</td> <td rowspan="5">вы через что-нибудь для кого-то где-нибудь на него не смотрите</td> </tr> <tr> <td>шъу-ры-щы-ф-е-мы-плъ</td> </tr> <tr> <td>шъу-щы-ры-ф-е-мы-плъ</td> </tr> <tr> <td>шъу-фы-щы-р-е-мы-плъ</td> </tr> <tr> <td>шъу-ры-фы-щ-е-мы-плъ</td> </tr> <tr> <td>шъу-фы-ры-щ-е-мы-плъ</td> <td></td> <td></td> </tr> </table>	шъу-щы-фы-р-е-мы-плъ	}	вы через что-нибудь для кого-то где-нибудь на него не смотрите	шъу-ры-щы-ф-е-мы-плъ	шъу-щы-ры-ф-е-мы-плъ	шъу-фы-щы-р-е-мы-плъ	шъу-ры-фы-щ-е-мы-плъ	шъу-фы-ры-щ-е-мы-плъ		
шъу-щы-фы-р-е-мы-плъ	}			вы через что-нибудь для кого-то где-нибудь на него не смотрите						
шъу-ры-щы-ф-е-мы-плъ										
шъу-щы-ры-ф-е-мы-плъ										
шъу-фы-щы-р-е-мы-плъ										
шъу-ры-фы-щ-е-мы-плъ										
шъу-фы-ры-щ-е-мы-плъ										

В последнем примере мы как раз видим случай, когда в глагольной форме префикс места «щы-» и префикс личного отношения «фы-» выражены отдельными префиксами и на ряду с ними имеется префикс орудного дополнения «ры-». Мы видим, что все эти префиксы могут свободно комбинироваться друг с другом в любом порядке. При этом порядок остальных префиксов не меняется. Так возникает шесть параллельно возможных и равнозначущих форм. Однако одной из самых употребительных комбинаций будет именно та, которая дается в нашей формуле, где эти префиксы расположены в следующем порядке:

Субъект	Префикс места	Префикс отношения	Орудное дополнение	Дательное дополнение	Префикс отрицания	Основа глагола
шъу-	щы-	фы-	р-	е-	мы-	пль

Таким образом, возможность изменять порядок расположения глагольных префиксов в адыгейском весьма ограничена и нисколько не противоречит приводимым нами постоянным схемам этого порядка. Во всех случаях, когда порядок может произвольно меняться, одним из самых распространенных остается то расположение префиксов, которое мы даем в схемах. Несомненно, что при дальнейшем развитии адыгейского литературного языка придется в нем закрепить порядок расположения префиксов во избежание двусмысленности и для установления более однозначных грамматических правил. Для этой цели мы и предлагаем использовать разработанные нами схемы, которые вполне соответствуют грамматическим законам не только адыгейского, но и кабардинского языков.

В некоторых случаях на первый взгляд произвольное изменение порядка префиксов на самом деле отражает различие в залогах:

Залог

Непродуктивный

Продуктивный

шъу-щы-ры-мы-тх
вы где-либо чем-нибудь не пишите
(вообще)!

щы-ры-шъу-мы-тх
что-либо где-либо чем-нибудь вы
не пишите!

Прямая и косвенная форма личных и других префиксов. Личные префиксы адыгейского глагола выступают в спряжении не в одинаковой форме. Почти все личные префиксы местоименного происхождения. Однако местоименные корни в них выступают в трех различных оформлениях, что выражается, главным образом, в различии огласовки или в ее отсутствии. Личные префиксы, имеющие огласовку «э (е, о)», мы называем прямой формой личных префиксов. Эта форма в первом и втором лице обоих чисел в глагольных префиксах прямо совпадает с личными местоимениями. Форму личных префиксов, имеющую огласовку «ы (и, у)», мы называем косвенной их формой. Она прямо совпадает с полной формой притяжательных префиксов органической принадлежности. Поэтому и в личных префиксах глагола ее можно называть косвенной полной формой префиксов. Наконец, та форма личных префиксов, которая употребляется без огласовки и состоит лишь из одного согласного,—полностью совпадает с такой же краткой формой притяжательных префиксов и потому может быть названа косвенной краткой формой личных префиксов глагола. Краткая форма личных префиксов перед следующим соседним согласным подвергается звуковым изменениям в зависимости от качества этого согласного (об этом см. стр. 430). Поэтому краткие личные префиксы выступают в адыгейском языке в двух или трех фонетических разновидностях каждый. Всю систему адыгейских личных префиксов мы можем представить в следующем виде:

Личные префиксы глагола

Формы

Лица	Прямая	Косвенная	
		Полная ед. ч.	Краткая
1.	сэ-	сы-	с-, з-
2.	о- (= уэ-)	у- (= уы-)	п-, б-, пі- (иногда: у-)
3. а)	непродуктивн. мэ- ма-	—	—
б)	продуктивн. е- (= йэ-)	ы-, и- (= йы-)	
мн. ч.			
1.	тэ-	ты-	т-, д-, ті-
2.	шъо- (= шъуэ-)	шъу- (= шъуы-)	шъу-, жъу-, шлу- ¹
3. а)	непродуктивн. мэ- ма-	—	—
б)	продуктивн. а-, я-	а-, я-	

Из этой таблицы мы видим, что первое и второе лица обоих чисел выражены в префиксах теми же корнями, что и личные местоимения. Что касается личных префиксов третьего лица в обоих числах, то они представляют собою несколько иную систему выражения. Префиксы 3 л. строго различаются по двум залогам — непродуктивному и продуктивному. В непродуктивном залоге в качестве префикса 3 л. употребляется «мэ- || ма-» — префикс, который по своему происхождению связан с корнями указательных местоимений «мы-р» — „этот“, «мо-р» — „вот тот“. Этот префикс, однако, употребляется крайне редко: лишь в формах простого, собственно глагольного спряжения, т. е. только в настоящем времени утвердительного, вопросительного и подтвердительного наклонений, и в этих формах только тогда, когда он является единственным префиксом глагольной формы. По своему значению этот префикс выражает только субъект. Во всех остальных случаях, т. е. во всех остальных временах и наклонениях, спрягаемых по системе сложного спряжения,² а также и в простом спряжении, если в глагольной форме имеется какой-либо другой префикс, выражающий лицо или место и отношение, префикс «мэ- || ма-» исчезает из состава глагольной формы, и 3 л. непродуктивного субъекта тогда выражается отрицательно, т. е. отсутствием префикса. Множественное число во всех этих случаях, т. е. когда в глагольной форме может стоять префикс «мэ- || ма-» и когда он не может стоять, — не выражается в префиксах, а может быть выражено только специальным суффиксом множественного числа «-х(э)» в конце глагольной формы (между суффиксом времени и суффиксом наклонения или причастия). В продуктивном и во всех побудительных залогах в 3 л. ед. ч. употребляется префикс «е-». По своему происхождению этот префикс восходит, очевидно, к существовавшему когда-то в адыгейском личном местоимению „он“, которое сохранилось в первой части адыгейского слова «е-жь» — „сам“ (ср. абхазское личное местоимение 3 л. «я-рә-» — „он“). Этот префикс служит для выражения субъекта в продуктивном и побудительных залогах или дательного дополнения — во всех залогах. Личный префикс 3 л. ед. ч. в его косвенной форме представлен частицей «ы-» или «и-».

¹ Последняя форма налицо лишь в произношении, в письме изображается через «шлу-».

² Единственное исключение — шапс. диал. префикс «рә-», см. стр. 278, 391—392.

Первая совпадает с притяжательным префиксом 3 л. ед. ч. органической (неотчуждаемой) принадлежности, а вторая — с таким же притяжательным префиксом имущественной принадлежности. Префикс «ы-» употребляется только в начале глагольной формы, т. е. когда префикс продуктивного субъекта является в глаголе единственным, так как по правилам он должен стоять последним из личных префиксов (см. схему расположения личных префиксов продуктивного и побудительного залогов, стр. 355). В остальных случаях 3 л. ед. ч. продуктивного и побудительного субъекта выражается префиксом «и-».¹ 3 л. мн. ч. продуктивного и побудительного субъекта выражается во всех случаях как в начале, так и в середине глагольной формы префиксом «а-». Этот префикс по происхождению представляет собою также притяжательный префикс органической принадлежности. На ряду с данным префиксом в 3 л. мн. ч. мы имеем близкий ему префикс «я-», который по происхождению связан с самостоятельным притяжательным местоимением «я-й» и притяжательным префиксом 3 л. мн. ч. имущественной принадлежности «я-». Этот префикс по своему употреблению резко отличается от первого: он служит исключительно для выражения дательного дополнения и стоит обычно не в начале глагольной формы (т. е. после других префиксов), но в повелительном наклонении может стоять и в самом начале ее: «я-т» — „им дай“ (ср. стр. 379).

В приведенной нами таблице мы указали различие между прямой и косвенной формами личных префиксов глагола. Рассмотрим теперь употребление этих префиксов в глагольных формах. Вообще прямая форма употребляется в тех личных префиксах, которые ближе всего расположены к глагольной основе. В непродуктивном залоге в прямой форме может стоять только один из личных префиксов — префикс дательного дополнения, а при отсутствии всех остальных префиксов — префикс субъекта. В глаголах продуктивного залога в прямой форме могут одновременно стоять два личных префикса: префикс дательного или местного дополнения и префикс субъекта. Непродуктивно-побудительный залог в этом отношении совпадает с продуктивным залогом. В нем в прямой форме тоже могут стоять два префикса: дательного или местного дополнения и субъекта. В продуктивно-побудительном залоге в прямой форме могут стоять одновременно три последних префикса — префикс дательного дополнения, префикс второго подлежащего и префикс субъекта. Такое наиболее широкое для всех залогов употребление прямой формы личных префиксов имеет место только в настоящем времени утвердительного, вопросительного и подтвердительного наклонения, т. е. в простом (собственно глагольном) спряжении. Во всех остальных временах и наклонениях, т. е. в так называемом сложном (именном) спряжении употребление прямой формы субъектных префиксов становится еще более ограниченным. В формах сложного спряжения в прямой форме остаются только те из перечисленных личных префиксов, которые не выражают субъекта, т. е. префиксы дательного дополнения и префиксы второго субъекта, который по происхождению тоже является косвенным. Итак, в сложном спряжении в непродуктивном залоге в прямой форме может стоять лишь префикс дательного дополнения, в продуктивном и в непродуктивно-побудительном — тоже лишь дательный префикс и, наконец, в продуктивно-побудительном — одновременно два префикса: префикс дательного дополнения и префикс второго объекта.

Что касается залога с косвенным (по происхождению местным) объектом, то, так как этот залог по своему происхождению является

¹ Субъектный префикс «и-» не может стоять после префикса направления «кы-». В этих случаях продуктивные глагольные формы оказываются лишенными префикса субъекта: кы-шагъ — „он (что-то) привез сюда“, кы-тхы-гъ — „он (что-то) написал сюда“, кы-хы-гъ — „он (что-то) принес сюда“.

непродуктивным, к нему полностью приложимы правила употребления прямой формы, указанные нами для непродуктивного залога: в простом спряжении в прямой форме может стоять только префикс косвенного дополнения (по значению префикс объекта) и в сложном спряжении — лишь тот же самый префикс косвенного дополнения (т. е. объекта). Наконец, что касается косвенно-побудительного залога, то в нем, в частности, косвенную форму имеет префикс 2-го, т. е. прямого объекта, ибо прямая форма префикса остается за косвенным объектом, сохраняющим значение 1-го объекта (обратное тому, что мы имеем в продуктивно-побудительном залоге).

Поясним эти правила примерами:

Употребление прямой формы личных префиксов

Простое спряжение

Сложное спряжение

1. Непродуктивный залог

сэ-щэ
я продаю (вообще)

сы-ща-гъ
я продал (вообще)

сы-о-щэ
я тебе продаю

сы-о-ща-гъ
я тебе продал

с-е-щэ
я ему продаю

с-е-ща-гъ
я ему продал

сы-о-тэ || у-сэ-тэ
я тебе дарю, отдаю

сы-о-та-гъ || у-сэ-та-гъ
я тебе отдал, подарил.

2. Залог с косвенным (дательным) объектом

сэ-плъэ
я смотрю

сы-плъа-гъ
я посмотрел

сы-о-плъы¹
я на тебя смотрю
(буквально: к тебе)

сы-о-плъы-гъ
я на тебя посмотрел
(буквально: к тебе)

с-е-плъы
я на него смотрю

с-е-плъы-гъ
я на него посмотрел

с-е-джэ
я (нечто) учу (буквально: я
по чему-то учусь)

с-е-джа-гъ
я (нечто) выучил (буквально: я
по чему-то выучился)

3. Продуктивный залог

сэ-щэ
я продаю (нечто)

с-ща-гъэ
я продал (нечто)

о-сэ-щэ
я тебе продаю (нечто)

о-с-ща-гъэ
я тебе продал (нечто)

е-сэ-щэ
я ему продаю (нечто)

е-с-ща-гъ
я ему продал (нечто)

о-сэ-ты
я тебе отдаю || дарю (нечто)

о-с-ты-гъэ
я тебе отдал || подарил (нечто)

е-сэ-ты
я ему отдаю || дарю (нечто)

е-с-ты-гъ
я ему отдал || подарил (нечто)

и т. д.

¹ Изменение краткого гласного в конце этого слова, очевидно, объясняется первоначально центробежным значением этого глагола в залоге с косвенным объектом.

4. Непродуктивно-побудительный залог

у-е-сэ-гъа-щэ

я заставляю тебя продавать ему

с-е-о-гъа-щэ

ты заставляешь меня продавать ему

у-сэ-гъа-щэ

я заставляю тебя продавать

у-е-сэ-гъа-тэ

я заставляю тебя отдать || подарить
ему

с-е-о-гъа-тэ

ты заставляешь меня отдать || по-
дарить ему

сэ-гъа-тэ

я заставляю его отдать || подарить

у-е-з-гъэ-ща-гъ

я заставил тебя продать ему

с-е-б-гъэ-ща-гъ

ты заставил меня продать ему

у-з-гъэ-ща-гъ

я заставил тебя продать

у-е-з-гъэ-та-гъ

я заставил тебя отдать || подарить
ему

с-е-б-гъэ-та-гъ

ты заставил меня отдать || пода-
рить ему

къы-о-з-гъэ-та-гъ

я заставил его отдать || подарить
тебе

5. Косвенно-побудительный залог

у-сэ-гъа-плъэ

я даю тебе посмотреть

у-е-сэ-гъэ-плъы

я даю тебе посмотреть на него

с-е-о-гъэ-плъы

ты даешь мне посмотреть на него

у-з-гъэ-плъа-гъ

я дал тебе посмотреть

у-е-з-гъэ-плъы-гъ

я дал тебе посмотреть на него

с-е-б-гъэ-плъы-гъ

ты дал мне посмотреть на него

6. Продуктивно-побудительный залог

у-е-сэ-гъа-щэ

я заставляю его продавать (нечто)

къ(ы)-у-е-сэ-гъа-щэ

я заставляю его продавать тебе
(нечто)

къы-сы-у-е-гъа-щэ

он заставляет тебя продавать мне
(нечто)

къы-у-с-е-гъа-щэ

он заставляет меня продавать тебе
(нечто)

къ(ы)-у-е-сэ-гъэ-ты

я позволяю ему отдать || подарить
тебе (нечто)

къы-сы-у-е-гъэ-ты

он позволяет тебе отдать || пода-
рить мне (нечто)

е-сэ-о-гъэ-ты

ты позволяешь мне отдать || пода-
рить ему (нечто)

е-з-гъэ-ща-гъ

я заставил его продать (нечто)

къы-у-е-з-гъэ-ща-гъ

я заставил его продать тебе (нечто)

къы-сы-у-и-гъэ-ща-гъ

он заставил тебя продать мне
(нечто)

къы-у-с-и-гъэ-ща-гъ

он заставил меня продать тебе
(нечто)

къы-у-е-з-гъэ-ты-гъ

я позволил ему отдать || подарить
тебе (нечто)

къы-сы-у-и-гъэ-ты-гъ

он позволил тебе отдать || пода-
рить мне (нечто)

е-сэ-б-гъэ-ты-гъ

ты позволил мне отдать || пода-
рить ему (нечто)

и т. д.

Из этих примеров довольно ясно видны правила употребления прямой формы личных префиксов в тех случаях, когда в глаголе вместе с этими личными префиксами не стоят префиксы места, направления и отношения. К изложенным нами выше правилам необходимо только добавить, что в некоторых фонетических условиях (например, перед префиксами, начинающимися с т. н. полугласного «й» — «е, и, я») огласовка личных префиксов исчезает, и они становятся внешним образом похожими на краткий вид тех же префиксов в косвенной форме. Однако это совпадение только кажущееся. Как только личные префиксы попадают в другое фонетическое положение (например, перед другими согласными), их огласовка «э», характерная для прямой формы, сейчас же появляется вновь.

Более сложную картину в употреблении прямой формы личных префиксов мы наблюдаем в тех случаях, когда в состав глагольной формы включаются различные префиксы места и отношения, которые ставятся не ближе третьего префикса от основы. В этих случаях префиксы места и отношения как бы входят в общую систему образования прямой формы и на первый взгляд как будто нарушают установленные нами правила. Дело в том, что многие префиксы места и отношения сами могут иметь как прямую, так и косвенную форму и, кроме того, еще третью форму с огласовкой «а». Возьмем уже перечисленные нами префиксы личного отношения. Каждый из них будет иметь по три формы.

Прямая и косвенная формы префиксов места и отношения:

А. Первая группа префиксов

1. Префиксы направления и личного отношения

Форма с огласовкой «а»	Прямая форма	Косвенная форма (полный вид)
къа- сюда, в сторону первого (второго) лица	къэ-	къы-
фа- для кого, кому, из-за кого, на кого	фэ-	фы-
шѳа- против воли, против желания	шѳо-	шѳу-
да- вместе с кем; рядом, между	дэ-	ды-
кѳа- из-за чего; ради чего	кѳэ-	кѳы-

2. Некоторые префиксы места

ха- внутри, в веществе, среди людей	хэ-	хы-
чѳа- под прикрытием, под чем	чѳэ-	чѳы-
па- в (огонь)	пэ-	пы-

Б. Вторая группа префиксов

е-	и-
внутри, в полом пространстве	
Ю-	Ю-
возле отверстия, возле края	
те-	тр(ы)-
на чем, на поверхности	
пэ-	пы-
с короткой стороны, возле конца, возле начала	
щэ-	щы-
где-то, где-нибудь	

Мы видим, что префиксы места и отношения по различному характеру огласовки в глагольной форме можно подразделить на две группы. В первую входят префиксы направления, личного отношения и часть префиксов места. Данные префиксы имеют фонетически обусловленную огласовку «а» в том случае, если они стоят непосредственно перед односложной основой, кончающейся на гласный «э». Эта огласовка как разновидность прямой формы появляется, главным образом, в повелительном, а также в некоторых других наклонениях (в настоящем времени отрицательного и вопросительно-подтвердительного наклонений). В остальных формах они могут иметь прямую форму с огласовкой «э» или косвенную форму (только полный ее вид) с огласовкой «ы».

Вторая группа префиксов (см. здесь же выше последние 5 префиксов) представляет собою такие префиксы места, которые в основном всегда имеют огласовку «ы», но в крайне ограниченном числе форм могут иметь и огласовку «э». Последняя огласовка появляется только в том случае, когда они стоят на последнем месте среди префиксов — непосредственно перед самой глагольной основой. Это может случиться лишь в непродуктивном залоге и только в формах простого спряжения.

Употребление прямой и косвенной форм префиксов направления, места и отношения в общем подчиняется тем же правилам, что и употребление их в личных префиксах. При этом префиксы направления, места и отношения, входящие в первую группу, в том случае, если они попадают на одно из последних трех мест в общей системе префиксов глагола, приравниваются в отношении выявления прямой формы к личным префиксам. Таким образом, в непродуктивном залоге любой местный префикс может иметь в простом спряжении огласовку «э», т. е. прямую форму, если он является единственным префиксом или если он стоит непосредственно перед глагольной основой. В залоге с косвенным объектом префиксы направления, места и отношения вообще не могут иметь прямой формы, так как они в этом залоге должны стоять перед префиксом косвенного объекта и не могут находиться непосредственно перед корнем. Залог же этот в отношении выявления прямой формы префиксов целиком подчиняется правилам непродуктивного залога. Все остальные как личные, так и префиксы места и отношения в этом случае получают косвенную форму. В продуктивном залоге (так же в непродуктивно-побудительном и косвенно-побудительном) префикс места и отношения может иметь прямую форму и на втором месте от основы, т. е. находясь в числе последних двух префиксов перед ней. Наконец, в продуктивно-побудительном залоге префиксы места и отношения могут иметь прямую форму, находясь и на третьем месте от начала основы:

Употребление прямой формы личных префиксов и префиксов направления, места и отношения

Простое спряжение

Сложное спряжение

1. Непродуктивный залог

сы-щэ-щэ я где-то продаю	сы-щы-ща-гъ я где-то продавал
сы-фэ-щэ я для него продаю	сы-фэ-ща-гъ я для него продал
сы-щ-е-щэ я где-то ему продаю	сы-щ-е-ща-гъ я где-то ему продал
сы-щы-о-щэ у-щы-сэ-щэ я где-то тебе продаю	сы-щы-о-ща-гъ у-щы-сэ-ща-гъ я где-то тебе продал
у-кьы-сэ-щэ ты сюда мне продаешь	у-кьы-сэ-ща-гъ ты сюда мне продал
у-кьы-с-фэ-тхэ ты сюда мне пишешь	у-кьы-с-фэ-тха-гъ ты сюда мне писал
у-кьэ-тхэ ты сюда пишешь	у-кьэ-тха-гъ ты сюда написал
кьэ-пльэ он сюда смотрит	кьэ-пльа-гъ он сюда посмотрел
у-кьы-сэ-пльы ты сюда на меня смотришь	у-кьы-сэ-пльы-гъ он сюда на меня посмотрел

Последний пример представляет собою форму залога с косвенным (местным) объектом.

2. Продуктивный залог

сэ-ло я говорю	с-луа-гьэ я сказал
щэ-сэ-ло я где-то говорю	щы-с-луа-гъ я где-то сказал
кьэ-сэ-ло я сюда говорю	кьэ-с-луа-гъ я сюда сказал
щы-о-сэ-ло я где-то тебе говорю	щы-о-с-луа-гъ я где-то тебе сказал
кьы-о-сэ-ло я сюда тебе говорю	кьы-о-с-луа-гъ я сюда тебе сказал

3. Непродуктивно-побудительный залог

сэ-гьа-щэ я заставляю продавать	з-гьэ-ща-гьэ я заставил продать
кьы-сэ-о-гьа-щэ ты заставляешь его сюда мне продать	кьы-сэ-б-гьэ-щы-гъ ты заставил его сюда мне про- дать
у-кь-е-гьа-пльэ он заставляет тебя сюда смотреть	у-кь-и-гьэ-пльа-гъ он заставил тебя сюда посмо- треть
у-кьы-щы-с-е-гьэ-пльы он заставляет тебя где-то на меня смотреть	у-кьы-щы-с-и-гьэ-пльы-гъ он заставил тебя где-то посмо- треть

Последние два примера дают форму префиксов косвенно-побудительного залога (т. е. залога, образованного от залога с косвенным объектом).

4. Продуктивно-побудительный залог

кбы-о-сэ-гъа-щэ я заставляю тебя сюда продавать (нечто)	кбы-о-з-гъэ-ща-гъ я заставил тебя сюда продать (нечто)
кбэ-сэ-о-гъа-Ю кбы-сэ-о-гъа-Ю ты заставляешь меня сказать сюда (нечто)	кбэ-сэ-б-гъэ-Юа-гъ кбы-сэ-б-гъэ-Юа-гъ ты заставил меня сюда сказать (нечто)
щы-сэ-о-гъа-Ю ты заставляешь меня где-то ска- зать (нечто)	щы-сэ-б-гъэ-Юа-гъ ты заставил меня где-то сказать (нечто)
е-о-сэ-гъа-щэ я заставляю тебя продавать ему (нечто)	е-о-з-гъэ-ща-гъ я заставил тебя продавать ему (нечто)
щ-е-о-сэ-гъа-щэ я заставляю тебя продавать ему где-то (нечто)	щ-е-о-з-гъэ-ща-гъ я заставил тебя продавать ему где-то (нечто)

и т. д.

Если рассматривать префиксы места, разделенные на две указанные нами группы, с точки зрения их происхождения, то мы увидим, что это деление префиксов объясняется исторически. В особенности помогает нам в этом сравнение с кабардинским языком. Первая группа префиксов отличается тем, что все они имеют, очевидно, первоначальную огласовку «э», которая легко переходит в известных фонетических условиях в долгий гласный «а». Эти префиксы в адыгейском как раз чаще всего употребляются с огласовкой, свойственной прямой форме. Огласовка же, характеризующая их косвенную форму «ы», представляет собою вторично и позднее развившееся в них явление. Вторая группа адыгейских префиксов имеет в кабардинском языке всегда огласовку «ы» и никогда не может иметь гласного «э». Очевидно, мы имеем здесь префиксы с первоначальной огласовкой «ы». Гласный же «э» в адыгейском языке появляется в этих префиксах лишь крайне редко как позднейшее вторичное явление. Интересно отметить, что и личные префиксы можно распределить в адыгейском языке по тем же группам. Так, префикс третьего лица ед. и мн. ч. непродуктивного залога «мэ-||ма-» можно отнести по характеру его огласовки в первую группу, а префикс орудного дополнения «рэ-||ры-» и по всем признакам также личные префиксы 1-го и 2-го лица непродуктивного субъекта — все относятся ко второй группе.

Таким образом, изменения огласовки в префиксах места и отношения зависят, с одной стороны, от того, в какую группу они относятся, т. е. от исторически первоначальной их огласовки; с другой стороны, возможность появления одной из двух огласовок «э» и «ы» в префиксах — как личных, так и выражающих место и отношение — зависит от той формы залога, в которой они употребляются. В этом отношении все формы залогов можно подразделить на три группы. В первую входит непродуктивный залог (и залог с косвенным объектом, по происхождению тоже непродуктивный). Ко второй группе относятся формы продуктивного и совпадающих с ним по характеру префиксов непродуктивно-побудительного и косвенно-побудительного залога (см. пояснение, стр. 355). Наконец, в третью группу мы можем отнести формы продуктивно-побудительного залога.

В первой группе (непродуктивного залога) прямая форма всех префиксов имеет наиболее ограниченное употребление. Она может появиться только в последнем из префиксов, стоящем перед самой глагольной основой. Зато, однако, здесь появляется огласовка «э», свойственная прямой форме, в максимальном числе самих префиксов, — в обеих группах этих префиксов. Во второй группе залогов огласовка прямой формы может употребляться несколько шире — в простом спряжении на месте двух последних префиксов перед глагольной основой, а в сложном спряжении — на месте лишь одного предпоследнего префикса. Зато в формах второй группы залогов вторая группа префиксов места уже никогда не употребляется с огласовкой «э». Наконец, в третьей группе залогов мы находим наиболее широкое употребление прямой формы префиксов — она может появляться в трех последних префиксах перед глагольной основой в простом спряжении и в двух — предпоследнем и допредпоследнем, считая от глагольной основы, — в сложном спряжении. И в этой третьей группе залогов прямую форму может иметь лишь первая группа префиксов места и отношения. Таким образом, мы можем для наглядности изобразить приводимые нами правила употребления прямой формы префиксов в виде следующей таблицы:

	Простое спряжение			Сложное спряжение		
	Префиксы по отношению к глагольной системе:					
	Допред- послед- ний	Предпо- следний	Послед- ний	Допред- послед- ний	Предпо- следний	Послед- ний
I группа залогов	ы	ы	э	ы	ы	э
II группа залогов	ы	э	э	ы	э	(ы)
III группа залогов	э ы	э	э	э	э	(ы)

Практически в прямой форме чаще всего выступает только префикс дательного дополнения и префикс второго объекта (последний — в продуктивно-побудительном залоге).

Во всех остальных случаях, кроме нами перечисленных, употребляется косвенная форма как личных префиксов, так и префиксов места и отношения. Префиксы места и отношения в косвенной форме всегда имеют огласовку «ы», за исключением случаев, когда эта огласовка исчезает в адыгейском языке по фонетическим условиям (перед префиксами «е-, и-, я-»). Они, следовательно, совсем не имеют краткой разновидности косвенной формы (см. ниже).

Личные префиксы имеют косвенную форму в двух ее разновидностях — полной и краткой. Полный вид косвенной формы личных префиксов отличается огласовкой «ы», в то время как краткий их вид не имеет совсем огласовки. Эта разница в двух видах косвенной формы имеет место только в отношении первых двух лиц обоих чисел. Употребление полного и краткого вида морфологически строго определено. Краткий вид косвенной формы префикса употребляется на последнем месте перед самой глагольной основой во всех залогах, имеющих продуктивное значение (продуктивном, непродуктивно-побудительном, косвенно-побудительном и продуктивно-побудительном) для выражения префикса подлежащего. Кроме того, эта же форма личных префиксов употребляется при изменении по лицам всех косвенных дополнений, выражаемых специальными префиксами места, отношения и орудным. В этом случае краткий вид косвенной формы личных префиксов ставится перед соответственными префиксами места, отношения или орудным (примеры см. стр. 65, 67).

Полный вид косвенной формы личных префиксов употребляется для выражения, во-первых, непродуктивного субъекта и, во-вторых — объекта (в последнем случае, во всех тех формах глагола, которые имеют продуктивное значение).

Прямая и косвенная форма личных префиксов глагола по своему употреблению и порядку своего расположения в глагольной форме часто находится в обратном отношении к употреблению в предложении прямой и косвенной формы соответственных дополнительных слов (ср. схему расположения тех и других на стр. 101). Так, в простом спряжении личный префикс субъекта при продуктивных глаголах, точно так же как и личный префикс дательного объекта как в простом, так и сложном спряжении, оба имеют обычно прямую форму, а связанные с ними подлежащее и дательное дополнение — всегда косвенную. Наоборот, личные префиксы прямого объекта как в простом, так и в сложном спряжении и непродуктивного субъекта — в сложном спряжении выражаются косвенной формой, а связанные с ними прямое дополнение и непродуктивное подлежащее всегда стоят в прямой.

Исторически в своем развитии прямая форма личных префиксов происходит непосредственно из личных местоимений. Косвенная форма тех же префиксов развивается непосредственно из притяжательных префиксов (главным образом, органической принадлежности) при именах. С этой точки зрения любую глагольную форму с личными префиксами исторически можно толковать как слившееся в одно слово целое предложение, в котором первоначально аморфная глагольная основа еще не имела никаких признаков глагольности, а все ее синтаксические отношения выражались или личными местоимениями или притяжательными префиксами. Следовательно, отношения нынешнего адыгейского глагола к своему подлежащему, прямому дополнению и косвенным дополнениям первоначально строились, как отношения притяжательных дополнений к дополняемому. Связи между теми и другими выражались притяжательными префиксами. Особенно ясно это видно из форм сложного спряжения:

у-сэ-лъэгъу
буквально: твой я видящий,
т. е. тебя я вижу

у-с-лъэгъу-гъ
твой — мой видевший,
т. е. тебя я увидел

Порядок смены личных префиксов по отдельным личным рядам. Под личным рядом мы понимаем каждый отдельный личный префикс в данной глагольной форме, который может иметь самостоятельное и независимое от других префиксов полное изменение по лицам. Так, например, в глагольной форме:

У-е-сэ-гъэ-лъэгъу
Я тебя ему показываю

мы имеем три глагольных личных префикса. Каждый из них в отдельности может изменяться по всем трем лицам ед. и мн. числа, например:

Изменение по лицам
1-го объекта

с-е-о-гъэ-лъэгъу
ты меня ему показываешь

у-е-сэ-гъэ-лъэгъу
я тебя ему показываю

Изменение по лицам
2-го объекта (дательного
дополнения)

у-с-е-гъэ-лъэгъу
он тебя мне показывает

сы-у-е-гъэ-лъэгъу
он меня тебе показывает

Изменение по лицам
субъекта

у-е-сэ-гъэ-лъэгъу
я тебя ему показываю

с-е-о-гъэ-лъэгъу
ты меня ему показываешь

-о-сэ-гъэ-лъэгъу я его тебе показываю	с-е-о-гъэ-лъэгъу ты меня ему показы- ваешь	сы-у-е-гъэ-лъэгъу он меня тебе показы- вает
т-е-о-гъэ-лъэгъу ты нас ему показы- ваешь	у-т-е-гъэ-лъэгъу он тебя нам показы- вает	у-е-тэ-гъэ-лъэгъу мы тебя ему показы- ваем
шъу-е-сэ-гъэ-лъэгъу я вас ему показываю	сы-шъу-е-гъэ-лъэгъу он меня вам показы- вает	с-е-шъо-гъэ-лъэгъу вы меня ему показы- ваете
-о-сэ-гъэ-лъэгъу-х я их тебе показываю	с-я-о-гъэ-лъэгъу ты меня им показы- ваешь	сы-у-а-гъэ-лъэгъу они меня тебе пока- зывают

Из этих примеров мы видим, что данный глагол, в котором имеется три личных префикса, может иметь полное изменение по лицам одновременно по каждому из трех этих префиксов. В этом смысле мы и называем каждый из личных префиксов — личным рядом и говорим, что данный глагол имеет три личных ряда. Эту особенность адыгейского глагола изменяться одновременно по нескольким личным рядам мы назвали выше (см. стр. 306, 351) его полиперсонностью, или многоличностью, а спряжение такого глагола называем полиперсонным, или многоличным спряжением.

Полиперсонное спряжение адыгейского глагола по сравнению с обычным типом спряжения отличается огромным богатством форм. В самом деле, если в нашем примере каждый личный ряд в отдельности может изменяться по всем лицам, то общее количество личных форм такого спряжения должно быть равно количеству всех возможных сочетаний этих трех личных префиксов друг с другом. На самом деле количество сочетаний личных префиксов в адыгейском глаголе несколько меньшее. Сочетания личных префиксов друг с другом подчинены некоторым ограничениям. Так, в одной и той же глагольной форме не может стоять одновременно двух префиксов первого или двух префиксов второго лица, точно так же как в русском языке невозможны такие предложения, как „я меня ему показываю“, „я его мне показываю“, „я меня мне показываю“, „ты тебя ему показываешь“ и т. д. Но в адыгейском глаголе возможно, как и в русском предложении, сочетание нескольких (до пяти) третьих лиц:

-р-е-гъэ-лъэгъу
он его ему показывает
-а-р-е-гъэ-лъэгъу-х
он их им показывает
и т. д.

В том случае, когда необходимо выразить сочетание в одной и той же глагольной форме двух одинаковых первых лиц или двух вторых лиц, в адыгейском, так же как в русском языке, одно из этих одинаковых лиц выражается специальным префиксом «зэ-||зы-», имеющим возвратное значение, например:

з-е-сэ-гъэ-лъэгъу
я себя ему показываю
-зэ-сэ-гъэ-лъэгъу
я себе его показываю,
т. е. я вижу с ним
зы-сэ-о-гъэ-лъэгъу
ты себя мне показываешь

сы-зэ-о-гъэ-лъэгъу

ты меня себе показываешь,
т. е. ты видишься со мною

сы-зэ-б-гъэ-лъэгъугъэп

ты меня себе не дал видеть,
т. е. ты не повидался со мной

и т. д.

Разумеется, возвратный префикс «зэ-||зы-» относится всегда, так же как и в русском, к подлежащему (субъекту).¹

Несмотря, однако, на такое ограничение числа возможных личных форм адыгейского глагола, количество его личных форм все же остается необычайно большим, — с точки зрения русского спряжения почти бесчисленным. Так, если произвести подсчет всех возможных личных форм адыгейского глагола только в одном времени одного какого-либо склонения, то мы будем иметь при спряжении в три лица не менее 160 форм (включая и возвратные формы). Принимая во внимание, что в отдельных случаях в адыгейском глаголе может быть одновременно выражено до 4 и даже до 5 лиц, а также принимая во внимание, что мы имеем в этом языке 10 времен, которые полностью могут быть проведены по 4 склонениям, и сверх того еще некоторое количество времен и склонений, не имеющих полной системы спряжения, и что все это вместе взятое может изменяться по залогам, — мы получим, по точным подсчетам, для спряжения в два лица не менее трех с половиной тысяч форм (при двух залогах, при четырех же залогах — не менее пяти с половиной тысяч), а при спряжении в три лица — не менее 13 тысяч форм (при четырех залогах — не менее 26—27 тысяч форм) спряжения от одного и того же глагола. Разумеется, привести в данной грамматике полную таблицу изменения по лицам какого-либо адыгейского глагола является трудным, а при спряжении по трем личным рядам — даже невозможным делом. Кроме того, такая обширная таблица не только не облегчит, но скорее затруднит как понимание, так и разбор глагольных форм. Между тем необходимо в сжатой и ясной форме дать здесь представление об образовании всех личных форм адыгейского полиперсонного спряжения. Поэтому мы остановились на мысли изобразить изменение адыгейского глагола по лицам в виде схематической сводной таблицы одних личных префиксов адыгейского спряжения. Личные префиксы даются нами в той их форме, которая употребительна в простом, или собственно глагольном спряжении (т. е. в настоящем времени утвердительного, вопросительного и подтвердительного склонений). Личные префиксы сложного, т. е. именного, спряжения видны из второй таблицы (они могут быть легко образованы на основании тех правил, которые даны в разделе Прямая и косвенная форма личных префиксов). Таблица расположена по основным и характерным для порядка расположения и формы личных префиксов группам залогов. В таблице дается в каждой строке максимальное количество личных префиксов, которое возможно для данного залога. Префиксы поставлены в том порядке, в каком они обычно встречаются в этом залоге. По каждому личному ряду (вертикально) личные префиксы располагаются в обычном порядке лиц. К ним добавлен возвратный префикс, обозначаемый цифрой 4. При разборе или составлении на основании таблицы какой-либо отдельной формы адыгейского глагола необходимо, во-первых, знать, к какому залогу она относится, во-вторых,

¹ Кроме возвратного, префикс «зэ-» имеет также взаимное значение: зэ-|ок|э-х — «они встречаются друг с другом, собираются вместе», зэ-зао-х — «они дерутся друг с другом», зэ-рэ-лъэгъу-х — «они видятся друг с другом».

помнить о том ограничении возможных сочетаний личных префиксов друг с другом, о котором мы говорили выше (стр. 368), и, наконец, иметь в виду, что огласовка личных префиксов в известных фонетических условиях (перед префиксами «е-, и-, я-») исчезает.

Таблица личных префиксов при изменении адыгейского глагола по лицам
(одновременно по нескольким личным рядам)

Простое спряжение

1. Непродуктивный залог и залог с косвенным (местным) объектом

	Субъект	Орудное дополнение	Дополнение личного отношения	Дательное дополнение
Единственное число				
1.	сы- сэ-	з-ры э-	с-фы э-	сэ-
2.	у- о-	б-ры э-	п-фы э-	о-
3.	-, ¹ (мэ- ма-)	-ры э-	-фы э-	е-
4.	—	зэ-ры э-	зы-фы э-	зэ-

(возвратн. префикс)

Множественное число

1.	ты- тэ-	д-ры э-	т-фы э-	тэ-
2.	шъу- шъо-	жъу-ры э-	шъу-фы э-	шъо-
3.	-, ¹ (мэ- ма-)	а-ры э-	а-фы э-	я-
4.	—	зэ-ры э-	зы-фы э-	зэ-

(возвратн. префикс)

2. Продуктивный и непродуктивно-побудительный залого

	Объект	Дополнение личного отношения	Дательное дополнение	Субъект
Единственное число				
1.	сы-	с-фы э-	сэ-	сэ-
2.	у-	п-фы э-	о-	о-
3.	-	-фы э-	е-	е-
4.	зы-	зы-фы э-	зэ-	—

Множественное число

1.	ты-	т-фы э-	тэ-	тэ-
2.	шъу-	шъу-фы э-	шъо-	шъо-
3.	-	а-фы э-	я-	а-
4.	зы-	зы-фы э-	зэ-	—

3. Продуктивно-побудительный залог

	1-й объект (прямой)	Дополнение личного отношения	Дательное дополнение	2-й объект (косвенный)	Субъект
Единственное число					
1.	сы-	с-фы-	сэ-	сэ-	сэ-
2.	у-	п-фы-	о-	о-	о-
3.	-	-фы-	е-	е-	е-
4.	зы-	зы-фы-	зэ-	зэ-	зэ-

¹ Знаком «-» (дефис) здесь или в начале другого префикса обозначен отрицательно-выраженный (нулевой) личный префикс.

Множественное число

1.	ты-	т-фы-	тэ-	тэ-	тэ-
2.	шъу-	шъу-фы-	шъо-	шъо-	шъо-
3.	-	а-фы-	я-	я-	а-
4.	зы-	зы-фы-	зэ-	зэ-	зэ-

4. Косвенно-побудительный залог

	2-й объект (прямой)	Дополнение личного отношения	Дательное дополнение	1-й объект (косвенный)	Субъект
1.	сы-	с-фы-	сэ-	сэ-	сэ-
2.	у-	п-фы-	о-	о-	о-
3.	-	-фы-	е-	е-	е-
4.	зы-	зы-фы-	зэ-	зэ-	зэ-
1.	ты-	т-фы-	тэ-	тэ-	тэ-
2.	шъу-	шъу-фы-	шъо-	шъо-	шъо-
3.	-	а-фы-	я-	я-	а-
4.	зы-	зы-фы-	зэ-	зэ-	зэ-

Личные префиксы в формах сложного спряжения, т. е. в повелительном, отрицательном, вопросительно-подтвердительном и желательном наклонениях и во всех временах утвердительного, вопросительного и подтвердительного наклонений, кроме настоящего, имеют тот же порядок расположения, что в приведенной таблице, но несколько иное употребление прямой и косвенной их формы. Для удобства разбора и справок приводим отдельную таблицу изменения глаголов по лицам в сложном спряжении.

Таблица личных префиксов при изменении адыгейского глагола по лицам

(одновременно по нескольким личным рядам)

Сложное спряжение

1. Непродуктивный залог и залог с косвенным (местным) объектом

	Субъект	Орудное дополнение	Дополнение лич- ного отношения	Дательное допол- нение или косвен- ный объект
Единственное число				
1.	сы-	з-ры-	с-фы-	сэ-
2.	у-	б-ры-	п-фы-	о-
3.	-	-ры-	-фы-	е-
4.	—	зэ-ры-	зы-фы-	зэ-
(возвратн. префикс)				
Множественное число				
1.	ты-	д-ры-	т-фы-	тэ-
2.	шъу-	жъу-ры-	шъу-фы-	шъо-
3.	-	а-ры-	а-фы-	я-
4.	—	зэ-ры-	зы-фы-	зэ-
(возвратн. префикс)				

2. Продуктивный и непродуктивно-побудительный залог

Объект	Дополнение личного отношения	Дательное дополнение	Субъект	
Единственное число				
1.	сы-	с-фы-	сэ-	с-, з-
2.	у-	п-фы-	о-	п-, б-, п -
3.	-	фы-	е-	ы-, -и-
4.	—	зы-фы-	зэ-	зы-
Множественное число				
1.	ты-	т-фы-	тэ-	т-, д-, т -
2.	шъу-	шъу-фы-	шъо-	шъу-, жъу-
3.	-	а-фы-	я-	а-
4.	—	зы-фы-	зэ-	зы-

3. Продуктивно-побудительный залог

1-й объект (прямой)	Дополнение личного отношения	Дательное или местное дополнение	2-й объект (косвенный)	Субъект	
Единственное число					
1.	сы-	с-фы-	сэ-	сэ-	с-, з-
2.	у-	п-фы-	о-	о-	п-, б-, п -
3.	-	фы-	е-	е-	ы-, -и-
4.	зы-	зы-фы-	зэ-	зэ-	зы-
Множественное число					
1.	ты-	т-фы-	тэ-	тэ-	т-, д-, т -
2.	шъу-	шъу-фы-	шъо-	шъо-	шъу-, жъу-
3.	-	а-фы-	я-	я-	а-
4.	зы-	зы-фы-	зэ-	зэ-	зы-

4. Косвенно-побудительный залог

2-й объект (прямой)	Дополнение личного отношения	Дательное или местное дополнение	1-й объекту (косвенный)	Субъект	
Единственное число					
1.	сы-	с-фы-	сэ-	сэ-	с-, з-
2.	у-	п-фы-	о-	о-	п-, б-, п -
3.	-	фы-	е-	е-	ы-, -и-
4.	—	зы-фы-	зэ-	зэ-	зы-
Множественное число					
1.	ты-	т-фы-	тэ-	тэ-	т-, д-, т -
2.	шъу-	шъу-фы-	шъо-	шъо-	шъу-, жъу-
3.	-	а-фы-	я-	я-	а-
4.	—	зы-фы-	зэ-	зэ-	зы-

В качестве одного из правил сочетания личных префиксов друг с другом следует помнить, что косвенная форма префикса 3 л. ед. ч. продуктивного субъекта «ы-» обычно заменяется другим префиксом «и-» в тех случаях, когда префикс этого лица попадает в середину глагольной формы — в положение после других префиксов. Таким образом, префикс 3 л. ед. ч. продуктивного субъекта «ы-» может стоять только в самом

начале глагольной формы, т. е. в том случае, если этот префикс является единственным префиксом глагола.

Префикс третьего лица обоих чисел непродуктивного субъекта «мэ-||ма-» может употребляться только в простом спряжении и лишь в том случае, когда он является единственным префиксом глагольной формы. Во всех остальных случаях этот префикс выражается отрицательно — отсутствием префикса, точно так же отрицательно — отсутствием префикса — всегда выражается префикс 3 л. объекта.

Префикс третьего лица орудного дополнения «р(ы)-» употребляется также взамен префикса третьего лица обоих чисел дательного или местного дополнения, во-первых, в том случае, если за ним следуют префиксы третьего лица продуктивного субъекта «е-, и-, а-», и во-вторых, в том случае, когда нужно разделить два префикса, которые по фонетическим законам адыгейского языка должны слиться в один слог, т. е. «е-» или «я-» перед «е-, и-» или «а-». В некоторых случаях префикс «-р(ы)-» употребляется также для отделения префикса места и отношения от последующих префиксов «е-», «и-» или «а-». Префикс личного направления «кьэ-» в отношении к личным префиксам 1-го и 2-го лиц в некоторых случаях (например, в случае дательного дополнения) выражает дательный или другой косвенно-дополнительный префикс в отличие от субъектного (префикс «кьэ-» ставится в этих случаях перед определяемым или личным префиксом). Таким образом, в данном случае префикс «кьэ-» перестает быть префиксом направления и входит в систему личных префиксов (примеры см. стр. 348—349).

Между указанными в таблице личными префиксами в соответственных местах (см. порядок расположения префиксов места и отношения, стр. 355) могут вставляться префиксы места и отношения. Их изменение по лицам выражается с помощью краткого вида косвенной формы личного префикса, который ставится непосредственно перед префиксом места и отношения (примеры см. на стр. 65, 67).

Из рассмотрения приведенных таблиц мы еще раз можем подтвердить наш вывод, что в отношении порядка расположения, формы и характера префиксов непродуктивный субъект и в продуктивных залогах — объект выражаются совершенно одинаково. Это объясняется общим историческим происхождением объекта и непродуктивного субъекта в адыгейском языке. В качестве примера полиперсонного спряжения приводим таблицы спряжения глагола в одном времени и наклонении одного залога — в два и в три лица:

Спряжение глагола в два одновременных лица

(субъекта и объекта).¹

(в настоящем времени утвердительного наклонения продуктивного залога)

Глагол: лъэгъу — „видь“

Субъект 1-е лицо ед. ч.

Объект

1. —
2. усэльэгъу — я тебя вижу
3. сэльэгъу — я (его) вижу

1. —
2. шъусэльэгъу — я вас вижу
3. сэльэгъух — я их вижу

Субъект 1-е лицо мн. ч.

Объект

1. —
2. утэльэгъу — мы тебя видим
3. тэльэгъу — мы (его) видим

1. —
2. шъутэльэгъу — мы вас видим
3. тэльэгъух — мы их видим

¹ Образцы именного спряжения в одно и два лица см. ниже, стр. 415.

Субъект 2-е лицо ед. ч.

1. сыольэгъу — ты меня видишь
2. —
3. ольэгъу — ты (его) видишь
1. тыольэгъу — ты нас видишь
2. —
3. ольэгъух — ты их видишь

Субъект 3-е лицо ед. ч.

1. селъэгъу — он меня видит
2. уельэгъу — он тебя видит
3. ельэгъу — он (его) видит
1. телъэгъу — он нас видит
2. шъуельэгъу — он вас видит
3. ельэгъух — он их видит

Субъект 2-е лицо мн. ч.

1. сышьольэгъу — вы меня видите
2. —
3. шъольэгъу — вы (его) видите
1. тышьольэгъу — вы нас видите
2. —
3. шъольэгъух — вы их видите

Субъект 3-е лицо мн. ч.

1. салъэгъу — они меня видят
2. уальэгъу — они тебя видят
3. альэгъу — они (его) видят
1. тальэгъу — они нас видят
2. шъуальэгъу — они вас видят
3. альэгъух — они их видят

Возвратные формы

Объект выражен возвратным префиксом «зы-»

1. зысэльэгъу — я себя вижу
2. зыольэгъу — ты себя видишь
3. зельэгъу — он себя видит
1. зытэльэгъу — мы себя видим
2. зышьольэгъу — вы себя видите
3. зальэгъу — они себя видят

Спряжение глагола в три одновременных лица (субъекта, объекта и косвенного дополнения в значении второго объекта)

(в настоящем времени утвердительного наклонения побудительного залога, образованного от продуктивного)

Глагол: егъэльэгъу — „давай видеть, показывай“

Субъект — 1 л. ед. ч., 2-й объект — 2 л. ед. ч.

Субъект — 1 л. мн. ч., 2-й объект — 2 л. ед. ч.

- 1-й объект
1. —
  2. —
  3. осэгъэльэгъу — я тебе (его) показываю
  1. —
  2. —
  3. осэгъэльэгъух — я тебе их показываю

- 1-й объект
1. —
  2. —
  3. отэгъэльэгъу — мы тебе (его) показываем
  1. —
  2. —
  3. отэгъэльэгъух — мы тебе их показываем

Субъект — 1 л. ед. ч., 2-й объект — 3 л. ед. ч.

Субъект — 1 л. мн. ч., 2-й объект — 3 л. ед. ч.

1. —
2. уесэгъэльэгъу — я ему тебя показываю
3. есэгъэльэгъу — я ему (его) показываю
1. —
2. шъуесэгъэльэгъу — я ему вас показываю
3. есэгъэльэгъух — я ему их показываю

1. —
2. уетэгъэльэгъу — мы ему тебя показываем
3. етэгъэльэгъу — мы ему (его) показываем
1. —
2. шъуестэгъэльэгъу — мы ему вас показываем
3. етэгъэльэгъух — мы ему их показываем

Субъект — 1 л. ед. ч., 2-й объект —
2 л. мн. ч.

1-й объект

1. —
2. —
3. шъосэгъэльэгъу — я вам (его)
показываю
1. —
2. —
3. шъосэгъэльэгъух — я вам их
показываю

Субъект — 1 л. ед. ч., 2-й объект —
3 л. мн. ч.

1. —
2. уясэгъэльэгъу — я им тебя
показываю
3. ясэгъэльэгъу — я им (его)
показываю
1. —
2. шъуясэгъэльэгъу — я им вас
показываю
3. ясэгъэльэгъух — я им их по-
казываю

Субъект — 2 л. ед. ч., 2-й объект —
1 л. ед. ч.

1. —
2. —
3. сэогъэльэгъу — ты мне (его)
показываешь
1. —
2. —
3. сэогъэльэгъух — ты мне их
показываешь

Субъект — 2 л. ед. ч., 2-й объект —
3 л. ед. ч.

1. сеогъэльэгъу — ты ему меня
показываешь
2. —
3. еогъэльэгъу — ты ему (его)
показываешь
1. теогъэльэгъу — ты ему нас
показываешь
2. —
3. еогъэльэгъух — ты ему их
показываешь

Субъект — 2 л. ед. ч., 2-й объект —
1 л. мн. ч.

1. —
2. —
3. тэогъэльэгъу — ты нам (его)
показываешь
1. —
2. —
3. тэогъэльэгъух — ты нам их
показываешь

Субъект — 1 л. мн. ч., 2-й объект —
2 л. мн. ч.

1-й объект

1. —
2. —
3. шъотэгъэльэгъу — мы вам (его)
показываем
1. —
2. —
3. шъотэгъэльэгъух — мы вам их
показываем

Субъект — 1 л. мн. ч., 2-й объект —
3 л. мн. ч.

1. —
2. уятэгъэльэгъу — мы им тебя
показываем
3. ятэгъэльэгъу — мы им (его)
показываем
1. —
2. шъуятэгъэльэгъу — мы им вас
показываем
3. ятэгъэльэгъух — мы им их
показываем

Субъект — 2 л. мн. ч., 2-й объект —
1 л. ед. ч.

1. —
2. —
3. сэшъогъэльэгъу — вы мне (его)
показываете
1. —
2. —
3. сэшъогъэльэгъух — вы мне
их показываете

Субъект — 2 л. мн. ч., 2-й объект —
3 л. ед. ч.

1. сешъогъэльэгъу — вы ему ме-
ня показываете
2. —
3. ешъогъэльэгъу — вы ему (его)
показываете
1. тешъогъэльэгъу — вы ему нас
показываете
2. —
3. ешъогъэльэгъух — вы ему их
показываете

Субъект — 2 л. мн. ч., 2-й объект —
1 л. мн. ч.

1. —
2. —
3. тэшъогъэльэгъу — вы нам (его)
показываете
1. —
2. —
3. тэшъогъэльэгъух — вы нам их
показываете

Субъект — 2 л. ед. ч., 2-й объект —
3 л. мн. ч.

1-й объект

1. сяогъэльэгъу — ты им меня
показываешь
2. —
3. яогъэльэгъу — ты им (его)
показываешь

1. тяогъэльэгъу — ты им нас
показываешь
2. —
3. яогъэльэгъух — ты им их по-
казываешь

Субъект — 3 л. ед. ч., 2-й объект —
1 л. ед. ч.

1. —
2. усегъэльэгъу — он мне тебя
показывает
3. сегъэльэгъу — он мне (его)
показывает

1. —
2. шъусегъэльэгъу — он мне вас
показывает
3. сегъэльэгъух — он мне их по-
казывает

Субъект — 3 л. ед. ч., 2-й объект —
2 л. ед. ч.

1. сыугъэльэгъу — он тебе ме-
ня показывает
2. —
3. уегъэльэгъу — он тебе (его)
показывает

1. тыугъэльэгъу — он тебе нас
показывает
2. —
3. уегъэльэгъух — он тебе их
показывает

Субъект — 3 л. ед. ч., 2-й объект —
3 л. ед. ч.

1. сырегъэльэгъу — он ему ме-
ня показывает
2. урегъэльэгъу — он ему тебя
показывает
3. регъэльэгъу — он ему (его)
показывает

1. тырегъэльэгъу — он ему нас
показывает
2. шъурегъэльэгъу — он ему вас
показывает
3. регъэльэгъух — он ему их по-
казывает

Субъект — 2 л. мн. ч., 2-й объект —
3 л. мн. ч.

1-й объект

1. сяшъогъэльэгъу — вы им меня
показываете
2. —
3. яшъогъэльэгъу — вы им (его)
показываете

1. тяшъогъэльэгъу — вы им нас
показываете
2. —
3. яшъогъэльэгъух — вы им их
показываете

Субъект — 3 л. мн. ч., 2-й объект —
1 л. ед. ч.

1. —
2. усагъэлэгъу — они мне тебя
показывают
3. сагъэлэгъу — они мне (его)
показывают

1. —
2. шъусагъэльэгъу — они мне вас
показывают
3. сагъэлэгъух — они мне их
показывают

Субъект — 3 л. мн. ч., 2-й объект —
2 л. ед. ч.

1. сыуагъэльэгъу — они тебе ме-
ня показывают
2. —
3. уагъэльэгъу — они тебе (его)
показывают

1. тыуагъэльэгъу — они тебе нас
показывают
2. —
3. уагъэльэгъух — они тебе их
показывают

Субъект — 3 л. мн. ч., 2-й объект —
3 л. ед. ч.

1. сырагъэльэгъу — они ему ме-
ня показывают
2. урагъэльэгъу — они ему тебя
показывают
3. рагъэльэгъу — они ему (его)
показывают

1. тырагъэльэгъу — они ему нас
показывают
2. шъурагъэльэгъу — они ему вас
показывают
3. рагъэльэгъух — они ему их
показывают

Субъект — 3 л. ед. ч., 2-й объект —
1 л. мн. ч.

1-й объект

1. —
  2. утегъэлъэгъу — он нам тебя
показывает
  3. тегъэлъэгъу — он нам (его)
показывает
1. —
  2. шьутегъэлъэгъу — он нам вас
показывает
  3. тегъэлъэгъух — он нам их
показывает

Субъект — 3 л. ед. ч., 2-й объект —
2 л. мн. ч.

1. сышьуегъэлъэгъу — он вам
меня показывает
  2. —
  3. шьуегъэлъэгъу — он вам (его)
показывает
1. тышьуегъэлъэгъу — он вам
нас показывает
  2. —
  3. шьуегъэлъэгъух — он вам их
показывает

Субъект — 3 л. ед. ч., 2-й объект —
3 л. мн. ч.

1. сарегъэлъэгъу — он им меня
показывает
  2. уарегъэлъэгъу — он им тебя
показывает
  3. арегъэлъэгъу — он им (его)
показывает
1. шьуарегъэлъэгъу — он им вас
показывает
  2. тарегъэлъэгъу — он им нас
показывает
  3. арегъэлъэгъух — он им их по-
казывает

Субъект — 3 л. мн. ч., 2-й объект —
1 л. мн. ч.

1-й объект

1. —
  2. утагъэлъэгъу — они нам тебя
показывают
  3. тагъэлъэгъу — они нам (его)
показывают
1. —
  2. шьутагъэлъэгъу — они нам
вас показывают
  3. тагъэлъэгъух — они нам их
показывают

Субъект — 3 л. мн. ч., 2-й объект —
2 л. мн. ч.

1. сышьуагъэлъэгъу — они вам
меня показывают
  2. —
  3. шьуагъэлъэгъу — они вам (его)
показывают
1. тышьуагъэлъэгъу — они вам
нас показывают
  2. —
  3. шьуагъэлъэгъух — они вам их
показывают

Субъект — 3 л. мн. ч., 2-й объект —
3 л. мн. ч.

1. сарагъэлъэгъу — они им меня
показывают
  2. уарагъэлъэгъу — они им тебя
показывают
  3. арагъэлъэгъу — они им (его)
показывают
1. тарагъэлъэгъу — они им нас
показывают
  2. шьуарагъэлъэгъу — они им вас
показывают
  3. арагъэлъэгъух — они им их
показывают

Возвратные формы

а) 1-й объект выражен возвратным префиксом «зы-»

Субъект 1 л. ед. ч.

2-й объект
(дательный)

1. —
  2. зыосэгъэлъэгъу — я показы-
ваюсь тебе
  3. зесэгъэлъэгъу — я показыва-
юсь ему
1. —
  2. зышьосэгъэлъэгъу — я пока-
зываюсь вам
  3. зясэгъэлъэгъу — я показыва-
юсь им

Субъект 1 л. мн. ч.

2-й объект
(дательный)

1. —
  2. зыотэгъэлъэгъу — мы пока-
зываемся тебе
  3. зетэгъэлъэгъу — мы показы-
ваемся ему
1. —
  2. зышьотэгъэлъэгъу — мы пока-
зываемся вам
  3. зятэгъэлъэгъу — мы показы-
ваемся им

Субъект 2 л. ед. ч.

Субъект 2 л. мн. ч.

2-й объ-
ект

1. зысэогъэльэгъу — ты показы-
ваешься мне
2. —
3. зеогъэльэгъу — ты показыва-
ешься ему
1. зытэогъэльэгъу — ты показы-
ваешься нам
2. —
3. зяогъэльэгъу — ты показыва-
ешься им

2-й объ-
ект

1. зысэшъогъэльэгъу — вы пока-
зываетесь мне
2. —
3. зешъогъэльэгъу — вы пока-
зываетесь ему
1. зытэшъогъэльэгъу — вы пока-
зываетесь нам
2. —
3. зяшъогъэльэгъу — вы показы-
ваетеесь им

Субъект 3 л. ед. ч.

Субъект 3 л. мн. ч.

1. зысегъэльэгъу — он показы-
вается мне
2. зыуегъэльэгъу — он показы-
вается тебе
3. зырегъэльэгъу — он показы-
вается ему
1. зытегъэльэгъу — он показы-
вается нам
2. зышъуегъэльэгъу — он пока-
зывается вам
3. зарегъэльэгъу — он показы-
вается им

1. зысагъэльэгъу — они показы-
ваются мне
2. зыуагъэльэгъу — они показы-
ваются тебе
3. зырагъэльэгъу — они показы-
ваются ему
1. зытагъэльэгъу — они показы-
ваются нам
2. зышъуагъэльэгъу — они пока-
зываются вам
3. зарагъэльэгъу — они показы-
ваются им

б) 2-й объект (по происхождению местный) выражен возвратным префиксом «зэ-»

Субъект 1 л. ед. ч.

Субъект 1 л. мн. ч.

1-й объ-
ект

1. —
2. узэсэгъэльэгъу — я вижу с
тобой
3. зэсэгъэльэгъу — я вижу (с
ним)
1. —
2. шъузэсэгъэльэгъу — я вижу с
вами
3. зэсэгъэльэгъух — я вижу с
ними

1-й объ-
ект

1. —
2. узэтэгъэльэгъу — мы видим-
ся с тобой
3. зэтэгъэльэгъу — мы видимся
(с ним)
1. —
2. шъузэтэгъэльэгъу — мы ви-
димся с вами
3. зэтэгъэльэгъух — мы видим-
ся с ними

Субъект 2 л. ед. ч.

Субъект 2 л. мн. ч.

1. сызэогъэльэгъу — ты видишь-
ся со мной
2. —
3. зэогъэльэгъу — ты видишься
(с ним)
1. тызэогъэльэгъу — ты видишь-
ся с нами
2. —
3. зэогъэльэгъух — ты видишь-
ся с ними

1. сызэшъогъэльэгъу — вы ви-
дитесь со мной
2. —
3. зэшъогъэльэгъу — вы види-
тесь (с ним)
1. тызэшъогъэльэгъу — вы види-
тесь с нами
2. —
3. зэшъогъэльэгъух — вы види-
тесь с ними

- 1-й объект
1. сызэрегъэлыэгъу — он видится со мной
  2. узэрегъэлыэгъу — он видится с тобой
  3. зэрегъэлыэгъу — он видится (с ним)
1. тызэрегъэлыэгъу — он видится с нами
  2. шъузэрегъэлыэгъу — он видится с вами
  3. зэрегъэлыэгъу — он видится с ними

- 1-й объект
1. сызэрагъэлыэгъу — они видятся со мной
  2. узэрагъэлыэгъу — они видятся с тобой
  3. зэрагъэлыэгъу — они видятся (с ним)
1. тызэрагъэлыэгъу — они видятся с нами
  2. шъузэрагъэлыэгъу — они видятся с вами
  3. зэрагъэлыэгъух — они видятся с ними

Изменение глагола по числам. Изменение глагола по числам в адыгейском языке в большинстве случаев заменяется изменением его по лицам. В первых двух лицах единственное и множественное число выражается с помощью различия личных префиксов. Несколько иначе — не одинаковым способом — выражается число третьего лица во всех личных рядах. Префикс третьего лица единственного числа продуктивного подлежащего «е-» или «ы-, и-» во множественном числе заменяется префиксом «я-». Префикс 3 л. ед. ч. дательного дополнения (а также косвенного и 2-го объекта) «е-» заменяется во множественном числе префиксом «я-». Этот последний префикс представляет собою единственный случай употребления притяжательного префикса 3 л. мн. ч. имущественной принадлежности (ср. стр. 293) в качестве личного префикса адыгейского глагола.

Иначе выражается множественное число в третьих лицах объекта (а также 2-го объекта косвенно-побудительного залога) и непродуктивного субъекта. И в том, и в другом случае в префиксе не обозначается число. Множественное число этих префиксов выражается присоединением к основе времени специального суффикса множественного числа объекта и непродуктивного субъекта «-х(э)», который, находясь после суффиксов времен, предшествует суффиксам наклонений. По происхождению это — тот же самый суффикс, что и суффикс множественного числа имен и указательных местоимений, только обычно теряющий в глаголе свою огласовку. В современном адыгейском языке суффикс множественного числа «-х(э)» иногда употребляется и по отношению к другим лицам, что следует признать, однако, грамматически еще неустановившимся явлением. В литературном языке следует придерживаться употребления суффикса «-х(э)» лишь для обозначения множественного числа объекта или непродуктивного субъекта.

Глава 3

ИМЯ

Под именем мы понимаем ту часть речи, которая в адыгейском языке служит для выражения дополнительных слов (подлежащего, прямого дополнения и косвенных дополнений, а также определений, определятельных дополнений при дополняемом и отчасти обстоятельственных слов) и обладает особым типом словоизменения — изменением по падежам и числам, или так называемым склонением. Таким образом, поскольку дополнительные слова в предложении формально противопоставлены сказуемому, постольку и части речи, служащие для выражения тех и других, т. е. имя и глагол, формально тоже противопоставлены друг другу. Все, что говорилось в этом отношении о дополнительных словах

и сказуемом (см. стр. 55), может быть и в морфологии отнесено к имени и глаголу. Глагол и имя представляют собою грамматические противоположности, которые, именно благодаря этому, теснейшим образом связаны друг с другом как по своему происхождению, так и по современному живому их употреблению.

Все имена в адыгейском языке имеют совершенно одинаковые формы словоизменения. Они склоняются, т. е. изменяются по падежам и числам. Они могут иметь вместе с тем определенную и неопределенную формы, из коих первая обозначает заранее известный предмет, а вторая — предмет неопределенный, неизвестный и, наконец, та и другая форма может обозначать предмет, взятый в его общем, родовом понятии (ср. Синтаксис, стр. 46—47). От древнейшей, так называемой аморфной эпохи развития речи сохраняется в адыгейском языке неоформленное имя, которое сейчас употребляется лишь в редких случаях, например, в пословицах, в отрицательном типе предложения и в форме так называемого „общего“ числа. Хотя адыгейское имя не имеет такой строгой формальной дифференциации (подразделения) на имена существительные, имена прилагательные, наречия, имена числительные, как в русском языке, однако, и в адыгейском, главным образом по значению и отчасти по форме мы можем выделить в именах определенные их группы. Так, в общем разделе имен существует большая группа слов, которые преимущественно употребляются как существительные, хотя во многих случаях и могут быть поняты в качестве определительных дополнений как относительные прилагательные. На ряду с этим в адыгейском языке имеется меньшая группа имен, которые употребляются, главным образом, для обозначения качеств или признаков и значительно реже могут быть поняты как имена существительные. Эту группу можно считать соответствующей русским качественным прилагательным. Формальное различие между первой и второй группой состоит в адыгейском языке в том, что имена с преимущественным значением существительных, если они употребляются в качестве дополнений-определений, предшествуют основному слову — определяемому, а имена с преимущественным значением прилагательных, если употребляются в качестве определений, следуют за определяемым. С помощью специального суффикса «-эу(-оу),-у» от имен образуется уже оформленное качественное наречие и реже прилагательное, что представляет собою явление дальнейшего развития частей речи в адыгейском языке. Ряд имен в адыгейском приобретает значение служебных слов и употребляется при других именах в качестве послелогов. Наконец, и по значению и по форме выделяются в адыгейском имена для обозначения чисел и счета. Они имеют особый грамматический способ соединения с тем определяемым словом, к которому они относятся, и ряд специально им свойственных форм словообразования (кратную, разделительную, собирательную и т. д.). Последнюю группу имен можно назвать именами числительными. В дальнейшем мы рассмотрим сначала имена вообще, а затем имена со значением прилагательных, наречий и числительных каждое в отдельности.

Исторически, по своему происхождению, имя представляет собою дополнительное слово, в котором, в пределах отдельного слова, с помощью специальных частиц, главным образом суффиксов, выражена эта его синтаксическая роль. Историческое развитие имен в адыгейском языке, надо думать, проходило следующими этапами. Долгое время после появления глагола и развития спряжения адыгейское имя оставалось неизменяемым, аморфным словом. В этом виде оно представляло собою прямой пережиток того бесформенного и нерасчлененного слова вообще, которое существовало в аморфную эпоху. В то время адыгейское имя было противопоставлено глаголу как неизменяемая часть речи — изменяемой. В современном адыгейском языке сохраняется лишь остаток такого состояния имен в виде неоформленного имени. Из языков западно-яфетической

группы примерно такое же состояние сохранилось до наших дней в абхазском. Можно сказать, что в эту эпоху все адыгейское склонение в противоположность спряжению существовало отрицательно — в виде отсутствия всяких форм. Теперь, однако, мы имеем в адыгейском языке уже подлинное склонение, настоящее склоняемое имя. Хотя адыгейское склонение представляет собою пока минимальное развитие форм, — всего лишь два падежа и сверх того две близких к падежам формы, хотя эти два падежа по своему употреблению не совпадают с европейскими падежами, хотя ни подлежащее, ни прямое дополнение в адыгейском языке не имеют для своего выражения одной постоянной падежной формы, хотя падежные суффиксы в адыгейском языке служат не только для выражения падежей, но и для выражения определенной и неопределенной форм имени, — тем не менее, мы должны признать, что в настоящее время адыгейский язык, так же как и ближайший к нему кабардинский, обладают настоящим склонением. Это видно хотя бы из того, что несмотря на все несоответствие употребления падежей в адыгейском с употреблением падежей в остальных европейских языках — в том числе и в русском, — адыгейские падежи все-таки выполняют ту же самую грамматическую роль, что и падежи в других европейских языках. В каждом отдельном предложении такие различные категории, как непродуктивное подлежащее и прямое дополнение, с одной стороны, и продуктивное подлежащее и косвенное дополнение — с другой, выражаются в адыгейском языке всегда различными падежными формами. Таким образом, хотя адыгейское подлежащее и прямое или косвенное дополнение не имеют для своего выражения постоянных падежных форм, как в русском языке, тем не менее, относительная разница между ними всегда выражена различием адыгейских падежей. Поэтому можно сказать, что главное отличие адыгейских падежных форм от русских заключается в том, что русские падежи имеют в основном одинаковое, постоянное, так сказать, абсолютное синтаксическое и семантическое значение, в то время как адыгейские падежи являются лишь относительным, непостоянным выражением того же самого значения. Эта разница не может, однако, заставить нас в какой-либо мере усомниться в реальном факте существования адыгейского склонения и адыгейских падежей. Отличия этого склонения от склонения в других европейских языках несомненны. Они объясняются тем, что адыгейское склонение представляет собою начало того развития, дальнейшие ступени которого мы наблюдаем в остальных европейских языках.

Адыгейское имя может быть неоформленным и оформленным, иметь неопределенную и определенную формы, оно может склоняться, т. е. изменяться по падежам и числам; кроме падежей в собственном смысле слова, адыгейское имя может иметь превратительную и орудную формы, которые практически мы тоже причисляем к падежам. Склонение имени в адыгейском языке бывает двух типов — согласное и гласное. В качестве особых подразделений имен мы имеем здесь имена со значением существительных, имена со значением прилагательных и наречий, неоформленные и имеющие специальное оформление, имена со значением послеслогов и, наконец, имена со значением числительных. Рассмотрим все эти формы имен каждую в отдельности.

Оформленное и неоформленное имя. В адыгейском языке имеются остатки бывшего аморфного состояния имен. Эти остатки сохраняются от того времени, когда адыгейский язык не имел еще частей речи, а также суффиксов и префиксов. В этот период слова в адыгейском языке оставались неизменяемыми, а связь их друг с другом в предложении выражалась порядком их расположения, интонацией, ударением и т. д. В современном языке это бывшее аморфное адыгейское слово сохраняется в редких случаях в виде неоформленного имени. Неоформленное имя теперь употребляется только в ограниченном числе случаев. Оно не имеет, собственно, никаких суффиксов. По своему значению неоформленное имя может выражать

как подлежащее, так и прямое дополнение. Обычно, однако, неоформленное имя употребляется для выражения прямого дополнения. Неоформленное имя по своему содержанию обозначает данный предмет вообще, предмет, как общее (родовое) понятие, а также отдельный неопределенный предмет (см. ниже Определенная и неопределенная форма имени и стр. 44). Неоформленное имя может выражать вместе с тем и некоторое неопределенное количество (см. выше стр. 47).

В современном языке неоформленное имя употребляется чаще всего в пословицах, а также в предложениях отрицательного типа. На ряду с неоформленным именем почти всегда можно употребить и оформленное имя, в особенности в пословицах:

Непэ мы унэм цыф кыхьагъэп.

Сегодня в этот дом никто не входил

(буквально: вообще человека не входило).

Чэм лы ышхырэп.

Корова (вообще) мяса не ест.

и т. д.

Другие примеры см. на стр. 46—47.

Многие неоформленные имена в живом современном языке употребляются в качестве наречий, выражающих, главным образом, время. Например: непэ — „сегодня“, тыгъуасэ — „вчера“, мыгъэ — „в этом году“, нычэпа — „сегодня ночью“, мыкI — „этой зимой“ и т. д. Однако в адыгейском они не употребляются в оформленном виде с падежными окончаниями (см. ниже Наречие, стр. 394).

Определенная и неопределенная формы имени. Так же, как и во многих европейских языках (например, в английском, французском, немецком), адыгейское имя имеет определенную и неопределенную формы. Определенная форма имени выражает уже заранее известный говорящим отдельный предмет и соответствует форме с определенным членом (артиклем) в западно-европейских языках. Неопределенная форма имени обозначает неизвестный отдельный предмет и соответствует именам с неопределенным членом в тех же языках. По-русски неопределенную форму имени можно передать только описательно — путем прибавления к нему слов: „один, какой-то, любой“ и т. д. Определенная же форма может быть переведена по-русски путем добавления слов: „тот самый, вышеупомянутый, данный“ и т. д. Неопределенная форма адыгейского имени в большинстве случаев остается неоформленной, т. е. лишенной падежных окончаний. В современном литературном языке она чаще всего употребляется для выражения прямого дополнения. Определенная форма имеет оформление специальными суффиксами падежей «-м» и «-р». Это склонение, в котором падежи оканчиваются на согласные, можно назвать согласным склонением. В редких случаях неопределенная форма имени в адыгейском языке тоже имеет склонение, в котором в качестве падежного окончания употребляется суффикс «-ы», состоящий из одного краткого гласного. Этот вид склонения мы называем гласным склонением.

Кроме указанных нами значений определенной и неопределенной формы, адыгейское имя может иметь еще обобщенное или родовое значение. По-русски это значение адыгейского имени может быть передано описательно с прибавлением к нему слов: „вообще..., все“ и т. д. Это значение имени передается в адыгейском языке в одних случаях неопределенной, а в других случаях определенной его формой (употребление неопределенной и определенной форм, а также формы с общим или родовым значением подробно рассмотрено нами в Синтаксисе, см. стр. 44 и сл.). Падежные формы неопределенного и определенного имени даются в разделе склонения (см. ниже стр. 387 и сл.).

Необходимо заметить, что в определенной форме в адыгейском языке всегда употребляются имена с указательными префиксами «мы-, мо-, а-».

а в обычной речи — также продуктивное подлежащее и некоторые другие косвенные дополнения (примеры см. стр. 47—48). В неопределенной форме всегда стоят в адыгейском языке имена с притяжательными префиксами в единственном числе, а обычно также собственные имена людей, за исключением тех, которые кончаются на ударный гласный.

Неоформленное имя	Неопределенная форма имени	Определенная форма имени
стол — „стол“	стол — „(один) стол“ си-стол — „мой стол“ Айсэ — „Айса“ си Айсэ — „мой Айса“ Умар — „Умар“ си Умар — „мой Умар“	столыр — „(данный) стол“ мы столыр — „этот стол“ ди-столхэр — „наши столы“ Айсэр — „(данный) Айса“ мы Айсэр — „этот Айса“ а Умарыр — „тот Умар“

Во всех остальных случаях имена в адыгейском языке могут иметь как определенную, так и неопределенную форму.

Притяжательные и указательные формы имен. Адыгейское имя может соединяться с притяжательными и указательными префиксами.

Притяжательные префиксы, в зависимости от содержания того имени, к которому они присоединяются, могут быть двух категорий: притяжательные имущественной и притяжательные органической принадлежности. Последние имеют два вида: полный и краткий (об этом см. Притяжательные местоимения, стр. 292). Употребление той и другой формы в адыгейском языке подробно рассмотрено нами в главе о местоимениях. Здесь мы приводим полную таблицу изменения имен по лицам притяжательности.

Притяжательные формы имен

Имущественная принадлежность   Органическая принадлежность

Лица:

Единственное число

1.	си-кIалэ мой мальчик сын	си-мэлы моя овца	с-кьо мой сын	с-шы мой брат
2.	уи-кIалэ	уи-мэлы	п-кьо	п-шы
3.	и-кIал	и-мэл	ы-кью	ы-ш
4.	зи-кIалэ	зи-мэл зи-мэлы	зы-кьо	зы-ш зы-шы

(возвратное
лицо)

Множественное число

1.	ти-кIалэ	ти-мэлы	т-кьо	т-шы
2.	шьюи-кIалэ	шьюи-мэлы	шью-кьо	шью-шы
3.	я-кIал	я-мэл	а-кью	а-ш
4.	зи-кIалэ	зи-мэлы	зы-кьо	зы-шы

(возвратное
лицо)

Из этой таблицы мы видим, что имена, оканчивающиеся на краткие гласные «э» и «ы» в соединении с притяжательным префиксом 3 л. обоих чисел могут терять свой конечный гласный (подробнее об этом см. Фонетику, стр. 415). Притяжательные формы имен в единственном числе не имеют определенного склонения, т. е. не могут оканчиваться на суффиксы «-р» и «-м».

В соединении с указательными префиксами «мы-, мо-, а-» имена всегда ставятся в определенной форме, т. е. в склонении всегда принимают суффиксы «-р» и «-м». Названия древнего родства с указательными

префиксами не употребляются.¹ Указательные префиксы пишутся с именами раздельно. Указательные формы имен можно видеть из следующей таблицы:

Указательные формы имен

Степени
удаления

Единственное число

1. мы кIалэр этот мальчик	мы мэлыр эта овца	мы шьхьэр эта голова	мы шыр эта лошадь
2. мо кIалэр	мо мэлыр	мо шьхьэр	мо шыр
3. а кIалэр	а мэлыр	а шьхьэр	а шыр

Множественное число

1. мы кIалэхэр	мы мэлыхэр	мы шьхьэхэр	мы шыхэр
2. мо кIалэхэр	мо мэлыхэр	мо шьхьэхэр	мо шыхэр
3. а кIалэхэр	а мэлыхэр	а шьхьэхэр	а шыхэр

Из этой таблицы мы видим, что указательные местоимения при соединении их с именами, к которым они относятся, остаются неоформленными. Оформление с помощью суффиксов определенного склонения получают имена. Окончания падежей и чисел присоединяются только к имени.

Несомненно, что притяжательное и указательное сочетания имен являются одним из древнейших сочетаний, построенных по типу соединения определения с определяемым. По их образцу в дальнейшем строились определительные сочетания имен (сочетания дополнения с дополняемым).

Здесь следует упомянуть, что префикс отрицания «мы-», в отличие от указательного местоимения «мы», с именем пишется всегда слитно.

Единственное и множественное число. Единственное число в адыгейском языке не выражено специальными суффиксами. Поэтому можно сказать, что единственное число в этом языке выражено отсутствием суффикса или выражено отрицательно. Множественное число имеет специальный суффикс «-хэ», который присоединяется непосредственно к именной основе перед окончаниями падежей. Этот суффикс присоединяется как к определенной, так и к неопределенной форме и обычно сохраняется во всех падежах. Впрочем, косвенный (активный) падеж множественного числа определенной формы может быть образован и без этого суффикса с помощью окончания «-м-э». Множественное число здесь выражено конечным кратким гласным «э». Однако на ряду с этой более старой и традиционной для адыгейского языка формой в современном языке начинает употребляться и правильно образованная форма этого падежа с суффиксами «-хэ-мэ || -хэ-м», где к имени присоединяется обычный суффикс множественного числа.

Суффикс множественного числа «-хэ» исторически развивался из числительного «хы» — „шесть“, которое, в его кратной форме звучит как: «хэ» — „шесть раз“. Это развитие, очевидно, произошло еще в ту эпоху, когда в адыгейском языке впервые появился счет до пяти (так называемый пятиричный счет). Все числа сверх пяти в это время обозначались словом «хэ», которое имело значение „множество, много“, т. е. то, что с помощью пяти пальцев не поддавалось исчислению. В этом значении корень «хэ» и сохраняется в виде суффикса множественного числа в современном адыгейском языке.

В еще более древнюю эпоху в адыгейском языке совсем не существовало форм числа. В качестве остатка этого состояния в современном языке сохраняется в отдельных словах употребление так называемого „общего числа“. Мы имеем ряд адыгейских слов, которые без всякого

¹ Лишь иногда говорят: мы с-кьо — „этот мой сын“, мы п-кьо — „этот твой сын“ и т. д., применяя и в этом случае неопределенную форму имени.

суффикса могут и сейчас пониматься и как единственное, и как множественное число. Сюда относятся, например, названия некоторых органов и частей тела, некоторых видов животных, плодов и т. д. Кроме того, значение общего числа обычно имеет прямой (пассивный) падеж неопределенной формы, употребляемый для выражения прямого дополнения. Из этих остатков общего числа развивается в дальнейшем значение неопределенного количества или собирательное значение. Примеры на употребление форм общего числа, а также количественных и собирательных форм даны нами на стр. 47.

Склонение. Склонением называется изменение имен по падежам и числам. Адыгейское имя не имеет деления на роды и грамматические классы. Адыгейское склонение имеет два основных падежа — прямой, или пассивный, и косвенный, или активный, и два числа — единственное и множественное. Употребление обоих этих падежей подробно рассмотрено нами в Синтаксисе (см. стр. 29 и сл.). Здесь можно лишь напомнить, что прямой, или пассивный, падеж выражает форму непродуктивного подлежащего и прямого дополнения, а косвенный, или активный, падеж — форму продуктивного подлежащего и всех косвенных дополнений, за исключением превратительного дополнения. Кроме падежей в собственном смысле слова, в адыгейском языке имеются еще два суффикса, которые, не являясь однотипными другим падежным, в то же время могут быть присоединены к любому имени. Эти падежеобразные формы мы тоже включаем в систему склонения и называем падежами. Суффикс «-кIэ» выражает орудную, т. е. творительную форму и представляет собою единственный суффикс, который присоединяется как к неоформленной основе — для выражения орудной формы неопределенного имени, — так и к суффиксу косвенного падежа для выражения той же формы от определенного имени. Суффикс «-эу || -у» присоединяется только к неоформленному имени и выражает его превратительную (продуктно-материальную) форму, т. е. ту форму, которая в русском языке передается творительным падежом при глаголах „быть, служить, делаться, становиться“ и т. д. Таким образом, оба падежеобразных суффикса, так же как и суффикс множественного числа, одинаково употребительны в склонении как неопределенных, так и определенных имен.

Склонение определенных имен имеет падежные суффиксы, состоящие из согласных или имеющие в своем составе согласные. Поэтому это склонение можно назвать согласным склонением. Склонение неопределенных имен, которое вообще имеет место лишь в ограниченном числе случаев, присоединяет к именной основе лишь один единственный суффикс косвенного падежа единственного числа, состоящий из гласного «-ы». Поэтому неопределенное склонение можно назвать в этой его части гласным склонением. Система суффиксов склонения в адыгейском языке совершенно одинакова для всех имен; система суффиксов склонения и тех суффиксов, которые примыкают к нему, весьма проста; сами суффиксы весьма немногочисленны. Все они могут быть представлены в виде следующей таблицы.

Суффиксы форм склонения

Неопределенная форма

Определенная форма

Неоформленное
имя и общее число

Единственное число

Падежи:

—	Прямой (пассивный)	-	-р
—	Косвенный (активный)	- -ы	-м
—	Орудный (творительный)	-кIэ	-м-кIэ
—	Превратительный		-эу -у

Множественное число

—	Прямой (пассивный)	-хэ ¹	-хэ-р
—	Косвенный (активный)	-хэ ¹	-м-э -хэ-м-э -хэ-м
—	Орудный (творительный)	-хэ-к э	-хэ-м-к э
—	Превратительный		-хэ-у

Из этой таблицы мы видим, что единственным колебанием в суффиксах склонения является употребление в косвенном падеже мн. ч. трех параллельных суффиксов «-мэ || -хэмэ || -хэм». Параллельные формы с этими суффиксами могут быть образованы от любого имени и не имеют никакого различия в значении. На ряду с двумя первыми суффиксами, которые являются обычными, в последнее время в адыгейский литературный язык изредка начинает проникать и третья параллельная форма «-хэ-м». Несомненно, что эта последняя форма представляет собой результат влияния кабардинского языка, в котором она является единственной для выражения этого падежа.

Необходимо сказать несколько слов об употреблении гласного склонения. Это склонение, как мы видим, имеет особую форму косвенного падежа только в единственном числе. Множественное число этого склонения не знает различия между прямым и косвенным падежами. Регулярное образование косвенного падежа по типу гласного склонения имеют все имена собственные людей и все имена с притяжательными префиксами, оканчивающиеся в современном языке на согласный.² Имена собственные людей с окончанием на неударный гласный «э» совсем не имеют окончаний склонения. Имена с притяжательными префиксами во множественном числе склоняются по типу определенного склонения. Все остальные имена, оканчивающиеся на согласный, после которого исторически не было безударного гласного «э», в современном литературном адыгейском языке могут иметь форму косвенного падежа ед. ч. на «-ы», но могут и не иметь ее. Таким образом, в этом случае гласное неопределенное склонение становится возможным, или, как говорят, факультативным, но не обязательным.

Все остальные имена, т. е. имена, оканчивающиеся на ударный гласный «э», или имена, оканчивающиеся на согласный, но исторически имевшие в конце безударный гласный «э», остаются в неопределенном склонении неизменяемыми. Другими словами, мы можем сказать, что в этом случае форма склонения не выражается с помощью падежных суффиксов, т. е. у имен имеется лишь одна форма „общего“ падежа. Здесь мы имеем в сущности неоформленное по происхождению имя, которое в неопределенном склонении может иметь лишь редко употребляемую (ср. стр. 387) форму числа. В качестве диалектной особенности западно-адыгейских наречий — бжедужского и шапсугского — отметим фонетический переход перед конечным «р» (окончанием прямого падежа определенного склонения) всякого краткого гласного «ы, у» (как ударного, так и безударного) в «э, о» краткое, например: «лэ-р» (вместо: лы-р) — „мясо“, столэ-р (вместо: столы-р) — „стол“, го-р (вместо: гу-р) — „сердце“, дэгор (вместо: дэгур) — „глухой“ и т. д. В косвенном же падеже перед конечным «м» гласный основы и в этих диалектах слышится в своем первоначальном виде: «дым, столым, гум, дэгум» и т. д.

¹ Форма множественного числа неопределенного склонения (без падежных окончаний) употребляется редко, главным образом в обращении, т. е. в качестве звательной формы (еще о последней форме см. стр. 270). Об употреблении падежей см. Синтаксис, стр. 61 и сл.

² Этот согласный можно рассматривать как исторический результат исчезновения безударного краткого гласного «ы» в конце слова.

Приведем несколько примеров склонения различных типов имен, как в неопределенной, так и в определенной форме.

I. Склонение имен на гласный (исторически на ударный гласный «э»)

Неоформлен- ное имя и общее число	Неопределенная форма		Определенная форма	
	Единственное число			
	Падежи:			
	Прямой (пассивный)	унэ дахэ	„дом, ком- ната“ „краси- вый“	унэ-р дахэ-р
	Косвенный (активный)	унэ дахэ		унэ-м дахэ-м
	Орудный (творительный)	унэ-клэ дахэ-клэ		унэ-м-клэ дахэ-м-клэ
унэ дахэ	Превратитель- ный		унэу дахэу	
	Множественное число			
	Падежи:			
	Прямой (пассивный)	унэ-хэ унэ-х ¹ дахэ-хэ дахе-х		унэ-хэ-р дахэ-хэ-р
	Косвенный (активный)	унэ-хэ унэ-х дахэ-хэ дахэ-х	унэ-м-э унэ-хэ-м-э унэ-хэ-м	дахэ-м-э дахэ-хэ-м-э дахэ-хэ-м
	Орудный (творительный)	унэ-хэ-клэ дахэ-хэ-клэ		унэ-хэ-м-клэ дахэ-хэ-м-клэ
	Превратитель- ный		унэ-хэ-у дахэ-хэ-у	

II. Склонение имен на согласный (исторически на безударный гласный «э»)

Неоформлен- ное имя и общее число	Неопределенная форма		Определенная форма	
	Единственное число			
	Падежи:			
	Прямой (пассивный)	уан контор	„седло“ „контора“	уанэ-р конторэ-р
	Косвенный (активный)	уан контор		уанэ-м конторэ-м
	Орудный (творительный)	уанэ-клэ конторэ-клэ		уанэ-м-клэ конторэ-м-клэ
уан контор	Превратитель- ный		уанэ-у конторэ-у	

¹ Форма без конечного гласного употребляется лишь предикатно, с гласным же — лишь как звательная форма.

Множественное число

Падежи:			
Прямой (пассивный)	уанэ-хэ уанэ-х конторэ-хэ конторэ-х		уанэ-хэ-р конторэ-хэ-р
Косвенный (активный)	уанэ-хэ уанэ-х конторэ-хэ конторэ-х	конторэ-мэ конторэ-хэ- -м-э конто- рэ-хэ-м	уанэ-м-э уанэ-хэ-м-э уанэ-хэ-м
Орудный (творительный)	уанэ-хэ-кIэ конторэ-хэ-кIэ		уанэ-хэ-м-кIэ конторэ-хэ-м кIэ
Превратитель- ный		уанэ-хэ-у конторэ-хэ-у	

III. Склонение имен на гласный (исторически на ударный гласный «ы»)

Неоформлен-
ное имя и
общее число

Неопределенная форма

Определенная форма

Единственное число

Падежи:			
Прямой (пассивный)	мэлы	„овца“	мэлы-р
Косвенный (активный)	мэлы		мэлы-м
Орудный (творительный)	мэл(ы)-кIэ		мэлы-м-кIэ
Превратитель- ный		мэл-эу	

мэлы

Множественное число

Падежи:			
Прямой (пассивный)	мэл-хэ мэлы-х		мэл-хэ-р
Косвенный (активный)	мэл-хэ мэлы-х		мэл-мэ мэл-хэ-мэ мэл-хэ-м
Орудный (творительный)	мэлхэ-кIэ		мэл-хэ-м-кIэ
Превратитель- ный		мэлы-хэ-у	

IV. Склонение имен на согласный (исторически на безударный гласный «ы»)

Неоформлен-
ное имя и
общее число

Неопределенная форма

Определенная форма

Единственное число

Падежи:			
Прямой (пассивный)	шъуз колхоз	„жена, женщина“ „колхоз“	шъузы-р колхозы-р
Косвенный (активный)	шъуз-ы колхоз-ы		шъузы-м колхозы-м

Орудный (творительный)	шъуз-кІэ колхоз-кІэ	шъузы-м-кІэ колхозы-м-кІэ
Превратитель- ный	шъуз-эу колхоз-эу	

шъуз
колхоз

Множественное число

Падежи:			
Прямой (пассивный)	шъуз-хэ шъузы-х колхоз-хэ колхозы-х		шъузы-хэ-р колхозы-хэ-р
Косвенный (активный)	шъуз-хэ шъузы-х колхоз-хэ колхозы-х	шъуз-м-э шъуз-хэ-м-э шъуз-хэ-м	колхоз-мэ колхоз-хэ-м-э колхоз-хэ-м
Орудный (творительный)	шъуз-хэ-кІэ колхоз-хэ-кІэ		шъуз-хэ-м-кІэ колхоз-хэ-м-кІэ
Превратительный		шъуз-хэ-у колхоз-хэ-у	

V. Склонение собственных имен на согласный

(типа II табл., т. е. исторически на безударный гласный «-о»=«-уэ»)

Неоформлен-
ное имя и
общее число

Неопределенная форма

Определенная форма

Единственное число

Падежи:			
Прямой (пассивный)	Нагъу Нагъо	„Рыже- глазая“ (собствен- ное имя)	—
Косвенный (активный)	Нагъу Нагъо		—
Орудный (творительный)	Нагъо-кІэ		—
Превратитель- ный	Нагъо-у		—

Множественное число

Падежи:		
Прямой (пассивный)	—	Нагъо-хэ-р
Косвенный (активный)	—	Нагъо-м-э Нагъо-хэ-м-э
Орудный (творительный)	—	Нагъо-хэ-м-кІэ
Превратительный	—	Нагъо-хэ-у

VI. Склонение собственных имен на согласный

(типа IV табл., т. е. на безударный гласный «ы»)

Неоформлен- ное имя и общее число	Неопределенная форма		Определенная форма	
	Единственное число			
	Падежи:			
Прямой (пассивный)	Тыгъужь	„Волк“ (собствен- ное имя)	—	
Косвенный (активный)	Тыгъужь-ы		—	
Орудный (творительный)	Тыгъужь-кӀэ		—	
Превратительный	Тыгъужь-эу		—	
	Множественное число			
	Падежи:			
Прямой (пассивный)	—		Тыгъужь-хэ-р	
Косвенный (активный)	—		Тыгъужь-м-э Тыгъужь-хэ-м-э	
Орудный (творительный)	—		Тыгъужь-хэ-м-кӀэ	
Превратитель- ный	—		Тыгъужь-хэ-у	

VII. Склонение собственных имен с окончанием на ударный гласный

Неоформлен- ное имя и общее число	Неопределенная форма		Определенная форма	
	Единственное число			
	Падежи:			
Прямой (пассивный)	Нахьò	„Нахо“	Нахьò-р	
Косвенный (активный)	Нахьò		Нахьò-м	
Орудный (творительный)	Нахьò-кӀэ		Нахьò-м-кӀэ	
Превратитель- ный		Нахьò-у		

VIII. Склонение имен с притяжательными префиксами (типа II табл., т. е. с окончанием на безударный гласный «э»)

Неоформлен- ное имя и общее число	Неопределенная форма		Определенная форма	
	Единственное число			
	Падежи:			
Прямой (пассивный)	си-уанэ		—	
Косвенный (активный)	си-уанэ		—	

Орудный (творительный)	си-уанэ-кIэ	—
Превратительный	си-уанэ-у	—

Множественное число		
Падежи:		
Прямой (пассивный)	—	си-уанэ-хэ-р
Косвенный (активный)	—	си-уанэ-мэ си-уанэ-хэ-мэ си-уанэ-хэ-м
Орудный (творительный)	—	си-уанэ-хэ-м-кIэ
Превратительный	—	си-уанэ-хэ-у

IX. Склонение указательной формы имени

Неоформлен- ное имя и общее число	Неопределенная форма		Определенная форма
	Единственное число		
Падежи:			
Прямой (пассивный)	—		мы шъузы-р
Косвенный (активный)	—		мы шъузы-м
Орудный (творительный)	—		мы шъузы-м-кIэ
Превратительный	—		мы шъуз-эу
		Множественное число	
Падежи:			
Прямой (пассивный)	—		мы шъуз-хэ-р
Косвенный (активный)	—		мы шъуз-м-э мы шъуз-хэ-м-э мы шъуз-хэ-м
Орудный (творительный)	—		мы шъуз-хэ-м- кIэ
Превратительный	—		мы-шъуз-хэ-у

По своему историческому происхождению все суффиксы адыгейского склонения представляют собою частицы местоименного происхождения. Суффиксы косвенного падежа ед. ч. «-м» и мн. ч. «-м-э» стоят в несомненной связи с местоименными указательными корнями «мы» — „этот“, «мо (*мэ-у)» — „вот тот“. Суффикс прямого падежа «-р»¹ в современном адыгейском языке не сохранился в качестве отдельного слова-местоимения. Однако местоименное происхождение этого суффикса ясно из сопоставления его с местоименным префиксом, выражающим лицо орудного и отчасти дательного дополнения в составе глагола. В шапсугском диа-

¹ Ср. еще словообразовательный суффикс причастий настоящего времени „-рэ“, суффикс предикатной формы личных местоимений «сэ-р-ы» — „я“, «о-р-ы» — „ты“, который в абхазском языке стал обычным их суффиксом: «са-рә» — „я“, «уа-рә» — „ты“.

лекте этот префикс в виде «рә-» употребляется в качестве показателя 3 л. обоих чисел непродуктивного субъекта в сложном спряжении (в том случае, если этот субъект в предложении словесно не выражен перед глаголом), когда в литературном языке мы имеем отсутствие субъектного префикса: шапс. «рә-кӀуагъэ», лит. «кӀуагъэ» — „пошел“; шапс. «рә-дагъэ», лит. «дагъэ» — „шил (вообще)“ и т. д. По всей вероятности, этот префикс одного происхождения с абхазским показателем 3 л. мн. ч. в глаголе «ры-» и, может быть, — с корнем слова «а-р» — „войско“, первоначально — „народное ополчение, народ“. Что касается единственного падежного суффикса гласного склонения «-ы» (ср. также окончание «ы» настоящего времени простого спряжения, наличное у большинства глаголов), то он, несомненно, имеет общее происхождение с притяжательным префиксом 3 л. ед. ч. органической принадлежности «ы-» — „его“ и, следовательно, этот суффикс тоже местоименного происхождения. Здесь можно заметить, что гласный суффикс «-ы» по своему происхождению стоит в ближайшей связи с тем использованием двух видов огласовки основ, которые применяются в адыгейском языке в местоимениях (при образовании притяжательных префиксов органической принадлежности в их полном виде от личных местоимений, см. выше стр. 293), в числительных (для образования количественной формы числительных от краткой их формы, см. ниже стр. 401), в глаголах (при образовании „центробежной“ или продуктивной формы основы от „центростремительной“ или непродуктивной, см. выше стр. 326) и, наконец, в именных основах (при образовании составных именных основ, в которых косвенная форма именной основы выражается гласным «ы», а прямая форма, служащая в то же время формой дательного дополнения и местного дополнения в значении движения — гласным «э», см. выше стр. 265—266). Таким образом, суффикс гласного склонения неопределенной формы имени представляет собой развитие существовавшего некогда более широкого употребления чередования гласных «э» и «ы», — чередования, которое, в частности, при сложении именных основ играло в известную эпоху роль начатков настоящего склонения. Таким образом, склонение в адыгейском языке представляет собою сравнительно недавнее явление, причем более древним является гласное склонение, а согласное склонение, как и определенная форма имени, представляет собою явление более позднее.

Имена со значением прилагательных. Хотя в адыгейском языке не существует имен прилагательных как особой части речи, имеющей специальное оформление, тем не менее целый ряд адыгейских имен представляет собою такую группу слов, за которыми закрепилось преимущественное значение названий качеств и признаков. Эта группа, выделяющаяся по значению в общей группе имен, представляет собою то, что ближайшим образом соответствует русскому, большей частью качественному, прилагательному. Сюда относятся такие, например, имена как: «шхо» — „большой, великий“, ины — „большой, крупный, огромный“, цӀыкӀу — „малый, маленький“, жьгъэи — „мелкий“, жьый — „маленький“, дэгъу — „хороший“, шӀу — „добрый“, дэй — „плохой, дурной“, ябгэ — „злой“, мафэ — „счастливый, благоприятный“, тхьамыкӀ — „бедный“, дахэ — „красивый“ и т. д. Сюда же относятся все названия цветов и мастей животных: фы — „светлый“, фыжьы — „белый“, гъо — „рыжий“, гъожьы — „желтый“, пӀыжьы — „красный“, шхъо — „серый, голубовато-серый“, тхъо — „буланный“, шӀуцӀэ — „черный“ и т. д., а также те определительные местоимения и слова, которые перечислены нами в главе о местоимениях (см. стр. 305). Несомненно, что эти имена, по значению прилагательные, развились в адыгейском языке сравнительно недавно, и количество их не очень велико. Морфологически, т. е. по своей форме, они еще целиком совпадают с именами. Главным отличием этих прилагательных от имен, имеющих значение существительных, является то, что, будучи употреблены в качестве определения при определяемом, все

эти слова-прилагательные по законам адыгейского сочетания слов ставятся после своего определяемого:

шъуз дах	колхозышху	быракъ плъыжь
женщина красивая	колхоз большой	знамя красное
кӀэлэ цӀыкӀу	ударник дэгъу	лӀы лъаг
мальчик маленький	ударник хороший	мужчина высокий
чэмыгъо	шытхъо	ахъщэ жъгъэӀ
корова рыжая	лошадь буланая	деньги мелкие

и т. д.

На ряду с этими более древними адыгейскими словами-прилагательными в современном литературном языке появляется значительное количество вновь усвоенных интернациональных и русских по происхождению прилагательных. До последнего времени эти прилагательные усваивались в виде чистых основ, без русских суффиксов, характерных для прилагательного. В последнее время, однако, во избежание двусмысленного понимания этих основ (которые в адыгейском языке могут быть поняты и как родительный падеж имени, и как прилагательное) намечается здоровая тенденция сохранять при таких вновь усвоенных прилагательных русские словообразовательные суффиксы, характеризующие прилагательное, например, «ной, нэ, скэ, ическэ, истскэ» и т. д. Вместе с этими суффиксами, таким образом, впервые проникает в адыгейский язык настоящее оформленное прилагательное. В отличие от древних адыгейских слов-прилагательных эти вновь усваиваемые оформленные прилагательные в качестве определения ставятся всегда перед определяемым.

Кроме того, как мы уже указывали в Синтаксисе, в разделе определений, в адыгейском языке имеется возможность выразить с помощью суффикса «-эу, -у» оформленное, главным образом относительное, прилагательное. Правда, такие оформленные прилагательные употребляются сравнительно редко и не могут быть образованы от всех имен со значением относительного прилагательного. Оформленные прилагательные с суффиксом «-эу, -у» в сочетаниях с определяемыми ставятся всегда впереди последних (примеры см. стр. 79—80). Надо думать, что при дальнейшем развитии литературного адыгейского языка, в связи с необходимостью точнее разграничить прилагательное от существительного, и эта возможность образования оформленных прилагательных будет использована более широко, чем в настоящее время. Следует заметить, что хотя суффикс «-эу, -у» адыгейских оформленных прилагательных совпадает с суффиксом адыгейских наречий «-эу, -у», но прилагательное и наречие в этом случае не могут смешиваться, так как прилагательное всегда относится к какому-нибудь дополнительному слову — имени, а наречие всегда связано со сказуемым — глаголом.

На ряду с так или иначе выделенными в современном адыгейском языке качественными прилагательными в нем существует большое количество имен, которые могут одновременно пониматься и как русские относительные прилагательные, и как русские существительные, например: гъучы — „железо“ и „железный“, пхъэ — „дерево“ и „деревянный“, цы — „шерсть“ и „шерстяной“, колхоз — „колхоз“ и „колхозный“, пролетар — „пролетарий“ и „пролетарский“, совет — „совет“ и „советский“, культур — „культура“ и „культурный“. Во всех случаях, когда мы имеем вновь усвоенные интернациональные и русские имена, легко можно было бы провести разграничение между существительным и прилагательным, сохраняя, как указано выше, русские словообразовательные суффиксы: колхоз — „колхоз“, колхознэ — „колхозный“, пролетарий — „пролетарий“, пролетарскэ — „пролетарский“, совет — „совет“, советскэ — „советский“, культур — „культура“, культурнэ — „культурный“, химие — „химия“, химическэ — „химический“,

техника — „техника“, техническэ — „технический“ и т. д., что и проводится в современном адыгейском литературном языке. При всем том, останется, однако, большое количество чисто адыгейских имен, которые без оформления могут пониматься и как относительные прилагательные, и как существительные. Все эти имена как в том, так и в другом значении употребляются в отличие от выделенных по значению качественных прилагательных всегда перед своим дополняемым-определяемым (см. примеры в Синтаксисе, стр. 80—81). В этом случае, во избежание двусмысленности, можно ввести в литературном языке правило, что всякое неоформленное дополнение впереди дополняемого следует считать прилагательным-определением, а всякое оформленное суффиксом косвенного падежа «-м» дополнение при дополняемом, оформленном в свою очередь притяжательным префиксом «ы-, и-, а-, я-», следует считать существительным (дополнением), т. е.: стол льякьу — „столовая ножка“, столом ылякьу — „ножка стола“, чьыгышьхьэ — „древесная верхушка“, чьыгымьшьхь — „вершина дерева“, унашьхьэ — „домовая крыша“, унэм ышьхь — „крыша дома“ и т. д.

Неразграниченность, недифференцированность прилагательного и существительного, слияние того и другого в общей категории имени не представляет собою особенности одного лишь адыгейского языка. Такое же явление мы находим в большей или меньшей степени во всех тюрко-татарских, угро-финских и многих других языках. Это явление представляет собою отражение определенной стадии развития языка. Части речи как исторические категории вообще развиваются несколькими этапами. В языках, находящихся на различных ступенях языкового развития, мы находим и различное количество частей речи. Разграничение таких частей речи, как глагола и имени, вообще происходит раньше, чем разграничение имени на имена прилагательные и имена существительные. Поэтому в ряде языков, в том числе и в адыгейском, в то время как выделение глагола и имени исторически вполне установилось, разграничение имени существительного и имени прилагательного до последнего времени оставалось лишь в начальной стадии развития.

Наречия. Наречия в адыгейском языке, за исключением небольшого числа случаев, морфологически выделены яснее, чем прилагательные. Наречия места немногочисленны и выделены общностью своих корней с указательными местоимениями, почему мы и отнесли их к местоимениям (стр. 291). В остальных случаях место выражается косвенным падежом имени и отчасти специальными префиксами в составе сказуемого-глагола. Наречия образа действия, наиболее многочисленные в адыгейском языке, образуются с помощью специального суффикса «-эу (-оу), -у» от всех имен, имеющих значение качественных прилагательных (см. выше стр. 392), и по форме совпадают с оформленными тем же суффиксом относительными прилагательными-определениями. Однако, как мы уже указывали, между прилагательным с окончанием «-эу, -у» и наречиями с тем же суффиксом существует определенная синтаксическая разница. Наречия относятся только к глаголу-сказуемому, а прилагательные — только к какому-нибудь дополнительному слову-имени. Поэтому наречия образа действия можно считать исторически вполне выделенной формой в адыгейском языке: ины — „большой“, ин-эу — „сильно, громко“, цыкьлү — „малый, маленький“, цыкьлү-у (из «цыкьлү + -эу») — „слабо, тихо“, дэгьу — „хороший“, дэгьо-у — „хорошо“, дэй — „плохой“, дэ-у (из «дэй + -эу») — „плохо“, пытэ — „крепкий“, пытэ-у — „крепко“, льягэ — „высокий“, льягэ-у — „высоко“, кьыхьэ — „длинный“, кьыхьэ-у — „длинно“, шлэх — „будь быстрым, спешь“, шлэх-эу — „быстро“ и т. д. Из последнего примера мы видим, что в некоторых случаях наречия образуются даже от глагольных основ.

По своему происхождению суффикс «-эу, -у» связан с таким же суффиксом превратительного дополнения (см. стр. 67), а также с суффиксом

отглагольных наречий или деепричастий, употребляемых в качестве некоторых придаточных форм глагола (см. выше стр. 338).

По этому же типу образуются и некоторые наречия времени: пас — „ранний“, пасэ-у — „рано“, клас — „поздний“, класэ-у — „поздно“. Однако на ряду с этим есть и настоящие наречия времени, которые отличаются от наречий образа действия по своей форме. Они представляют собою, собственно, неоформленное имя со значением наречия, т. е. слово-наречие. От настоящих имен его отличает неупотребительность определенной формы, которая широко образуется от всех имен. Отсутствие определенной формы в наречиях времени доходит до того, что даже в связи с указательными префиксами наречия времени стоят в неопределенной форме, тогда как для имени в этом случае определенная форма обязательна: мы гъэр — „это лето“, мыгъэ — „этим летом“ || в этом году“, мы кымафэ-р — „эта зима“, мыкI — „этой зимой“, мы гъатхэр — „эта весна“, мыгъатх — „этой весной“, мы бжыхъэр — „эта осень“, мыбжыхъ — „этой осенью“ (но: мы ильэсыр — „этот год“, мы ильэсым — „в этом году“), гъэрекIо — „в прошлом году“, тыгъуас — „вчера“, неущ || пчэдыжь — „завтра“ (но: мафэм — „днем“, пчэдыжьым — „утром“, пчыхъашъхъэм — „вечером“), непэ — „сегодня (днем)“, нычэпэ — „сегодняшней ночью (прошлой или предстоящей)“. Наречия времени, обозначающие дни и различное время суток, представляют собою по происхождению имена, употребляемые преимущественно в неоформленном виде. Изредка, однако, они могут принимать и определенную форму, оставаясь в этом случае и в современном языке именами.¹ Два последние наречия времени по своему происхождению представляют сложные основы, слившиеся из древней формы указательного префикса «ны- || мы-», односложных корней «е» и «чэ» (последнее можно сопоставить с корнем слова «чэщы» — „ночь“) и общего окончания «-пэ», которое по происхождению связано, очевидно, с кабардинскими: суффиксом этих же наречий «-бэ» и суффиксом косвенного падежа указательных местоимений «-бы» (ср. каб. но-бэ — „сегодня“, ныжэбэ — „сегодня ночью“, мы-бы — „здесь“, мо-бы — „вот там“, а-бы — „там“). Таким образом, адыгейские наречия времени в основном восходят к неоформленному имени, которое в современном языке сделалось как бы специальной формой для выражения наречия.

Из других наречий можно указать наречия количества, которые тоже представляют собою неоформленное имя: бэ — „много“, макIэ — „мало“ и т. д.

Специально выделенные слова, наречия с обобщенным значением, которые по существу превратились в чисто служебные слова и частицы, перечислены нами в главе о местоимениях в качестве определительных наречий (см. стр. 305). Некоторые из них тоже представляют собою неоформленное имя и уже не сохранили никакой возможности образовывать определенную форму, например: «нахъ, нылэп» и др. От других определительных наречий можно образовывать параллельные формы — определенную и неопределенную (неоформленную).

Итак, адыгейские наречия не имеют общей для всех случаев, единой формы.

Имена со значением послелогов. Русские предлоги передаются в адыгейском языке не только глагольными префиксами места, личного отношения и личного направления. Для выражения русских предлогов в адыгейском языке существует, кроме того, ряд специальных служебных слов. В отличие от русского эти слова ставятся после того слова-имени, к которому они относятся. Поэтому мы называем их послелогоми.

¹ В адыгейском, в отличие от кабардинского, не говорят: «Непэ-р — фаб» — „Сегодня тепло“ (букв.: сегодняшней тёпел), но можно сказать «Тыгъуасэр блэкыгъэ» — „Вчера миновало“ (букв.: вчерашний миновал).

Послелогии, как мы уже видели из раздела семантики, происходят в большинстве случаев от живых еще в адыгейском языке имен со значением существительных. Эти имена в большинстве случаев имели и сохраняют еще и теперь значение названий частей орудия и вместе с тем соматическое (телесное) значение. Из этих древнейших значений они развиваются в слова-понятия с пространственными и другими обобщенными значениями. Наконец, в этом своем последнем значении указанные слова-имена употребляются в адыгейском языке и в качестве послелогов. Таким образом, за редкими исключениями в современном адыгейском языке нет еще настоящих специализированных послелогов. Одно и то же слово, даже в соединении с другим именем, может иметь значение в одних случаях послелога, а в других случаях — имени существительного или прилагательного с пространственным значением.

Имена с пространственным значением

унэм ыпашъхь — пространство перед домом
щальэм ычлэгъ — наружное дно (донная часть) ведра
унэм ыкыб — задняя часть дома
унэм ыгуп — перед фасадом дома

и т. д.

Наиболее употребительные из адыгейских имен, которые одновременно могут применяться и в значении послелогов, следующие (в алфавитном порядке):

бгъу — бок; сбоку
гу — сердце; в середине, среди
гуп — лицо, перед (лицевая часть); перед (чем, кем)
дэ́й, дэ́жь — пространство рядом; у, около, к, от
ку — середина, сердцевина; в середине, в центре, среди
къогъу — угол; из-за угла, за углом, сзади, за
клоцл — внутренность; внутри, в
кыб — спина; сзади, за, из-за
кылу — поверхность; на поверхности, сверху
кля — бжед., шапс. — ручка орудия и оружия; общеадыг. — хвост;
внизу, в нижней части, в конце
натля — лоб; перед (лобовой частью), перед (короткой частью)
пае||пакля — из-за, для, ради
пашъхь — пространство перед чем-либо; перед
пшьэ — шея; в верхней части, вверху
пэ — острие орудия и оружия, нос, передняя часть, перед; спереди,
впереди
тлуакл — промежуток между двумя предметами; между
ужы — след; за, следом за
фэшкля — из-за, для, ради
хэ — низ; в нижней части, внизу, снизу
цакл — край; с краю
члэгъ — низ; под, из-под
шьхьякля, диал. шъхьяе — из-за, для, ради
шьхьяэ — насадка орудия, голова; в верхней части, сверху, вверху

Приведем несколько примеров на употребление послелогов:

унэм дэ́жь — у дома
унэ гупэм — перед домом
унэ пашъхьяэм — (в пространстве) перед домом
щальэ члэгъым — под ведром
унэ кыбым — сзади дома, за домом
унэ пэшьхье шъыпкъэм — в самом пространстве перед домом, перед
самым домом

Имя числительное (счетное слово). Числительное представляет собою в адыгейском языке такую категорию имен, которая яснее всех других выделилась из имени в качестве особой части речи. Числительные могут употребляться в речи как самостоятельно, в виде отдельного дополнительного слова, так и несамостоятельно, в виде определения при другом имени. В первом случае числительное имеет те же формы склонения, что и имя — определенную и неопределенную. Эти формы образуются совершенно так же, как и соответственные формы имен. Так же, как и имя, имя числительное может иметь притяжательные и указательные формы в соединении с притяжательными и указательными префиксами. Одним словом, числительное, будучи употреблено в предложении самостоятельно в виде дополнительного слова, ничем не отличается от имени, например:

Тур тфым хэбгъахъомэ блы хъуцт.

Если прибавить два к пяти, будет семь.

Шъуитлу ышлэрэм нахьи нахьыбэ тизы ешлэ.

Чем ваших два, наш один делает больше.

Ми тур къыздац.

Этих двоих с собою приведи.

Сыдигъокли ичэзыум ми цыр къэкло.

Всегда во время эти трое являются.

и т. д.

Формы склонения самостоятельно употребляемых числительных можно видеть из следующей таблицы:

Склонение числительных

Неоформленное числительное		Неопределенная форма	Определенная форма
		Единственное число	
тлу два	Падежи:		
	Прямой (пассивный)	тлу	тлу-р
	Косвенный (активный)	тлу	тлу-м
	Орудный (творительный)	тлу-клэ	тлу-м-клэ
	Превратительный	тло-у	
		Множественное число	
	Падежи:		
	Прямой (пассивный)	тлу-х ¹	тлу-хэ-р
	Косвенный (активный)	тлу-х	тлу-мэ тлу-хэ-мэ тлу-хэ-м
	Орудный (творительный)	тлу-хэ-клэ	тлу-хэ-м-клэ
	Превратительный	тлу-хэ-у	

Образование притяжательных форм от числительных можно представить в виде следующей таблицы:

¹ Только предикатная форма.

Притяжательные формы числительных

Лица:	Имущественная принадлежность	Органическая принадлежность	
	Единственное число		
1.	си-зы мой один	си-тĭу мой два	нет
2.	уи-зы	уи-тĭу	---
3.	и-з	и-тĭу	---
4.	зи-з зи-зы	зи-тĭу зи-тĭу	---
(возвратное лицо)			
	Множественное число		
1.	ти-зы	ти-тĭу	---
2.	шъуи-зы	шъуи-тĭу	---
3.	я-з	я-тĭу	---
4.	зи-з зи-зы	зи-тĭу зи-тĭу	---
(возвратное лицо)			

Сочетание числительных с указательными местоимениями отличается некоторыми особенностями от соответствующих форм имен:

Указательные формы числительных

Степени удаления	Единственное число	
1.	мы зыр	ми тĭур
	этот один	эти два
2.	мо зыр	муй мо тĭур
3.	а зыр	ый а тĭур
	Множественное число	
1.	мы зы-хэр	ми тĭу-хэр
2.	мо зы-хэр	муй мо тĭу-хэр
3.	а зы-хэр	ый а тĭу-хэр

Из этой таблицы мы видим, что указательные местоимения, соединяясь с числительным, могут присоединять к себе соединительный гласный (слог) «и, -й», так же как и присоединяемое к числительному имя.

Имена соединяются с числительными двойко, как мы это уже указывали выше (см. стр. 80), или в качестве неоформленного дополнения, которое ставится перед числительным (в этом случае числительное служит основным словом — дополняемым), или в виде оформленного специальным суффиксом «-эу, -у» определения, которое тоже ставится впереди определяемого-числительного.

При этом наблюдается одна замечательная особенность. Все имена, так же как и указательные местоимения, соединяясь с последующим числительным в качестве неоформленного дополнения, присоединяют в конце соединительный гласный (слог) «и» или «-й» во всех тех случаях, когда числительное состоит из одного слога, оканчивающегося на гласный. Само односложное числительное при этом теряет свой конечный краткий гласный. Таким образом, в этом случае имя и числительное с помощью соединительного гласного «и» как бы сливаются в одно слово. Несомненно, что исторически соединительный гласный «и» представляет собою тот же самый притяжательный префикс имущественной принадлежности «и-»,¹ который употребляется и при сочетании оформленного

¹ Впрочем, «и» в середине слова может также образоваться и из префикса органической принадлежности «ы-»; сравни переход глагольного личного префикса субъекта «ы-» в «и-» (стр. 359).

дополняемого с дополнением при последнем (см. стр. 84). Таким образом, все сочетание числительного и имени можно перевести так: чэм-и-тӀу — „корова ее две“, стол-и-щ — „стол его три“, м-и тӀур — „этот его два“ и т. д.

Употребление соединительного «и» при сочетании имен и указательных местоимений с числительными, впрочем, весьма ограничено. Все числительные односложные, не оканчивающиеся на гласный, и все многосложные числительные соединяются с именами и указательными местоимениями без соединительного гласного:

тхылъыпӀэ тхьапэ тӀокӀ   мэл тӀокӀищ
бумаги листов двадцать,   овец шестьдесят.

Из двух форм соединения числительного с именем наиболее употребительна та, при которой имя или остается совсем неоформленным или сливается с первичным односложным числительным с помощью соединительного гласного «и» в одно слово. При этом конечный краткий гласный первого слова поглощается соединительным гласным «и»: стол-и-тӀу — „два стола“, ун-и-щ — „три дома“ и т. д. Способ соединения самостоятельно оформленных суффиксом «-эу, -у» имен с последующими числительными употребляется сравнительно редко: ш-эу тӀу — „две лошади“ (буквально: лошадыми — две, лошадиные — два), унэу щы — „три дома“ (буквально: домами — три, домовых — три); еще примеры:

Чэмэу щы кьыдэхьэжыгъ.
Коров четыре пришло.
Шэу тӀу Ӏагум дащыгъ.
Лошадей пару со двора вывели.

Числительное в предикатной форме, так же, как и имя, остается без всякого оформления или в качестве составного сказуемого употребляется в прямом падеже определенной формы с прибавлением связки «ары» или глагола «мэхьу» и т. д.:

ТӀурытӀур — плы || плӀэу мэхьу.
Дважды два — четыре || становятся четырьмя.
Сэ кьэсхьыгъэр, блыр ары.
То, сколько я принес, (есть) семь.

Все приведенные нами выше формы числительных, за исключением, пожалуй, соединения их с помощью гласного «и», полностью совпадают с формами имен. Однако числительные резко выделяются из всех остальных имен тем, что от них может быть образован ряд специальных, свойственных только одним числительным форм. К таким формам относятся — кратная или наречная форма числительных, их разделительная форма, их порядковая или прилагательная форма и, наконец, собирательная их форма. Образование всех этих форм, представляющее собою в адыгейском отличительную черту числительного, как особой части речи, мы можем видеть из следующей таблицы:

Образование специфических форм числительного

Количественные	Кратные	Порядковые	Разделительные	Собирательные
1. зы	зэ	а-пэ-рэ-р	зы-ры-з (эу)	—
2. тӀу	один раз тӀо два раза	первый я-тӀо-нэ-рэ-р второй	по одному тӀу-ры-тӀу (оу) по два	титӀо мы вдвоем

Количественные	Кратные	Порядковые	Разделительные	Собира- тельные
3. шы	щэ	ящэнэрэр	шырыщ	тищэ
4. плы	плэ	яплэнэрэр	плырыпл	типлэ
5. тфы	тфэ	ятфэнэрэр	тфырытф	титфэ
6. хы	хэ	яхэнэрэр	хырых	тихэ
7. бы	блэ	яблэнэрэр	бырыбл	тиблэ
8. и	е	яенэрэр	ирый	тие
9. бгъу	бгъо	ябгъонэрэр	бгъурыбгъу	тибгъо
10. пшы	пшлэ	япшлэнэрэр	пшырыпш	типшлэ
11. пшыкфузы	пшыкфузэ	япшыкфузэнэ- рэр	пшыкфуз- пшыкфуз	
12. пшыкфутлү	и т. д.	и т. д.	и т. д.	
13. пшыкфушы				
14. пшыкфуплы				
15. пшыкфутфы				
16. пшыкфухы				
17. пшыкфублы				
18. пшыкфуи				
19. пшыкфубгъу				
20. тлокы	тлокырэ	ятлокэнэрэр	тлок-тлок	
21. тлокырэ зырэ	тлокырэ зэрэ	тлокырэ язэнэрэр	тлокырэ зырэ	
22. тлокырэ тлурэ	и т. д.	и т. д.	и т. д.	
23. тлокырэ шырэ				
24. тлокырэ плы- рэ				
25. тлокырэ тфырэ				
30. щэкы	щэкырэ	ящэкэнэрэр	щэк-щэк	
40. тлокытлү	тлокитло- рэ	ятлокитлонэрэр	тлокитлү- -тлокитлү	
50. шъэныкъо	шъэныкъо- орэ	яшъэныкъо- онэрэр	шъэныкъо- шъэныкъу	
60. тлокищ	и т. д.	и т. д.	и т. д.	
70. тлокищра				
	пшырэ			
80. тлокипл				
90. тлокиплырэ				
	пшырэ			
100. шъэ	шъэрэ	яшъэнэрэр	шъэрышъ	
1000. мин	минрэ	яминэрэр	мин-мин	
1000000. миллион	миллион- рэ	ямиллионэрэр	миллион- миллион	
1939 минрэ шъи- бгъурэ щэкыре бгъурэ		минрэ шъибгъу- рэ щэкырэ ябгъонэрэр		

Из этой таблицы можно сделать вывод, что в основу адыгейского исчисления некогда был положен двадцатиричный счет, т. е. такой, в котором единицей исчисления служит не десять, а двадцать. Этот же двадцатиричный счет мы находим, кроме адыгейского, и во многих других яфетических и вообще восточных языках. Поэтому, по-адыгейски 40 обозначает два раза 20, 60 — три раза 20, 70 — три раза 20 и 10, 80 — четыре раза 20 и 90 — четыре раза 20 и 10. Исключением из этой

системы является 30, произведенное от основы 3, и 50, буквально обозначающее „полсотни“.

В качестве еще одной особенности образования адыгейских числительных следует указать, что числительные от одного до десяти включительно и числительное 100 представлены в этом языке первичными корнями (т. е. корнями, состоящими из одного слога, оканчивающегося на гласный). Все остальные числительные представляют собою вторично образованные слова из слияния этих немногих первичных корней и некоторых суффиксов (например: тло-кI-и-плIы-рэ пшIы-рэ — „девяносто“, букв.: „два раза десять (?) его четыре и, десять и“).

Во всей системе числительных особняком стоит слово «зы» — „один“. Это числительное имеет общее происхождение с притяжательным и глагольным префиксом «зы-», который обозначает „сам, себя“ и т. д. Числительное „один“ отличается от прочих первичных односложных числительных тем, что при соединении его с именами оно ставится впереди имени, а при сочетании с указательными местоимениями — позади неоформленного указательного. В обоих случаях, однако, при этом числительном никогда не вставляется соединительный гласный «и»:

зы унэ	унэ-у зы	мы зы-р	си-зы	
один дом	домов один	этот один	мой один	и т. д.

Образование кратных числительных, которые отвечают на вопрос „сколько раз“ и являются, собственно, производными от числительных наречиями (т. е. числительными, непосредственно связанными со сказуемым) происходит с помощью изменения в числительных первичного типа конечного гласного «ы» на «э». В составных, вторично образованных числительных это же различие в огласовке сохраняется в последнем из числительных корней всюду, где такое изменение огласовки возможно (т. е. если соответственное количественное числительное само не имеет огласовки «э», «о», как, напр., «шъэныкъо»). Кроме того, сложные кратные числительные отличаются от количественных суффиксом «-рэ».

Порядковые числительные являются по значению прилагательными, образованными от количественных числительных с помощью префикса «я-» и составного суффикса «-нэ-рэ(-р)». Последняя часть этого суффикса «-рэ(-р)» представляет собою ни что иное, как суффикс, с помощью которого от глагола образуются причастия настоящего времени, т. е. отглагольные прилагательные. Первая часть этого суффикса представляет собою суффикс, служащий для образования дробных числительных (см. ниже).

Склонение порядковых числительных ничем не отличается от склонения имен и причастий. При сочетании с именами порядковые числительные в качестве оформленных прилагательных ставятся перед именем — определяемым.

Следует заметить, что порядковые числительные от всех количественных свыше 20, которые состоят из двух и более слоев, в живом адыгейском языке раньше не употреблялись. В современном литературном языке, однако, принят тот способ их образования, который изображен нами на таблице (см. стр. 400). По этому способу порядковым префиксом и суффиксом оформляется последнее из отдельных слов, входящих в состав сложного числительного.

Числительные разделительные образуются, как это видно из таблицы, путем удвоения количественного числительного. В конце их может быть прибавлен суффикс «-эу, -у», который по происхождению связан с прерватительным суффиксом имен и суффиксом наречий (см. стр. 67, 394). При образовании разделительных от числительных первичного типа между повторяющимися корнями вставляется аффикс «-ры», который мы иногда находим между корнями существительных и глаголов, слившимися в одно

слово (о значении этого аффикса см. стр. 249). Разделительные числительные в адыгейском языке могут быть образованы от названий всех, даже сложных многозначных чисел.

Собирательные числительные в адыгейском языке не представляют собою, собственно говоря, самостоятельной формы. Они образуются путем присоединения к кратному числительному притяжательных префиксов и представляют собою, таким образом, просто притяжательную форму кратных числительных. Следовательно, «шъуй-тЮ» — «вы вдвоем» можно перевести и так: «ваши два раза», «вас двое». В соединении с притяжательными префиксами 3 л. мн. ч. в адыгейском языке совсем нельзя образовать собирательную форму числительного: «они вдвоем» и т. д. по-адыгейски выразить нельзя. Кроме того, образование собирательных числительных в адыгейском языке вообще чрезвычайно ограничено. Собирательные формы могут образовываться лишь в связи с притяжательными префиксами 1 и 2 л. мн. ч. и только от количественных числительных до десяти включительно.

Образование дробных числительных

1/2 — ныкъо	1/7 — бла-нэ
1/3 — ща-нэ	1/8 — я-нэ
1/4 — пIа-нэ	1/9 — бгъуа-нэ
1/5 — тфа-нэ	1/10 — пшIа-нэ
1/6 — ха-нэ	

Дробные числительные меньше одной десятой в живом языке хотя и возможны, но неупотребительны. Для образования их в литературном языке можно применять ту же самую систему: пшIыкIузанэ — «1/10», тIокIанэ — «1/20», тIокIырэ тфанэрэ — «1/25», шъэныкъуанэ — «1/50» и т. д.

Союзы, как отдельные слова, в адыгейском языке весьма малочисленны. Приводим наиболее употребительные из них:

ыкIи	— и (не при именах)
е	— или
хъаумэ	— или (в вопросительных предложениях)
ау	— но
зэ..., зэ...	— то..., то...

Кроме того, ряд послелогов и отглагольных по происхождению образований употребляется в адыгейском языке в качестве союзов.

Послелог и отглагольные образования в значении союзов

ары шъхъэкIэ	— поэтому; хотя; однако, но
шъхъэкIэ	— из-за, для, по причине; чтобы; хотя
пае, фэшIыкIэ	— из-за, для, по причине; чтобы
нэсыфэ нэсыфэкIэ	— пока; до тех пор, пока
ыпэкIэ	— перед тем, как; прежде, чем
ыуж	— после того, как; вслед за тем, как
сыда шIомэ	— ибо, потому что (буквально: почему, если спросишь)
кыхэкIкIэ	— в результате (чего-нибудь) (буквально: из чего-нибудь проистекая)

и т. д.

Междометия, в особенности звукоподражательные, в адыгейском языке весьма многочисленны. Из междометий, обозначающих чувства, приведем следующее:

Аяй! — О! Ах!

Из звукоподражательных имеются, например, следующие:

прр-прр! — (полет птицы)
ш-ш-ш — (журчание воды)
гьо-гьогью — (звук грома)
и т. д.

Междометия в языке представляют собою относительно поздние образования. В основе их развития лежат древнейшие звуки-предложения, с которых собственно и началась человеческая речь. Немногочисленные остатки этих звуков-предложений сохранились во всех языках, в том числе и в адыгейском:

хьау — нет
ыхьы — да
ы? — а? (вопрос)
ей! — эй! (обращение, зов)
уй! — эй! (старинное: вызов людей из дома)
и т. д.

Архаичнейшие остатки первоначальных звуков-предложений представлены и в адыгейском языке звуком прищелкивания языком (так называемым шнальцлаутом — всасывающим звуком). Этот звук, повторяемый один раз и сопровождаемый движением головы, обозначает „нет“, а повторяемый несколько раз с покачиванием головы, выражает сожаление или удивление.¹

¹ Подробнее о происхождении звуков-предложений и междометий см. Н. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка, в. 1, Ворошиловск, 1938, стр. 137—139.

ЧАСТЬ V

ФОНЕТИКА

Понятие о фонетике и фонеме. Фонетика представляет собою тот отдел грамматики, который изучает звуки языка как те простейшие звуковые частицы, на которые распадаются и слова, и семы. Несомненно, что отдельный звук, или фонема, представляет собою продукт весьма длительного исторического развития. С самого начала возникновения речи язык был звуковым, но вначале звуки еще не были самостоятельно выделены, они были лишь сырым звуковым материалом, который был использован для выделения слов, а в дальнейшем — и значимых частей слова — сем. Это значит, что первоначально появившиеся в языке слова, а затем семы внутри себя еще не состояли из отдельных выделившихся звуков. Они состояли из нераздельной слитной звуковой материи. Они в целом равнялись каждая — одному слитному звуку. Довольно ясные следы этого состояния речи сохраняются также и в адыгейском языке — в древнейшем пласте его слов. Древнейшие слова адыгейского языка, как мы уже указывали, представляли собою открытый слог. Каждое из них начиналось на согласный и оканчивалось на гласный. Остатками этого состояния являются так называемые адыгейские первичные слова-корни. В этих словах-корнях первоначально согласный еще не был отдельным звуком, а являлся лишь звуковым началом слова. Гласный тоже не был еще отдельным гласным звуком, а был лишь типичным концом каждого слова. Слово в целом еще было равно слогу. Внутри себя каждое такое слово-слог тогда еще не выделяло никаких формальных частиц. Оно было еще односложным, аморфным, состоявшим из единого слитного слога-звука — слогом-словом. Единственным средством образовывать новые слова в эту эпоху было звуковое изменение начала слов, т. е. изменение того, что составляло в них согласный элемент. Так развивлось в адыгейском большое количество звуковых разновидностей согласных. Гласный при этих согласных вначале собственно был один. Он был еще нерасчлененным, недифференцированным, или, как говорит акад. Марр, диффузным гласным.¹ Следы этого первоначального

¹ Примеры этого рода можно найти во многих языках, находящихся на ранних стадиях развития или сохраняющих следы этих стадий. Имеются они и в китайском языке, где различные типы музыкального ударения иногда явно развились одновременно с раздвоением слов-понятий. Из всех этих случаев мы приведем один. В языке племени Гуато в Центральной Бразилии — в котором, между прочим, односложные слова-корни типа открытого слога, судя по небольшому собранному материалу, тоже составляют значительный процент словаря — наблюдается следующее интересное явление при образовании новых слов-понятий: „Столь же любопытное (auffällige) явление, как и звуковое тождество корней (Wortstämme), служащих для обозначения различных предметов [т. е. отмечаемое автором явление полисемантизма. — Н. Я.], представляет собою звуковое родство (Lautverwandtschaft), которое также многократно выступает уже в этих односложных корнях, между такими основами слов, которые как раз выражают родственные понятия, так что здесь встает вопрос, в какой степени это родство звуков основано на родстве понятий (auf der

развития первичных слов-корней в адыгейском языке и сейчас еще можно вскрыть в отдельных редких случаях:

тхъы — черти, царапай	тхы — пиши
лы — мясо	льы — кровь
дзы — бросай	цэ — зуб; лезвие
тэ — мы	дэ — шей; вместе (глагольный префикс)

(другие примеры см. на стр. 406).

Из этих примеров можно видеть, как путем простого видоизменения согласного звука в начале односложного слова образовывались близкие для примитивного мышления первобытного человека слова-понятия. Этот первоначальный примитивный способ образования новых слов-понятий и является причиной того богатейшего развития согласных, которым отличается современный адыгейский язык, в особенности в некоторых его диалектах (бжедужском, шапсугском).

В дальнейшем, однако, на основе далее развивавшихся производительных сил и производственных отношений появлялась потребность во все большем и большем обогащении словаря. Этой потребности перестало удовлетворять развитие согласных звуков. Развитие слов этим способом не поспевало за темпом развития общества, за темпом развития новых понятий. Тогда появляются впервые составные слова, образованные путем слияния двух первичных односложных слов — в одно цельное сложное слово. В результате появления таких сложных по своему составу слов и первоначальные слитные, не дифференцированные по своему звуковому составу слова начинают разлагаться внутри себя на отдельные значимые части — семы, каждая из которых состоит или из одного согласного, или из одного гласного. В эту эпоху впервые появляется разграничение двух кратких гласных «э» и «ы», которое мы находим и в современном языке. В эту же эпоху наряду с двусложными составными словами и в результате их образования впервые появляются в адыгейском такие, например, пары слов-корней:

къырещэ — вводит ввозит (внутри)	къырещы — выводит вывозит (изнутри)
сэ — я	сы — мой (органически)
тэ — мы	ты — наш (органически)
тлю — два раза	тлю — два (предмета)
а в дальнейшем и такие пары:	
дэ — шей (вообще)	ды — шей (нечто)
тлэ — копай (вообще)	тлы — копай (нечто)
	и т. д.

Мы видим, как в это время нерасчлененное внутри себя на отдельные звуки слово-слог разлагается на два звука — согласный, который приобретает значение корня, и гласный, ставший как бы формальной частицей. Таким образом, в эту эпоху развития языка впервые былой слитный

begifflichen Verwandtschaft beruht“) (Max Schmidt. Indianerstudien in Zentralbrasilien S. 252, Berlin, 1905). Далее приводится ряд примеров:

(ma)gũ (ng) — вода	(ma)kũ (ng) — весло
(ma)bir — звезда	(ma)pir — бурав для добывания огня,
(ma)guá (a) — раковина (которой едят)	(ma)kuá — зуб
(ma)fae — кожа	(ma)ve — ухо
(ma)po — живот, рука	(ma)bo — нога (ib., стр. 252)
(ma)dá(r) — дерево (как материал и на корню)	(ma)tá — огонь (ib., стр. 253)

Кроме того, автор, воздерживаясь от каких-либо выводов, добавляет:

(ma)kú — камень, takó — каменный топор, (ma)kuá — зуб	(ib.)
(Steinbeil)	

Автор лишь поставил вопрос о связи между развитием звуков и развитием понятий, но не сделал определенного вывода. Между тем эти примеры вполне подтверждают тот факт, что первоначально такие звуковые различия, как звонкость и глухость согласного, развивались путем раздвоения лишь на основе развития слов-понятий, а не наоборот.

звук-слово становится расчлененным по крайней мере на два звука — согласный и гласный. В эту же эпоху первичные односложные слова в адыгейском языке распадаются на составляющие их звуки. Однако звук здесь еще является целиком связанным с отдельным значением. Звук в эту раннюю эпоху развития речи еще равен семе.

В результате выделения в составе слова его значимых частей — сем — в адыгейском языке впервые становятся возможными сочетания согласных друг с другом, в которых каждый согласный первоначально был связан с определенным значением. Возникают такие вновь образованные односложные слова:

дзы	цэ	пцэ	пцы
бросай (первоначально: лезвие; также: ударяй)	зуб;	долби (вообще)	долби (нечто); долото
льэ		плъэ	
нога		смотри (буквально — следи)	
кыы		пкыы	
окоченей, остолбеней		кость, скелет, остов	
			и. т. д.

Вместе с тем, в эту же эпоху продолжается и развитие новых слов-понятий путем видоизменения согласных — из двусложных составных слов:

пако	паго, буквально: тупоносый,
тупой (об острие)	т. е. с широким и агнатическим лицом (признак красоты человека); название тупоносой рыбы (нат.: сазан, в других диалектах: сом)
пытэ	убыты
крепкий	держи, лови
уатэ	[уадэ], ср. Iадэ-уад — (кузнечные)
молоток	инструменты
	(буквально: щипцы-молот)

Наконец, в более позднюю эпоху развития адыгейского языка в него начинают в массе проникать слова из других языков, языков совершенно иного строя — грузинского, тюрко-татарских, арабского и русского. В последнее время, в связи с расцветом национальной по форме, социалистической по содержанию культуры всех народов Советского Союза, адыгейский язык воспринял в себя в массе русские, а через русский язык и интернациональные слова. Эти усвоения окончательно завершили изменение древнего фонетического строя адыгейского языка, ускорив выделение в нем настоящих, непосредственно не связанных со значением, абстрактных звуковых частиц — фонем.

Итак, первоначальное слово было равно внутри себя цельному слогу и цельному звуку. В дальнейшем появляются первичные односложные слова, в которых звук равен семе, а все слово внутри себя разлагается на согласный, или сочетание согласных — в начале, и гласный (обычно краткий) в конце. Одновременно с этим появляются и сложносоставные слова, слагающиеся из двух или нескольких первичных односложных корней. Наконец, лишь в сравнительно недавнее время, в связи с новым обогащением адыгейского языка через русский за счет советских и интернациональных слов в нем окончательно выделяются звуки-фонемы, непосредственно не связанные со значением.

Фонемой называется простейшая звуковая частица в языке, исторически выделившаяся на основе развития значений в словах-понятиях, на основе выделения сем в составе этих слов. Фонем в каждом языке ограниченное количество. Иначе их можно назвать самостоятельными звуками языка. Фонеме в устной речи в основном соответствует буква в письме. Н. Я. Марр

назвал фонему общественно отработанным, т. е. общественно выделенным звуком. Для того чтобы понять это определение, необходимо уловить всю разницу между фонемой как общественно выработанной формой, грамматически существующей в языке, и звуком как физическим (точнее — физиолого-акустическим) явлением. Это различие видно сразу из следующих примеров: в русском языке, когда произносят: „рот (вм. род), рода (родит. пад.), о роде (предложный пад.)“, то согласные звуки, слышимые в конце основы, физически меняются — в первой форме произносится глухое „т“, во второй — твердое звонкое „д“, а в третьей — мягкое звонкое же „д“. Но грамматически в языке, — а на основании этого и в сознании — мы имеем здесь один и тот же звук, т. е. одну и ту же фонему. Точно так же и в адыгейском языке фактически произносят, например, «шъутыгъэ» — „вы отдали (что-то)“, «шлутыгъэ» — „вы выкопали (что-то)“, «шлүлэтыгъэ» — „вы подняли (что-то)“, а в языке и сознании префикс «шъу» (состоящий здесь из одного лабиализованного согласного) существует как один и тот же звук, и это в такой степени, что многие адыгейцы будут оспаривать, что они произносят здесь два разных звука. Точно так же в народе говорят: «чъы» — „мой брат“ вместо «сшы», «тшлыгъэ» — „я сделал“ вместо «сшлыгъэ», но удивятся, если кто-нибудь будет исправлять такое произношение, и останутся в полной уверенности, что они как раз и произнесли «сшы», «сшлыгъэ». Таким образом, один слитный согласный звук в начале слова фактически произносится здесь взамен сочетания двух различных звуков — двух смежных фонем. Наконец, адыгеец фактически произносит в словах «лэ» — „рука“, «джэ» — „кричи“, «пэ» — „нос“ различные по качеству краткие гласные на конце (в первом случае почти „а“, во втором — почти русское „э“ переднего ряда, „мягкое“, а в третьем — почти русское „э“ „твердое“, т. е. отодвинутое к среднему ряду и среднему подъему), но тем не менее, грамматически — в языке — и в сознании все эти видоизменения представляют собою один и тот же краткий гласный звук — одну фонему «э».

Наоборот, когда по-русски произносят „рот“ в значении „орган речи“ и в значении „род“, то, несмотря на фактически полное совпадение этих двух различных слов-понятий в звуках, они существуют в грамматике, в языке и в сознании как слова различного звукового состава, как слова, в которых последние согласные представляют собою по качеству различные звуки, различные фонемы. Так и в адыгейском народное «чъы» — „мой брат“ и «чъы» — „пробегай“ (расстояние)“, два различных слова-понятия, фактически произносятся совершенно одинаково, но грамматически, в языке, имеют совершенно различный звуковой состав: первое существует как «сшы», а второе как «чъы», в первом в начале слова — сочетание двух согласных, двух фонем, а во втором — лишь один согласный звук, одна фонема.

Итак, физически (т. е. физиолого-акустически) различные звуки могут существовать в языке как грамматически единый звук, как одна фонема. Наоборот, физически совершенно одинаковые звуки иногда существуют в языке как различные грамматические звуки, как различные фонемы. Следовательно, звук как физическое явление и грамматически существующий звук — фонема — не одно и то же. Наука, изучающая фонемы, — фонетика — представляет собою неотъемлемую часть грамматики, а наука о звуках речи как о физиолого-акустических явлениях — их физиология и акустика — является для фонетики лишь вспомогательной, так как изучать звуки данного языка физически можно лишь после того, как они будут установлены в нем грамматически.

Итак, теперь нам понятен смысл определения фонемы, которое дал Н. Я. Марр. Звук существует в языке прежде всего грамматически: как одна из основных грамматических его форм. Язык же — продукт развития общества. Поэтому все его формы, в том числе и фонемы, являются „общественно отработанными“ формами, развившимися на основе развития

реальной жизни общества, которая в свою очередь представляет собою продукт развития производительных сил и производственных отношений.

Короче, мы можем определить фонему как звук, исторически выделенный значением слова и его форм. Это соответствует, как мы видели выше, и истории развития фонем в языке. Поэтому в современном развитом литературном языке, как, например, в русском, фонемы всегда выделяются в отношении к значениям, хотя сами могут не иметь отдельного значения. В адыгейском языке первоначально фонемы выделялись только как семы. Каждая фонема в это время была одновременно и семой, т. е. имела отдельное реальное или формальное значение. Таким образом, любая фонема в составе того или другого слова была одновременно и значимой его частицей. Вместе с тем, в более раннюю эпоху такая сема-фонема одновременно равнялась и целому слогу. Это деление каждого слова на семы-слогофонемы можно в некоторых случаях наблюдать и в современном адыгейском языке:

лЫ   жЪы
 муж, мужчина   старый
 лЫ-жЪы
 старик (буквально: мужчина старый)
 сы-лЫ-жЪ
 я — старик (буквально: мой мужчина старый)
 сы-лЫ-жЪы-шЪу
 я — старик хороший
 и т. д.

Мы видим, что почти каждый слог, на который делится составное слово в приведенных примерах, равен в то же время отдельной значимой части слова — семе. В последнем примере конечная сема равна уже одному согласному. Однако исторически и она равняется слогу, так как происходит от слова «шЪу (шЪуы)» — „хороший“, в котором в конце данного сложного слова исчез безударный краткий гласный «ы». В последующих примерах мы видим, как в составе адыгейского слова выделяются уже отдельные звуки-семы, т. е. звуки, каждый из которых имеет самостоятельное реальное или формальное значение:

лЫ-жЪы-р   старика, старик (форма прямого падежа)
 л-э-псы   бульон (первоначально: в мясе вода, к мясу вода)
 л-э-псы-м   бульона (форма косвенного падежа)
 стол   стол (усвоение из русского)
 стол-ы-м   стола (форма косвенного падежа определенного склонения)
 топ-ы-р   пушка (усвоение из турецкого) (форма прямого падежа определенного склонения)
 машинэ-р   машина (форма прямого падежа определенного склонения)
 магазин-э-м   в магазине (форма косвенного падежа определенного склонения)

Из этих примеров мы ясно видим, что в современном адыгейском языке деление на семы уже далеко не всегда совпадает с делением на слоги. Отдельная сема часто равна отдельной фонеме. Наконец, в усвоенных словах «сто|л-ы-м», «то|п-ы-р» и т. д. деление на слоги даже начинает противоречить делению на семы: последний согласный основы отрывается от нее в один слог с суффиксом. В конце усвоенных основ, оканчивающихся на согласный, начинают появляться те же краткие гласные, которые исторически имелись в адыгейских словах, но которые здесь представляют собою уже как бы частицы, входящие в состав окончания. В результате всех этих явлений мы должны признать, что в современном адыгейском языке уже развились настоящие выделенные самостоятель-

ные звуки — фонемы (т. е. звуки, выделенные значением слов и их форм, но уже не равные себе). Из языка неразложимых слов-слогов адыгейский язык начинает превращаться в язык с фонемами. В нем возникают зачатки фонетического (флективного) строя (еще об этом см. выше, стр. 269).

Глава 1

ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Выделение границ сообщений и слов. К числу основных фонетических законов в каждом языке относятся законы выделения границ целых сообщений, т. е. законы выделения начала и конца речи, и фонетические законы, с помощью которых выделяются слова в связной речи.

Начало и конец речи выделяются в адыгейском языке тем, что краткие гласные «э» и «ы» в начале и конце речи могут приобретать некоторые оттенки произношения, свойственные лишь этому положению, а также и тем, что в начале и конце речи мы видим не одинаковое употребление некоторых фонем или их сочетаний и, наконец, тем, что конец адыгейской речи выделяется определенным видом ударения (синтаксическое ударение перед паузой, т. е. остановкой речи).

В начале речи краткий гласный «ы», а также долгий гласный «а»¹ имеют явственно слышимое в самом начале гласного звука шумное придыхание (междусвязочный гортанный звонкий спирант хрипящего типа, т. е. типа „х“). Это придыхание, напротив, не слышно так ясно при произнесении гласных в середине речи и никогда не бывает в адыгейском языке в положении после согласного. В середине речи всему адыгейскому гласному в целом свойственен спирантизованный оттенок, который равномерно распределяется на протяжении всего гласного:

начало речи		середина речи	
‘ытхыг	он написал	Статьяр ытхыгъ.	Он статью написал.
‘ашыгъ	они сделали	Машинэр ашыгъ.	Они машину сделали.
‘ыш	его брат	Мырары— ыш.	Вот — его брат.
‘ашыпхъ	их сестра	Мор — ахэмэ ашыпхъу.	Вот та — их сестра.
‘ыкӀугъ	он прошел (рас- стояние)	ВерститӀу ыкӀугъ.	Две версты он прошел.
‘адыгэ	черкес	Ар — адыгэ.	Он — черкес. и т. д.

В конце речи краткие гласные «ы» и «э» в западноадыгейских наречиях (бжедужском и шапсугском) произносятся с весьма явственным носовым оттенком. Этот носовой оттенок не зависит от качества предшествующих согласных. Так как краткий гласный в конце речи вообще может появиться только под ударением (об этом см. ниже, стр. 412), то и носовой оттенок гласного в этом положении наблюдается только под ударением:

бжедужское наречие		шапсугское наречие	
щэфӀы	купи	шьэфӀы	тайна
плӀы	четыре	пщэ	туча
шӀу (шӀуы)	хороший	кӀу (куы)	сердцевина, центр, клинок, [ствол (ружья)]
пчӀы	считай	блашъхъӀэ	змеиная голова
пчӀэ	кашляй	пӀэ	нос
къэмащӀэ	лезвие кинжала	пащӀэ	шерсть второго сорта (под- шерсток)
			и т. д.

¹ В живом народном произношении это «а» может слышаться и как «э», т. е. придыхательный гласный, тождественный краткому. Придыхание здесь обозначено знаком «*» перед гласным, к носовой оттенок — знаком «~» над ним.

Носовой оттенок краткого гласного в этих диалектах, вероятно, слышится и в середине речи, но здесь он, во-первых, менее ясно выражен и, во-вторых, свойственен, повидимому, вообще всем гласным. В конце же речи носовой оттенок выражен гораздо сильнее, почему акустически конечный краткий гласный выделяется по этому признаку из всех остальных гласных. При присоединении к конечному гласному какого-либо согласного носовой оттенок первого исчезает. Во всяком случае, он перестает выделять этот гласный из числа других гласных, находящихся в пределах данной речи.

В начале адыгейской речи вообще невозможен краткий гласный «э», который, однако, встречается часто в середине речи в положении после согласного. Там, где мы ожидали бы в начале речи встретить гласный «э», в литературном произношении (о диалектах см. стр. 409) слышится в этом положении только долгий гласный «а»:

ап	ан
впереди их	мать
адыгэхэр	анджырэфы
черкесы	род растения, из которого
	делают веники
ачьэ	
козел	и т. д.

Одним из способов выделения конца речи служит в адыгейском языке особая разновидность ударения, которую в отличие от словесного ударения мы называем синтаксическим. Синтаксическое ударение ставится обычно на последнем слове отдельного сообщения (в положении фактического конца речи). Поэтому и каждое адыгейское отдельно произнесенное слово, как слово-предложение, имеет на себе синтаксическое ударение. Следовательно, для выяснения лексического (словесного) ударения необходимо наблюдать ударения отдельных слов в середине связной речи, по возможности даже не в конце отдельных предложений. Синтаксическое ударение падает обычно на два последних слога в конце речи (в паузе). Последний открытый слог речи имеет на себе ясно выраженное силовое (экспираторное) ударение, которое слышится тем яснее, чем отчетливее, старательнее произносится данное отдельное сообщение. Обычно на предпоследний слог этого сообщения падает как бы второе ударение, которое заключается, главным образом, в моменте продления слога. Все синтаксическое ударение в целом представляет собою как бы совокупность этих двух ударений, различных по своему характеру. Исключение из этого правила представляет собою лишь ударение во многосложных глагольных формах, в которых оно служит для разграничения двух близких по произношению, но различных по значению форм (например, формы имперфекта и 1-го условного времени), в словах с основами типа закрытого слога, а также и в других случаях. В глагольных формах второе (предпоследнее) ударение оттягивается на третий или четвертый от конца слога, сохраняя свой долготный характер (об этих исключениях см. ниже, стр. 423).

Приведем примеры на различие вышеописанных двух типов ударения (обозначим долготное ударение знаком „ “, а силовое — знаком „ / “).

Синтаксическое ударение	Лексическое ударение в середине фразы
кья́штэ	Кьяштэ кья́дз.
бери сюда	Бери — бросай (сюда).
кья̀штэ	Кья̀штэ — кья̀дзы.
берет сюда	Берет — бросает (сюда).

Синтаксическое
ударение

Лексическое ударение в середине
фразы

кIалэ парень	Кьалэр еджапIэм кьэкIо. ¹ Парень в школу сюда идет.
пхьашIэ плотник	ПхьашIэр мэпхьашIэ. Плотник плотничает.
чэмь корова	Чэмьр ешьо. Корова пьет.
мэлы овца	Мэлыр мэхьу. Овца пасется.
лыжьы старик	Лыжьыр макIо. Старик идет.
кьужьы груша	Кьужьыр мэхьу. Груша поспекает.
мылы лед	Мылыр мэткIу. Лед тает.
бжьыны лук	Бжьыныр — шхьны. Лук — кушанье.
уцъ травя	Уцър кьэкIы. Травя растет.
тыжьыны серебро	Тыжьыныр — металл. Серебро — металл.
щыгьу соль	Щыгьур кьысэт Соль дай мне.
гыны порох	Гыныр — гьушь. Порох сухой.

В глагольных формах синтаксическое ударение можно показать на следующих примерах:

сыкIощтыгьэ — я шел бы
сыкIощтыгь || сыкIощтыгьэ — я шел
ыльэгьущтыгьэ — он видел бы
ыльэгьущтыгь || ыльэгьущтыгь || ыльэгьущтыгьэ — он видел
епльыщтыгьэ — он смотрел бы на что-нибудь
епльыщтыгь || епльыщтыгьэ — он смотрел.

Другие примеры см. в таблицах спряжения (Морфология, стр. 348) и в таблицах придаточных форм глагола (Синтаксис, стр. 157 и сл.).

Несколько иное явление мы наблюдаем в случае последнего закрытого слога основы. Продление предшествующего слога в этом случае почти не слышится, в особенности если этот предпоследний слог имеет огласовку «ы». В некоторых случаях это предшествующее «ы» заметно сокращается в произношении:

бысым	бэлыдж
хозяин (по отношению к гостю)	репа
бгырыпх	тэрэз
пояс	правильно
остыгь	чэтэщ
лампа	куратник

¹ В произношении западнодыгейских диалектов я наблюдал даже: «кIалэр еджапIэм кьэкIо», «пхьашIэр мэпхьашIэ».

къамы́л
 камыш
 къамы́у
 свинушка (? род съедобного
 растения)

бэслы́ный
 бесленея, бесленеец
 лэгъу́аб
 вдовец

Бывают случаи, когда синтаксическое ударение появляется и в середине предложения. Это имеет место в исходе законченной части сложного предложения (например, в конце придаточного предложения), если этот исход произносится с замедлением темпа речи для большей выразительности. Таким образом, и здесь синтаксическое ударение появляется в положении летучей остановки речи (летучей паузы):

Обычное произношение

Выразительное произношение

Сыкьа́кюзэ Ума́р сы́лукла́гъ.
 Идя сюда, я встретил Умара.

Сыкьа́кюзэ́ — Ума́р сы́лукла́гъ.
 Идя сюда, — я встретил Умара.

Сызы́тхэ́рэ уа́хьтэм, сэ туты́н
 сешьо́.
 В то время, когда я пишу, я курю
 табак.

Сызы́тхэ́рэ уа́хьтэм, — сэ туты́н
 сешьо́.
 В то время, когда я пишу, —
 я курю табак.

Несомненно, что как в этом случае, так и в предыдущих адыгейское синтаксическое ударение теснейшим образом связано с интонацией предложения. Несомненно также, что оно в ряде случаев вступает в противоречие с лексическим (словесным) ударением. Эти довольно сложные отношения в явлениях адыгейского ударения, — отношения, которые к тому же имеют различия и по диалектам, нуждаются в дополнительных исследованиях.

Выделение границ слов. Границы слов выделяются в адыгейском языке с помощью словесного ударения, отчасти благодаря его месту, благодаря законам появления и исчезновения конечных ударных кратких гласных и законам изменения предконечной краткой гласной «э».

Слова выделяются в адыгейской речи благодаря тому, что каждое из самостоятельных слов имеет словесное, или лексическое, ударение на нем. Впрочем, место этого ударения в слове не связано постоянно с определенным по счету слогом (см. ниже стр. 418—419). Поэтому границы слов в адыгейском языке выделяются не местом, но вообще наличием ударения.

Конечные краткие гласные «э» и «ы» могут сохраняться в адыгейских словах только под ударением. Безударные краткие гласные в этом положении отпадают. Мы можем легко проследить это правило на следующих примерах, в которых конечные неударные краткие гласные исчезают в конце слов в их неопределенной форме и вновь появляются в случае присоединения к этим словам какого-либо суффикса, состоящего из одного согласного:

Ф о р м ы

Неопределенная

Определенная

уан — седло
 джан — рубашка
 шъуз — женщина
 щыт — стой (в каком-либо
 месте)

уа́нэр — седло
 джа́нэр — рубашка
 щъу́зыр — женщина
 щы́тыр — стоящий (где-либо)

но: унэ́ — дом
 цы́фы — человек
 ќалэ́ — юноша
 мы́лы — лед

унэ́р — дом
 цы́фыр — человек
 ќалэ́р — юноша
 мы́лыр — лед

Первые четыре примера показывают такие слова, в которых конечные краткие гласные не ударны и потому отпадают в конце слова. В последних четырех примерах мы имеем наоборот ударные конечные краткие гласные, которые сохраняются в конце слова. Интересно, что в современном адыгейском литературном языке такому же закону исчезновения и появления кратких гласных в конце слова подчиняются и все вновь усвоенные русские и интернациональные слова. Возьмем, например, ряд русских и интернациональных слов, в которых последний гласный — безударное „а“ — передается в адыгейском языке кратким гласным «э». В этих словах в современном живом адыгейском произношении (но не в орфографии) конечный краткий гласный «э» подчиняется тому же закону исчезновения и появления, что и в адыгейских по происхождению словах:

Ф о р м ы

Неопределенная

Определенная

машин (произносится: машын) —
машина

машинэр (произносится: машы-
нэр) — машина

прем — премия

прёмэр — премия

диктатёр — диктатура

диктатёрэр — диктатура

тэхник — техника

тэхникэр — техника

даже: машинистк — машинистка

машинисткэр — машинистка

и т. д.

Интересно, что некоторые усвоенные русские и интернациональные слова, которые в русском оканчиваются на согласный, в адыгейском приравниваются к основам, оканчивающимся на безударное «э», подобно тому, как это случилось с некоторыми усвоенными адыгейским языком из арабского собственными именами:

магазин — магазин

магазинэр — магазин

тракторист — тракторист

трактористэр — тракторист

коммунизм — коммунизм

коммунизмэр — коммунизм

Точно таким же образом мы имеем и в арабских по происхождению собственных именах:

Дауд — Дауд

Даудэ || Дауд клубым къэклуагъ.

Дауд в клуб пришел.

Къасим — Касим

Къасимэ || Къасим районым клуагъэ.

Касим в район поехал

и т. д.

На ряду с этим русские и интернациональные усвоенные слова, оканчивающиеся на ударные гласные, в адыгейском языке оканчиваются тоже на ударные гласные, которые, как конечные гласные под ударением, никогда не исчезают в конце слова:

статья — статья

статьяр — статья

руда — руда

рудар — руда

Большое количество русских и интернациональных слов, оканчивающихся на согласный, усвоено в адыгейский язык с этим же окончанием и приравнивается в нем к адыгейским словам, получившимся в результате исчезновения конечного безударного краткого гласного «ы». Точно так же, как в приводимых нами выше примерах, мы имели:

Ф о р м ы

Неопределенная

Определенная

шъуз — женщина

шъузыр — женщина

и т. д.

и в усвоенных словах мы в адыгейском языке получаем:

стол — стол	стóлыр — стол
колхóзник — колхозник	колхóзникыр — колхозник
председáтель — председатель	председáтельыр — председатель
удáрник — ударник	удáрникыр — ударник
тра́ктор — трактор	тра́кторыр — трактор
	и т. д.

Из всех этих примеров можно сделать вывод, что появление в конце основы во вновь усвоенных адыгейских словах то безударного гласного «ы», то — гласного «э» не подчиняется определенному фонетическому правилу. Почему слова, имеющие в русском одно и то же окончание на согласный, в одних случаях получают в адыгейском живом произношении окончание с огласовкой «э», а в других случаях — с огласовкой «ы», остается пока необъяснимым (ср. стр. 271—272). В литературном языке в письме замечается, впрочем, стремление писать после русских основ, оканчивающихся на согласный, по преимуществу гласный «ы».

Вообще в отношении русских и интернациональных слов, усваиваемых в адыгейский язык, следует заметить, что в этом языке они в живом массовом произношении подвергаются тенденции к сокращению окончаний. Так, вместо «премие» говорят «прем» — „премия“, вместо «партие» говорят «парт» — „партия“, вместо «пролетарий» говорят «пролетар» — „пролетарий“ и т. д. Эта тенденция сокращения окончаний, конечно, основана опять-таки на законе исчезновения безударных конечных гласных в исходах адыгейских слов, благодаря чему слова двусложные в адыгейском языке превращаются в односложные с окончанием на согласный. И в выше приведенных примерах проявляется, таким образом, стремление к сокращению безударного конечного слога в том случае, когда он в русском состоит из сочетания гласного и так называемого „полугласного“ звука или из сочетания двух смежных гласных. Однако в литературном языке за последнее время обнаруживается стремление и в этих случаях удерживать полностью окончание, свойственное русским и интернациональным словам, для того чтобы предохранить усвоенную основу слова от искажения.

На основании всего приведенного нами материала видно, что вообще всякое слово, оканчивающееся на согласный, рассматривается и в современном адыгейском языке — независимо от того, является ли оно вновь усвоенным или нет, — как основа, которая оканчивалась на один из двух безударных гласных «э» или «ы».

Таким образом, адыгейские первичные слова-корни, т. е. слова односложные, оканчивающиеся на краткий гласный, всегда сохраняют его как в конце слова, так и при присоединении окончаний, состоящих из одного согласного. С другой стороны, адыгейские вторичные именные слова-основы, т. е. односложные, с окончанием на согласный, или многосложные, сохраняют конечный краткий гласный лишь в том случае, если на нем исторически стояло ударение, и не сохраняют своего конечного гласного, если это ударение стояло на одном из предшествующих слогов.¹ Отсюда и объясняется разница в судьбе конечного краткого гласного исторически одних и тех же первичных корней, которые

¹ Этот закон в отношении нарицательных именных основ почти не знает исключений. Единственное наблюдаемое нами исключение представляет собою слово «там || тамə» — „квартал (в ауле)“, которое представляет собою, повидимому, древнее усвоение из грузинского языка (ср. стр. 241); сравните:

тамə
крыло; плечо
стамə
мое плечо

там || тамə
квартал
титам || титамə
наш квартал.

оказались в конце следующих большею частью древнеобразованных составных основ:

лы — муж, мужчина	нэ — глаз
пщы — князь	зеклò — поход, наезд
жъы — старый	тыгъу̇ — вор
мэзы — лес	къуалэ̇ — птица из семейства вороновых; галка
луд — сшивай (края)	
мэзыл — леший (буквально: лесной мужчина)	но: пщыл̇ы — крепостной; раб (буквально: княжий мужчина)
тфакьол — свободный крестьянин	зекл̇лы — витязь, удалец (буквально: походный мужчина)
псынэ̇ — колодец (буквально: глаз воды)	но: пхъэл̇ун — деревянный гвоздь (буквально: орудие для втыкания)
шуанэ̇ — мотыга (буквально: орудие для цепления)	лудан — нитка (буквально: орудие для сшивания)
лыжъы — старик (буквально: старый мужчина)	но: иныжъ — великан (буквально: старый большой)
тыгъужъы — волк (буквально: старый вор)	къолэ̇жъ — ворона (буквально: старая «къуалэ̇»)

(Ср. еще ниже, стр. 419).

Итак, исчезновение гласных при древнем слиянии первичных основ друг с другом или с предшествующими вторичными объясняется историческим наличием или отсутствием ударения на конечном кратком гласном, но не происхождением второго корня.¹

На ряду с этим законом в адыгейском языке существует также живой современный закон исчезновения и сохранения ударных кратких гласных «э» и «ы» внутри слова. Этот закон касается уже исключительно сложения живых современных вторичных именных основ. В определенных и дополнительных сочетаниях слов, если второе из них является основой вторичного типа и в отдельном произношении оканчи-

¹ Древнее отпадение конечных кратких гласных «э» и «ы» имеет место и при присоединении притяжательных префиксов 3 л. обоих чисел как органической, так и имущественной принадлежности к именованным основам (ср. выше Морфология, стр. 296 и сл.):

с-шы — мой брат	си-лыжъы — мой старик	с-къо — мой сын
п-шы — твой брат	уи-лыжъы — твой старик	п-къо — твой сын
ы-ш — его брат	и-лыжъ — его старик	ы-къу — его сын
т-шы — наш брат	ти-лыжъы — наш старик	т-къо — наш сын
шъу-шы — ваш брат	шъуи-лыжъы — ваш старик	шъу-къò — ваш сын
аш — их брат	я-лыжъ — их старик	а-къу — их сын
си-лы̇ — мой муж	уи-лы̇ — твой муж	и-л̇ — ее муж

Хотя личные префиксы именного спряжения происходят от притяжательных префиксов органической принадлежности и по форме совпадают с ними, но в спряжении мы наблюдаем иной закон отпадения конечных гласных:

сы-л̇ — я мужчина	сы-лы̇жъ — я старик
у-л̇ — ты мужчина	у-лы̇жъ — ты старик
лы̇ — он мужчина	лы̇жъы — он старик
ты-л̇ — мы мужчины	ты-лы̇жъ — мы старики
шъу-л̇ — вы мужчины	шъу-лы̇жъ — вы старики
лы̇х — они мужчины	лы̇жъых — они старики
сы-р-й-ш — я его брат	сы-р-й-къу — я его сын
у-р-й-ш — ты его брат	у-р-й-къу — ты его сын
ы-ш — он его брат	ы-къу — он его сын
ты-р-й-ш — мы его братья	ты-р-й-къу — мы его сыновья
шъу-р-й-ш — вы его братья	шъу-р-й-къу — вы его сыновья
ы-шых — они его братья	ы-къох — они его сыновья.

О законах отпадения конечного краткого гласного «э» в спряжении в прошедших временах см. выше Морфологию, стр. 310.

вается на ударный краткий гласный, этот конечный гласный исчезает независимо от его качества:

унэ	дом	чыу́н	погреб (буквально: земляной дом)
дахэ	красивый	унэ да́х	красивый дом
ябгэ	злой	лы́ ябг	злой мужчина
цлы́фы	человек	адыгэ цлы́ф	адыгейский человек
лы́жы	старик	урыс лы́жы	русский старик
дэгъу	хороший	шы́уз дэгъу ¹	хорошая женщина

Напротив, если последняя из основ, входящих в определительное или дополнительное сочетание, является основой первичного типа, то она теряет свой конечный гласный в том случае, если первая основа восстанавливает его (т. е. оканчивается на безударный гласный), и сохраняет в том случае, если первая основа оканчивается на ударный гласный:

шхо	большой	шы́у	хороший
шы́узы́шху (ср. шы́уз)	большая женщина	шы́узы́шы́у	добрая женщина
онэ́шху (ср. уан)	большое седло	онэ́шы́у	хорошее седло
но: цлы́фышхо́ (ср. цлы́фы)	большой человек	цлы́фышы́у	добрый человек
унэ́шхо́ (ср. унэ)	большой дом	унэ́шы́у	хороший дом

Следовательно, в живом современном сложении основ, из которых первая — вторичная, а вторая — первичная, последняя повторяет в отношении своего конечного краткого гласного то, что имеет в отдельном произношении первая основа: первичная основа теряет свой конечный гласный, если первая не сохранила его, и сохраняет свой исходный гласный, если первая имеет его. Таковы законы появления и исчезновения гласных в последней из сочетающихся именных основ.

В первой из сочетающихся именных основ, как мы уже только что видели, конечный гласный всегда восстанавливается или сохраняется в том случае, если вторая основа — первичного типа.

При слиянии двух вторичных основ первая основа никогда не восстанавливает, т. е. всегда теряет свой конечный гласный «ы», и восстанавливает или сохраняет такой же гласный «э» независимо от ударности этих гласных:

ко́цы	— пшеница	шы́уз	— женщина
унэ	— дом	уан	— седло
кы́абзэ	— чистый		
ко́ц кы́абз	— чистая пшеница	шы́уз да́х	— красивая женщина
унэ дэгъу ¹	— хороший дом	онэ дэгъу	— хорошее седло
	Иуданэ дэгъу		— хорошая нитка

Отпавшие гласные в конце сложносоставных основ могут восстановиться при присоединении не входящих в основу окончаний (например, падежных и других, см. ниже, стр. 420), но при этом они всегда остаются безударными, например:

ко́ц кы́абз	чырбы́щ у́н
ко́ц кы́абзэ́р	чырбы́щ у́нэмкля́
ко́ц кы́абзэм	чырбы́щ у́нэу
и т. д.	чырбы́щ у́нэхэ́р
унэ дэгъу ¹	чырбы́щ у́нэхэмкля́
унэ дэгъу́р	и т. д.
унэ дэгъу́м	
и т. д.	

¹ Здесь «дэгъу» произносится в один слог, «дэгъур», «дэгъум» произносятся в два слога.

Следовательно, в части случаев ударение может служить также средством формального различия между самостоятельным косвенным дополнением и определительным дополнением, относящимся к дополняемому:

Чырбыщ — унэм исхьагъ. Чырбыщ унэм исхьагъ.
Кирпичи я в комнату внес. В кирпичный дом я внес (что-то).

В таких случаях (в первом примере после слова «чырбыщ») может иметь место и некоторая приостановка речи, летучая пауза, или соответствующая интонация, благодаря которым самостоятельный член предложения отличается от дополнения при дополняемом (как в данном случае «чырбыщ») или от определяемого при определении.

Исторически отпадение кратких гласных в сочетаниях неоформленных слов представляло собой в адыгейском языке один из признаков выделения границ слова. Этим способом устанавливалась разница между сочетанием неоформленных основ, сливавшихся в одно слово, и сочетанием самостоятельных слов — членов предложения — в предложении. В современном языке с помощью этих фонетических законов устанавливается различие между сочетанием неоформленных определений или дополнений с определяемым или дополняемым, с одной стороны, и сочетанием оформленных дополнительных слов со сказуемым, с другой. В частности, отпадение конечного гласного «ы» под ударением как в первой, так и в последней основе определительного или дополнительного сочетания вторичных основ и отпадение конечного ударного гласного «э» во вторичных основах — в конце определительного или дополнительного сочетания слов или основ всегда показывает, что мы имеем дело не с отдельным самостоятельным членом предложения, а с основой или словом, входящим в состав определительного или дополнительного сочетания. Наоборот, появление или исчезновение конечного гласного «ы» в самостоятельных словах служит морфологическим способом оформления главных членов предложения (примеры см. на стр. 48—49 в Синтаксисе).

Предконечная краткая гласная «э» (т. е. гласная, находящаяся в предпоследнем слого основы, при условии, если последний ее слог является открытым и имеет ту же самую огласовку) в производных основах закономерно переходит в долгую гласную «а», независимо от того, сохраняется или не сохраняется в них конечное «э», например:

уан — седло	кIалэ — юноша, парень
джан — рубаха	дахэ — красивый
лудан — нитка	кIапсэ — веревка
лъахъ — пути (для лошади)	лъахъэ — спутывай (лошадь)
лажьэ — работай	лэжьы — обрабатывай
лъагъу (из «лъагъо») — тропа	лъэгъу — видь
мажьо — варится	мэжьу — тает
шапс., бжедуж. «оттакI» — „ручка молотка“ (из «оттакIэ»)	темиргойск., абадзех. «отэ-кIы» — в том же значении

Из последних примеров мы видим, что в формах, исторически происходящих от одних и тех же основ, или в одних и тех же префиксах, долгий гласный «а» появляется в прямой зависимости от качества конечного гласного, находящегося в следующем слове. При конечном гласном «э» предшествующее «э» переходит в «а». При конечном гласном «ы» предшествующее «э» не переходит в «а» (для последнего примера ср. шапс., «кыIэ», бжедуж. «кIэ», темиргойск., абадзех. «кIы» — „ручка орудия“).

Исключение из этого правила представляют собой лишь некоторые глагольные формы непродуктивного залога, в которых второе лицо единственного числа повелительного наклонения имеет переход «э» в «а», а третье лицо ед. ч. настоящего времени утвердительного наклонения не имеет этого перехода. Впрочем в бжедужском диалекте в обеих

этих формах «э» переходит в «а», различие между ними заключается только в месте ударения:

Бжедухский диалект

кѡакlò	иди сюда	кѡàklò (лит. кѡ̀экlò)	идет сюда
паплъ	ожидай	пàплъэ (лит. п̀эплъэ)	ожидает
дàкlу	иди вместе	дàklò (лит. д̀экlò)	идет вместе

В сочетании вторичных основ на месте долгого гласного «а» вновь восстанавливается краткий гласный «э» в том случае, если данное слово в определительном или дополнительном сочетании стоит не на последнем месте, т. е. если гласный «а» оказывается передвинутым в исторически до-предконечное положение, например:

кlалэ	юноша, парень	кlэлэ лъàг	высокий юноша
джан	рубаха	джэнэ дэгъу	хорошая рубаша
лажьэрэ	работающий	лажьэрэ шъузыр	работающая женщина

и. т. д.

Закон выделения предконечного гласного «э» исторически служил для выделения границ слова, в современном же языке служит, с одной стороны, для выделения границ основы слова, так как на этот закон перехода «э» в «а» в предпоследнем слоге основы не оказывают влияния суффиксы словоизменения, а с другой стороны, для выделения границ определительных и дополнительных сочетаний слов, в которых, наоборот, первая основа или слово не подчиняется этому закону.

Из всех перечисленных нами законов выделения границ слова самым ясным и точным является отсутствие гласного «э» в начале слова. Этот закон в адыгейском языке не распространяется на другие звуки речи. В отличие от кабардинского, в начале адыгейского слова возможен любой согласный, в том числе и «р», которое в кабардинском первоначально не встречалось ни в начале слова, ни в начале речи. Некоторое значение имеет также явление исчезновения и появления конечных кратких гласных «э» и «ы» в составных словах, так как во многих случаях они дают возможность отличить сочетание самостоятельных дополнительных слов и сказуемого от сочетания неформированных слов-основ в дополнительных и определительных словосочетаниях.

Ударение. Одним из признаков, выделяющих слово в предложении, является словесное или лексическое ударение, т. е. ударение, свойственное слову как самостоятельному члену предложения. Материально ударение в адыгейском языке выражается в некотором увеличении силы экспирации (выдыхания) ударяемого гласного и в продлении его. Таким образом, ударяемые гласные отличаются в адыгейском языке от неударяемых главным образом долготой и отчасти силой выдыхания. Отличие их по долготе, однако, невелико. Ударяемый краткий гласный в отношении долготы остается короче неударяемого долгого гласного.

Место ударения в адыгейском языке определено границами основы слова. Ударение может стоять или на предпоследнем или на последнем слоге этой основы (исключение составляют лишь некоторые глагольные формы). Установить дальнейшую закономерность, которой подчинялась бы эта разница в месте адыгейского ударения, не представляется возможным, за исключением немногих отдельных случаев. Часто одни и те же первичные слова-корни, входящие в состав сложной основы в качестве последнего слога, в одних случаях остаются без ударения, а в других принимают его на себя. Таким образом, пока можно объяснить это, очевидно, лишь исторически — какой-то первоначальной морфологической ролью адыгейского ударения, которое, вероятно, было одним из способов формирования сложносоставных слов. В настоящее же время место адыгейского ударения в пределах того или иного из двух последних слогов

основы представляет собою индивидуальную особенность каждого отдельного слова-основы:

щэ́льа́хъ — тренога, пути   лья́хъэ — треножь, путай (лошадь)
гу́щыI — слово   гу́щыIэ — разговаривай
джэ́гу — игрище, гулянье   джэ́гу — играй

Во всех этих случаях разница в месте ударения определена морфологически различием частей речи — имени и глагола:

кья́штэ — бери сюда   кья́штэ — берут сюда
кья́кIо — иди сюда   кья́кIо, бжед. кья́кIо — идет сюда

В этих случаях ударение также зависит от морфологического различия — различия глагольных форм (3-го л. настоящ. врем. и 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения).

Мы можем вывести правило, что в 3 л. ед. ч. настоящего времени утвердительного и других наклонений, спрягаемых по простому спряжению, ударение ставится, главным образом, на предпоследнем слоге основы (в тех случаях, когда основа двусложная — на первом слоге, являющемся часто префиксом места или отношения, а в тех случаях, когда основа односложная и типа открытого слога — на субъектном или косвенно-объектном личном префиксе). В повелительном наклонении, наоборот, ударение падает обычно на конечный краткий гласный. В именах, имеющих общее происхождение с глагольными основами, ударение опять-таки падает на предпоследний слог основы, что вызывает исчезновение конечного безударного гласного и превращает предпоследний открытый слог слова — в последний закрытый. Таким образом, с точки зрения адыгейской фонетики любой конечный закрытый слог можно рассматривать как двуслог по происхождению, превратившийся в один слог благодаря отпадению конечного краткого гласного. Под это же правило подходят и конечные долгие гласные «ыу, оу (эу), ый, эй», которые следует рассматривать как продукт слияния кратких гласных «ы», «э» с согласными (полугласными) «у», «й».

В следующих примерах мы видим древнее различие в судьбе конечного гласного одних и тех же первичных корней, получившееся благодаря наличию или отсутствию на нем ударения:

мэ́зыI — леший (из: «мэ́зы» — „лес“ + «лIы» — „мужчина“)	дзэ́лIы — воин (из: «дзэ́» — „войско“ + «лIы» — „мужчина“)
мэ́лышъу мэ́лышъò — овчина (из: «мэ́лы» — „овца“ + «шъо» — „шкура“)	мышъашъò — медвежья шкура (из: «мышъэ» — „медведь“ + «шъо» — „шкура“).
	ба́джашъò — лисий мех (из: «ба́джэ» — „лиса“ + «шъо» — „шкура,“)

(Еще примеры см. выше, стр. 415).

Такая же разница получается иногда между двумя именами, происходящими от древнего сложения двух одинаковых первичных основ:

На́гъу — Рыжеглазая (женское имя собственное)   на́гъò — рыжеглазая (имя нарицательное)
(произносится в один слог)

В этом случае тоже лишь исторически различным местом ударения можно объяснить разницу в судьбе конечного краткого гласного. Таким образом, мы должны прийти к выводу, что при сложении первичных основ (т. е. при древнейшем типе сложносоставных слов — *composita*) ударение не имело еще определенного места, а закреплялось за тем или иным слогом, главным образом из семантических соображений.

Находясь в зависимости от морфологического состава основы и будучи связано с ее определенным слогом, адыгейское ударение, следовательно, может в зависимости от состава основы сдвигаться по мере

В этих примерах мы видим в правом столбце семы, которые мы называли словообразовательными, т. е. частицы, передвигающие ударение. В среднем столбце, наоборот, мы имеем семы, которые ударения не передвигают, которые не влияют на место ударения (словоизменительные формативы). Благодаря наращению словообразовательных частиц ударение передвигается или к началу или к концу слова. Передвижение адыгейского ударения в сторону конца слова не ограничено (т. е. оно может неограниченно переходить на все новые и новые словообразовательные семы по мере их присоединения к концу основы), передвижение же его к началу слова всегда ограничивается пределами одного слога, т. е. ударение может быть передвинуто на один слог вперед, но не далее.

Итак, законы адыгейского ударения вкратце могут быть сформулированы следующим образом.

Если конечный слог основы закрытый или представляет собою конечный долгий гласный «*ыу, оу, ый, эй*» (т. е. если этот слог исторически равен предпоследнему), то ударение всегда находится на нем, кроме тех случаев, когда конечный согласный не входит в состав основы (т. е. представляет собою формальную частицу, не передвигающую место ударения). Например, в слове «*лы-хэ-р*» — „мужчины“ основой будет один открытый слог «*лы*», так как суффиксы множественного числа „*хэ*“ и прямого падежа определенного склонения «*р*» не передвигают ударения.

Если конечный слог основы открытый, то место ударения (исторически падающего в этом случае на конечный краткий гласный) может меняться в случае присоединения других основ или словообразовательных как суффиксов, так и префиксов. Например, в слове «*лы дах*» — „красивый мужчина“ ударение переместилось на другое слово-основу потому, что все данное определительное сочетание слов исторически представляло собою некогда одно слово, состоящее из неформленных основ и имевшее одно общее ударение. По нашим правилам, это ударение должно стоять на последнем закрытом слоге основы. Так как здесь оба слова исторически являются единой основой, то ударение переходит на второе из них, представляющее собою закрытый слог. В слове «*мы лыр*» — „это мясо“ ударение переходит на указательное местоимение «*мы*», потому что это местоимение исторически тоже сливалось с последующим словом в одну составную основу и передвигало ударение. Второй слог — слово «*лы-р*» в данном случае в отношении ударения не считается закрытым, так как последний согласный «*-р*» не принадлежит к числу словообразовательных суффиксов и не влияет на место ударения.

Рассмотрим главнейшие случаи перемещения адыгейского ударения сначала в именах, а затем в глаголах. Для этого в качестве типичного именного аффикса, не передвигающего ударение, выберем «*си-*» — притяжательный префикс 1-го лица ед. ч. имущественной принадлежности, а в качестве аффикса, передвигающего ударение, указательное местоимение «*мы*» — „этот“. Возьмем для начала основы первичного типа (односложные типа открытого слога).

Передвижения адыгейского ударения в первичных именных основах

Имена	Первичные именные основы	
	Притяжательный префикс	Указательное местоимение
хьэ	сихьэ	мы хьэ-р
собака	моя собака	эта собака
лы	силы	мы лы-р
мясо	мое мясо	это мясо
шы	сишы	мы шы-р
лошадь	моя лошадь	эта лошадь

Как видно, в этих примерах ударение стоит или на единственном слоге основы (притяжательный префикс не считается входящим в ее состав) или на предпоследнем слоге основы, так как последний слог ее считается открытым, а указательное местоимение «мы» как бы входит в состав единой сложной основы. Рассмотрим теперь примеры перемещения ударения во вторичных именных основах:

То же во вторичных именных основах с окончанием на гласный

мылы́	си мылы́	мы мылы́р
лед	мой лед	этот лед
(прямой падеж неопределенного склонения)		
шыгъò	си шыгъò	мы шыгъор
рыжая лошадь	моя рыжая лошадь	эта рыжая лошадь
кIалè	си кIалè	мы кIалэр
юноша, парень	мой сын, мой мальчик	этот юноша
лЫжъы́	си лЫжъы́	мы лЫжъыр
старик	мой старик	этот старик
бэджашъò	сибэджашъò	мы бэджашъор
лисий мех	мой лисий мех	этот лисий мех
но: статья́ — статья	систатья́ — моя статья	мы статья́р — эта статья

Во всех приведенных примерах во вторичных двух-и многосложных основах, оканчивающихся на ударный краткий гласный, ударение переходит с последнего слога на предпоследний при присоединении указательного местоимения и остается на последнем слоге при присоединении притяжательного префикса.

Ударение во вторичных именных основах с окончанием на согласный

(тип закрытого слога)

фы́гу	си фы́гу	мы фы́гур
пшено	мое пшено	это пшено
шъуз	си шъуз	мы шъузыр
жена, женщина	моя жена	эта женщина
уан	си уан	мы уанэр
седло	мое седло	это седло
стол	си стòл	мы стòлыр
стол	мой стол	этот стол
шъуз да́х	си шъуз да́х	мы шъуз да́хэр
красивая женщина	моя красивая жена	эта красивая женщина
тра́ктор	си тра́ктор	мы тра́кторы-р
трактор	мой трактор	этот трактор
фы́гу дэгъу́	си фы́гу дэгъу́	мы фы́гу дэгъур
хорошее пшено	мое хорошее пшено	это хорошее пшено

Из этих примеров видно, что основы типа закрытого слога, исторически получившиеся благодаря исчезновению конечного неударного краткого гласного, не допускают передвижения ударения при присоединении любых префиксов или местоимений. То же правило распространяется на все многосложные основы, оканчивающиеся на согласный, и на большинство усвоенных русских и интернациональных терминов, подходящих под этот звуковой тип. В этом случае передвинуть ударение можно только по направлению к концу слова и только при присоединении к нему основ-определений или основ-дополняемых. Например, «тракторы́шу || трактор дэгъу́» — „хороший трактор“ и т. д.

Окончание основы:	Вторичные основы с безударными конечными гласными		Вторичные основы с ударными конечными гласными	
	1 «ы» безударное	2 «э» безударное	3 «ы» ударное	4 «э» ударное
шъуз	Нагъу	щыфы	нагъò	
женщина, жена	Рыжеглазая (женское имя собственное)	человек	рыжеглазая (эпитет жен- щины)	
дъэгу	лъахъ	дъэгъу	лъахъэ	
игрище, вече- ринка	путы, тренога	играй, гуляй	треножь, путай (лошадь)	
фыгу	уан	фыжьы	дахэ	
пшено	седло	белый	красивый	
лъыхъу	гущыI	дэгъу	гущыIэ	
ищи	слово	хороший	разговаривай	
уцу	едж	гъушьы	гъукIэ	
останавливайся	читай	сохни	рассыхайся	
Iых	лажь	лэжьы	лажьэ	
бери	горе	обрабатывай	работай	
иIу	лъагъу	лъэгъу	унэ	
втыкай	тропа	видь	дом	
стол	еу	лIыжьы	федэ	
стол	бей	старик	польза	
мин		гъучIы	лъагэ	
тысяча		железо	высокий	
МэзыI	дышьэ пIаIу	дзэлIы	пIаIò	
букв.: леший (мужское имя собственное)	золотая шапка	военный, воин	шапка	

Из приведенной таблицы ясно, что место ударения в адыгейском языке исторически было определено в связи с какой-то семантической и морфологической ролью ударения при сложении основ. В частности, следует отметить, что ударение в глагольных формах отличается от ударения в именах тем, что в глагольных формах (в 3 л. форм простого спряжения) ударение может стоять на предпоследнем слове основы при сохранении конечного безударного гласного этой основы, чего не может быть (за редкими исключениями, см. сноску на стр. 414) в именных основах. Повидимому, первоначально адыгейский язык вообще не знал таких случаев.

Система гласных и согласных фонем. Адыгейский язык отличается огромным богатством самостоятельных согласных звуков — фонем не только в сравнении с русским и другими европейскими языками вообще, но также и по сравнению с большинством яфетических языков Кавказа, в частности. В литературном адыгейском языке насчитывается 57 согласных фонем, т. е. таких согласных, которые выделяются на основании различия самих адыгейских слов и необходимы для правильного понимания адыгейской речи. Эта система в 57 согласных фонем была положена в основу адыгейского алфавита на базе звукового состава одного из наиболее простых в фонетическом отношении адыгейских диалектов — темиргойского. Если сравнить состав согласных фонем по другим адыгейским диалектам, то мы увидим, что в западно-адыгейских диалектах он значительно богаче и сложнее. Так, в бжедужском и шапсугском диалектах насчитывается до 66 самостоятельных звуков-фонем. Значи-

тельно больше 57 согласных фонем было, повидимому, первоначально в абадзехском диалекте.¹ Несомненно, что меньшее количество согласных в темиргойском диалекте представляет собою результат позднейшего упрощения адыгейского языка в этом отношении. Поэтому в основу составления адыгейского алфавита была правильно взята система согласных темиргойского наречия.

В отношении богатства согласных звуков адыгейский язык можно сравнить только с абхазским языком, в особенности с его северным нелитературным бзыбским диалектом. Число согласных фонем в наиболее близком адыгейскому кабардинском языке достигает только 52, что представляет собою результат более позднего развития и более длительной шлифовки этого языка на основе более раннего экономического и политического объединения Кабарды.

Согласные фонемы адыгейского языка могут быть представлены в виде нижеследующей таблицы (стр. 426).

При изображении согласных фонем на таблице, мы пользуемся общепринятыми буквами адыгейского алфавита. Таблица требует пояснений в отношении места произнесения, т. е. в отношении тех органов речи, с помощью которых произносятся согласные. Разумеется, на таблице указывается из всех положений органов речи, одновременно необходимых для произнесения данного звука (т. е. из всех артикуляций его), — только одно основное (так называемая основная артикуляция). Перечислим все эти органы речи, в которых образуются основные артикуляции согласных фонем в адыгейском, под теми же цифрами, которыми они обозначаются на таблице: 1. Губные. 2. Зубные. 3. Латеральные (т. е. звуки, при образовании которых язык прижат к верхним зубам, а воздух проходит по бокам языка). 4. Передне-твердонебные. 5. Средне-твердонебные. 6. Задне-твердонебные. 7. Задне-мягконебные. 8. Надгортанниковые (т. е. звуки, образуемые надгортанником). 9. Междусвязочные (т. е. звуки, образуемые голосовыми связками).
Сверху по горизонтальной линии под римскими цифрами указаны основные типы артикуляций, необходимых для произнесения звуков, — типы, которые не зависят от места образования звука: I. Сонорные (т. е. звуки, образуемые чистым музыкальным тоном голоса без примеси шума). II. Вибранты (т. е. звуки, образуемые дрожанием или вибрацией какого-либо органа речи). III. Спиранты (т. е. звуки, образуемые с помощью щели между органами речи, в которой получается характерный для них длительный шум). IV. Мгновенные или взрывные (т. е. звуки, образуемые путем полного смыка и затем отпора органов речи, благодаря чему получается характерный для этих звуков мгновенный шум). V. Аффрикатy (т. е. сложные звуки, начало которых состоит из мгновенного, а конец из спираанта, образуемых в одном и том же месте одними и теми же органами).
Внутри каждого из этих отделов таблицы проведено более детальное деление, показанное латинскими буквами: а. Надгортанные (т. е. согласные, произносимые с помощью выдыхания не из груди, а из полости рта). Эти звуки представляют собою характерную особенность всех кавказских яфетических языков и известны под обычным названием „кавказских“ звуков. б. Звонкие (т. е. согласные, произносимые с участием голоса). с. Глухие придыхательные (т. е. согласные, произносимые без участия голоса, с помощью одного шума и с глухим придыханием в конце звука). с'. Глухие непридыхательные (т. е. согласные, произносимые так же, но без этого придыхания).

К таблице согласных можно сделать лишь немногие примечания:

Фонемы «в» и «к» употребляются только в словах русских и интернациональных, усвоенных адыгейским языком. Так как количество этих слов во всяком литературном языке возрастает и будет возрастать,

¹ О диалектах ср. N. Jakovlev. Kurze Übersicht über die Tscherkessischen (adygeischen) Dialekte und Sprachen („Caucasica“, 1930, Fasc. 6, T. I, Leipzig).

ТАБЛИЦА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ АДЫГЕЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (по Н. Ф. Яковлеву)

	II			III			IV			V		
	b	a	c	b	a	c	b	a	c	b	a	c
1. м				н	ф	п	б	п	бжж, (пп) и. т. д.			
2. н				з	с	т	д	т		ц	дз	ц
3. л	л	л	л	л	л					(ц)у	дзу	цу
4. ш	ш	ш	ш	ж	ш	ш	ш			(тш)	(дж)	(тш)
4'. ж	ж	ж	ж	ж	ш	ш	ш			к	дж	ч
5. г	г	г	г	г	х					ч	(дж)	ч
6. х						[ху]	гу	к				
7. гь								ку				
8. гьу								кь				
9. й								кьу				

Всего согласных фонем 57.

Условные знаки:

- I. Сонорные 1. Губно-губные
- II. Вибранты 2. Зубные
- III. Спиранты 3. Лагеральные
- IV. Мгновенные 4. Передне-твердые } небные
- 5. Средне-небные
- 6. Задне-небные
- 7. Задне-мягко-небные
- V. Аффрикаты 8. Надгортанные } ковые
- 9. Междусвязочные

Примечание: 1. Фонемы «в» и «к» употребляются только в усвоенных словах.
 2. Звуки «к!» (мгновенное) и «ху» очень редки (только после сибилантов).
 3. Согласные: «л, л', л'', л''' (аффриката), дж, ч» всегда мягкие (палатализованные); «ш, ш', ш'', ш''' (аффриката), ж, ш, ч, чь» и все остальные согласные — всегда твердые (веляризованные).
 4. В диалектах (бжедусском, шапсугоком) система согласных фонем значительно богаче — до 66 фонем, — куда включается большое число непридыхательных и придыхательных спирантов, мгновенных и аффрикат (под литерой с и с').
 5. Фонемы «(ц)у», «(дж)», «(твердое)» встречаются лишь в отдельных словах в диалектах: «хьандзу||хьанцу» —, «себэжыгь||себэнджыгь» —, «бэнджыгь» —, «поскользнулся, припал (наруку)» —.
 6. О сочетаниях «тш', дж', дж'', дж''' и т. п. см. ниже стр. 430

то эти два звука, которых первоначально в адыгейском языке не было, станут в нем все более и более частыми.

Звуки «кI» (мгновенное) и «ху» (спирант) очень редки. Они последовательно встречаются в адыгейском языке только после сибилантов (свистящих и шипящих) и только в основах (корнях) слов, например, «шкIэ» — „теленка“, диалектное: «зыгъэпскI» — „мойся, купайся“; «шхо» (= шхуэ) — „великий, большой“ и т. д.

Двойными буквами — путем сочетания согласного с буквой «у» в адыгейском языке обозначается ряд так называемых лабиализованных, т. е. произносимых с выдвиганием губ вперед согласных. Для того чтобы избежать частого употребления этих двойных букв в современной адыгейской орфографии принято обозначать сочетание букв «уэ» через «о» и сочетание «уы» через «у» (=у̇). Таким образом, перед гласными «о», «у» согласные «хь, шI, жь, шь, х, гь, пI, тI, кI, г, к, къ, I, дз, ц» — произносятся, как лабиализованные. Все эти 15 согласных в адыгейском языке представляют собою лабиализованные звуки, на ряду с которыми мы имеем 15 парных им нелабиализованных. Обозначение двойных сочетаний «уэ», «уы» через ординарные буквы «о», «у» представляют собою удобство, кроме того, и в отношении обозначения адыгейских гласных (см. ниже здесь же). Гласные фонемы адыгейского языка можно представить в виде следующей таблицы (стр. 428).

К таблице гласных фонем необходимо сделать следующие примечания:

Первоначально в адыгейском языке существовало лишь два кратких гласных «э» и «ы». В дальнейшем, на ряду с ними развились долгие гласные: «а», «е», «и», «о», «у». Последние четыре долгих гласных появились из слияния двух кратких гласных соседних слогов, т. е. из стяжения слогов: $\begin{matrix} \text{ы} \\ \text{э} \end{matrix} + \text{йы} (=и)$, $\begin{matrix} \text{ы} \\ \text{э} \end{matrix} + \text{йэ} (=е)$, $\begin{matrix} \text{уы} (=у) \\ \text{уэ} (=о) \end{matrix}$, $\begin{matrix} \text{уы} (=у) \\ \text{уэ} (=о) \end{matrix}$ в положении после согласного внутри слова — в один слог (см. стр. 431—432). Это слияние в отдельных случаях и сейчас еще можно наблюдать в адыгейском языке: «ит» — „стой внутри, находишься внутри“ (произносится как йыт), «сит (из: сы + йыт)» — „я нахожусь внутри, я стою внутри“, «иI» — „имеет“ (произносится как йыI), «сиI (из: сы + йыI)» — „я имею“ и т. д. Таким образом, слоги, начинающиеся на неслоговые гласные (полугласные) «й», «у» и оканчивающиеся на краткие гласные «э», «ы», в середине слова превращаются в долгие (в конце слов — дифтонгообразные) гласные «и», «е», «у», «о», которые приблизительно соответствуют русским гласным «и», «е», «у», «о» под ударением. Это историческое развитие долгих гласных из целых слогов и позволило применить в современной адыгейской орфографии обозначение как слогов «йы, йэ, уы, уэ», так и соответствующих им долгих гласных через одни и те же буквы для гласных «и, е, у, о». Такое обозначение в свою очередь облегчило выражение теми же буквами долгих гласных, усваиваемых в интернациональных и русских словах.

Следует заметить, что в адыгейском языке в начале слов и слогов не может быть краткого гласного «э», на месте его в этом положении пишется «а», т. е. «а» долгое.

Адыгейские краткие гласные «э» и «ы» видоизменяются в своем произношении, в зависимости от качества (твердости или мягкости) соседних согласных и места их образования. Фонема «э» произносится то как «э» узкое, то как «э» широкое, то как «а» краткое. Фонема «ы» произносится то как «и» краткое, то как «ы» краткое, то как украинский звук «и» (т. е. звук средний между русским «и» и «ы», но в адыгейском — краткий).

Первичные сочетания согласных. При сочетании двух или реже трех согласных, стоящих рядом, первоначально в адыгейском языке существовал закон звукового уподобления этих согласных друг другу. В каче-

Обозначения в современном алфавите	Прозношение	Русские соответствия	Классификация гласных фонем	
			мягконебные средненебные твердонебные	
а (я)	«а» долгое	«а» под ударением	у	и
э	«э» краткое	«э» (краткое) после твердых согласных	о	е
ы	«ы» краткое	«ы» (краткое)	а	

Подъем:
Верхний
Средний
Нижний

Слогофонемы:

Обозначения в современном алфавите

В начале и середине слов

Признанные

В начале В середине В конце

Русские соответствия

(в середине слов)

и	ий	и	ий	«и» долгое (под ударением)
е	эй	э	эй	«е» долгое (под ударением) с предшествующей мягкостью
у (ю)	уы	у	уу	«у» долгое (под ударением)
о	уэ	о	оу	«о» долгое (под ударением)

Итого гласных фонем и слогофонем — 7

Число литер для выражения гласных — 9 (включая йотированные гласные «я, ю»)

Лабializedанные
пассивно активно

Веляризованные	Палатализованные
долгие краткие	долгие краткие
а	ы
	э
о	(ö)
у	(ү)

1. В начале слов и слогов в литературном адыгейском никогда не бывает «э», на месте его пишется «а».
2. Краткие гласные «ы» и «э» имеют значительное количество вариантов в зависимости от качества соседних согласных: после палатализованных согласных слышатся «и» и «э» краткие, после лабиализованных — «у (=ү)» и «о» краткие, после задне-мягконебных и гортанных — «ы» и «а» задние краткие и т. д.

стве исторического результата действия этого закона мы находим сейчас в первичных односложных адыгейских словах (в их начале) только следующие допустимые сочетания согласных — мгновенный губной+негубной спирант, мгновенный или аффриката: псы — „вода“, блэ — „змея“, пцэ — „дуй“, пхы — „вяжи, связывай“, пхъэ — „дерево“, пцлэ — „закасай, свертывайся“, пкфы — „штампуй кожу, вырезай узоры зубчатым колесиком“. Другой распространенный тип допустимых двух смежных согласных следующий — мгновенный зубной+глубже лежащий спирант, мгновенный или аффриката: тхы — „пиши (нечто)“, тхъэ — „благоденствуй, живи в довольствии“, тхьо — „буланный“ и, наконец, еще более редкие типы сочетаний согласных — свистящий или шипящий спирант+глубже лежащий спирант или мгновенный: сты — „гори“, шъхъэ — „голова“, шхьо — „серовато-голубой, серый (масть)“; глухой латеральный+нелатеральный спирант: льфэ — „роди, рожай (вообще), разрешайся от бремени“, лъхъэ — „клади“.

В единичных случаях в адыгейском возможны также сочетания из трех согласных в начале первичных основ, например — губной мгновенный+шипящий или свистящий спирант+зубной или твердонебный мгновенный: пцтэ — „топись (о молоке)“, пстэ — „полней, пухни“ и т. д.

Во всех этих сочетаниях мы видим один общий закон: при сочетании двух или нескольких смежных согласных в начале первичных основ эти согласные должны быть различны по месту и типу своего образования. Однако при этом различии устанавливается и историческое сходство. Согласные в таких сочетаниях уподобляются друг другу в отношении глухости, звонкости и надгортанности. Таким образом, два и даже три соседних согласных в этом случае должны представлять собою однородную группу, т. е. все сочетание в целом должно быть или только глухим, или только звонким, или только надгортанным. В последнем случае, впрочем, надгортанными могут стать только те согласные, которые имеют соответственные им надгортанные пары. Типы первичных сочетаний согласных легко видеть из следующих примеров:

Типы первичных сочетаний согласных		
Глухие	Звонкие	Надгортанные
псы одушевленность	бзэ язык	
пцы долби		пцфы (= пцфы) ложь
плъэ смотри	блэ предплечье	пллэ (= пллэ) верхняя часть спины и т. д.

Можно предположить, как мы уже указывали выше, что первоначально первый согласный в этих сочетаниях представлял собою префикс, позднее слившийся с первичным корнем (см. выше, стр. 261). Этот префикс, который мог быть или «у» „кратким“ (слоговым) или «у» (неслоговым), видоизменяется под влиянием следующего согласного по тем же самым законам, по которым в современном адыгейском фонетически изменяется притяжательный префикс 2 л. ед. ч. органической принадлежности в его кратком виде или префикс 2 л. ед. ч. продуктивного субъекта (оба состоящие из одного согласного) под влиянием последующего начального согласного основы (см. ниже).

Некоторые звуковые законы адыгейского языка. Наиболее сложные и важные законы перехода звуков в зависимости от их фонетического положения (т. е. звукового соседства) мы находим в области адыгейских

префиксов. Адыгейские суффиксы почти не представляют собою закономерных звуковых изменений.

Наиболее важным для орфографии и произношения является звуковой переход префиксов органической принадлежности (при именах) и продуктивного субъекта (при глаголах), состоящих из одного согласного. В этом положении префиксы уподобляются (ассимилируются) следующему соседнему согласному, который является начальным согласным глагольной основы или другого префикса. Перед звонким согласным согласный в составе префикса переходит в звонкий, перед глухим — в глухой, и перед надгортанным — согласный, имеющий парный ему надгортанный звук, переходит в надгортанный. Этот закон, разумеется, не распространяется на префиксы, состоящие из слогового гласного.

Таблица звуковых изменений именных и глагольных префиксов, состоящих из одного согласного

Вид префикса — полный краткий	Переход перед начальным согласным корня		
	глухим	звонким	надгортанным
сы	с	з	с
ý(уы)	п	б	пІ
ы	—	ы	ы
ты-	т	д-	тІ-
шъú (шъуы)	шъ	жъу-	шъу- (произн. шІу-)
а	—	а-	а-

Кроме этого закона звукового уподобления (ассимиляции) префиксов, в адыгейском языке (только в произношении, но не в орфографии) существует еще закон слияния префиксов с первым согласным основы в один сложный звук — аффрикату. Притяжательные префиксы органической принадлежности в кратком виде и префиксы продуктивного субъекта (тоже состоящие из одного согласного) первого лица ед. ч. «с» и первого лица мн. ч. «т» вместе с последующим соседним шипящим спирантом в начале основы (именной или глагольной) сливаются в один звук — шипящую аффрикату, соответственно мягкую, твердую или надгортанную (смотря по качеству шипящего спиранта основы). Этому закону слияния подчинены в литературном языке, но не в диалектах (где тот же закон распространяется и на сочетания префиксов со звонкими согласными) лишь сочетания префиксов с глухими и надгортанными шипящими. Точнее этот закон слияния можно представить в виде следующей таблицы:

Слияние префиксов с шипящими

Префиксы	Начальный шипящий основы	Результат слияния	Примеры
1. с ⁺ т	ш	чъ	сшы (= чъы) мой брат тшы (= чъы) наш брат
2. с ⁺ т	щ	ч	сщагъэ (= чагъэ) я продал тщагъэ (= чагъэ) мы продали
3. с ⁺ т	шъ	тшъ ¹	сшъагъэ (= тшъагъэ ¹) я соткал тшъагъэ (= тшъагъэ ¹) мы соткали
4. с ⁺ т	шІ	тшІ ¹	сшІагъэ (= тшІагъэ ¹) я сделал тшІагъэ (= тшІагъэ ¹) мы сделали и т. д.

Закон слияния префиксов с начальными согласными основами до развития письменности имел в адыгейском языке безусловное применение, он не допускал никаких исключений. Однако в литературном языке по принятой орфографии применяется во всех этих случаях фонетически

¹ Сочетания: «тшъ, тшІ» — обозначают здесь каждое единый слитный звук — аффрикату, а не сочетание согласных.

неслитное написание префиксов, отчасти потому, что морфологический способ письма в данном случае легче, отчасти же потому, что в адыгейском алфавите нет букв для выражения аффрикат: «тшъ», «тшI» и других, получающихся в результате слияния (см. таблицу, графа 3—4). Эта орфография не могла не повлиять в свою очередь на литературное произношение. Адыгейские учащиеся, педагоги, литературные работники во многих случаях теперь и произносят взамен слитных аффрикат отдельно — согласный префикса и шипящий основы, например: сшы — „мой брат“, тшагъэ — „мы продали“, сшыагъэ — „я соткал“, тшыгъэ — „мы сделали“.

Из звуковых законов, которым подчинены сочетания глагольных префиксов друг с другом, следует упомянуть закон выпадения (элизии) кратких гласных «э» и «ы» перед последующими долгими гласными «е», «и», «о» «у» (по происхождению краткими слогами «йэ», «йы», «уэ», «уы») в составе префиксов или начала основы. Примеры этого явления приводились нами неоднократно выше. Так, сопоставляя левый и правый столбец ниже, мы можем получить ясное представление о действии этого закона в адыгейском:

	Перед согласным		Перед гласным
сэдэт	я стою в (горизонтально ограниченном пространстве)	сит	я стою внутри (в полости)
удэт	ты стоишь в...	уит	ты стоишь внутри.
тыдэт	мы стоим в...	тит	мы стоим внутри
шъудэт	вы стоите в...	шъуит	вы стоите внутри
дыдэтых	они стоят (вместе с кем-нибудь во дворе)	дитых	они стоят вместе с кем-нибудь внутри (помещения)

Интересно отметить, что этот закон выпадения кратких гласных перед следующими долгими гласными или соответственными слогами (йы, йэ, уы, уэ) не распространяется на сочетания основ с суффиксами. В этих последних всюду сохраняются краткие гласные перед долгими гласными или слогами, например: мые — „яблоня“, мэчъые — „спит“, кырещэи — „высовывает (наружу)“, дае — „орешник“, зае — „кизильник“ и т. д.

В кабардинском языке существует еще живой звуковой закон слияния кратких гласных двух соседних слогов, разделенных между собою неслоговыми (полугласными) «й» и «у» в один долгий гласный. Этот закон в полном виде не проводится в адыгейском языке. Однако в живом нелитературном произношении случаи такого слияния можно наблюдать и в адыгейском. В особенности часто оно имеет место, повидимому, в двух слогах, непосредственно предшествующих ударному.

Таблица возможного образования долгих гласных

$$\begin{array}{l} \left. \begin{array}{l} ы \\ э \end{array} \right\} + йы (и) = и \\ \left. \begin{array}{l} ы \\ э \end{array} \right\} + йэ = е. \end{array} \quad \begin{array}{l} э + \left\{ \begin{array}{l} у (уы) \\ о (уэ) \end{array} \right\} = о \\ ы + \left\{ \begin{array}{l} у (уы) \\ о (уэ) \end{array} \right\} = у \end{array}$$

Например:

сэбгъэирэп	сет
ты меня заставляешь не мазать	меня дари ему
фэбгъэдырэп	еумыгъаж
ты для него его заставляешь не застывать	не заставляй его ждать
сыбгъэдэирэп	къысфэумьд
ты меня заставляешь быть не- плохим	(произносится: къысфомьд) ты не соглашайся со мной

къих	сыкъэубыт
вынь изнутри	лови меня
къет	щумын (произносится: шумын)
дари ему сюда	не покидай
сит	шыумаф (произносится: шумаф)
стою внутри	счастливый всадник
сабий (произносится: сабий)	
ребенок	
къарыу (произносится: къаруу)	
сила	и т. д.

Во всех этих случаях в адыгейском языке, в отличие от кабардинского, можно параллельно произносить вместо долгого гласного — сочетание двух кратких гласных двух разных слогов. В литературном языке в связи с отдельной орфографией этих слогов теперь окончательно укрепилось в этих случаях неслитное произношение, т. е. обычно произносят два кратких слога вместо одного долгого гласного. В односложных же словах под ударением, как «къих» — „вынь изнутри“, «къет» — „дари ему сюда“, «сит» — „я стою внутри“, «сет» — „меня ему дари“ и т. д., мы имеем, повидимому, не слияние двух кратких слогов, а скорее выпадение краткого гласного перед последующим слогом (йы, йэ), сливающимся в долгую гласную в положении после согласного (см. выше стр. 431).

Настоящие долгие гласные, повидимому, не существовали первоначально в адыгейском языке. Они появились здесь отчасти в результате вышеуказанного слияния двух кратких слогов, отчасти же в результате усвоения новых для адыгейского гласных «и, у, о, е» из тех языков, слова которых исторически усваивались адыгейским. Все эти новые для адыгейского языка гласные не могли передаваться в нем существовавшими в адыгейском краткими гласными. Поэтому, данные гласные, в частности, русские гласные „а, е“ и „э, и, о, у“ передаются теми долгими гласными, которые в самом адыгейском языке возникли только в результате слияния слогов (см. стр. 427). В современном адыгейском произношении ясно слышна разница между долгими и краткими гласными, например:

Долгий гласный	Краткий гласный
дин	дын
религия (из арабского)	шить (нечто)
Тен	тэн
старинное название реки Дона	дарить (вообще)
суд ¹	суд
суд (из русского)	что?
топ ¹	тэп
пушка (из турецкого)	горящий уголь

В последнее время в адыгейский литературный язык стали проникать элементы бжедужского и шапсугского наречий. Из фонетических законов этих диалектов, которые оказывают влияние на современный литературный язык, можно упомянуть следующий: всякое «ы» в концах именных основ перед следующим суффиксом прямого падежа определенного склонения «-р» переходит в краткий гласный «э». Что этот переход имеет фонетическое, а не морфологическое значение, доказывается тем, что тот же краткий гласный «ы» перед суффиксом косвенного падежа определенного склонения «-м» сохраняется.

¹ Соответственных долгим „о, у“ лабиализованных кратких гласных в положении после нелабиализованных согласных в адыгейском языке нет.

Неоформленное имя	Прямой падеж определенного склонения	Косвенный падеж
щыфы человек	щыфэ-р	щыфы-м
шъуз женщина	шъузэ-р	шъузы-м
трактор трактор	тракторэ-р	тракторы-м
председатель председатель	председателэ-р	председатели-м

и т. д.

Формы с бжедужской огласовкой можно встретить в современном адыгейском литературном языке на ряду с традиционными темиргойскими: щыфыр — „человек“, шъузыр — „женщина“, тракторыр — „трактор“, председателыр — „председатель“.

Подводя итог всему сказанному об отдельных звуковых законах адыгейского языка, мы можем сделать один общий вывод, что в адыгейском звуковые законы строго ограничены рамками сематических (морфологических) границ. Одни звуковые законы распространяются лишь на префиксы, но не имеют места в суффиксах. Другие звуковые законы, наоборот, имеют силу для суффиксов, но не действительны для префиксов. Наконец, третьи звуковые законы применяются лишь в основах. Таким образом, звуковые законы в адыгейском языке обычно не имеют всеобщего характера, они подчинены делению адыгейского слова на семы, подчинены влиянию сематических границ в составе слова.

Перечень отдельных фонем адыгейского литературного языка

Мы приводим ниже перечисление всех согласных и гласных фонем (самостоятельных звуков) адыгейского литературного языка. По каждому звуку дается краткое его научное определение — место и способ произнесения (ср. таблицу согласных фонем, стр. 426, и гласных фонем, стр. 428), а также приводятся в качестве примеров слова, в которых данная фонема встречается в различных положениях (в начале, середине и конце слова):

Согласные

Сонорные, или согласные, произносимые с помощью чистого голоса (музыкального тона):

1.	м	Сонорный носовой, произносимый со смыканием губ:		
			мэлы	Умар
			овца	Умар
				урам
				улица
2.	н	Сонорный носовой, произносимый с упором языка в зубы:		
			нэ	унэ
			глаз	дом
				бын
				семья

Вибранты, т. е. согласные, произносимые с помощью периодического дрожания органа речи:

3. р Передне-твердонебный звонкий вибрант. В древних адыгейских словах в начале основ не встречается:
рам	быракъ	пщэр
рама	знамя	жирный
4. хь Задне-мягконебный (увулярный) глухой вибрант:
хьы	лъахъэ	бэджыхъ
сеть	путай (лошадь)	паутина
5. хьу Задне-мягконебный вибрант, произносимый с выдвижением губ вперед (лабиализованный):
хьу	быхьу	лъыхьу ¹
самец	широкий, свободный	ици

Спиранты или согласные, произносимые с помощью дующего шума, путем образования щели между органами речи:

6. в Губно-зубной звонкий спирант. Встречается только в словах, недавно усвоенных из других языков, преимущественно — из русского, чаще в начале слов:
винт	вагон	верст
винт	вагон	верста
7. ф Губно-зубной глухой спирант:
фы	фабрик	мафэ	фэмыф
гони	фабрика	день	флегматич- ный
8. з Зубной звонкий свистящий спирант:
зае	мэзы	къаз
кизил	лес	гусь
9. с Зубной глухой свистящий спирант:
сэ	гьусэ	ис
я	спутник	сиди внутри
10. л̥ Глухой (безголосый) спирант типа „л“ мягкого, произносимый с закрытой гортанью и выталкиванием воздуха из полости рта, а не из грудной клетки, т. е. с надгортанным выдыханием:
л̥ы	зыл̥ы	ещал̥
мужчина	один мужчина	вплотную подвези

¹ В этом и подобных случаях знак ударения показывает, что слово произносится без слогового гласного «у» на конце, т. е. с неслоговым конечным «у» или знаком лабиализации конечного согласного.

11. л Звонкий *спирант* типа „л“ мягкого, произносимый с шумом (спирант):
лы	мылы	кьамыла
мясо	лед	зурна
12. лъ Глухой *спирант* типа „л“ мягкого, произносимый с шумом и обычным выдыханием из грудной клетки:
лъы	Іәлын	Іәльмәкъ	псалъ
кровь	кольцо	сумка	слово
13. шлу Передне-твердонебный глухой шипящий *спирант* с надгортанным выдыханием и выдвижением губ вперед (лабиализация):
шлу	машю	шъуашлу
хороший	огонь	поправившийся, полный
14. жъу Передне-твердонебный звонкий шипящий *спирант* с выдвижением губ вперед (лабиализация):
жъо	жъуагъо	гъэбэжъу	егъажъу
паши	звезда	обильный урожай	заставляя его пахать
15. шъу Передне-твердонебный глухой шипящий *спирант* с обычным выдыханием из грудной клетки и выдвижением губ (лабиализация) вперед:
шъо	ошъу	кІашъу
кожа	град	потолок
16. шІ Передне-твердонебный глухой шипящий *спирант* с надгортанным выдыханием:
шІы	гъэшІэгъоны	фэшІ
делай	интересный	закрой
17. жъ Передне-твердонебный звонкий шипящий *спирант*:
жъы	ыгъэжъагъ	иныжъ
старый	изжарил	великан
18. шъь Передне-твердонебный глухой шипящий *спирант*:
шъэ	мышъэ	дышъь
сто	медведь	золото
19. жъь Средне-твердонебный звонкий мягкий шипящий *спирант*:
жъы	лажъэ	лажъь
рано	работай	горе
20. шъь Средне-твердонебный глухой мягкий шипящий *спирант*:
шъэ	лъащэ	бэщ
молоко	хромой	палка
21. ж Средне-твердонебный звонкий твердый шипящий *спирант*:
жэ	ужы	ыж
рот	след	его рот

22. ш Средне-твердонебный глухой твердый шипящий спирант:
шэ	машин (произн.:	ыш
нутряное сало	машын)	его брат
	машина	
23. г Задне-твердонебный звонкий хрипящий спирант:
гыны	пагэ	чбыгы	ыцаг
порох	гордый	дерево	его ребро
24. х Задне-твердонебный глухой хрипящий спирант:
хы	ыхан	Іых
шесть	его шестая часть	бери
25. ху Задне-твердонебный глухой хрипящий спирант с выдвиганием губ вперед (лабиализация). Встречается редко только после шипящих:
шхо	стольшху
большой	большой стол
26. гь Задне-мягконебный звонкий хрипящий спирант:
гьы	тыгьэ	псагь
плачь	солнце	мишень, цель
27. гьу Задне-мягконебный звонкий хрипящий спирант с выдвиганием губ вперед (лабиализация):
гьу	лъэгьу	лъагьу
вялься, сохни	видь	тропа
28. хь Надгортанниковый глухой спирант. Произносится у выхода из гортани между надгортанником и верхним краем гортани:
хьэ	кыхьэ	Іахь
собака	длинный	доля, часть

Согласные, переходные к гласным („полугласные“):

29. й Средне-твердонебный мягкий звук типа неслогового „и“ с междусвязочным звонким хрипящим шумом, производимым между голосовыми связками:
и(=йы)	йй (=йай)	май	льай
восемь	их, ихний	май	ноговицы, гетры
30. у Межгубной звук типа неслогового „у“ с междусвязочным звонким хрипящим шумом и выдвиганием губ вперед (лабиализация):
уан	лъэой (лъэуэй)	лъау
седло	лестница	инструмент для кровопускания

Примечание. Кроме того, буква «у» служит для лабиализации предшествующего согласного в том случае, если лабиализованный согласный находится в конце слова или перед согласным.

Мгновенные, т. е. звуки, произносимые с помощью мгновенного шума, путем полного смыка и затем отворота органов речи:

31.   пІ   Губно-губной глухой мгновенный с надгортанным выдыханием:
пІэ	дыпІэ	сапІ
место	шов	ножны
32.   пІу   Губно-губной глухой мгновенный с надгортанным выдыханием и выдвижением губ вперед (лабиализация):
пІо (пІуэ)	ыупІуагъ	шъхъэтэпІу
скорлупа	выпотрошил (о рыбе)	покрывало
33.   б   Губно-губной звонкий мгновенный:
бэ	сабын	щэрэб
много	мыло	пузырь
34.   п   Губно-губной глухой мгновенный с придыханием:
пэ	кІапэ	сап
нос	курдюк	пыль
35.   тІ   Зубной глухой мгновенный с надгортанным выдыханием:
тІы	ятІэ	итІ
копай	глина	его баран
36.   тІу   Зубной глухой мгновенный с надгортанным выдыханием и выдвижением губ вперед (лабиализация):
тІу	ятІонэрэр	тІитІу
два	второй	два кочкаря (барана-производителя)
37.   д   Зубной звонкий мгновенный:
ды	еды	Іад
шей	шьет	щипцы
38.   т   Зубной глухой мгновенный с придыханием:
ты	табэ	пытэ	мат
дари	сковорода	крепкий	корзина
39.   кІ   Задне-твердонебный глухой мгновенный типа „к“, с надгортанным выдыханием. Наблюдается только в единичных словах, после шипящих и свистящих:
- шкІэ (произносится: шк-Іэ)
теленка до одного года
40.   кІу   Задне-твердонебный глухой мгновенный типа „к“ с надгортанным выдыханием и выдвижением губ вперед (лабиализация):
кІо	шакІо	чырыкІу
иди	охотник	род съедобного корнеплода

41. гу Задне-твердонебный звонкий мгновенный с выдвиганием губ вперед (лабиализация):

гу	дэгү	фыгу
сердце	глухой	пшено

42. к Задне-твердонебный глухой мгновенный, встречается в усвоенных интернациональных и русских словах:

кино	селькор	фабрик
кино	селькор	фабрика

43. ку Задне-твердонебный глухой мгновенный с выдвиганием губ вперед (лабиализация) и придыхательностью:

ку	цако	сэку
арба, экипаж	тупой (о лезвие)	грива

44. къ Задне-мягконебный глухой мгновенный с подгортанным выдыханием и придыхательностью:

къэ	пакъэ	лъэпкъ
могила	коротконосый	род, порода; народ, сословие

45. къу Задне-мягконебный глухой мгновенный с таким же выдыханием, придыхательностью и выдвиганием губ вперед (лабиализация):

къо	лъакъо	лакъу	мэкъу
сын	нога	фамилия	сено

46. І Мгновенный, произносимый между голосовыми связками (типа гамзы):

Іэ	чъыІэ	еІ
рука, кисть руки	холод	затрагивай

47. Іу Мгновенный, произносимый между голосовыми связками с выдвиганием губ вперед (лабиализация):

Іо	даІо	кІуІу
баз	слушай	пуговица

Аффрикаты, или согласные, состоящие из слияния элементов мгновенного и спиранта, произносимые с помощью шума, образуемого смыкающимися и открываемыми затем в одну местную щель органами речи:

48. цІ Зубная глухая свистящая аффриката с надгортанным выдыханием:

цІэ	папцІэ	мацІ
имя	остроконечный	саранча

49. дз Зубная звонкая свистящая аффриката:
дзэ	бэдзэ	кьэдз
войско	муха	кидай сюда
50. ц Зубная глухая свистящая аффриката с придыханием:
цэ	цацэ	льэгуц
волос, шерсть	вертел	место под навесом крыши вокруг дома
51. дву Зубная звонкая шипящая аффриката с выдвижением губ вперед (лабиализация); употребляется только в единичных словах:
дзо	ыдзуагъ	хьандзу
заваливай, запруживай	он запрудил	скирд
52. цу Зубная глухая шипящая аффриката с выдвижением губ вперед (лабиализация):
цу	уцу	псыцу
вол, бык	стой	буйвол
53. кІ Средне-твердонебная глухая мягкая шипящая аффриката типа „ч“ с надгортанным выдыханием:
кІэ	макІэ	зэІукІ
хвост	немного	съезд, собрание
54. дж Средне-твердонебная звонкая мягкая шипящая аффриката:
джан	бэджэ	тэдж
рубашка	лиса	вставай
55. ч Средне-твердонебная глухая мягкая шипящая аффриката с придыхательностью:
чэ	таучэл	чан	ыч
селезенка	щедрый	острый	его селезенка
56. чІ Средне-твердонебная, глухая твердая шипящая аффриката с надгортанным выдыханием.
чІы	гьучІы	щэІьачІ
земля	железо	дно ведра
57. чь Средне-твердонебная глухая твердая шипящая аффриката с придыхательностью:
чьэ	кьичьыгъ	льэрычь
беги, скачи	выбежал	коньки

Краткие, т. е. такие, которые нельзя продлить

1.   ы   Краткий гласный верхнего подъема:

ып	мы	джы	ку (куы)	Ыгъ
его нос	дикое яблоко	сучи (нить)	сердцевина	держи

2.   э   Краткий гласный среднего подъема, в начале слов не встречается:

мэ	джэ	ко (куэ)	Іэ
запах	кричи	бедро, ляжка	кисть руки

Долгие, т. е. такие гласные, которые могут произноситься протяжно:

3.   а   Долгий гласный нижнего подъема:

ан	адыгэ	макІо
мать	черкес	идет
гъуан	насып	окІуа?
нора	счастье	ты идешь?

4.   е   В начале слога — краткий йотированный гласный (йэ). После согласных — долгий „мягкий“ (передний) среднего подъема; встречается по большей части в усвоенных из других языков словах или образуется из слияния двух кратких слогов:

едж	неп	тес	мые	телефон
зови; учишь;	сегодня	стоит (над	яблоня	телефон
читай		чем-нибудь)		
				революции
				революция

5.   и   В начале слога — краткий йотированный гласный (йы). После согласных — долгий мягкий (передний) гласный верхнего подъема; чаще всего встречается в усвоенных из других языков словах; в адыгейском получается из слияния двух кратких слогов:

ины	мин	сит	кино	щэи
большой	тысяча	я стою	кино	бурьян,
		внутри		направь
				(туда)

6.   о   В начале слога — краткий вавированный гласный (уэ); после согласных — долгий „твердый“ (задний) гласный среднего подъема с выдвиганием губ вперед; большей частью встречается в усвоенных из других языков словах; в адыгейском образуется из слияния двух кратких слогов:

о	топ	совет	контор	дыо
ты	пушка	совет	контора	пиявка

7. у

В начале слога — краткий вавированный гласный (уы); после согласных — долгий „твердый“ (задний) гласный верхнего подъема, с выдвиганием губ вперед; большей частью слышится в усвоенных из иных языков словах. В адыгейском образуется из слияния двух кратких слогов:

унэ	суд	лул	Шумаф	реу
дом	суд	куритель-	Счастли-	вдевает
		ная трубка	вый всад-	
			ник (соб-	
			ственное	
			имя)	

Примечание. Кроме того, буквы «о» и «у» служат для обозначения лабиализации предшествующего согласного в том случае, если за лабиализованным согласным следуют краткие гласные, соответственно «э» и «ы».

Сверх того, в современном адыгейском письме употребляются буквы, служащие для обозначения йотированных гласных „я“, „ю“, которые в адыгейском служат для обозначения долгих йотированных слогов — соответственно: «йа, йу»:

ян	заявление	сяпльы	дзя?	статья	революция
его мать	заявление	я смотрю на них	плохо ли?	статья	революция
Юныс					
Юнус					

ОБРАЗЦЫ АДЫГЕЙСКИХ ТЕКСТОВ

ПАРТИЕМРЭ ПРАВИТЕЛЬСТВЭМРЭ ЯРУКОВОДИТЕЛЬХЭР ХЭТХЭУ ТАДЖИКИ-СТАНРЭ ТУРКМЕНИСТАНРЭ ЯКОЛХОЗНИК ЫКИ ЯКОЛХОЗНИЦЭ ПЭРЫТХЭМЭ ЯЮГЪЭ СОВЕЩАНИЕМ ДЕКАБРЭМ И 4-М 1935-РЭ ИЛЪЭСЫМ ТОВ. СТАЛИНЫМ КЪЫЩИУАГЪЭР

Товарищхэр! Мы совещанием ипрезидиумы пкыгъуитлу ягугъу кышъуфэспынау сэ спшъэ кырыльхъагъ:

Апэрэр, зэклэ мы совещанием хульфыгъэу ыкля бзыльфыгъэу хэтхэмэ, отличнэу зэрэлэжъагъэхэм пачэ, анахъ наградышхор—орден—къаратыным клэльэунэу президиумым гухэль зэрилар ары. *(Лъэшэу бэрэ лэгу еох. „Урал“—аюу зэрэгъаджэх. „Товарищ Сталиныр орэпсау!“—аюу кыхэджыкых. Партиемрэ правительствэмрэ яруководительхэмэ къафэгъэзагъэу бэрэ ование ашлы ыкли приветствиехэр къарахыхэу кыхэджыкых.)*

Ятлонэрэр, зицлыф мыщ къеклолэгъэ колхоз пэпчы грузовик зырыз ятыгъэнэу, ыкли мы совещанием хэты пэпчы пластинкэхэр игъусэу патефон зырызрэ *(лэгу еох)* сыхъатрэ: хульфыгъэмэ — джыбэ сыхъат, бзыльфыгъэмэ — лашъэ сыхъат ятыгъэнэу правительствэм зэриухыгъэр ары. *(Бэрэ лэгу еох.)*

Сэ зыгорэ къэслон фаеу, пстэуми кысаю.

Тэрэз! — аюу кыхэджыкых *(лэгу еох)*.

Сыд мыщ кыщыпложына? Зэклэ къалогъах.

Хлопокымклэ шъуилоф зэрэклоштыр, нафэ. Зэклэ мыщ шыхъурэм, ар къегъэлагъэ. Шъуиколхозхэмэ ахэхъо, юф шъушлэ шъушлоигъу, машинэхэр кышъоттын, удобрениер кышъулэклэхъэн, сыд фэдэ лэпылэныгъэу шъуэщыклары, — тов. Молотовым, Совнаркомым ипредседателы, ащ игугъу кышъуфишыгъ, — жъугъотын. Зэрэхъурэмклэ, хлопокымклэ шъуилоф клошт ыкли фэшлыгъэ шылакэми зеушъомбгъу.

Ау, товарищхэр, хлопокым нахы нахъ уасэ илэу зы юфыгъэ шы! — ар тихэгъэгу инародхэмэ язэблэгъэныгъ. Тихэгъэгушхо инародмэ язэблэгъэныгъэ пытэ зэрэхъурэр мы совещанием, шъуигущылэхэмэ, шъуилофхэмэ къаю. Мыр мэхъанэшхо зилэ юфэу, бэ къэзгъэлагъэу шыт, товарищхэр. Зэманьжыым, тихэгъэгу властыр пачыхъэм, капиталистэхэмэ, помещикхэмэ залыгъым, правительствэм иполитикэ зытетыгъэр, зы народым — урыс народым — тетыгъор иеу, зэклэ адрэ народхэр ащ иларышлэхэу пытыгъэхэу ышлынхэр арыгъэ. Ар хъэклэ-къоклэ, тыгъужь политикэу шытыгъ. 1917-рэ илэсым иоктябрэ, Пролетарскэ революциешхом зызеубгъум, пачыхъэр, помещикхэр ыкли капиталистэхэр зытетэфым, мыщ щегъэжъагъэу тетыгъор яеу народхэри, ащ афэларышлэу народхэри шылэжынынхэу зэрэмыхъуштыр, народхэр зэфэдэхэу ыкли шъхъафитхэу зэрэщытынхэ фаер, тиучителэу, тятэу ыкли типлуаклоу шыт Ленинышхом ылогъагъ. Ащыклэ пачыхъэ, буржуазнэ политикэжъыр пхэмбаим дилъхы,

политикаклар, большевистскэ политикэр — тихэгъэгу инародмэ язэблэгъэныгъэ иполитикэ, язэкъошыныгъэ иполитикэ кыгъэуцугъ.

Ащ кыщегъэжагъэу илъэс 18 блэкыгъ, ыкӀи марышы, мы политикэм результатышӀухэр тилэ хъугъахэх. СССР-м инародмэ азфагу цыхъэ зэфэмышыныгъэу илыгъэм Ӏаджи шӀагъэу клэ фэшӀыгъахэу, цыхъэ зэфэмышыныгъэр цыхъэ зэфэшӀыныгъэ икӀукӀэ зэблэхъугъэу зэрэхъугъэу, СССР-м инародхэмэ язэблэгъэныгъэ хахъоу ыкӀи пытэ зэрэхъурэм, мы совещаниер ащ ишыхъат гъэнэфагъэу щыт. Ар, товарищхэр, большевистскэ национальнэ политикэм кытитыгъэмэ ащыцӀэу анахь уасэ зиӀэр арэу щыт.

СССР-м инародхэмэ язэблэгъэныгъэ — инэу ыкӀи мэхъанэшхо зиӀэ кыдэтхыгъэ Ӏофэу щыт. Сыда Ӏомэ, мы зэблэгъэныгъэр щӀэлэфӀкӀэ, тихэгъэгу инародхэр шъхъафитыщтых ыкӀи хэти къатекӀон ылъэкӀыщтӀэп. Хэти, хэгъэгу кӀоцӀӀ пыйхэри хэгъэгу кӀыб пыйхэри, тэрыкӀэ шынагъоп, мы зэблэгъэныгъэр щӀэлэфэу опсэуфӀкӀэ. Ащ шъуемыхъэрэхъышӀэжъ, товарищхэр.

(*Овацие ин, зэкӀэ хэтхэр къэтӀджых, „Сталиным — ура!“ — аӀоу къыхӀӀэджыкӀых.*)

РЕЧЬ ТОВА. СТАЛИНА НА СОВЕЩАНИИ ПЕРЕДОВЫХ КОЛХОЗНИКОВ И КОЛХОЗНИЦ ТАДЖИКИСТАНА И ТУРКМЕНИСТАНА С РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА 4 ДЕКАБРЯ 1935 г.

Товарищи! Президиум настоящего совещания поручил мне заявить вам о двух вещах:

Во-первых, о том, что у президиума имеется намерение представить к высшей награде — к ордену всех участников и участниц данного совещания — за отличную работу. (*Продолжительные бурные аплодисменты. Крики „ура“. Возгласы: „Да здравствует товарищ Сталин!“ Продолжительная овация и приветственные возгласы по адресу руководителей партии и правительства.*)

Во-вторых, о том, что у правительства имеется решение дать по грузовику каждому колхозу, представленному здесь, и преподнести каждому из участников совещания по патефону с пластинками (*аплодисменты*) и часы: мужчинам — карманные, а женщинам — ручные. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Мне говорят отовсюду, что я должен кое-что сказать.

Возгласы: Правильно! (Аплодисменты.)

Что тут сказать? Все сказано.

Очевидно, что дело с хлопком у вас пойдет. Это видно из всего того, что у нас здесь происходит. Колхозы у вас растут, желание работать имеется, машины дадим, удобрение получите, помощь всякая, какая только необходима, — тов. Молотов, председатель Совнаркома, уже заявил вам об этом, — будет оказана. Стало быть, дело с хлопком у вас пойдет и зажиточная жизнь разворачивается.

Но есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок — это дружба народов нашей страны. Настоящее совещание, ваши речи, ваши дела говорят о том, что дружба между народами нашей великой страны укрепляется. Это очень важно и знаменательно, товарищи. В старое время, когда у власти в нашей стране стояли царь, капиталисты, помещики, политика правительства состояла в том, чтобы сделать один народ — русский народ — господствующим, а все другие народы — подчиненными, угнетенными. Это была зверская, волчья политика. В октябре 1917 года, когда у нас развернулась Великая пролетарская революция, когда мы свергли царя, помещиков и капиталистов, великий Ленин, наш учитель, наш отец и воспитатель сказал, что не должно быть отныне ни господствующих, ни подчиненных народов, что народы должны быть равными и свободными. Этим он похоронил в гроб старую царскую, бур-

жуазную политику и провозгласил новую, большевистскую политику — политику дружбы, политику братства между народами нашей страны.

С тех пор прошло 18 лет. И вот, мы имеем уже благие результаты этой политики. Настоящее совещание является ярким доказательством того, что былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец, что недоверие сменилось полным взаимным доверием, что дружба между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика.

А дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует. Можете не сомневаться в этом, товарищи.

(Бурная овация, все присутствующие встают, возгласы: „Сталину — ура!“)

(„Правда“ № 335 (6581) от 6 декабря 1935 г.)

Т Е У Ч Е Ж Ц У Г

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ „ВОЙНА ПРОТИВ КНЯЗЕЙ И ДВОРЯН“¹

(Начало поэмы)

Пщы-орк зау

С князьями-дворянами война

Дунэежъым изэрэщытыгъэ щымыгъуазэм,
Мир старый каким был, кто не знает,

ДунэякIэм щыгъозэгъуае фэхъущт.
мир новый понять трудно тому будет.

Джырэ тидунай дышъэзэрыбл,
Нынешний наш мир золотом унизан,

Къытэлыжъэу насыпыр тIэ илъ,
в избытке счастье в нашей руке лежит,

Илъэс лъэубэкъухэр тфимыкъоу
в год шагов нам не хватая,

Мафэ къэс тыбакъоу тыублагъэ.
день каждый шагать мы начали.

ГушIогъошхоу тэ тызхэтым
Большой радости, мы в которой находимся,

Епэсыгъэ уасэ фепшыным пае,
достойную цену этому чтобы (тебе) дать,

Ипэурэ зэманьжъэу тыкъызэрыкIыгъэр
прошлое время старое, откуда мы вышла,

Зэрэщытыгъэр пшIэн фае.
каким было тебе знать надо.

«Ер зымыльэгъугъэм шIур ышIэрэп» —
„Беду кто не видел, тот счастья не знает“ —

зэраIоу,
как говорят,

ЛэжьэкIо тхьамыкIэхэмэ дунэежъым
на тружениках бедных в старом мире

¹ Перевод дословный.

Жьалмагъэу, тхьэмыкIэгъуабэу
жестокости, бедствий множества

Бжьы хьылъу ателъыгъэр зымылэгъугъэу,
яро тяжелое, на них лежавшее, кто не видел,

Октябрэ тыгъэшхом кьыдэтэджыгъэ
Октября с солнцем великим вместе поднявшаяся

Джырэ тикIэлэ насыпэшIохэм,
нынешняя наша счастливая молодежь,

ЯзэхэшIыкI ащ фамыгъэгъуазэмэ,
ее сознание со (всем) этим не ознакомить если,

ГушIогъошхоу зыхэтхэм идэхагъэ,
великой радости, в которой они находятся, ее красоту,

Насыпышхоу алэгу илъым илэпIагъэ,
счастья великого, в их руке которое лежит, его цену, —

ЛьыкIагъахъэу, фэшъуашэм епэсыгъэу
законченную, по заслугам достойную

Уасэ фашIын алъэкIыщтэп.
цену определить не смогут они.

Бэ згъэшIагъэу сэ сылIыжъэу,
Много прожившим я стариком будучи,

Ижьырэ дунаем есэлъыты,
со старым миром сравниваю [я]

Джырэ тидунай дахэ сыхаплъэ,
нынешний наш мир красивый я рассматриваю,

Хьохъоу есIуалIэрэ сшIомакI,
поздравление, которое я ему говорю, для меня скудно.

Ныбжьэу згъэшIэжьыщтыр сшIокIаку,
Годы, которые я проживу, мне кажутся краткими,

Нэку-нэпсэу насыпышхом сегъэгущIо.
до слез на глазах счастье великое меня радует.

Сижышъхъэ лIыжъ од кьысаIо,
В пору моей старости, (что я) старик худощавый говорят мне,

Сызгъэодэу, лы стезымыгъахъорэ,
то, что заставляет меня худеть, то, что не дает (моему) телу полнеть:

Дунэежым жьалымэу тетыгъэхэмэ,
в мире старом извергами те, кто были,

Ягухъэ-гужъэу, ягужъ-гупшысэу
[против н]их старая злоба, [о н]их старые думы,

Сыгу кьафитэджэжъхэрэ ары.
в моем сердце то, что против них опять встает — это (есть).

Сызымыгъэзэгъэрэ кьэбарыжъмэ ащыщэу,
Из тех, что мне не дают покоя, историй старых,

Пшы-оркьыжъхэмэ яжьалымагъэу,
князей-дворян старых их зверство,

ТхьамыкIагъоу лэжьакIохэм ателъыгъэр,
бедность на трудящихся (все) то, что лежало,

КьыуигъэшIэжьынэу зы хъэбар,
которая даст это понять, одну историю

Джырэ таклалэхэм кышыуфэслотэн.
нынешней нашей молодежи, вам я расскажу.

„Оркыж хьадэр блэ мэбэгы“ — агуагъ,
«Дворянина старого труп семь раз пухнет» — сказали,

Ащ фэдэшъ, яхьэбари бэу бэгышт,
этому подобно и их история много [т. е. сильно] вспухнет,

Шъудэмышъхьэхэу шыукъедэу.
не лентясь выслушайте вы ее.

А Ш М Э З ¹

А Ш Е М Е З

(из адыгейского нартовского эпоса)

Ащмэз цыкыу жыеу, ятэ Лъэгуцжаклэр
Ашемез малым маленьким когда был, его отца Тлегуцжаче
ылоу зы пелуан горэм кыукуыгъагъ. Пелуаныр чыжьэ
называющийся один богатырь какой-то убил. Богатырь далеко
хьэзэрэу цалагъ апэчыжьэу. Ащмэзым янэ шыуз дэгъугъэти,
довольно жил от них вдалеке. Ашемеза его мать женщина так как
Ащмэзым ятэу къаукыгъэм ишыхэри, ила-
была хорошая, Ашемеза его отца, который был убит, его коней, его
шэхэри, икхонтхьэу къэнагъэхэри чыунэ горэм,
оружие, его доспехи, оставшиеся в подземный дом какой-то, для
фэшлы шыгъэу, чыгъэудохэешъ, щаригъэгъэылыгъэх.
этого его сделав, их поставивши, там их заставила положить.

Аузэ Ащмэзэр тыкыыр хьэзэрэу къэхъуи, клалэмэ клэн²
Так Ашемез кусок достаточный вырос и с мальчиками в альчики²
адешлэнэу ыгъэчэфын ыгу хэльэу —
чтобы играть, (мальчика) чтобы потешить, в своем сердце кладя, [думая] —
дышъэ клэнхэр фаригъэшлыгъагъэх янэ. Кралэм еплорэ
золотые альчики для него заставила сделать мать. Мальчик то, что ему
дэгъоу зэхышыкыны хьугъэу: „Нартмэ яклалэмэ
говоришь, хорошо понимать ставшим: „Нартов с их юношами
клэн уадемышл сиклал“, — ылоу янэ Ащмэзым
в альчики ты вместе не играй, мой сын“, — говоря, его мать Ашемезу
унашъо фишытыгъ, адримыгъашлэуи, ильэс
приказ делала, с ними его заставила не играть и потом лет
пчъагъэ ыхьыгъ. Нартхэр жэмыланэу зэрэщытым пае,
число прошло. Нарты не таящимися что являются, из-за того,
кларэхэр шыхьэгъу фэхъумэ, — „Зыгорэ кыралон“, —
юноши придираться если станут, — „Одно что-нибудь ему скажут“, —
ылоты шыщтахыщтыгъ. Анахьылоу зыфащтэтыгъэр, — Лъэ-
говоря она боялась. Больше всего то, чего она боялась, — Тле-
гуцжаклэм Ащмэзым ятэ зэриукуыгъэр, кырауакъомэ, —
гуцжаче Ашемеза его отца что убил, вдруг если они ему скажут, —
ылоу арыгъэ. Аузэ зы мафэ горэм нартмэ яклалэмэ
говоря это (было). Так, в один день какой-то нартос с их юношами

¹ Непоследовательная запись по бжедухскому диалекту из материалов Адыгейского института культурного строительства.

² Альчики — клэнхэр — косточки из коленного сустава передних ног барана. Игра в альчики, национальная игра мальчиков у адыгейцев, сохранилась до сих пор. Альчики ставят на землю и с известного расстояния бьют битой — кыуашкI, — которая берется из того же сустава крупного рогатого скота.

Ащмэзыр кӀэн адешлагъ. Ащмэзым икӀэнхэр дышъэ
Ашемез в альчики с ними вместе играл. Ашемеза его альчики золотыми
кӀэнхэти, нартымэ якӀэлэ кӀуеу кӀэн
альчиками так как были, нартов их юноша паршивый, в альчики с которым
кӀыдешлагъэм дышъэ кӀэныр шӀуихыгъагъ.
вместе он играл, золотые альчики против него выиграл.

ЗэрэшӀуихыгъэр, Ащмэзым шӀошъхъакӀоу хӀуи,
То что он против него выиграл Ашемезу против него обидой ставши,
нартымэ якӀэлэ кӀуй:
и нартов их юноше паршивому:

„СикӀэнхэр кӀысэтыжъ“, — ыӀуи шыхъагъ.
„Мои альчики мне дай обратно“, — сказав придрался.

КӀэлитӀур зэщыхъагъэу зэхъум, Ащмэзым янэ
Юноши два поспорившими когда стали, Ашемеза его мать, то, чего
зэнэгуегъагъэр — „ЛӀэгуцжакӀэм Ащмэзым ятэ зэриукӀыгъэр
она побоялась — „Тлегуцжаче Ашемеза его отца что он убил,
нарт кӀалэмэ Ащмэзы кӀыраӀуакъомэ“, — ыӀоу,
нартовские юноши Ашемезу если они ему вдруг скажут“, — сказав,
арыти, нартымэ якӀэлэ кӀуи риӀуагъ Ащмэзы:
это так как было и, нартов их юноше паршивому ему сказал Ашемез:
„УсыукӀын, сикӀэн кӀысэмытыжъымэ“, — ыӀуишъ, — „Сэ
„Тебя я убью, мои альчики мне если не отдашь обратно“, — сказав, — „Меня
сыуукӀын нахъи, уятэ зыукӀыгъэр уукӀыжъымэ
тебе убить чем, твоего отца того, кто убил, если ты убьешь,
орыкӀэ нахъышӀу“, — ыӀуагъ.
для тебя лучше“, — сказал.

— „Тятэ аукӀыгъэшъ ара?“, — ыӀуишъ Ащмэзыр лӀэшэу кӀыгъэ-

— „Папу они убивши разве так?“, — сказав, Ашемез сильно взвол-
псынӀагъ. Ащмэзыр кӀалэй шъхъай, лӀыгъэ
новался. Ашемез юношей бывши хотя и, мужество в нем
хэлъы хъунэу, шъхъакӀори иӀэти кӀэныр кӀыкӀитэкӀуи,
лежащим [станет] будучи, и честь имел так как, альчики бросив и,
ядэжъы кӀэкӀожьынэу зэхъум, кӀэлэ кӀуер
к себе [домой] возвратиться нужно когда стало, юношу паршивого
ригъэзыгъ:
припер [к стене]:

— „Тятэ зыукӀыгъэр кӀысаӀу“, — ыӀуишъ.

— „Нашего отца кто убил, мне скажи“, — сказав.

— „Сэ дэгъоу сшӀэрэп, ау уятэ зыукӀыгъэр дэгъоу уянэ

— „Я хорошо не знаю, но твоего отца того, кто убил, хорошо твоя
ешӀэ“.
мать знает“.

Ащмэз а чӀыпӀэм ядэжъы кӀэкӀожъи, яни
Ашемез в тот момент к себе [домой] пришел обратно и, его мать
ащэхъу хэмылӀэу кӀыриӀотэпти, Ащмэзы сымэджае зишӀыгъ.
так просто ему не скажет так как, Ашемез больным себя сделал
Янэ: „О си Ащмэз, симыгъо закӀу,
[притворился]. Его мать: „О, мой Ашемез, мой несчастный единственный,
сыд уилажъ“, — ыӀуишъ, зеупчӀым, — „Сыныбэ лӀэшэу
что у тебя за беда?“ — сказав, когда его спросила, — „Мой живот сильно
мэузы, тян“, — кӀыриӀуагъ. — „Сыд пшкын, сикӀэлэ
бслит, наша мать“, — ей сказал. — „Что тебе съесть, мой мальчик

закъу, сыд зыууплъхън“, — ыуишь, янэр зеупчым: единственный, что тебе в рот положить?“ — сказав, его мать когда его

— „Бэджны¹ стырым шьюу цынэ хэльэу спросила: — „Беджину¹ горячую с медом сырым в ней лежащим, згыотымэ, сыхэлэтыгъ“, — ыуагъ. Шэх дэдэу янэ бэджныэ я найду если, я взял бы“, — он сказал. Скоро очень его мать беджину стыр кыфиши, шьюу цынэри ащ кыхильхыишь, Іанэр горячую для него сделала и, мед сырой и в нее положив, круглый

кыызехым, кІалэм янэ кыэмыыстэу, столик для подачи еды принесла когда, юноша, его мать не севшей, шкэн ыдагъэп. КІалэм янэ кыгыэлыстыешь, янэ он есть не согласился. Юноша свою мать сесть заставив, его мать

бэджныэ стырым зыхалэм, Ащмэээр, етхъуишь янэ беджину горячую когда в руки брала, Ашемез, схватив своей матери ылашьхъэ шуиубытыкІи, бэджныэ стырым

ее кисть руки, против ее воли удержал [поймал] и в беджину горячую хилугъ. Ащ фэдэу егыэзыгъэ ымышымэ, ятэ всунул. Этому подобно принуждения если не сделал, его отца

зыукыгъэр кырымылонэу шытыти кто убил, она той, которая ему не скажет, является так как.

— „Тян, — ыуагъ, — ыдж тятэ зыукыгъэр кысэпшоцт, — „Наша мать, — сказал, — теперь, нашего отца кто убил, мне ты скажешь, ыуагъ. КызысымыокІэ, пызгыэстыкыт, — ыуагъ, — сказал. Если мне не скажешь, я заставляю обжечься, — сказал, — плэшхыитлу!“

твоих кисти рук две!“

— „Симыгъо закъу, сенэгуагъ: нартымэ якІалэмэ — „Мой несчастный единственный, я так и знала: нартов их юношей сэ сашъхъасыцтыгъэп, нартымэ якІалэхэр зэрэбзэгухъэм пае, я их не жалела, нартов их юноши что сплетничают, из-за того,

ыдж кыуауауагъэр кыуаясымыгъаюу, теперь тебе ими что сказано, что я заставив их тебе не говорить, нахь бао озгыэгъэшІэтгъагъэ, ау амал силэпышь, более долго я дала бы тебе жить, но возможности я не имею так как, сыл мэузышь, кыосІот. Уятэ зыукыгъэр,

мое тело болит так как, я тебе скажу. Твоего отца кто убил, есть ЛъэгуджакІ“ — ыуагъ. — „Ар тэдэ шы?“ — ыуи, еупчыгъ. Тлегуцжаче“, — сказала. — „Он где находится?“ — сказав, ее спросил.

ЧапІэу зыдэшыІэр чыжэй шъхъэй, кыыригъэуагъ.

Место где он находится далеко хотя, ее он заставил сказать.

— „Адэ тятэ заукым, шы-Іашэ кыкІэныгъэба?“ — — „Ну, нашего отца когда убили, коня-оружия не осталось разве?“ —

ыуи, зеупчым: — „Уятэ ишы-Іаши сказал и когда ее спросил: — „Твоего отца его конь-оружие и чыунэм чІэт“, — кыыриуагъ. „Джан-кущэрэхъри

в подземном доме стоит“, — ему она сказала. Джанское арбы колесо

ащ Іугъэльдагъэшъ, фылугъэчъынэп, и к нему подкачено так как, для (тебя) невозможно будет его откатить, сикІал, — ыуагъ, ЛъэгуджакІэми уекІодылІэн“, — ыуагъ. мой сын, — сказала, и от Тлегуцжаче ты погибнешь“, — сказала.

¹ Беджина — «бэджны» — род старинного кушанья (жидкая каша?) по объяснению некоторых, — просяной кисель (ср. осетинское: багъаны — пиво).

Ащмэзэр зэрэябгэр янэ ышлэтыгъэти, шыхьэтэиклыштыгъ.
Ашемез что он злой, его мать знала, так как она его ссерегалась.

Янэ ылэ кьыхихыжьи, шьоу цынэр ащ шифагъ.
Своей матери ее руку он вынул обратно и медом сырým ее помазал.
Шьоу цынэмклэ лэшхьэ стыгъэр ыгъэушынежьишъы,
Медом сырým кисть руки обожженную охладив [увлажнив],

Ащмэзэр кьикли, чьыунэм кьаклуи, джан-кущэрэхъэу
Ашемез вышел и в подземный дом придя, джанское арбы колесо,
зыфиуагъэр лэльэныкьоклэ
о котором они говорили, рукой одной [буквально: рук половиной]

Луигъэчы, ятэ ишы-лашэри
откатил и своего отца его коня-оружие и
кьычлищи ащыджэ зызэригъафи: — „Тян сыкъэмькложьми,
вывел и ими себя снарядив: „Наша мать, я не приду обратно

угу умэгъэгъу;
и если, не беспокойся (буквально: твое сердце не заставляя сохнуть);
сыпсаумэ, сыкъэкложьын сэ“, — ылуишь, шэсыгъэ.
я живым если (буду), обратно приду я“, — сказав, на лошадь сел.

Клалэр шэси, дэкли, Льэгуцжаклэм ихэгъэгу
Юноша на лошадь сел и выехал и Тлегуцжаче его страну
клэупчлэзэ, кьыхигъэщыгъ. Зы члаплэ горэм Льэгуцжаклэр
расспрашивая, нашел. В одном месте каком-то Тлегуцжаче

изакьоу щысыгъ; щысыгъэти, клалэр дахьи
одиноким жил; он жил так как, юноша [когда] заехал и
лэгум, — пчэдыжьым жы хьэзэрэу щытыгъ: „Льэгуцжаклэр
во двор, — утром перед рано довольно было: „Тлегуцжаче

иса?“ — ылуи джагъэ. Шьуз горэ кьиклышъи: „Еблагъ
дома?“ — сказал и крикнул. Женщина какая-то выйдя: „Заходи,
сиклал!“ — зелом: „Себлэгъэтэп, Льэгуцжаклэр исымэ,
мой юноша!“ — когда сказала: „Я не найду, Тлегуцжаче дома если,

кьысфигъэк!“ — рифуагъ. Пхъэшэхьэзэрэу
его ко мне вышли (заставь выйти)“ — ей он сказал. Грозно довольно,
Ащмэзым Льэгуцжаклэр кымьклымэ, ымыдэнэу,
Ашемез, Тлегуцжаче не выйдет если, что не согласится,

зелом, шьузыр Льэгуцжаклэм дэй ихьэешъ, Льэгуцжаклэр
когда сказал, женщина Тлегуцжаче к войдя обратно, Тлегуцжаче
кьыригъэклыгъ. — „Сыд плорэ ситъау? Еблагъэба!“ —
она его выслала. — „Что ты говоришь, мой парень? Заходи же!“ —

кьызелом, — „Себлэгъэтэп, орырэ сэрырэ тызэзэонэу
когда он ему сказал, — „Не найду, ты и я нам взаимно
зэуакло сыкъэклуагъ“, — ылуагъ.
биться чтобы, взаимно сражаться я сюда приехал“, — сказал.

— „А, сиклал о укьлэлащ зэогъу
— „А, мой юноша, ты молод слишком для супротивника,
тызэфэхьунэп“, — ылуи шьхьэеклэрэ
мы друг для друга не подойдем [не станем], — сказал и хотя,

— „Ар о уиофэп; сыууклымэ о укьэнэшт;
— „Это тебе не твое дело; меня ты если убьешь, ты останешься;
усыукьынклэ, умыштэрэмэ, тызэзэот“,
тебя я убью что, ты не боишься если, мы будем взаимно сражаться“,

— ылуагъ Ащмэзым.
— сказал Ашемез.

Лъэгуцжаклэмрэ ишъузырэ язакъотыгъ, гъунэгъуи ялагъэп.
Тлегуцжаче и его жена были одинокими и соседей не имели.
Лъэгуцжаклэр лы шынагъоу, лы пытэтыгъ, къелырэ
Тлегуцжаче мужчиной страшным, мужчиной крепким был, от него
щымылэу.

в живых оставшихся не было.

Лъэгуцжаклэм — „Ащыгъум мыш фэдэ
Тлегуцжаче — „Тогда [в то время] к этому то [буквально: подобному]
чыллэм еклуал, сиклал, сэри, зыкъэсыухъэзэрынышь сыкъэклон,
месту явись, мой юноша, и я, приготовившись, приду,
тызымызао мыхъуцтымэ“, — къыриуи клалэр
нам не сразиться (кроме как) если не будет“, — сказал и юношу
къыдигъэклыжыгъ.
отпустил обратно.

Лъэгуцжаклэм зыфилогъэ члалэм клалэр клуишь,
Тлегуцжаче о котором сказал, на [то] место юноша приехав,
епсыхи, иши ылахъи, клалэми иклакло ыубгъуи,
слез (с коня) и, своего коня спутал и, юноша свою бурку расстелил и
клалэри хъэзуазэу ащ ышъхагъ итыгъ. Лъэгуцжаклэ
юноша и расхаживая взад-вперед нею над стоял. Тлегуцжаче
ащ фэдэу зэуакло клоны зыхъуклэ, зыгорэклэ щэ
тому подобно сражаться итти [надо] когда стало, на всякий случай стрела
къытефэу улагъэ хъумэ, зыщифэрэ улагъэр хъужьэу,
в него попадая, раненым если бывал, притираемая рана вновь ожи-
зы мыжъоупцлэ горэ илагъ. А мыжъо-
вляясь, один камень мягкий (т. е. оселок) какой-то имел. И тот осе-
упцлэри къыздиштишь, Лъэгуцжаклэр къэшэси, клалэм дэжы
лок мягкий с собой взяв, Тлегуцжаче на коня сел и юноше к
къэклуагъ. Калэм дэжъ къэсэу зеублэм, Лъэгуцжаклэр епсыхи,
приехал. Юноше к подъезжать когда начал, Тлегуцжаче слез
щэ мыпсахъ фыжъ щэкли иклакло ыкылу тырильхъи,
и стрел неотделанных белых тридцать на бурку сверху положив,
клаклом зытетысхъажым Лъэгуцжаклэр, Ащмэзыми иклакло
на бурку когда сел Тлегуцжаче, и Ашемез на свою бурку
ищэхэр тыритакуи, ари клаклом тетысхъагъ. Нэбгыритлуми
свои стрелы рассыпал и, и он на бурку сел. И души две [т. е. чело-
яшкончхэр къызэфашти, Лъэгуцжаклэр къэгушыишь:
века два] их ружья взаимно взяли и, Тлегуцжаче разговорившись:
„А, сиклал, о усабий цыкылу, ышэ рапшлэу сыоонэп“, —
„А, мой юноша, ты дитя малое, первым я в тебя не буду
стрелять“, —

къыриуагъ. — „Ихъау, пелуаныжъ, сэ сиклэлагъэ о
ему сказал. — „Нет, богатырь старей, до моей молодости у тебя
фыуиоф шылэп о ужаклэ фыжы хъужыгъэу, сыоощтэп,
дела нет, твоя борода белой ставши уже, я в тебя стрелять не буду,
о ыпэ рапшлэу къао“, — ылуагъ. Сыдыми Лъэгуцжаклэр
ты первым сюда стреляй“, — сказал. Как бы [то] ни было Тлегуцжаче
ыпэ рапшлэу емыомэ, мыхъунэу хъуи, Лъэгуцжаклэри
вперед если не выстрелит, станет стало и, и Тлегуцжаче
къеуагъ, клалэри къыулагъ.
выстрелил и юношу поранил.

Клалэр клалэ бэлахъэти, клалэри къеуишь, Лъэгуц-
Юноша юношей отчаянным так как был, и юноша выстрелив, и Тле-

жаклэри кыулагъ. Ащмэз къео къэси, Лъэгуцжаклэм кыу-
гуцжаче поранил. Ашемез стреляя, каждый раз в Тлегуцжаче попа-
тыригъафэтыгъ, ау мыжьоупцлэр щифэти, кыызэрэтефагъэм
дал, но оселок [оселком] он тер так как, как попадал, [так]
тетэу, кыжьытыгъ. Клэлэ цыкlor зыгъэкыжьын, цылагъэп.
и заживала рана. Юношу маленького так, что могло бы исцелить, не было.

Ар Ащмэзыми ышлэтыгъэп. Ау, шлоклалэти,
Этого и Ашемез не знал. Но, против него молодым был так как,
пхъхасытыгъ, пхъэтэпэмыхъ ышлытыгъ. Клалэми ижь хэтыжьы,
его жалел, равным (себе) не делал. Юноши и его дыхание в нем
кьодиеу зэхъум, ыукыжьыпэни ымыдэу,
находилось только когда стало, его убить совсем не соглашаясь,
Лъэгуцжаклэр къэшэси, елэбэхи, клэлэ улагъэр
Тлегуцжаче на коня сел и, и руками с (земли) поднял и, юношу раненого
кыыздиштишь, илэрыгъыпсырэ ыкорэ азэфагу кыдылэхъи,
с собою захватив, и ремни от стремян его бедрами между положил и,
клалэм иш онэ зетель лэдэжьэу Лъэгуцжаклэр
юноши и его лошадь оседланную в поводу [ведшим] Тлегуцжаче
кыэкложьыгъ. Клалэр шышлоу лъапсэм ыгъэлыгъи, шыхэри ыгъэуцужьхи,
вернулся. Юношу около коновязи корня положил и, и коней поставил и,
унэм ихъэжьышь шъузым рилуагъ, зэрэхъутгъэр: „Моу
в дом войдя, жене сказал, как стало [произошло]: „Таким
щыгъэу клалэр кыдэсхъагъэшъ зылэджэ, чэу лъапсэ горэм
образом, юношу внесши, когда умрет, плетня под корнем каким-
члэтлэжь“, — ылуишь, шъузым рилуагъ, имыжьо зыдэщылы-
нибудь закопай“, — сказав, жене сказал, свой камень, где он ле-
гъэм ыгъэлылыжьы, — „Сэ зы члэплэ горэм сыкlot“, —
жал, (туда) положил обратно и — „Я в одно место какое-то поеду“, —
ылуи, дэшэсыкли, дэклигъ Лъэгуцжаклэр.
сказал и, (со двора) на лошадь сел, выехал Тлегуцжаче.

Лъэгуцжаклэр зехъэм, ягуащэ кыкылишь, унэм клалэр
Тлегуцжаче когда отправился, его жена, выйдя, в дом юношу
рихъагъ. Псы фабэрэ сабынрэджэ дэгъоу улагъэу тельхэр
внесла. Водой теплой и мылом хорошо раны, которые лежат,
ытхъакли, мыжьор кышти, улагъэу тельмэ защэфэм,
промыла и, камень взяла и, раны, которые на нем лежат, когда
улагъэхэр хъужьыгъэх. Клалэм ыгу нахъ псынклэ
натерла, раны зажили. Юноши его сердце более легким
хъужьыгъэ, шъузми клалэр дэгъоу ыгъэшхагъ.
стало, и женщина юношу хорошо покормила.

— „А сиклал, цыф земыгъашлэу, кложь ыдж“, —
— „О, юноша, (ни одному) человеку не давая знать, вернись теперь“, —
ылуишь, Лъэгуцжаклэм ягуащэ рилуагъ. „Сыкложьытэп, тян,
сказав, Тлегуцжаче его жена ему сказала. „Не вернусь, наша мать,
сэ“, — ылуагъ. — „Ау сьольэлут, ылуагъ, лэплэгъу кысфэхъури,
я“, — сказал. — „Но я тебя попрошу, сказал, помощницей для меня стань и
Лъэгуцжаклэр сэгъэуклы“, — ылуагъ.
Тлегуцжаче мне дай убить“, — сказал.

— „О фэукытэп, ори, сэри тызэдигъэкlot“, —
— „Ты не сможешь убить, и тебя, и меня нас вместе он уничто-
кырилуи шъхъае, елъэуи хъуи, укыкляу илэр
жит“, — сказала и хотя, ее просить стал и, убить способ, который

кырылуагъ. „Лъэгуцжаклэ лы кючлэшху, — ылуагъ, —
имеется, ему сказала. „Тлегуцжаче мужчина великой силы, — она ска-
унэу зэрылым уних ыпэклэ шы, —
зала, — комнаты, в которой он лежит, шесть комнат ее впереди находятся, —
ылуагъ, — укыбзих ыпэклэ луль, — ылуагъ, — яблэнэрэ унэми
сказала, — шесть замков ее впереди находятся, — сказала, — в седьмой и ком-
укыбзэ егъэтыгъэу, ежъ илъ, — ылуагъ. „Ежъ зэрыль
нате, замком запертой, сам лежит, — сказала. „Сам он где лежит,
унэм узихъэджэ, уимыльэгъузэ, укышлэт“, — ылуагъ. Умэ
в комнату когда войдешь, тебя не видя, он узнает“, — сказала. Твой
еунышъ, укызышлэджэ, ори, сэри тызэдигъэклот“, — ылуагъ.
запах учуя, когда узнает, и тебя, и меня, уничтожит“, — сказала.
„Сыкышлэтэп, тья, тхъэм ылуагъэр хъун, унэу
„Меня он не узнает, наша мать, богом что сказано, то будет, в комнату,
зэрылым сицъэри, ипэклор члэгъ сычъэгъэгъуальхъ“, — ылуагъ.
где он лежит, меня введи и его кроватью под спрячь“, — сказал.
лэпорэм сызэрэчлэлъэр, кымыльэгъунэу, пэлухъохэр кыфэшых;
Под кроватью, что я лежу, чтобы он не видел, занавеси для того
сделай;

сыкычлэкынышъ, зычъеджэ, шлосыбзыт“, — ылуагъ. Шъузыри
я оттуда вылезу, когда он заснет, его зарежу“, — сказал. И женщину
гъусэу кыгъоти, Ащмэзэр Лъэгуцжаклэр зэрылырэ унэм
помощницей найдя, Ашемеза Тлегуцжаче, где он лежит, в комнате
лэпорэу итым ычлэгъ чигъэгъольхъагъ. Лъэгуцжаклэм ежъ
кроватью, которая стоит, под спрятала. Тлегуцжаче (он) сам
шъэжъые дэгъу горэ илэти, а шъэжъые дэгъум шуи-
нож хороший какой-то имел так как, тот нож хороший если
мыбзымэ, нэмыкырэ гъучлэ лэкланэ
против воли его не зарежет, (то) другого железа куска
шурышлуклэ шуибзынэу шытэп.
по хорошему против его воли чтобы зарезать, нет.

Лъэгуцжаклэм ишъэжъые клалэм кырыти, клалэри лэпор
Тлегуцжаче его нож юноше она дала и, и юношу кроватью
члэгъым чигъэгъуальхы, Лъэгуцжаклэри кьепсыкыжы, унэм
под спрятала, и Тлегуцжаче, с лошади слез и, в дом
ихъажыгъ. Чэщ зэхъум, унэм, адрэ унэмэ укыбзэ
вошел. Ночь когда настала, в комнату, другие комнаты замком
кьаригъэтзэ, яблэнэрэ унэу ежъ зэрылырэм, ихъэжы, шъузри
запирая, в седьмую комнату, он сам где лежит, вошел и, и женой
игъусэу гьольжынынхэ зэхъум:
вместе ложиться когда стали:

— „Шыфымэ еу мыщ“, — ылуи, уцугъэ
— „Человеческий запах слышен здесь“, — сказал и, стал [говорить]
Лъэгуцжаклэр. — „Тэ кыкынын шыф, зыплъахъба...,
Тлегуцжаче. — „Откуда возьмется человек, посмотри кругом...,
исэп“, — ылуагъ, шъузым. Сыдми
не сидит“, — сказала жена. Как бы то ни было
шыф имысыджэ, ригъэштагъ.
человек что не сидит, ему она доказала.

А чыплэм клэлэ шыклым игугъу кышыгъ Лъэгуц-
В этот момент юноше маленьком о [нем] сказал [сделал] Тлегуц-
жаклэм: „Сыдэу хъужыгъа клэлэшыклор“? — зелом,
жаче: „Что сталось с мальчиком?“ — когда сказал,

— „Узэрэдэклэу, лыешь, зэрэпуагъэм, тетэу, мыщ
— „Как только ты выехал, так он умерши, ты сказал как, этому
фэдэ чэу льяпсэм члэстлэжыгъ“, — ыпуагъ. Гъольыжыхи, Лъэ-
подобно плетня под корнем я закопала“, — сказала. Они легли и, Тле-
гуцжаклэр чыыягъэу, шъузыр мычъыягъэу, клалэр мэклэ-маклэу кы-
гуцжаче спящим, жена неспящей, юноша мало-помалу из-под
члэклошъи, шъэжъые дэгъу ылыгъти, Лъэгуцжаклэм ыпу
низа выбрался и, нож хороший держал так как, Тлегуцжаче его
дэгъэзыягъэу чыыеу, лэльэныкъоджэрэ ыжаклэ ыубыти,
ртом обернувшимся вверх, спав, одной рукой его бороду схватил и,
псынклэу шъэжъыеджэ епхъуишъы, Лъэгуцжаклэм ыпшъэ пипхъугъ.
быстро ножом ухватив, Тлегуцжаче его шею отсек.
Шъузри кызыщыхъушъути, джэхашъом кытеуцожъи, Лъэгуцжаклэри
И жена вскочила и, на пол встала и, и Тлегуцжаче
уклыгъэ зэхъум: „Тян, — ыпуагъ, — кысфэпшлагъ, —
убитым когда стал: „Наша мать, — сказал он, — ты для меня сделала, —
ыпуагъ, — сызфаер; тынэ силэшь, ащ уфэдэу
сказал, — то, что я хотел; нашу [здесь: свою] мать я имея, ей подобной
услыгъын, тятэ зыуклыгъэр сэбгъэуклыжыгъэшъ,
тебя я буду держать, нашего отца кто убил, ты дала мне убить так как,
угу хэзгъэклытэп, уццэлэфэ
тебя не обижу [твое сердце не заставляю выйти], ты будешь жить пока,
нэс“, — ылуишъ, нэф зэшъым, Лъэгуцжаклэм былымы-
до тех пор“, — сказав, рассвет когда настал, Тлегуцжаче имуще-
шлоу ыугъоигъэр зэклэ кумэ аришлахъи, Лъэгуц-
ство хорошее, которое он собрал, все в арбы положил и, Тлегуц-
жаклэм ягуаци кушъхъэм кытригъэтлысхъи, ядэжъы
жаче его [их] супругу, на верх арбы посадил и к себе [домой]
квэкложыгъэх. Ятэ зыуклыгъэр ымыуклэу, цыф
вернулся. Отца кто убил, не убив, [ни с одним] человеком
езэгыгъэп.
не согласился.

ЛЕВИ БРЮЛЬ О ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНЕНИЯХ В МЕЛАНЕЗИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В своей статье „Выражение притяжательности в меланезийских языках“¹ Леви Брюль пишет:

«[Меланезийские языки]... отличаются от других [малайских и полинезийских] известным количеством расхождений (par un certain nombre de points), из которых наиболее замечательным является следующее: имена существительные делятся в них на два класса...» (стр. 96)

Кодрингтон [Codrington] в своей [книге] „Меланезийские языки“ [Melanesian languages], — продолжает автор, — отмечает, что деление имен на два класса представляет собою «...одну из существеннейших черт [un des caractères essentiels], по которой какой-либо говор определяется как меланезийский [в отличие от полинезийских. — Н. Я.]» (ib., стр. 96).

«Первый класс (имена, принимающие [притяжательный] суффикс) состоит из имен, обозначающих члены тела, части предмета [les parties d'une chose], предметы [находящиеся] в тесной связи с человеком — les objets en relation étroite avec un homme (его оружие, рыболовные сети и т. д. — ses armes, son filet de pêche, etc.), отношения родства [les relations de parenté] и некоторые предлоги, обозначающие отношения в пространстве: сбоку чего-нибудь, выше чего-нибудь, возле чего-нибудь, вдали от и т. д. [des rapport dans l'espace: à coté de, au dessus de, près de, loin de, etc.]. Второй класс обнимает все остальные имена [при которых принадлежность обозначается отдельным словом, находящимся перед именем. — Н. Я.]» (ib. стр. 96—97).

В употреблении этих двух форм принадлежности, — как говорит Леви Брюль, — «каждый язык в большем или меньшем числе имеет свои исключения [présent des exceptions], которые [грамматически] не выражены в самих именах существительных и которые определяются лишь обычным их употреблением [que l'usage seul indique]... Гораздо более многочисленны эти исключения в языке Фиджи. Но этот язык, хотя и чисто меланезийский, подвергся сильнейшему влиянию соседних полинезийских языков, и, возможно, эти исключения тем самым и объясняются...». «Сверх того, когда речь не идет ни о частях тела, ни об отношениях родства, ни о частях предмета, но о предметах, находящихся в тесной связи с человеком, для европейца часто бывает затруднительно уловить смысл этого различия. Так, например, в языке Мота [Mota]: na usupa — „его лук“ („na“ — суффикс); non o wose — „его весло“ („non“ — притяжательное слово) нельзя понять, почему „лук“ принимает суффикс, а „весло“ его не принимает...» (ib. стр. 97) [потому что лук может входить в личную собственность, как изготавливаемый и употребляемый

¹ Lévy-Bruhl. L'expression de la possession dans les langues mélanésiennes. Mémoires de la société de linguistique de Paris, t. XIX, fas. 2, p. 96—104. Paris, 1914.

отдельным человеком, а лодка и все то, что к ней относится, представляет собою общую собственность, и весло, таким образом, не может постоянно находиться в руках одного определенного гребца. — Н. Я.]

«Эти суффиксы, таблицу которых дает Кодрингтон для тех языков, которые он изучил..., в общем — следующие: для 1-го лица — „g, k“ или „ku“; „m“ или „ma“ для 2-го лица; „n“ или „na“ — для 3-го. В языке Мота: рапе — „рука“, па рапек — „моя рука“ („па“ — это член, артикль), па рапета — „твоя рука“, па рапена — „его рука“ и т. д. (Кодрингтон, „Меланезийские языки“, стр. 267). Эти суффиксы являются просто личными местоимениями в сокращенной их форме (sous forme abrégée), как это доказал Кодрингтон. Во множественном, двойственном и тройственном числе эти суффиксы представляют собою личные местоимения в неизменном виде.

«При именах второго класса, т. е. при тех, которые не принимают суффикса, принадлежность выражается словом, которое ставится перед именем: так, в единственном числе, в том же языке [Мота]:

1-е лицо —	pok
2-е	— pom
3-е	— pop и т. д.

«Это слово состоит, во-первых, из знакомых уже нам суффиксов „k, m, n“ и из слова, которое на деле является существительным и которое обозначает „нечто принадлежащее чему-либо: pok gasal — „мой нож“, pok разлагается на „по“ — нечто „принадлежащее“ и „k“ — „мне“» (ib. стр. 97—98).

Далее Леви Брюль отмечает, по данным Кодрингтона, что второй класс в свою очередь подразделяется в меланезийских языках на подклассы числом от 2 до 4, принадлежность при которых выражается различными притяжательными словами (стр. 98).

«Меланезийские языки, — продолжает автор, — точно выражают те разновидности принадлежности [des modalités de possession], которые остаются нераскрытыми [implicites] в наших языках» (ib.), и приводит примеры: «Так, в языке Фиджи: uluqu — „моя голова (как часть моего тела). Но kequ ulu — „голова, которая принадлежит мне (для еды)“, поqu ulu — „голова, которая принадлежит мне (для продажи)“. В языке [островов] Нового Мекленбурга: a uratigu — „мои мускулы“, agu urat — „мое мясо (которое я собираюсь есть)“, а katigu — „моя печень“, agu kat — „моя печенка (которую я намереваюсь съесть)“» (ib., стр. 99).

Далее Леви Брюль, между прочим, говорит, что, по словарю Hazlewood, в языке Фиджи принимают суффиксы определяемые, например, в следующих случаях: «край одежды, дно предмета (горшка, коробки), конец [чего-либо], острие раковины, скорлупа (кокосового ореха), высота или поверхность предмета, задняя сторона предмета, ручка известных предметов, колючки растения, срединная часть [сердцевина] предмета, грядка, в которой посажены растения, щепки или отломанные части какого-либо куска дерева, корка (la scoute), мелкие куски предмета, строки какого-нибудь стихотворения, длина, ширина, цвет какого-либо предмета, промежуток между ногами какого-нибудь лица, внешняя поверхность дома, дерева и т. д.» (ib., стр. 100). Короче говоря, здесь, очевидно, имеется в виду отношение или части к целому, или принадлежности — к обладателю ее.

Далее Леви Брюль говорит об отношениях родства, включаемых в первый класс, который мы называем классом неотчуждаемой принадлежности.

«К тому же классу принадлежат вообще названия родства. Меланезец говорит „мой брат“, „мой дядя (со стороны матери)“ в той же форме, что и „мой глаз“, „моя рука“. Это значит, что он считает себя частью своей фамильной группы [groupe familial] в такой же степени,

в какой рука есть часть его тела. Иными словами, самосознание [con-science], которое индивид имеет о самом себе, как об индивиде, уживается в нем с самосознанием, которое он имеет о себе самом, как о члене группы; они обоснованы одно другим и, если какое из них и преобладает, так это несомненно второе. Ограничусь лишь одним доказательством: в языке Mota слово, которое обозначает „мать“, совпадает со словом, которое служит для обозначения подразделения группы (подгруппы) [речь идет о половозрастных группах. — Н. Я.], называемого „veve“, отличаясь от него лишь присоединением показателя множественности (ga). Итак, „мать“ произносится „ga veve“. И это не потому, что родство человека обозначается так по его матери, но наоборот, потому, что его мать называется так, как будто она является представительницей того подразделения группы, к которому он относится; как будто он не является ребенком отдельной женщины, но всей ее родни, для которой она произвела его на свет (Codrington, „On social regulations in Melanesia“, Journal of the Anthropological Institute of Great Britain, XVIII, p. 308). [Здесь нельзя не привести параллели из абхазского, где: «ан» — „мать“, «ан-цва» же — в современном языке „бог“, но исторически представляет собою множественное число от слова „мать“, т. е. первоначально это слово, очевидно, являлось названием материнской подгруппы в целом. — Н. Я.]. То есть, можно сказать, что меланезийская семья ни в какой мере не похожа на европейскую семью. Все женщины определенной категории являются матерями данного ребенка: каждая из этих женщин есть мать всех детей ее подгруппы (ср. Codrington. The Melanesians, p. 21, след.)» (ib. стр. 100—101).

«...знание этих общественных установлений позволяет видеть, что известные явные неправильности являются наоборот совершенно правильными формами. Так, в своей грамматике — Grammatik der Neu-Mecklenburgischen Sprache, p. 68, миссионер Peekel отмечает, что говорят: hahin i gu — „моя сестра“ (суффиксальная форма) и: anugu hahin — „моя жена“ (форма второго класса). Это потому, что сестра является членом той же подгруппы, что и ее брат (родство считается исключительно по женской линии); следовательно, меланезиец должен употребить в этом случае [притяжательный] суффикс. Так как жена берется всегда из другой подгруппы, то естественно, что для ее обозначения не применяется суффиксальная форма».

«Первый класс имен включает в себя еще слова, обозначающие остатки пищи, кожуру бананов и т. д. В меланезийских обществах, как и во многих других, эти остатки или отбросы никогда не оставляются на месте еды. Каждый тщательно [собрав] берет с собою свои — в маленькой коробочке, подвешенной на его руке, и должен, возвратясь домой, удостовериться в том, что они сгорели без остатка вплоть до малейших кусочков. В самом деле, если какой-либо враг завладеет самым маленьким кусочком из этих остатков, то ему стоит только передать их колдуну, чтобы иметь таким образом средство погубить неблагоприятного. Каким образом возможно это? Язык показывает нам то, что существует в мышлении меланезийца. Он говорит „мои остатки [пищи]“ тем же способом (в суффиксальной форме), что и „моя рука“ и „мой брат“... Между ним самим и остатками его пищи существует интимная сопричастность [participation intime], в результате которой всякое действие, производимое над остатками пищи, есть действие, производимое над ним самим. [Здесь выражение, употребляемое Леви Брюлем, в сущности мало что объясняет. Дело не в том, что между человеком и известной категорией предметов, составляющих его собственность, существует какая-то интимная связь, а в том, что эта известная категория предметов, составляющих личную собственность человека (в том числе, очевидно, и пища, которую начал есть человек, а следовательно и остатки ее), мыслится как нечто неотчуждаемое,

неотъемлемое от самого индивида и тем самым — как нечто противоположное другой категории его же собственности, — отчуждаемой, могущей путем дарения или иной формы обмена переходить в руки других индивидов. Интересно, что к первой категории принадлежат не только материальные объекты, но и такие явления из области понятий, как собственное имя человека, чего не отмечает в своей статье Леви Брюль. В этом, между прочим, проявляется монистический взгляд первобытного человека на материю и сознание, на живую и мертвую материю и т. д. Предмет неотчуждаемой собственности мыслится как бы продолжением живого организма собственника, слово-понятие имеет такую же материальную силу, как и предмет и пр.—*Н. Я.*] „Остатки пищи и человек, который поел, в представлении туземца Нового Мекленбурга, являются, так сказать, лишь одной и нераздельной реальностью [une seul et même réalité]; поэтому и говорят: di te ru iau — „он похитил меня“ вместо того чтобы сказать: — di te ru ra subanagu — „он похитил мои остатки пищи“ ([цит. из:] Peckel. Religion und Zauberei auf dem mittleren Neu-Mecklenburg, p. 103)». [Замечательный пример отождествления смыслового субъекта и объекта, т. е. человека и принадлежащих ему отбросов и выделений, — отождествления, вырастающего именно на основе реально существующей неотчуждаемой собственности. — *Н. Я.*].

«Из сходных соображений, наименования некоторых предметов, постоянно употребляемых человеком, будут принадлежать к первому классу, тогда как наименования других предметов, на первый взгляд не менее полезных, не получают притяжательного суффикса. Объяснение этого различия, которое вначале не привлекает внимания европейского наблюдателя, проистекает из того, что предметы, которые [в языке] принимают суффикс, являются для туземца или, по крайней мере, были некогда для него, тем же, чем являются по отношению к нему остатки его пищи, обрезки его ногтей, его волосы, его кровь, его экскременты и т. д. — [т. е.] нераздельными частями его личности [вернее, наоборот, именно благодаря тому, что первобытный человек на известной ступени развития стал считать некоторую часть орудий, оружия и других материальных предметов неотчуждаемой ни при каких условиях личной собственностью отдельного члена общества, под этой же формой затем он стал мыслить и принадлежность членов и органов своего тела, а впоследствии и различных его выделений — всему своему организму.—*Н. Я.*]. Эти предметы, — продолжает Леви Брюль, — в силу интимной сопричастности, представляют собою не что иное, как единое целое с ним самим [ne font qu'un avec lui]. Напротив, в отношении оружия, украшений и [охотничьих и рыболовных] снастей [d'une arme, d'un ornement et d'un engin], которые не являются его в указанном смысле, которые он приобрел от другого или которые он согласен продать, он естественно употребляет притяжательное слово [le mot possessif], чтобы обозначить, что данный предмет есть просто его собственность [est simplement sa propriété]“ [лучше сказать: его собственность, предназначенная для обмена или полученная путем обмена. — *Н. Я.*].

«Из всего вышесказанного следует, что в меланезийских обществах чувство собственности [le sentiment de la propriété] [?!—*Н. Я.*] на известные предметы теснейшим образом связано с чувством индивидуальности [sentiment de l'individualité] и что одно почти совпадает с другим. „Я“ каждого человека не представляется ни ему самому, ни другим как строго ограниченное поверхностью [la surface] его собственного тела. Имеется известное число предметов, которые сопричастны природе этого „я“. Это, вообще, помимо экскрементов и выделений, — предметы, которые были произведены [ont été produits] данным индивидом или которые находились в частом соприкосновении [en contact fréquent] с его телом: его одежды, его оружие, его украшения. Мы видим также, что в случае смерти человека их уничтожают или в самый момент кончины, или,

чаще, когда порываются последние связи между недавно умершим и той социальной группой, членом которой он был. Дом или хижина, в которой он жил, почти всегда разрушается. Если чужой для группы человек жил в ее среде, то его дом также разрушается, когда он умирает. „Можно подумать, — говорит Seligmann, — что дом женатого человека так тесно [si intiment] связан с членом чужого клана, который в нем жил, что в известной мере его можно рассматривать как ставший тождественным с ним самим в такой степени [de sorte que], что не годится, чтобы после его смерти этот дом продолжал существовать среди обитателей деревни (est impropre à continuer d'exister parmi les habitants du village)“ (Seligmann. *The Melanesians of British New Guinea*, p. 13, note 2). Точно так же, „когда Маори умирает (на Новой Зеландии), те из его одежд, которые он носил или которые были в соприкосновении с ним во время его болезни, или сжигаются в случае его смерти, или погребаются вместе с ним... Но если он имел другие одежды в запасе, они не уничтожаются в случае его смерти: они переходят к его наследникам“ (Eldon Best. *Maori Eschatology*. *Transactions of the New Zealand Institute*, XXXVIII [1905], p. 159).

«Эти предметы, которые „представляют собою одно целое“, в полном смысле этого слова, с самим индивидом [qui ne „font qu'un“, au sens plein de ce mot, avec l'individue], естественно, требуют такого же уважения, как его собственная персона. Трогать их без его разрешения это значит подвергать его опасности, это значит ранить его, это значит причинить ему смертельную обиду... Но эта обостренная чувствительность вовсе не является абсурдной, если дело идет о предметах, которые являются частью индивидуальности самих туземцев» (ib., стр. 101—103).

Далее Леви Брюль приводит аналогичные обычаи, говорящие о воззрениях на некоторые предметы собственности различных народов других частей света — Южной Америки, Южной Африки и Камеруна, не отмечая факта существования в языках и этих народов двух грамматических категорий выражения принадлежности. Между тем такие факты засвидетельствованы и для Америки (северо-западные американо-индейские языки) и для Африки (суданские языки).

Заканчивает свою статью Леви Брюль следующими словами:

«Не продолжая перечисления этих фактов, можно считать за доказанное, что здесь существует представление или ощущение [sentiment] отношений, которые очень далеки от того, что мы называем „собственностью“ и „владением“ [possession]. Это скорее отождествление предмета собственности с личностью собственника. Меланезийские языки имеют то преимущество, что делают так сказать ощутимым различие между этими отношениями сопричастности и тем, что вообще называется принадлежностью [possession]. Их деление имен существительных на два класса имеет, стало быть, социологический [т. е. историко-общественный. — Н. Я.] интерес, и внимательный анализ этого лингвистического факта может способствовать точному объяснению некоторых [общественных] учреждений низших [?] обществ» (ib., стр. 103—104).

Крупной заслугой Леви Брюля является то, что он обратил внимание на лингвистический факт существования двух грамматических категорий для выражения принадлежности в меланезийских языках и постарался придать этому вопросу широкий историко-общественный или, как он говорит, социологический интерес. Однако главный недостаток его статьи заключается в подмене причины следствием. Известная реальная историческая причина, которая лежит, конечно, не в мировоззрении меланезийцев и других народов, а прежде всего в развитии производительных сил общества той эпохи и в выросших на его основе производственных отношениях, породила и в строе общества, и в его языке, и в сознании людей ряд новых понятий об „органической“ неотчуждаемой принадлежности. Леви-Брюль же считает, что, наоборот, мышление,

даже „ощущение“, как он выражается, т. е. общественное сознание, разъясняет эти факты и служит основной их причиной.

Правильное объяснение фактов существования представлений об органической собственности (принадлежности) в мышлении и языке дает нам Маркс в только что опубликованной, но написанной еще в 1857—1858 гг. работе. Маркс говорит о существовании совершенно иного представления о собственности при первобытно-общинном строе в своих формах, предшествующих капиталистическому производству,¹ когда он исследует вопрос о том, что должна была вообще представлять собою собственность в ее первоначальной форме: „Собственность означает, следовательно, первоначально не что иное, как отношение человека к его естественным условиям производства, как к принадлежащим ему, как к своим, как к *предпосылкам, данным вместе с его собственным бытием*; отношение к ним, как к естественным предпосылкам его самого, образующим, так сказать, лишь его удлиненное тело. У него собственно нет отношения к своим условиям производства, а дело обстоит так, что он сам существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно — в этих естественных неорганических условиях своего существования“.²

Какое замечательное совпадение между гениальным определением первобытно-общинной собственности, данным Марксом, и теми представлениями о неотчуждаемой принадлежности (собственности), которые сохранились в широком круге языков, унаследованных от первобытной общины! Точный научный анализ, даваемый Марксом, проливает свет и на то, „отождествление“ или неразличение (вернее — на ту „сотелесность“) субъекта собственности и действия и их объекта, которые вскрылись во многих языках, хотя и оставались до сих пор неразъясненными.³

¹ См. „Пролетарская революция“, № 3, 1939, стр. 150.

² *Иб.*, стр. 165. Тот же факт устанавливается Марксом и несколько выше по отношению к первоначальной форме специально земельной собственности: „... отношение к земле, как к собственности трудящегося индивида (который поэтому с самого начала является не просто трудящимся индивидом, не абстрактно, но имеет в собственности на землю *объективный способ существования*, являющийся заранее существующей *предпосылкой* его деятельности и не представляющий ее простым результатом, но являющийся такой же предпосылкой его деятельности, как его кожа, его органы чувств, которые он, правда, тоже воспроизводит и развивает и т. д. в процессе жизни, но которые как предпосылка предшествуют самому этому процессу воспроизводства), сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида, как члена *определенной общины*, его естественно сложившимся бытием, как члена племени и т. д.“ (*иб.*, стр. 159—160). В самом начале работы Маркс излагает ту же мысль: „... собственность (т. е. отношение отдельного человека к *естественным* условиям труда и воспроизводства как к принадлежащим ему, как к объективным условиям), как найденное им в виде неорганической природы тело его субъективности, представляется для него опосредствованной тем, что связующее единство, реализованное в деспоте как отце этого множества коллективов, наделяет отдельного человека через посредство той общины, к которой он принадлежит“ (*иб.*, стр. 152).

³ Ср. Н. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, Л., 1940, стр. 54—55 и в данной работе, стр. 25.

ЕВ_1941_ОГО_492

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Введение	5

Часть I. СИНТАКСИС

Глава 1. Предложение в целом	15
Сообщение и предложение	15
О порядке слов в предложении	17
Интонация предложения	18
Типы предложений, понятие о наклонениях	19
Глава 2. Связь слов в простом предложении	23
Главные члены предложения	23
Развитие форм субъекта, объекта и предиката	24
Сказуемое и дополнительные слова	28
Формы дополнительных слов	29
Субъектные и объектные префиксы сказуемого	31
Непродуктивный (непереходный) и продуктивный (переходный) обороты	33
История развития оборотов	38
Происхождение непродуктивного и продуктивного оборотов	39
Определенная и неопределенная формы дополнительных слов	44
Побудительные обороты	49
Связь и противопоставление сказуемого и дополнительных слов	55
Косвенные дополнения и сказуемое	61
Дательное дополнение	61
Местное дополнение	63
Орудное дополнение	66
Превратительное (материально-качественное) дополнение	67
Оборот с косвенным объектом	68
Косвенно-побудительный оборот	71
Оборот с обобщенным субъектом (т. наз. «безличный») и страдательный	72
Понятие о залогах	75
Второстепенные члены предложения	75
Обстоятельственные слова и сказуемое	75
Качественное и количественное определение и определяемое	76
Оформленное качественное и количественное определение	79
Относительное определение и определяемое или определительное дополнение и дополняемое	80
Оформленное дополнение при дополняемом	84
Составное (именное) сказуемое	85
Согласование сказуемого с субъектом и объектом в числе	89

	<i>Стр.</i>
Управление нескольких сказуемых падежом одного подлежащего	90
Порядок слов в простом предложении и инверсия	90
Обращение сказуемого в дополнительные слова и обратно	92
Развитие простых предложений	93
Слитное предложение или предложение с однородными членами	102
Глава 3. Синтаксис сложного предложения	105
Сложно-подчиненное предложение	105
Определительные, дополнительные, субъектные, объектные и предикатные придаточные предложения	107
Обстоятельственные придаточные предложения	116
Придаточные предложения обстоятельства времени	116
Одновременность	117
Предшествование во времени	119
Последовательность во времени	122
Придаточные предложения обстоятельства места	122
Придаточные предложения обстоятельства образа действия	123
Придаточные предложения обстоятельства причины и следствия	124
Придаточные предложения обстоятельства цели	125
Условные придаточные предложения	126
Уступительные придаточные предложения	130
Придаточные предложения, выражающие дополнение при глаголах со зна- чением „говорить, ощущать, сознавать“	132
Прямая и косвенная речь	135
Прямой и косвенный вопрос	141
Управление падежом одного общего подлежащего придаточного и главного предложения	143
Употребление союзов при однородных придаточных предложениях	143
Сложно-сочиненное предложение	144
Развитое сложно-подчиненное предложение	146
Общий обзор придаточных форм сказуемого	156
<i>Таблица I. Связь придаточных форм со сказуемым главного предложения (с помощью суффиксов) . . . . .</i>	<i>157</i>
<i>Таблица II. Связь придаточных форм с дополнительными словами того же придаточного предложения (с помощью префиксов) . . . . .</i>	<i>164</i>
<i>Таблица III. Придаточные формы со значением обстоятельственных слов . . . . .</i>	<i>172</i>

Часть II. ЛЕКСИКА

Лексика	206
Развитие слов	224

Часть III. СЕМАТИКА

Семантика	244
Словарь наиболее употребительных именных и глагольных префиксов	273

Часть IV. МОРФОЛОГИЯ

Морфология	283
----------------------	-----

Глава 1. Местоимение	286
Личные местоимения	286
Указательные местоимения и наречия	289
Притяжательные местоимения	292
Происхождение притяжательных местоимений в адыгейском языке	299

	Стр.
Вопросительные местоимения и наречия	304
Определительные местоимения и наречия	305
Неопределенные и отрицательные местоимения и наречия	306
Глава 2. Глагол	306
Спряжение простое и сложное (именное)	307
Простые и производные глагольные основы	311
Как найти корень адыгейского глагола	319
Основная форма глагола	320
Залог непродуктивный (непереходный) и продуктивный (переходный)	320
Побудительные залог	327
Залог с косвенным объектом	329
Косвенно-побудительный залог	330
Начатки страдательного залога	330
История залогов	331
Отглагольные имена	333
Образование отглагольных имен со значением существительных и причастий (таблица)	334
Деепричастия	338
Времена	339
Наклонения	343
Глагольные префиксы места и личного отношения	348
Образцы адыгейского спряжения в одно лицо (таблица)	348
Изменение глагола по лицам	351
Порядок расположения личных и других префиксов	352
Прямая и косвенная форма личных и других префиксов	357
Порядок смены личных префиксов по отдельным личным рядам	367
Таблица личных префиксов адыгейского глагола	370
Спряжение глагола в два одновременных лица (таблица)	373
Спряжение глагола в три одновременных лица (таблица)	374
Изменение глагола по числам	379
Глава 3. Имя	379
Оформленное и неоформленное имя	381
Определенная и неопределенная форма имени	382
Притяжательные и указательные формы имен	383
Единственное и множественное число	384
Склонение	385
Имена со значением прилагательных	392
Наречия	394
Имена со значением послелогов	395
Имя числительное	397
Союзы	402
Междометия	403

Часть V. ФОНЕТИКА

Понятие о фонетике и фонеме	404
Глава 1. Звуковые законы адыгейского языка	409
Выделение границ сообщений и слов	409
Выделение границ слова	412
Ударение	418
Система гласных и согласных фонем	424
Таблица согласных фонем	426
Первичные сочетания согласных	427
Таблица гласных фонем	428
Некоторые звуковые законы адыгейского языка	429
Перечень отдельных фонем адыгейского литературного языка	433

ПРИЛОЖЕНИЯ

	Стр.
Приложение 1. Образцы адыгейских текстов	442
Речь тов. Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана (в переводе на адыгейский язык) . . .	442
Речь тов. Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана (русский оригинал)	443
Теучеж Цуг. Отрывок из поэмы „Война против князей и дворян“ (адыгей- ский текст с подстрочным переводом)	444
„Ашемеэ“ (из адыгейского нартовского эпоса)	446
Приложение 2. Леви Брюль о притяжательных местоимениях в меланезийских языках	454

Редактор издательства *И. И. Дольников*

Подписано к печати 16/IV 1941 г.   Ризо № 1244—552   А-37648.   Кол. печ. зн. в 1 печ. л. 52800.
Объем 29,5 печ. л. и 1 вкл. 39,62 уч.-изд. л.   Тираж 1000 экз.   Цена книги 33 руб.

Типо-литография Изд-ва Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Заказ № 914.